

63.2

К Д 21

Амирсеит

Даутбеков

ДРЕВО ЖИЗНИ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО

КУСОВ

АМИРСЕИТ
ДАУТБЕКОВ

ДРЕВО ЖИЗНИ

ГЕНЕАЛОГИЯ РОДА КУСИРАК

НИЖНЕВАРТОВСК

2006

- 0117204 -

Государственная
библиотека •
Югры

КО

Автор благодарит деда Бимырзу, отца Даутбека, супругу Зухру, сына Шалхара, дочерей Асель и Олесю, внуков Дастана и Владислава, внучек Карину, Ардак (Адель) и Анель, и всех тех, был рядом с мной, помогая словом и делом, понимал и понимает мое творчество. За умение терпеть и уметь быть рядом, чтобы не был далёк от семьи и одиноком.

Зная, что больше не будет возможности печатать свои работы, а время и возраст неумолимо требуют своей отдачи, я решил по возможности издать то, что писал долгие годы. В данной книге есть работы сына и посвящение друзей к моему 60-летию.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Из глубины веков (вступление) – стр. 4;

Открывая дверь в прошлое (предисловие сына) – стр. 5 – 6;

Глава 1 - РОДИНА, стр. 7 - 10;

Глава 2 - ГЕНЕАЛОГИЯ РОДА КУСИРАК, стр. 10 - 28;

Глава 3 - НА РАЗВАЛЕ ВЕКОВ, стр. 29 – 141;

Глава 4 – КОЧЕВНИКИ (поиск автора), стр. 142 – 190;

Глава 5 – НЕ КРИЧИТЕ! ВОЛКИ! (повесть и рассказы), стр. 191 - 300;

Амирсеит Даутбеков – человек интересной судьбы. Учитель, охотник, рыбак, кактусовод, резчик по дереву, написавший несколько книг о природе северного края и людях Югры. Особо хотим отметить фактор поиска во всех работах автора: в любой среде тонкой линией присутствуют элементы исследования, независимо – природа или человек. Данная книга изобилует неизвестными и трудными именами для читателя, критиков, но обладает сугубо человеческим фактором.

Почему-то мы с удовольствием слушаем династийные споры королевы в Англии, с удовольствием слушаем подробности о семье Романовых, восторгаемся семейными драмами чужих фамилий, но не заботимся о своей генеалогии.

Автор четко осознаёт свою линию, не сползает в генеалогию других и добивается только одного – совершенствования поиска. Родился в год Собаки, поэтому много времени посвятил изучению своей родословной. Августовский Лев жалеет, что не побывал в различных библиотеках мира, чтобы знать больше о тюрках-арийцах. Просто, как человек – мобилен, коммуникабелен, пишет о разном и для разных. Приятен текст, легко читается и что интересно – есть желание прочитать ещё раз, а это значит – есть востребованность.

Редакторы.

ISBN 5–87247–404–0

АМИРСЕИТ ДАУТБЕКОВ

Повести и рассказы.

Редакторы: Н.П.Смирнов, Ш.А. Даутбеков.

Художник - А. Даутбеков

Фотографии из личного архива автора.

© А.Б. Даутбеков

© МУП «Типография г. Нижневартовска»

ОБ АВТОРЕ

ДАУТБЕКОВ АМИРСЕЙТ

БЕКМУРЗАЕВИЧ родился 16 августа 1946 году в Казахстане. Детские годы провел в посёлке Подгорный, юношеские годы прошли при интернате в селе Первомаевка Чимкентской области.

В 1968 году окончил педагогический институт имени Н.В. Гоголя в Кызыл-Орде. Работал учителем физики, зам. директора в городе Джамбуле Казахской ССР.

После переезда в Западную Сибирь, начал работать учителем, директором школы, заведующим райОНО, получил второе образование – учитель основ безопасности жизнедеятельности. В Западной Сибири - 25 лет. Награжден знаком «Почетный работник Министерства образования Российской Федерации». Грант Сороса «Учитель физики средней школы» за 1997 и 1998 года. Ветеран труда, работает учителем.

Писать начал с 1983 года. Основная цель - составление генеалогии своего рода, которую закончил в 1997 году. Первая публикация его рассказов об охоте и рыбалке состоялась в газете «Варта» 4 июня 1994 году, через год – газете «Местное время», которые представили его читателю города, района и округа, как любителя природы. Автор работ о родном крае, вошедших в ежегодный городской альманах «ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ: история и современность», раздел «Литературное краеведение». Его рассказы представлены в окружном альманахе «Эринтур», областной газете писателей России и Русского Зарубжья «Тюмень литературная». Периодически печатается в местных газетах.

Вышли в свет книги:

- «Золотой дождь» - миниатюры о природе;
- «Писатель в рабочей спецовке» - очерк о писателе Н.П. Смирнове, члене Союза писателей России;
- «Древо жизни» - о генеалогии рода Кусирак автора;
- «У северного костра» - рассказы о природе.

Живет в Нижневартовске.

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Мне близка тема «Древа жизни» А.Б.Даутбекова. Много раз примеривался и я к своей сибирской родословной, моей малой родине — деревне Иска на юге Тюменской области, но книга не складывалась, рукопись приходилось откладывать на неопределенное время.

Амирсеиту Бекмурзаевичу в этом отношении посчастливилось больше. За десять лет напряженного труда он воссоздал полновесную историю своего рода Кусирак, корнями ушедшего еще к временам Чингиз-хана. Воображаю, сколько пришлось перелопатить материала в архивах и библиотеках, сколько организовать встреч с земляками на территории обширного Казахстана и вне его! По собственному признанию А.Даутбекова, «...через своих предков мы всматриваемся в самих себя, через каждое поколение, постигая свое назначение и цель». Автор «Древа жизни» считает, что «генеалогия — это ключ к разгадке многих тайн, это возрождение духовного, нравственного, биологического и генетического потенциалов. Казахи выработали универсальную систему родства. Через семь колен они вновь группируются и создают новые роды, племена и аулеты. Этот естественный процесс признан мировой цивилизацией...».

В представленной генеалогии одного рода, как в частице мозаики, суммирована биография всего народа. Сочетание мельчайших подробностей и эпических картин (например, о хане Шаггре), бесстрастной статистики, лаконичных характеристик предков из временных давностей и современников делает «Древо» зримым, текст читабельным, чем-то даже магнетизирующим.

В созвучии с содержанием меняется палитра красок, ритмика изложения, авторский настрой, но понятия «народ», «время», «родина», тоска по южной родине северянина остаются неизменными. Именно с родины и начинается повествование А.Даутбеков, сопрягая ее с личностно-конкретным и общим.

Родом Амирсеит Бекмурзаевич из аула Саркырама, где за азиатскими тополями, по просоленным равнинам, в предгорьях заснеженного Таласского Алатау бродят вольные запахи трав, веют ветры, кружат в небе остроклювые беркуты, скрипят тяжелые повозки, в полынь-бурьяне промелькивают дрофы, витают кизячные дымки, бурлит и пенится на перекатах своенравная речка Аксу, выстреливая брызгами навстречу звездам в ночном небе.

Отец Даутбек и мать Хадиша, дедушка Бимырза и бабушка Улжан — все близкие описаны автором тепло, зримо. Детей у Даутбека, главного инженера Кельтемашатской шахты, немало. Они составили новый аулет (объединение родственников) во главе с братом Амирсента Бекмурзаевича Асылханом, а сотворить летопись во славу Семиречья было суждено Даутбекову-северянину. Для степняка вопрос: «Какого ты рода и племени?» - не праздный. Веками казахи выстраивали нацию, ныне исчисляемую миллионами.

Род Кусирак берет начало от легендарного батыра Токсента, героически отразившего врагов-налетчиков. Другой предок, Майки-би, за 120 лет пережил семь всемогущих ханов. Мудрый, он заложил многие обычаи и традиции казахского народа. Его знает и чтит все Семиречье и Казахстан.

«Древо жизни» может стать путеводителем по истории Казахстана. «Эта книга, — как определяет сам автор, — завещание одного поколения другому, наказ умирающего старца юноше, начинающему жить, эстафета бегущего во времени». Актуальна она и для России, где в годы большевизма и демократии многое было растеряно, обесценено.

На страницах «Древа жизни» — мир, простершийся по степям и горам, с саками, ордами гуннов и джунгар. Там же история тюрков, присоединение к Российской империи, и современного Казахстана. Мельчайшие, часто доселе неведомые широко читателю, подробности впечатляют, горячат, учат постигать вечное, оставлять после себя здоровые семена и всходы. А это главное.

Родословная удалась!

Николай Смирнов,
член Союза писателей России
г. Нижневартовск, июль 2004 г.

ОТКРЫВАЯ ДВЕРЬ В ПРОШЛОЕ

Отца зовут Амирсеит (Амир Сейид), так хотел дед. А это повелось из глубокой казахской старины: сыновей и внуков старались называть по имени людей, оставивших свой след на Земле, подвигами или словами, идеями или делами. По крови он – казах, в нем живет неугасимая страсть к перемене мест, странствиям и вольной степи. По профессии – учитель физики и ОБЖ, любимый у учеников и уважаемый среди родителей. Момент истины, с которого жизнь родителя круто поворачивает и течет по иному руслу, начался с поселка Радужный Нижневартовского района Тюменской области, куда его направил работать в 1980 году директором только что построенной школы. Именно тогда у него сложился замысел книги, которую собирал и писал долгие пятнадцать лет, много лет дорабатывал. Нет, он не писал день и ночь, писал тогда, когда к нему сниходило озарение сверху.

Его историческая проза – как проза, в какой-то мере вторична. Вторичность заключается в том, что работа писателя с течением времени становится своего рода фотографией эпохи и по ней можно судить о том, как жили люди в это время, что они чувствовали, какова была их психология.

Исторический роман – это взгляд на историю глазами сегодняшнего дня. Исторический писатель показывает то, как понимается история и воспринимается прошедшее в настоящем времени. Но подобная вторичность совсем не отменяет Майн Рида или Джека Лондона, они совершенно не устарели, и на их сочинениях воспитывался и отец, и я. Просто в наше время изменилась конструкция общества. Карамзина и Соловьева читает отец, очень редко я, а мои дети, потрогав приличные фолианты Ключевского руками, стараются держаться подальше от них. Им стало привычнее держать в руках пульт от телевизора, а не книгу, не думать, ибо экран приносит все удовольствия, происходящие в мире.

Историческая повесть, являясь промежуточным жанром между романом и новеллой, предоставила отцу наибольшую свободу по выражению идей в передаче жизненного материала. Зная, что повесть – наиболее свободный и наименее ответственный эпический жанр, родитель сделал моментальные снимки фрагментов действительности той поры, уже ставшей историей. Ему удалось восстановить имя деда, прадеда, и многих других, вплоть до основателя племени, живших в прошлом времени.

Приметы времени служат, прежде всего, красочным фоном для нравственной интерпретации событий. Выбор эпохи согласуется с принципами восприятия истории, как веры в Отчизну: надо знать, что любишь; чтобы знать настоящее, нужно иметь сведения о прошедшем. Мне кажется, что и я был участником и свидетелем описанных событий, так как родился там и бывал во многих указанных местах вместе с отцом в недавние времена. Видимо, это уготовано мне судьбой, пройти по жизни, побывать в различных местах Земли, чтобы потом, сегодня и завтра, оправдывать свое присутствие на земле и продолжить дело отца.

Собственно писатель начинается с создания художественного образа. Знание фактов – это материал. А затем, как только начинаешь представлять образ человека, пусть еще в тумане, начинается писательское творчество. Оно начинается тогда, когда сидишь и думаешь – почему наш герой поступил так-то и так-то, когда по всей логике должен был делать иначе. И отец, связывая в памяти рассказы деда, отца, их видных гостей и прочитанное, объясняя прошедшие события, осмысливая ситуации и что-то домысливая за героев, создает повесть – частичку истории своего рода.

История прошлого всегда интересна и удивительна. Открытость и колоритность действующих лиц, чарующая прелесть времени, могучее величие обстановки и мест действия как бы сами просятся на кончик пера. Словами своего деда, отец описывает прошедшую эпоху, которую можно условно разделить на три части: характеристика народа; личность, определяющий ход истории; время и пространство.

Маленькая повесть имеет целью, по возможности сжато и полно, представить все эти моменты в истории отдельного рода казаха. Ослабевший за последнее время в обществе интерес к прошлому своего народа, побудили отца приложить старание к воспроизведению событий как можно ближе к истинной действительности. С целью наибольшей точности в описании отдельных персонажей, он ограничил количество фигур и увеличил соответствующие времени бытовую культуру. Причем, работая с источниками, старался везде, где это возможно, более точно и осторожно выписывать данные архивов.

В элегическую атмосферу повести родитель с самого начала ввел историографию и археологию края, где родился, вырос, прожил определенное время, доводится бы жить сейчас. История становится предметом изображения, а не декоративным фоном для отчета. Героями выступают члены генеалогической ветви рода Кусирак, где каждый вносит лепту в становление края. Через них автору дается благодатная возможность рассказать о подлинных событиях минувшего времени во всем их трагизме и блеске.

Повесть выделяется своей житейской основой, которую отец сумел использовать для выражения автобиографических мотивов и ощущений. Тем более, что эта форма предоставляет ему удобную возможность сочетания высокого предмета вечных истин с прозой повседневной жизни. Исповедальный характер написанного опирается на монолог пожилого человека, нравственное кредо которого «добродетель есть вершина любого деяния».

Чувствуется заметное влияние на автора казахской истории, выделяется стремление найти поучительные моменты в прошедших событиях. Показала потребность высшего патриотизма и взглядов, которые, соединяясь с изучением местности и потребностей, отражают прошлое и действительность. Используя эти творческие принципы в историографии родины, отец с большей художественной силой воплотил их в исследованиях своего края.

Автор не выдумывает, просто искусно комбинируя ставшие со временем свои обширные познания в этой области, с реальностью и придавая этим самым удивительную достоверность работе, доказывая тем самым, что прошлое не существует само по себе – оно в душе того, кто следует ему. Удивительно правдиво сказал об этом Бомарше: «Жить – это значит бороться. Я пришел бы в отчаяние, если бы узнал, что бороться – это значит жить».

Почувствительные события давно минувших дней есть центр познаний автора – как единственного условия творческого развития. Не нужно пытаться сравнивать его с известными авторами, а его работу расценивать, как подражание великим писателям. Мне кажется, что маленький труд, проникнутый огромной любовью к своей родине, соответствуют словам известного римского поэта: «Feci quod potui; faciant meliora potentes. (Я сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше).

Автора интересуют внутренний мир и противоречия общества: он слушает людей, наблюдает за процессами, высказывает свои мысли. Старается разобраться и понять хитросплетения политики и объяснить прошедшее своими словами. Казахская историческая проза отца, тесно связанная с русской культурой, оказалась под влиянием разных направлений – сентиментальных, философских и деписательных, своеобразного синтеза русского языка и казахского образа мышления, обусловившие написание собственной повести. Мне кажется, здесь есть много поучительного, а самое главное, открывается мир неумно-любопытного человека, тонко анализирующего ситуацию.

Читая работы отца, вы наткнетесь на слова – «на развале веков». Много я думал над тем, что означают эти слова, и понял – это итог сжатого во времени события, значимого для родителя. Перед вами проскочили события минувших веков. Начался отсчет нового XXI века и нового тысячелетия. Каким оно будет третье тысячелетие – вот главный вопрос.

На развалинах прошедших веков возвышается его и моя родина, где стоят новые дома, под крышами которых рождаются и вырастают сотни людей нашего рода. Поэтому, считает отец, обязанность каждого человека состоит в том, чтобы крепить этот дом, сохранить то, что еще осталось от прошлого, а главное душу и возможность духовного поиска. И слава Всевышнему, что родина и духовный поиск для отца неразделимы. Есть ради чего работать, творить и есть надежда на будущее.

Порадуемся по-хорошему, за спиной у отца приличное количество лет. Родившись, сразу после Великой Отечественной войны, он прошел тяжелую науку жизни, познав нищету послевоенных лет. Из XX века пришел опытным бойцом, шагая сквозь тернии и преграды в XXI век. Скорее мудрым странником, идущим из века в век, в глубь веков, мимо веков и зыбких силуэтов прошлого, раскросившихся развалин, что выстроились в нашей памяти, как свидетели тех давних времен.

Родитель взял в руки волшебную, словесную кисть, заполняя провалы, цементируя бреши в исторических знаниях, чтобы укрепить стены, починить крышу родного дома. Призрачное прошедшее постепенно обретает определенные очертания. Оживают слова, сливаются в голоса, начинают двигаться вместе с героями, окружают нас, втягивая в споры, трагедии, страсти. Возможно, что его реальные герои не делали в точности многолетних шагов, так как воспроизвел автор, но я чувствую всем своим нутром, что они шли по тому же пути.

Книга написана внуком деда для детей и внуков, которые передадут ее дальше своим детям и внукам.

Шалхар Даутбеков. 2005 г.

РОДИНА МОЯ

В каждом из нас живет понятие о Родине, одновременно проецируясь в трех временных измерениях, принадлежащих прошлому, настоящему и будущему. Если выпадает одно из звеньев, то расплывается и образ родного края. Для меня нет ничего дороже Малой Отчизны, в которой есть место любви к отчужденному дому, материнской ласке, первых шагах по земле, грохоту речки, шелесту трав. С четырнадцати лет я вдалеке от дома отца, короткими наездами воскрешая память о былом. Нет, слез не было, но тоска сидела и сидит прочно во мне желтой былинкой, качающейся на сквозном ветерке Югории.

Родина — это красивое и высокое, нежное и сложное понятие, состоящее из различных определений и священной тайны каждого человека. У того, кто произносит это слово, свое отношение ко всему окружающему, свои чувства и мысли к прошлому. Они разные, по-своему выстраданные, состоящие из простых вещей и пространственно-временных ощущений.

Родина — это понятие, которое не может слагаться из умозрительных или философских рассуждений. Это не очертание на карте, часовые или географические меридианы. Оно состоит из конкретных вещей, которые живут в памяти, в сравнении и сопоставлении.

Родина — это аул и река, дом и тропинка, красота родной природы, песни и сказки бабушки, предания и легенды деда, рассказы отца, плач матери, заразительный смех тетушки и различные истории родственников.

Родина — это память, возвращающая меня на тысячи километров в безбрежную холмистую и разноликую степь, к синеватым горам со снежными вершинами и вечнозеленым предгорьям, где стрекотали и стрекочут кузнечики, разносится опьяняющий запах маков и полыни, цветут тюльпаны и нежные подснежники.

Родина — это любовь к высоким азиатским тополям, что растут около родного дома, вкусу кумыса, приготовленного матерью, запаху дыма и свежей лепешки в тандыре бабушкиного дома, ласковой и грозной, веселой и шумливой реке Аксу.

Родина — это величавая Югория, где живет моя семья. Она является частичкой огромного государства, куда приехал тридцатитрехлетним отцом вместе со своей семьей в 1979 году. Мне повезло — в советскую эпоху успел побывать в Ленинграде и Москве, Владивостоке и Омске; служил во Владивостоке, побывал в Индийском и Тихом океанах; Надьме и Уренгое, Тюмени и Сургуте, помню Ханты-Мансийск и приятную старину Владимира начала 1980 года, бережно сохраняемую людьми для истории. Изъездил и исходил Нижневартовский район, рыбачил на Оби, Вахе и Агане, охотился на Ван-Егане, Сороминке, Ватинском Егане, стоял на границе Азии и Европы. И это все Россия — Отчизна, впитавшаяся в меня с молоком матери, наставлениями отца в те недавние советские времена.

НОСТАЛЬГИЯ

Сколько бы ни прожил казах, Казахстан навсегда останется для него единственной родиной, ибо она подарила мне жизнь и соединила с человеческим родом. Так уж устроен человек, он вечно стремится размышлять о родимой сторонке, подводить итоги своей жизни. Где бы ни встретились два казаха, они расспрашивают друг друга об одном и том же: кто ты, какого рода и племени, кто твои родственники, близкие и знаком.

Аллах! Великий и всемогущий! Пожелай здоровья и благополучия мне и семье, близким и дальним родным, всем тем, кто со мной рядом и вдалеке.

Прошло более сорока лет с тех пор, как я уехал из своего дома, дома отца Даутбека и матери Хадиши, имею квартиры в Джамбуле (Таразе) и в Нижневартовске, но ни на миг не сомневаюсь в том, что когда-нибудь вернусь туда, на родину, родную Саркыраму. Если бы нынешние казахи помнили вкус настоящего кумыса, настоящего на горькой полыни, травы с далекого Дешт-и-Кипчака, степной запах, который будоражит кровь и лишает покоя, то они никогда не забывали бы свою землю.

*Ему ты песни наши спой,
Когда на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок полынь степной*

И дай ему — и он вернется.

Сидя у костра в тайге или у реки, прислушиваясь к шуму леса, шепоту листвы и журчанию воды, бормотанию глухаря в раннее утро или гоготанию диких гусей, я часто вспоминаю свой детский край. Осенью и весной, высоко подняв голову, встречаю и провожаю клинья журавлей, вспоминая далекую родину, неповторимую молодость. Это аул, спрятанный за высокими азиатскими тополями в предгорьях Таласского Алатау, который расположился на границе трех районов и знаменитого на весь мир заповедника Аксу-Жабайлы. Край, где начинается речка моего детства, шумливая и крутонравая Аксу, а вместе с ней и ледушку Бимырзу и бабушку, отца и мать, тетушку Саткуль-апа, старших и младших братья и сестренки, близких и дальних родственников.

*Наверное, родина — это как раз то,
что ты всегда видишь, а другой — нет ...*

Где бы я ни был: на Дальнем Востоке, Тихом и Индийском океанах, над Марианской впадиной, на Балтике, Украине, Белоруссии, исколесив на машине Сибирь и Казахстан, я понял только одно — везде хорошо, но свой аул лучше. Это сладковатый запах кизяка, горящего в тандыре-печке, блеяние баранов, черное бездонное небо, усеянное звездами, прохладные и тихие вечера в кругу родных. Что-то такое невыразимое, вызывающее ноющую боль в груди. И невольные наворачиваются слезы на глаза, когда подъезжаешь к давно знакомым пейзажам долины реки Аксу.

Это моя родина, родина моих предков, родина, где родился я, от казаха рода Кусирак Даутбека и казашки рода Шылмамбет Хадиши. Там же рядом, в Кызыл-Орде, родился сын Шалхар, в Джамбуле — дочка Асель, и они, прожив со мной более пятнадцати лет, сказали: «Все, папа. Мы вас любим, с вами хорошо и сытно, но мы уезжаем домой, в Казахстан».

Прожив и проработав более тридцати лет в Нижнеартовске и районе, стал думать о том, что, по всей вероятности, начинаю стареть. Видимо, приходит определенное время, и надо уезжать на родину, где родился и похоронил девяностолетнего деда и семидесятилетнего отца. Каждый раз во сне и наяву я вижу фиолетовые горы с белыми ледниками, покрытые маком предгорья, шумливые на перекатах речки и тихие озера, желтую выгоревшую степь и густую зеленую пшеницы, набирающую силу от солнца.

*Наверное, родина — это нечто такое, чего
терять нельзя, ибо после этого тебе
уже нечего будет терять ...*

Способность помнить дана нам для того, чтобы не забывать. Много стирается в моей памяти, которая, к сожалению, постепенно превращается в тающий на солнце ком сибирского снега. Можно многое забыть, но родину, детство забыть нельзя.

Речка моя Аксу! Помню твой стремительный бег весной, голубую струю летом, твои высокие и обрывистые берега и огромные камни-памятники времени, которые стоят тысячи лет и будут памятью не одному поколению рода Кусирак.

*Е-ей-й-й! Спокойно, домбра, расскажи на двух струнах
о тех днях, когда была радость и грусть, покой и
грозное время, про тот костер, у которого грелись
мои родственники и о чем они говорили, вспомни про
то солнце, горы, небо, ветер и землю.
Напомни мне сказания и легенды об ушедших людях ...*

Извилистые трещины в огромных камнях, словно морщинистая тайнопись тысячелетий, которые можно прочесть знак за знаком, строка за строкой и, осторожно листая страницы, войти в книгу истории. Спрессованные камешки, земля и песок, словно гигантское полотно, оживляют тени давно минувших эпох. Если прижаться к огромным камням и прислушаться, то слабый ветерок доносит эхо далеких дней, шум речки, тревогу гор, шелест песков, землетрясения, голоса людей, напоминающих о былом величии моих прауродителей, их страданиях, радостях и победах.

Камни, отшлифованные ветром и водой до гладкости зеркала, и камни, отшлифованные временем, подобно кинжалу, застыли, словно человеческие слова. В них — горькие слезы ребенка, страстный крик юноши, мудрая исповедь старика. Их зов — то настойчивый и требовательный, то негромкий и таинственный — зовет и увлекает в глубину столетий.

*Е-ей-й-й! Прекрасна ты, земля моих предков! Тысячи
лет даришь жизнь людям, и тысячи лет они топчут*

тебя — воистину ты терпелива, земля! Мне бы твою терпеливость и доброту, тогда бы и жизни не было конца...

Причудливы эти круглые камни — памятники над речкой Аксу, огромные — в моем детстве, маленькие — когда прожита жизнь. Созданные природой, они сотни и тысячи, а может, и миллионы лет стоят возле моста над речкой к аулу, словно сторожевые пространства. Крепко потрудились над ними само Время. И теперь, выстояв перед ним, они, как маяки, указывают дорогу усталому путнику. Потомки не смогли разрушить это чудо природы. Камни гордо стоят в одиночестве, как часовые, охраняя покой речки и напоминая людям историю земли, историю предков.

Е-ей-й-й! Мне бы твою мудрость, небо, мне бы твою вечность, солнце, мне бы твою силу, ветер, мне бы твою щедрость, земля, чтобы рассказать и передать потомкам то, о чем поведали мне предки...

Почти каждый год я приезжаю на родину и прохожу мимо этих камней. По дороге домой, которая меняется от времени, усталый и измученный, останавливаюсь возле них, бессознательно прикасаюсь к ним. И приходит успокоение, умиротворение, то единственное время, когда я нахожу путь в спасительную тень веков. И будто все воскресает во мне: камни шепчут на страстном языке прародителей, и среди множества голосов я узнаю голоса прадеда, деда и отца. Чистые и тихие, они пробиваются сквозь годы, как родник сквозь толщу горы. Они долго живут в моей памяти, не давая покоя, приглашая вновь вернуться и дослушать их, понять истину времени. Даже здесь, в Югории, я иногда слышу голос деда. Спокойный, мерный, негромкий, словно речка в сентябре, он передает мне историю о далеких предках и давно ушедших днях.

Е-ей-й-й! Дедушка-дедуля! В моей памяти вы сохранились, как чистый источник воды — родник, где я могу отдохнуть и освежить память. Я всегда буду помнить вас в белой одежде старца, провозжавшего внука-студента и протягивающего дрожащей рукой пять рублей. Теперь и сам дед, я хочу быть похожим на вас и в мыслях, и в делах...

Милая Саркырама! Часто вспоминаю мельницу и электростанцию на берегу речки Аксу, первый радиоприемник-тарелку и дом, где родился. Помню брата Асылхана, сильного и драчливого, таскающего мешки с зерном на плечах, вечно строгого Абдрамана, кукарекающего на крышке кипящего котла Абдыкадыра, красавицу Анар и работника-певца Сеита. Как можно забыть белого ишака, прожорливых коров, для которых мы косили сено, возили солому, первые самодельные лыжи и страшную кузницу! Коромысло и ведра были моими вечными спутниками деревенской жизни. Никогда не забуду стаю красных волков, бродивших по нашему двору. Землетрясения и грязевые сели, доставивших страдания людям, да и многое другое, что упорно живет в моей памяти, как ностальгия босоногого детства.

Сторона моя неотделима от ароматов предгорий, как и ароматы неотделимы от нее. Разнолика и прекрасна она в любое время года. Запах казы упорно держится у предгорий зимой, цветущие сады сводят всех с ума весной, ожидание первых фруктов — летом, осень — это время своих и чужих урожаев. Так было всегда и останется на всю оставшуюся жизнь.

Закрытые дворы насквозь продуваются ветрами с ущелья Шаптак весной и осенью. Кто хоть раз попробовал бесбармак из казы двух-трехлетней давности и попил кумыс, настоящий на травах гор, тот навсегда оставит в памяти гостеприимство моих родственников. Что значит встреча братьев и сестер, племянников и родственников, собирающихся шумной толпой в одном из дворов или вместе празднующих знаменательную дату кого-то из них!

Приезжают из Ленгера Сеит, Валихан, Амирхан и Меирхан со своими семьями. Из Шымкента наезжают со своими дочками вечно недовольный Абдраман, многолетняя Анар и неунывающий Сайлау. Из Джамбула появляются Шалхар и Асель со своими домочадцами. Из Алма-Аты изредка приезжают Толен и Абен. Из Павлодара, тихо и скромно, прибывают сестренки Гульнар и Айгерим со своими родственниками. Из далекой Сибири наскоком появляемся мы.

Я приехал домой, увидел всех родственников, надышался горным воздухом, поел бесбармак и попробовал кумыс, сходил пешком в горы, искупался в речке Аксу... Но мои мысли стали часто уносить меня обратно в Западную Сибирь, туда, где охота и рыбалка, костер и уха, короткие весна-лето, красивая осень и долгая зима.

Через три дня мы стоим на балконе восьмого этажа и смотрим на зеркала озер, блестящую ленту Оби, белую березку, темно-зеленый кедр. Короткая летняя ночь густо усеяна другими звездами. Запахами иван-чая наполнен воздух Самотлора. Благодать, покой и тишина!

Сегодня мы получили известие о том, что в ауле родились еще два племянника, а здесь, в Сибири, когда-то родились внучка Карина, внук Дастан, внучка Анель, в Джамбуле появилась внучка Ардак. За последнее время появились еще родственники, пока не знаю, как их зовут, но ты, Аллах, единственный и всемогущий, дай им и их родителям здоровья и благополучия. Это мои племянники и внуки.

Родина моя! Не любя тебя, невозможно любить другой мир, ибо, потеряв тебя, мне уже нечего будет терять. Поэтому не спрашивай, где я найду покой после смерти. Мудрые казахи давно ответили на этот вопрос: «Там, где ты был до твоего рождения».

МОЙ АУЛ Географический обзор

Аул Саркырама располагается в сорока километрах к северо-востоку от районного центра, города Ленгера и областного центра, города Шымкент (Чимкент). Аул находится на самой северной точке Толебийского (в прошлом Георгиевского, Ленинского, Ленгерского) района. В трех километрах к юго-востоку от аула расположен аул Мадани (Бидайчи). Оба аула были объединены в село Подгорное, один колхоз «Вольная Степь» (имени Сталина, XX съезда КПСС, Коммунизма), позже, в 1992 г., переименованные в исторически справедливые старые названия Саркырама и Мадани.

Территория, на которой находится аул, заселена с далеких времен. Об этом свидетельствуют многочисленные наскальные рисунки и археологические памятники. Причины раннего заселения этих мест людьми нужно искать в обилии дичи, растительности и воды, близкому расположению к хребтам Каратау. Тут найдены палеолитические, мезолитические, неолитические орудия труда древних людей.

Археологические памятники района в основном локализируются вдоль древней караванной дороги. Основной ее маршрут пролегает по трассе Сайрам—Ташкент, через села Галкино, Ленгер, Султанрабат, Первомаевское и горы Казыгурт.

Второй караванный маршрут начинается с юга Толебийского района на восток. По этой дороге, с остановкой в Сайраме, проходят караваны и обозы из Ташкента в Тараз и уходят дальше в Китай.

Третий караванный маршрут проложен вдоль современной трассы Ташкент — Чимкент — Тараз — Алматы. Автотрассе довелось проехать по древней караванной дороге еще в 1950 г. в Ташкент и Тараз. Строительство современной автомобильной дороги Ташкент-Чимкент-Тараз-Фрунзе-Алмата началось в 1960 году.

Ландшафт территории Саркырамы холмистый (800—1200 м над уровнем моря). Климат — умеренно-мягкий. Средняя температура в январе -3,9 °С, в июле +23,3 °С. Уровень осадков составляет 500 мм. Средний уровень толщины снега 35 см. Снег лежит с конца ноября до начала марта.

Рядом протекает река Аксу. Аул расположен в среднем ее течении.

О прошлом

В юго-западной части аула, на левом берегу реки Аксу находится небольшое городище 25 м, которое жители называют Базарбай-Тобе. Это многослойное городище. Северная часть его кем-то раскопана. Нижний слой городища относится к IV в. н.э.

Другое крупное поселение располагается в северо-западной части аула на правом берегу реки Аксу. В середине 60-х гг. прошлого века прямо по поселению прокладывают автодорогу Подгорное — Аккала. Его длина составляет примерно 400 м, ширина неизвестна. Там можно увидеть бесчисленное количество разбитой керамики, печи и золу. Это поселение датировано IX—XII вв. н.э. Видимо, оно — ровесник средневековому городищу Булак-Ковал, на месте которого в IX—XII вв. находился город Маданкент (ныне село Манкент), что в пятнадцати километрах от аула.

Третий археологический памятник находится в юго-западной части аула. Это сторожевой холм. На его поверхности лежат фрагменты керамической посуды. Возможно, он мог служить и крепостью. У подошвы этого холма в то время находилось какое-то поселение.

Предполагают, что поселение возле аула называлось в прошлые времена Хурлугом. Возможно, что оно было небольшим городком. К тому же аул близко расположен к Испиджабу (ныне район Сайрам). Географ ал-Мақдиси писал: «Нет вокруг него степи и нет у него ни цитадели, ни рустаана...». Ему вторит археолог Балпаков: «Локализация Хурлуга была затруднительна из-за удаленности от торговых и караванных путей. В этих местах можно хорошо отдохнуть, выпастить караванный скот, ибо рядом Маданкент (Манкент)». В IX—XII вв. река Аксу имела другое название. В старинных картах она проходит под названием Мавой.

В персидской версии сочинений Исаахри записано: «Здесь, в Келесской степи, в долине Ангрена и Чирчика, в предгорьях Чаткальского и Угамского хребтов, огузы обитали вперемешку с карлуками и другими тюркоязычными группами. Подвергшись исламизации, они частично осели в городах и сельских поселениях Шашской и Испиджабской областей».

В VI—XVIII вв. поселение Хурлуг входило в состав Испиджабской области: «Испиджаб был главным городом и крупным торговым центром на юге Казахстана, к его области причислены и города Семиречья. Вблизи Испиджаба находились многочисленные селения и города — Маданкент, Джумишлагу, Хурлуг и другие».

Известно, что в первом тысячелетии до нашей эры территорию Южного Казахстана населяли сакские племена. Жили они и на нашей территории. Сакские племена Южного Казахстана, в том числе и Тобельийского района, имели политические, экономические, культурные связи со Средней Азией. Возможно, что древние караванные пути были заложены еще саками и купцами различных стран, так как у саков Каратау и Семиречья получил развитие колесный транспорт, который способствовал прокладке магистральных дорог.

С III в. до н.э. до III в. н.э. преемниками саков стали племена Кангюй, имевшие политические, экономические и культурные связи со среднеазиатскими государствами. Об этом свидетельствуют находки иноземного происхождения: бусы из коралла, лазурита, перламутра, агата, халцедона, золотые серьги с подвесками из альмандина и жемчуга. Еще во II—I вв. до н.э. кангюйцы пытались чеканить монеты «безымянного царя» хорезмийцев. В кангюйском обществе были развиты промыслы и ремесла, торговля и денежное обращение.

В начале XIX в. территория Южного Казахстана завоевана кокандскими ханами, которые установили непосильный налоговый гнет. Так, род Жаныс должен платить кокандским ханам 2000 баранов в год и обрабатывать много повинностей. Казахи Южного Казахстана часто восставали против своих поработителей. В восстаниях участвовали и казахи, жившие по берегам рек Аксу, Бадам, Сайрамсу. На этой территории в основном жили казахи рода Жаныс. В верховьях рек Аксу и Сайрамсу жили представители и других родов.

Во главе отдельных родов стояли бии, а несколькими родами управляли султаны. Так, одним из султанов, управлявших родами Жаныс, Чымыр (Шымыр), Сейкым (Сихим), Ботбай, Кашшарын, Ысты, Кокрек, Коралас, был Аблай Адилев, прозванный казахским Куланом.

Освобождение от кокандского ига принесли русские солдаты, когда 22 сентября 1864 г. штурмом взяли кокандскую крепость Чимкент. Территория Южного Казахстана вошла в состав

Туркестанского генерал-губернаторства. На этой территории образовалась Казгуртовская волость, имевшая 2071 юрту, и часть Карамуртовской волости, имевшей 1624 юрты. Эти волости вошли в состав Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области

После Октябрьской революции происходит перераспределение территорий, районов и областей. К примеру, часть территории Казахстана вместе с людьми передается Узбекистану, и часть моих родственников из Чимгана, Чирчика, самого Ташкента автоматически становятся узбеками. На территории, где похоронены мои предки, исчезают все упоминания о былом величии рода Кусирак.

Роды	Ко л-во семей	Имена биев	Летние и зимние кочевки
Тогатай	500	Назан	Летом и зимой кочевали вдоль рек Балдырбек, Ийрсу, Комеш, Даубабы
Сарыуйсун	100	Игенбай	Летом кочевали по берегам рек Балдырбека, зимой — Даубабы и Машата
Кусирак	300	Аймамбет	Летом кочевали вдоль Сайрамсу, зимой - по берегу реки Майбулак
Шапрашты	20	Тогайбек	Летом кочевали вдоль реки Жуалы, зимой — по берегам Аксу
Шуылдак	300	Жиенбай	Летом кочевали вдоль реки Балдырбек, зимой — по берегу Бугуни

Саркырама

В середине XIX века возле крутого изгиба реки Аксу селится узбек Базарбай. Именно здесь река успокаивается, обретает синеву и становится кроткой. Старики рассказывают, что Базарбай был земледельцем. Каждый год он сажает кунак, снимая богатые урожаи. Через некоторое время хозяин решает построить дом на месте древнего городища. Отсюда и название Базарбай-Тобе. В саманные кирпичи своего дома он специально для прочности добавлял солому кунака, построив, таким образом, дом и забор. Но наступает тяжелый и голодный 1850 г. Базарбай продает кирпичи забора и дома с кунаком голодным людям за золотые, серебряные и другие ценные вещи, а также за скот. В тот год земледелец быстро разбогател.

В 1885 г. Базарбай продает свои земли возле речки Аксу казаху Буртаеву Кольбаю. Прадед строит несколько глинобитных домов, огораживая двор крепким дувалом-стеной. Впервые вставляет в окна стекло. Использует железный плуг вместо сохи, впрягая не быков, как водилось раньше, а двух коней. Место выбирают в тихом уголке, где перестает грохотать речка, правом берегу Аксу. Так образуется небольшой аул, который они называют Саркырама (родник), а местность — Кусбаккан (птичья ферма), где на сыроватых лугах кормятся множество перелетных, диких птиц.

Через три года здесь поселяются ещё тринадцать семей, через тридцать лет — переезжают шесть семей. Жителями аула становятся казахи из Старшего Жуза, племени Дулат, рода Сейкым (сихим), отделения Куирак. Дулатовский род Сейкым всегда имел свою тамгу-знак и свой флаг. Недавно была озвучена песня-гимн о нашей прабабушке Домалак-ана, я не успел ее записать, но думаю, что мои племянники успеют сделать видеозаписи.

Земледелие и скотоводство

Жители аула ведут полукочевой образ жизни. Для казахов характерно вертикальное кочевание. Весной, летом и осенью они кочуют с одного места на другое, обитая в юртах, а зимой жили в глинобитных домах возле реки Аксу. Постепенно многие жители аула переходят на оседлость. Этому способствует завоз в эти края русских кос, чуть позже и сенокосилок. Теперь можно заготавливать на зиму много сена. Скот постепенно переводится на полустойловое содержание.

Уход за скотом находится на зачаточном уровне. Нет скотопомещений, не заготавливается на зиму корма. Некоторые скотоводы используют под помещения созданные природой «пещеры-унгуры» по берегам рек. Много скота гибнет во время джута-голода и многоснежной зимы. Экстенсивность, неустойчивость остаются характерными признаками скотоводства того периода.

Кроме скотоводства население аула, в основном женщины, занимается земледелием. Сеют и выращивают пшеницу, просо, ячмень, кунжут, горох, кукурузу, чечевицу, конак, зынгыр, дыни, тыкву, арбузы.

Сельскохозяйственные орудия труда отличаются примитивностью. Вспашка полей производится деревянной сохой — «омач» и «жер-агаш» — одноконками или двумя волами. Вспаханное поле подвергает боронованию при помощи связанного в большой пучок чингиля (шентеля), крепко привязанного к седлу. Когда поспевает урожай, население выходит в поле с серпами, а обмолачивают урожаи пшеницы цепами или с помощью животных, под ноги которым бросают снопы.

Об этих краях оставили свои заметки знаменитые путешественники Н.А. Северцев, А.П. Федченко.

Так Северцев пишет: «... места к югу от Бадама, я вообще осмотрел только по дороге из Чимкента в Ташкент, в начале октября (1864 г.). За Сасыком эта дорога всходит в скалистые восточные предгорья Казы-курта и выходит из них по притоку Келеса; тут степь становится волнистой, с отлогими холмами, которые, впрочем, спускаются довольно круто. Самая сильная культура и густое население находится между Арысом, Бадамом, Машатом. Горы дают начало двум последним рекам и промежуточной Ак-Су, кроме которых для орошения служат еще небольшие речки между Машатом и Бадамом. У Бадама левый край долины крут и обрывист, но не выше 100 футов; от него к водоразделу от Казы-курта идет еще весьма чувствительная пакость верст в 20, с множеством крутоберегих лощин; главная долина тут долина речки Сасыка, которая от Казы-курта течет к Бадаму, но доходит до него только весной».

Федченко пишет: «Сейчас же за Бадамом начинается подъем в гору, с постоянными спусками и подъемами, продолжавшийся всю станцию. Станция Бекмер-Бек находится у самой высокой горы, через которую приходится переезжать на пути в Ташкент. Дорога всходит на самую вершину горы при чрезвычайно крутом и затруднительном подъеме: между тем, говорят, что, возможно, сделать удобный объезд».

Дорога через эти горы оставлена, впрочем, совершенно в первобытном виде, и так как дно оврага слишком узко и занято ложем весенних ручьев, то приходится ехать по отлогому скату боковых гор. Здесь, прежде проехавшими, пробиты глубокие колеи, сдерживающие экипаж от скатывания, но, к сожалению, не всегда, поэтому мы имели возможность свалиться на самой вершине горы, к счастью, в глубокий снег, на которой тарантас, и застрял вверх колесами. Постепенно спускаясь и переехав речку Келес, мы въехали в долину Чирчика.

Особенно много археологических памятников находится по берегам реки Бадам. В бассейне этой реки сложилась древняя земледельческая культура, имеются разрушенные крепости, укрепленные поселения, старинные населенные пункты. Берега этой реки невысокие, что облегчает полив орошаемых земель.

Большого искусства требует ведение арыков из горных речек, которые прорывают в долинах глубокие ущелья. В удобном для отвода месте устраивается продольная дамба из камня и хвороста, отделяющая часть водного потока. Постепенно русло канала-арыка повышается над уровнем реки и выводится к такому месту долины, где берега более пологие, и можно самотеком отвести воду на поля и огороды. Такого рода сооружения можно встретить на реке Аксу. Для защиты дамбы от разрыва употребляются сипайные шпторы».

Быт

Рядом с Саркырамой находится аул Бидайчи (Мадани). Мой брат Абдыкадыр пишет: «Аул до 1917 г. назывался Бидайчи. Кстати, это не аул, а только название беспорядочно разбросанных то тут, то там нескольких землянок. Те, у кого скота побольше, зимуют на берегах реки Аксу, используя под скотопомещения, созданные природой унгуры. Бедняки живут в землянках без окон и дверей. Лишь вверху в каждом таком жилище зияет отверстие, специально приспособленное для освещения и вместо дымохода. Печек нет, и чтобы приготовить еду, треножник ставят прямо на земляном полу. При любом дуновении ветра дым заполняет помещение, люди протирают глаза и гулко кашляют. От влажного земляного пола исходит неприятный запах, стены покрываются сажей. Если кому-то удавалось слепить небольшой саманный домик с крошечными оконцами — это уже счастье. Ночью жилище освещает огонек от ватного фитиля, опущенного в жир. На зиму оконные отверстия утепляют просто кошмой, шкурой или тряпьем».

Приблизительно такую же картину можно наблюдать и в Саркыраме. Первое усовершенствование делает прадед Кольбай, построивший здесь первый глинобитный дом со стеклянными оконцами и печкой-гандыром. После Октябрьской революции происходят большие изменения. Стали строить саманные дома узбекского типа, саран, кошары и подсобные помещения.

В 1924 г. рядом с аулом Саркырама, основано русское поселение. Русские до этого времени долго переезжали с места на место, не зная, где обосноваться и оказались в тяжелом положении. Тогда правительство выделяет им земли возле аула. В нижней части, возле речки, поселяются староверцы, как бы отделившись от села горкой. Отпуская бороды, жили обособленно, зажиточно, огораживая огороды забором из веток тополей. Оба села постепенно сливаются, хотя казахи жили и живут в верхней, холмистой части, а русские поселяются в долине. Аул в 1925 году, по просьбе русского населения, переименовали в село Подгорное.

Люди и судьбы (исторические вехи)

В 1926 г. жители села Подгорное строят здание начальной школы. Первым учителем становится И.А. Казенков.

В 1929 г. организован колхоз «Вольная степь». Первым председателем стал Иван Погорелов. Он проработал на этой должности до 1930 г. Первыми активистами были И.И. Трубицын, Л.К. Манченко, А.С. Остапенко, Н.Т. Лебененко. Жители села, вступавшие в колхоз, должны были сдать часть своего скота и весь сельхозинвентарь.

В 1929 г. жители села строят клуб, который действует и по сей день. Там проводят собрания, концерты и все общие вечера, демонстрируются кинофильмы. Особым успехом пользуется фильм «Чапаев» и зарубежный «Тарзан».

В 1929 г. учителем Гузеевым организован первый пионерский отряд.

С 1930 по 1931 гг. председателем колхоза избран Афанасий Тыщенко.

В 1930 г. построили магазин и несколько колхозных складов. Первым продавцом назначили И.Попкова. Первая комсомольская ячейка была создана в 1933 г. Вожаком комсомольцев становится Александр Васенин, потом Андрей Какурин.

С 1931 по 1935 годы председателем колхоза избран Иван Никитович Кадатский. С 1935 по 1936 — Игнат Васильевич Какурин. В 1936 г. создана партийная ячейка, его секретарем избрали И.В. Какурина.

Первым агрономом колхоза «Вольная степь» стал Е.Колов. В 1937 г. был куплен первый трактор «Сталинец». Первым трактористом стал Контай Тленчиев, первым молотильщиком Иосиф Иванов, тогда же бригада колхозников из села Подгорное оказывала помощь в строительстве канала им. Кирова в Пахтааральском районе, бригаду возглавил А.В. Какурин.

В 1937 г. открыта начальная казахская школа, где первым учителем становится Рахманкул Мурзагельдыев. С 1936 по 1939 гг. председателем колхоза «Вольная степь» был Иван Петрович Какурин. Начало увеличиваться поголовье скота, стали собирать отменные урожаи пшеницы и

других зерновых. С 1939 до 1940 гг. председательствовал Павел Афанасьевич Иванов, перед войной — Андрей Васильевич Какурин.

В период войны многих мужчин забрали на фронт, на их место встали женщины. Они садились за руль трактора, комбайна, принимали эвакуированных женщин, стариков и детей, посылали на фронт теплые вещи, сдавали ценности в Фонд обороны. Нужно таскать мешки с зерном, ухаживать за скотом, доить коров и многое другое, что раньше было им не по силам.

После войны стали возвращаться фронтовики-односельчане с орденами и медалями. Многие не вернулись с полей боевых сражений, и в честь погибших селян поставлен обелиск. В 1947 г. А.В. Какурин награжден медалью Героя Социалистического труда за небывалые урожаи. В этот же год орденами наградили Павла Манченко, Мамурбека Кемелова, Алексея Курусина. Медалью «За доблестный труд» наградили Лидию Какуруину и Софью Попкову.

В 1953 г. якобы по просьбе родителей закрывают начальную казахскую школу. Все ученики переходят из нее в русскую школу. В 1952 г. колхоз «Вольная степь» переименован в колхоз имени И.В.Сталина. С 1957 по 1962 гг. председателем колхоза становится Андрей Гордеевич Марчук. В 1962 г. два колхоза — им. И.В.Сталина и «Мадани» — объединены и переименованы в колхоз имени XX съезда КПСС, чуть позже — в «Коммунизм». Это происходило при Н.С. Хрущеве, когда он укрупнял колхозы и совхозы и за 20 лет хотел везде построить коммунизм.

С 1962 по 1965 гг. председателем колхоза назначен Пернебек Алгебаев, тогда колхоз перевыполнил план сдачи государству. В годы председательства Абдыхалька Байдаулетова — с 1965 по 1973 гг. — в село проведена высоковольтная линия, проложены водопровод и асфальтовая дорога Карамурт—Подгорное. В 1962 г. открыта восьмилетняя школа, реорганизованная в среднюю в 1972 г. В 1973 г. председателем начал работать Иван Николаевич Серых. В январе 1978 г. открыт автобусный маршрут Чимкент—Подгорное. В конце 60-х гг. русские, украинцы и белорусы покидают село, переезжая в города Чимкент, Ташкент и другие города. Местное население покупает дома уезжавших поселенцев и обустроивает свою жизнь на новый манер. Начинается степенная жизнь на главной улице села. Перестройка, пришедшая после брежневского застоя, короткого срока дисциплинарного Андропова и никчемного Черненко, демократический период Горбачева и Ельцина вносят совершенно другую струю в жизнь моего аула.

ГЛАВА II

ГЕНЕАЛОГИЯ РОДА КУСИРАК

В данной работе исследуется родословная автора по мужской линии. Выполняя заветы деда Бимырзы и отца Даутбека, автор с 1983 года, занимается созданием генеалогической ветви, используя устные сказания деда, записи отца, исследования брата Абдиқадира, перевел на русский язык, обработал и расширил границы поисков.

Литература:

С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. «Казахстан: летопись трех тысячелетий». Алма-Ата. «Рауан». 1992.

Абдильдаулы «Сиким Рысбек». Мерей Алматы. 1994.

В.С. Востров, С. Муканов «Родовое наследие и расселение казахов Старшего Жуза».

Дуйсенбаев Д. «Домалак – ана». Мерей. Алматы. 1994.

Аль-Халел Карпык «Белая и черная кость прошлого».

Картосхема «Главное казахское шежере». 1994.

Абдижапар Абдакимов. «История Казахстана». Алматы «Казахстан». 2003.

А. Кузембайулы, Е. Абыл. «История Казахстана». Санкт-Петербург. «Соларт». 2004.

Устные повествования деда Бимырзы.

Дневниковые записи отца Даутбека.

Исследования брата Абдиқадира.

Личные поиски, перевод и обработка.

Приход наш и уход – загадочны их цели,
Все мудрецы земли осмыслить не сумели,
Где круга этого начала, где конец,
Откуда мы пришли, куда уйдем отсель.

Омар Хайям. 1107 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

А приходилось ли вам задумываться, почему так неисчерпаем интерес каждого человека к истории своих предков, канувших в прошлое? Почему проходят годы, столетия, тысячелетия, а мы все всматриваемся в их черты, по штриху исследуем их портреты, собираем случайно оброненные слова?

Вероятно, потому что через них мы всматриваемся в себя, через каждое поколение, постигая свое назначение, свою цель. Приходит час, и мы вынуждены ответить на вопросы, которые задаем себе всю жизнь – кто я? откуда? кто мои предшественники? Какими они были? Данная работа является сознательной деятельностью, в ней начало моей судьбы, судьбы моих детей и внуков, где бы они ни жили. По-моему, рано или поздно, но мы все к этому приходим. Данная книга — итог такого осознания, остро современного, публицистического освоения генеалогии жизни отдельно взятого рода, исследованная от первого века до нынешних дней. Кроме того, в конце книги дается предположение о возникновении истории торков, написанная братом Абдикадиром и дополненная мной.

История и генеалогия открывают двери в прошлое, являясь связующим звеном между настоящим и будущим в цепи человеческих жизней. Они окрыляют человека и дают его душе силу и веру созидания. И не зря мудрые казахи всегда почитали и верили в дух своих предков (аруах). В казахской среде принято, чтобы каждый юноша и девушка обязательно знали имена, как минимум, семи своих предков (жеты-ата), чтобы не терять степень родства.

Многие люди не знают генеалогии дальше своих, в крайнем случае, дедушки и бабушки. Я считаю, что тот, у кого нет генеалогии, подобен ребенку без отца и матери, который учится на своих собственных ошибках. Родители, не сумевшие привить уважение своих детей к прошлому, похожи на бессребреников. Край, где нет своей прошлой истории, беден и скуден. Государство, не имеющее правдивую собственную историю, пусть даже с горечью, унижением и рабством, подпадает под влияние соседей или богатых людей.

В 2005 году я побывал в родных краях и совершил поездку по святым местам Туркестана – места, где покоятся Карашаш-ана в Сайраме, Арыстан-баба в Отраре, Ходжа Ахмет Яссави в Туркестане, Домалак-ана и Байдибек-ата в отрогах Каратау, отдавая дань уважения к своим и чужим, но казахским предкам. Я, как и все мои братья, являемся потомками Байдибек-ата и Домалак-ана, их сына Жарыкшака по отцовской линии.

В свете выше сказанного история моего рода тесно связана с историей моей родины – Казахстаном. Это племени и рода, жившие в течение двух тысячелетий в степи, создавшие своеобразный тип скотоводческо-земледельческого хозяйства, и соответствующую этому культуру, которые до сих пор не знают полного разрыва с традицией предшествующих эпох. Кто бы не был в истории государства, как бы не издевались над казахами завоеватели, мои земляки сохранили свои

традиции и обычаи, культуру и экономику, по крупиночке и кирпичику, передавая эстафету наследственности из поколения в поколение.

Генеалогия — это ключ к разгадке многих тайн, это возрождение духовного, нравственного, биологического и генетического потенциалов человека. Казахи, начиная с великого Майки-би, выработали универсальную систему родства. Так, периодически (через семь колен потомков и более) они вновь группируются и создают новые роды, племена или аулеты. Девушкам и юношам из одного рода запрещено вступать в брачные отношения. Такой подход входит в суть казахского мышления и образа жизни. И такая система становится естественным процессом, прошедшим через время и пространство и оправдавшим себя в мировой цивилизации. Эта система признается многими народами мира.

Казахстан — это настоящая срединная европейско-азиатская страна, соединяющая в себе историю, культуру, религию Востока и Запада. Коренное население — казахи, представляющие переходную от европеоидной к монголоидной южно-сибирской расе — смешанную туранскую расу. В языковом отношении мы принадлежим к кыпчакской группе тюркских языков. В религиозном плане казахи являются последователями ислама, относясь к суннитскому толку мусульманской религии. Они придерживаются направления Имама Азама (Абу Ханифа). Хотя казахи не относятся к глубоко религиозным народам, тем не менее, ислам играет определенную роль в их жизни. Нельзя не учитывать этот фактор при построении взаимоотношений с данной страной.

Светила медицины приветствуют запрет на вступление в брак не только близких, но и дальних родственников. Это можно сделать только через семь поколений, примерно, через 400 лет. В нравственном плане этот опыт тоже выдержал серьезную проверку, ибо обновление крови и наследственности было заложено нашими родителями в веках.

За годы Советской власти система родового деления оказалась под угрозой деградации и вымирания. Казахи стали терять свои знания по генеалогии, ставшие основанием потери своих генеалогических корней, незнанию молодыми людьми своей родословной (ата-тек). Изменения, происшедшие в начале девяностых годов прошлого века, не дали ответа, создав барьер между прошлым и будущим безответственным отношением к наследию. К концу XX века каждый род достиг четырнадцати-шестнадцати колен потомков, а процесс образования новых родов губительно затягивается, и в результате этого участились случаи вступления в брак юношей и девушек из одного рода, что является нарушением генеалогии рода.

В данной работе исследуется структура родословия казахского общества в разрезе генеалогической последовательности предков автора по мужской линии. Работа начата моими предками и передается из поколения в поколение в устной форме, записана дедушкой Бимырза на арабском языке, переведена на казахский язык отцом Даутбеком, дополнена братом Абдыкадыром, переведена на русский язык, обработана и издана мной.

Мне пришлось объездить немало мест в поисках ответов на вопросы, перевероршить большое количество литературы, потому что один вопрос влечет за собой другой, попытка осмыслить неизвестное прошлое требует осмысления временем. Надо быть знающим для того, чтобы взяться за такую тему, быть уверенным, что можешь сказать читателям нечто новое. Это позволило мне увидеть родных людей с разных точек зрения и весьма увеличить «емкость» небольшой книги. В данной работе присутствует искренность, доверительность интонации, выветренность авторской позиции, прямота, не боясь поделиться с читателями своими наблюдениями и догадками.

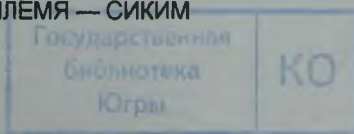
Без личного участия в событиях прошлого я не написал бы эту книгу — была бы другая. Есть в ней еще одно качество — как бы незавершенность, открытость для продолжения. Может быть, со временем ее продолжат мои потомки? Но тот, кто продолжит, уже не обойдет вниманием эту книгу, вышедшую из-под живого пера.

Как старшего сына Даутбека, одного из внуков Бимырзы, мой долг — дать своим детям, племянникам, внукам и правнукам четкие ориентиры родства в будущем.

Мы, двенадцать внуков Кольбаевых Бимырзы и Айтмырзы, основываясь на традициях и обычаях предков, становимся родоначальниками нового аулета — аулета Бимырзы (группа близких родственников-родных братьев) и его первым коленом. Такое решение мы принимаем для того, чтобы укрепить родственные узы, дать потомкам более точные представления и ориентиры в генеалогических срезах и градациях.

К КАКОМУ РОДУ И ПЛЕМЕНИ МЫ ОТНОСИМСЯ?

1. КАЗАХ
2. АКАРЫС — СТАРШИЙ ЖУЗ
3. ПЛЕМЯ — ДУЛАТ
4. ПОДПЛЕМЯ — СИКИМ

5. РОД — КУСИРАК
6. АУЛЕТ — ДОРМЕН
7. АУЛЕТ — БИМЫРЗЫ

ЧТО ОНИ СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЮТ?

У казахов есть пословица: «Жеті атасын білмейтін ер жетесіз, жеті гасыр тарихын білмейтін ел жетесіз» - сын, не знающий семерых своих предков - бестолочь; народ, не знающий свои прошлые семь веков - без поводыря».

В 1993 г. казахи вошли в состав крупных народов мира, достигнув 10 миллионов человек. В Казахстане их проживает 6 миллионов 700 тысяч, в Китае — 1 миллион 600 тысяч, в России — 600 тысяч, в Узбекистане — 400 тысяч. Казахские диаспоры имеются во многих странах мира.

В казахстанской степи складывалась народность, меняясь из века в век, волнами перекачываясь по просторам Земли. Ученые не отказываются, а наоборот поддерживают, что степной народ складывался именно в Великой Степи в определенном временном отрезке, поэтому их звали по-разному.

Жуз — это союз родов и племен. Казахский народ делится на три Жуза — Старший (Большой), Средний (Серединный), Младший (Малый), в состав которых входят сорок племен (крык ру). Наличие трех Жузов делает сообщество казахов глубоко ранжированным сообществом.

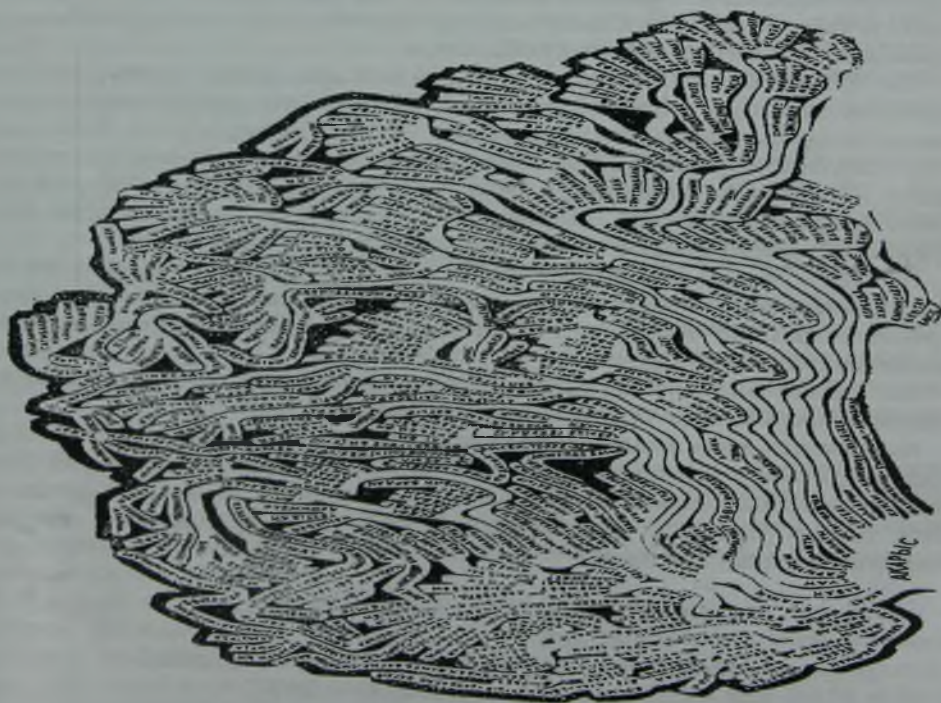
Дело в том, что старшинство существовало не только между родами внутри Жуза, но и между самими Жузами. При этом старшинство между родами и Жузами считалось по прямой линии: самый последний род Старшего Жуза имел преимущества перед самым старшим родом Среднего Жуза и дальше.

Порядок старшинства соблюдался всегда: при определении места в боевом порядке; при разделении военной добычи; при вступлении в дом и рассаживания по местам; при открытии торжества; при представлении качества предлагаемого в гостях и на пирах кушанья.

Старший Жуз — это потомки Акарыса.

В его состав входят племена Дулат, Албан, Суан, Сарьуйсин, Шапырашты, Ошакты, Ысты, Жалаир, Канлы, Шанышкылы.

Ареалом расселения племен Старшего Жуза является юг Казахстана, Синьцзянь — Уйгурский автономный округ Китая, Узбекистан, Киргизстан и другие территории. Я рассматриваю только свою генеалогическую ветвь по отцу — так как принято в доме моих предков:

СТАРШИЙ ЖУЗ (УЙСИН)

АКАРЫС

ЖУМАНБАЙ

КЕЙКИ

ТОБЕЙ

УЙСИН

МАЙКИ КОГАМ КОЙЫЛДАР МЕХРЕН

БАХТИЯР КАНЛЫ КАТАГАН

ОЙСЫЛ УЙСИЛ

СИРГЕЛИ АКСАКАЛ ЖАНСАКАЛ
(АБАК) (ТАРАК)

КАРАША-БИ ЖАЛАЙЫР

БАЙДУЛЫ БАЙДИБЕК

ШАКШАМ САРЫУЙСИН ЖАЛМАМБЕТ ЖАРЫКШАК

АЛБАН СУАН ДУЛАТ

БОТБАЙ ШЫМЫР СИКИМ ЖАНЫС

ЖАНИБЕК

КУТТЫБАЙ

ТОКСЕИТ (КУСИРАК)

ТЛЕУМБЕТ

БОКТЫБАЙ

АЛИБЕК

ШАГЫР

АУЛЕТ ДОРМЕНА

АУЛЕТ БИМЫРЗЫ

Средний Жуз — это потомки Бекарыса.

В его состав входят племена Аргын, Найман, Кыпшак, Конырат, Керей, Уак.

Ареал расселения — Средний и Восточный Казахстан.

СРЕДНИЙ ЖУЗ (АРГЫН)

ЖАНАРЫС

КАРА

АРГЫН КЫПШАК НАЙМАН КОНЫРАТ КЕРЕЙ УАК

Младший Жуз — это потомки Жанарыса.

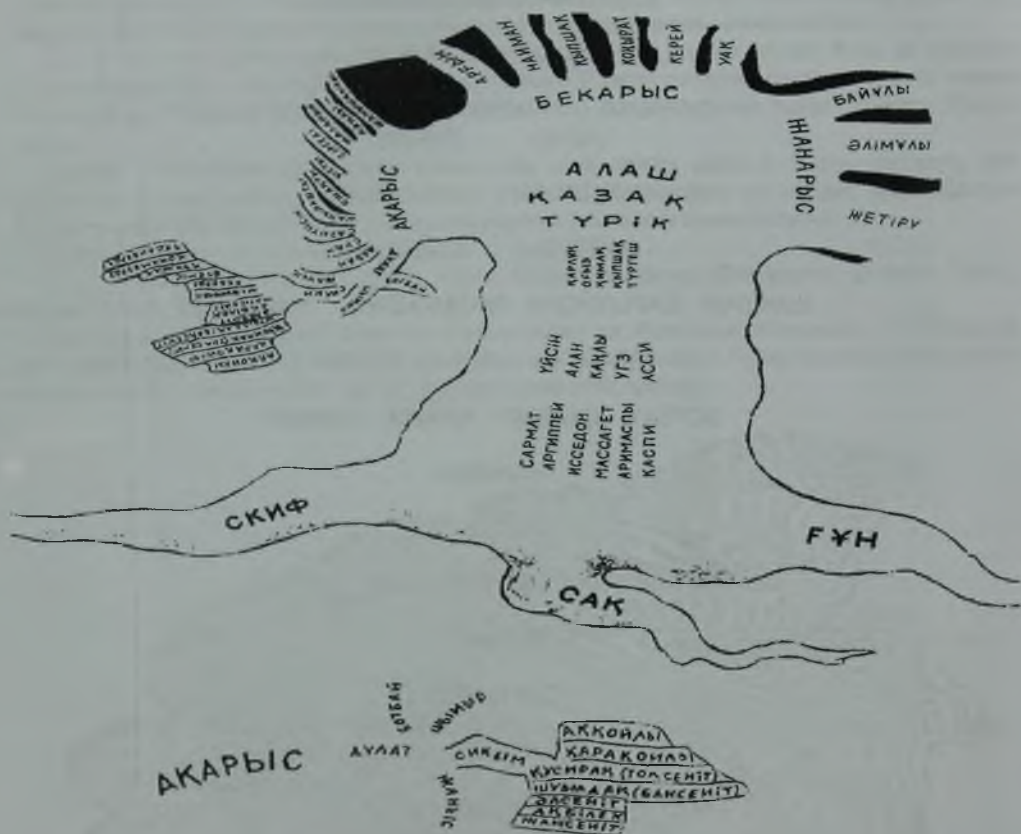
В его состав входят племена Байулы — Шеркеш, Есентемир, Таз, Ыстык, Адай, Бериш, Алтын, Жагпас, Байбакты, Тана, Маскар, Алаша, Кызылкурт; Алимұлы — Карасакал, Шомекей, Кете, Каракесек, Торткара, Шекты; Жетыру — Кердерей, Тлеу, Жагалбайлы, Рамадан, Табың, Тама, Керсит.

Ареал расселения — Западный и Северо-Западный Казахстан.

МЛАДШИЙ ЖУЗ (АЛШЫН)

БЕКАРЫС

БАЙУЛЫ   КАРАКЕСЕК   ЖЕТИРУ

Племя Дулат — могущественное, влиятельное, многочисленное и молодое племя. Оно дало много ярких политиков, экономистов, ученых, писателей, военных лидеров. Племя названо именем казаха Дулата, внука Байдибека и Домалак-ана, за его заслуги перед родом и отечеством. Племя Дулат состоит из племенных отделений Сиким, Жаныс, Ботбай, Шымыр.

Подплемя Сиким — в его состав входит большое количество казахов, живущих на обширных территориях Казахстана и Средней Азии. Сикимы — перспективное и быстрорастущее объединение людей. Подплемя Сиким состоит из родов Каракойлы, Аққойлы, Тогатай, Борас, Қусырақ.

Род Кусирак. Род для казаха имеет большое значение: сильные родственные связи и взаимоотношения, общие цели и задачи, единство и взаимовыручка. Тратовка названия рода Кусирак такова. Однажды на аул внезапно напали джунгары. Наш предок, батыр Токсеит, не успел одеться и сел на коня без брюк и сапог. Он, с оружием в руках и во главе войск ринулся на врага. Враги были разбиты. Токсеит с триумфом вернулся домой — отсюда и название рода Кусирак (голые колени).

Кусираки живут в селах Саркырама, Майбулак, Жамбыл Толейбийского района, в городе Састобе Тюлькубаского района, в селе Новотроицк Чуйского района Жамбылской области, в селе Дормен Орджоникидзевокого района Ташкентской области и других местах Казахстана. К сожалению, автор был стеснен в финансовых средствах, но поиски на этом не закончились. В род Кусирак несколько обособленно входят аламан-кусираки, потомки Кулансеита, брата нашего предка Токсеита.

Род Кусирак состоит из следующих аулетов:

1. **Аулет Дормена** — объединение близких родственников. Аулет Дормена дал семь колен потомков (по отношению ко мне и моим братьям):

1. Дормен
2. Сатемир
3. Жазы — прашур.
4. Бурта — прапрадед.
5. Кольбай — прадед.
6. Бимырза и Айтмырза — деды.
7. Каржаубай, Мамыралы, Мамырбек, Даутбек, Бердалы, Сейдаш, Абен, Абдразак — наши родители.

Аулет Бимырзы — выделение в новый клан является правомочным, созревшим во времени и естественным в пространстве. В жизнь вступает новая генеалогическая семерка, продолжение генеалогической цепи («племя—род—аулет»).

3. Отцами-основателями нового аулета являются:

1. Каржаубасв Сайлау
2. Мамырбеков Толен
3. Даутбеков Амирсеит
4. Даутбеков Асылхан (глава аулета)
5. Даутбеков Абдраман
6. Даутбеков Абдыкадыр
7. Бекмурзасв Сеит
8. Мамырбеков Отебай
9. Бекмурзасв Валихан
10. Бекмурзасв Амирхан
11. Бекмурзасв Меирхан
12. Айтмурзаев Дильмухан

В состав нашего рода входят и наши сестры: Гульжан, Ульжамал, Злиха, Анар, Айгерим, Гульнара, Куляйша, Жайсан, Боршагуль, Дильдаш, Гаухар. Интересы нашего рода выражают и наши жены.

Мы, двенадцать братьев, являемся первым коленом нового аулета, а наши дети будут вторым коленом, внуки — третьим и т.д. Название аулета дано по имени дедушки Бимырзы, являющегося для всех нас признанным духовным идеалом и нравственным ориентиром. Он для всех членов аулета является генетическим звеном и добрым символом в наших деяниях, мостом между прошлым и будущим.

Мы живем в разных местах бывшего Советского Союза, теперь России и Казахстана. Судьба разбросала нас повсюду, но родственность мы стараемся сохранить в чистоте и величии. Для меня, написавшего данные строки, как и для тех, кто живет от нас вдалеке, это является главным в жизни. Сейчас начало XXI века, все народы мира (среди них и наш аулет, маленький по масштабам Казахстана, пылинка по масштабам Земли), хотя с достоинством донести до сведения тех, кто будет жить в новом времени и о нашем времени, времени перестройки и демократии.

Гражданская война и революция достались на долю прадеда Кольбая. Великая Отечественная война выпала на долю деда Бимырзы — в ней погибли три его сына. Голод, сталинские репрессии и лишения послевоенной разрухи выпали на долю моего отца Даутбека. А нам, детям Даутбека и внукам Бимырзы, достались обновления и нищета, с которыми мы вошли в новый век.

Но я все равно я верю в лучшее. Какое бы не было время, какие бы события не были в стране и мире, мой аулет не исчезнет в пространстве. Поэтому мы и дали своему аулету священное для нас имя деда Бимырзы. В тяжелые годы он сохранил наш род, дал ему нравственное начало. Мы, родные братья, хотим, чтобы те, кто придет после нас, достойно пронесли сквозь годы сущность аулета и имя деда.

ГЕНЕАЛОГИЯ АУЛЕТА БИМЫРЗЫ

РОДОСЛОВНАЯ (ата-тек)

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПРАОТЦЫ

АРАБСКИЙ ВАРИАНТ	ВАРИАНТ ИЗ ШЕЖРЕ
1. Адам—отец человечества	1. Скифы, саки, гунны
2. Ауана (Ева)	2. Сармат
3. Шиш	Агрипей
4. Ануш	Исседон
5. Кайнан	Массагет
6. Кайнуш	Аримаспы
7. Самжа	Каспи
8. Махлейя	
9. Удрис	3. Уйсин
10. Мутушлих	
11. Лямяк	4. Алан
12. Нух (Шакир)	Канлы
13. Малик	Угз
14. Ансары	Асси
15. Анас	
16. Жабал	5. Карлук
17. Магаз	Огыз
18. Сахия	Кимак
19. Акшолпан	Кыпшак
20. Аккуай	Тугеш
21. Аламан	
22. Алаш	6. Тюрок
23. Жанылхан	7. Казах
24. Майки	8. Алаш
25. Сапиян	9. Акарыс (Старший Жуз)
26. Анырқалпак	Бекарыс (Средний Жуз)
27. Казах	Жанарыс(Младший Жуз)

далее:

1. Кейки-би (Жуман)
2. Тобе-би (Абылхаир)
3. Акарыс
4. Майки-би
5. Бахтияр
6. Уйсин
7. Аксакал
8. Айдарлы
9. Караша
10. Байдибек-ата и Домалак-ана — возведены в сан святых
11. Жарықшак
12. Дулат (основатель племени Дулат)
13. Сиким (основатель подплемени Сиким)
14. Токсит (основатель рода Кусирак)

15. Тлеумбет
16. Боктыбай
17. Алибек
18. Шағыр
19. Дормен (основатель аулета)
20. Сатемир
21. Жазы
22. Бурта
23. Кольбай — прадед
24. Бимырза и Айтмырза — деды
25. Каржаубай, Мамырғалы, Мамырбек, Даутбек, Бердалы, Сейдаш, Абен, Абдразак — наши родители

26. Отцы-основатели аулета Бимырзы. Сайлау, Толен, Амирсеит, Асылхан, Абдраман, Абдыкадыр, Сеит, Отебай, Валихан, Амирхан, Меирхан, Дильмухан.

27. Наши дети: Серик, Абылкасым, Куаныш, Шалхар, Алиаскар, Мухамед-Али, Бейбарс, Касымхан, Есимхан, Аскар, Ермек, Садуакас, Ильяс, Алмас, Шерхан, Бердалы, Нурсултан, Бакдаулет, Мурагер.

28. Наши внуки _____
29. Внуки 2 поколения _____
30. Внуки 3 поколения _____
31. Внуки 4 поколения _____
32. Внуки 5 поколения _____
33. Будущий новый аулет _____

О ПРЕДКАХ

1. Кейки-би, Тобей-би, Акарыс, Майки-би, Бахтияр, Уйсин, Аксакал, Андарлы, Караша - стали выдающимися государственными деятелями и видными людьми своего времени. Они внесли огромную лепту в становление казахского народа.

Уйсин, Караша, Байдибек являлись ханами. Майки-би стал великим казахским бием. Он прожил 120 лет, при нем сменилось семь ханов. Считается, что Майки-би разделил казахов на три Жуза и именно он стоял у истоков многих традиций и обычаев народа. Кейки-би, Тобей-би - выдающиеся казахские бии; Акарыс, Аксакал — видные государственные деятели; Бахтияр, Андарлы — выдающиеся казахские полководцы. Воины Старшего Жуза шли в бой с кличем: «Бахтияр!».

Четыре сына Тобе-би — Майкы, Когам, Мекире, Койылдар — стали основателями около 100 племен и родов. Когам станет основателем племен Канлы и Шанышклы. Ойсун (второй сын Бахтияра) станет основателем племени Сиргели. Жанасакал (сын Уйсина) станет основателем племени Жалаир. Байдолла (сын Караша) станет основателем племени Шакшам. Караша построит в Ташкенте большой дом из красного кирпича, гостиницу, караван-сарай, жилой квартал, существующие и поныне.

Здесь есть необходимость сделать некоторые пояснения: казахское общество ханского периода состояло из двух основных социальных групп, противопоставленных друг другу. Это – ак-суйек (белая кость) и кара-суйек (черная кость). К ак-суйек относились только чингизиды, которые назывались султанами, и ходжа, которые считались потомками сподвижников пророка Мухаммеда (умер в 632 году). Наряду с термином султан для обозначения нецарствовавших потомков Чингизхана по мужской линии употребляется термин торе. Слово торе служило еще и для широкого круга лиц – как видных и знатных людей вообще, так чиновников и судей в частности.

Из социальной группы кара-суйек особыми правами обладали только бии (би) – предводители родов и племен, соответствующее видоизмененному от старого бек, монгольскому нойон, персидскому эмир. Влияние биев (беков) определялось древностью происхождения, старшинством, многочисленностью родов и племен и силой. Бий являлся важным звеном в системе управления ханством, сочетая в себе четыре качества: военачальник, административное лицо, судья и представитель степной аристократии. Бии Дешт-и-Кипчака, по своей сути древнее чингизидов, составляли национальную аристократию, элиту социальной группы кара-суйек. Со времен, когда Жузы превратились в самостоятельные ханства, то каждый правитель Жуза стал именовать себя ханом – хан Улу Жуза, хан Орта Жуза, хан Киши Жуза.

2. Байдибек, как предполагают исследователи, жил в первом веке нашей эры. Родился в Ташкенте. Возведен на ханский трон и правил населением Ташкента и всего массива Каратау. Полководец, высокообразованный человек своего времени. Надо полагать, что он, его сын

Жарыкшак, внук Дулат, правнук Сиким были знакомы с гениальными идеями великих ученых Востока и явились вдохновителями строительства различных памятников на родной земле.

Байдибек женился в четвертый раз на Нуриле, дочери Мактам Азама, имама Туркестана и потомка Кожи Ахмета Яссави. Она получила известность под именем Домалак-ана. Предками Домалак-ана и ее снохи Бибифатимы были арабы. Они привили своим детям и внукам арабскую ученость, утонченность и нравственные ориентиры пророка Мухаммеда, которые передаются из поколения в поколение. Она владела уникальным даром провидения. Байдибек-ата и Домалак-ана возведены в сан святых Старшего Жуза. Похоронены в предгорьях Каратау, точнее, на юго-западном склоне горного массива..

Сын Байдибека — Жалмамбст — станет основателем племен Шапрашты, Ысты, Ошакты.

Внуки Байдибека — Сарыуйсин, Албан, Суан, Дулат — станут основателями одноименных племен.

3. Жарыкшак получил высшее богословское образование. Наставник и советник эмира Ташкента, великий бек, визирь хана. Супруга Бибифатима, дочь имама мечети Кожи Ахмета Ахуна. Похоронен в Ташкенте.

4. Дулат жил во втором веке. Получил высшее богословское образование. Батыр. Хан управлял населением Семиречья, Сайрама, Ташкента. В свое время был очень популярным правителем. Умен, выдержан. Супруга Гульзейнеп. Похоронен в Ташкенте.

5. Сиким получил высшее богословское образование. Бий Старшего Жуза - управлял Сайрамом, Аулие-ата, Ташкентом. Полководец. Супруга Гульбаршын. Похоронен в Ташкенте.

6. Токсеит получил высшее богословское образование. Военачальник. Хан участвовал в управлении Ташкента, Сайрама, Шымкента. После смерти брата Кулансеита принял в свои владения его жен и детей, становится владельцем огромного состояния. Дети и потомки Кулансеита войдут в состав рода Кусирак, и будут называться аламан-кусираки.

7. Тлеумбет получил высшее богословское образование. Крупный бай. Бий участвовал в управлении Ташкента, Шымкента, Сайрама.

8. Боктыбай получил высшее богословское образование. Крупный бай. Бий участвовал в управлении Ташкента, Шымкента, Сайрама.

9. Алибек получил высшее богословское образование. Крупный бай. Бий участвовал в управлении Ташкента, Шымкента, Сайрама.

10. Шагыр получил высшее богословское образование. Крупный бай. Военачальник. Хан участвовал в управлении Ташкента, Шымкента, Сайрама. Однажды после битвы Шагыр привез изумительно красивого коня и девушку — сироту необыкновенной красоты. Он решил подарить коня и девушку своему любимому сыну Дормену, но другой сын — Шеру — воспротивился решению отца. Спор был решен своеобразно. Шагыр оставил Дормену коня, а девушку приказал слугам привести в свою юрту, находящуюся на пастбище. Она родила Шагыру сына, которого назвали Койбагар.

Дети Шагыра — Дормен, Шеру, Койбагар — станут основателями аулетов.

Шеру — предок Оралбековых, Муратбековых, Жаксыбековых.

Койбагар — предок Корсаковых, Баисбаевых, Омьшбаевых.

11. Дормен получил высшее богословское образование. Крупный бай. Батыр участвовал в управлении Ташкента. Необыкновенно умен, щедр, добр и обаятелен. Получил широкую известность среди населения. Возведен в ранг святых. Духовный, нравственный и генетический код, заложенный Дорменом, будет явственно проступать во всех его потомках. Четырежды женат; дети от жен-узбечек станут узбеками, а от казашек — казахами. Похоронен в кишлаке Дарман (Дормен) Ордзоникидзевогo района Ташкентской области. Мавзолей Дормен-аты находится вдоль трассы Ташкент—Чирчик, на берегу реки Карасу, неподалеку от правительственных дач Республики Узбекистан.

12. Сатемир получил высшее богословское образование. Батыр. Возглавлял сотню воинов-лучников. Имел отважное сердце, твердую руку и меткий глаз. Погиб в бою. Его малолетние сыновья Байбосын и Жазы лишаются богатства, земель и наследства отца. Они навсегда покидают родину — кишлак Дормен и Ташкент — и живут вначале в селе Арысь, а затем — в селе Тамерлановка, некоторое время — у братьев матери (нагаши). С течением времени братья поправят свои дела.

13. Жазы материально обеспеченный человек. Умен, добр, расторопен, трудолюбив. Он, как и его отец, жил недолго, оставив после себя малолетних сыновей Акимбека и Бурту. Акимбек в 16 лет стал купцом. Он покупал в Ташкенте ткани (без) и продавал их в Синьцзяне (Китай), а оттуда пригонял овец на продажу. В пути его всегда сопровождала красная лисица и во время отхода ко сну лизала ему лицо. Это было благословенным знаком: потомки Акимбека станут многочисленными и богатыми. Они и сейчас живут в селе Самсоновка Сайрамского района.

14. **Бурта** - скотовод и земледелец, бай. Возглавлял партию жатаков (земледельцев). Настойчивость, трудолюбие, находчивость помогли ему стать зажиточным человеком. Бурта построил глинобитный дом на берегу реки Аксу, неподалеку от здания старого роддома села Карасу Сайрамского района. Дважды женат. От первого брака родился сын Кольбай, а вторая жена родила ему пятерых сыновей. Потомков от них ныне не имеется.

15. **Кольбай** жил в 1840 — 1926 гг. Крупный бай и известный в округе человек. Он был в хороших отношениях с уездным начальством, что помогло ему купить земли у узбека Базарбая и основать в 1895 г. на берегу реки Аксу - аул Саркырама. Здесь он начал собирать родственников из рода Кусирак. Кольбай высок ростом, широкоплеч, умен, прозорлив, добр, щедр и благороден. Прекрасный рассказчик. Супруга Кызтумас, из рода Тоготай. Кольбай и его супруга похоронены в селе Саркырама. Дети: Бимырза и Айтмырза.

16. **Бимырза** жил в 1874 — 1966 гг. Крупный бай. Среднего роста, коренаст, физически силен. Человек редкого магического обаяния, необыкновенно гармоничный, излучающий доброту и обладавший порядочностью в делах и словах. Человеколюбие, миролюбие и задушевность всегда присутствовали в нем, поэтому к нему тянулись разные люди.

Как помню сейчас, дед обладал мудростью, был щедр с гостями, а благородство для него являлось естественным состоянием. Степной мыслитель с феноменальной памятью. Непревзойденный рассказчик. Я помню деда, как пожилого седого человека, который по вечерам много и долго рассказывал моему отцу Даутбеку, внукам и гостям о прошлых временах, о людях, чьи имена являлись маяками прошедшего времени на земле. Утомившись от рассказа, он выходил гулять на воздух и долго рассказывал мне про звездное небо на родном языке. В черной безрукавке, в мягких ичигах, коренастый, стройный, он был желанным гостем везде, много ездил, часто бывал в священных местах, его ушам были чужды слова и голоса новых мулл, которые пришли на место старых служителей мечети. Население его глубоко уважало, и он был популярен в округе — приезжали гости послушать его рассказы об истории Ташкента, Туркестана, Самарканда, Тараза.

Я смотрел на деда с особой любовью и уважением, счастливый, что несу в себе крупинку его времени и времени тех, кого он вспоминал. Подумать только, он из XIX века передавал в XX век свои наставления, являясь связующим звеном старины и молодости, прошлого и будущего! Этот человек прожил богатейшую приключениями жизнь. Дед, прекрасно зная историю своего рода, был высокообразованным для своего времени человеком. Однажды он уехал в сторону Алматы в поисках своих корней и так загостил, что отец был вынужден искать его. Дед приехал на том же ослике со стороны гор и тихо сидел некоторое время, чтобы уехать вновь в поиски своих родственников в Казахстане. Его воспоминания, чудом сохранившиеся благодаря моему отцу, уникальны и бесценны. В 1929 г. Советская власть конфисковала его богатства (табуны лошадей, отары овец и земельный надел). Супруга Улаш, из рода Жолан, Жаныс. Дети: Каржаубай, Мамыралы, Мамырбек, Даутбек, Бердалы. Бимырза и его супруга похоронены в селе Саркырама.

17. **Айтмырза** жил в 1885 — 1942 гг. Как и брат Бимырза, тоже бай, обладавший несметным количеством скота. Высокий, крупный, широкоплечий и грузный. Красив, умен, благороден. Крут, вспыльчив, решителен. Готовился стать волостным управителем. Сохранилась молва, упорно и неоднократно высказываемая бабушкой Алшынбар, что ее супруг Айтмырза до конфискации Советской властью богатства успел продать большую часть скота и превратить их в золотые слитки. Место хранения знал только он. Она говорила, что Айтмырза обещал после войны вновь жениться и использовать спрятанное богатство, но погиб, защищая Ленинград, оставив после себя легенду о золотых слитках. Сыновья: Сейдаш, Абен, Абдырзак. Дочери: Айжан и Болай.

Дети Бимырзы

1. **Каржаубай** жил в 1900—1943 гг. Готовился стать волостным управителем. Работал в Шымкентском уездном комитете комсомола, а затем бухгалтером в колхозе. Высок, широкоплеч, красив, обаятелен, умен, добр, благороден, красноречив. Погиб в Сталинградской битве. Супруга Кенже, из рода Жаныс. Дети: Сайлау и Гульжан.

2. **Мамыралы** жил в 1905—1933 гг. Необыкновенно добр, трудолюбив, работоспособен. Работал во владениях отца. Именно к нему вернулась красная лисица — хранительница рода Кусирак. Когда Мамыралы засыпал в степи, то его лизала в лицо красная священная (Киели) лисица. Умер во время Великого голода.

3. **Мамырбек** жил в 1907—1943 гг. Вначале работал во владениях отца, а затем стал одним из первых казахов-трактористов. Трудолюбив, работоспособен. Добрейший, застенчивый и глубоко порядочный человек. Танкист. Погиб в Сталинградской битве. Супруга Сатыкуль — дочь известного

волостного управителя Нурман-бека. Она была подвижна, красноречива, трудолюбива и добра. Похоронена в селе Саркырама. Дети: Толен, Ульжамал, Злиха, Отебай.

4. Даутбек жил в 1914—1982 гг. Перед войной окончил Средне-Азиатский горный институт в Ташкенте и получил специальность горного инженера. Работал главным инженером и директором шахты в Кельтемашате, главным инженером Ленгера. Имел богатую, сложную, неординарную натуру и колоритную биографию. Высок, строен, красив. Острый, проницательный взгляд умных глаз. Крут, вспыльчив, но отходчив. Мудр, проницателен, прозорлив. Волевой и работоспособный. Чистоплотный и аккуратный. Писатель, философ, историк, политолог, аналитик, критик, мыслитель, прекрасный рассказчик. Даутбек — тончайший психолог, умевший чутко разгадывать затаенные мысли людей и движение глобальных общественных процессов. Он обостренно воспринимал окружающий мир. Имел литературное наследие (семь книг в рукописях). Бимырза-ата и его сын Даутбек дали своим детям возможность получить высшее образование и завещали потомкам быть высококультурными людьми. Даутбек умер 7 января 1982 г., похоронен в селе Саркырама. Супруга Хадиша, из рода Шылмамбет, 40 лет проработала учительницей, похоронена там же. Дети: Амирсеит, Асылхан, Абдраман, Абдыкадыр, Сеит, Валихан, Амирхан, Меирхан, Анар, Айгерим, Гульнара.

5. Бердалы жил в 1921—1942 гг. Окончил педагогический институт в г. Ташкенте. В 19 лет стал первым директором средней школы села Бурное, Джамбулской области. Красивый, обаятельный, кристально чистый человек. Благороден, отзывчив, чуток. Одухотворенный интеллигент, эрудит. Лейтенант Советской Армии. Погиб в боях Великой Отечественной войны за Ленинград.

БИМЫРЗА

КАРЖАУБАЙ - МАМЫРБЕК - МАМЫРАЛЫ - ДАУТБЕК - БЕРДАЛЫ

САЙЛАУ	ТОЛЕН	-----	АМИРСЕИТ	-----
СЕРИК	АБЫЛКАСЫМ		АСЫЛХАН	
	КУАНЬШ		АБДРАМАН	
			АБДИКАДЫР	
			СЕИТ	
			ОТЕБАЙ	
			ВАЛИХАН	
			АМИРХАН	
			МЕИРХАН	

Дети Айтмырзы

1. Сейдаш жил в 1928—1982 гг. Окончил бухгалтерские курсы. Работал счетоводом, продавцом, колхозником. В составе трудовой армии участвовал в строительстве железной дороги Моинты — Чу. Высок, строен, самостоятелен, начитан. Похоронен в селе Саркырама. Супруга Науат, из рода Жаныс. Дети: Кулайша, Жайсан, Боршагуль, Дильдаш, Динмухан.

2. Абен родился в 1937 г. Образование высшее. Летчик, инженер-горняк, инженер-строитель, проектировщик. Симпатичен, аккуратен, добр. Проживает в Алматы.

3. Абдразак жил в 1942—1986 гг. Работал шофером. Красив, аккуратен, чистоплотен, вежлив, отзывчив. Похоронен в селе Саркырама.

АЙТМЫРЗА

СЕЙДАШ - АБЕН - АБДРАЗАК

ДИЛЬМУХАН -----

Отцы-основатели аулета Бимырзы

1. Сайлау родился 10 апреля 1935 г. Образование высшее. Полковник. Благородная осанка и офицерская выправка. Высок, строен, статен, обаятелен, красив. Доброе лицо и открытый, уверенный взгляд больших глаз. Степенно и неторопливо рассуждал, был отзывчив, щедр. Много путешествовал. Проживал в Шымкенте. Умер в 1997 г., похоронен в ауле Саркырама. Супруга Рая, из рода Шымыр. Дети: Гульнара, Айгуль, Серик.

2. Толен родился в 1939 г. Образование высшее. Главный инженер, заведующий отделом Министерства тяжелой промышленности. Среднего роста. Круглое лицо, внимательный и оценивающий взгляд больших глаз. Говорит мягким бархатным голосом. Мудр, сдержан, неприхотлив, умерен. Проживает в Алматы. Супруга Айткуль, киргизка. Дети: Мария, Абылкасым, Куаныш.

3. Амирсеит родился 16 августа 1946 г. Образование высшее. Учитель физики, директор школы, заведующий районо. Высок, широкоплеч, статен. Кудрявые волосы явственно выражают непростой характер. Вся его жизнь — это цепь экспериментов. Отзывчив, эмоционален, эрудирован. Проживает в Западной Сибири, город Нижневартовск. Супруга Зухра, из рода Конырат Среднего Жуза, учительница английского языка. Побывала в Англии. Дети: Шалхар, Асель, Олеся.

4. Асылхан — глава аулета Бимырзы — родился 9 января 1948 г. Образование средне-специальное. Мичман Балтийского флота, учитель, бригадир, бизнесмен. Выше среднего роста, широкоплеч, статен, красив. Большие глаза притягательно излучают искренность и доброту, широту и силу огромной души. Благородная осанка. Открытое, мужественное лицо. Авторитетен, общителен, отзывчив. Его руки имеют мощное и уникальное биополе, он обладает тонким художественным вкусом, красивым мощным голосом с бархатным оттенком. Наследовал имя отца. Супруга Гаухар, из рода Аккойлы. Дети: Алиаскар, Жулдуз, Мухаммед-Али, Ляззат, Бийбарс.

5. Абдраман родился 30 мая 1949 г. Образование средне-специальное. Учитель, зав. складом, начальник АХО ЧПО «Фосфор». Выше среднего роста, строен, с благородной осанкой. Оценивающий и режущий взгляд. Принципиален, имеет твердое, непоколебимое мнение. Настойчив, аккуратен, чистоплотен, практичен, музыкален. Живет в Шымкенте. Дети: Гульмира, Жанат, Асия, Улбала, Гульсум.

6. Абдыкадыр родился 5 марта 1953 г. (в день и год смерти И.В. Сталина) Образование высшее. Учитель истории, директор сельской школы. Председатель сельского совета. Писатель, журналист, поэт, философ, историк. Печатается в республиканских, областных, местных и международных газетах и журналах. Выпустил более тринадцати книг на различные темы. Выше среднего роста, широкоплеч, аккуратен, добр, отзывчив. Много путешествует. Живет в селе Саркырама. Супруга Назипа, из рода Тогатай, Сиким. Дети: Алия, Касымхан, Шолпан, Есимхан, Аскар, Айман, Ермек.

7. Сеит родился 16 декабря 1955 г. Образование высшее. Первый секретарь Жанатасского горкома комсомола. Председатель профкома. Директор киносети. Директор фабрики, президент акционерного общества «Умит». Заместитель главы администрации города Ленгер. Среднего роста, статен, обаятелен. Красивый, тонкий, мужественный выразительный овал лица. Пронзительный и острый, хваткий и оценивающий взгляд больших и горящих глаз, которые выражают богатую палитру оттенков огромной души.

Великолепный мастер общения с людьми. Тонкое психологическое чутье помогает ему говорить с каждым человеком на определенном эмоциональном и интеллектуальном уровне. Авторитетен, умен, благороден, колоритен. Крупный организатор, волевой, энергичный, подвижный. Аккуратен, чистоплотен, музыкален. Энергично возрождает и укрепляет фундаментальные основы аулета. Живет в Ленгере. Супруга Турсынай, из племени Конырат, учительница. Дети: Азиза, Гайни, Бакдаулет.

8. Отебай родился 15 ноября 1957 г. Образование высшее. Комсомольский вожак, бухгалтер, заместитель председателя колхоза. Высок, строен, статен. Кудрявые волосы — признак обаяния и силы. Овальное, доброе и мужественное лицо. Уверенный, открытый взгляд. Авторитетен, умен, благороден, щедр, чуток. Наследовал имя Бимырзы, которое ведет достойно. Живет в селе Саркырама. Супруга Бахтыкуль, из рода Жаныс. Дети: Садуакас, Ильяс, Алмас, Жадра, Аюкаркын.

9. Валихан родился 30 октября 1957 г. Образование высшее. Учитель, директор сельской школы. Заместитель председателя народного контроля. Заведующий отделом народного образования администрации г. Ленгера. Среднего роста, статен, красив. Широкое круглое лицо. Его глаза — это выразительный экран чувств. Уверен, эрудирован, энергичен, настойчив. Живет в Ленгере. Супруга Менуар, из благородного рода Кожа. Дети: Меруэт, Мадина, Шерхан.

10. Амирхан родился 18 января 1963 г. Образование среднее. Владеет арабской грамотой. Высок, строен, красив. Лицо сохранило детскую притягательность. Похож на отца. Добрый и спокойный взгляд. Медленная, непринужденная речь. Собран, обходителен, хорошо рисует. Живет в Ленгере. Супруга Зауре, из рода Шымыр, учительница. Дети: Айнур, Бердалы.

11. Меирхан родился 7 ноября 1964 г. Образование средне-специальное. Невысок ростом, крепок, подвижен. Тонкие и четко обозначенные черты лица и губ. Живой и задиристый взгляд подвижных глаз. Говорит быстро и эмоционально. Коммуникабелен, рассудителен, быстро находит общий язык с разными людьми. Смекалист, настойчив, добр. Живет в Ленгере. Супруга Роза, из племени Конырат. Дети: Нурсултан.

12. Дильмухан родился 7 июня 1959 г. Образование среднее. Работает в колхозе мастером по деревообработке. Среднего роста, строен, худощав. Большие глаза выражают умиротворение и спокойствие. Тихий, рассудительный, трудолюбивый, заботливый, вежливый, добрый и мягкий. Хорошо рисует. Живет в селе Саркырама. Супруга Ботагоз, из рода Жаныс. Дети: Серпер, Сауле, Айгуль, Мурагер.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Возможно, что мои родственники, настоящие и будущие, не будут согласны с моей точкой зрения по генеалогической ветви. Было бы неправильным полагать, что в данной работе содержится все, что хотелось бы узнать следующим поколениям рода Кусирак. История моего рода многогранна, обширна и масштабна, что описать ее во всех подробностях мне одному просто невозможно. Я сумел лишь только прикоснуться к поверхности пластов родословной. В ней предлагается множество проблем продуктивного характера, когда не надо списывать, не запоминать, не повторять, а сообразить, додумать, найти, довершить и изменить. Предлагая альтернативы, автор постарался избежать категоричных суждений, утверждений, навязывания своего мнения.

Я не ставлю задачи кого-то научить, запомнить или заучить. Передо мной стоят иные цели: активизировать восприятие, в результате мои родственники станут видеть и слышать больше, чем раньше. Может быть, кто-то из них сможет пройти сквозь громаду веков и увидит родословную в новом аспекте. Пусть у них пробудится фантазия, желание искать, главное постараться научиться думать, жить своим, а не чужим умом. У каждого из моих потомков есть свой шанс, сделать малое, но что-то доброе, светлое, полезное для расширения пределов генеалогии своего рода. Новые поколения будут пополнять ряды аулета Бимырзы из рода Кусирак. Будут накапливаться новые сведения. А это требует дополнения данной книги. Целесообразно обновлять ее содержание через каждые 25 лет — в 2025, 2050, 2075, 2100 гг. и т.д.

Помогите мне и себе, заполняйте данную книгу для сыновей, внуков и передайте ее дальше, чтобы не угасли нравственные ориентиры рода. Я — не идеал, претендующий на знатность, и допускаю, что где-то в работе есть ошибки. Ваша задача: найти их, исправить и даже переписать книгу заново. Стараясь дать родственникам достойные их характеристики, я хотел показать благородство каждого из них, хотя все мы, в том числе и я, конечно, обладаем большинством человеческих пороков.

Главной целью этой работы является напоминание потомкам о четком знании своих ориентиров прошлого и сохранение их в будущем. Ведь генеалогия — это не только и не столько факты истории. Оно наполнено образами наших предков, кто жил, учился, любил, ошибался, созидал, страдал, прошел через разные испытания, ставшие нашей исторической и генетической памятью, частью нас сегодняшних. Через семь поколений продолжится новое колено аулета, которое будет названо так же, как аулет Дормена, аулет Бимырзы, именем одного из нас — наиболее достойного.

Эта работа — духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, эстафета бегущего во времени. Вся жизнь моих родственников последовательно оседала в этой книге. Народы, племена, люди и государства могут исчезнуть, а она, книга, останется. В ней не только прошедшее, но и настоящее, сумма истины и переживаний людей моего рода и аулета, найденных стараниями деда, отца, сына, внука, правнука и других, кто вошел или войдет в эту книгу. И еще эта книга — программа будущего для потомков.

Мы уйдем без следа – ни имен, ни примет,
Этот мир простоят еще тысячи лет.
Нас и раньше тут не было – после не будет,
Ни ущерба, ни пользы от этого нет.

Омар Хайям. 1107 г.

НА РАЗВАЛЕ ВЕКОВ.

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Никто, кроме моего деда, этот бренный мир не называл жалган. Действительно, жизнь преходяща, обманчива и быстротечна

На равнинном каменном плато Тастак становилось жарко. Полуденное солнце, что висело над головой, извергало на землю ад. Стойко переносили жару волки и лисицы, используя прохладу пещер речки. По степям бродили сайгаки, на склонах гор в тени отлеживались дикие козы. В глубине ущелья реки Аксу, каньонами спускавшейся с фиолетовых гор Алатау в степные долины, у холодной воды, пережидая зной, стояли стада колхозных коров и отары овец. Улары (горные куропатки) прижимались к скалам, прячась от беркутов. В предгорьях бродили стайками крупные дрофы, а на крутых обрывах мирились меж собой ласточки и голуби. Райская мухоловка, что прилетала каждое лето с далеких островов Индии, в горных ущельях Аксу-Жабайлы уже готовила к полету свое потомство.

День проходил буднично, как и другие десятки дней августовского лета 1946 года. Немного больше жары, чуть больше айрана (простокваши), только не давали старику покоя домашние дела. Еще утром, обратив внимание на невестку, суету молодых женщин-соседей, спокойствие бабок, определил, что должен родиться ребенок. Едва пригнал стадо овец домой, как старушка-жена отчаянно замахала рукой, показывая на печку в нижней части двора, где на скатерти лежали лепешки, и издавала приятный запах чашка горячей сурпы. Кое-как поужинав, он ушел на берег речки, где просидел до темноты.

В закатных лучах солнца над степной равниной еще разносились голоса животных и пастухов. В промежутках между ними слышно, как шумит речка, шелестят листьями деревья. Слабенький ветерок слегка качнул тополя. Все предметы в вечерней мгле казались потемневшими и резко очерченными. Вышла на охоту лисица, что-то выискивает в высоких травах волк, прислушиваясь к шорохам степи. За пригорком раздался жалобный крик зайца, и опять все стихло.

Перед заходом солнца на земле наступила загадочная тишина. Промчался прохладный ветерок, начали шептаться листья карагача. Становилось все темнее и темнее. Наконец, ветки и листья стали совсем черными, а земля потонула во тьме. Бесшумно взмахивая крыльями из мрака, возникла летучая мышь. Гулко ухнула какая-то птица, пристроившись на толстой ветке вербы. На небо высыпали звезды. Спускаясь веером к водопою, дрожали от страха осторожные козы. Между ними сновал козленок, перебирая тонкими ножками новый мир.

Над аулом, размывая темноту сереньким разливом, бродит ночь. Лишь вдали, над волнообразными уступами гор, светлеет небо, да сверкает августовская Венера (по-казахски – Шолпан). В воздухе потянуло прохладой с гор Алатау. Ржаво скрипнули ворота. Вспыхнул свет переносной лампы-летучки, скользя по стенам, деревьям и коренастому старику, вышедшему за ворота к дороге, за которой находится пшеничное поле.

Пожилой человек, которого родные зовут ата-дедушка, молодые – аксакал, а старики аула и ближайших поселений Семиречья, зовут Бимырза, ставит лампу на завалинку, оглядывается вокруг. Аул находится в дреме. Чуть выше темнеющих силуэтов гор Алатау набирает черноту небесный свод. Выйдя на пригорок, доходит до остатков копен соломы и садится на полову, оставшуюся от комбайна.

Его чистая, но выцветшая одежда, белеет комком на фоне светлеющего неба. Стоит крепко, широко расставив ноги в мягких сапогах без каблуков (ичиги), вдетые в галоши. Лицо уже немолодое, без одного глаза, скуластое, покрытое темным загаром. Кожа потрескалась от солнца и ветра. Плечи широкие, мускулистые. Вглядываясь в сероватую темноту, старается определить, что принесет день сулящий. Сегодня должно совершится то, что ожидал всю прошедшую жизнь – продолжение самого себя.

***

Да, это правда, что жалган уакыт (непреходящее время) – странная и неуступчивая часть бытия. Оно приходит и уходит, никогда не останавливается, не сдается под напором стихий и обстоятельств,

извиваясь, движется в пространстве, как гремучая змея по пересохшему песку, водой проскальзывая сквозь пальцы. Время кружится вокруг нас, обтекая мир и расширяясь вместе с ней, давая момент движения веществу. Нельзя найти истоки прошлого, ибо время – необратимо. Путешествуя по земле, невозможно найти начало времени нашего рода, но никто не запрещает предпринять попытку подумать, поразмыслить, сравнить и проанализировать прошлое хотя бы по тому, что здесь жили наши предки, живут родственники, и будут жить спустя много лет потомки.

Древняя земля, на которой сидит сейчас, известна по Казахстану, как Семиречье (Жетысу). С приходом Советской власти, край разделен и переименован в области и районы, изменены названия городов и аулов, в которые вложили свой труд многие поколения людей в освоение этой части Казахстана. Далекое разнеслась слава Кельтешмашатаских и Ленгерских угольных шахт. На них работает с первых дней Великой Отечественной войны его сын Даутбек. Остальные сыновья погибли на той войне.

Где-то залаяла собака, вторя ей, расшумелись и соседние. Бимырза поднялся с соломы, огляделся и пошел по переулку вниз. Тополя, что посажены его рукой вдоль арыка, слегка качаются под августовским ветерком, упавшего с прохладных гор. Из-за дома на свет лампы-летучки появляется председатель колхоза Андрей Какурин.

- Аксакал, люди еще спят, досматривают последние, сладкие сны, а вы на ногах. Что случилось? Неужели Хадиджа рожает? А где Даутбек?

- Андрей, постой, постой. Слишком много вопросов. Дома крики роженицы, волнения и разговоры старух, стучат поварешками соседки по kazanу, горит огонь. Иду к тебе. Позвони в район, на шахту, скажи сыну, что его жена рожает. Пусть приедет. Пока приедет, я имя внуку придумаю. Сколько месяцев твоей дочке?

- Всего один месяц, аксакал. Идемте в контору, оттуда легче связаться с шахтой. Ну, Даутбек, он от меня просто не отделается, пусть готовит сунючки (подарок за приятное известие).

В кабинете председателя колхоза висит подробная карта района и села Подгорного со всеми землями. Связи долго нет, поэтому Бимырза, оглядев контору под свет керосиновой семилитровой лампы, останавливает свой взгляд на карте. Коммунисты древние названия переименовали по-своему. Теперь все больше партийных названий: колхоз имени Сталина, реке Ленина, иногда Ворошилова, Буденного, Кирова, Карла Маркса, Энгельса. Ни одного казахского деятеля, батыра или героя. Вот и аулу, имевшего название «Саркырама», который раз меняют имя. Сверху принимают решение, на собрании колхозники поднимают руки и все – нет больше прежнего названия. А как не поднимешь руку, если представитель райкома партии сидит на трибуне с карандашом и записной книжкой. Вон сосед и загремел за неправильное выступление, ему не понравилось начисление трудодней за работу в колхозе. Ночью за ним приехал воронок, и нет больше человека.

Андрей Какурин – молодец! Хороший председатель, отличный хозяйственник. Сколько дел совершил: дорогу проложил из щепня в райцентр, музей для колхоза построил. Собирали экспонаты всем народом: пришлось из дома отдать старую мотыгу, которой мой дед землю эту обрабатывал. Даутбек нашел в сарае старый медный самовар, отнес туда же. А председатель не выкидывает, наоборот, приглашает лудильщика, заставляет перепаять и поставить на витрину. Ездил в город, пригласил важных людей, которые с собой привезли какие-то горшки, металлические деньги с дырками и без них. Они уж, какое лето ездят по округе, что-то описывают, готовят все для музея.

***

Бимырза спускается из конторы на высокий холм, возвышающийся над речкой. Присев на вершине, рассматривает звездное небо и, наблюдая за блестящей Венерой, ждет рождения внука-первенца от единственного сына, оставшегося в живых после страшного военного лихолетья. Опалённое солнцем, обветренное лицо старика, с короткой седой бородой и одним глазом, свидетельствуют о трудной жизни, проведённой в заботах о семье и домашнем очаге. Не идет сон, что-то его волнует и не дает отдохнуть

Пожилый человек вспоминает рассказы стариков, передававшиеся из уст в уста, события драматической борьбы людей за стратегически важные города на реке Сыр-Дарье, о распрях казахов между собой в давно минувшие века, о нестабильности времени и пространства. Чем-то старозаветным веет от него, несет какой-то огромной духовной мощью, влияя на других спокойствием и умиротворённостью этого крепкого человека. Лишь печаль грусти – черта

людей, перенёсших много испытаний, слегка смягчает суровый облик старика. «Жалган уакыт! О, время!» – слегка шепчут его губы.

На высоком берегу речки, на фоне светлеющих гор, прорисовывается темный силуэт. Человек стоит неподвижно, молча, наблюдая за долиной речки, внимательно осматривая окрестности. Еще темно, но он знает, что перед ним лежит огромная речная долина. Темнеют тополя с перелесками алычи, яблонь, урюка, винограда. Бледный свет луны, пристроившейся на северо-западе у горизонта на вершине тополя, разливаясь по низине, удлинит тени от разлапистой вербы. Выпала крупная роса, приглушая все лишние звуки. Просвистела утка, внизу прокричал утреннюю зорьку на озере длинноногий журавль. Пожилой человек медленно побрел домой, но, не дойдя до дому метров триста, снова поднялся на вершину холма.

Свежий ветер, проскочивший до вершины холма, принес до старика запах наступающего дня, в котором смешаны жар сухой земли, спелость пшеницы, влажность прохлады речки и очень слабенький, тоненький от стада коз, что прикорнули на ночь у широкого песчаного мыса. Молодой козленок, брыкаясь тонкими ножками, никак не мог приспособиться к матери, пытаясь удобно устроиться к животу, поближе к соскам.

Старик, выделив единственно нужный запах, принялся крутить головой, выскивая направление вести. Привстав, ушел на другую сторону залысины. Постоял, подождал, когда утренний ветерок снова намекнет, подбросив ему едва уловимый запах. Отложив в памяти увиденное событие, человек спустился с холма к дому. Огонь, горевший в печке нижней террасы, еле тлел. Подброшенные сухие ветки карагача задымили, вспыхнули, пламя жадно подбирает все без остатка. Добавив два-три куска кизяка, пожилой человек стал разогревать воду в котле, зная, что она скоро понадобится женщинам. Размышляя над суетой проходящей ночи, он вспомнил, что сегодня год Собаки и месяц Льва.

В волнительном ожидании рождения внука, перебирает в голове тысячи мыслей, сопоставляя время, имена и заслути людей, оставивших память своими делами и подвигами во имя жизни на Земле:

- Надо, к приезду сына, придумать имя внука, имя достойное нашей семье, чтобы люди селения гордились его делами.

И мысли, как лихой скакун, унесли пожилого человека далеко-далеко. Они бродят по просторам, останавливаясь на знаменитых фактах и событиях Южного Казахстана. Вспоминает надписи на камнях, что видел в горах, тропы проложенные людьми и отарами, дикими зверьями и тем, кто пришел сюда праведными дорогами. Перед пожилым человеком возникают разные картины прошедшей жизни родины: желтая лента пыльных дорог, каменные громады высоких гор, травянистые предгорья с маковыми полями, раскаленные пески, мох на скалах, водопады на реках, просторы казахских степей.

В 9–12 веках в Южном Казахстане образуются многочисленные города и поселения. На его территорию вторгаются различные тюркские племена. Завоеватели разрушают до основания цветущие и богатые города и села Испиджабской области, встречая упорное сопротивление со стороны местных жителей. В восточной части Георгиевского района на участке Сайрам-Су есть мазар-кладбище, который называется «Мыншеит мазары» (Мазар тысячи правверных). Исследователи и музейные работники, что работают в селе, полагают, что здесь похоронены перебитые воины самаркандского владетеля Нух ибн Асада, вторгшиеся в 840 году на территорию Южного Казахстана. Об этом мазаре есть и другая легенда. По этой легенде, там похоронено 999 воинов и одна женщина. После большого боя, где смерть настигла воинов, женщина из разрушенного поселка, что осталась в живых, с большим трудом вырыла им могилы. Похоронив всех воинов-земляков, она умерла.

В верховьях реки Сайрамсу, в местности «Карасофа» (колхоз имени Куйбышева) сохранились остатки крепости. Журналисты, полагаясь на народный эпос «Есенегей бойлы ер Есимжане» (Сказания о подвигах батыра Есимжана), считают, что эта крепость построена в начале XVII века казахским ханом. Они же полагают, что возле села Тогус и города Ленгер (будущий административный центр всего района) в начале XVII века произошли бои войска казахского хана с войсками владетеля Ташкента Турсун-ханом.

Очень ценным фактом развития торговли края является находка джанидских серебряных тенге (монет) в Ленгере. Клад тенге в семидесяти экземплярах был спрятан в середине XVII века. Особый интерес вызывает то, что известный ученый Н.В. Ханыков полагает, что в Ленгере похоронен умерший в 8354/1431-32 г.г. суфий (мулла) Касим-и-Анвари, у которого был мюридом (учеником) и учился будущий знаменитый ученый средневековья Улугбек. Древний Ленгер разрушен джунгарами. О происхождении Ленгера очень много толкований. Есть мнение, что слово «Ленгер» соответствует слову вязкий. По другой версии, слово «ленгер» соответствует имени какого-то мусульманского проповедника, которого якобы звали Ленгер-баба.

Исследователи приводят три легенды, связанные с происхождением слова «ленгер». По первой версии от названия «илпискен кир» (непроходимая грязь) происходит слово «ленгер». По второй версии слово «ленгер» происходит от слова «илиписти-непроходимый». Третья легенда связана с именем известного в истории среднеазиатского мистика Акзама. Будто он, проезжая через лошину, потерял лангар (палку) и поэтому лошина называется Ленгерсаем.

Бимырза повернулся направо, оборачиваясь на сечение. Перед ним стояла его собака, отчаянно виляя хвостом. Пожилой человек похлопал ладонью по печке, приглашая собаку к себе. Так было всегда: собака охраняет своего хозяина во время дальних переходов и на отгонных пастбищах. Когда она рядом, можно и не беспокоиться, даже старуху не подпустит.

Внезапно раскрывается распашная дверь, раздается торжествующий крик, кого-то ищет соседка. Увидев старика, пожилая женщина засмеялась, засветилась и поклонилась ему: «Корімдік с вас, ата, корімдік-подарок! У вас родился внук!». Он, степенно, унимая предательскую дрожь в ногах и руках, достал из кармана красный червонец – десять рублей, подал женщине: «За хорошую и приятную весть принято дарить, если нет денег, то накормить и напоить вестника. Так установлено в народе, и не мне его менять. Как назвать внука? Назову-ка я его Амирсеит (Амір Сейид), пусть сохранит величие нашего рода Сейид».

И старик тихо прошептал молитву:

**Хвала Аллаху, Господу небес и земли
По его указанию восходит солнце и светит луна,
рождаются и умирают люди, поколения сменяют друг друга,
и только вера остается неизменной по своей сути, согревая сердца надеждой на
милость и прощение Бога ...**

ОХОТНИКИ НА ДИКИХ КОНЕЙ

Ночь. Черная, звездная, похожая на бездну. На вершинах окрестных холмов маячат наблюдатели, изредка выкрикивая направление их движения. На сухих такырах раздается стук копыт оседланных лошадей, на которых сидят правители округов и аулов. Тихо шумит под ногами людей песок. В крошечной тьме они ступают осторожно, растянувшись длинной колонной. Ночь таит в себе не только природные ловушки, во тьме легко скрывается неисчислимое количество людей, собранных на охоту с разных концов степи.

Легкий ветерок змейкой гонит вечное перекасти-поле по склонам низких холмов. Дневной жар быстро улетучивается, сменяясь неприятной, пробирающей до костей ночной прохладой. Так было в этих краях, так будет всегда, ибо это место – граница между просторной степью и живой пустыней. Это не просто граница, это шевелящаяся масса песчинок, которые при легком бризе снимаются с вершины бархана и летят до следующего, занимая тонкой полоской прилегающие к ней степи. На этом природном, коварном пространстве и встретились две колонны людей, раздался свист, и все затихло. Они, разойдясь, недалеко друг от друга, занимали любые доступные укрытия. Впереди их ждал холодный рассвет.

***

Ранним утром в табуна лошадей, пасшийся в еще зеленоватой степи меж высоких холмов, раздался храп сторожевой лошади. Встревоженные кобылицы, резко вскинув головы, подзывали к себе маленьких жеребят, приготовившись бежать за главой косяка. Несколько жеребцов, выскочив из табуна, помчались навстречу сторожевому жеребцу. Сделав полукруг, они встретились на полпути, повернув обратно, возвратились к косякам лошадей, сбившихся в кучки то там, то здесь. Храпя, издавая крики, жеребцы погнали весь табун к маячившим вдалеке пескам, но оттуда из-за холмов выскакивали люди на конях.

Табун встревоженных коней, развернувшись веером, поскакал по холмистой степи туда, где относительно спокойно. Люди на конях и без них, ловко ударяя в барабаны, свистя мелодии или звуки в свистелки, грохоча бубнами, начинают сдвигаться к какому определенному заранее центру. Немного спустя весь грохот переходит в мелодичное пение, обретая определенный ритм. Расстояние между загонщиками неумолимо уменьшается, когда круг сдвигается, страивается и, наконец, становится, видны линии загона. Все, что находится в ловушке, кроме табунов лошадей, пускается под нож: сайгаки, олени, перепела, дрофы: всё, что летает в воздухе или бегаёт по земле.

Преследователи, загоняя табуны куланов, тарпанов и тагы (разновидности диких лошадей) в ловушки, размахивали арканом из плетеной волосанной или сыромятной кожи. Дико вскрикивая, свистели напропалую и пугали лошадей. Несколько человек в богатых одеждах, что не участвовали в погоне, затрусили на конях к высокому кургану, сторожившему эти окрестности уже много веков. За ними спешили разделыватели мяса, пастухи, в распоряжение которых должны были попасть пойманные покалеченные лошади. Солнце уже поднялось высоко. Диким животным, которые привыкли к этому времени отдыхать на вольной природе, нет покоя. Чуткие куланы принимают щипать траву. Пугливые тарпаны и сайгаки, что остались ещё в живых, опускают головы в поисках дуновения прохладного ветерка, беспрестанно задирая головы на возвышенности, на которых маячат дозорные.

Вожак куланов, который уже не знает покоя, испуганно заржав, зовет за собой свой косяк. Мышино-серый тарпан со светлой полоской вдоль хребта, высоко подпрыгнув на месте, зовет своих сородичей в другую сторону. Желтовато-рыжие тагы, стелясь низко над зеленой травой, в мгновение ока, обогнав тарпанов, помчались к песчаным холмам. К этой катящейся по степи прорве животных присоединяются новые косяки и табуны. Чем больше животных, тем больше испуг, бегут до тех пор, пока не увидят людей. По крутой параболе косяки выкручиваются обратно до тех пор, пока не увидят новую линию загонщиков.

После продолжительных скачек, люди, под крики и хлопанье длинных бичей, завернув обций табун, принялись гонять его вокруг холма. Чтобы не попасть под ноги, бешено летящим вскачь коням, лова, расположившиеся в низине, неуклюже перебирая ногами, побежали наверх горы. Погоня продолжалась долго, сменялись только пастухи, пока лошади не покрылись потом. За это время огромная масса людей перекрыла все овраги и лощины, собирая коней в одном месте. Кобылицы, сбившись в кучи, поднимали головы, выискивая жеребят. Некоторые из них лягались, прыгали, стараясь оказаться с краю косяков. Бурые, вороные, гнедые, серые и другой масти жеребцы, пробежавшие между косяками, как хозяева, быстро делят кобылиц на своих и чужих.

Из железных тисков окружения они не смогли вырваться даже вечером, не говоря о ночи. Их обложили кострами, на которых люди варили пищу, а сторожевые на конях бдительно охраняли их до утра. На восходе солнца загонщики быстро позавтракав, начали своё прерванное дело вновь. Сплошная рыже-буро-малиновая масса паслась в центре круга огромной равнины, которую окружали холмы. Охваченные новой паникой, животные металась внутри замкнутого круга, заполнив небольшую площадку от края до края. Скучающие в загоне люди от нечего делать забивают сотни зайцев, ловят десятки лисиц, выволакивают из нор волков. Охотники по пути укладывали стрелами бешено несущихся кабанов, ловко перерезая вены упавшим свиньям. Дети и старики выходят из загона первыми, за ними женщины. Остаются лишь юноши и мужчины, да аламань, которым нужно показать свою ловкость. Однако, покинув первый круг загона, выстраиваются в новый, чтобы увидеть то, чего не видели никогда - степную облаву диких коней.

***

Коренастый и широкоплечий мужчина, спускаясь мягкими шагами по покатому склону кургана, стал раскручивать в правой руке сыромятный аркан. В другой руке держал кожаный мешок. Раздался сильный свист, протяжный с переливами, тот свист, что успокаивает испуганных лошадей. Весь табун насторожился, из косяка навстречу ловцу выскочил вороной конь. Охотник остановился. Жеребец, сделав несколько прыжков, поднялся на дыбы, повернулся в воздухе на задних ногах, опустился и бросился обратно. Мужчина сделал несколько шагов навстречу косяку и вновь свистнул. Вороной конь остановился, развернулся и помчался обратно к человеку. В трех шагах от коня охотник взмахнул рукой. Сыромятный ремень мелькнул в воздухе длинной змеей и обвился вокруг лоснящейся крутой шеи. Конь, не почувствовав ремня, лягнул охотника, который успел отскочить и натянуть ремень. Жеребец взвился на дыбы, закрутился, попятился и снова бросился на дерзкого врага. Он старался ударом передних копыт сбить человека, зубами раздвигая голову противника, словно дикий арбуз, что рос между степью и пустыней.

Охотник был готов к борьбе. Крепко натягивая аркан, он душил коня, который, уже хрипя, тянул его за собой к косяку. Дикая зверь вскинулся еще раз, стараясь освободиться от ремня и человека, упал на колени. Тогда мужчина ловко накиннул кожаный мешок на голову разъяренного жеребца и через мгновение оказался на его спине, сжимая руками края мешка. Жеребец вскинулся на дыбы, взвился в воздух, прыгал, бил ногами, стараясь сбросить вцепившегося на него седока и мешок, накиннутый на голову. Но это не помогало, насильник, словно клещ, охватил его крепкими ногами. Конь, поняв, что сбросить его не удастся, понесся в степь, взбивая сероватые клубы пыли.

Охотник промчался вихрем мимо кургана, подстегивая камчой (плеткой) взбесившегося коня, которому не хватало воздуха и свободы. Толпы людей пропускали их, выражая восторг улюлюканием и свистом. Как только оказались на краю песков, всадник сдернул с головы жеребца кожаный мешок, стал упорно хлестать камчой самца. Не давая передышки, мужчина гнал упряма по большому кругу между песчаных холмов, поросших колючим джунгилом, постепенно приближаясь к кургану. Когда неукротимый конь стал покрываться клочьями белой пены, человек вынул из-за пазухи недоуздок и накиннул его на голову свирепого дикаря. Конь уже не сопротивлялся, не пытался, загибая шею назад, укусить всадника за колени. Не сбавляя бега, охотник направил его к лагерю, что установили за прошедшее время приезжие люди. Из-под ног лошади изредка взлетали фазаны, скакали зайцы, мимо пронеслись искривленные стволы саксаула.

***

Оставшиеся люди с диким улюлюканьем носились на лошадях вокруг оставшегося без главаря табуна, ловили на аркан кобылиц и остальных жеребцов. Опутывая ноги, валили на землю, надевали на голову уздечку и мешок, на ноги ставили станковые или веревочные путы и привязывали к коновязи и телегам. Жеребят не трогали, они сами по храпу и визгу находили матерей, пристраиваясь к ним. Малыши быстро привыкали к людям, кормивших их сладостями и хлебом. Уже к вечеру они гоняли по кругу собак, охранявших стоянку. Лагерь простоял на месте еще целую неделю.

Мешки сняли с кобылиц на третьи сутки. Пастухи стали поить из кожаных ведер ослабевших лошадей на четвертые сутки, приучая их к запаху человека. Остальные безропотно ожидали воды и сена, но их начали кормить понемногу на шестые сутки. Коней связывали по несколько голов при помощи длинных арканов вместе, выпуская на волю под охраной мальчишки-пастуха на коне. По возвращении каждой лошади на голову надевали сумку с пшеницей. Особо берегли жеребцов, стараясь не нервировать их по пустякам. Крепкие люди хотели иметь в табуне стройное и быстрое потомство, которое могло принести богатство.

***

Надо признать, что лошади играли при кочевом скотоводстве главную роль. Путешественник, географ и писатель, Чокан Валиханов писал, что «кочевой степняк ест и пьет, и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия». В сочинениях наблюдательного и рассудительного Ибн Рузбихана о стране «узбеков-казахов», описывая прелести Великой степи, пишет, что «кажется корм этой местности при небольшой переработке превращается в жизнь, а жизнь еще скорей превращается в зверя. Должно быть, это одна из особенностей севера – быстрый переход одного сложного соединения в другое, потому что растительный корм степи быстро переходит в животное, животное – в человека, а почва и вода тоже как будто быстро переходят в корм».

Поэтому казахи разводили в основном овец казахской породы (длинношерстные, высокие и с крупными хвостами-курдюками), верблюдов (двухгорбые и одногорбые (нар), напиток из верблюжьего молока называется шубат). В свое время дед мне говорил: - «Бар немерем, койды йирил кел – сходи внучок, заверни баранов». Я сидел на ишака и заворачивал баранов, сгоняя их в отару. Поэтому дед – койшы (шалан, шабан - пастух баранов), а я – йиришы (помошник пастуха). Тетя Саткуль (первая сноха деда) меня прозвала Шопаном (пастушок), так как напрямую мое имя ей нельзя было произносить по казахским обычаям.

Табунная лошадь называлась жылкы, вьючная, упряжная, рабочие или верховая – ат, жеребец – айтыр, трехлетка – кунан, двулетка – тай, годовалый жеребенок – кулун, молодая кобылица – кысрак, кобыла – бие. Скаковые лошади (аргамки) при скачках (байге) прославляли имя и род человека на долгие годы. Уйир – это косяк в двенадцать – пятнадцать кобылиц во главе с жеребцом, который сгонял их, охранял и содержал их вместе. Если какая-то кобыла уходила в другой косяк и имела дела с его жеребцом, то обратно ее не принимал жеребец косяка.

Пастуха коней (коска) называли жылкыши. Несколько косяков (обычно три, при трех жеребцах) называли табун (табын) в сорок или пятьдесят голов. При перегонах из трех малых табунов составляли большой табун. Если кобылиц доят, то перекишнее их молоко называют кумыс. Только сейчас стало известно, что правителям СССР с 60-х годов прошлого века, своего рода долгожителям страны Советов, доставляли кумыс из института коневодства одного из соседних областей Москвы. Если раньше кумыс через двое суток скисал даже в кожаных бюрдюках, то лет сорок назад добились его самосохранения в течение двадцати суток.

ВЛАДЕТЕЛИ

Ночь опускает свои темные покрывала над казахскими степями. По темному небу плывут зловещие тучи, заволакивая мириады ярко сверкавших звезд. Луны нет, ее тонкий серп появится через ночь. Порывистый ветер иногда разгоняет плотные облака, очищая небо перед важным событием. Ярко горят костры, разложенные на вершинах гор. Хотя на небе уже темно, но свет костров указывает путь прибывающим гостям. Не простые они, в богатой одежде, добрых конях и с оговоренной свитой в десять человек.

Охрана остается вдалеке за пределами лагеря, их отводят в сторону. Им указывают место стоянки и просят не менять его, чтобы позже не искать среди многотысячной толпы всадников. Выбирают стоянку поближе к речке, где они разводят огонь, греют воду. Прибывшие расстегивают седла, привязывая коней у коновязи, достают из хуржунов-сумок нехитрые припасы, ожидая традиционный чай из трав. Душный вдоль нагорья ветер нагоняет клубы дыма на отдыхающих, сидящих в глубоком молчании. Тишина и безмолвие ночи лишь изредка нарушаются потрескиванием князя, храпом лошадей, окриков часовых, стоящих на высоких холмах во всей округе наготове.

У Черных гор (Каратау) вблизи святых могил предков собрался совет старейшин и вождей племен всех азиатских сакских племен и родов. В междоусобице и огне раздоров находится страна саков: массагеты разоряют кочевья сколотов; караты и дербики угоняют скот друг у друга; аланы и тохары ведут между собой кровопролитную войну; сильные абии занимают зимовки аугасиев; враждуют между собой апасиаки и саракаваки.

Лучезарное солнце только не успело подняться из-за гор, как воины в долине и на взгорье уже были на ногах. Солнце, мчавшееся по синему небосклону на огненной колеснице, запряженной золотистыми конями, уже приближается к берегам Гирканского (Аральского) моря, что на западе Великой степи, как из ставки раздается весть: «Ишпакай, как известного богатыря и великого воина, избрали на совете царем (вождем вождей) в самое трудное время для саков».

Желтовато-оранжевое светило не успело окрасить в пурпурно-багряный цвет склоны гор, как из пятнадцатикрылой юрты выходит крупный мужчина с орлиным взором и встает посередине белой кошмы. Вожди племен, батыры и воины взявшись за края, поднимают ее вверх. Когда звезды уже давно сверкали на небе, озаря притихший лагерь, мирно задремавшую землю, в ставке царит оживление. Каждый из вождей считает своим долгом предстать перед Ишпакаем и выразить верноподанические чувства, хотя бы на словах.

Очень быстро понимает Ишпакай, что удержать в руках степную вольницу невозможно, если не объединить одной целью. Долго мучился, пока не нашел хитрый ход: соблазнить кочевников богатством и славой, повести в дальний и тяжелый поход.

Когда в Передней Азии «длинное ухо - узункулак» разносит весть о каких-то кочевниках, то ассирийцы, персы и другие не придают этому значения. Как их зовут? Саки? Как вы сказали – скифы, гунны? Мало ли пришельцев видел здешний народ в этом благодатном краю? Где они? Растворились бесследно в людском море, не оставив даже имени своего. Не переживайте, до нас не доберутся, на их пути стоит грозное и несокрушимое государство, как Ассирия, страны «Серебряного Полумесяца» и боеспособных готов.

Ассирия не оказалась для конной орды такой уж несокрушимой. Кочевники проскочили ее, даже не спрашивая: - «Кто это там стоял у нас на пути?». Поколотив несколько государств, вытряхнув из них дань, саки встают на границах могучего государства, выбрав местом отдыха юг Прикаспия. Ишпакай после его смерти сменяет Партатуа, осмелившийся потребовать у самого царя Ассирии – Арсахаддона, выросшую в неге и холе дочь. Ассирия, склонив голову, соглашается на требования неотесанного и пропахшего конским потом и бараньим салом предводителя кочевников. Усваивая добычу, наглые пришельцы отдыхают у морских берегов на зимовках.

***

На зимовке у Гирканского (Каспийского) моря багровое солнце медленно уходит за седые вершины Кавказа, заливая его снежные вершины в розоватый цвет и превращая поверхность моря в обширную поляну красного золота. С тихим плеском ударяются тихие пурпурные волны о прибрежный песок, охлаждая прибрежные камни. Ночь быстро спускается на землю, запоздавшие рыбаки торопятся выйти на берег, налегая на весла. На дне лодки лежат разные сети, на корме в корзинах сложена рыба. По берегу бродят лошади кочевников да на взгорье горят костры конных разъездов, готовивших вечернюю похлебку.

В Передней Азии у кочевников сменяется еще одно поколение. Партатуа сменил могучий богатырь Мадий, царствовавший в этих краях еще двадцать восемь лет. Бесцеремонно попросив помощь у ассирийцев, и получив ее, Мадий устремляется на Египет. Разгромив заслоны Мидии, выходит к Месопотамии, разбив во встречном бою армию вавилонян. Пройдя без особых проблем

Сирию, Палестину, конница варвара доходит до границ Египта. Благословенная страна Та-Кемет убоилась диких орд огромного человека с косматой гривой. Фараон Псаметих выслает посольство, которое выполняет все требования дикаря. В течение целого года вынуждены выплачивать дань, опустошив тем самым амбары и хранилища. Пока Египет выплачивает дань, Мадий прогулялся по странам Ближнего Востока или «Серебряного Полумесяца» (Палестина, Финикия, Сирия). Дело дошло до того, что в некоторых завоевательских рейдах участвуют только женщины-саки без правой груди, ибо она мешала стрелять из луков во все стороны.

В это время (V - IV век до новой эры) Мидия, Лидия и Вавилон решают покончить с Ассирией, так низко упавшая в глазах объединившегося треугольника. Более года идет война, атакующим не хватало сил, чтобы уничтожить ассирийцев, пока между воюющими сторонами, ровно посередине, не появляются тяжело груженные войска Мадия. Все четыре государства стали выжидать. Хитроумный и коварный царь Мидии Киаксар, появившись, с небольшой свитой в лагере усталого Мадия, уговаривает пойти его вместе с ними на Ассирию. Столица Ассирии – Ниневия взята через три месяца. Мидяне убивают мужчин, насилюют женщин, младенцев берут за ноги и разбивают головы об стены, царственных особ и вельмож делят по знатности. Вавилоняне раскапывают дворцы в поисках золота и серебра, красивой утвари и дорогих статуй. Кочевники берут оружие и коней.

На месте великолепной Ниневии – самого известного в мире города Ассирии остаются руины. Сопротивление ассирийцев продолжается еще три года, уповая на помощь Египта и сына фараона Псаметиха I – Нехо. Египетские войска, выпедившие на помощь Ассирии, по пути разбивают войска иудейского царя Иосия, которому стрела попадает в горло в начале боя. Ассирийцы, избрав нового царя Ашшур-убалитта, осаждают город Харран. Не успев подойти фараон Нехо со своими войсками, как вавилонский царь Набопаласар поспешил на выручку населения города. Египетские войска отходят обратно. Вавилон превращается в самую могущественную страну после гибели Ассирии.

Мидия окидывает свой взор на Сагартию, Карманию, Персию. Покорив их, придвигается к самой Индии. Лидия подминает под себя Малую Азию, заставив признать себя сюзереном Милета, Галикарнаса и других. Вавилон, заняв Двуречье, положила глаз на страны «Серебряного Полумесяца», которые дружат с Египтом. Набопаласар, уже старый и больной, поручает их завоевание сыну Навуходоносору. Встретившись у города Кархемиш, он разбивает войска Нехо и ассирийцев, берет в плен сотни тысяч пленных. Остается только пройти и завоевать по ошеломленным городам Средиземноморья и маленьким государствам, как Сирия, Палестина и Финикия, как в это время умирает его отец, а трон занимает представители местной знати.

Вернувшись на родину без кровопролития, Навуходоносор садится на трон отца. Через шесть месяцев, укрепив тылы, новый царь идет к Иерусалиму, штурмом овладевает им в 587 году до новой эры. Рухнула мечта иудеев на свободу и независимость их государства, да вдобавок, умер фараон Египта Нехо, а на престол всходит тихий и смиренный Псаметих II. Проскочив Страны «Серебряного Полумесяца» царь Вавилоном быстрым опустошающим шагом, подбирается к берегам Нила. Сменивший Псаметиха II, фараон Априс укрепляет город-крепость Пелусия, стал выжидать. Чтобы наладить отношения и прекратить войну, Априс выдает за Навуходоносора свою дочь Нитокрис. Заключив союз, Вавилон и Египет обращают внимание на Мидию, у которой разросся непомерный аппетит.

***

Было уже далеко за полночь, когда сотни тысяч кочевников появляются у стен города Тушпа. Луна, плывущая по звездпаднему небосклону среди серебристых туч, показывает всем, кто столпился на крепостных стенах, как ловко и быстро ставят пришлые люди свои юрты. Все население осажденного города сильно волнуется, разбуженное криками сторожевых на высоких башнях, озаряемых отраженным лунным светом и пламенем костров во вражеском лагере. Едва установили белую семикрыловую юрту, как открываются крепостные ворота. В стан мчится конная лава из трех тысяч всадников.

Враг почему-то не оказывает сопротивления, быстро отходя в стороны, пока у белой юрты, не вспыхивает сильный огонь, затмевающий красоту луны. Откуда ни возьмись, появляются вооруженные всадники, поливающие атакующих звездпадными стрелами. Наиболее ретивых конников накалывают на копья, накидывают волосяные арканы, сдирая нападавших с коней. Вернулось обратно в крепость немного, всего с десяток воинов, скакавших в конце ударной группы.

Напрасно надеялись страны Передней Азии, что на время затихший Мадий успокоится и уйдет обратно, чтобы переварить награбленное. Наоборот, отдохнувший кочевник, поднимает свои тумены (тысячи) на города и веси, молниеносно пройдя их, нападает на столицу Урарту – город Тушпу. Последняя крепость Тейшебаини под руководством царя Русы II, сына Эримена, стоит упорно, но и

она взята. Пал последний оплот царства Урарту. Военизированное государство, существовавшее на страницах всех древних карт, больше не возродилось.

Покончив с одним «союзником», проглотив по пути Манну и ряд мелких государств, распространив свое влияние на большую часть Кавказа и Закавказья, Мадий оставляет сторожить «Железный проход» племя манкуртов. На пути стоит Вавилон, кочевник решает не торопить события и основательно подготовиться к броску. Но правитель Киаксар не дремлет, понимая, что за Вавилоном придет и его черед. Тем более, сейчас, когда кочевник из Дешт-и-Кипчака подминает под себя Персию, Эламу, Урарту, Гирканию, Сагартию и Карманию (Германию), став самым могущественным царем во всей Азии. И быть прислужником у пропавшего конем кочевника ему не очень хочется.

***

Пока Мадий вкушает победы в Передней Азии, на далекой родине саков многое меняется. Южные саки, прозаввшие себя хаомоваргами (изготавливающие хаому – наркотик), проживавшие на территории Узбекистана, Туркмении, в долине реки Мургаб, отделившись от Дешт-и-Кипчака, попадают под влияние оседлых народов Маргяны, Согдианы, Бактрии, Мидии, Ассирии. Быстро теряя прежний облик кочевника, они передают обычаи предков. Неискушенные в интригах сплетен и дворцового оболванивания степняки теряют власть в городах, ибо против грубой силы всегда выступает мягкая лесь и шелковая ласка.

Основной костяк саков разделился на две группы – саки-тиграхауды (остроконечные шапки) и саки-массагеты (парадарайя, т.е. живущие за рекой Сыр-Дарьей). Первая группа, спаянная единовластием, этому способствует и внешняя угроза, проживает на территории Семиречья, Чуйской долины и Восточном Туркестане. Вторая группа представляет собой слабенький союз. Их разрозненные кочевья располагаются от южного Урала до Семиречья. Стон стоит на земле массагетов, пепел сгоревших поселений разносит ветер в разные стороны.

Первыми не выдерживают племена сколотов, теснимые массагетами. Поднявшись с родных кочевий, уходят далеко на запад, к Борисфену (Днепру). Их не пускают обратно, на пути встают оперившиеся северные прикаспийские племена сарматов (аланы, роксаланы, савроматы, языги и другие). Они проживают в VI-IV веках до новой эры на территории от Тобола до Волги. Создав мощный союз савроматов, возглавляемый по наследству вождем-женщиной, ведут войны с соседями. В III веке до новой эры, вытеснив причерноморских скифов, савроматы воюют с государствами Закавказья и Римской империи, но в были разгромлены гуннами.

На востоке сз (саки – по-китайски), оставшиеся без поддержки родственных саков, бьются с неисчислимыми народами страны Чин (Китай). На севере, ослабленных междоусобицами и распрями, саков быстро поглощают племена узкоглазых и скуластых людей.

На разоренную землю массагетов переселяются земледельческие племена из Хорезма, Маргяны, Согдианы, Бактрии. Не отстают от них кочевые племена савроматов, кангюев, каспиев, исседонов. Захватывая пастбища, разоряют кочевья, угоняют скот, уводят людей в рабство.

***

Правитель Мидии приглашает Мадия с вождями на пир в честь их будущего совместного похода на Вавилон. Ах, какой устроен пир, то пирам пир! На столе имеется все, что пожелает душа. Празднество сопровождается песнями, танцами и красавицами. Тосты следуют один за другим. К середине пира, когда большая часть гостей уже не может стоять на ногах, царь Киаксар, осторожно наблюдавший за всем действием, протягивает пиалку царю кочевников, наполненным вином. Мадий что-то пробормотал, сделал попытку оттолкнуть руку, запрокинулся навзничь и захрапел. Тут же прозвучал гонг: выскочившая охрана режет подряд всех племенных и родовых сакских вождей. Воспользовавшись сумятицей и растерянностью, возникшей в среде кочевников, Киаксар воткнул нож в горло, пьяного в усмерть, самого Мадия.

На новую родину, Сакосену – область Закавказья по реке Кура, оставшаяся под властью истинных саков, осторожно и с оглядкой возвращаются поодиночке и небольшими группами саки. Но они уже стали лишними в этой среде. Времена Ишпакая давно прошли. О мести нечего и думать. Взбунтовавшаяся молодежь кочевников, вкусившая сладость и запах дворцов, объединяется. Отказавшись вернуться к традиционным юртам, они подаются в Лидию, нуждавшуюся в крепких и воинственных нукерах (воинах). Другая часть, что поменьше, принимает решение идти на север, через Кавказ к Танаису (Дону) к сколотам, чтобы остаться с ними, чем искать родину за тридевять земель.

Только горсточка воинов домой во главе с непримиримым Токсаром, младшим братом Мадия, упорно стремятся на родину, Дешт-и-Кипчак. С ними возвращается и сын Мадия – Спаргапис (от которого позже родится будущая царица саков Томирис), единственный из многочисленных сыновей, уцелевших после бойни в Мидии. На родине, в Центральной Азии и казахских степях, к концу III века до новой эры проходят бесконечные распри между соплеменниками за земли, богатства и корону. Неистовый Токсар, внук великого вождя Ишпакая, сын Партатуа, младший брат Мадия, охваченный бешенством, бросается в бурлящий котел распри, где и погибает от рук массагетов. Еще очень молодой Спаргапис чудом уцелел, появляется в Хорезме, где милостиво принят под покровительство властелином этой богатой и чудесной страны, чтобы через десятки лет стать царем саков.

БРАТЬЯ

Среди сотен тысяч саков, ушедших вместе с Ишпакаем, были и два брата, Амирхан и Меирхан, самые младшие сыновья Атабека от младшей жены. Ушли тайком, точно зная, что им не на что рассчитывать в родовой иерархии, впереди них двадцать братьев от семи жен отца.

Уведя тайком ночью двух сильных коней-трехлеток, прихватили с собой оружие и снаряжение старших братьев. Догнав за Ташкентом знакомый сводный отряд дулатовцев, одного из сильных родов Семиречья, пристают к последней колонне. Одному шестнадцать лет, другому – четырнадцать. Изогнутый лук и колчан, туго набитый оперенными стрелами, прикреплен с обеих сторон чепраков. Кони парней, степняки-саураны, серые с темной полоской вдоль хребта, крепкие и горбоносые, настоящие берки (выносливая дорожная лошадь), выдержали многие тяжести и лишения. Судьба охраняет братьев от шальной отравленной стрелы, острой пики, отточенной сабли и пьянства. Проявляя заботу о младшем, Амирхан оберегает брата от врага в конной лаве, одиночных боях.

Сам Ишпакай жмет руку Меирхану, на глазах у всех нукеров дарит коня с богатой сбруей и серебряные доспехи воина. Во время конной атаки нога лошади вождя попадает в яму сурка. Она на всем скаку переворачивается, но опытный воин успевае выдернуть ноги из стремян, прокатившись клубком несколько метров, вскакивает на ноги. Озираясь по сторонам, замечает всадника, который на полном скаку останавливается около него и предлагает своего коня. Благодарно улыбнувшись, Ишпакай, вскочив в седло, помчался догонять своих. Спустя десять минут Меирхан, изловив чужую лошадь, участвует в этом сражении наравне со всеми.

***

Держа лук и стрелы в руках, братья проскакали пол-Азии, поили коней у рек, втекающих в Средиземное море, побывали, сопровождая послов, на Синае. Увидели Палестину, Сирию, любовались невиданными доселе красотоми чужого края. Участвуя в походах с Партатуа, Амирхан уже стал сотником, брат – десятником. Перед уходом на завоевание Ассирии, под руководством Мадия, Меирхана назначают тысячником, Амирхан получает в свои руки тумен. Братьев вполне устраивает кочевая разбойничья жизнь при Ишпакае. Партатуа, после смерти Ишпакая, становится верховным вождем кочевников, определяя всем иметь семьи, выделяет им временную зимовку у Каспия – родине новых саков, Сакосену. Они должны иметь пополнение на месте, ибо с далекой родины уже никто не помогает. На зимовке у родственников имеется по несколько жен, рождаются дети, перед самым походом в Вавилонию у старшего брата появляется внук.

Перед передовым отрядом Мадия, туменом Амирхана, стоящего на пригорке, лежит Ниневия, гордость Ассирии. Город, куда доселе не ступала нога вражеского воина. Сюда приходят чужеземцы только в качестве рабов или пленников. Три месяца саки штурмуют столицу, непрерывно сменяя тумен за туменом. Через проломы в стенах воины Мадия врываются в город. Тумен Амирхана получает направление к всемирно известным «Садовым воротам», главной улице, по которой цари Ассирии, возвращались со своих победоносных походов на колеснице, в которую впряжены цари поверженных государств и их приближенные. Основная задача его отрядов состоит в том, чтобы найти, защитить и сохранить конюшни царя Син-шарру-ишкуну и его родственников, собирать

оружие. Опытные скотоводы понимают, что лошадь – главное средство быстрого передвижения, скорости атаки, а от хорошего шлема, щита, сабли или меча зависит их жизнь. Мало интересуясь взаимоотношениями народов, не вмешиваясь во внутренние дела, кочевники, как и прежде, ограбив одну страну, перескакивают на другую, тем самым не засиживаются подолгу на одном месте.

Окружив конюшни десятью тысячами нукеров, Амирхан быстрым опытным взглядом определяет состояние лошадей. Поручив выводить их за городские стены, он с тысячей Меирхана, проскакал город в поисках наживы. Каково было их удивление, когда на окраине города за дворцом первого советника царя, усмотрели оседланных десятков благородных коней с накинутыми переметными сумками-хуржунами. Чего только там нет: украшения, драгоценные камни, серебро и золото в пластинах. Братья прячут хуржуны в ближайшей яме, а рыже-золотистых и булано-золотистых коней с золотыми и серебряными седлами дарят самому Мадю.

В течение недели братья кружат вокруг северных ворот Ниневии, понемногу вывозя содержимое из тайника, пока не последовал приказ выйти в поход. Забрав последнее имущество, они возвращаются в зимние лагеря. Амирхан готовит тумен к походу, Меирхану поручено учить конному бою молодых саков. Впереди – Урарту. Кочевники покидают разоренную столицу Тейшебаини, унося с собой все, что можно увезти на конях.

***

Опытный Амирхан, наблюдая за событиями вокруг знати кочевников, почувствовал внутренним степным чутьем угрозу, исходящую от сладкоголосого Киаксара, царя Мидии. Мудрый воин понимает, что это грозит отставкой, но все равно не поехал на торжества. Сославшись на состояние здоровья, послал своего заместителя, который поехал на званый обед с тревогой в душе. Мадий погиб, обезглавленные войска растерялись, оставшиеся в живых тысячники разбегаются в разные стороны, уводя за собой своих нукеров. Защищенный тысячей Меирхана, Амирхан понимает, что мидийский царь не даст спокойно жить воинам. Господству кочевников положен конец, поэтому приходится думать о семьях и возвращении на родину.

Ночью, окружив караван с семьями плотным кольцом нукеров, конница выступает из Сакосены. Снявшись с места, тысяча под командованием Меирхана, внемля советам старшего брата, продвигается через низовья Каспия, на родину со стороны Устюрта. Обычный маршрут опасен, ибо известие о смерти Мадия уже достигло всех государств, находящихся на пути следования. Возвращавшиеся саки выбирают другой путь, наиболее длинный, как казалось, самый опасный. Впереди пески, откуда мало кто возвращается, сзади мидийская конница. Легко и тихо, копыто в копыто, скачут выученные кони. В призрачном свете луны сверкают щиты, белеют кованые палицы, выются на ветру султаны на шлемах. Меняя коней, через пять конных переходов достигают окраины песков. По следам уходящих саков мчатся мидийцы, но за высохшей рекой Атрек отстают совсем. Они понимают, что пески не возвращают добычу, зато с охотой принимают желающих испытать себя на жару.

Наняв проводников-каспиев, продав коней и купив верблюдов, Меирхан ведет людей от колодца к колодцу через пески Каракумы. Запоздалая песчаная буря пронеслась над мертвыми барханами. Ветер яростно трепал, пробившиеся сквозь пески, засохшие искривленные кустики, шевелил песок, прихватывая на пути все, что ему попадется. Серая масса, заполнив весь свет, закружила, завертела, накрыв у озера Сарыкамыш караван. Погибло много людей, в основном женщины и дети.

Когда солнце поднялось над барханами, тяжело больной Амирхан, вел растянувшийся почти на две версты верблюжий караван, обходя населенные пункты. Отдохнув у Окса, набравшись сил у соплеменников-каракалпаков, беглецы двигаются дальше на родину через Кызылкумы вдоль русла речки Жанадарьи и выходят к казахскому поселению Шишли. Похоронив Амирхана на левом берегу Яксарта, Меирхан, прикупив шерсть и кожу, ведет людей на родину, как купец, возвращавшийся домой. При подходе к Каратау, за ними в отдалении следуют конные, постепенно собираясь в группы.

***

Всадники ехали по каменистой тропе. Она, прихотливо извиваясь, то спускалась вниз, то юркой змеей поднималась вверх, открывая ненадолго панораму пройденного пути. Пожилого воина не покидает тяжелое раздумье. Следовавший за ним личный охранник с трудом сдерживает своего коня, равнявшегося вперед. Скакун пляшет, трясая гривой, поводит горящими глазами, с трудом смиряясь под опытной рукой всадника.

Погруженный в свои тревожные сны, Меирхан неосторожно колет своего коня шпорой. Тот взвизгивает на дыбы и мчится вперед. Конь охранника, словно ждал этого момента, тоже поскакал за передним скакуном. Бешеная скачка соответствовала душевному состоянию вождя маленькой колонны. Ему хочется рассеять угнетавшие его думы, поскорее добраться до места назначения и освободиться от тревог.

На возвышенностях показываются какие-то всадники. Заметив скачущих воинов, они устремляются охватить его, стараясь сократить расстояние, рысью пускаются наперерез. Все вооружены копьями, мечами и луками. Увидев остальную массу появившихся воинов из-за холма, ускакали прочь.

- Да! намерения у них серьезные, не упуская из виду, постоянно маячат на глазах. Видимо, боя не избежать. Земля моя! Ты создана быть раем, но станешь местом, где похоронят и меня вдалеке от родимой сторонки. Кто может узнать меня, обоженного солнцем Персии, Малой Азии и Каракумов, бежавшего отсюда в поисках счастья и стремящегося на исходе лет домой? - подумал Меирхан.

Пожилой воин упорно ищет выход из создавшейся ситуации, старается уйти от назойливых преследователей, но караван, женщины и дети сдерживают движение быстрых казахов. У горы Бессоз, понимая, что оторваться будет трудно, вождь, выставив дозорных, собрал людей. Принято общее решение – принять бой. Преследование до предела утомило соратников. Вождь глубокой ночью закопал свое добро под скалой, нажитое в боевом походе, сделав отметину на камне.

Спрятав в пещеру жену и маленького внука, доверив им тайну тайника, заваливает вход. Тысячник со своими нукерами ранним утром, когда солнце озолотило вершины гор, принимает бой. Нападавшие нукеры бьют стрелами из луков с больших расстояний. Меирхан погибает сразу, стрела попадает в глаз и пробивает мозг. Раненых, взятых в плен, терзая, допрашивают, насилая и убивая на их глазах жен и детей. Но никто не знает, куда девалось богатство, тщательно сберегаемое вождем. В живых никого не осталось. Старушка, заткнув уши внуку Толену, слышит, как мучают воинов и родственников.

Благодаря воде и еде, предусмотрительно заготовленные вождем, они просидели в каменной пещере пять суток. Выбирая камень за камнем, сталкивая их в глубь пещеры, смогли выбраться на волю. Еще через трое суток, скрываясь в лощинах, оврагах, каменных распадках, добираются до селения, где жили саки-дулатовцы, оказавшиеся дальними родственниками братьев-кочевников. Столетний старец Тулеген, видевший на свете так много и знавший столько историй, с трудом вспомнил о событиях дней давно минувших:

- Стойте, люди! Я вспомнил о двух сыновьях одного из известных дулатовцев. Богатый и известный казах Атарбек зимовал обычно в этих краях, а весной ставил свое кочевье в те годы у горы Казыгурт. Той весной саки уходили на Персию, вместе с ними и ушли два сорванца, его сыновья. Имен я уже не помню, но, если эта женщина говорит, что это они, то так это и есть. Примите гостей, тем более правнука знаменитого человека. Накормите и напоите чаем, проводите их с достоинством домой, скоро осень, все аулы возвращаются с гор.

Только перед смертью персиянка доверяет тайну золотого клада деда юноше, вернувшегося на родину. Клад так и не найден. Его упорно искали «красные, зеленые, белые, синие и черные», перекусавшиеся и подстроившиеся, в поисках до сей поры все родственники того юноши, у которого была бабка-персиянка. Сильнейшее землетрясение изменило облик гор и той местности, где он был зарыт.

СКАЗАНИЕ О ЮРТЕ

Путнику, идущему по склонам Каратау, внезапно открывается глубоко внизу широкое, зеленеющее в весенних берегах воздушно-голубое озеро. А осенью оно становится воздушно-желтым, с редкой стеной темно-зеленого камыша с коричневато-желтыми метелками и золотистой долиной выгоревших от солнца трав. Посередине озера белеет парус рыбацкой лодки, в которой чинят сети рыбаки, возможно, ловят мощного сазана, собирают дань из ленивого леща. Крикливые чайки, собираясь в кучки, не могут поделить не только воздух, но и небольшие плавучие островки. Серая цапля на мелководье упрямо вышагивает в поисках зазевавшейся добычи. Озерные заводи полны стайной рыбы. В бурные ночи на озере пенистые гребни волн, освещенные луной, кажутся белой одеждой святого старца, каменное изваяние которого стоит на ближайшем, высоком холме.

Вся жизнь казаха состоит из кочевков. К лету – в горы, осенью – на равнины и степи. К середине осени, когда степи пожелтеют совсем, а предгорья осыпает разномастная листва, несколько семей пастухов заранее спустились с гор к одной из самых лучших мест казахских степей – к предгорьям Алатау, озеру Биликуль и Аккуль. Проезжаемому путнику видно, что кочевка вернулась с кочевки совсем недавно. В мягкой и пряной польни, ещё не истоптанной травой холмах, пасутся лошади,

чуть дальше, у низин – лежат отары овец. Две-три женщины подвешивают необходимый наряд юрт, двое – красно-кричневыми камнями выстилают очаг.

Так было во все времена. Каждому роду или племени, составляющих население улуса, выделялись пастбища, основываясь на учете травяного покрова. Улусный султан со своим народом занимал выделенные владения на территории ханства. Перекочевывали только владельцы скота, в советские годы – колхозные пастухи. Бедняки, отказываясь от кочевки, оставались на местах, круглый год, проживая на берегах рек. Поэтому вся территория выпасов делилась на четыре типа сезонных пастбищ: кыстау – зимние; коктеу – весенние; жайлау – летние и кузеу – осенние. Весеннюю кочевку казахи встречали с восхищением и радостью: отощавший скот быстро набирал вес на зеленых просторах, появлялся приплод. Юрты кочевники ставили у взгорья, оттуда видно далек пастуху. Летние кочевки были связаны со свадьбами, играми, скачками, устраивались состязания борцов, музыкантов и сказителей. Осенние кочевки с удивительной точностью совпадали с весенними. В декабре степняки занимались забоем скота (согум), а вместе с этим были связаны и зимние игрища: скачки, кокпар (козлодрание), пирами и взаимными угощениями.

Жители степей не были скитальцами, как это хотят представить современному народу некоторые живописцы и маратели бумаг. Пастухи точно следовали за своими стадами, отарами, табунами, направляя их с одного поля на другое, в поисках свежей травы и воды, соблюдая при этом скотоводческую культуру. К примеру: последовательность выпаса – сначала прогоняли лошадей, потом пасли там же другие виды животных; лишние жеребцов холостили; баранов, чтобы избавиться от вредных насекомых весной купали в растворе воды с креолином; не вытаптывали пастбища. Стригли шерсть (весенняя и осенняя стрижка), чтобы не было жарко овцам, особо следили за курдючными баранами, которые не могли поднять свой курдюк.

***

Степь скована лунным светом и вокруг мерная тишина. Только привычное, чуткое ухо хозяина юрты услышит храп лошади, ленивую брехню собаки или шорох осыпавшихся камней на обрыве. Под аспидным небом за скатертью сидит большая семья, соблюдая строгий обычай. Рядом со стариком, по правую сторону – гости. По левую – взрослые родственники по возрасту и значимости. Точно так же располагаются и дети – чуть старше ближе к взрослым, малыши ютятся возле кумгана-медного чайника, в конце стола или дастархана. Так было, да-да, и было при мне, есть и, надеюсь, сохранится это в обычаях народа. Во главе дастархана сидит седой человек, чей возраст перевалил за девятый десяток лет. Молодая женщина разливает традиционный чай в пиалки детям, а каждый пожилой человек имеет свой чайник.

Женщины, тоже соблюдая ранжир, сидят у другого самовара отдельно в юрте, рядом с другой молодой женщиной, кормящей грудью малыша. У них свои разговоры, вечные, как мир: о завтрашнем дне, о дойке, хлебе, мясе и домашних проблемах.

Чуть ниже светлеет большое озеро, вокруг которого густой бахромой темнеет камыш. С востока извилисто петляет обмелевшая речка Машат. Если подняться на вершины Алатау, то видны долины других рек, самой дальней из которых является речка Аксу. Тихо и мерно вокруг, только шаловливый ветерок гонят воздух возле остывающего костра. Вдруг встревожено хлопнули птицы крыльями по воде. «Наверно, лисица растревожила их вечерний покой», – подумали взрослые. Залаяла собака, всером подняв неугомонных шумливых соседок. Повскакали с мест молодые парни, решительно хватаясь за шокпары-дубинки, лежащих у ног. Раздается топот, с лошади спрыгнул пастух, пригнавший с водопоя коров.

Казахская юрта играла и играет до сих пор главную роль в кочевом образе жизни скотоводческих племен. Ее легкую ажурную основу, раздвигая в длину, ставят по кругу на землю очень быстро, связывая каркасы между собой. К каркасам привязывают одинаково длинные жерди-стойки. Стойки, в свою очередь, втыкаются в двенадцать отверстий шанырака - круглую центральную основу и большим отверстием в середине с пересекающимися и закрепляющими его поперечинами. На неё накидывается войлок, который по сезону можно приподнимать или откидывать в сторону, чтобы сохранилось тепло или сквозил воздух. Вся юрта длинными стойками поделена на двенадцать равных частей, каждая из которых соответствует определенному месяцу и носит названия созвездий. Место этих созвездий постоянно, поэтому можно довольно точно определить время, не выходя из юрты.

Шатер имеет круглую форму. Крыша и боковые стенки затянуты белым войлоком или материей, расшитыми звездами и цветами (для богатых). Посередине юрты раскладывают небольшой костер или ставят печку. Женщина подбрасывает пучки сухих колочек или ветку, вспыхивающих ярким пламенем, озарявшим загорелые лица сидевших на коврах знатных людей. В теплое время котлы для варки пищи устанавливают за пределами юрты, ставя их на камни или врывая в землю. Под ним горит кизяк и хворост, наполняя дымом всю округу. Озаренные красными отблесками огня, женщины большими деревянными ложками (ожау) возятся возле котлов, накладывая куски мяса в легены (большие плоские тарелки). Пожилые женщины ловкими движениями рук с острыми ножами нарезают горячее мясо, предназначая каждую часть для определенного гостя. Дети разносят легены к распорядителю стола, который ставит их перед гостями, согласно обычаю и традиций, существующих много веков в степи.

Вход и дверь располагаются строго на юг (полдень - созвездие Быка), где и в каком бы месте не ставит юрту. Двухстворчатые двери покрывались резьбой по дереву. Юрта состоит из трех частей: кереге - решетчатый остов; уык - жерди, купола юрты; шанырак - круговое навершие юрты. Каждая решетка (кереге) состоит из тридцати шести планок - саганак, изогнутых посередине. Решетки изгибают двух видов: из массивных планок с мелкой квадратной сеткой - тор коз и тонких планок крупной сеткой - жел коз. Решетки каркаса снаружи обкладываются циновками из тростника - шымши. Поверх циновки юрту обкладывают кошмой, подвязывая веревочками (бельдеу) к стойкам и ажурной решетке (от середины свода кошму называли туырлыкы, от шанырака до низа свода - узук).

При разборке юрты, быстро скатывают кошмы и циновки. Деревянная основа легко разбирается, грузится на повозки, коней или верблюдов. Легкая юрта грузится на двух коней или одного верблюда. Толстая кошма предохраняет людей от зимней стужи и защищает от палящих лучей солнца. Обычно рано утром или перед сном приподнимают нижний край кошмы для естественной вентиляции юрты. В простых юртах на пол раскладывают сено, на него бросают, изготовленные из камыша циновки, сверху стелют кошму. На кошму кладут домотканые циновки, сверху стелили короткие корпеше-одеяла для гостей.

По своему назначению юрты делились на три основных типа. Парадные юрты, предназначенные для приема гостей, отличались большим размером и богатым убранством. Они отличались количеством крыльев (канат), покрывались белым войлоком и шелком. Наиболее богатыми по убранству считались свадебные юрты - отау. Убранство юрты состоит из различных деревянных и кожаных предметов, изделий из войлока, циновки и ковров. Широко распространены войлочные ковры (текемет), войлочные ковры с аппликацией (сырмак), тканые ковры (килем), делившиеся на безворсовые (такыр килем) и ворсовые (тукти килем). Богатые войлочные настенные ковры, орнаментированные аппликацией, инкрустацией и вышивкой, называют тус кииз. Юрты, служившие жилищем, имели меньший размер. В хозяйстве ставили дополнительные юрты для хозяйственных нужд - кухни, склады и подсобные помещения.

Напротив входа находится почетное место юрты - тор для гостей и заслуженных людей. Пространство у входа называется босага. Справа от входа располагается утварь и посуда, слева - конская сбруя. Справа от босага стоит кровать хозяев, отделенная занавеской - шымылдык. Обычной картиной присутственного места казаха, его непременным атрибутом был и остается сундук (сандык). В нем находится все богатство кочевника, на который стопками складывают кошмы, одеяла, подушки. В зависимости от количества сундуков, ажурности его внешних украшений, количества стопок кошмы, одеял и подушек, деревянных изделий, покрытых художественной резьбой, судят о достатке хозяина, его семьи. В середине или ближе к выходу ставят железную печку, выводя трубу наружу. Кошму над шаныраком откидывают, создавая дополнительное освещение.

Утварь и посуду хранят в подвесных подсумках - аяк кап, войлочных коробках - шабадан, ковриковых сумках - коржын, состоящих из двух равных карманов и соединяющих их переменной

частью. Обычно в каждой юрте имеется деревянные предметы – подставки – жук аяк, коробки для продуктов – кебеже, вешалки – адабакан. Форма сферического жилья является копией сферы небосвода. Были случаи, когда моя бабушка перебирала всю юрту и не успевала его заново поставить, точнее, накрыть купол. Глубокой ночью мы лежали в юрте без круглой крыши, рассматривая небесную сферу. Видимо, именно тогда у дедушки возникла мысль научить меня бродить в мыслях по Млечному Пути. Юрта состоит из трех частей, так и человеческая жизнь подчинена цифре три. Человеческая душа у казахов после смерти представлена тремя видами: ет-жан (тело уходит в землю), шыбын-жан (душа улетает в небо), рух-жан (память остается дома), поэтому, умершего перед выносом из дома три раза поднимают и опускают. На Земле существуют четыре чаши – чаша Грааля, чаша Джамшида, чаша китайцев, чаша Будды. Но мир должен знать, что четыре – это четная цифра, необходимо добавить и пятую чашу казахов – чаша небосвода или купол юрты.

***

Для зимовки богатые люди строят саманные дома, изготовленные из глины с добавлением соломы или нарезанной травы. Под солнцем саманные кирпичи или блоки каменеют и могут служить пятьдесят, а при тщательном уходе – более ста лет. Во дворе дома или рядом с домом ставят юрту – в богатых семьях устанавливают трехкрылую или пятикрылую белую, для населения – простую, черную. В ауле, принадлежавшем тому или иному роду, семикрылую белую юрту ставят вождю. Ставят их и богатым родственникам.

Для вождей племени или рода – девятикрылую, султанам и ханам – двенадцатикрылую юрту. В такой юрте имеются отдельные двери в женскую половину, мужскую часть, гостевой зал и кухню, сообщавшиеся между собой дополнительными входами и закрытыми переходами. Двери для гостевой и проходов в другие помещения имеют две створки. В праздничные дни вокруг городов, озер, на пастбищах в одну ночь на указанных местах вырастают поселения из юрт. Также в одну ночь они и исчезают. Были случаи, когда для гостей с разных концов казахских степей гостеприимные хозяева ставили двести и более двенадцатикрылых юрт. Были случаи, когда в XII – начале XIX веков, ставили пятнадцати и семнадцатикрылые юрты.

Я помню, как бабушка собирала молодых женщин-соседей и родных, нас – босоногих мальчишек. Мы были обязаны натаскать воды, нарезать травы для своей скотины, особенно, коров, и домашним животным соседок, работавших во дворе по сборке чия (ший) – камышовых накидок на юрту. Женщины садятся на полотно по три человека, мотками длинных шерстяных ниток, перевязывая каждую камышинку. На время обеда им варят вкусную, особо вкусную еду из свежей баранины, давно высушенного казы из конины и высушенного мяса говядины. Чай подают по желанию ткачей: с маслом, медом, куртмом и другими сладостями; кто и как мог, старался пить чай – автор пил чай с солью, с красным и черным перцем, с холодной водой, каплей уксуса и вина, другими острыми специями дивного Востока. Сушенные ягоды, фрукты, дыни, арбузы – деликатес, который я уже не помню со двора бабушки. Что такое сушеная малина знают все, положишь её в теплый чай, через пять-десять минут чай пахнет той же прелестью осени. Но никто не пробовал засушенную цветущую головку клевера, пустырника, и других трав. А после вкусного чая всех малышей ложат спать, бабка добавляет туда сон-травы, чтобы они не мешали работать взрослым.

***

Хотя времена нынче здорово изменились, я знаю, что для всех казахов обычай гостеприимства является священным. Для гостя стелют лучшие одеяла-корпеше, подкладывают под руку подушки, вытаскивают из сундуков припрятанные, на всякий случай, угощения, стелят красивую скатерть. Первые разговоры идут вокруг да около основной темы, осторожно подбираясь к главному вопросу, а пока расспрашивают друг друга о здоровье семьи, родственниках, состоянии скота, изменении погоды. Когда вносится самовар, беседа постепенно набирает степенство.

Главный разговор предстает только после того, как гости попьют чай. Обычно хозяин юрты дает повод к разговору, гость умело и тонко обходит препятствия, создавая обстоятельства, доводя до главы семьи, причину приезда. После этого в юрту вносят на больших – плоских подносах – бесбармак. У каждого рода и племени имеются свои традиции: тесто, сверху мясо или наоборот, отдельно мясо и тесто, с приправами, картошкой, добавками, специями. Помыв руки, приступают к еде, где каждая кость или кусочек мяса имеет свое толкование и предназначение. Голова барана подается только высокому гостю. Отрезав кусочек, он может передать ее дальше по кругу или хозяину юрты.

При живом отце, дети не имеют право держать в руках сваренную голову. Их могут только угостить его частями. Уши предназначены внукам или малым детям, язык и губы – девочкам. Глаз, чтобы быть зорким, ухо – послушным, мозг – умным. Принятие пищи проводится со степенством, без торопливости и суеты. Глава семьи следит за принятием пищи гостей, увлекая их разговорами. Заносят в большой чаше горячую супру, разливают по пиалам. Первую пиалу подают высокому гостю. Прогулявшись по свежему воздуху, ополоснув руки, гости приступают к чаю.

Пьют из турсуков (кожаных мешков) кумыс, выпивают пиалу до дна, оставляя там четверть глотка, выказывая свое уважение к хозяину. Напиток при этом хозяева непрерывно мешают деревянным ковшом затейливой резьбы. Некоторые хозяева используют ковши из благородного металла, искусно обработанные драгоценными и полудрагоценными камнями. Кумыс из пиалы можно выпить в несколько приемов, делая передышку в разговорах. Пустые чаши или пиалы наполняются кумысом и передаются обратно или разносят остальным. Только после этого подходят к завершающему этапу разговора. Если хозяин немногословен, то приглашается речивый родственник или сосед.

Не принято говорить прямо, к примеру: - «Мы приехали засватать вашу дочь или от вашего жеребца хорошее потомство, поэтому решили купить его жеребенка». Это возводится в ранг словесных хитросплетений, намеков, обозначений – недаром говорят: «Восток- дело тонкое». От умения вести разговор, степени и важности события зависит и ответ: он может быть дан прямо сейчас или откладывают на один, другой или третий день. Если нет главы семьи, то решение вопроса откладывается до приезда хозяина или важных родственников. Обычно, чтобы не попасть в просак, казахи высылают гонца, предупреждая о визите. Тут глава семьи должен догадаться о причинах приезда столь высоких гостей и соответственно подготовиться.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Невеста казахов везет с собой приданное – юрту, сундук, кошму, одеяла и другие принадлежности. В семье, куда она прибывает, считается состоятельной и богатой, если количество привезенного имущества с собой, подчиняется цифре девять – девять кошм, девять одеял, девять подушек, девять платьев, девять пар обуви и т.д. Специально подготовленные мужчины пересчитывают пригнанный скот, определяя возраст и состояние животных.

Три пожилые женщины или старушки принимают приданное, пересчитывают и на общей сходке сообщают количество подарков. Семья жениха должна вернуть подарки в таком же количестве и качестве, если не больше. Если семья казаха выезжает в гости, то они везут подарки всем членам другой семьи и в зависимости от достатка пригоняют лошадь, корову, бычка или барана, не считая съестные подарки – сладости, сухофрукты, жареные на масле баурсаки, наут-расплавленный сахар в молоке и многое другое.

Подбирая сноху, узнают, где, в каком роду и племени проживает она. Кто ее отец и мать, чьи они дети, выясняют родословную и возможность заслать сватов. При худости и бедности жениха, родители невесты могут отказать сватам. Подбирают по равности, возможности, иногда идут на хитрость и жертвы. Сватами подбирают красноречивых соседей или аульчан - до пяти человек, из тех, кто не лезет за словом в карман, могли на домбре сыграть, спеть и станцевать. Жених, предупрежденный о сватовстве, старается увидеть нареченную заранее, но родственники обычно скрывают невесту до тех пор, пока он не откроет ей лицо на свадьбе. Были случаи, когда будущий муж шел на любую хитрость, чтобы увидеть лицо будущей жены хотя бы издалека.

При обоюдном согласии, обговаривают калым-выкуп, приданное, время проведения свадьбы и со всеми родственниками готовятся к свадьбе. Я помню, чтобы женить одного из внуков, деду пришлось отдать жеребца со двора сына Даутбека, за которого в то время предлагали автомобиль «Волга». Потом отогнали корову, теленка и пять овец. Женитьба сына для казаха, особенно бедного, это трагедия. Никто не хочет идти в дом нищего. Свадьбу справляют осенью, ближе к зиме, когда пригонят, нагулявший в три пальца жир, а то и в пять, скот с отгонных пастбищ, но этот обычай канул в лета. Ныне свадьбу проводят от возможности и по необходимости в любое время года.

***

Проводы невесты начинаются встречей сватов (кудалык), где они, переходя из одного дома в другой, с одного стола к другому, знакомятся со всеми родственниками девушки, привыкают друг к другу, общаются, даже, если они очень знакомы. Во время встречи-кудалыка, которая продолжается до позднего вечера, сторона жениха надевают на уши девушке золотые сережки, золотые кольца дарят ей и матери, а отцу дают деньги (стоимость лошади), а они в свою очередь дарят кольца отцу и

матери жениха. По возможностям принимающей стороны, сторону жениха приглашают в три-пять, а в наиболее богатых семьях, и семь домов. До позднего вечера идут приготовления к проводам невесты из дома – проводится малый девичий праздник. Специально выделенные женщины той стороны провожают невесту к дому жениха и остаются с ней до свадьбы. Как только приводят невесту (обычно глубокой ночью) в дом жениха, на ее голову самая авторитетная и пожилая женщина рода накидывает большой белый платок (акжаулык), чтобы скрыть её лицо.

В доме жениха праздник встречи невесты продолжается до утра. Перед свадьбой проводится бет-аппар – открытие лица девушки-невесты (с головы снимается акжаулык). Перед гостями ведущий в песенной форме и под музыку расхваливает всех родственников жениха от мала до велика, заставляя невесту делать поклоны им. Хваленые родственники бросают на поднос ведущему деньги (платки, платочки и другие вещи), специально назначенные женщины разносят всем женщинам аула красивые платочки на голову. Как только с головы невесты (это делают сопровождающиеся ее молодые женщины принимающего рода), снимают белый платок, закрывающее лицо, ей накидывают белый платок ежедневного пользования, символизирующий принадлежность к женщинам. С этого времени жена сына обязана при встрече со всеми его родственниками делать поклоны со скрещенными руками впереди. Одновременно со свадьбой начинается кудалык – теперь гостей той стороны встречает отец жениха. По числу приглашенных домов на той стороне, должен быть обратный ход, обычно этот вопрос обговаривается заранее.

В традиции казахских степей есть и такой обычай. Невесту, желающую выйти замуж за любимого человека, при отсутствии калыма и согласия родителей, крадут. Договариваются молодые и используют все средства уйти вместе, не попасться погоне в руки. Пойманного жениха могут оставить калекой, убить. Последствия бывают разные: легкие, тяжелые и очень тяжелые. Бывает, что невесту крадут без ее согласия, насильно, днем, вечером, ночью. После того как привезут ее в дом, все зависит от умения окружающих уговорить невесту. За дело принимаются бабки, тетки, соседки, подружки и сам жених. При согласии невесты шлют гонцов с откупными, без калыма, сообщить о свершившемся факте. Бывало, что их принимают, намяв бока, отпускают обратно. Принимая гонцов, могут угостить и напоить. Тут можно плакать от горя и смеяться до слез. От седобородых стариков можно услышать интереснейшие случаи, происходившие в степи – жениха и невесту могут прибить камнями, растерзать стрелами, топтать конями или простить.

В ауле Мадани, что виднеется верхушками тополей, молодому статному джигиту, что находится за горами, понравилась девушка, несшая полные ведра воды. Сойдя с коня, попросил напиться, донес ведра до дому и уехал. Через некоторое время вновь вернулся в аул, чтобы встретиться с ней. Досужие бабки, заметив встречи девушки с незнакомцем, предупреждают родителей. За девушкой поставили сторожа, докладывавшего обо всем родителям, предупредили бабушек, но все взятые вместе проглядели хитрую особу. Молодой человек каким-то образом объяснился в любви, девушка согласилась убежать из дома родителей. В безлунную ночь, жених приготовил двух отборных, выносливых коней, с подставами через двадцать километров, увез безлунной ночью в свои края. Ему помогали все молодые люди аула, где он проживал. В степи не скроешься, в горах следы остаются надолго, но жених и невеста каким-то образом ушли от погони, в которой участвовало до пятидесяти человек. Через полгода молодые прислали сватов, приглашая родителей на свадьбу.

СЕМИРЕЧЬЕ

Древняя история Казахстана – это история скотоводческих племён, освоивших Великую степь, позже и Дешт-и-Кипчак в ее азиатской части. Его этнический состав менялся в течение трех-четырёх тысячелетий. Одни приходили, другие уходили, но уже тогда люди знали, что есть коренные народности. Это многочисленные и хорошо вооружённые народы, стоявшие в различных боях за себя и свою родину, о которых акыны слагают песни и легенды.

Привольный и богатый край. Даже царь царей Кир в 529 году до н.э. доходит до гор Каратау. Тогда на месте Туркестана уже существовал маленький аул. Александр Македонский в середине 328 года до н. э. добирается до Самарканда, пройдя Бактрию и Согдиану (ныне Узбекистан). Переправился через Сыр-Дарью. Постоял, подумал, получив рану, вернулся обратно после небольших стычек и ушел в Индию. Правитель царства Цинь Шихуанди в 221 году до н. э., завоевав и объединив враждовавших соседей, объявляет себя первым императором Китая, принимается перестраивать, обновлять, достраивать Великую китайскую стену, которая не смогла удержать монгольских захватчиков.

Только птички водовороты, да ненасытные дикие звери убирают останки прошедших боев, а дождь, солнце и снег добирают остальное. Степь только кажется пустой, на самом деле, она тихая и безмятежная, зловещая и полная опасностей. Дикая, не только сама, но отличается еще и дикостью

душ. Люди живут, как могут: преступник спасается от закона; пастух охраняет стадо; бесшабашный ищет приключений; лихой высматривает добычу. На людей охотятся, как на сайгаков или волков, освобождая земли и территории. Ничего не осталось, только не сгнившие человеческие кости выглядывают из-под земли у обвалившихся берегов рек, оврагов да находят «черные трюкопатели» проржавевшее оружие.

Земля саков, уйсуней, кангюев, казахов служила и служит приманкой для разных правителей, потому что Семиречье отличается от других территорий казахских степей наличием поливных земель. Тут можно снимать два урожая проса в год, выращивать хлопок и, знаменитые на весь мир, дыни. На косогорах зреет горох и овес. Пшеницу выращивают на богарных полях, молотят на собственных мельницах, а мукой торгуют в Маргелане, Согдиане, Хорезме, Бактрии, Парфии и северных районах Дешт-и-Кипчака. Люди умело обрабатывают кожу, изготавливают седла, работают с железом и драгоценностями, не чураются мелкой работы и всего того, что необходимо степняку в обыденной жизни.

Обладая такими волшебными возможностями, Туркестанский край являлся и до сих пор является яблоком раздора. На край мастеров и земледельцев, изобилия и волшебной природы, зарились, точа зубы, монголы и тимуриды, китайцы и персы, завидуют поныне и другие. Великий царь царей Кир оставил здесь свою голову в мешке, наполненном кровью. Сакская царица Томирис удовлетворила его желание выпить кровью казахов. Этот урок прошел даром, людям свойственно многое забывать. Приходили афганцы, Хромой Тимур, узбеки, кокандские ханы, монголы и многие другие. Положила глаз и далекая Россия.

***

Семиречье удобно располагается вдоль хребтов Киргизского Алатау и его отрогов Каратау. Полноводные реки, охраняемые дороги, крепости в дне конного перехода, в свое время служили основанием для создания Великого Шелкового пути. Удобное сообщение по воде, вдоль воды, крупные города, как Тараз, Сайрам, Манкент, Шымкент, Ташкент и другие, дают возможность для провоза товара, продажи и обмена.

Торговля, в особенности транзитная, была необычайна уже в древности: расцвели и возвысились города, помогая расцвету поселений, что оказались на их пути. Она способствовала не только торговым (товарным) контактам, не только обмену вещами и раритетами, что само по себе очень важно, но и обмену достижениями культуры, идеями, нововведениями, открытиями. Далеко не всегда обмен являлся равносильным. Как раз наоборот, чаще влияли одни, а воспринимали чуждое влияние другие, но это не мешало тому, в конечном счете, что выгоды имели все стороны. Именно это и поддерживает всегда торговлю, побуждает тех, кто в нее вовлечен, включая многочисленных посредников, активизировать свою деятельность и решительно преодолевать все препятствия, коль скоро они возникают. Торговля и дороги, пересекавшие всю казахскую степь, становились той же животворной, кровеносной системой в масштабах туркестанской ойкумены, которой завидовали многие, если не все.

Благодаря торговле в отдаленные регионы проникали не только сами по себе идеи, в том числе исламские религиозно-культурные, но и живые носители этой идеи, ревностно пропагандирующих их, энергично способствовавшие распространению, и её практическому воплощению. Еще одна важная функция торговли – влияние на остальные этнические общества, на племена и народы, вступившие на путь государственности. Если продолжать дальше, то созданный арабами (пророком Мухаммедом) на рубеже VI-VII веков ислам также, в конечном счете, является следствием и итогом торговли и всего, связанного с нею.

***

Чуть ниже на западе за Туркестаном заканчиваются отроги Каратау. Дальше идет аул Шиели, город Кзыл-Орда и Аральское море. Уже никто не знает, что первой столицей Белой Орды, ставкой великого хана становится небольшой захудалый городок Сыгнак. Отсюда не видно, южнее и на запад за Каратау начинается благословенная земля – Туркестанский край, малая часть Дешт-и-Кипчака. Этой территорией правили мои предки. Разные они – богатые и беспечные, воины и командиры, султаны и ханы, муллы и правители, после революции, уравненные в правах и обязанностях граждане Советского Союза.

Великий Шёлковый путь пролегает именно через южные города, расходясь от них в разные стороны: от Чимкента, через Ташкент вплоть до Кавказа и Турции; от Тараза, вдоль Каратау до Аральского моря, по казахским степям к Волге.

Пять конных переходов от реки Чу до озера Балхаш. Десять конных переходов от озера Аккуль до Сыр-Дарьи. Всего за один день от небольшого озера Аюкжыкын, в которое впадает река Чу, можно добраться до Сыр-Дарьи. В прибрежных тутах обитает множество диких зверей и животных. Особенно много табунов диких лошадей, позже названных Пржевальскими. Водятся гепарды, тигры, огромные стада сайгаков и джейранов. Хомяк, словно мулла, совершающий утреннюю молитву, сидя на задних лапках, следит с высоких холмов за разноликой степью, расстилающийся перед его острым взором.

Пустыня и степи чередуются между собой крепко просолёнными равнинами–такырами, кое-где заканчивающиеся каменными утесами. Вокруг любого родника, оазиса жизни, находится поселение того или иного казахского рода. На пути караванов стояли крепости из саманного кирпича, развалившиеся со временем от дождя снега и ветра, теперь служащие памятниками времени на земле Туркестана.

***

До сих пор находят кладоискатели сокровища тех, кто спрятал их до лучших времён и сгинул навсегда. Одно только захоронение «золотого воина» кургана Иссык близ Алматы принесло славу облику сакского воина. Именно сакского – и не только потому, что этот курган расположен на территории им принадлежавшей, но и насыпан в «сакское» время. находка ввела саков в великий мир переселений ещё и с интересным открытием. На одной из серебряных чаш, стоящих возле останков «золотого воина», археологи обнаружили нацарапанные знаки – следы письменности. Тщательный анализ показал, что надпись на чаше, состоявшая из двух строк, содержит в общей сложности 25 или 36 знаков, среди которых удалось распознать семнадцать различных, что свидетельствует об алфавитном характере надписи. Да, это верно, что саки не оставили после себя письменности, среди многочисленных находок и раскопок не обнаружено даже следов ее существования. Поэтому сложилось убеждение, что в сакских обществах не было её, но иссыкская надпись опровергает несправедливо обойденных историей саков и дарит надежду на то, что и это мнение не столь уж неизбежное. Величайшая библиотека рукописных изданий Средней Азии и Казахстана, расположенная в Отраре, спрятанная от монголов, так и по сей день, не найдена. Она могла бы дать ответы на многие вопросы казахской истории, но те, кто спрятал её, не знали, что Казахстан вновь возродится из пепла.

***

В Семиречье жили многие тысячи тысяч людей, стада не умещались в предгорьях, приходилось занимать места на пастбищах заранее. Теперь эти земли пусты. Две-три отары овец на склоне гор, да и у озера Биликуль или Аккуль кормятся более десятка стад крупного рогатого скота. Чуть выше за озером на севере в десяти конных переходах на землях когда-то жившего здесь казаха Байконыра, построили космодром Байконур. Еще выше, где бродили сайгаки, сторожили холмы суслики, хозяйничали волки, первозданные земли распахали и назвали целиной.

В середине августа жара спадает. Небольшое селение, утопавшее в зелени, готовится к вечерней дойке скота. Солнце еще не успело зайти за горизонт, но легкие сумерки быстро спускаются своими крыльями на землю, окутывая людей легкой тенью. Дымятся печки, нагревается чайник, кто-то месит кумыс, в тесном дворике кормят кобылиц, коров и баранов. Слышны крикливые голоса женщин, расшалившихся детей, да изредко слышен лай собак на его окраине. В юртах и тянувшихся вдоль арыков, речек и рек, маленьких глинобитных домах зажигаются огоньки, тлеет лучина. В открытые двери можно увидеть нехитрую утварь и незатейливое убранство простых людей. На бахчах темнеют полосатыми боками тыква и арбуз, набирают сок дыни, на маленьких огородах тянутся к свету овощи – морковь, лук, зелень. От созревающих садов тянет упрямо-пряным запахом скороспелых яблок, винограда и других фруктов. Во дворах стоит скот, добирая остатки травы и падалицы от доброго хозяина. Остро пахнет засолёнными шкурами, да журчит вода, прерываемая рычанием вечно недовольных собак. Так было в давние времена и то же происходит сегодня, мало, что изменилось у селянина.

БАЙДИБЕК

Лето приносит в город адскую жару с северо-запада, из пустыни Кызылкумы. Солнце нещадно освещает улицы Ташкента, тротуары и улочки, тополиные аллеи возле центра города, полосатые парусины над столиками бесчисленных чайханчиков, потоки пестро одетых людей, снующих в

поисках удачи по городу. Бесчисленные деревья от полуденного зноя свесили листочки в надежде на прохладный вечер.

Город испускает благоухание. Центральные улицы пахнут розами. Бесчисленные магазинчики, встроенные в дома, где торгуют китайской мануфактурой, арабскими духами, индийским фарфором и разной мелочью Востока. Боковые улочки заполнены лавками, дынями, арбузами и всеми дарами земли. Рынки источают невообразимый аромат ванили, перца, имбиря, сушеной дыни, свежих разноликих овощей и фруктов. Где-то топят дровами из саксаула, а в бедных кварталах витает кизячный дым. Остро пахнет обсыпанный свежим луком, перцем и облитый уксусом, готовый шапшлык.

Сорокачтырехлетний Байдибек, сын Караши, внук Уйсина, правитель Ташкента и всего Каратау, не сомкнул глаз всю ночь. То ли от безмерной жары, то ли непомерной усталости владетеля от бесконечных дел, а может от неприятной беседы с советником по тайным делам, но, что-то тревожило его, беря душу и сердце. Сон не шел к нему уже который день. Из-под жесткой подушки несло далекими и неясными чертами будущего. На рассвете, накинув халат, хан спускается к речке. Скупался в невидимом за туманом озерке. Вода живая, прохладная, как парное молоко, но в глубине – студеная. После купанья сам растер тело полотенцем, выпил пиалку горячего молока с медом, поданной слугой и вышел в сад.

Спустившийся с гор прохладный ветер будоражит всю округу. Дорожки небольшого парка подметены, политы водой. По траве бегают птицы, выбирают кузнечиков и других насекомых, летают ласточки, что свили свои гнезда под крышами сараев. Над притихшими ивами, что растут возле озера, в серо-голубоватой мгле нежно стонет голубь. Байдибек, чье уединение никто не нарушает, встав на берегу водоема, слушает, как в ближайшей роще кукует кукушка. Слушая откровения птицы, хан находился мыслями вдалеке.

Ветер с востока разгоняет сомнения, оттуда постоянно веет угрозой. Север спокоен, только племенные и родовые вожди в казахских степях грызутся друг с другом, выискивая меж собой точку опоры в споре: кто главнее, кто достойнее и богаче. Запад тихо млеет под одним и тем же солнцем, что поднимается среди вершин Угамского хребта. Правители территорий запада и юго-запада пока не будут пытаться повторить поход в наши края. Да им и некогда, идет междоусобица за владение наследством между якобы наследниками. Там братья и родственники режут друг друга, как баранов, за трон без остановки. С юга нет никаких вестей. После полученных известий о боевых столкновениях в Индии, Персии, Передней Азии, Малой Азии, оттуда долгое время не будет ни караванов, ни людей. Опустели и обезлюдели эти земли, где под тонким слоем земли еще не кончили разлагаться сотни тысяч трупов персов, афганцев, индийцев и многих других.

Байдибек вошел в сад. Старый слуга, сложив руки на груди, шел впереди. Хан с любовью осматривал не выданные доселе новые растения и цветы. Остановился возле бассейна, где пламенели красноперые рыбки с широкими нежными, как лагутина, хвостами. Слуга, подойдя к бассейну, вытащил из кармана серебряный колокольчик и желтоватый, шелковый мешочек. Старик, не переставая звонить, отошел чуть в сторону, рыбки быстро подплыли к краю водоема.

Он отсыпал на ладонь с десяток белых крупинок из высушенных личинок муравья, бросил рыбкам, чтобы правитель понаблюдал, как они, толкая и высовывая из воды золотые головки, хватили еду, вырывая их друг друга. Не отрывая глаз от красивых рыбок, Байдибек думал совсем о другом: о проблемах степных просторов, вражде казахов между собой, упрямо вычисляя откуда идет угроза государству. Не громко, чуть слышно, прошептали его губы слуге: «Мы выезжаем через Казыгурт к Каратау, пора отдохнуть от жаркого лета. Подайте мне лошадь и сообщите женам – завтра утром общий выезд. Пусть выезжают за мной».

С самого начала исторических времен Дешт-и-Китчак, колыбель первобытных народов, по мере увеличения народонаселения, извергает из недр своих потоки конных лав по всем возможным направлениям. Извержения, подобно волнам, следуют одно за другим в разные времена в разносильных массах. Кочующие племена, населяющие обширные степи, порождают великих людей, жадных до славы и крови, поработав себе окружающие племена, устремляются к соседям с мечом и цепями. Все эти походы во всем сходны между собой – пламя войны пожирает чужие земли, миллионы людей, целые государства исчезают под копытами лошадей.

Казахи с самого начала политического существования ведут беспрестанную войну за свою свободу. Образ врагов им хорошо известен: иногда побеждают, чаще проигрывают, ибо единство от них отвернулось. Разрозненность – главная черта степняков, сыгравшая отрицательную роль в их жизни. Владычество врагов, при всех его ужасах, помогло некоторым умам понять, что нужно объединяться во имя великой цели. Не все это понимают, даже и сейчас, многие в этом не нуждаются. Они думают только о дне сегодняшнем – лишь бы простоять день да ночь перетерпеть. Будет новый день, будет и пища, а там будет видно. Нужен лидер, который возьмется за дело и поведет за собой во

имя великой цели, за которую погибли тысячи и миллионы, так и не понявшие, за что отдали свою жизнь.

Наблюдая за давно знакомым миром долины Каратау, Байдибек замечает, как сгоняет пленительную лазурь полутеней поднимавшееся светило. Лучи солнца освещают зеркальную поверхность озера, подсушивают зашелестевшую траву и листву на деревьях. Спустившийся с гор, шальной ветерок промчался над сонной долиной в низовье ущелья, залутовав среди высоких тополей.

Если встать на возвышенность, то отсюда далеко видно вокруг. Пасутся стада овец, табуны коней, у воды отдыхают черный рогатый скот, где-то в низовье вьется дымок пастушьего костра. Это тоже надо: не единой работой жив человек. Появились из оврага сыновья, степенно выезжая к отцу на резвых конях. Но мысли Байдибека, владетеля Каратау и земель до Сайрама, Туркестана и Ташкента, далеки от земли.

Ветер с востока поднимают владетели Поднебесной и народы, находившиеся под их опекой. «Длинное ухо – узункулак» приносит верную информацию. Китайцы исподволь готовятся вонзить свои зубы в казахские степи. Их волчий аппетит становится все больше и шире. Посылая караваны с китайским шелком, богдыханы, при помощи купцов, разведывают дороги к богатым скотом казахским степям и городам Туркестана, проходя на Бухару и Мерв. Уже третью разведку проводят посланники Поднебесной, предлагавшие мир и согласие на многие года. Готовя загодя свои армии в наступление, правители Востока обучают конные отряды в боях с приграничными племенами, чтобы быстро добраться до Ташкента. А на их пути стоят только мирные казахские аулы, кочевавшие из степей в горы и обратно.

Летучая китайская зараза может испортить хрупкий мир, едва наступивший в Великой Степи. Повелитель казахских гор знает, что слова бесполезны. Против силы можно противопоставить только силу. Но этой силы у него нет. Вокруг куда ни глянь разорение и разруха. Тошье, землистого цвета щекнами, казахи, костлявые казашки, дети, вечно голодные и покрытые болячками, стоят на вершинах холмов и смотрят на восток, ибо оттуда начинается день и всходит солнце, дающее надежду на сытость и благополучие.

Байдибек уделяет серьезное внимание положению дел в степи. Все больше времени он проживает в городе и тем, кто идет за ним из степи в города из кочевников, по мере возможности помогает, уменьшая некоторые повинности. Привыкшему к кочевому образу жизни населению приходится ломать свой уклад, традиции, нравы, обычаи, становясь придатком хорошо налаженной городской жизни.

В каждом степном роду есть многочисленные бии, султаны и батыры, имена которых превратились в боевой клич. Поэтому все труднее становится находить общий язык со своевольными степными хозяевами, не признававшими над собой ничьей власти. Хану приходится действовать методом кнута и пряника.

Вечереет. Луна уже стоит высоко и светит ярко. Выйдя на пригорок, хан присел на траву и долго оглядывает окрестности. Затихает пригород, люди сидят за самоваром, делятся впечатлениями и сомнениями, строят планы на новый день. Тем временем луну окружают облака, точнее рябая облачная пена, медленно выплывавшая из-за Угамского хребта. Мягкий лунный свет растворяет тонкую и нежную ткань небесных покровов, стараясь втянуть в хоровод земные тени.

Ночь всегда кажется Байдибеку временем мудрого созерцания. Днем можно рассмотреть снег на горных вершинах, увидеть полет беркута, рябь на поверхности воды, трепет листьев, травинки и бабочек. Ночь заливает темной тканью зелень лугов, красоту цветов, яркие наряды женщины, закрывает высоту предгорий, разноликость степи и гор, позволяя видеть общие очертания знакомого. День – это хлопотун-работник и время насущных забот, повседневных мелочей. Над человеком горит синева, а солнце является свидетелем трудов человека. Ночь – она нигде не спешит, не думает о мелочах, в её небе зажигаются мириады звезд, чтобы подсказать истину заблудшему путнику.

Хан догадывается, что всякого человека время от времени посещают разные мысли о прожитой жизни и тщете дальнейших усилий. Жизнь коротка и полна иллюзий. Порой природа безжалостно разрушает мечты о неизменности сущего на земле, но еще страшнее идеи о войне, завоевании чужих территорий и их богатства. Подобные думы возникают от холода, голода, ещё от жадности и пресыщения, ему свыше ниспосылаются и сомнения, и совестные озарения, чтобы одумалось земное чадо и свернуло с неправильной дороги на праведную. Если бы всё что происходит на земле, происходило согласно задуманному человеком, совершаясь ровно так, как предначертал, и в тот срок, который он загодя установил, жить на белом свете было бы, хоть и менее интересно, но значительно проще. Чудо всегда рядом, оно зависит от самого человека, его понимания мира. Ведь недаром говорят в народе, что простые вопросы таят в себе бездну сложностей.

Байдибек, обладая несметными богатствами, имел в своем владении горы Каратау с востока и запада, севера и юга. В степях его скот отдыхал зимой и весной. В предгорьях пастбища принимали табуны летом и осенью. За время своей жизни он был женат четырежды: Первая – первая и старшая жена по имени Сары-байбише родила ему одного сына, которого называли Сары-уйсин. Вторая родила Жалмамбета. Третья – Силанды – родила Ысты, Ошакты. Четвертая – Нурила (Домалак-ана) – родила Жарыкшака.

Домалак-ана имела в детстве другое имя – Зейнеп. Второе имя Домалак она получила при рождении. Во время родов она появилась на свет со сросшимися пальцами на левой руке, сжатой в кулак, но уже смышленной. Черные глаза, как две бусинки, оживали при виде любого человека, рассматривали его, словно через рентген, улыбаясь определенным людям. В возрасте трех лет могла давать меткое прозвище гостю в доме своего отца, в пять – составлять ему характеристику, к семи годам – что ожидает его в дальнейшей жизни.

Перед своей смертью Домалакана пригласила сына Жарыкшака: - «Посиди со мной сын, послушай меня. Ты единственный, кто был со мной в радости и горе. Сейчас уже имеешь своих сыновей и скоро будешь дедом. Придет время, твои дети станут делить наследство, требуя от тебя невозможного и многого. Но перед этим наступит мор скота, погибнут верблюды, лошади и крупный рогатый скот. Успеете сохранить только то, что сможете перегнать в пески и изолируете от других. Спешите, ибо это будет очень скоро. Ты сможешь сохранить только то, что находится на далеких отгонных пастбищах в горах. В самое тяжелое время, когда вокруг не останется людей, с тобой останется только старший сын Дулат. Албан и Суан, особо будет стараться отделиться младший, уйдут кочевать в поисках своего счастья.

Не пожалей, отдай им положенную часть, пусть уйдут из дома без злобы, ненависти и жалости. Богатство вернется к вам снова, наследие твоего отца не потеряется. Просто те, кто уйдет из дома Байдибека, канут в безвестности и нищете. Их будут искать твои дети, дети твоих детей и многие другие. Об этом напишут книги, песни и сказания. Степь никогда не забывает своих сыновей, тем более детей и внуков Байдибека. Их найдут, помогут определиться в родстве, они займут свое место в истории края, но для этого нужно пожить далеко отсюда. Им нужно побарахтаться в грязи, окунувшись в которой, они должны выйти к людям чистыми и светлыми. Чтобы ты не говорил своим детям, они не поймут тебя. Запомни, это – самое главное для тебя, отпусти их с миром. Без добродетели, нет ни славы, ни чести! Это первая просьба ...

Скоро и я покину этот мир. Поэтому у меня к тебе последняя просьба. После моей смерти, проведите необходимые обязанности, которые требует наш обычай. После этого погрузите меня на белого верблюда, и отпустите его на свободу. Выведите его со двора и аула, больше к нему не подъезжайте, не гоните, не маячьте на глазах, находитесь от него вдалеке. Просто отпустите. Пусть идет туда, куда хочет. Там, где он ляжет, это и есть моя вечная стоянка. Снимите меня с него и положите в могилу».

Вблизи поселка Глинково Шаянского района Чимкентской области Казахстана, у автомобильной дороги в окружении деревьев стоит белый мавзолей, построенный потомками в честь женщины рода Кусирак – Домалак-ана. Его видно издали, со всех холмов, окружающих плоскогорье, ниспадающее к речке, что протекает внизу, недалеко от мавзолея Байдибека. Белый купол среди зелени и пашен весной; колосающейся пшеницы и фиолетовых гор летом; желтизны полей и степей осени; белого безмолвия снегов зимой. Здесь тишина, только песня жаворонка да шепот ветра нарушают безмолвие предгорий. Туда приезжают и приходят поклониться сотни и тысячи людей с разных концов Казахстана, ибо она символ женщины-матери-бабушки. Многих посетителей я не знаю, не видел, но мне кажется, что мы все родственники и потомки от Байдибека-ата и Домалак-ана, только разделившиеся во времени и пространстве на рода и аулеты, чтобы обособиться и жить по своим правилам игры в жизнь.

***

История женитьбы богатейшего казаха известна во всей округе. Уже имея трех жен, Байдибек выехал в Туркестан, чтобы выполнить обязанности, необходимые для каждого мусульманина. Проезжая кочевки, проверяя состояние своего скота, он со своими спутниками оказался на территории, принадлежащей мулле Мактам Азаму. Как только мулла услышал, что едет Байдибек, то вышел навстречу всаднику и пригласил его в свой дом. Некоторые служители мечети удивились происходящему: «Уважаемый Мактам Азам! Вы уже несколько дней ждете высокого гостя, и вышли встречать его заранее. Мы никогда не видели, чтобы вы лично встречали гостей. Это всегда исполняли мы. Нам понятно, если бы это был великий хан казахской степи. Но где это видано, едва

услышав имя какого-то казаха из далекой дешт-и-кипчакской степи, вы степенно вышли и приняли лично гостя».

В ответ Мактамазам-мулла ответил: - «Этот человек отмечен печатью Аллаха! То, что он богат, видно по седлу и коню. Многие и каждый может иметь золотую плетку, очень хорошие одежды и вышитые ичиги-сапоги. Но не это главное, он отмечен Богом! Своей милостью Всевышний наделяет только отдельных людей и это надо прочувствовать. Я уже за три дня знал, что ко мне едет гость. Посмотрите на него внимательно. Ничего не видите, жаль, а я вижу, видит это и моя дочь».

Байдибек, повернувшись к своим спутникам, отправил их заниматься текущими делами. Он прожил у муллы ровно год, участвуя во всех мирских и божьих делах Мактам Азама. Божий слуга выезжал с ним в степь, чтобы решать третейские дела родственников, поссорившихся князьков земель, заодно и увидеть работу правителя Ташкента, Сайрама и Каратау. Перед отъездом Байдибек зашел проститься с муллой. Он подарил ему богато отделанный посох, чеканный пояс и специально украшенный золотым шитьем халат.

Мактам Азам, потомок Ходжи Ахмета Яссави, пригласил уважаемого гостя на чашку чая: - «Байдибек, вы мудрый человек. Являясь правителем этого края, как я заметил, больше беспокоитесь о будущем нашего края, чем о своем богатстве. Мне повезло, что вы были моим гостем. Отдаю вам в жены свою дочь. Она умеет видеть будущее, предсказывать тайное и свершаемое волей других. Поэтому, ей здесь жить нельзя, очень мало места и воздуха. Немногие поймут особенность моей дочери, но рядом с вами она обретет свою добродетель через мытарства и трудности, укрепится в них и будет большим помощником в ваших делах. Родившиеся от вас дети и наследники в этом краю не поместятся, им будут нужны обширные степи».

То, что напророчил мулла Туркестана оказалось правдой. от реки Или до Сыр-Дарьи, от песков Чуйской долины до отрогов Алатау, вплоть до узбекских земель, расселились потомки степняка. Представительница двух святых домов (Бабайтунги-шашгаразы и Мактам Азама), Домалак предстала в обширной степи четвертой женой Байдибека.

Чтобы понять положение женщины в новом доме, где властвует первая и самая старшая жена, надо понять статус молоденькой невестки. Она – раб, выполняющая самую черную работу для самой первой и старшей, обделенной вниманием мужа. Она проходит адовы круги рабочего дня, ложится спать самой последней, за любую невыполненную или не успевшую выполнить вовремя работу ее ожидает наказание. Издевательства и унижения на глазах у людей, побои, нехватка еды, контроль за ней днем и ночью – в общем, то немногое, что ожидало Домалак.

Молодая женщина, которой поставили отдельно черную юрту, прошла тяжелейшие испытания, но не согнулась. Первая жена Байдибека, Сары-байбише (желтая старшая жена), люто ненавидела Домалак за то, что она из богатого и известного дома, умеет читать и писать по-арабски и общаться с людьми, которые приезжали в гости за помощью издалека. Она билла ее втихомолку и в отсутствие Байдибека, чем попало, нанося раны, только за то, что хозяин часто ходил к ней ночевать. Молодая женщина забеременела, но издевательства не прекращались ни днем, ни ночью. Ребенок родился, от ее ударов у него осталась родовая печать (тамга), которая засветилась во время родов. Его назвали Жарыкшак (Светоч). Эта тамга передается из рода в род по мужской линии, начиная от Жарыкшака. Она была у моего деда, отца, есть и у меня, всех моих детей в виде сердечка.

Чтобы быть свободной для исполнения дел по хозяйству, мать пленала мальчика в детскую казахскую люльку-качалку (бесик), которая, качаясь, сама по себе, взбиралась на самое почетное место в доме. Старшая жена, посылая проклятья, относила качалку с ребенком обратно к двери, ибо то место, где она останавливалась, предназначала своим детям. Но люлька свои движение не прекращала, возвращаясь обратно в центр юрты.

Были случаи, когда путники, проезжая мимо юрты Сары-байбише, останавливались у дома Домалак. Домохозяйка, согласно принятым обычаям степи, угощала гостей кумысом, а напиток почем-то не кончался. Байбише-старшая жена Байдибека, которую приглашала младшая жена за стол в знак уважения старшей по дому, ударом ноги опрокидывала посуду, выливая забродившее конское молоко и уходила восвояси. В ответ на недоуменный вопрос гостей, улыбаясь, отвечала, что такой же напиток есть у нее, но он повкуснее. Но Аллах был милостлив: у Домалак вновь наполнялась посуда, она продолжала угощать людей.

Первая жена, однажды, со злостью сорвала, висевшие на входной двери кожаные мешки с кумысом. Опрокинув их, стала выливать напиток на землю, но, вылетевшие изнутри мешков два голубя, до того напугали ее, что злодейства на некоторое время прекратились.

Во время одной из кочевек, старшая жена заставила остаться Домалак на прежнем месте среди степи без средств существования. Разогнала по кочевкам людей, угнала весь скот, забрала всю еду с мыслью, чтобы молодая младшая жена владельца несметных богатств умерла или исчезла навсегда со своим сыном.

А враги, постоянно следившие за богатством степняка, решили напасть на скот Байдибека. Увидев младшую жену на прежней стоянке без средств существования и охраны, сказали: - «Скажи, куда перекочевал Байдибек. Стажешь правду - наградим, нет - приедем и убьем».

Догнав стада Байдибека на одной из кочевок, конокрады угнали табуны коней. Возвращаясь, воры завернули к Домалак, сидевшей у порога одинокой юрты на берегу речки со своим сыном. Они, в знак благодарности, предложили ей выбрать любого коня. Молодая женщина указала на саврасого жеребца. Враги отловили его, привязали к коновязи дома и отбыли.

Байдибек, только что прибывший из далекой поездки, услышав про нападение на его людей и конокрадство, поскалал в погоню. За ним помчались девять спутников, всегда сопровождавшие его в делах. Увидев на привязи саврасого коня у юрты четвертой жены, он спросил у нее, мол, в какую сторону ушли конокрады.

Домалак ответила: - «Сойди с коня, отдохни, попей чай. Завтра все твои кони вернутся, их жеребец стоит здесь. Не губи зря жизнь людей. Ты послушался свою первую жену Сары-байбише, оставив меня здесь, теперь послушайся меня. Не ходи в погоню».

Но Байдибек есть Байдибек. Хозяин степи, кто может его испугать, грозно сверкнув очами, развернув коня, помчался навстречу беде. Во время погони все его спутники погибли в схватке с конокрадами. На следующий день к обеду весь табун сам вернулся к юрте Домалак. Байдибек, похоронив погибших людей, мучился от душевной боли, понимая всю нелепость своих дел. Женщина напомнила ему, что она предупреждала его не ходить за врагами, а кони сами вернутся обратно. Пожелтевший от горя ее муж, хотел, было прикрикнуть на неосторожную женщину, но, посмотрев на нее, впервые понял, что она послана ему Богом свыше. Уверовав в ее святость, он собрал людей, оставленных на дальних кочевках, и поселил рядом с ней. Через некоторое время перекочевал вместе с ней и сыном в аул. Советы мудрой женщины и ее предсказания сбывались вовремя. Она оградила Байдибека от многих неосторожных шагов, подсказывая ему направления выхода из созданной им ситуации.

***

От сына Сары-байбише, Сары-Уйсина, есть дети, но потомки малочисленны.

Вторая жена Байдибека, Силанды, уже прошедшая ту же школу выживания до Домалак, оказалась добропорядочной женщиной. Она, как могла, оказывала помощь Домалак – отмывала кровь на голове и теле молодой женщины, перевязывала ей раны, носила кушать сыну Жарышаку. Ее потомки многочисленны и богаты.

От Байдибека и его сыновей распространились двенадцать родов. Его земли простирались по всему Каратау на обоих склонах. Достигнув старческого возраста, он умер на юго-западном склоне гор, где поставлен ему мавзолей. Шакшам, младший брат Байдибека, согласно обычаям казахов и степи должен был жениться на его младшей жене Домалак, но отказался.

Тогда Домалак сказала ему: - «Ты принес горе не только себе, но и мне. От тебя я родила бы еще двух сыновей – один владел бы Средним Казахстаном, младший был бы хозяином Южного Казахстана. Не доживи до осени Шакшам, если доживешь, то твой род, не достигнет и сотни человек».

Так и получилось, род Шакшам существует, и по сей день, проживая на родной земле у гор Каратау.

Поэтому, рассматривая мужскую ветвь генеалогии, мы благодарны своей пра-пра-пра и прабабушке Домалак-ана за терпение и стойкость, уверенность и мудрость. Сын Байдибека-ата и Домалак-ана, Жарышак, освещая нам путь, дал путевку в жизнь целому поколению людей перечисленных выше.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Стоит полуденная изнуряющая жара. Все живое попряталось в тень деревьев или домов, выискивая любую преграду солнечным лучам. В мареве танцующего воздуха появляется большой караван. Впереди в белой одежде вышагивает пожилой человек, за ним одnogорбый верблюд без поклажи, к седлу которого привязана длинная веревка, которая тянется к следующему верблюду. И так от верблюда к верблюду. Через каждые семь-восемь двугорбых, нагруженных поклажей, находился погонщик, озирающийся по сторонам. Монотонно, без суеты и спешки, крика и понуканий, только звон колокольчиков на шее первого верблюда малого каравана. Белесая тяжелая пыль тут же оседает, чтобы подняться под копытами следующих животных.

Перевалив через бархан, человек в белом стал пристально вглядываться в плывущую даль. На высоком холме, подняв красную тряпку на копье, сидел на коне всадник. Трижды он поднял его вверх, трижды наклонил его влево. Порывшись в хуржуме-сумке, пожилой человек поднял над головой точно такую же красную тряпку, повторил те же движения. Всадник, прищипорив коня, исчез из виду. Когда полуденное солнце стало прилекать еще жарче, вдруг передний верблюд высоко поднял голову, захрапел и прибавил шагу. Погонщик одернул его за поводья: - «Куда? Это только ты понял, что близко вода. Остальным еще полдня идти до этого места. Поэтому не торопись».

Сейхун-Дарья лениво пересчитывала своими водами тени от зарослей тальника, лаская песчаные берега желтовато-коричневыми струями. Когда весь караван собрался на берегу, солнце подобралось к закату. Невесть откуда появившиеся люди помогли разгрузить животных, отводили поить и, сбивая их в табуны, отправляли под охраной мальчишек в степь. Уже кипятили воду, варили мясо, наливали в пиалки чай.

У самого среза обрывистого берега, где гулял вольный ветерок, сидели два старика. Маленькая девочка настелила им дастархан, сбегала за горячим кумганом-чайником, поставила перед каждым круто заваренный фаянсовый чайник. Накрыла полотенцем свежиспеченный хлеб, молча поклонилась и убежала по своим делам.

- Давно я тебя не видел, Мурат. Пять зим прошло с тех пор, как мы расстались. Расскажи, как жил это время. Что творится в степи? Везде слухи, чем ближе к Отрару, вдалеке отсюда этот город еще называют Фараб, Тарбан, Турар, тем страшнее.

- О! Благородный шейх! После того, как мы с вами расстались, произошло многое. Меняются, как перчатки султаны, владельцы разных земель. Исчезают люди, появляются другие. Времена меняются, то есть время остается тем же, просто скоро изменится мир. С востока идет большая сила. Монголами их зовут, а ведет их Чингиз-хан. Кто на что горазд: Чингиз-хан, Шынгыс-хан, Темучин, а может еще, как не знаю. Вся степь поднялась, наиболее хитрые и предприимчивые уходят на север, запад и юг, не зная, что их достанут чуть позже, чем остальных. Наверно и вам нужно ухаживать, караван не веревка, в песках не спрячешь. В Отраре волнения, собирается большое войско. Там сейчас голодно, трудно прокормить такую ораву. Поэтому войска стоят в степи у подножия Каратау.

- Моя дорога пролегает из Персии в Поднебесную империю. Ты же знаешь, что караваны охраняются падишахом, монголами и китайцами. Тем более, я имею охранную грамоту на территории шах-ин-шаха, дальше у меня есть золотая пайцзы-оберег или пропуск через земли монголов.

- Благородный шейх! Понимая вашу настойчивость, хочу предупредить, что посольство кичливых монголов вырезано, а их головы сушатся на копьях вдоль караванных дорог на восток. Сейчас лучше выждать. Верблюдов мы перегоним на тот берег Сейхун-Дарьи, укроем их в песках. Весь груз спрячем в пещерах, за целость и сохранность, а также молчание своих людей отвечаю сам. Пейте чай, он хорошо настоялся, самое время утолить жажду.

- Мурат, пусть все будет по твоему, а охранять товар все же будут мои люди. Проводи меня в город, хочу посмотреть на него и поведаться с некоторыми моими знакомыми. Да скажи своим людям, пусть постель мне постелят здесь.

- До города, если вы помните, три дня пути. Как раз мне нужно гнать туда отару овец. Поэтому вам придется сменить одежду, изменить внешность и стать временно пастухом бая Казанбая. В саму крепость нас не пустят, но на рынок проведу вас лично, тем более в базарный день.

***

С давних времен на Востоке существует два базара – малый и большой. Малый проходит каждую среду, большой – пятницу. Он необходим, чтобы решить внезапно возникшие проблемы. На большом люди встречаются, чтобы решить вопросы на неделю, месяц. Но каждый базар, где продают животных, начинается спозаранку и заканчивается к обеду. Вещевой рынок обычно находится рядом, он живет чуть дольше. На продуктовом рынке шумно весь день, кушать-то хочется всем. Зазывалы пронзительным криком приглашают людей на распродажу чужого товара, товарки с нежным отчаянием к концу дня предлагают за бесценок товар, ибо он пролежал весь день на солнце.

Начиная рано утром, базар заканчивается поздним вечером. Здесь все размеренно: лавки с сушеным имбирем, урюком, дыней, разного сорта перцем. Их запах нельзя спутать ни с чем, они притягивают к себе сухим воздухом Аравии, влажным ветром Индии, настоящей прохладой гор Алатау и ветренными переливами предгорий и степей Дешт-и-Кипчака. Отдельно кучкуются горы дынь и арбузов, ведра яблок, слив, посезонно, не мешая одно с другим. Продавцы свежей зелени, разносят товар по прилавкам, предлагая на выбор петрушку, лук и многое другое. От изобилия

запахов, шума, непрерывного движения, выкриков и настойчиво-наглых предложений быстро устаешь, хочется присесть где-нибудь в тенечке, отдохнуть и выпить горячего чая.

Лечебные травы продаются отдельно, фрукты уложены в пирамидальные горки, овощи часто обрызгивают водой чтобы они не потеряли товарный вид. Редиску уже можно купить в марте, помидоры и огурцы в апреле, первые арбузы уже можно попробовать в конце мая. Везут все или почти все. Лишь бы продать и купить другое. На базаре продается любой товар, нет этого товара, чуть позже принесут или привезут домой, только закажи.

Для выезда на рынок, люди, покупающие и продающие, собираются за целую неделю, всем аулом обсуждая необходимость товарообмена. Едут двое-трое, а то и более, чтобы не попасться в руки жуликоватых людей. Кому-то нужен сундук, седло с чеканкой, кошму и другое, необходимое в хозяйстве. Помогая соседу или родственнику, сопровождающие стараются сбить цену товара. Если не получается, то уходят, чтобы через некоторое время вновь вернуться обратно. Для того, чтобы убедить хозяина отдать за бесценок товар, нужно иметь талант. Чаще всего на этом греют руки посредники, обладающие даром красноречия или договаривающиеся с хозяином товара заранее, встречая на дальних подступах рынка зазевавшихся аульчан. Вокруг рынка стоят нищие, убогие и калеки, женщины с детьми, протягивая руки к прохожему за подаванием. Снуют в толпе цыганки. Обходят прилавки, обкуривая ладаном товар и молясь на удачу, назначенные люди.

С севера пастухи гонят тысячные отары овец, стада коров, табуны лошадей. Это все надо продать или обменять на уздечку, седло, красивое изделие для женщин, оружие. Северянам, как воздух нужна мука, соль, шелк и простой товар. Дети хотят попробовать вкус яблок и груш, шербета, конфет. Богатый юг, нуждается в свежем, соленом, сушеном мясе. Для выделки изделий требуется кожа и шерсть. Поэтому они встречаются на рынке, где многоголосица, движение и стремление купить-продать.

***

Базар – это тысячи людей, где каждый ищет только необходимое ему, толпа покупателей, непрерывно снующих в поисках чего подешевле. Здесь мотаются, как челноки, отдельные люди, обслуживающие потребности продавцов. В поисках приключения зеваки и праздношатающиеся ищут способы пристать к событиям. Есть и присматривающиеся к тугим кошелькам покупателей. Немного, но есть и те, кто приходит послушать этот шум, поучаствовать и поглазеть на сиюминутные разные истории. Это место, где один хочет обмануть другого. Рынок – цепкий, призывный, просящий, молящий, желающий и готовый на уступки. Продавец – сама неуступчивость. Посредник – сама лесть. Покупатель – он разный: активный, чаще всего растерянный и жалкий, очень редко самодовольный и наглый.

Почему-то вещевой базар или рынок для животных выбирают у склона горы в низине за городом или аулом. Продуктовый – всегда стоит на пригорке. Эту особенность никто не может разгадать, хотя и приводят многовариантные ответы. Точно так же нет чайханы у вещевых и животных рынков. Зато на продуктовом базаре им раздолье: в тени деревьев, под навесом, над проточной водой, только выбирай. Быстро расстелят скатерть, положат лепешку, две-три сладости, принесут заварной чайник и пилалку. Если надо что-то более крепкое, то принесут в том же в чайнике, разливай, пей и не жалуйся, ибо на Востоке пьянство не поощряется.

Шашлык на любом базаре – завидное угощение. Обычно им заканчивается продажа, люди, торопясь, не обращают внимания на количество мяса нанизанного на шампур. Таких много, они наспех проглотали мясо, залили чаем и вновь пустились в дело. Любители, знающие толк в этом деле, обойдут весь рынок и найдут, где хорошо обработано, приготовлено и пахнет уксусом жирное мясо, используется для дров саксаул, а не карагач. У хорошего мангала даже запах дыма имеет свой вкус, чай – особый аромат, а лепешка отдает сладостью тандыра. Можешь стоять долго, хозяин не прогонит, но и ничего не даст. Только шашлык нужно есть горячим и сразу. Подогретый, он имеет вкус залежалой соломки.

Базар – это место, где можно услышать любые новости. В беседках под виноградным навесом, где тень перемежается со светом, сидят, мирно беседуя, неторопливые акасакалы-старички. Здесь и политика, и экономика, новости дня, обмен мнениями по актуальным и не очень темам, решают возникшие споры. Им сообщают цены на ходовой товар, о том, кто из продавцов плутовал или наживается, обманывая покупателя. Чайханщик никогда не потребует у них оплату за выпитый чай и съеденную лепешку, обычно стариков угощают те, кому нужна информация. Именно под виноградной лозой, где свисают кисти винограда, завернутые в специальные мешочки, свершаются важные решения, принимаются решения о стоимости скота, пшеницы или муки, кому главенствовать

на рынке, а кого не допускать на прилавки. Чайханщик много знает и слышит разные слова, поэтому он и круглый, толстый, что держит все в себе, ибо длинный язык, это короткий век.

А в это время загорелые и крепкие мужчины обходят всех продавцов, снимая другой урожай. Платить надо за все: занятое место и весы, за голову пригнанного скота. Если нет денег, они подождут, подойдут обязательно, но позже. Если на этот раз нет денег, то нужно расплачиваться своим товаром. Его будут продавать тут же рядом, но другой человек, обычно облаченный доверием главы рынка. Собранный мзду сдают начальнику, где рядом сидит человек, пересчитывающий засаленные бумажки или медные пятики. Плутуют все, но сдающий деньги, должен быть аккуратным, его часто проверяют другие люди, входящие в доверие простоватого сборщика податей. Утаить припрятанное опасно, таких людей часто находят в какой-нибудь канаве с перерезанным горлом.

Рынок или базар затихает. Продавцы сортируют товар, укладывают в коробки, ведра, сумки, сдают весы, относят вещи на хранение до следующего раза. У каждого на лице есть своя отмычка – кто-то радуется, другой огорченно хлопает руками, третьи скрывают неудачи, надев маску благополучия на лицо. Лишь остаются должники, рабы и рабочие по уборке территории от мусора. Сегодня спектакль из тысячи артистов для не менее тысячи страждущих зрителей заканчивается, через два дня начнется другой, в чем-то похожий на предыдущий, но всегда разный. На то он и базар, а может рынок.

***

За всем этим и наблюдал Мурат, забравшись на пригорок южного пригорода Отрара. Он пригнал сотню овец на рынок по приказанию бая Казанбая, ожидавшего его в тенистой беседке. Баранов забрали сразу перекупщики. Пересчитали скот и погнали дальше, собираемое войско необходимо накормить и напоить. Теперь он свободен, послав людей в разные стороны по своим делам, согласно договору, остался ждать своего высокого гостя на этом месте. Перед ним во всей своей красе раскинулся рынок для продажи животных. На примитивно огороженных участках стояли коровы, лошади, верблюды, бараны. Подходили покупатели, ощупывали животных, смотрели в зубы, приценивались, отходили к другим огороженным участкам. Сольные выступления продавца, обиженного предложенной низкой ценой за товар, возмущения покупателя, ошарашенного огромной стоимостью животного, происходили на его глазах вживую.

Уже дважды подъезжали караульные, но, узнав в нем одного из пастухов Казанбая, молча проезжали мимо. Оглянувшись назад, Мурат увидел саму крепость-цитадель, огромный четырехугольник с резиденцией правителя и соборной мечетью, поставленный на возвышенности. Мощные стены, по которым свободно разъезжаются два всадника, квадратные и полукруглые башни, покрытые синими изразцами, прикрывали купольные шатры мечетей, шпили которых блестели под яркими лучами солнца. В шахристане белели дома городской знати, богатых торговцев, земледельцев, наиболее богатых скотоводов, военных и служителей культа. Вокруг шахристана располагались предместья торгово-ремесленного люда. Несмотря на шум, раздававшийся с рынка, в городе тихо. Со дня на день здесь ждали шах-ин-шаха, потрясателя Вселенной. Внимательный взгляд пастуха наткнулся на поселения, выдававшие себя вершинами азиатских пирамидальных тополей и раскидистых верб. Повернувшись на восток, пастух долго вглядывался в горизонт, словно оттуда должно прийти грозное и неизвестное. За спиной послышались легкие шаги:

- Всмотриваешься в даль и думаешь, что она тебе принесет? Не переживай. Я остаюсь с тобой. Да, под порогом казахской юрты давно скрывается война. Насколько я понял из разговоров, она не за горами. В этой свалке народов, я уверен, ты и твой род останутся живы.

- Через три месяца от города ничего не останется. Они уже за Или, скоро придет черед знаменитого Тараза, Испиджаб не устоит перед силой. Монголы гонят перед собой местное население, которое под страхом смерти ползет на стены крепостей. Зря они убили послов. Надо было вытерпеть и достойно отправить их домой. Теперь поздно, как говорят казахи: вот он локоть, под самым носом да укусить невозможно

- Как выжить мне, семье, детям, внукам?

- Собери всех родственников и уведи их в пески, я знаю, там есть колодцы и небольшие оазисы. Это ценное спрячь, закопай, скот перегони, как можно дальше, твой бай ничего не успеет сделать. На краю песков выставь конные караулы. Никакое войско в пески не пойдет, ибо войны помнят некоторые уроки истории.

- Я понял Вас. Сегодня вечером мои дети приступят к перекочевке, а завтра мы будем отсюда далеко, только следы останутся, но и это не беда. Только как быть с вашим имуществом?

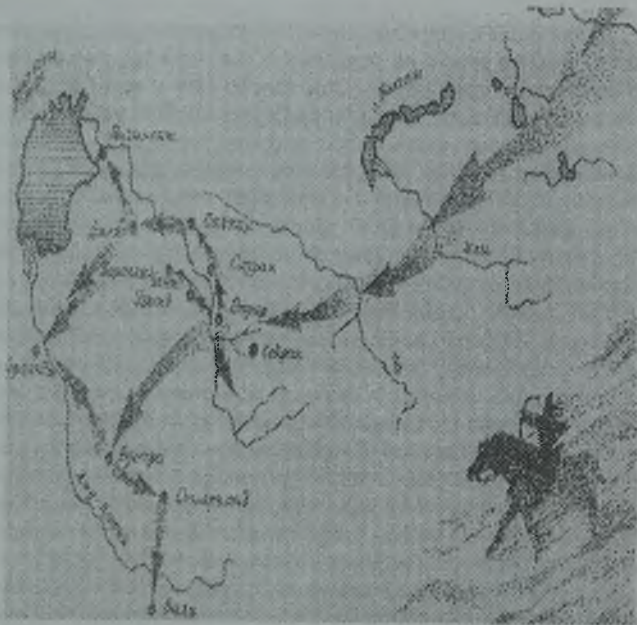
- Вот за это не переживай, я снова уйду в поход, только после прихода монголов. Наступает грозная пора, посмотри на степь, даже она преобразилась. Конечно, ваш потрясатель Вселенной есть потрясатель, но мне кажется, потрясая воздухом, он не потрясёт монголов. Чингис-хан, после победы над китайцами нуждается в новом успехе, ибо его могут обойти другие. Даже я, повидавший многое в этой жизни, смог поверить в его силу. Вот так, мой благородный Мурат! Пошли, остальные дела переговорим и перетрем в пути.

БЫЛЬ О ЧИНГИЗИДАХ

Удивительная страна – степь. Величаявая, вздорная, сохраняющая на себе следы человеческого пребывания. Чуть выше, на краю вон того высокого холма, когда-то стояло поселение, названия которого уже никто не помнит и мало кто знает, что здесь жили люди. Вдоль караванных дорог имеется множество курганов, которые в нынешнее время сталкиваются бульдозерами в овраги. А лобознательные ковыряются в отвалах, находят там монеты и не дают покоя сгнившим костям.

Степь временами недоступна и не гостеприимна. Пески почти безводные, выжженные, опасны для жизни. Там, где находят воду, землю обживают, заводят хозяйство, но ненадолго: находятся сильные и завистливые. Местное население разоряют пришлые, выгоняют с насиженных мест более сильные рода и племена. Однако жизнь все равно пытается укорениться на земле. Как растение: где корешками, где побегам, лежа и стоя, лишь бы иметь возможность расти. В степи возникает островок жизни: поселение, аул, размещается род.

Я сижу на вершине горы. Семья возится у машины, что стоит далеко внизу. По горячей асфальтовой дороге идут грузовые машины, везут фрукты и овощи в Россию, а обратно – дерево, пиломатериалы. Это не дорога, а сплошное удовольствие в искусстве вождения автомобиля по преодолению препятствий. Она выбита, избита, втоптана, состоящая из ям, рытвин, надолбов и взгромождений из асфальта, щебня и земли. Расстояние в 380 километров от Караганды до Балхаша преодолел за восемь часов и сижу, отдыхаю. Дневная жара на высоте спадает, внизу дует прохладный ветерок, чувствую спиной дыхание озера, заставляющее вспомнить прошлое моей Родины. Синяя вода, солнце у горизонта, семья готовится ко сну, только младшенькая не может успокоиться, хочет к воде.

По этой земле, может здесь, а может чуть дальше, вон за тем холмом проходили войска монголов, гоня перед собой тысячи пленных людей, чтобы атаковать казахские города. Вот и вспомнил, сидя на корточках, назидания Чингис-хана, данные своим сыновьям. Он покорил китайцев, завоевав в 1215 году Пекин. После этого повернул тумены на запад, осадив в сентябре 1219 года Отрар, весной 1220 года - Сыгнак, а в начале 1221 года - Самарканд, завоевал владения шаха Мухаммеда из Хорезма, направил Субэдэй-багатура и Джебэ-нойона на Персию и Кавказ, чтобы они разведали проходы к «последнему морю».

После того, как Чингис-хан разделил завоеванную и другую территорию на четыре улуса для сыновей, они пришли услышать от отца добрый совет:

- Скажи, о! обладатель великой славы и покоритель вселенной, каким должен быть подлинный хан? – спросил сын Джучи.

- Чтобы угодить людям хан должен быть умным, а чтобы люди угождали ему, должен быть сильным! – ответил Чингис-хан.

- Как сделать так, чтобы люди уважали тебя? – спросил Джагатай.

- Не лишись трона! – ответил Чингис-хан.

- Как же сохранить трон? – спросил Угедей.
- Не допускать в свое окружение никого умнее себя! – ответил Чингис-хан.
- Чем должен жертвовать хан для славы своей? – спросил младший сын Туле.
- Сыном! – ответил Чингис-хан.

От себя добавлю, что великий хан еще и поучал своих детей: если поднял руку на врага, то бей насмерть, потому что нет опаснее недобитого врага. А простить врага – преступление, за которое придется расплачиваться всю оставшуюся жизнь детям и внукам.

***

Чингис-хан имел четырех сыновей: Джучи, Джагагай, Угедей и Туле. Джучи-хан умер чуть раньше своего отца, ему в степи во время охоты кто-то переломал хребет. Остальные, помня заветы отца, старались быть чингизидами, хотя после смерти Чингис-хана все пошло по другому пути, началась взаимная вражда. Огромная степь превратилась в кладбище. Наступило время жестоких, нескончаемых схваток, от которых обезлюдели обширнейшие территории Дешт-и-Кипчака. Люди гибли, не зная за что, ибо они простые солдаты. Воевали между собой сыновья, внуки и правнуки, а началось это в казахском городе Сыгнак (богатому торговому городу на Сыр-Дарье (Сейхуне), первоначальной столице Джучиева улуса), куда съехались одиннадцать чингизидов для продолжения похода к «последнему морю». Для участия в походе на запад приехали царевичи, принадлежавшие к пяти линиям династии великого кагана. Сыновья умершего старшего сына Джучи – ханы Бату, Орду, Шейбани и Тангут; сын Джагагая – хан Хайдар и внук Бури; сыновья царствовавшего в то время великого кагана Угедея – ханы Гуюк и Кадан; сыновья Туле – ханы Буджек и Менгу; последний сын Чингис-хана – хан Кюльхан (погибшего в сражении с русскими под Коломной). Потомки Джучи и Туле составили один лагерь, а им противостояли потомки Угедея и Джагагая. Угедей осел в Каракоруме, продолжил его дело хан Гуюк. Его сменил хан Мунке, один из сыновей Туле. Когда объявили Мунке великим ханом, дети Угедея и Джагагая отказались прибыть на торжества, зная, чем это закончится. Поехали через год наиболее доверчивые родственники, которых зарезали в ту же ночь, всех до единого. Так и жили внуки и правнуки Чингис-хана, ссорились, резали друг друга, непрерывно воевали между собой за власть.

К примеру, хан Абулхайр, внук пятого сына Джучи-хана – Шейбани, собрал всех родственников-шейбанидов возле себя, держал рядом и других чингизидов, которые как из засады смотрели на трон золотоордынского хана. Ни один из них не был умнее его, ибо склоняли головы перед ним и замолкали, когда он говорил. Сам хан в шестнадцать лет зарезал собственноручно Едиге, крепкого Казы-бия. В семнадцать лет убил хана Жумадила, правителя Дешт-и-Кипчака и своего воспитателя, взойдя на его трон.

Джучи родился от коньратки Борте-Фуджин. Коньратками были и другие жены. От второй жены Укихатын родится Батый. Первый хан Золотой Орды Батый женится на кипчачке Жулдыз. Сыновья от нее носят казахские имена – Сартак, Токехан, Аюхан, Улакчи. В браке чингизидки и джигита из рода мангыт, рождается небезызвестный Ногай, полукровка. Есть такой народ на Кавказе – ногайцы, великолепно владеющие казахским языком. После смерти Батая, Ногай манипулировал чингизидами, вплоть до Тохтагула, пятого сына Мунке. После его прихода в Золотую Орду правителем, Ногай бежит в Казанское царство, покупаясь на спокойствие казахских степей до тех пор, пока знаменитый Кобланды-батыр, родившийся в юрте, там, где сливаются реки Бадам и Арысь, у подножия горы Караспан, не дал решительный бой ногайцам.

Сорок сыновей и семнадцать дочерей родилось у Джучи-хана. Сколько бесчисленных колен произошло от них, знает только «длинное ухо». Кое-где еще проскакивает слово – торе – это значит чингизид, ведущий свое колено от Чингис-хана. В советское время об этом было опасно говорить, и многие молчат, стиснув зубы, до сих пор. Ибо за одно упоминание о высокородности, власти в свое время могли спрятать его так далеко, что родственники не смогли бы сыскать и кости.

***

В 1342 году умирает золотоордынский хан Узбек, построивший в Крыму мечеть и медресе. Территория, подвластная ему, стала называться Синей Ордой или Узбекской Ордой. К 1367 году Монгольская империя приходит в упадок.

В 1428 году ханом восточной части Дешт-и-Кипчака становится Абулхайр, сын Шейбани, пятого сына Джучи-хана. Самыми опасными врагами для хана Абулхайра стали Джанибек и Керей, ведущие свой род от Токай-Темира, тринадцатого сына Джучи-хана. Этот род в пятом поколении дает хана Уруса, который отделяет от Синей Орды казахскую Белую Орду и делает город Сыгнак столицей.

Сейчас это маленький провинциальный городок. Хан Урус в свое время мерился силами с Хромым Тимуром.

Золотой Ордой, после смерти хана Батыея, владели: хан Сартак, хан Берке, хан Джанибек, которого собственноручно зарезал сын Бердибек. Он заодно прирезав всех своих старших и младших братьев, не пощадил даже сестер. Через два года Бердибека убивают дальние родственники. Седьмого ноября 1480 году, после неудачного набега на Русь, умерщвлен последний правитель чингизидов хан Ногай шибанскими и ногайскими татарами близ Азова. Золотая Орда окончательно истреблена. Не даром говорят казахи, что раздевшийся обязательно прыгнет в воду. Прошло более двух веков над степью, точнее двести пятьдесят шесть лет, пять месяцев и семь дней (с Калкской битвы 31 мая 1224 года до упомянутого выше дня), прежде чем стала рассеиваться черная ночь татаро-монгольского ига, а началось все это с России, Куликовской битвы.

***

С тех пор прошло много битв и свадеб, сменились поколения ханов, султанов, беков, биев, эмиров и разного рода людей, чьи имена без следа канут в лету. С кончиной хана Бердибека, убившего своего отца, заканчивается династия Бату-хана в Золотой Орде. С Латифом, убившего своего отца – знаменитого астронома, математика Улутбека в 1449 году, закончилось величие тимуридов. А китайцы в честь изгнания монголов из Пекина в 1420 году начали строить Запретный город – комплекс великолепных дворцов монархического прошлого.

С Абдумумина, убившего своего отца – эмира Абдуллаха, прекращается династия шейбанидов. А его – отцеубийцу через шесть месяцев зарубили сонного в своей постели его же нукеры-солдаты. Какие династии, какие имена, какие люди прошли по скрижалям истории Золотой Орды! Это они, растерзав, разделили ее на другие Орды, ради наживы, знатности, царской короны. Народ мало кого запомнил, остался в памяти всего один-два правителя. А о простом народе и нечего говорить. Они прошли незаметной пылинкой в тысячелетиях Дешт-и-Кипчака. Кто может рассказать о хане Синей Орды - Абулхаире, ханах Белой Орды - другом Абулхаире, Хакназаре, Аблае, султанах, биях, вождах и батырах, принимавших самое активное участие в жизни казахской степи, по иронии судьбы забытых, не вписанных советскими историками в ее скрижали?

Да, это верно, что солнце всходит на востоке. Его лучи, проскочив Алтайские горы, освещают в первую очередь Джунгарские ворота, Зайсан, Тарбагатай, Балхаш. Озарив богатый сайгаками Казахский мелкосопочник, прокаленную Бетпак-Далу, разнolieкие Моинкумские пески, обильное скотом Тургайское плато, проскальзывает дальше. Разливаясь светом, дарит жизнь, радость, сулит богатство людям. Разбрасывая золотые стрелы, освещает горы и предгорья Тянь-Шаня с отрогами, богатое водой Семиречье, плодородные земли Туркестана, где население с рассветом погнало стада на пастбища, приступило к поливу обработанных полей и цветущих садов.

Свет солнца, не останавливаясь, проходит казахские Каракумы, благодатное Аральское море, наижарчайшее плато Устюрт, и просоленный полуостров Мангышлак, дальше к желанному путнику Яйку (Уралу), добирается до калмыцких степей, где когда-то калмыков из монгольских равнин не пустили за Итиль могучие савроматы. Осев в песках, калмыки отделили себе пустующие земли, став буферной зоной, заградили путь казахам к русской реке.

Солнце светит всем одинаково, но все равно кто-то получает больше, кто-то – меньше. Там, где солнечной энергии много, образуются пустыни, и наоборот, где ее мало, возникают зеленые оазисы с запасом воды.

БЕЛАЯ ОРДА

Почти отвесные лучи полуденного солнца заливают морем света и тепла южный город. С высокой горы, где стоит дворец правителя, открывается красивый вид на город и его окрестности. Ни одного облачка в бездонной голубизне небесной выси, а воздух настолько раскален, что трудно дышать. В тенистой аллее летней резиденции хана, где располагается много пожилых людей в белых тюрбанах и золотистых халатах, прохладно. Работают фонтаны, журчит вода в арыках, обслуживающий персонал непрерывно поливает быстровысыхающие, каменные тротуары.

Вельский хан Моголистана Иса-Буга, земли которого простираются от Кашгарии, Кульджи и пустыни Гоби на востоке до Мавераннахра на западе, задумчиво слушает старейшин. Его беспокоят не события в стране, а то что за Черным Иртышом зашевелились китайские полчища. Надвигаясь на джунгаров, заставляют их перейти границу казахских степей, грабить земли уйсуней, дулатовцев, угонять за Балхаш пленных, скот. Ойротские владыки, науськиваемые китайцами, никак не успокоятся за Джунгарскими воротами. Хоть и устлана джунгарскими костями пустыня Гоби, куда

загоняют их конные лавы казахов, контайчи боятся, прежде всего, Поднебесную страну. Богдыхане не считают своих подчиненных. Их очень много, но шапками всех не закидаешь.

Не спокоен и хан Абусайд – тимурид, эмир Самарканда, который не скрывает своих планов по захвату Моголистана. По рекам Чу и Талас от городов Яссы и Сауран движется родной брат Иса Буги, Жунус-хан, чтобы отобрать его, Абусайда трон. Великий хан Синея Орды Абулхаир вывел свои войска и подошел к Сыр-Дарье, чтобы войти в Туркестанский край. Но у него много своих проблем – от него уходят в глубь степей казахские рода и племена. Надо признать, что многие казахские племена уходили и раньше от своих ханов в разные стороны в поисках мира, счастья и благополучия, но это не тот случай.

Во время совета старейшин, прибывает гонец, сообщивший интересную новость хану Моголистана Иса-Буге:

- Из какого ты рода-племени, человек?

- Из рода Дулат, по поручению ...

- Говори ...

- Почтенный хаким Суюндук-мирза велел мне вам передать, О! великий хан! о том, что в пределы вашей земли прибывает много людей во главе с султанами Жанибеком, сыном Барака и Кереем сыном Булата.

- Что они говорят?

- Они не могут ужиться, с ханом Синея Орды Абулхаиром, просят у тебя милости, земли и пастбищ для скота, а пока стоят на том берегу реки Талас. К тебе через горы едут Джанибек и Керей, вместе с ним пятьсот всадников. Я поехал по прямой дороге, прибыл на сутки раньше.

- Когда могут прибыть сюда султаны?

- Не позже завтрашнего утра, мой хан.

Заседание совета старейшин продолжалось долго и трудно. Было заметно, что каждый из сидящих баев, султанов и ханов беспокоился только за себя, свои богатства и покой. Подробно обсуждены политические и экономические основы положения дел с переселением казахов. Никто не скрывал, что пришлый народ не пустят в обжитые края, но можно улучшить положение края для защиты Туркестана от внешних врагов. Он будет боевым щитом против хана Абулхаира и хана Абусайда, Китая и Ойротского ханства. Переселенцев необходимо поселить вдоль рек: Чу, Сарысу, Талас, а также вдоль северных склонов гор Козыбас и Каратау. Платежом за выделенные земли должно быть спокойствие на нижних границах Моголистана.

***

Два султана – Жанибек и Керей, возглавив недовольных людей политикой Абулхаир-хана, переселяются в долины рек Таласа и Чу, более известно, как Семиречье. Не могли они уйти за Волгу – там Ногайская Орда, Казанское, Крымское и Астарханское ханства. Тем более в Моголистане проживают родственные племена и рода уйсуней, дулат, жалаир и другие. Прибывшие племена, сливаются с племенами казахов, находившихся в Семиречье и известных ещё до новой эры, как уйсун, дулат и другие, которые постепенно сложились в казахскую народность. Многие переселенцы, прибывшие с запада, и по сей день, находятся здесь. Здесь, в этих краях, начиналась основа Белой Орды.

Через три года умер хан Керей. В XIV веке казахи определяют великим ханом Белой Орды – хана Жанибека. Омыв молоком сорока кобылиц, поднимают его на белой кошке на глазах у присутствующих знаменитых людей того времени. Тогда же ханский совет постановляет о полном объединении казахов. Образовано Казахское ханство. Там же принимают решение собрать в урочище Каратау-Нура чрезвычайную сходку вождей и батыров всех казахских родов.

Туда одинаково ехать со всех концов Казахстана. В самое тяжелое время для казахов решается только один вопрос – быть вместе или безвестными раствориться в людском океане. Быть казахами или скитаться по задворкам Дешт-и-Кипчака. Перед народом поставлено три жарги-проблемы, которые надо обсудить, прийти к единому мнению:

Первая – в Белую Орду входят все казахские рода, и пожелавшие присоединиться;

Вторая – ввиду отдалённости, образовать три племенных объединения – Жуза, соответственно занимаемой территории.

Третья – потребовать у хана Абулхаира возвращения всех городов по южной кромке степей.

В Старший Жуз входят самые древние рода – уйсун, дулат, жалаир и другие ...

В Средний Жуз входят рода – аргың, кипчак, найман, конырат, керей, уак, таракты и другие

В Младший Жуз входят рода – байулы, алимулы, жагалбайулы, алтын и другие ...

Предполагается, что мелкие племена и рода, оставшиеся у хана Абулхайра, перейдут и сольются в эти Жузы. Каждый человек, семья, род или племя найдет свое родство и место на казахской земле. Только через восемьдесят лет, при внуке Жанибека, хане Хакназаре, окончательно определятся казахские Жузы. А до этого времени аулы кочуют из Жуза в Жуз, происходит разделение рода или племени.

Уход от одного правителя к другому, где рода ищут мир и покой, надежду на жизнь, часто сопровождается избиением одними родами тех, кто пришел за помощью и неприятием другими. Люди, семьи, небольшие группы выживших родичей скитаются по степи в поисках своего места в обществе и по всей казахской территории. На той исторической сходке всех казахов великий прорицатель Асан-Кайгы, столетний Асан-Горемыка, дает каждому роду свой знак:

- Наш предок, великий законодатель Майки-бий из рода уйсуней, ещё во времена Чингиз-хана, когда все называли себя монголами, называл нас казахами. Это он впервые поднял казахское знамя над степью. Так пусть же знаком уйсуней останется его знамя!

- Слава тебе, Асан-Кайгы – откликнулась сходка ...

***

Большой каменный идол, высеченный из коричневого цельного камня, глядел слепыми выпуклыми глазами на мир, держа в руках каменную чашу. На этом месте скрещивались главные степные дороги. Отсюда на север - к Малому Жузу. На юг - к Большому Жузу. На запад - к Среднему Жузу. На востоке - граница, хотя там и есть казахские рода, но там контайчи и Поднебесная империя, оттуда веет смрадом. Несколько всадников спешили, поочередно положили идолу в чашу несколько монет. Затем знатные люди подошли друг к другу, поддержались за локти друг друга, шепча слова молитвы, присели и замолчали. Спустя некоторое время, взмахнув руками перед лицом, молодые помогли старым сесть на коней и по узкой тропе, что натоптано веками, тронулись на юг, на родину. За ними подъехали другие, совершив те же обряды, поехали на запад, восток и север.

Одиноким идол, обросший сероватым мхом, слепыми каменными глазами смотрел им вдаль, во след - туда, куда направилась группы всадников, быстро уменьшаясь в дрожащем мареве раскаленного воздуха. Он слишком много знал, видел на своем веку, но не мог сказать, что казахский народ ожидают неисчислимые страдания на пути становления государства.

ДУЛАТ

Во все времена степь кормила кочевника. На обширных землях, принадлежавших тому или роду, бродили несметные стада овец и коров, табуны кони, появляются из-за барханов молчаливые верблюды, как миражи. Одних джейранов, сайгаков да волков в степи не перечесть, не говоря о диких лошадях, своенравных куланов дикой степи. Дичи на горных склонах Алатау жить отбавляй - олени, сайга, архары, зайцы, лисицы, дрофы, улары, гуси и утки откармливаются на угодьях, принадлежавших батыру Дулату. В дорогу двинулось необъятное кочевье, медленно продвигаясь на северо-восток от Ташкента (тогда ещё Шаша). Степь Казыгурта, насыщенная запахами серой полыни и седого ковыля, насыщенная солнечным теплом и благостным ветерком с постоянно висящим желтоватым маревом жары на западе со стороны песков, создавала ощущение простора и вольности.

Южная плоская степь, то холмистая, то равнинная, на пределе глаз обрамленная тополями, располагала к себе людей, целыми днями сидевших в юртах на повозках, и к движению. Особенно туго приходилось молодым, когда кипит в жилах кровь и хочется показать себя девушкам, что выглядели из-за вздернутых кошм. На стоянках разводились огромные костры, вокруг которых теснились люди, бегали дети, раздавались призывные звуки домбры, да играл кобыз. Именно здесь приглядываясь друг другу, затевали различные игрища - разборные качели, веревочные петли, скачки через прогоревший костер и многое другое. Детвора не давала покоя молодым жеребяткам. Они, ухватившись за гривы, старались удержаться на двух и трехлетках. Шумят, галдят, скачут направо мимо красавиц с гиканием и улюлюканием - кто кого обойдет - лишь бы попасться на глаза понравившейся красавице вольных степей. На скалистых берегах рвут ремень и выкапывают корни дикой морковки, чтобы угостить всех и без разбору.

Вместе с огромным караваном, груженным ташкентскими припасами, двинулся Дулат на северо-восток в сторону отрогов Алатау к знаменитым диким местам Аксу-Жабайлы. Не спеша, ночуя у Казгурта и Ленгерская, на третий день огромная масса слуг разбирает легкие юрты в предгорьях, откуда открывается изумительный вид на долину полноводной речки Аксу, Машат и Бадам-су, плоскогорье Тастак. Здесь нет озер, но горные речки с водой, сводившие скулы от холода, таявших в горах ледников, приносили прохладу ущелий. Каждый соратник, приближенный,

советники и их аулы получают место для разбивки лагеря. Никто не трогал дичь и не гонял их, поступило строгий запрет – до поры до времени – до ханской охоты. Запрещалось подниматься в горы, уезжать в степь, все знали, что скоро появится сам хан и его приближенные.

В долине реки Аксу, где проходит отводной канал для полива богарных земель, закружилась пыль. Большая группа всадников на рысях скачет к ставке – двенадцатикрылой ослепительно белой юрте, стоящей на возвышенности. Сам Дулат едет впереди на необычайной красоты гнедом скакуне с синей полоской на хребте и белой звездочкой на лбу. Как у батыра, так и у сопровождающих, кони гарцуют с подвязанными хвостами и гривами. От избытка резвости лошади грызут удила, с нетерпением пританцовывая на месте.

Среди свиты виднеются пять женщин, но взоры всех притягивает вторая жена – Айгерим, сидящая на беспокойном белого покрове ахалтекинце, являясь самой ослепительной красавицей степи. Вся в золоте – легкий охотничий панцирь, чепрак, уздечка, стремяна, седло и камча-плетка. Колеблется на ветру желтый султан остроконечной шапки, переливается на шее дорогое ожерелье из самоцветов, но еще прекраснее кажется светлое и чистое лицо с выписанными месяцем черными тонкими бровями.

Каждый из сопровождавших и встречающих хотел бы попасть ей на глаза, такова притягательная сила красоты женщины. Ошеломленные зеваки старались соединить отдельные черты лица с огромными глазами, ощущение сияющей глубины которых заставляло застыть людей в изумлении. Узкие четкие брови, прямой, закругленный и небольшой нос, луком изогнутые губы, все это смешивалось с определенными четкими изящными линиями чего-то высокого и небесного. Разрез глаз, линия век, очертания губ, овал лица – нигде не дрогнула рука матери-природы.

Толпящиеся вблизи люди встречают ее восторженным гулом. Правитель края, обернувшийся на шум людей, словно обжегшись о неземное пламя, залобовался в свете заходящегося солнца красавицей-женой, словно видел ее впервые. Она была совсем другая, чем в городе, и в то же время так хороша, что не мог оторвать глаз от неё. Никогда еще Дулат не сталкивался со столь яркой женственностью, пламенной и смущающе желанной степной красавицей.

***

Батыр Дулат больше всего на свете любил быстроногих, выносливых коней-армакаков, но особенностью души оставались ловчие птицы. Специально снаряженные люди добывали в труднодоступных горах орлов. Рядом с его белой юртой в ряд стояли маленькие черные шатры, где обитали прирученные беркуты, ястребы и соколы. Все птицы жили отдельно. Настоящих, согласно практике, нельзя держать вместе в одном помещении. Каждое утро хан сам кормил, приучая упрямых и своенравных летунов к своей руке. На голову каждой из них надевали сшитый кожаный колпак – тумак. Досаждая голодовкой, постепенно приучали к шагам, звукам и запахам одного человека. Голод принуждал ловчую птицу покориться, принимая свежее красное мясо из одних рук.

Много времени спустя, снимают с головы орла повязку. Постепенно его приучали к скачкам на конях, выпуская к полету и подзывая птицу обратно. Тренировали на чучелах волков, лисиц и зайцев, выпуская в небо перепелов и других птиц. Сколько ни приучай беркута, как только увидит бегущую по земле огненно-рыжую лисицу, он камнем падает на землю, вонзая в жертву острые и сильные когти. Только успевай вовремя прийти на помощь, издать призыв, как ловчий прилетит на зов, получая тройную награду.

Из века в век ханская охота обставляется, как большой праздник. Беки, султаны, эмиры, бии, батыры могли похвастаться великолепными конями, драгоценной сбруей и оружием. Выставить на суд зрителей богатство и свиту. Показать детей, юношей и девушек, устроить смотрины, разборчиво подбирая будущих сватов, но выставить на презентацию ловчих птиц могли не многие. Целую неделю длится охота в долинах по берегам рек, предгорьях и горных ущельях. Бьют барабаны, трещат трещотки, свистят дудки, вспугивая горных куропаток-уларов, дроф на каменистых предгорьях, выгоняя на охотников волков и лисиц. Стреляют из луков архаров, оленей, сайгу. С невыразимым наслаждением перерезают охотники горло пойманной птице, дикому зверю. После окончания празднеств, охоты, передвижные аулы, получив высочайшее соизволение, постепенно снимаются с места, откочевывая в родные края.

Еще сутки Дулат остается на месте. Нужно отдохнуть от гула людей и шума застолий, непрерывных скачек, поразмыслить и подумать над событиями, происходящими в казахской степи. Вместе с ним остаются и его истинные друзья, чтобы не спешно оценить красоту гор. Тихо, чтобы не разбудить спящую жену, батыр поднимается спозаранку покормить ловчих птиц и подышать горным воздухом в уединении.

Выехав на самую высокую возвышенность в округе, правитель спрыгивает с лошади и опускается на траву. Он чувствует, как невидимая охрана окружает гористую местность, не допуская к нему никого. Дулат любит думать один в тишине и прохладе, ужом проскользнувшей под одежды. Много чего видел на своем веку глава рода, все чаще и чаще возникают мысли о будущем. Он воевал, защищая Родину от джунгар, побывал во многих местах, где снимали голову за упоминание врагов некоторых ханов, но выжил. Всякий раз, мысленно взвешивая прошедшие дела, будни, события, вспоминал те или иные моменты прошедшей жизни. Думал и о наследниках, которые должны продолжить дело деда Байдибека, отца Жарыкшака и его самого.

***

Как чахотка разъедает грудь больного, так и многим вождям племен и батыров не дает покоя страсть к власти и завоеваниям. Она властвует над ними, руководит всеми помыслами и делами, господствует при решении семейных дел. Вот и прошедшая охота показывает тоже самое. Ханский трон – такая вещь, что он и родного сына может сбить с предначертанного свыше пути. Некоторые приехали сюда не отдохнуть и охотиться, а решать другие вопросы. Специально назначенные люди, прошедшие подготовку, негласно следили за всеми видными баями, кто участвовал в празднике. Зараженные страстью владеть и распоряжаться, эти люди перестают видеть мир в истинном свете. Становятся слепыми и верят в свое подсказанное якобы предназначение.

Между тем – они самые обыкновенные люди и чаще всего заурядные. Обычно ими управляют серые и безликие люди, которым удобно оставаться в тени славы и величия. Они имеют все, но круто правят чужой рукой, направляя власть на якобы угодные кому-то дела. Безграничная власть в краях, принадлежащих ханам, съедает ум, мешает трезво оценить обстановку в степи и соседних государствах, вникнуть в суть происходящих событий.

Оно связано с тем, что рядом нет умных людей, ибо они считают себя умнее всех окружающих, а за все расплачивается народ. Для них люди – ничто, они созданы для того, чтобы выполнять желания вождя. Рано или поздно, ослепленные блеском власти, правители попадают под молот мести того же степняка. Два-три смутьяна мутят воду, собирая вокруг себя недовольных возвышением хана и его властью. Нет, надо их остановить, так дело может дойти и до резни, этот вопрос надо решать в Ташкенте. Расправа в степи может вылиться в недовольство облеченных властью некоторых вождей сильных племен и родов, имеющих родство с ними. Надо сжать, терпеться, ибо время такое.

Степные вожди, несмотря ни на кого и ни на что, стремятся к обманчивому миру – задумчиво переливающимся драгоценным блеском царскому венцу. Страстно желая, чтобы раздоры не угасали, а наоборот, разгорались сильнее, мечтатели запутываются в сложных ходах азартной игры во власть и их убивают, как щенят. Безвластие разжигает аппетиты в стремлении к царской короне над всеми казахскими ханами. Никто не может прочно и долго усидеть на царском кресле, обладая верховной властью. Слишком много богатых, алчных и желающих повластвовать. Цари-временщики провозглашаются и свергаются с поразительной быстротой.

Тысячи людей стояли на скрижальях власти. Разные они: великодушные, мелочно мстительные, храбро безумные, осторожные до трусости, гурманы и сибариты, любящие роскошь, аскетичные, что могут спать, подложив под голову камень, терпеть голод и жажду, жертвуя собой, прикрывать в бою незнакомца, не дрогнув, обречь своего друга на гибель, если видел в нем соперника.

***

Каждого из тех, кто желал стать выше других, можно сравнить с птенцом орла, сидящего на краю отвесной скалы, дрожащего от страха и одиночества, холода и зноя. Не отвечая на призывный клекот родителей, дабы не обнаружил враг, не решаясь взлететь – в полushаге глубокая пропасть, прижимаясь к скале, чтобы не упасть. Сидит до тех пор, пока кто-нибудь из старших не смахнет крылом или не столкнет вниз, в бездонную пропасть.

По воле рока и судьбы, летит, вниз кувыркаясь, ощущая жуткий ужас, пронизывающий его насквозь. И вдруг ... распахиваются крылья в могучем размахе, дрожащий комок перьев становится гордой птицей. Взмах, еще взмах, с отчаянным напряжением птица взмывает в заоблачную высь, оглядывая необъятный и уже подвластный простор пронзительным властным взором. Раскрывает разящий клюв, растопыривает страшные когти и раздается торжествующий клекот, далеко слышна орлиная песня царя поднебесья.

Не всем повезло, многих забыли. Не сразу становились известными в народе и мире. Если оглянуться, то сразу и не вспомнишь выдающихся и великих. Из городов запомнился Отрар, из

людей – Чингис-хан и его сын Джучи-хан, Тамерлан и его внук Улугбек, да еще несколько строителей Казахского ханства. А ведь на этой земле жили, живут и здравствуют миллионы людей. Каждый день пьют, едят, но в памяти не сохранились, хотя каждый из них оставил на земле какой-то след. Поэтому известны и памятны всему миру имена немногих людей, оставивших свой след в истории мира, среди которых:

- Таргьтай, войска, которого пошли в первый поход на Персию;
- Ишпакай, войска, которого дошли до Египта;
- Мади, войска, которого покорили половину Азии;
- Токсары, почитавшийся своей святостью в далеких Афинах;
- царица Томирис, войска которой наголову разбила войска Кира;
- грозный Аттила, его войска завоевали большую часть Европы.

***

Дулат знает из своего опыта, что во главе племени и рода стояли, стоят, и будут стоять умные и велеречивые люди, чей авторитет непререкаем. Их избирали раньше соплеменники, позже стало наследственным, хотя и не все наследники достойны этого. Внутри сообщества, где происходят те или иные события, посторонних стараются не допускать. Казах имеет одну, две, и более жен, которых может обеспечить. Дети рождаются от всех жен. Те, у кого нет детей, отсылаются обратно домой, с обязательным возвратом калыма-выкупа. Между детьми и их матерями происходят свары. Один родился от первой жены, другой от второй, но каждый считает себя торе-господином. Чаще всего между ними идет скрытая, при поддержке матери и ее значимости, может и явная, борьба за лидерство, власть и влияние в семье, роде, племени, Жузе и государстве. Для другого племени, рода или Жуза они чужие, и если кто-то знает об этом, только понаслышке, то держится подальше. Вмешиваться в межродовые отношения считается делом опасным. Сколько великих ханов, султанов, биев и их детей похоронено вокруг этих и других озер, даже не счесть. Сколько простых людей умирало здесь за того или иного господина, потому что так хотел их хозяин, никто не знает.

С незапамятных времен родовые вожди являются всевластными хозяевами в степи. Они решают, куда перекочевать, с кем воевать, над кем вершить расправу, приходили на помощь соседям или отворачивались от них в трудное время. Племена того времени очень похожи на табун лошадей без опытного табунщика, где каждый косяк ведет свой жеребец. Там, где жеребец сильный, драчливый, кусает, пинает и убивает волков, косяк живет относительно спокойно, да и волки обходят его стороной.

Каким должен быть глава рода и племени? По стержню Великой Степи, и Дешт-и-Кипчака позже, прошло много батыров, способных вступить в бой с десятком людей, спасая женщин и детей, скот и поселения. Но этого мало. Нужен еще ум, мудрость, хитрость, сдержанность, решительность и многое другое без чего нельзя управлять народом. Необходимо объединить людей одной идеей, одной мечтой, хотя некоторые будут не согласны с ней. Не все, кто добрался до высоких ступеней власти над людьми, обладают такими качествами.

Перед ним вереницей проносятся сотни образов из прошедших веков, вспоминаются зеленые равнины весной и седые вершины гор, прорезанные реками, помутневшими от крови и слез. Встают картины развалин городов и селений, где у закопченных и обвалившихся саманных стен сражаются нукеры, простые люди, женщины и дети. Там же он видит и себя, сражаясь с врагами за Родину, степь и родных.

НАШЕСТВИЕ ДЖУНГАР

К весне 1681 года страна казахов, раздираемая междоусобицами среди богатых и желающих трона, гомонится в предчувствии тревоги. Она знала события, не могла спокойно обсуждать события, происходящие на восходе солнца. Внешние враги с востока не спят, собирая силы и людей, готовятся к вторжению, да и внутренние враги тоже не дремлют, думая, как убраться очередного великого хана казахских степей. Как говорится: «Когда мясо портится, можно подсыпать соли, но что делать, когда портится соль?»

Не прусуществовало и двухсот лет Монгольское ханство, созданное Чингис-ханом. Когда хан Хубилай перенесет столицу ханства из Каракорума в Пекин, то политическая карта на востоке резко меняется. Народности ойрот, чорас, торгоут, тулеут и тулегут, вошедшие позднее в Джунгарское, затем и в Калмыцкое кочевые государства, оправляются от гнета монголов и поглядывают на чужие земли. Китайцы, обладая большими людскими ресурсами, стали постепенно вытеснять джунгар со своих древних пастбищ – джайлю. В свою очередь калмыкам и джунгарам некуда деваться, сгоняют

казахов с исконных земель. Многие восточные казахские рода перекочевывают в Сибирь, Прииртышье, за Балхаш. Спустя годы сами калмыки прошли Казахскую степь, переправились через Волгу (Едиль), образовав у Дикого Поля на опустевших землях Калмыцкий аймак.

Кровавые набеги джунгар стали совершаться с тридцатых годов XVI века. Грабя приграничные районы, они стали расширять свои земли на запад. Положение населения в казахских степях на востоке резко ухудшилось с образованием Джунгарского государства. Ставка джунгар расположилась севернее озера Зайсан, в верховьях Иртыша. Верховным контайчи были по очереди - Батур, сын Хаара-Хулы, Сэнгэ, Галден, но Сыбан Рыптан – оказался кровавее всех. Пошел войной на китайцев, но ему не повезло. Пришлось переносить ставку подальше от них в казахские степи. Маленькой стране невозможно справиться с армиями Поднебесной. Когда контайчи повернул свою армию на казахские степи, китайцы даже стали помогать ему оружием, продовольствием, воинским снаряжением, советниками и выделять невиданные доселе пушки.

***

Дивно хороши сады вокруг Черного Иртыша. Воздух напоен ароматом осенних яблок и прохлады ни с чем не сравнимыми после непрерывной скачки по пескам, где упрятаны войска джунгар. Заполненный какой-то особенной свежестью, воздух охватил всю округу вокруг с наступления сумерек. Он царит безраздельно в этих краях до самого утра.

Контайчи Сыбан Рыптан, расположившись вокруг щедро украшенного узорами, богато уставленного явствами скатерти-дастархана, с наслаждением вдыхает запахи вечера и огромного костра, машет рукой, приглашая гостей к приему пищи. Сопровождавшие его во время инспекционной проверки войск начальники десяти туменов успели проголодаться и с огромным удовольствием накинлись на жареную баранину, телятину, запеченных фазанов и рыбу. Особенно хороши бараньи кишки, фаршированные курдючным салом, селезенкой, рисом, луком и приправами. Подают печеную конину на костре и выдержанную временем.

Повара, одетые в кожаные передники и нарукавники, разделяют мясо острыми длинными ножами, кладут их в золотые и серебряные блюда, которые слуги быстро разносят гостям. После того, как контайчи получает наслаждение от принятия пищи, настроение его людей изменилось, особенно, когда в длинные с филигранной отделкой китайские фарфоровые чашки налили подслащенный кумыс, поставили кувшины с душистым виноградным вином, а гости с особого разрешения владетеля разлеглись на подушках.

Началась смена блюд, слуги принялись подавать манты, плов, лагман и сухофрукты. Контайчи, опуская манты в миску с золотисто-коричневым китайским соусом, объявил:

- Беркуты мои! Чувствуете, как набирает силу ветер, исходящий с юга? Это начинается пора перелетат птиц обратно. Но, мы все должны будем покинуть насиженные гнезда, лететь далеко на запад только весной с их обратным перелетом. Там, в далеком-далеке, нас ждет пожива. Сегодня мы сделали осмотр нашим птенцам, проверили их крылья, когти и клювы. Как только наступит долгожданное время, мы устремимся в полет.

- Я хочу идти на Семиречье, Ташкент и как можно скорее. Уже во сне вижу движение войск, дышу мощным перемещением человеческой массы из одного края Великой Степи и Дешт-и-Кипчака в другой. Чувствую, сколько казахских женщин будет служить нам, рожать новых воинов. Мои военачальники уже готовы, кони застоялись. Я наброшусь на казахов, как тигр на барана, и, перекусив ему глотку, свалю истекающего кровью.

Мои непобедимые тумены хлынут на зеленую степь, проскочат Балхаш, у отрогов Каратау встанут на отдых, приведут в порядок амуницию, подлечат коней и ринутся на Туркестан, Ташкент, Испиджаб и другие казахские города. На этих землях джунгаре обретут новую жизнь, родину, и воскреснет в былой славе мой народ. Мы уйдем от китайского богдыхана, освободимся от постоянной угрозы. Как только проклянется трава в степи, уходим в поход навсегда. Отдыхайте, пейте и ешьте, мои помощники, скоро только вяленое мясо, сухая лепешка станут основой жизни, и пить воду будем из бурдюков. Сегодня я начинаю великий праздник – праздник грядущего отлета. Осушим же свои чаши до дна!

Контайчи поднимает правой рукой большой кубок, в который налито красное вино. Над дастарханом вознесся рев – присутствующие криком приветствуют своего государя. Поднимая кубки, встают с места и поклонились, вставая на одно колено. Сыбан Рыптан подносит свой кубок к губам, стал медленно пить. Гости последовали его примеру, стараясь не отстать, но и, следя глазами, отмеривают глотки, чтобы не опередить великого среди равных.

***

В казахские степи, весна приходит по-разному: раньше срока или позже, с дождями или снегопадом, но все равно приходит. Если прошедшая зима мягкая, то сохранится скот. Ранние, обильные дожди весной, размокшая степь, первая зелень – домашние животные быстро набирают вес. Не дай бог, прилету саранчи. Захватывая огромные пространства, они не оставляют ничего: посевы и травы на джайляу-пастбищах, листочки на деревьях. Степь от голода приходит в движение, ибо скоту негде пастись завтра. На протяжении сотен километров только падаль. И ничего примечательного, только стоит оглушающий скрежет челюстей голодных тварей. Ни побоищ, ни стычек, ни барымты (воровство коней), кроме привычных и всегдашних событий, но об этом ведают разве что орлы, ястребы, вороны да полевая зверь.

Вдоль всех рек и водоемов живет местное население, имевшее название и имя собственное. Одни исчезли в боях и схватках, межродовых и частных битвах, переселялись в другие районы и земли. Кого вытеснили, кого заставили бежать. Другие живут и в нынешнее время, называя себя казахами, делясь на Жузы, племена и рода. Так принято в давние времена, чтобы молодые знали и помнили о родстве, не женились на близких и дальних родственниках в течение семи поколений.

Каракитай или джунгары, по-казахски – жонгары, выжидали, принохиваясь, точно волки, прежде чем погнать коня на запад. Засылая в степь, под видом пастухов, воины искали удобные пути для внезапной атаки. Конная разведка углублялась в глубь казахских степей, выясняя наличие скота, количество юрт и вооружение мужчин, выжидая и отсиживаясь в зарослях камышей и тугаях. Весенней порой расцветают цветы, сводя с ума своим запахом людей. Только что раскрыл соцветия урюк, приготовила свои бутоны вишня и персик. Тюльпаны по всей степи, маковые поля у предгорий, зелень украсила всю землю.

В день наступления с юго-запада задул ветерок, на который поначалу никто внимания не обратил. Военский стан постепенно собрался в дальнюю дорогу, все сложено на телеги, отслужены молебны. Все уже давно знают, куда нацелена длинная воля контайчи, но говорить об этом вслух не принято, поскольку военачальник еще не объявил время выхода. Ветерок, продолжая дуть, приносит запахи вольных степей, прохладу гор, тепло песков и помалу крепчает. Сыбан Рыптан приглашает всех военачальников на особый прием, где ожидается время объявления начала похода. А ветерок все дует и дует уже с юга, сильнее подсушивая землю, взрывая пески и вороша прошлогоднюю мертвую траву.

САЙЛАУ

У отрогов Каратау расположились известные и богатые сазаном, судаком, лещом и другими видами рыб – озера Аккуль и Биликуль. В прибрежных камышах и пойме реки Ассы обитает множество диких животных. Вокруг растет лес, степной лес, где водятся газели и гепарды. Их приручали для охоты великих ханов казахских степей. Теперь деревьев нет, как и нет диких зверей. Степь высохла, но жизнь не изменилась. Все также пастухи весной и осенью пасут свои стада у предгорий, ибо нет места прелестнее.

У костра, что горит около озера, расположились пастухи, пригнавшие стада на водопой из степей и предгорий. Там, на склонах гор, меньше овода и комаров. Мальчишку, что служит подпаском, посылают к роднику за свежей водой. Его сопровождает собака, постоянно озирающаяся в степь, останавливаясь и что-то вынюхивая. Подпаску не до этого, ему надо набрать маленькой деревянной пиалкой воду в турсук (кожаное ведро). Не успевает набрать и четверть ведра, как залаяла собака. Из кустов просвистела стрела. Завизжав, она падает в яму. Подпасок, привстав с корточки, увидел, как к костру подбегают люди, убивая тех, кто сидит или лежит возле него.

Через некоторое время шум прекращается. Темные призраки метнулись к роднику, выискивая лишнего свидетеля, который тихо сполз в озеро и нырнул в воду. Выросший в этих краях, плавающий, как рыба в здешних водах, подпасок заплывает за камыши, забравшись в укромное убежище, где часто отдыхал от летней жары. Чуть позже, придя в себя, соскользнул в воду и поплыл к берегу. Услышав, что его ищут, даже окликают по имени, Сайлау, почувствовав разницу в произношении, повернул обратно.

Лунная ночь. Середина озера сверкает, как серебряный щит. Рядом с головой мальчика в воду вонзается стрела. Не поднимая шума, он нырнул в воду, забирая к зарослям. Враги на лошадях въезжают в воду, подолгу высматривая лунную дорожку. Переплыть через озеро, нечего и думать. Поэтому пастушок решает плыть вдоль берега. Плыл долго, замтно уставая на открытой глади воды. То место, где плещется рыба, сразу осыпается стрелами. Чужие всадники медленно проезжают по берегу, останавливаясь на любой шум.

Сайлау порой кидает взгляд на берег, и тогда ему казалось, что на родимую землю он смотрит из погустороннего мира. В полусотне шагов от него, на берегу, среди зарослей видит верхового врага. Судя по тому, как всадник раскачивается, мерно клонясь к лошадиной гриве, мальчик решил, что он спит. Конный покачивается безостановочно в такт шага коня. Что-то пугающее в этом. Подпасок, глубоко вздохнув, нырнул в воду и вынырнул вдалеке, дрожа от холода. От холода к нему вернулось хладнокровие, от реальной опасности в прах рассеялись гнетущие страхи. Мир духов исчез куда-то, в его голове замелькали мысли: спит или не спит всадник, обождать или плыть дальше?

В конце концов, поплыл дальше, огибая мысок камышей. Движения стали мягче и осторожнее, так как упирался ногами о глинистое дно. Под резким порывом ветра тростник внезапно задвинулся, его стебли, цепляясь друг за друга, сильно зашелестели. Профырчала лошадь, она, вместе с всадником, идет по берегу озера вслед за Сайлау. Не отставая и не опережая, медленно двигаясь по тропинке, что пролегает по краю воды. Всадник все также качается, без остановки, по мере движения коня.

Увидев еще раз коня с всадником, мальчишка испугался всерьез. Перейдя на глубину, поплыл дальше, к небольшому островку, где бывал не раз. Желание отдохнуть становится неотступной. Дрожь все сильнее пробирает его, все трудней вытаскивать ноги из тины, но каждое появление качающегося всадника на лошади, упрямо идущей за ним, отрезвляет и заставляет искать убежище. Выбравшись на остров, мальчик упал на землю без сил. Отдохнув с полчаса, приподнимается, оглядывая поверхность рябившегося озера, шумевшего камыша, спускается в воду, плывет дальше.

***

Степным, крепким умом Сайлау понимает, что на острове будут его искать, тем более скоро рассвет и надо найти спасительное место на день. Кроме того, ему хочется кушать, долгое плавание в воде требует подкрепление сил. Стал осторожно срывать кувшинки, жадно высасывая середину, прожевывая и глотая листочки. Борясь с самим собой, забирается в камыши, выламывает середину, настелив, вдоль и поперек, камышинки друг на друга, засыпает. Проснулся от недалекого фырканья. Приподнявшись на руках, увидел, как в метрах двадцати от берега по грудь в воде, стоит лошадь. Она смотрит прямо на него. Всадник, сполз на бок и мешком висит только на стременах.

- Постой, это же конь главного пастуха, со звездочкой на лбу. Да и сам пастух лежит на боку.

Скользнув ужом в воду, проплывает под водой и выныривает прямо под мордой коня. Животное стоит спокойно, коснувшись губами правого плеча мальчика. Привязав его к ближайшим камышам, доплывает до берега, оглядывается по сторонам, срезая и поправляя по пути сбитые камышинки, возвращается обратно. Снять человека со стремян оказалось ему не под силу. Поэтому, обыскав пастуха, выбрав из кармана кисет с насваем, находит мелкие монеты, снимает поясной ремень и кинжал с ножами. Отрезав рукава, сдирает халат. Подрезает стременные ремни, тело мертвого человека само скользит в воду. Оттащив его подальше в сторону, привязывает его к камышам. Находит в сумке-хуржуне засохшие лепешки, куски вяленого мяса. Ехать не имеет смысла, в степи далеко видно, особенно, если враг-наблюдатель находится на высоком холме или вершине гор.

Плотно покушав, Сайлау разделил лепешки, и мясо на три части, положил в хуржун. Прорезав отверстия в ремнях, стягивает их веревкой, возвращая на место стремяна. Проснулся вечером, когда подул ветер с севера. Через некоторое время почувствовал запах дыма. В ста метрах от него за тростником горел костер, вокруг которого сидели люди, понурив голову, стояли лошади. Мальчишка находился в стороне от них, поэтому решил сплывать к костру. Когда ветер раздвигает камыши, до него доносятся разговор, непонятный, чужой и скороговоркой. Отчаянно жестикулируя, один из них бранит людей. Прислушавшись к оборотам речи и произношению вооруженных мужчин, пастушок понимает, что это джунгары или дунгане. Эту речь слышал на рынках Тараза, куда хозяин гонял скот на продажу. Обычно подпаска вместе с животными запирали в хлев, заставляя охранять по ночам, пропивая деньги заработанные пастухами.

Вернувшись обратно, залез в укрытие, накинув на себя чужой халат. Неотрывно смотрит на костер, который мало помалу меркнет. Люди вокруг костра как бы заволокли туманом, и казалось, отделились.

- Меня одолевает сон, - подумал он и стал засыпать. Меж тем у костра началось движение, доносятся крики. Им ответило короткое ржание лошади. Брошенный костер стал медленно гаснуть. Еще через некоторое время мальчишка во сне услышал свист и глухой топот копыт по росистой траве. Проснувшись, не мог понять, почему вдруг уехали враги. И заметил, что метелки тростников и широкие листья кувшинок, как будто поблекли, и вода стала сверкать иначе, нежели под лунным

светом. Подпасок огляделся – светало. Проходит в холоде и голоде вторая ночь. Конь, что стоял в воде, покачал головой, будто, подзывая к себе. Закинув в хуржун халат, стиснув в руке кинжал, взял повод и потянул его за собой. Выбравшись на берег, внимательно огляделся. Вскочив на лошадь, причмокнул и отпустил повод. Животное, под ударами стремян стало двигаться к дальнему ущелью. Выбирая в потемках направление, стараясь не сбиться с пути и не выезжать на вершины холмов, следуя оврагами к убежищу, помощник пастуха уходил на юг, где темнели горы Каратау.

Время от времени, оглядываясь назад, постепенно подпасок забирается в горы. По всему побережью горели костры. Их огни стали отдаляться, стали колебаться и тускнели, пропадая из виду. Когда добрался до ущелья, где росли ак каин – белоствольные березки, обессилел в конце. Страх еще сидел в нем, но не тот, что гонялся за ним две ночи. Эти горы Сайлау знал хорошо, приходилось часто искать заблудшую и упрямую корову, овцу, отбившуюся лошадь.

Решив отдохнуть, в укромной пещере пережидает проходящий день. Расседлав коня, сухой травой вытер спину, пускает его поспать. Засыпая, увидел над самым входом тамгу-знак, о котором рассказывали в степи, как месте захороненияклада.

Проснувшись, стал искать знак, но не мог найти. Не знал тогда мальчишка, что он виден только при определенном угле падения света. Набрал кислицы, временно утоляя голод. Осторожно забравшись на скалу и забившись в расщелину, высматривает вершины гор и долину. От его внимания не ускользнули расставленные дозоры под фиолетово-красными камнями. Наверху ходил только один охранник, возможно, их двое-трое, но сути не меняло. Он стреножил коня, спрятал в пещере седло и хуржун, в надежде вернуться обратно, а ночью попытаться перейти горы Каратау.

***

Сколько шел по горам, снова брел по плоскогорью, сказать трудно, его заметили пастухи с другой стороны гор, где жило большое племя сихимов. Не помнил, что бормотал и говорил. Ему насильно вливают в рот молоко. Аккуратно укутали в шубу, приладили на лошадиные носилки и отправили вниз. Поздним вечером, когда весь скот уже стоял во дворах, Сайлау привозят в старейшине аула.

- Покормите мальчика, налейте ему чая, - сказал аксакал. - Мальчик, не торопись, сначала поешь. Послушай меня, не торопись, сынок, все, что на дастархане принадлежит тебе. Эй люди, пригласите муллу и аксакала Абдрамана. Пусть и они послушают мальчика. Внучок, я имею на это право, попей горячего чая до прихода людей. Ладно?

- Аксакал, я из рода конырат, Среднего Жуза. Меня зовут Сайлау, дедушку зовут Агибай, мой отец Есир. Пять дней тому назад они еще были живы, сейчас не знаю. Работаю подпаском, у пастухов бия Жиреншека, на той стороне отрогов Каратау между озерами Биликуль и Аккуль. Вечером пятого дня пастухи послали меня за водой к роднику. Моя собака залаяла и бросилась в кусты, откуда вылетела стрела. Всех пастухов убили чужие люди, по языку - дунгане или джунгары. Слышал их говор на скотном рынке Тараза. Два дня и две ночи искали меня, но я доехал до гор на коне убитого главного пастуха, ушел через березовую рощу пешком в горы, чтобы окружной дорогой вернуться домой.

- Много ли их? Как одеты, обуты? Какое оружие?

- Сколько их не знаю, но на этом берегу Аккуля, начиная от устья Ассы, горит множество костров, дозоры стоят до самой вершины Каратау. На плечах - простые казахские халаты. У каждого копье, сабля, лук и стрелы. По-моему, за поясами кинжалы или ножи. На ногах загнутые сапоги, на голове - шапочка, таких у нас не носят.

- Ложись, отдыхай, завтра тебя разбудят и повезут дальше. С тобой ничего не случится.

В большой юрте, поздним вечером сидели, запершись для тайной беседы три человека. Слути, занесли горячий чай, поставили перед аксакалами по одному чайнику, поклонившись, удалились. Старейшина Асылхан, мулла Суюндик и второй по возрасту в ауле Абдраман. Облик старейшего имел признаки высокого достоинства, изможденное заботами и раздумьями холодное и мудрое лицо, отличаясь суровостью, нисколько не портивший его внешний вид. Глаза черные, как и у всех гостей. Кожа отливалась старческой белизной. Мулла выглядел круглым толстячком во всех вариантах, плутоватые, с вечно бегающими глазками и физиономией лъстеца. Рядом с ними полулежал на подушках седой мужчина. Несмотря на печаль и озабоченность, скрывавшие черты лица и движения, они внимательно слушали старейшину.

- Дозоры на конях высланы во все стороны, аксакалы, - сообщил старейшина.

- Бессмысленно это, бессмысленно. Надо уходить! - прошептал мулла.

- Не трясись, мулла! Глядишь, сейчас от страха твоя тонкая кишка выскочит наружу, успокойся. Если джунгарам нужно прийти сюда, они давно были бы здесь, - задумчиво произнес Абдраман. -

По-моему, они следят за округой, притворившись пастухами. Надо срочно, не поднимая тревоги, ночью сняться с места и уйти в горы. Десять километров и мы у отрогов Алатау.

- Так и сделаем. Завтра утром пошлю к бию Айдарли гонца с этим мальчиком. Абеке, седлай лошадей и выезжай в горы, возьми с собой двух-трех сыновей. Посмотрите там, проверьте все и одного сына пошли обратно. Мулла, вам нужно обойти все дворы и поговорить с людьми сейчас, несмотря на позднее время, чтобы всю ночь осторожно готовились к переселению прямо сейчас. Пусть население возьмет самое необходимое, погрузит на лошадей и ослов, и уходит туда, куда укажет Абеке. Юрты нужно оставить, когда уведем людей, вернемся за ними обратно. Пусть джигиты стада бия Айдарли к раннему утру перегонят к горам. К рассвету здесь останется только охрана. Они должны развести во всех печках огонь, делая вид, что мы дома.

- Аксакал, надо людей вести прямо к березовому ущелью, только там находится нижний, узкий проход. Его можно завалить камнями и поставить лучников. На время можно удержать две-три сотни.

- Абеке, вот и займитесь этим. Эй, кто там, пригласите ертоулов-разведчиков.

***

В аул бия Айдарли, с ближайшего поселения предгорий Каратау, примчался гонец с мальчиком. Бий был занят, принимал гостей. Ему не до этого: три дня пили бузу, вино, как-никак приехали сватать его старшую дочь богатые купцы с Ташкента. Айдарли принял гонца только на третий день. Еще не пришедший в себя после проводов, утром выпил разведенный водой айран и высокомерно спросил:

- Ну что у тебя там? Кто тебя прислал?

- Меня прислал аксакал Асылхан, старшина рода Кусирак. С другой стороны отрогов Каратау находится дунгане или джунгары, переселенцы пастухами. Их очень много, видел этот мальчик, чудом, спасшийся от врагов, я его привез с собой. Старейшина прислал меня сообщить вам об этом. Все аулы казахов и киргизов, от Каратау до Машата откочевывают в горы, угоняют скот.

- Как откочевывают, кто разрешил, вы, что здесь все сошли с ума? Эй, стража, всыпьте этому человеку тридцать палок, привяжите к лошади и выгоните отсюда. Где начальник охраны? Найдите и позовите его. Так бери пятьдесят человек, проверь аулы и верни всех обратно на пастбища.

- Великий бий! Задержался из-за приехавших гонцов с дальних аулов, они говорят об одном и том же. «Узункулак» уже донес молву, в казахские степи ворвались джунгаре. Не сегодня-завтра будут здесь.

- Ты, ты, ... почему молчишь? Почему я об этом не знаю, сколько дней этот гонец находится здесь?

- Три дня, великий бий. Вас трижды предупреждали, но вы все дни были заняты с гостями и никого к себе не допускали.

- Накормите и отпустите его на все четыре стороны. Поднимайте аул срочно. Лошадей приготовьте. Как нет? А где они? На пастбищах? Так пошли кого-нибудь! Стой, пошли немедленно гонца с мальчиком к батыру Шагьру. Сообщите родственникам в верхние и нижние аулы. О, Аллах! Помогите мне и спаси моих детей.

Аул Айдарли, как и многих других, задержавшихся с перекочевкой, джунгары перехватили у подножия Таласского хребта. Мужчины, бросившиеся на врага, были убиты на месте. Женщин и девочек увели в плен. Засватанная дочь достается начальнику тумена. Остальных даже не пожалели.

ШАГЬР

Весна – самое красивое время. Джунгары хорошо знают, что в это время казахские скотоводы проводят кастрацию коней-двулеток. Отары овец и стада коров малоподвижны от голода, вздуваются реки. Волчья тактика всегда присуще нападающим.

Семь крыльев атаки направлены в набег в обход территорий всех казахов, захватывая огромные степные районы, через Каратау и поймы рек Чу и Талас, другие – за Туркестан и западнее Ташкента по Сыр-Дарье, а центр нацелен прямо на богатый вздорный и независимый ото всех Ташкент. Для этого войска разделены на части, каждая из которых выполняет поставленную ей задачу: не выпускать казахов с земель. Никто не нужен, кроме молодых женщин и девочек. Семь десятитысячных отрядов врываются одновременно со стороны Балхаша, Или, огромными лавами, сметая на ходу все живое.

Узункулак – беспроволочный телеграф в течение трех-четырёх дней разнес по степи страшную весть. Лишь немногие аулы казахов и киргизов спаслись, уходя в высокие горы. Молодых женщин,

связывая косами друг к другу, чтобы не убежали, угоняли в свои стойбища. Всех способных держать оружие убивали. Стариков, старух и маленьких детей загоняли в безводные места, где они умирали от жажды. Детей до семилетнего возраста поднимали на пики. Насиловали женщин и девочек на глазах родителей и всего аула, которые рвали на себе волосы и сходилили ума. Только сумасшедших не трогали в джунгаре. Они считали, что сошедшие с ума отмечены самим Богом свыше.

Враги топтали конями поля и сады оседлых казахов, приводя в ужас и страх население. Контайчи вел отряды на запад и юго-запад широким фронтом, по определенным местам, указанных разведчиками. Кипчакские проводники, охраняемые монгольскими дозорными, под страхом казни отыскивали места для стоянок армии. В этом походе было мало коренных местных жителей, отряды состояли только из джунгар. Всадники шли налегке, без юрт. Спали на земле, близ пасущихся лошадей: ведь потерять коня в походе – это верная смерть в бескрайней степи. Многие воины имели два, три и более коня, пересаживаясь в пути с одного коня на другого.

Шатры и разборные юрты ставили только самым знатным ханам. Им не приличествовало часто показываться перед простыми воинами и сидеть с ними у костра. Проворные слуги вели с десятков быстрых верблюдов, навьюченных частями юрт, шатров, войлоком, котлами и съестными припасами. Простые воины сами заботились о еде и питались тем, что сумели добыть в пути. Голод был главной силой, не позволявшей отрядам долго стоять на одном месте – они должны быстро двигаться вперед и вперед, съедая запасы, встречаемые на пути.

***

В эти годы в казахских степях погибло очень много людей, так как джунгары не щадили никого. По примерным подсчетам, осталось в живых всего один миллион казахов, два миллиона погибли, сколько уведено в плен и продано, никто не знает.

За месяц, пройдя древним методом облаты половину степи, вражеские отряды вышли к туркестанским городам. Уцелевшие люди бежали от берегов Чу и Таласа, с подножия гор Казыгурт, Караспан и Каратау в сторону Арала, Ферганы, Андижана, Самарканда, Хивы и Бухары, Ташкента. Туркестан не сдался, конные лавы джунгар понесли здесь первые ощутимые потери, но маленькие крепостные стены не смогли удержать наступающих. Накануне решающего нападения началась жестокая песчаная буря. Защитники города, кто смог, ушли, оставив пустой Туркестан. Разъяренный контайчи Сыбан Рагтан приказал стереть городок с лица земли.

Первое поражение потерпели джунгары в 1729 году на берегу реки Буланты, притока Сарысу. Сотни стычек прошли, где одерживают победы казахские отряды, но это не решает дела. Врагам нужна земля, земля свободная от людей и больше ничего. Контайчи Галден-Царен железной хваткой вцепился в завоеванные земли. На землях казахов и киргизов оседают джунгарские стойбища, а за высокими горами довольно потирают руки китайские богдыханы. Россия, которую возглавляет Петр I, после обращения казахских султанов, посылает делегацию в казахские степи. Но вражда между биями и султанами, взаимные хорошо оплаченные убийства, заставляет русское государство, выжидая, осторожничать.

***

Сплетенный из тысяч дувалов (глинянных стен), выбросивший в горячее небо редкие минареты мечетей из красного кирпича, Ташкент млеет от жары, дремлет в палящих лучах раскаленного солнца. Арка въездных ворот города, сложенная из больших квадратных кирпичей, раскрыла свою пасть. Старые карагачовые ворота, изъеденные временем и термитами, так скрипят, что нет сил их слушать. Резные изображения льва и стоящего перед ним какого-то воина уже давно стерлись и покрылись грязью.

Под аркой проходят мимо ослики, нагруженные зеленым клевером, вязанкой хвороста или грузом, вывозимые на местный базар. Справа от арки на верхушке башни из сырцового кирпича, облупившейся и оплывшей под действием солнца, ветров и зимних дождей, находится взъерошенное гнездо. На нем маячит аист, иногда подпрыгивая, распластав широкие крылья, или закидывает голову назад, кладя клюв на спину и щелкая им, как трещоткой. Спустя некоторое время птица, внезапно замахав крыльями, потанцевала на тоненьких ножках, подпрыгнула и плавно полетела, направляясь в степную равнину.

Истошный вопль ишаков, скрип двухколесных арб, визг недовольных женщин, пыльные улицы, ничто не предвещает грозы. Все также на базарах блестит парча, бархат и шелк, остро пахнут пряностями, фруктами. Привычный шум, крики и снующие люди. Поодиночке и группами сидят ходжи, дервиши и бродячие монахи, прислонившись к глинобитным стенам вдоль дорог,

выглядывая очередную жертву, чтобы погадать, выкрикивая прорисания и помяная каждый раз имя Бога. Одетые в лохмотья, согнувшись в три погибели, блестя ненасытными глазами, впитывают запахи, идущие от мангалов, где жарится мясо и чайханы, где готовится лагман. Головы обвязаны желтым или синим полотенцем, конец которого спадает ему на плечо.

В городе жизнь идет по заведенному порядку. Также делают ставки на перепелов, сидя на тахте у чайханы богатые бездельники, рассматривая перья петухов. Перебирая четки в руках, оглядывая прохожих, старики пьют кок-чай. Все одеты в одинаковые, разноцветные полосатые халаты и не определишь сразу, кто и чем занимается. На закоулках и базаре продается и покупается все: от копеечного имущества бедняка до копеечной совести богача. Только одна мысль: кому-то - как разбогатеть, другому - как накормить семью.

***

Лишь в пригородной резиденции ташкентского главы чувствуется какая-то перемена. И только опытный глаз заметит, что чиновники не разговаривают, как обычно, а шепчутся. Не ходят, а как-то странно прижимаются к стенам. Не обычная человеческая тревога на их лицах, а утробный животный страх. Холодные волны страха, перекатываясь, втираясь, поползли в город. Теперь издали, без того полные тайн и странных загадок, дворцы кажутся более загадочными и мрачными. Словно неведомые зловещие тучи встают над плоскими крышами, и готовится разразиться кровавая гроза. Если кто и догадался, тот стал искать причины страха. Остальные жили, живут, и будут жить сиюминутными делами и проблемами.

Молчит кушбег – глава города, молчат и казахские султаны, срочно вызванные из своих уделов на совещание. Отошли в сторону вопросы налогов, строительства и ремонта дорог, полива и охраны полей и садов. Это подождет, впереди война, которая еще не докатилась до стен Ташкента. Разведка принесла весть о том, что за Туркестаном уже замаячили джунгары. Солнце еще не скрылось за горизонтом, как в саду резиденции стала куковать кукушка. Долго она стонала, словно рыдала о чужом несчастье. То ли о жизни, которая должна оборваться не сегодня-завтра, то ли отсчитывала дни до большой войны. Знаменитые и званые люди, султаны, бии и эмиры городов искали выход из страшной ситуации: как защищать город, где взять войска и чем платить.

Недалеко от резиденции, в сорока километрах под горой стоят юрты, покрытые серыми, бурыми и черными кошмами. На другой стороне шумливой речки Чирчик лишь изредка белеют белые юрты. Тихо на горной вершине, где сидит Шагыр. Невысокого роста, плотный, с коротковатой бородой, небольшими усами и усталыми глазами, возвращаясь с совещания, решил остановиться именно здесь, так выработалась годами привычка анализировать происшедшее, увиденное, услышанное в Ташкенте.

Ему видно, как вьется дым у самого горизонта в вечернем городе, пыль по склонам гор, возвращается скот, да на вершинах гор маячат конные разъезды. На совещании было видно, что не все ханы согласны участвовать в войне: одни готовы уйти через перевалы, другие предлагают сдаться на милость врагу, худой мир лучше проклятой войны, третьи выгадывали в какую сторону податься. Когда стали разъезжаться главы округов, его попросили остаться. Несколько видных людей Ташкента предложили ему, как главе одного из сильнейших родов, показать пример, выступить против джунгар.

Скоро в поход, как сберечь людей, кого оставить вместо себя, что ожидает впереди? Это его и призвало в горы. Он всегда приходил сюда перед особо значимым вопросом и сидел на горе перед Шашем (Ташкентом), думая о времени и о врагах.

Потемнело. Уже не различишь соболний малахай, мягкую накидку и светло-серый чекмень-халат на человеке. Сайрам, Азрет, Чимкент, Созак – все уже под копытами джунгар. Трижды пытались враги прорваться в горы, на его края, но так и не смогли. Искусственные камнепады, лавины и засады сделали свое дело, погибло множество вражеских воинов. Но это не сдержит их, могут завтра пойти и в обход. Правда, там тоже сидят правители, но по вчерашнему совету нельзя быть уверенным во всем, поэтому, кто его знает, что будет завтра. Почти поголовно истреблены аулы вдоль Чу, Талас, Аксу, Сарысу, Сыр-Дарья, у подножий Каратау. Спаслись те, кто смог уйти в горы или откочевали к Аралу, Каспию, низовьям Иртыша и Тоболу.

Шагыр обводит глазами затихшую степь. Правильно сказал дед: начинай бить льва, шакалов пока оставь. Начиная с сильного, освободив руки, ударишь остальных. Не мешало бы напомнить врагам про кровь, стоны и слезы вырезанных аулов, про насилие над женщинами и проданных в рабство детей. На своей шкуре должны испытать жесткость казахов. Пока – это главное. Надо начать боевые действия вдалеке от родины, а не рядом в Ташкенте. Научиться воевать, владеть оружием и щитом, научить коня. Поэтому, пока есть овраги и лощины, поросшие кустарником, никакой легавой не взять

степного зайца. Здесь самое раздолье для настоящего джигита: только подтяни сильнее подпруги, крепче держись на коне да приготовь острую саблю.

На высокой горе стоит Шагыр. Далеко ему видно, но темень потихоньку скрадывает расстояние. К нему не слышно подходит начальник сотни, ожидая приказа. Оглянувшись еще раз на запад, батыр, повернувшись к сопровождающему, неопределенно махнул рукой. На свист из маленькой рощицы кривых деревьев боярышника выскакивают кони. Упругими шагами правитель округа без разбега прыгает в седло и в сопровождении охранной сотни, втягивается в каменистое ущелье. Его ждут в ставке.

***

Еще невидимой за грядой тяжелых гор и розовеющих изнутри облаков, встает в положенный срок солнце. Легкой дымчатой голубизною наливается небо, а понизу среди фиолетовых вершин скалистых гор проступает острый, словно настоящий на травах камнях и воде, холодок. Прямо из озябшей плоти тумана выныривают всадники и куда-то исчезают на глазах передового отряда, блеснув отражением солнечным зайчиком от доспехов. Легкая пелена густого утреннего воздуха завивает стеклянистую гладь горного озера, из которой речка несет свою стремнину с неукротимой любовью к далекому морю, что раскинулась среди далеких песков.

Где-то там наверху вскрикнула жалобно птица. Это коршун, дневной охотник на ползающее-бегающих тварей на земле. Его жалобный, от лицемерья просительный, крик исходит откуда-то сверху, но сквозь густеющую пелену тумана ничего не видно. Туман все глушит, неуловимо меняя оттенки красного света, розовато-серые краски восхода и звуки, исходившей от десятков тысяч копыт. Осторожно пьют кони прозрачно струящуюся по галечнику холодную воду. Их ноздри, вздрагивая, ощущают свежесть воздуха и прохладу ущелий гор, чужа отстоявшихся в холоде зверей, да камнепады под облаками.

Раздергивается туман, проседая то здесь, то там. Летнее, желто-оранжевое солнце поднимается над вершиной уступа, отражаясь в озере вместе с горными пиками и плывущими облаками. Ертоулы-разведчики узнают знакомые силуэты вершин, проступающие очертаниями скал, да струящимися привычную зелень листьев на редких деревьях. Время начинает течь осознанно в том направлении, которое растеряли люди в туманное утро, но вершины гор возвращают их обратно: на скалы, нагромождения, уступы и провалы. Ничего не страшно: но над головой все так же кружит коршун, жалобно вскрикивая и пугая фиолетово-седую тишину неподвижных гор, да каменные совы своим полетом пугают сусликов над предгорьями.

Каждый отряд, насчитывающий тысячу всадников, идет своей строго назначенной дорогой. Впереди и по бокам снуют караульные, тесно соприкасаясь крыльями, как на охотничьей облаве. Они следят за тем, чтобы ни одна живая душа не узнала, куда держат путь боевые отряды. Всадники, молча и бесшумно появляясь в оврагах, выезжают на холмы, наблюдая за степью, предгорьями и горами, настойчиво и упрямо продвигаются через горы к намеченной цели.

Ранней весной, когда земля почти подсохла и прогнулась на степных казахских просторах трава, («зункулак-длинное ухо») доставило в южные районы, что с востока появились отряды врагов. Они громили и разоряли кочевья пастухов, угоняли скот, убивали людей и уводили в плен, тех, кого намеренно оставляли в живых. А в это время сама страна в раздоре и междусобицах. Каждый считал себя первым из всех первых, одно племя или род выше другого и знатнее другого, шла упорная распря из-за пастбищ и водопоев.

Объединить их могли только сильные духом и телом, ибо раздорам и интригам не видно конца. В пламени пожарниц и смерти исчезали одни, рушились мечты других, третьи снимались с насыщенного места и уходили в разные края. Может быть, поэтому на земле Великой Степи и части Дешт-и-Китчака мало крупных городов. Юрты можно легко расставить и собрать, а скот можно перегнать куда угодно. Напрасно надеялись народы, что враги, как обычно, покуражатся, насытятся, урвав львиную добычу, уберутся обратно. Джунгары, конными лавами в обхват, вторгались по всем правилам войны на земли соседа без предупреждения. Уже Прибалхашье топчут их кони, половина Семиречья в их руках, на очереди Тараз. Обложили Туркестан и другие города края. Им нужна только земля казахов. Брели в плен только женщин, девушек, остальные не нужны, это лишние рты.

Вечерами, уходя в ущелья и выставляя дозоры, отряды Шагыра становятся на ночевку. Под темным куполом неба, греясь у костра, нукеры долго говорили о жизни, о семье и приключениях, которые испытали старики в давних, боевых походах. Многие из них успели побывать в двух или трех боях. Время тяжелое, не дают покоя тимуриды и шейбаниды. Вот и джунгары снова нарушили границы и несколькими эшелонами подошли близко к границам Ташкента. Молодые бойцы быстро освеживали барана и стали готовить ужин для личной ханской сотни.

***

Вдоль караванных троп стоят маленькие домики-кумирни, где отдыхают усталые путники. Они громоздили на каждой стоянке кучи камней, из которых постепенно складывались ограждения, стены, складские помещения. Сотни, тысячи камней разного цвета, кому какой понравился, приносили сюда, создавая незабываемую картину, от которой захватывало дух путника, неукротимо, везде и под любым предлогом старающегося побывать на этих дорогах. Но воины держались подальше от караванных троп, им было чего скрывать.

К батыру, которому поставили отдельную палатку, начали подходить тысячники для доклада. Он приглашает их на скромный ужин. Слуги приносят воду для омовения, раскладывая на скатерть незамысловатую еду и кумган с чаем. Шагыр и тысячники молча поели, не спеша, попили горячий чай, стали обсуждать положение дел в отряде. В конце короткого совещания выступил начальник разведки.

- Великий батыр, все отряды расположились в ущельях. Тысяча батыра Мадани охраняет перевальные вершины гор, две сотни ушли в дальнюю разведку. От них будет донесение к утру.

- Через два часа выезжаем на проверку дозоров. Будешь меня сопровождать. Прикажи сотнику, чтобы стояла наготове моя сотня.

***

Проходя горными лощинами, оврагами, с редкими рощами разнообразных деревьев, все отряды скрывались в буераках, наблюдая за степью. Тысяча батыра Мадани шла впереди всего войска. Ему было поручено следить за дальними горами, проходами, производить разведку, узнавая, где находятся отряды врагов и попытаться найти языка.

Мадани выделил из отряда две сотни самых отчаянных нукеров, гарцевавших далеко впереди. Они были глазами, ушами и шупальцами отряда и каждые полдня доносили своему батыру обо всем, что замечали в горах.

Передовая сотня, ушедшая далеко вперед, нашла землянку и сидящую в ней тощую старуху. Она равнодушно сидела на пороге полуразвалившегося строения, не обращая внимания на людей, кусок лепешки, которую подсунул ей сотник.

- Апа, кем будете? Откуда вы?

- Вон из того аула. Видишь, вон там внизу остатки домов? Там мы жили издавна. Мой муж из рода Кучук. Теперь никого нет. Всех убили, меня не тронули, посчитали душевнобольной, отмеченной каиновой печатью. Но я отошла, похоронила всех людей и вот уже полгода живу здесь. Раза два проезжали джунгарские десятки, они рыщут вдоль гор в поисках людей, ушедших в горы.

- А джунгарские отряды здесь появляются?

- Они проходят дальше. Вон за той горой проходит старинная дорога, там и держатся, выслая по сторонам дозоры. Каждый день идут обозы с пленниками, скотом и награбленным. Я там бывала. Эта дорога уходит в сторону Тараза.

А степь, что расстилалась перед горами, казалась совершенно пустынной. Но это только на первый взгляд, на ней скрещивались лишь следы сайгаков, верблюдов, волков и лисиц. Табун диких лошадей, несколько десятков голов, промчались с песков на водопой. Они скатились к ручью, стали слышны фыркания, всплески воды, глухой топот и похрапывание коней, пивших воду. Что-то их встревожило. С испуганной стремительностью, толкая друг друга, они поднялись по скату оврага, лишь на миг, задержавшись на его вершине.

Внизу у самой речки крутились молодой жеребец, шею которого захлестнула петля. Вытаращив глаза и не зная местонахождение врага, конь натянул аркан, как струну. Задыхаясь, делал отчаянные прыжки, а дерево, к которому привязан другой конец аркана, вздрагивало. Стрела, выпущенная сотником, уложила коня на передние ноги. Животное хотело встать на ноги, но один из быстрых нукеров, соскочив со своего коня, навалился обезумевшую скотину и перерезал горло.

Джигиты, засучив рукава, резкими точными движениями содрали шкуру с коня, рассекая тушу на части. Погрузив на коней завернутое в шкуру мясо, разведчики также тихо исчезли среди сероватых скал. Через некоторое время из-за кустов осторожно вышла красная лисичка. Запрыгнув на высокий камень, она принюхалась к запахам свежей требухи. Увидев волка с рыжеватой шерстью, плутовка не стала рисковать, улеглась на камень, слившись со скалой. Только неугомонная сорока верещала, что ей не дают покормиться у речки.

***

Шагыр улегся на кошме, укрылся чапаном и постарался уснуть, но сон не шел. Мысленно он уже видел степь и построенных людей, мчавшихся всадников от отряда к отряду. Поле битвы еще чистое, только легкий ветер слегка покачивал полынь и перекасти-поле. Два лагеря, два войска, стояли друг перед другом. На деревьях, вдоль речки, разделяющей отряды, расселось воронье, почуявших кровавую бойню.

Видел, как строй джунгар раздвинулся. Оттуда, выехал на черном коне огромный человек в цветастой одежде, накинутой на кольчугу, везя за спиной мальчика. Он остановился на равном расстоянии между враждующими сторонами. Схватив ребенка за ногу, выдернул его из-за спины, высоко держа в воздухе. Резким движением оторвал голову, потом руки и ноги. Разбросав по сторонам, помахал огромной дубинкой, усеянной шипами.

В те времена сражение начинали батыры с обеих сторон, вызывая друг друга на поединки. Остальное войско ждало окончание поединка, не трогаясь с места. Вечным позором покрывал народ нарушивших это правило.

Навстречу ему выехал Мадани, без копья и шлема, на вороном коне. Только причмокнул, ударив стременими лошадь, которая помчалась с места в карьер. Не доехав до ухмыляющегося врага с десятков метров, бросил правой рукой тонкий волосяной аркан. Дернув поводья коня, проскочил, крепко стягивая веревку, поднял на задние ноги и, развернувшись на полном скаку, помчался обратно. Джунгар, увидев, мчавшегося во весь опор казаха, рассмеялся, закатив глаза и протягивая дубину на всадника без копья, шокпара и шлема, даже не почувствовал на шес петлю. Сорванный с коня тучный батыр, ударившись головой о сухую землю, в разноцветной одежде, как бабочка на оголенной земле, поднимая клубы пыли, тащился перед всем строем обеих сторон. Смерть наступила быстро. Одна сторона, крича, поднимала мечи, бросаясь в смертельную атаку. Другая, оцетинившись лесом длинных копий, ждала наступающих.

Нескончаемые атаки конных лав во главе с племенными вождями то слева, то справа. Неумолкаемый гул, рев, стоны раненных и крики людей, наносящих смертельный удар. Удары мечом, саблей, копьем, топором, свистящие стрелы, глухие удары шокпаров, всадники без голов на конях или прикившие на седле перед смертной секундой. Все это вереницей пронеслись у Шагыра перед взором.

И снова тихое поле битвы, стоны раненных, дикое ржание раненных лошадей, крики верблюдов с поломанными ногами. Мертвые и покалеченные люди, кучками лежащие то там, то здесь. И тучи птиц на небе, деревьях и земле. Воронье уже скачет по мертвым телам, орлы кружатся в небе, клекотом сзывая на невиданный пир своих сородичей.

***

Батыр повернулся на другой бок, и мысли потекли в новом русле. Вспомнил дом, семью и родственников. Для защиты своей ставки и аулов оставил только тысячу всадников, под руководством старшего сына Дормена. Десять тысяч воинов, без обоза, хан взял с собой, при переходе через горы, от Казгурта до Маймака. Он должен выйти в тыл врагам.

Крупный бай, предводитель большого клана рода Кусирак, Шагыр сидит высоко в горах и хорошо видит, что делается в долинах: как ближних, так и дальних. Как бы ни хотелось некоторым влиятельным людям повлиять на его дела в управлении Ташкентом, Шымкентом, Сайрамом и всем краем, мало кто мог ему помешать. Его отец Алибек постоянно живет в Ташкенте и через гонцов передает свежие новости или вызывает в город. Звон сабель за горами особой тревоги у него не вызывает. В защищенных горах правитель чувствует себя уверенно и надежно. Нельзя сказать, что батыр, живущий в горах, ничем не интересуется. Но там, где события принимают крутой характер, он лично во главе десятитысячного отряда спускается с гор и предпочитает вмешиваться во все дела касавшиеся его лично и края.

Война заставила Шагыра преобразиться, стать решительнее и тверже не только в мыслях, но и в делах. Он улыбнулся про себя, вспомнив Дормена, и подумал, что сын не по годам взрослый и тяжело придется ему в жизни. Юноша тоже просился на войну, как и брат, Шеру, но дед запретил им обоим говорить на эту тему. Дормен не возражал, но пылкий Шеру промолчал, долго и шумно сопел. Так положено у казахов - деду никто не смеет возразить. Видимо, в Дормене заговорил дух воина, умеющего подчинить себя приказу старших. Для него это был подходящий случай показать себя миру. Да и Шеру вряд ли посмеет упрекнуть в чем-либо и напомнить лишний раз: - «Ты старший до поры до времени». «Сильных не судят, от способных не отрекаются», - сказал Дормен брату Шеру и взял правление ставкой хана Шагыра в свои руки.

Сыну исполнилось всего шестнадцать лет, но отец гордился за него. Принимая команду над тысячей, Дормен молча поклонился отцу и деду Алибеку. Тут же начал отдавать приказания, сильно удивившие взрослых: откуда это у мальчика-юноши, такие четкие, правильные и властные приказы. Давно сказано: побори страх перед недостижимым, и сам будешь иметь недостижимое.

***

В это время ертоулы батыра Мадани, обвязав копыта коней тряпками, легко проникали между охраной и отрядами джунгаров, стоявших в степной долине. Ни шума, ни скрипа, ни стопа, только где-то кто-то будто бы кашляет, но захлебывается в своей собственной крови. Вырезав всю караульную десятку, взяв в плен их командира, дозор легко исчезает в ночи. Допросив пленного по всем правилам военного времени, батыр вызывает сотника и один на один долго с ним о чем-то говорит. Через десять минут пленник, и сопровождавшая его сотня, умчались в ставку хана.

Шагыр, почти всю ночь, не слезил с коня: дозоры, разъезды и разведчики не давали покоя. От своих нукеров уже знал, что находится в тылу врага, где-то за Таразом. Как назло, на пути нет ни одной живой души. Только под утро прибывает первая сотня, ушедшая в разведку, с пожилым человеком, знающим ближайшие перевалы:

- Где ваш народ? - спросил батыр у старика.

- Убежал

- Куда?

- Откуда мне знать, великий батыр. Сели на коней, собрали скарб и подались в горы, а куда, не знаю. Спроси у ветра, может, он знает.

- А ты чего не ушел?

- Куда, великий хан? Я здесь живу, могу уйти в пещеры, раствориться среди гор, я охотник на архаров, но твои воины попросили помочь вам.

- Горы знаешь? Можешь провести за Тараз?

- Это далеко, великий батыр, но могу. Мне нужна лошадь.

- Эй! Нукеры! Накормите, напоите аксакала и подберите ему коня, да глаз с него не спускайте.

***

Все равно червячок обиды сидел в Шагыре, иногда шевелился настойчиво, особенно когда становится трудно. На совете старейшине предложенно пройти горами в тыл врага и своими силами напасть на них, отвлекая часть сил джунгар. Среди уважаемых людей южного Казахстана батыр является самым молодым, ему нет еще и сорока лет, когда доверили такое большое дело. Поразмыслив, понял, что, если исчезнет в боях, то изберут другого хана в совет, его исчезновение небольшая потеря для алчных соседей, в случае победы, никто не посмеет показать пальцем на него, да и будет что брать и у кого брать. Враги угоняют на родину тучные стада скота и пленных, отнято и наворованное. Его нукеры тоже сумеют развязать языки даже мертвым врагам, от них они ничего не спрячут.

Не успел Шагыр вздремнуть, как снова разбудили нукеры. Светало. С разных сторон возвращались дозоры, разъезды. Самыми последними прибывают разведчики батыра Мадани. Все они привезли добрые и хорошие вести, но самое главное то, что враг не догадывается о появлении в их тылу сильного отряда. На востоке голубеет небо, сначала серо-голубоватое, позже перекрашивается в розовое. Отряд уходит в горы, а на месте стоянки остается дозор, проверяющий, нет ли за ними наблюдателей.

***

Мимолетного взгляда достаточно, чтобы увидеть и понять, что отряды хорошо вооружены. Особняком располагается ханская тысяча. У каждого по два заводных коня с богатыми сбруями и высокими деревянными седлами с железными стременами. Прямые, чуть загнутые к концу, сабли с узкими и длинными клинками из хорезмийской стали вложены в ножны из тисненной кожи. Боевой пояс вокруг имеет бляшки и подвески. У многих за пояс заткнуты кинжалы и ножи. На ханской тысяче поблескивают кольчуги, прикрытые пестрыми узбекскими халатами, сверкают на солнце наконечники копий, и колышется на слабом ветру треххвостый бунчук хана.

Но большинство воинов одеты кое-как, хотя имеют двойные кожаные щитки. Все на конях, покрытые порой вместо седел бараньими или коровьими шкурами. Всадники непринужденно и ловко обходятся без стремян. Кое-кто в шлемах, шапках или просто с непокрытой головой, наголо обритые.

Правитель края один мог выставить в поле десять тысяч всадников в течение трех суток, такова воинская выучка его нукеров. И вот они, кружа по горам уже пятые сутки, идут почти без остановок. Сегодня вечером они встанут на отдых у речки. Надо дать людям отдохнуть, привести амуницию и сбрую в порядок, накормить лошадей.

- Великий батыр! Обоз, пленных казахов, большое стадо скота гонят с собой джунгары, сегодня будут здесь.

- Увести отряды в горы! Общий сбор! Ко мне батыров и тысячников. Будьте осторожны! Тысячники, приготовьтесь, обмотайте копыта коней, ранним утром атака. Тысячу Асылхана в засаду. Тысячу Абдрамана в охрану. Тысячу Сеита в обход, прикрывать дальние подступы со стороны Каратау, двигаясь к обозу. Уалихан, отправь тысячу по горам влево и перекрой ущелье. Отебай, твоя тысяча уходит вправо, перехватывает убегающих джунгар в сторону Чу и движется к обозу. Остальные идут со мной в атаку. Никого не выпускать. Пленных не брать. Больше не задерживаю доблестных.

***

В то утро Шагыру небо выразило свою щедрость. Убитых нет, несколько раненных, зато какая добыча. Уже первая встреча дала больше, чем предполагал. Как вороны на добычу, налетели нукеры на охрану обоза, которые беззаботно и беспечно отдыхали в далеком тылу. Когда стихло все, батыр и его дружина не удержались поблагодарить Аллаха за удачу: в долине стоял обоз из сотен повозок, нагруженных разным добром, табуны коней, стада коров и отары овец.

- Казахи! С нами небо! Небо за нас! – кричали бывшие пленные. Весь скот перегнали в горы, обоз перегрузили на коней и через горы и перевалы, специально снаряженная тысяча уводит их на родину. Бывшие пленные, испытав ужасы войны, вливаются в новую тысячу. Отряды остаются на дорогах войны, внося свою лепту в разгром врага. Через шесть месяцев Шагыр возвращается домой.

На память и в подарок ему выбирают красивого коня, изумительно красивую девушку и приводят на крыльцо дома. Правитель края решает подарить коня и девушку сыну Дормену за заслуги во время его отсутствия, как брат Шеру поднимает невообразимый крик несогласия. Тогда батыр поступает мудро – отдает коня Дормену, а девушку приказывает слугам отнести в белую юрту. Она родила ему сына Койбагара.

Дети Шагыра – Дормен, Шеру, Койбагар – станут основателями одноименных аулетов.

АЙША-БИБИ

Весь Туркестанский край знает о мавзолее Айша-биби, поставленной невесте прославленного полководца из племени Дулат. Многие слышали и хотели бы съездить, помолиться за упокой души молодой девушки, в трудное время поехавшей навстречу своему герою. Это место находится в двадцати километрах от знаменитого города Тараз, где горы Алатау переходят в Каратау. Когда подъезжаешь к перевальному седлу Каратау, то издалека виден высокий холм, окруженный стройными азиатскими тополями, недалеко от шумливой речки Асса, где стоит старый памятник времени - мавзолей Айша-биби, построенный в честь молодой девушки, вышедшей из дома навстречу своей судьбе.

Много лет тому назад на казахскую землю пришли враги из Джунгарии на семидесяти тысячах лошадях, разбитых на семь потоков, вытаптывая поля и сады оседлых казахов, приводя в ужас и страх кочевников. Они шли на запад, уже проторенной гуннами, каракитаями, монголами, что позднее стало называться Джунгарскими Воротами. Дорога здесь была легкая, не приходилось переплывать через полноводные и глубокие реки; даже поздний снег в некоторых местах не стал им помехой. Его весенним ветром сметало в глубокие овраги, лежавшего до позднего апреля. Степного бурьяна и репейника хватало всем, чтобы прокормить и обогреть большую армию. Прошедшей осенью на плоских равнинах отсутствовали пожары, да и некому их устраивать, ибо от Китая до казахских степей практически не было людей.

Вели джунгар проводники, свои разведчики, уже проникшие глубоко до Семиречья и те, кого наняли за жизнь. Джунгары шли отдельными отрядами, родами и коленами, тысячными скопищами коней, держась широко развернутыми крыльями. Каждый отряд через гонцов поддерживал связь со своим начальником тумена, а тот – с главной ставкой. Особые военные советники, приставленные верховным контайчи к отряду, держали в своих руках власть над воинами. Ни пьянства, ни раздора, ни лишнего слов, все подчинено одному – нужна земля и скот для джунгар. Остальное лишнее.

Одних убивали, другие умирали сами от насилья, третьих, ремесленников и молодых, связав сыромятными ремнями и надев колодки на шею, уводили в плен. Угоняли тучные стада, забирали

вещи и ценное имущество. Никого не щадили, там, где они проходили, оставались только мертвые, пепелища и сумашедшие. На защиту Родины встали миллионы людей, от мала до велика, от простых до великих, как и нареченный Айши. Много дней прошло, как ее суженный, живой и удачливый воин, батыр и командующий группой войск, находился от нее вдалеке.

Ранней весной, испросив у родителей разрешение, Айша, вместе со своей служанкой Биби-хатун, выезжает из Ташкента навстречу батыру. Целую неделю добирается до Тараза. Остановившись у реки Асса, разлившейся во время весеннего половодья, решила ненадолго задержаться. Слуги быстро раскинули шатер, приготовили полдник, и уставшая от дороги и жары девушка прилегла отдохнуть. Раннее потроженная змея, возвратившись на старое место, ужалила девушку. В это время на другой стороне реки появляется группа всадников во главе с батыром. Через некоторое время на высоком холме ей поставили памятник, так гласит молва.

***

Очень древнее по времени, строение стало разваливаться давно. Только в 1970 году люди, почитая мавзолеей, как святыню, закрывают стеклянным саркофагом. На каждом из четырех углов - колонн и над дверям красивой арабской вязью, что сохранилось на веках, написаны четверостишия о временах года и поклонении Аллаху. Да благословенно имя твое в веках! На стекле сделана надпись перевода одного из стихов: «Осень... желтые листья... ветер странствий...».

Видимо, больше не смогли, ибо восточная мудрость непостижима даже для тех, кто прожил здесь вечность. Память о любимой девушке, погибшей на берегу речки, сохранилась в памятнике из узорчатого кирпича. С тех пор под солнцем и дождем, ветром и снегом, на родине сихимов, перспективного племени Большого Жуза, мавзолеей простоял около тысячи лет и таил на глазах людей.

Извилистые трещины в узорчатых кирпичиках памятника создают ажурное плетение прошлого, оживляя тени давно минувших лет, донося до нас шепот далекой пустыни, шумливой речки и молчаливых гор. Маленькие, не больше ладони, фигурные кирпичики, отшлифованные руками многих тысяч людей, приходящих сюда на поклон, застыли как часовые времени, запоминая их просьбы к милости Аллаха. В них - мольба сохранить детей и семью от врагов, дать возможность собрать урожай, увеличить скот, поддержать заветные мечты разных людей о любви и созидании.

Из-под стеклянного купола доносится эхо прошедших дней: песню молодой женщины, кормящей грудью ребенка, щебетанье ласточки, что свила гнездо под крышей саманного дома, плач народа по безвременно ушедшему в иной мир батыру. Ветер странствий с седых вершин старых гор напоминает о былом величии памятника истории. С трепетным благоговением приходит моя семья к древнему строению. Стараясь представить девушку-легенду, ушедшую во Время и в Пространство, понять истину мирского бытия. Много раз мы бывали там, проезжая мимо памятника. Доведется ли еще?

***

Давно стоит этот памятник на Великом Шелковом пути из Китая в Европу. Через города и земли Казахстана проходили в те годы огромные караваны с шелком и пряностями, китайским фарфором и индийской слоновой костью. Сколько людей приходило сюда помолиться, почтить память и поделиться со своими проблемами, не сосчитать. Сотни лет хранит мавзолеей, с резными гранями и арабской вязью, предания старины и веков. Люди берут землю или кирпичики, чтобы запомнить идиллию любви, осчастливить свою родину, а может быть вспомнить незабываемую встречу с прошлым.

Почти все стены осыпались, сохранились лишь отдельные фрагменты, но чистый и нежный голос Айши пробивается через них и долго живет в людях, требуя вернуться обратно, дослушать и понять ее. Она появляется к ним, как обретенье, как память о молодости, когда часто шептались друг другу: «Любовь... весна... тюльпаны... скоро рассвет...», заставляя вспоминать историю своих отношений.

Вечный приют обрели девушка и ее служанка под легкими сводами памятника, сведенными воедино жизнью, судьбой и смертью. Плывут по океану времени, как разрушенный корабль, и не под силу потомкам остановить это разрушение, лишь бы сохранить то, что осталось, чтобы помнили те, кто придет им на смену, сменяющимся людям - часовым Земли.

Измученные дальней дорогой и нескончаемой жарой, путники всегда заезжают к этому памятнику. Заказывают молитву и слушают повествование старика-сторожа о славе былого времени и бренности бытия. Только потом заходят под своды памятника, в спасительную тень древнего строения, долго бродят внутри, распутывая седую тишину летнего безмолвия. Удивительно то, что,

когда долго ищешь надписи на угловых колонах, то к усталым людям из дальних уголков Казахстана и России приходит покой и умиротворение. Никто знает, как это происходит, но моя семья уезжает отсюда отдохнувшей и вдохновленной.

ДОРМЕН

По жемчужному ослепительно сверкающему предгорью двигалась группа всадников. Глава рода ехал отдельно впереди всех. В темной дорожной одежде он уверенно сидел на гнедом крепком жеребце. Конь, согнув крутую шею, грыз удила, порывался вперед, но твердая рука хозяина сдерживала его. Расшитые пестрыми узорами штаны, подхваченные серебрянной цепочкой, заправлены в сапоги без каблуков, с остроконечными, загнутыми кверху носками. Ястребиные глаза пристально оглядывают далекий горизонт. Впереди, в трехстах шагах, гарцевали четыре дозорных воина, державшие в руках персидские пики.

Под ровный ход аргамаков думается хорошо, причудливая вязь мыслей об истории рода, веры, грядущей судьбе текут сами по себе. Дормен вспомнил о разговоре, случайно возникшего при встрече гостей во временной ставке на берегу Машата, где собрались правители всех земель, приписанных к Ташкенту и Туркестанскому краю. Теперь итоги бесед сидят в нем и не хотят уходить в потайные уголки памяти.

Глава рода сидел на коне, стоявшего над обрывом речки Машата. Камни крупные и мелкие, серые и зеленоватые, отражались в первозданно чистой холодной воде маленьких родников, выбивающихся из-под скал. Хаос обтертых нагромождений и глыб загромождал русло реки, который нес свою голубую струю к Сыр-Дарье. Всаднику показалось, что сердце налилось холодной голубой жидкостью, тело стало прозрачным и твердым, как ледяная хрустальная чаша. Между его прошлой жизнью, все краски и впечатления которые он любил, и этим миром неизменной ясности и холодных красок, что стоит перед глазами, существовала огромная пропасть.

Дормен не замечает ни окружающих, ни свиты и охраны. Он решил лично проводить некоторых богатых и толковых правителей до границ своих владений. Возвращаясь обратно, анализировал прошедшие дни и разговоры о тревожной обстановке на казахских землях. Его волновали многие вопросы, поднятые знаменитыми людьми – раздраз в степи между родами продолжается, несмотря на внешнее благополучие.

Особо стоял вопрос и о некоторых личностях, находящихся в его окружении. Среди гостей находились и те, кто был связан с английской разведкой. Не спокойно и среди узбеков, постоянно ищущих способы отделения от края и объединения их под своим, узбекским флагом.

***

Глава рода понимает, что территория Туркестана и Ташкента – это транзитный путь «Великого Шелкового пути» через Дешт-и-Кипчак. О нем заботились гунны, чингизиды, тимуриды, шани, эмиры и правители государств, точнее, самовольно отделившихся султанатов, а ныне и русские. Поддерживая торговлю, они оберегали и восстанавливали дорогу из Китая в Европу в те времена и нынешнее время. Без него у казахов нет перспективы: торговля всегда несла обновление во взаимоотношениях между народами, происходил обмен товарами, информацией и многим другим. На этом огромном пути грандиозного пространства нет, и не может быть диктаторства одного народа. Какой бы не был правитель, он кровно заинтересован, чтобы сотни и тысячи людей были вовлечены в торговлю - одни обслуживали купцов, другие - охраняли, третьи - строили дома, караван-сарай и города, остальные кормили, обували, одевали, заготавливали, но все вместе обогащали страну и казну государства.

Если посмотреть на восток, то существует неуловимая, но резкая граница – крепкая власть в Китае. Страна может за короткий срок поставить под ружье более миллиона людей и это не предел. По этой незримой границе прошло и религиозное размежевание, хотя на сопредельной территории есть народы, тяготеющие к исламу и буддизму. Нам нет необходимости воевать со страной, имеющий огромный людской потенциал, но жить в мире с соседями надо.

С востока многочисленный сосед спит и видит степи казахов своим уделом. Поэтому он выжал со своих территорий калмаков (калмыков). Они исчезли, как государства, хотя народ и выжил, переселившись в разные стороны, как Маверанахр (нынешний Узбекистан). С юга кокандский хан, ворвавшись в Туркестанский край, вмешивается в геополитику России. До Афганистана далеко, но англичане не хотят выпускать из рук свои интересы в Средней Азии. Они будут помогать Коканду оружием и тайной властью через Европу. С запада – уже готовятся к походу остатки тимуридов. Заигрывают, преследуя свои цели, Казанское и Крымское ханство, не спокойны и ногайцы.

Посылают посольства к казахам с выражением дружбы и взаимной помощи с Ирана (Персии) и Афганистана. С севера русские войска, выстраивая крепости от Яика до Монголии, от Омска до Акмолинска. А это казахскому народу очень дорого обойдется. Поэтому казахская степь и живущей на ней народ - не запад и не восток - это особая этническая система, находящаяся между наковальной и молотом. Надо развивать и строить политику таким образом, чтобы перестали на нас посягать - отбирать земли, выжигать веру и заставлять жить по-другому.

***

- Уважаемый аксакал, - издалека прокричал начальник охранной сотни, прервавший его мысли. - Два соседних аула не поделили между собой горные пастбища и вступили в бой между собой. Одного аула нет совсем: пожгли юрты, убиты люди, оставшихся в живых увели в плен, захватили мелкий скот. Нападение совершено под утро. Пока они дрались между собой, барымтачи-бандиты угнали всех коней обеих аулов. Табунщики погибли, кроме одного, но он тяжел. Там уже находятся наши люди, по направлению угнанных коней посланы тридцать солдат. Двадцать конников охраняют мертвый аул.

- Найдите главу второго аула и доставьте его ко мне со старейшинами. Направьте сюда всех жителей этого аула с лопатами. Мне кажется, вон в том ущелье находится аул, найдите там муллу и от моего имени пригласите сюда. Конокрадов, по возможности, взять живыми. Мне нужно получить от них некоторые сведения. Исполняйте.

Табунщик был еще жив, да и успел сказать то немногое, что полностью прояснило картину. Нападение совершено под утро, когда дежурный пастух тревожным криком поднял десять человек, спавших у костра. Но нападавшие не дали им сесть на коней, под ударами шокпаров-дубинок погибли все.

На всех высотах вокруг аула маячили конные дозорные. Селение, что расположилось у маленькой говорливой речки, производило неприятное впечатление. Сойдя с коня, Дормен прошел пешком по всему аулу, внимательно присматриваясь к событиям, произошедшим перед самым восходом солнца. Сопровождавшие его люди, стиснув зубы, молча всматривались в окружающий мир. Всюду валялись трупы женщин, детей, стариков. Тлели остатки юрт, дымила кошма, да воронье расселось на ближайших деревьях. Поднявшись на высокий холм у самого Казыгурта, хан пригласил свиту к обеду, который прошел в полном безмолвии.

***

К вечеру с южной стороны гор закучерявилась пыль, это шли и ехали жители местного аула. Старейшины селения, оставив у подножия холма лошадей, пешком поднимались к знаменитому аксакалу этого края, Дормену. Многие, узнав его в лицо, низко кланялись и присаживались там, где им отводят место. Даже здесь, они не могли поделить места: толкая друг друга, рассаживались по возрасту и месту, занимаемому в обществе. Наблюдая за мелкой возней пожилых людей, правитель округа опустил голову от стыда за них.

- Нет необходимости говорить, что здесь произошло. Сперва похороним людей, которые лежат вон там внизу у самой речки. Ваш аул выроет им братскую могилу, пока не приедет ваш султан. Гонца за ним уже послали. К обеду завтрашнего дня нужно все завершить и начать поминки. По истечении семи дней, султан найдет виновных и примет меры сам. К сорока дням поминок буду здесь лично. Кто старейшина аула? Сидите, сидите. Вся ответственность за похороны убитых до прибытия султана ложится на вас. Здесь останутся мои люди, чтобы проследить и доложить обо всех событиях. Да и о конокрадах: я чувствую, что кто-то из вас замешан в этом деле. За ними уже послана погоня, уж кого-то они возьмут живым. Вы понимаете, чем это все закончится? Он скажет все, даже то, что не знает. Принимайтесь за работу, отдайте должное безвинным людям

Дормен, участвовавший в сражениях с джунгарами, вскочив на подведенного коня, прищипорил его, ускакал в ночь. Свита отстала. Воины охраны скакали на сотню шагов сзади, не выпуская из поля зрения своего правителя. Бешеная скачка успокоила ужу пожилого человека, заставив вернуться мыслям в положенное русло.

Через два дня воины Дормена наткнулись в горах на след воров. Ертоулы донесли начальнику разведки, что барымтачей всего двадцать человек да трое находятся на горе. Под утро, аккуратно сняв часовых, разведчики не успели взять в плен всех похитителей коней. Несколько сильных людей, раскидав нападавших, разбежались в разные стороны. Но и тех, кого взяли, хватило на то, чтобы выяснить правду о разбое.

Пять суток прошло, чтобы узнать батыру Дормену особо секретные сведения и не зря. Вся степь слухом полнится о посторонних людях, шепчущих на ушко разные слова. Оказывается, что в собственном окружении есть люди, посылающие информацию через тайных гонцов определенным людям после каждого решения, принятого правителем. Воспользовавшись сбором всех старейшин, батыров и биев округа, некоторые муллы через дервишей стравливали между собой казахские аулы. В чем-то они преуспели: несколько аулов потрепали друг друга, некоторые бии и султаны стали собирать рода и переезжать на новые поселения вниз по Сейхун-Дарье. Население Туркестана мало интересовали ханские и султанские свары, им был нужен мир и торговля с степью. Продавая мануфактуру, кошму, шерсть, шкуру, мясо, домашнюю утварь, покупать лопаты, ножи, топоры лучшего качества и по низким ценам куда более выгодно, чем привозная из России, Китая или Индии.

Дормен подозревал нескольких людей из своего окружения, кто нашептывал из-за его спины некоторым крикунам их необдуманные речи. Нет, предатель не тот, кто умело ведет свой народ через бури. Предатели те самые крикуны, которые тянут страну казахов на войну с соседями. Поэтому надо с корнем вырвать дерево, которое не дает плодов в красивом цветении. Их называют пустоплодными. Да, надо признать, что многие родовые бии и султаны переменчивы и непостоянны. Только покажи им золотую монету, как они готовы предать всех и вся.

По всему Туркестанскому краю разлетелись ертоулы правителя края, вывозя тайком по ночам к его ставке различных людей. Чем больше узнавал он, тем жестче становились его решения по отношению к врагу. Но, когда узнает, что ограбленные караваны на Великом Шелковом пути дело рук английской разведки и пособников, дервишей, правитель успокаивается. Свои приспешники уже сидят в зиндане-тюрьме и дают показания. Резидентура арестована вся, мало кто ушел от хана добровольно. Многие сознались, что действовали по наущению высоких людей из его окружения, которые в свою очередь завербованы англичанами.

Солнце в горах заходит быстро, не успело коснуться оно к вершинам гор, как ущелья резко потемнели. Хотя снежные короны сияли по-прежнему, алая в закатных лучах, черные клинья теней быстро взбегали по ложбинам и промоинам каменных круч. Голубая дымка подножий и плоскогорья поднималась все выше и выше, следом за ней ползла коричневатая мгла, уже затопившая глубокие впадины.

Незаметно стих ветер. Воздух повисло странное сумеречное сияние, изменившее все цвета. Местность незаметно изменилась и стала наполняться покоем. Потом сияние воздуха вдруг угасло, краски умерли, чутжно-серый цвет без теней и переходов покрыл всю долину речки. Только лиловато-алое небо, перекрашиваясь, становилось более темным, звезды вспыхивали одна за другой и черные стены ночи смыкались над одиноким человеком, уставшего от мыслей, надоедливых и глупых людей и однообразия городской жизни.

Снежные вершины оторвались от своих почерневших оснований. Залитые неизвестно откуда исходившим красновато-золотистым светом, они еще более отдалялись от темного мрака низких ущелий, перевалов и человеческого жилья. Узенький серп новой луны, задержавшись на некоторое время у вершины высокой горы, скрылся за ним. Ночная тьма, пронизанная отсветом луны, снега и звезд, не была бархатной, как в долинах рек. От бесчисленного множества ярких звезд отсвечивал небесный путь, и звездный свет изливался из молочных жил на речку, позволяя видеть камни, скалы и рытвины.

Участник боев с джунгарами, батыр Дормен, разведя костер, усевшись на край скалы и свесив ноги в обрыв, думал о бренности дня:

- Жизнь – это беспрестанные перемены. Не стоит вступать в соревнование с уже покоренными вершинами, как и нельзя, повторить пережитого, это будет копия прошлого. Но, если не покорять уже покоренную вершину, а найти другую, где не ступала нога человека, тогда я найду свое, и не беда, что вершина, доставшаяся на этот раз мне, окажется не такой большой, как прежние гиганты. Более половины жизни ушло на войну с врагами и служению Родине. Мои деяния найдут признания у современников. Они позже поймут, почему я, глава рода Дормен, был так жесток со шпионами, как с джунгарами.

Надо признать, что наступательные действия Джунгар несли серьезную угрозу казахам, в значительной мере ускорившее сближение Казахстана с Россией. Угроза национальной независимости заставила казахов пойти под крыло России. Огромную роль сыграла победа в местности Кара-Сыяр, на берегу реки Буланты, где врагам был нанесен тяжелейший удар. В 1729 году к югу от озера Балхаш в местности Анракай произошло новое сражение. Раздоры между султанами и ханами свели на нет все победы казахов. Единство сохранялось лишь благодаря биям жузов – Толе-би, Казыбек-би и Айтеке-би, а также выдвинувшемуся после Анракайской битвы султану Абыльмансуру (Абылаю), положившему начало Казахской государственности. Только в 1939 был избран новый верховный хан – Абыльмамбет. Воспользовавшись слабостью казахов, джунгаре в 1741 г. вновь напали на Казахское ханство, закончившееся поражением и пленением Абылая. Абыльмамбет-хану пришлось признать свою зависимость от джунгар.

После поражения от казахов умер контайчи Галден-Церен, которого за два года до его смерти заменил средний сын Церен-Доржи. В 1753 году убив своего брата Церен-Доржи, великим контайчи становится Лама-Доржи, которого тут же прирезает его племянник Амурсана. Но и это не помогло Джунгарии, она заканчивает свое существование на задворках истории.

Объединившиеся под знаменем династии Цинь, манчжурские завоеватели решают устроить расширение Поднебесной за счет соседней Джунгарии. Это было необычное вторжение, точнее, планомерная зачистка земель от исконных хозяев, фактически уничтожение большого народа и самого государства. Беженцы теперь просят защиты у казахов, у них нет не только земли, но перестало существовать само понятие - Джунгария. Если раньше между казахами и китайцами находился буферный щит – джунгаре, то теперь война кровавого дракона и казахов стала явью.

Как и раньше над казахскими кочевьями, теперь над джунгарскими, кружатся тучи воронья, а ветер с востока приносит запах мертвечины. Пока Поднебесная переваривает пищу, в ее голове созревали планы по ее расширению земель на запад. Джунгар нет, а если и остались, то стараются молчать, ибо казахи надолго запомнили их злодеяния, а китайцам нужна только свободная земля.

Не успела залечить раны казахская степь, как с юга приходит новая напасть - кокандские ханы. Воспользовавшись слабостью казахов после огромных потерь в войне с Джунгарией и Китаем, только что образовавшееся Кокандское ханство, собрав шестьдесят тысяч копий, воткнуло нож в спину казахов. Враги захватывают Ташкент, весь Туркестанский край и понизовье Сыр-Дарьи (Сейхундарьи).

У России свои планы по захвату степи. Она еще в дороге к Туркестану: в 1718 году построено Старосемипалатинское укрепление, в 1720 году – Усть-Каменогорская крепость, к 1730 году – Акмолинское, Каркаралинское и Баянаульское укрепления, одновременно заселяя их переселенцами и вытесняя на неудобья казахов. В 1737 году началось строительство военной дороги от Кокшетау на Акмолинск, закончившееся через десять лет.

Ханы трех Жузов, возмнив о себе, ищут пути самостоятельности, поворачиваясь, то к Китаю, то Узбекистану, Коканду или Афганистан, теряя там богатство и жизнь. Каждый хочет править своим Жузом по своему разумению, не понимая политической ситуации того времени. Те, кто смотрел далеко вперед, и понимал, что выжить казахскому народу одному невозможно. Кто скудоумен умом, не смотрит по сторонам, заботясь о том, чтобы сохранить старые традиции, сословия и привилегии, не думал о завтрашнем дне и своем народе. Только хан Абулхаир из Среднего Жуза, тонкий политик и военачальник, увидел свет в окошке, хотя понимал, что идти в чужую избу надо только в «прислуги».

***

Россия Петра I только становилась на ноги, поэтому воевать сразу с несколькими врагами ей было тяжело. В отдаленной перспективе завоевание и присоединение Сибири, имея между собой и Китаем подчиненные казахские степи, сыграет весомую роль. Девятнадцатого февраля 1731 года издан Указ императрицы Анны Иоановны о принятии казахов Младшего Жуза в состав Российской империи. Через год принимают туда казахов Среднего Жуза. Два года спустя, приняты и казахи Старшего Жуза.

Но это будет потом, намного позже. Присоединение страны казахов к Российской империи трудно датировать каким-то одним документом. Это длительный, растянувшийся на десятилетия, сложный и противоречивый процесс. Нельзя связывать его с именем того или иного деятеля с обеих сторон. Оно вызвано самыми различными причинами многочисленных сторонников и противников - династические, межродовые и внутриродовые споры, экономика, политика и военные силы, захват степи, угроза нашествия джунгар и кокандцев на казахские степи.

Даже, когда в 1740 году хан Младшего Жуза Абулхаир подтверждает свое присоединение, а хан Среднего Жуза Абилямбет с племянником Аблай-султаном принимают присягу на верность русской царице, все триста девяносто девять вождей и батыров, присутствовавшие на этой церемонии, каждый по-своему понимает смысл, значение и формы вхождения в состав Российской империи. Так или иначе, катится колесо истории, неумолимо отбрасывая с исторической арены все отстающее от жизни: шелуху, грязь, косное, окаменевшее. Летят даже и кровавые брызги в разные стороны.

В это время по всему периметру казахских степей идет непрерывное строительство пикетов и застав на границах, заселение их солдатами с семьями из России. Планово переселяются крестьяне из Тверской, Екатеринбургской, Омской, Вологодской и других губерний на земли принадлежавшие Старшему Жузу. Сгоняя с лучших земель на просоленные такыры казахов, они проводят свою политику: все лучшее русским - сначала земли, воды, потом русский язык, культуру, веру, переженить, как можно больше русских на казахках, чтобы потомство приняло христианство. Поэтому, если кто обратил внимание на карты более раннего срока, то казахские аулы располагаются вдоль границы песков и степей на солнцепеке и сквозных ветрах, а русские поселки расположились вдоль горных рек, поливных земель с удачным климатом. Одновременно земли по берегам рек Чу, Сарысу и нижнем течении Сыр-Дарья, подчиняются русским и Ташкенту.

Многие рода казахов, не желавшие подчиняться русскому царю, перекочевывают на юг за Сыр-Дарью, ближе к Ташкенту и китайской границе, уходят через горы в Афганистан или Иран. Ташкент облагает их налогами: не говоря о земле, траве и воде, казахи платят еще за дым из печки, воздух, которым дышат люди, за количество скота, за количество людей в семье и многое другое. Жестокое расправы китайских и ташкентских хозяев, их ставленников на той или другой территории над непокорными казахскими аулами, бежавшими от русского царя, не останавливают потока беженцев, попадавшие из огня в полымя. Был случай, когда ташкентский кушбег расправляется с известными людьми - главами одного из сильнейших родов казахов, прибывших к узбекам в поисках защиты от русского царя. Уцелевшие аулы и отдельные люди возвращаются, если смогли, обратно в казахские степи обобранными и нищими. К началу XIX века Коканд окончательно покоряет Ташкент, ставший одним из его вилайетов.

САТЕМИР

Семилетнего Сатемира отдали в духовную семинарию учиться божьему делу. Так было всегда в семьях рода Кусирак. Учились в медресе его прадед Алибек, дед Шагыр и отец Дормен, но в тяжелое время, когда казахские степи стонали под игом джунгар и началом колонизации казахских степей русскими генералами, ему хотелось быть военным. Отец заставляет сына учиться, приговаривая: «Всему свое время. Хочешь стать военным, учись прилежно. Закончишь медресе, поступишь в военное училище. Не будешь учиться, иди работать - мне нужны пастухи. Ты же знаешь, нам нужны не пастухи, а владельцы края. Этим краем нужно управлять, уметь подчинить себе тысячи людей, чтобы всей Туркестанской земле жилось хорошо». В двадцать лет женили на обаятельной казашке, засватав ее из Чимкента. К двадцати семи годам имел двух жен, вторая - из семьи состоятельных узбеков.

Сатемир, окончив с отличием медресе, поступает и оканчивает Ташкентское военное училище. Его, как и девять лучших выпускников, должны были отправить учиться в Англию, но, как обычно, вместо него поехал узбек, родители которого дали большую мзду, тем от кого зависело обучение. Получив звание сотника, молодой офицер готовит своих нукеров по усиленной программе, разделив сотню на десятки. Каждый десятник получает утром задание по стрельбе из лука, тренировке на саблях и конной атаке в строю и вразброс. Кроме того, используя опыт деда, каждому конному дает быстрого пехотинца, который бежит подле, держась за гриву коня. Когда сотня идет в наступление, нукер-пехотинец, обнажив саблю, бросается под лошадь врага, вспарывая живот, или бросая дротик в лицо всаднику. Эти нововведения оказались нужными, вырастает дисциплина и боеспособность отряда.

Поэтому сотня Сатемира и приданная ей пехота стояли на берегу речки, против пяти сотен сарбазов кокандского хана, вышедших за приграничную полосу в надежде поразбойничать в казахских аулах. Речка, вздуваясь от внешних вод, задерживает продвижение обеих сторон. С одного берега на другой несутся оскорбления. Засев в кустах и на деревьях нукеры и сарбазы обстреливают друг друга стрелами. Сатемир понимая, что это глупая забава, тормозит нукеров к действию, посылая каждый десяток на разведку в верховья и понизовья реки.

На левом берегу речки Сох, впадающей в стремительную Сыр-Дарью, стоит древний город Коканд столица кокандских ханов. Хан Алим, сидевший на сверкающем самоцветами троне, невесел. Покорив Наманган, Маргелан, Андижан, Самарканд и Ташкент и прилегающие к ним земли, выдвигается к казахским степям. Богатые города, Чимкент, Сайрам, Тараз, не дают ему покоя. Послы, отправленные к биям этих городов, возвращаются обратно ни с чем. Со всего Дешт-и-Китчака привозят в эти города и селения кожу, шерсть, пригоняя большое количество скота на убой или продажу на воскресные рынки. Одними фруктами и бахчевыми сытым не будешь, ненасытная казна требует постоянного пополнения. Кроме этого нужны зерновые, мука, которыми богаты казахские города. Мысли, как ручьи потекли по горным вершинам, выделявшиеся белоснежными вершинами. Сделано немало, весь узбекско-таджикский край подчиняется ему одному. Строятся дороги, платят налоги. Да и мой город чуден, а царский дворец - это сказка из «Тысячи и одной ночи». Но казахи - слишком вольны.

Хан думает о бремени власти, приятном и тяжком. Чтобы повелевать миллионами людей, надо многое уметь и иметь. Опять тревожно: где-нибудь, кто-нибудь втайне точит острый узбекский нож и замышляет посягнуть на его власть. Он многое осуществил из того, что мечтали его отец и дед. Перебравшись на тахту, покрытой хивинским ковром и облокотившись на две подушки, разлегся на шелковом одеяле. На столике, покрытой цветной скатертью стоят всевозможные напитки, шербет, фрукты. Одетый в дорожные одежды, хан смотрит на придворного мальчика раба-ночного утешителя усталыми сероватыми глазами. Лицо при улыбке могло приветливо улыбаться, но глаза оставались ледяными.

Начальник службы разведки, стоя перед ним на коленях, докладывает о проведенной работе по выявлению сети английской разведки в Коканде. Правителя это не волнует, каждый должен заниматься своим делом. Не сможет выполнить, можно заменить другим, более исполнительным. Мысленно пробегая, думает об одном: надо найти управу на казахов, хоть ташкентский кушбег и старается их уничтожить. Это не выход, раб-кули должен служить Коканду, где его власть безгранична. И днем и ночью стоят наготове быстрые, как кони и всегда готовые, гонцы во все стороны света. И все равно не спокойно на душе. Незаживающей раной сидит в нем Туркестанский край. Ташкент платит малую дань и по всему заметно его независимость. Надо пригласить ташкентского кушбеги - главу города. Пусть непрерывно тревожит набегами казахские степи.

***

В летней резиденции, расположенной на берегу Сыр-Дарьи настолько тихо, что слышно, как летают мухи. Внешняя конная охрана, наблюдая за округой, не допускает никого к ставке хана. Конные пролетки и кареты, заимствованные у русских и англичан, неспешно пылят по дорогам, предьявляя пропуск внутренней охране. Советник хана по внешней разведке, англичанин Джон Рэй не торопится в ставку. Сойдя с пролетки на крутом левом берегу речки, он спускается к воде, раздумывая над вопросом, заданным ему великим ханом Алимом.

- Уважаемый Джон, ваши люди работают здесь и в далеких казахских степях. Особо хочу отметить - в городах Туркестанского края. Мне известно, что под видом странников, отмеченных печатью Аллаха - дервишей, бродячих монахов и других служителей нашей веры, работают в глубоком тылу. Какова обстановка в этом краю?

- Ваше величество, спасибо за скромный труд, но там нас немного. Наша служба теряет много людей в безграничных степях. Они исчезают, как сквозь пальцы песок. Вот на днях схвачены пять человек. Их привязали к лошадям и разорвали на четыре части, выбросив в степи.

- Не скромничайте, являясь резидентом английской разведки, вы собираете всю информацию до Омска. Мимо вас не прошли разработки немцев угольных шахт за Балхашом. Знаю, что ваши парни интересовались углями Ленгерсая и Кельтемапата. Нам известно, что кто-то интересуется промышленностью и полезными ископаемыми казахов. Понимаю, что немцы не так глупы, раз выкупили концессии и стараются там закрепиться. Но местные ханы казахов вам сильно мешают. Как же, как же, слышал, что вы потеряли в Туркестане много своих специалистов.

- Ваше Величество, прежде чем ответить на ваши вопросы, я должен снести с вышестоящим начальством и получить разрешение на передачу некоторой информации.

- Вот и хорошо. Заодно и спросите, что ищет в казахских степях, используя моих людей, дружественная страна, как Великобритания.

Английская разведка, после временной третьей оккупации Афганистана, распростерла свои шупальца в самое сердце Коканда. Стратегически удобное расположение ставки хана Алима притягивает не только взоры, но и кошельки далекой страны. Отсюда недалеко киргизы, таджики,

туркмены, узбеки и казахи, только протяни руку. Наиболее удобно использовать служителей веры, ибо мусульманский край всегда терпимо относится к ним. Где бы ни появился ходжа, дервиш и бродячий монах-каландар, люди уступают им дорогу, подают хлеб, приглашают домой почаевничать и предлагают угол для ночевки. Кокандский край не удивишь зелено или сероглазыми служителями мечетей, их сплошь и рядом. Не выделяясь среди толпы узбеков, работники разведки, зная язык и обычаи, с незаметным упорством вживаются в среду местных людей.

***

Тем временем враг не дремал. Тысячник сарбазов нащупал место гораздо ниже по течению, где река разливается в ширину. Оставив против Сатемира две сотни сарбазов при разведенных кострах, тысячник глубокой ночью переправляется через речку и выходит в тыл нукеров. Расположились они в глубоком и широком овраге, чтобы дожидаться утра.

Разведка сотника успела доложить своему батыру. Снявшись с места, сотня и пехотинцы по оврагам и лощинам подошла близко к трем сотням сарбазов. Приготовив засаду из пехотинцев, располагает лучников вдоль всего оврага, чтобы непрерывно обстреливать наступающих врагов, Сатемир, понимает, что сотня в меньшинстве, поэтому решает атаковать врага затемно. Надев на копыта коней шерстяные чулки, они подбираются очень близко к сарбазам. Опытные разведчики снимают стрелами конский дозор.

Атака прошла совершенно неожиданно для врагов. Кроша саблями сарбазов, отряд проскакивает сквозь них. Пехотинцы, отцепившись от грив лошадей, в темноте рубят людей и подсекают саблями вражеских коней. На обратном пути они успевают вновь вцепиться в гривы коней, имевших на голове белые тряпки. Разобравшись, кокандцы кидаются за сотней.

Когда сарбазы с пеной у рта врываются в овраг с круглыми берегами, на верхних кромках появляются нежданные для врага казахские лучники. Выбирая цель, пехотинцы непрерывно обстреливают врагов. Лишь тысячник, окруженный бойцами, рвется вперед. В конной лаве, где поток не уступает другому, идет ожесточенная рубка. Сатемир, выскочивший вперед, убит наповал стрелой сарбаза. Нукеры и пехотинцы бросаются врукопашную, жестоко мстя за командира. Из нарушителей границы никто не ушел.

Сотника похоронили, как героя, воздав ему все воинские почести. Через несколько часов на оставшихся в живых воинов Сатемира налетел множество врагов. Погибли все, даже следов могилы не осталось. Не успели оплакать мужа и офицера-сотника, как жена-узбечка пригласила своих родственников. Поселив их в доме, она выгоняет из дома первую жену-казашку с двумя мальчиками: Байбосыном и Жазы. К кому только не обращается, какие инстанции Ташкента не обходит женщина с малолетними сыновьями, везде встречает враждебный взгляд и неприкрытую ненависть. Через некоторое время изгнанники перебираются в Чимкент, где родственники не принимают нищенку с голодными детьми. Сжалилась только одна женщина - дальняя родственница по материнской линии из селения Арысь. Изгнанная женщина выстояла, смогла вырастить мальчишек, а они, в свою очередь, за счет неимоверного труда и лишений встали на ноги.

СКАЗАНИЕ ГОР

В один из срединных октябрьских дней 1953 года, когда наступает самая золотая пора азиатских свадеб, мой отец Даутбек выпрашивает машину у председателя колхоза – совершенно новый ГАЗик. Дед позвал с собой в дорогу отца, тетю Сатыкуль, меня и Асылхана, погрузили в машину трех баранов, муки и гостинцев. Мы едем в горы, через Манкент, в объезд Кельтемашата почти весь день в далекое село. Даже шустрый молодой, женатый парень Смагул, водитель машины, настолько устал, что по приезду в киргизский аил, сразу засыпает за рулем. На следующий день он бойко работает, заигрывая с местными молодыми женщинами во дворе, раскалывая бревна на щепки для приготовления чая.

Малыши бегают по дворам, сзывая всех на вечерний той-праздник по случаю приезда известного по всему Семиречью казаха Бимырзы. Оказывается, его сестра жива и здорова, нарожала кучу ребятнишек своему мужу, степенному киргизу Ботабеку и в свою очередь искала родственников. Семья жила далеко в горах, маленьком аиле в двадцать с лишним дворов. Электричество и радио отсутствовали, керосиновые лампы в редкость, особенно стекло от них. Богатство исчислялось количеством голов скота, пасшихся в плоскогорьях на больших высотах. Особой ценностью в этих краях считались соль, мука, сахар, керосин и ткани.

***

Весь день приезжают и уезжают люди со всей округи, к самым дальним горным аялам посланы гонцы. Поздним вечером, когда расходятся многие гости, дед приглашает нескольких аксакалов, водителя Смагула и близких родственников, сажает за дастархан, предупреждает о важности истории, происшедшей в этих горах:

- Я хочу рассказать вам, взрослые и дети, историю о твоём имени Смагул и людях, которые здесь жили, лет двадцать-двадцать пять назад, но по воле судьбы исчезнувших в горниле революции. Разные это были люди – достойные своих родителей, беспечные, как горный ветерок, жадные и вороватые. Скажите людям, пусть поставят новый самовар, пейте чай и слушайте меня о событиях, которые произошли в этих горах в 1924-30 годах. Люди называют то время революционным, я называю его жалган уакыт – сколько людей погибло, хотя бы не было войны, сколько изменилось судеб по вине коммунистов, еще больше от приспособленцев времени. Вот сидят рядом со мной внуки Амирсеит и Асылхан, они родились после Великой Отечественной войны. Ты, Смагул, родился перед самой войной, помнишь голод, и как ждала твоя мать твоего невернувшегося отца. Любая война, даже революция, это жалган уакыт - безвременье. Дети быстро взрослеют, так и не познав прелестей своих лет, старики умирают от горя безвозвратных потерь. То, что произошло в этих краях, мало кто помнит, ибо горы не выдают своих тайн.

***

Плавню спускающиеся упругие груди предгорий, взлохмаченные причудливым снежно-ледяным покровом, таинственно дышат пронзительной тишиной. Лишь призрачные тени скользят меж камней-валунов, как перед бурей, словно кружатся в сумасшедшем пляске дервишей. Величественные и недоступные пики Алатау сосредоточились, внимательно вслушиваются в шорохи и осторожные речи путников, которые шумной кавалькадой проезжают по извилистому серпантину горных дорог на породистых лошадях. Из-под холодных бровей скалистых гор, озлобленно буравят окружающий простор пустые глазницы многих пещер, что находятся в ущельях. Красные волки, хозяева этого края, услышав цокот копыт, говор вооруженных людей, укрываются в темных пещерах.

Веселая речка Коксай, как замерзшая птица «боз торгай»-воробей, в конце осени вся поникает и прижимается к своим берегам. Её чарующие звуки уже не приятны путникам, лишь раздражают и щекочут нервы настороженных караульных, что маячат на горных вершинах. Хрупкие кустарники наклоняются под тяжестью липкого снега, немощь ветвей усиливает злобу неожиданно откудова-то вырвавшегося скитальца-ветра, любящего ласкать когда-то податливые кудри её макушек. Предгорные равнины взьерошились, ожидая наплыва очередного бурана – грозного властителя окрестных мест.

Подходило то время, когда человеческое сообщество должно неминуемо расколоться на непримиримые лагеря, выбивая искры противостояния, которые сверкают повсюду, вызывая ещё большее ожесточение среди людей. Помните слова: «Из искры возгорится пламя». Мне тогда показалось, что всех людей неожиданно бросают в кипящий котел времени, революции 1917 года. К нам, в Киргизию и Казахстан, она пришла намного позже. Никто не знает, сколько людей погибло, сколько обогатилось, сколько уехало в Китай, Афганистан, Иран, Турцию, а оттуда по всему свету. Знающие люди говорили мне, что казахов можно встретить даже в Австралии и какой-то Южной Америке. Я не знаю, где они находятся, но, если люди уехали даже на край земли, значит, они не нашли покой рядом, а до сих пор ищут для себя мир на земле.

***

В киргизском аяле волостного управителя Нурманбета необыкновенно и сердечно потчуют гостей казахов из соседнего аула, что находится за большим перевалом. Разговор, словно узоры шелкового дастархана, витиевато кружится в одном направлении – все тревожно говорят о проснувшейся людской лютости, ведь время уже дышит огнем. Далекая русская революция набирает обороты, перемалывая в своих жерновах судьбы сотен и тысяч ни в чем неповинных людей. Просто кучке определенных лиц нужно решить свои насущные проблемы, скрывавшие их под личной заботы о народе и человеке.

Раскосые изгибы морщин на благородном лбу Нурманбета пружинятся, и изредка играют, перестраивая свои запутанные лабиринты. Хозяин дома молча слушает гостей, думая о своем, сравнивая и анализируя мысли гостей и соседей. Когда все замолчали, он порывисто и глухо заговорил. Собеседники, затаив дыхание, стали внимательно слушать владельца больших горных летовок.

- С незапамятных времен в предгорье, там, где заканчивается быстрый бег Коксу, и она течет плавно, набирая мерную струю, как два ствола одного дерева, жили у гор киргизы, а в степной долине - казахи. Всевышний бережет их очаги, а плодоносная матушка-земля приносит им изобилие и счастье. Они мирно уживаются на летних джайлау и зимних пастбищах. Но было время, когда на наш покой и богатство, зарились завистливые враги.

Давным-давно на наши земли неожиданно пришла беда. Рассказывают, что земля стонала от топота копыт коней туменов джунгар, в наших аилах стоял дикий вопль и плач женщин и детей, стариков и старух. Враги забирали в рабство людей, отнимали скот и грабили дома. Они глумились над нашими народами, насильничали женщин, с обогранных предгорий человеческая кровь стекала в овраги. Зло не всеильно и не вечно, слава Аллаху, он дал нам силу и веру. Пришло время отмщения за наши слезы и потери, за наш разрушенный край и аилы.

Мой прадед Кангельды, со своим сыном Каработой и казахским батыром Жансеитом, возглавили неустрашимый отряд. Однажды в окрестностях дальнего перевала Куюк произошло сражение с вражескими войсками. Отважный отряд разделился надвое, часть воинов во главе с Жансеитом и Каработой спрятались в узком ущелье. Джунгары бросились конной лавиной на отряд Кангельды и в ожесточенном бою опрокинули его отряд. И тогда из узкого ущелья выскакивает отряд Жансеита и Каработы. Они ударили в тыл врага. Ошеломленные джунгары оцепенели от неожиданного удара и, сломя голову, бросились наутек.

Каработа наскочил на предводителя джунгар, которого охраняли два воина и знаменосец. В схватке он сразил троих, а знаменосец ускакал прочь, бросив знамя. Каработа слез с коня, взял в руки трофей и залобовался необычным приобретением. Темно-зеленое знамя, обшитое по краям черными тесемками, сверкало блестками золотых нитей на солнце. На одной стороне четко выделялись непонятные буквы, написанные китайскими белыми шелковыми нитками, на другой - какой-то воин. В этот момент Каработу неожиданно окружают враги, высочившие из ложины. И только вовремя подоспевший на помощь Жансеит, спасает его от верной гибели. С той битвы знамя джунгар висит в доме Каработы, как символ чести, отваги и свободы, и я его наследовал.

Больше половины джунгарского войска уничтожено в кровопролитном бою возле урочища Жана-Курган. Два месяца продолжается война, и впервые враги терпят поражение за поражением. Освобожден Созак, Сайрам, Туркестан, Манкент, Чимкент. Освобождены земли по Сейхун-Дарье и Таласу, а на остальных землях, согласно договору с контайчи хана Аблая, значительно сокращаются поборы и налоги с местного населения.

- Камиля, - обратился Нурманбет к жене, - покажи гостям знамя, передай меч и доспехи воина.

Камиля быстро и ловко вынимает из сундука боевые трофеи, и показывает его гостям. Кто-то зачмокал языком, многие торжественно всматриваются на память о далекой войне. Священные доспехи, кинжал и меч, передают из рук в руки, старики и молодые, взглядываясь в волшебные нити синевы из дамасской стали, кивают головой.

- После победного сражения, - продолжил Нурманбет, - Каработа и его друг Жансеит породнились. И, слава Аллаху, их примеру последовали многие. Сегодня у меня в гостях потомок Жансеита, уважаемый Оразалы и его сын Нуртас.

- Ты прав, - сказал Оразалы, - все сказанное тобой, сушая правда. Родство, заложенное батырами, это хорошее знамение. И пусть могучие корни дадут новые побегги. Уважаемый Атабек, я приехал сватать твою дочь Минаим моему сыну Нуртасу.

Нурманбет вопросительно посмотрел в глаза своему брату Атабеку, но они хранили непроницаемость. Наступила неожиданная тишина.

- Эй, что вы замолчали? Или набрали в рот груды камней Коксая? - спросила Камиля.

- Дорогой Оразалы, - степенно обращается Атабек, когда замолчала Камиля, - Я рад с тобой породниться.

Эти слова разряжают обстановку, поднимают настроение приезжих гостей, и каскад шуток полетели в сторону будущего жениха. Нуртас, опустив голову, молча сидит в углу. Он выделяется среди всех высоким, статным телом, мужественным лицом и печально задумчивыми глазами. Аккуратно подстриженные черные усики подчеркивают благородство джигита.

Камиля стала вновь подтрунивать над Нуртасом. Возбужденная женщина и своенравная хозяйка снежных вершин ввергает робкого джигита в краску. Она вся преображается, лицо, руки и тело выполняют сложную гамму движений, которые отличаются природной естественностью, непринужденностью и легкостью. Молниеносный язык Камили, словно острый клинок, мог подрезать под корень большие авторитеты, и поэтому мужчины аила её побаиваются, неровен час, можно осрамиться. Нуртас, не выдержав новую волну шуток Камили, быстро выскакивает на улицу под дружный хохот гостей и хозяев дома.

- Дорогой Атабек! Свадьбу молодых сыграем осенью, когда скот вернется с пастбищ, нагуляет жир и наберет мощь. В середине октября мы пришлем гонцов, – неторопливо сказал Оразалы.

- Ты принял мудрое решение, - согласился Атабек.

- Почтенные люди, да благословит Аллах ваши добрые решения, - заключает Оразалы. – Прошу принять подарки, которые мы привезли. Тебе, Атабек, мы привезли винтовку, как лучшему охотнику этих гор, пора сменить старое ружье. Уважаемый Нурманбет, это седло, на котором сидел Жансеит. Он будет дополнением к тем ценностям, которые только что показывал. Уважаемая Камиля, тебе мы хотели подарить прялку, она из далекой России, мы не знаем, как она работает, но привезли с собой мастера, который объяснит твоим женщинам принцип его работы. Остальные подарки мы не станем обсуждать, это дело хозяйки и женщин.

- Дорогие гости, располагайтесь удобно, сейчас будет подан бесбармак, - подсустилась Камиля, которой очень понравился подарок казахов.

***

Нуртас быстро направляется к шумевшей речке, там, у заветного места, большого камня-валуна, стал ждать свою любимую. Пролетевшие день и вечер казались ему целой вечностью, и от этого у него отчаянно бьется сердце в ожидании невесты. И земля, и речка, и горы и небо сплетаются в магическую силу радости, хмель молодости бьет могучим ключом. Юноша счастливо улыбается, напоенный нектаром молодой жизни. Из-за кустарника доносится стремительное шуршание камыша, до боли знакомые, околдовавшие его с давних пор. Стройная, красивая девушка с необыкновенно выразительными глазами, идет навстречу легко. Она казалась ему волшебной пери, сошедших с легких облаков, круживших над высью Алатау.

- Минаим! Радость моя, по-моему, это сон! – воскликнул джигит и бросился навстречу к девушке.

- Милый, нет, это не сон, это я! – сказала она, нежно опустив свою голову на его плечи.

- Боже мой! Какое это блаженство видеть тебя!

Неуемный мир расступился и затих, лишь осталось гулкое и трепетное биение двух сердец, все растворилось в волшебной музыке вселенской любви. Они обнялись и долго стояли у камышей, не видя и ничего не слыша ничего вокруг. Это были минуты сладости и жажды, упоения друг другом.

Молодые познакомились давно и странным образом. Семь лет тому назад, когда ей исполнилось – одиннадцать лет, а ему двенадцать. Как-то жарким летом в Коксае купались девочки-киргизки, а чуть ниже по течению шумной и своенравной речки – мальчишки-казахи. Маленькая Минаим, немного отплыв от берега, решила опереться на камень и встать на ноги на скользком дне быстротечной речки, но сильное течение перевернуло ее, и поток воды стремительно потащил её вниз по камням. Неожиданно девочка ударилась головой о большой камень-валун и на какое-то мгновение потеряла сознание.

Когда закружило её в водовороте, Минаим очнувшись, стала звать на помощь людей. Нуртас, лежавший на теплом песке, услышав детский крик о помощи, не раздумывая, бросился в холодную горную воду. От резкого охлаждения его правую ногу схватила судорога. Превозмогая острую боль и захлебываясь в воде, мальчик выносит на берег полуживую девочку. Растирая ногу и поглядывая на маленькую красавицу, он кусает губы от боли, моля кого-то, чтобы она дольше побыла с ним. Сбежавшиеся девочки и женщины заслоняют её и уносят Минаим, а в памяти осталось только её глаза, которые она открыла до прихода матери.

Влюбленные, обнявшись, долго стояли на старом седом камне-валуне, помнящего не только одни объятия молодых.

- Нуртас, милый, увези меня скорей к себе – неожиданно печально обратилась девушка к джигиту.

- Так ведь я приехал с этой целью, - ответил он, - отец обещает осенью справить нашу свадьбу. Наши родители только что приняли обоюдное решение.

- Ой ..., что-то тревожно на душе! – закачала она головой. – За мной повадился ухаживать Назар. Он хочет, чтобы я стала его женой. Этот человек хуже люттого волка. Люди говорят, что он замышляет что-то недоброе. Наверно, поэтому молчали мои родители, они что-то уже знают.

- Не бойся, Минаим! – горячо обратился джигит к девушке, - я тебя не дам в обиду. Ведь не зря течет во мне кровь батыра Жансеита. Нет такой силы, чтобы разлучить нас. Пойдем домой, нас уже ищут, слышишь крики.

***

1928 год скопил в своей ненасытной утробе людскую желчь, и теперь оно, горе шагнуло в каждый дом. Быстро рушатся мосты общности скотоводов. Одни становятся коммунистами,

прикрываясь партийным билетом, остальные сводят счеты с жизнью. Она ничего не стоит, нужно только направить оружие и дернуть курок. Людской улей накаляется, размежевавшись на переметнувшихся и подстроившихся, оскал враждебных взглядов и острых ножей все сильнее прорубает пропасть между соотечественниками. Ураган человеческой ненависти сокрушает все своды вселенной согласия. Брат убивает брата, отец сына или наоборот. Одни стали красными, другие - белыми. Одни - врагами, другие - защитниками. Доносы, лжесвидетельство, обман стали основой жизни. Донеси на соседа, что у него десять баранов, лошадь и две коровы с телятами, как тот моментально становится богачом. А если он богат, то его ждет конфискация, за ним следует тюрьма или расстрел.

Мир покотился в лютой хаос – великое поле жизни содрогнулось от обилия крови и слез. По степи и горам волной прокатилась конфискация имущества богатых, нищим отдавали их скот и юрты. Не согласные гибли сотнями и тысячами, по всему Казахстану пробежала эвакуация семей за кордон. Уходили целыми аилами и аулами, самые лучшие, знатные и богатые. Среди моих родственников таки не было, а от тех, кто ушел за границу, теперь и следа не осталось. Может, и скитаются по каким-то странам, никто не знает. Кто смог уйти за границу через горы, уводили за собой караваны и уносили с собой надежды на лучшее. Буря жизни, выносит на гребень вершины власти многих и разных людей, на долю которых выпадает особая миссия – вершить суд над праведными.

***

Счастье улыбнулось и Назару, бывшему слуге Нурманбета. Хитрый и верткий, мог до неузнаваемости менять свое обличье, становясь рабом у хозяев и начальником у подчиненных. Его уполномочили от имени уезда производить конфискацию имущества богатых людей предгорья и арестовывать тех, кто имел больше десяти голов скота и сопротивлялся местной власти. Вскормленный завистью и алчностью, он вскоре ошалел от нахлынувшей к нему власти и богатству, а красавица Минаим стала мишенью его вождения.

Как-то раз, когда он еще являлся слугой, его послали пригласить в гости Атабека. Дома брата Нурманбета не оказалось, и Назар кинулся искать в близлежащих юртах. Дверь одной из них оказалась полуоткрытой. Мальчишка незаметно заглянул вовнутрь и оцепенел. В середине юрты стояла раздетая девушка необыкновенной красоты и прилежно расчесывала свои пышные волосы. С тех пор Назар стал встречать и провожать её жадными и липкими взглядами, как волк на запрещенную жертву. Грязные и грубые шуточки, навязчивость слуги выводили девушку из нормального состояния. Пришло время, когда Назар стал диктовать всем свои условия. Сия чаша не миновала и Нурманбета. Бывший слуга поставил перед ним простые условия – он отдает Минаим за него, а он, в свою очередь, оставит его и Атабека в покое и при богатстве. Гордый старик отказывается от позорного предложения и отвергает сделку.

Через несколько дней, на берегу беснующейся речки Коксу последовал арест и конфискация имущества. Нурманбет и Атабек ушли по этапу в сибирские тюрьмы, а от его жены и детей отворачиваются даже сельчане. В дом Камили голодным волком стучатся нужда и голод. Усердие Назара переходит все границы человеческого достоинства. Он ищет девушку. Местный герой искал то, что должно принадлежать ему по праву сильнейшего. Минаим успела спрятаться в зарослях кустарников на берегу речки, где часто встречалась с Нуртасом, а ночью ушла в горы, где много каменных пещер. В течение шести суток приближенные Назара искали девушку, всем объявлено о крупном вознаграждении за поимку беглянки, якобы скрывавшей золотые запасы дома Нурманбета. На высоких холмах, откуда видна вся округа, он выставляет сторожевые посты.

Нуртас, на седьмой день, получив известие об аресте Атабека, прискакал в его аил, но, там свою суженную он не находит. Начавшиеся безрезультатные поиски не увенчались успехом. Однажды, Нуртас и Назар, встретились на узкой горной тропинке, оба искали красавицу Минаим. Они остановились и стали молча смотреть друг на друга. Взгляды угрожающие; один – волка, другой – сторожевой собаки. Каждый из них знает свою цель, каждый прав сам по себе. Но волчья осторожность и трусливость сказывается на человеке, Назар, не выдержав взгляда противника, поворачивает коня, через некоторое время сворачивает с тропинки, и умчался прочь. Надо понимать и другое, он быстро разбогател.

Во время конфискации имущества и скота у богатых, Назар продает за золотые слитки перекупщикам значительную часть скота Атабека и Нурманбета. Теперь богатство жожет ему тело, чешутся руки, не имея вождения, его дула ищет девушку. Поиски продолжают непрерывно. Остаётся убрать с дороги соперника, теперь он решает отомстить и Нуртасу. Назар, со своими подручными, составляет донос на джигита, обвиняя его в воровстве скота Атабека и продаже его

перекупщикам-узбекам. Арест последовал незамедлительно, молодого парня-казаха через десять дней упрятали в тюрьму.

***

Вечерело. Пронизывающий холодный горный ветер, приносящий с ледников, остервенело дует в открытую пасть ущелья, где находилось множество пещер. Минаим дрожит от холода и голода, которые намертво сводят скулы. До её слуха доносится топот шагов, она прячется дальше, вглубь одной из боковых пещер.

- Минаим ... - тихо позвала женщина. Знакомый голос, радостным метеором осветил душу девушки. И она, не помня себя, выскочила наружу и кинулась в объятия Камилы. Они присели и тихо заплакали.

- Я не могу больше жить в пещере, - сквозь слезы проговорила девушка, - всю ночь не могу сомкнуть глаза, от страха разрывается сердце, а от голода стынет кровь.

- Ладно, - решительно сказала Камила, - хоть и кружат вокруг моего дома сторожа Назара, заберу тебя домой. Тебя искал Нуртас. Уже несколько дней его нигде не видно.

Угол комнаты, прикрытый сундуком и сложенными на нее одеялами, служит ей временным прибежищем. По ночам Минаим изредка выходит отсюда, чтобы принять скудную трапезу и поговорить с Камилей. Они тотчас принимаются вспоминать прошлое, Камила заводила разговор о своем муже Нурманбете, которого забрали в тюрьму, а она молча тоскует о Нуртасе.

Эти два хрупких создания, обреченные страдать и стать одинокими, ставшие печальными островками отчуждения, как загнанные в тулик маралы, в отчаянии ждут спасительного выхода. Камила, со своим прежним богатым житейским опытом, смутно осознавала, что ещё не скоро закончится круговерть людской вражды. Женщина мечтает только об одном, о самом малом, чтобы рядом стояли родной муж и дети. В душе Минаим живет воздушная, пыльная вера в то, что скоро закончатся ее злосчастия, и кошмар переживаемых событий сменится днями свободы, и тогда, она вместе с Нуртасом, взявшись за руки, смогут пойти по долине земного счастья.

***

Весной кто-то заподозрил, что Камила прячет в своем доме Минаим, и донес охраннику. Эта новость долетает через своих подельников до ушей мстительного Назара. В это же день, он, полупьяный, вместе с десятком джигитов, вооруженных до зубов, поспешили к дому Камиши и окружают его. Хозяйка вышла из своего дома с малолетней дочерью и сыном. В её руках судорожно играет каталка, а глаза горят гневом.

- Эй-й, Камила, - нагло закричал Назар, - по добру, по здорову, отдай мне Минаим. Иначе разнесу твой дом на кусочки. Мы знаем, что она прячется в твоём доме.

- Слушай, Назар, - Хрипло заговорила женщина, - у тебя в руках шокпар, а у меня каталка, и, если ты мужчина выходи со мной сражаться или слезай с коня, будем насмерть бороться.

Камиля решительно вышла вперед, а всадники попятились назад.

- Вас еще называют мужчинами! - заговорила опять Камила, - зачем вооруженные люди пришли в дом, где нет хозяина? Хотите справиться с одинокой женщиной? Вам никогда не простит за эти злодеяния дух Кангельды и Каработы. Уходите прочь, нет здесь Минаим.

Всю ночь Камила и Минаим трясутся от каждого шороха и звука. Утром приезжает Джамалбек, младший брат Нурманбета, и ему они поведали о случившемся. Гость попросил Камилу подготовить в дорогу Минаим. Ночью тайком приводит коней, и через некоторое время два всадника выбирают из аила, направляясь в горы.

***

Известное во всей округе джунгарское знамя, как нож в сердце, не дает покоя Назару, в ней он видит зловещую напасть и преграду на пути к Минаим. Он вновь появляется перед домом Камилей, требуя отдать семейную реликвию. Она наотрез отказывается выполнить его желание.

- Знай, Камила, - стал угрожать Назар, - нет тебе больше пощады. Я изведу тебя второй конфискацией. Ты станешь нищенкой, и будешь валяться у моих ног, прося милостыню. Попомни мои слова.

- Ты когда-нибудь заплатишься за свою алчность, - гордо ответила женщина.

Спустившийся с гор Джамалбек, решает спрятать все памятные вещи героев прошлых войн и джунгарское знамя. Камила долго отказывается, когда он попросил ее отдать святыне и ценные вещи,

особенно, когда пошел разговор о поварешке с серебряными колокольчиками, выполненными неизвестными мастерами прошлого.

- Не отдам, эти вещи принадлежат моему мужу, а поварешку подарила мне мать. Ей подарила моя бабушка, вот уже три столетия она переходит в нашем доме от одного поколения женщины к другой. Ты сам знаешь, мы ее использовали только при самых больших торжествах нашей семьи. Я хотела по наследству передать поварешку Минаим, - причитает женщина.

- Так, значит, не отдашь? Может, ты хочешь, чтобы это все принадлежало злодею? Отдай ценности, я спрячу до прихода Нурманбета или Атабека, а там видно будет, - упорствует ей гость. В тот же вечер он уезжает в ущелье и прячет все добро в одну из пещер Алатау, прозванную Сарыунгуром (желтая пещера).

Три дня спустя, пьяный от бузы, Назар снова приходит в дом Камилы, но, уже с двумя милиционерами. Разбрасывая вещи и проводя обыск, он наперечет помнит, где находятся драгоценные вещи этого семейства.

- Придется тебя арестовать, - говорит он, в ярости хватая Камилу за поседевшие косы. - Говори, где спрятала знамя и ценности, иначе я спущу тебе душу.

Назар начал пинать ее сапогами в живот, таская за косы по полу. Гордая женщина не проронила ни слова, она терпеливо сносит боль, вспоминая, как больно было ей, когда рожала Минаим.

- Не трогай её, собака! - не выдержав глумления, вступается в защиту Джамалбек. - Это я спрятал джунгарское знамя и вещи.

- Так я и знал, что ты признаешься, гнилое байское отродье! - радостно блеснул глазами Назар. - Давай веди нас туда и смотри, стреляем без предупреждения, - он полоснул конским кнутом, разрывая на плече Джамалбека, стеганный халат и рубашку. Они тронулись в дальний путь в надежде получить богатство. В мыслях Назар готов расстрелять милиционеров, свалив все это на Джамалбека.

Когда они подошли к пещере, то останавливаются в изумлении. Отвалившаяся порода, огромной скалой заваливает место захоронения клада и всю пещеру. Назар, в бешенстве, отупев от злости, что богатство ускользнуло из рук, начал избивать камчой Джамалбека. Соскочив с коня, он пинает его до полусмерти. Милиционеры дождались, когда Назар выбьется из сил, бросив Джамалбека на лошадь, увезли его в тюрьму. Оттуда он уже не вернулся.

***

Знойный полдень клонится к закату. В предгорьях упали резкие тени, четко очерчивавшие многоликость гор. Минаим, в мужской пастушьей одежде, пасет овец своего родственника, к которому ее определяет в свое время Джамалбек. Прошел почти год с тех пор, как посадили в тюрьму Нуртаса. Намаившись за целый день, она снимает с ног ичиги, заправляет грубые брюки из мешковины до колен и встает на холодную траву. Приятная дрожь проходит по молодому телу. Девушка закрывает глаза и плывет в тумане воспоминаний, когда встречалась с Нуртасом. Нежные ласки, трепетные слова любимого наплывают в сердце девушки могучим каскадом.

Многие джигиты округи оказывали ей внимание, предлагая сердце и руку, но она сохраняла верность своему избраннику. Он в ее глазах отличался красотой и благородством, добротой и отвагой. Вспоминала она, как хорошо играл на домбре и пел Нуртас. Улыбнувшись про себя, она припомнила, как парень коверкал, произнося киргизские слова. Из воспоминаний ее вырывает бешеный топот конских копыт. Она открывает глаза и почти сразу узнает всадника и его сопровождающих.

Назар, выехавший на поиски Минаим, не обращает внимания на пастушка. Таких как он много в этих краях. Но, случайный взгляд, брошенный на заправленные брюки и стройные, белые и нежные ноги молоденького пастушка, привлекают его внимание. Острый волчий взгляд разглядывает знакомое родимое пятно на икрах ног. Назара осеняет радостная мысль. Он прищипывает коня, с лету подхватив Минаим, перекидывает ее через седло, поскакал в Чаткал. В тот же день он силой овладевает ею. Куда могла пойти в то время девушка, которую насильно сделали женщиной и притом весильным слугой революции.

***

Нуртас лежит на нарах тюремной комнаты. Уже прошло пять лет, с того дня, как Назар спровоцировал его арест. Сознание буравят грустные мысли.

- Где ты, любимая? - думал он. - Как живешь, родная? Злой рок разлучил нас с тобой, но ты верь, я непременно отсюда вырвусь.

- Эй, Нуртас, - обратился к нему из верхнего ряда нар Смагул, знаменитый конокрад из Чаткала. - Ты, кажется, живешь в Коксае?

- Да-а-а, но не в самом Коксае, а рядом, километров тринадцать, на самой границе, - протянул медленно джигит, выбираясь из лабиринта воспоминаний. - А зачем ты спросил?

- Ты знаешь этого подонка, Назара и его жену Минаим из Коксае? - заговорил конокрад. Нуртас молниеносно забирается к нему, на второй ярус нар. Он неузнаваемо изменился, бледный и страшный, упираясь коленкой в грудь Смагула.

- Да ты что, Нуртас? - опешил тот, еле дыша от тяжести сокамерника.

- Минаим, моя суженная, - бессознательно тряс его за грудки джигит, - Назар, мой кровный враг. Ты даже не знаешь, как я его ненавижу. Скажи еще слово против Минаим, я из тебя вытрясу то, что осталось.

Их еле-еле разнял вор-карманник Абзалбек.

- Вижу-вижу, и тебе насолил эта сволочь, - еле-еле отдышавшись, несколько остыв, произнес Смагул. - Садись рядом со мною, я расскажу тебе, что он сделал со мною, - добавил он и начал свой монолог:

- Назар, прибыв в Чаткал, связался с Каржинбеком, своим бывшим подручным, ставшим специальным милиционером. Именно Каржинбек познакомил меня с Назаром. Однажды Назар заставляет троих подельников совершить воровство для него. Во дворе одного знаменитого киргиза стоит редкой масти кобыла. До того редкая, что узбеки, прослышав это, предлагают Назару много золота. Хозяин этого животного уже дважды отказывал ему продать своего коня.

Пять киргизов, среди них и я, во главе одного из приближенных Назара, угнав табун в пятьдесят голов вместе с красавицей лошадей, как обычно продали их оптом узбеку-перекупщику, который без слов заплатил нам названную сумму золотом. Узбек тут же, на моих глазах и Каржинбека, отдает всю сумму главарю. Меня, как положено, приглашают на вечеринку, чтобы отметить этот случай и разделить деньги. Вечером, чтобы получить свою долю, ничего не подозревая, я прибыл в дом приближенного Назара, где нас ждала милицейская засада. Меня, как и подельников, быстро связывают, загоняют на нары, а Смагул и Каржинбек, поделив деньги, проживают свою жизнь, как богачи, проигрывая умелым дельцам-картежникам то, что нажито несправедным путем.

***

С того момента Нуртас и Смагул стали готовиться к побегу из тюрьмы. Однажды, когда заключенных выводят на работу, по дороге их застигает пыльная буря. Им удастся незаметно бежать по лощинам на север, где буйствуют пески. Наткнувшись на пастухов, они переодеваются, уничтожив свою одежду в огне. Взяв в запас сушеное мясо, мужчины тайными тропами, подсказанные пастухами, круглыми путями двигаются в сторону Чаткала. Нуртас, словно шальной, торопит своего приятеля в дорогу. Смагул, зная, что везде есть кордоны, выставленные по поимке беглецов, терпеливо объясняет выгоды своего плана.

- Успеешь к своей любимой, - успокаивал его Смагул. - Впереди кордоны. Я был в этих местах, не торопись. Мы пойдем дальней дорогой, в обход. Твой кровник от тебя никуда не уйдет, только потерпи. Обрати внимание, пастухи говорят, что в каждом ауле есть милиционер, который знает, что из тюрьмы бежали два преступника. Они не знают, что я и ты - это жертвы одного человека, Назара. Каржинбек от меня не уйдет, где бы он ни был, хотя кто-то сказал, что его перевели на повышение в город. Значит там, рядом и Смагул. Успокойся и остепенись, Назар и Каржинбек с оружием ждут обоих. Я знаю слишком много про них, и если ЧЕКа узнает только кое-что, то обоих ждут нары. Теперь здесь, где мы идем, часто бывают обвалы, камнепады. Иди тихо и ни слова, иначе смерть.

Но его товарищ не воспринимает ничего. Глаза его полны мести, скулы принимают грубые очертания. Голова ясна, но обуревавшие мысли торопят его домой. На одной из крутых троп Алатау, куда они прошли незаметно из степей, где нужна осторожность и внимание, Нуртас, не обращая внимания на предупреждение Смагула. В сильном возбуждении он начал кричать, обещая смерть Назару. Камнепад молниеносен, Смагул успевает отскочить под каменный навес, а Нуртаса - лавина камня уносит с собой.

Знаменитую тропу конокрадов, часто подвергавшейся камнепадам, люди всегда обходили стороной. Она соединяет между собой узкие горные перевалы, горные вершины нескольких государств. О ней на некоторое время тогда забыли. Но остались старики, которые через шестьдесят лет по рассказам своих дедов и отцов вспомнили и воссоздали на карте эту дорогу. Крутые люди в камуфлированной форме в нынешнее время используют ее для провоза наркотиков из Афганистана в Киргизию через Таджикистан и Узбекистан, а оттуда в Казахстан. Тропа существует и сегодня. Там

нет запрещающих, ограничительных и разрешительных знаков. В этих местах одной снайперской винтовкой можно наворoshить много народа.

Младший брат Минаим, Керимбек, вырос в доме своего дяди, который находится в Пишпек (столица Киргизии - Фрунзе, теперь называется Бишкек). Здесь он окончил школу. К этому времени до него дошло известие об аресте отца и дяди Джанибека, исчезновении дяди Нурманбета. Он принимает твердое решение переехать в Аулие-Ата (Джамбул, теперь Тараз) и по рекомендации своего учителя Иванова Сергея Петровича, работавшего начальником уездного ЧЕКа, устраивается работать в уездном Совете рабоче-батрацких депутатов. Однажды к нему приходит весточка от Минаим – она молила его выручить ее от Назара.

Керимбек, не таясь, рассказал Иванову обо всех событиях в Коксае и Чаткале, совершенных Назаром, и переданных ему родственниками через беспроволочный телеграф – узункулак казахских степей и киргизских предгорий. Тот, пригласив еще двоих подчиненных, которые молча слушали и кивали в некоторых местах рассказа головой, пообещал помочь Керимбеку. Этим делом занялись специальные следователи. Они побывали во многих точках Киргизии, Узбекистана и Казахстана, расследовали множество дел, связанных с неблагоприятными делами Назара.

Через некоторое время милиционеры, приехавшие по делам в Чаткал, получив достоверную информацию о делах Назара в местном ЧЕКа, арестовали его, а затем отправили его в закрытую тюрьму для бывших милиционеров. Ровно через год его переправляют в КарЛАГ, где встречает давнего знакомого по Чаткалу, опять угодившего в тюрьму за конокрадство. Месть азиата не заставляет себя ждать. Назару, сидевшему в карцере за спровоцированную драку, в еду подсыпают яд, который действовал медленно, но верно. Смагул возвращает долги за себя и товарища, погибшего в горах под каменной лавиной.

***

Прошло несколько лет. Минаим живет в доме отца. После переезда из Чаткала, она заболела и много дней и ночей лежала в забытьи. Но молодое тело взяло верх над болезнью, женщина постепенно приходит в себя после кошмара прошедших дней. Она рассказала родственникам о том, как пьяный Назар ежедневно устраивал пытку, пиная по животу и таская ее за волосы по дому.

- Тьфу, не хочу слушать об этой сатане! – запротестовала Камиля, затыкая уши. – Лучше расскажи о Нуртасе. Многие уже вернулись, кого опять арестовали, а от него нет вестей.

Минаим смущенно опускает глаза, на лице появляется красный румянец. Как-то поздним вечером к её дому подъехал на коне неизвестный мужчина.

- Не бойся, доченька! – ласково пробормотал неизвестный. – Я добрый гость, вот выпью чая, поговорю с тобой и тотчас уеду обратно в горы. Мне нельзя здесь долго задерживаться.

Минаим пригласила по обычаю гостя в дом, быстро поставила самовар. Усадив гостя на почетное место, расстелила дастархан, выложила на него нехитрое угощенье. Похлопотав по дому, быстро заварив чай, женщина стала разливать его по пиалам. Гость, до сих пор сидевший опустив голову, с благодарностью выпивает подряд три пиалы чая. Подняв голову, он взглянул на молодую женщину, криво улыбнулся в усы, и заговорил:

- Доченька, меня зовут Смагул-ага. Я известен в этом мире, как вор-конокрад. В своей горькой и шальной судьбе встречал много разных людей: хороших и достойных, плохих и бандитов. Но перед одним благородным джигитом – в вечном долгу. И не могу себя простить за то, что не смог его уберечь. И этот тяжелый груз не сходит с моей души уже долгое время. Жалган уакыт! О, скоротечное время! Пусть меня за это покарает Аллах!

Он замолчал, и на его изуродованном лице пробежала скупая мужская слеза. Минаим затаив дыханье, всем телом собралась в комочек.

- О тебе доченька, мне много рассказывал Нуртас, - продолжил он.

Услышав знакомое имя, она встрепенулась, что-то кольнуло в сердце и в бок. От резкой боли Минаим роняет пиалушку с чаем.

- Что случилось с ним? – тревожно спросила она.

Смагул, опустив голову, начал рассказывать о тюремной жизни и трагедии в горах. Минаим сидела и слушала все это, отрешенно думая о конце своей жизни. Нежданный гость, закончив свой рассказ, допил остывший чай в пиале, прочитал положенную молитву за упокой души Нуртаса, тихо вышел на улицу. Подтянув седельные подпруги, сел на коня и растворился во мраке ночи. Весть о смерти Нуртаса потрясла Минаим. Она стала чахнуть не по дням, а по часам. За короткий срок потускнело её лицо, поседели волосы.

***

В один из сентябрьских дней на восходе солнца к ней приехал брат Назара, Закир, с вооруженной свитой, требуя по обычаю амангерства (родственник имеет право, если не женат, потребовать, чтобы жена старшего брата вышла за него замуж), выйти ей замуж за себя. Минаим отвергла его предложение. Взбешенный Закир, помнивший ее унижения в доме брата, угрожает ей смертью. Минаим, испугавшись угроз, незаметно сбегает из дома к Камиле, с просьбой о помощи.

- Боже праведный, сколько горя можно терпеть этой несчастной, - сокрушается Камиля, собираясь ей помочь.

- Дай мне скакун дяди, - просила женщина.

- Бедняжка, зачем тебе конь? - тревожно спросила Камиля.

- Богом прошу, дай коня! Больше ничего не хочу. Закир не оставит меня в покое. Надо бежать, лучше смерть, чем опять идти в рабство.

- Раз нужно, бери коня, - проговорила Камиля и молча вывела стройного коня хорошей породы.

Они не стали прощаться, время торопило. Минаим на вороном коне Нурманбета выскакивает из аила в горы. Закир и его люди заметили ее, когда она была уже на вершине соседнего холма, и кинулись вдогонку. Он, увидев, что женщина уходит, и нет возможности достать, сорвал с плеч винтовку и навскид выстрелил в Минаим. Выстрел достиг цели, но Минаим схватилась за лук седла, упорно цепляясь за жизнь. Она желала достичь того места, где погиб Нуртас. Уже под самым перевалом, где каменная осыпь ожидала её, она падает с коня на землю. Женщина, собрав все силы, поворачивает голову в сторону родного Коксяя. Оттуда доносится веселое журчание реки, и ей показалось, что к ней в тумане спешит джитит с улыбкой на лице. Слабеющие губы чуть слышно прошептали: - «Нуртас ..., любимый ...!».

Подскочившие люди Закира, молча стоят над остывающим трупом женщины, когда подъехал взбешенный Закир. Он выстрелил в остывающий труп женщины, а ответ горы заговорили камнями. Никто не смог уйти, только по ночам здесь часто воют красные волки, поминая своего сородича из стаи двуногих.

Сельчане, слушавшие рассказ деда, долго не могли прийти в себя, запоминая слова пожилого человека, знавшего бездну рассказов, умеющего говорить точно и обстоятельно, сравнивая время и события. Соединяя прошедшее и настоящее, старик вспоминал людей, богатых и знаменитых, простых и смертных, плетя ажурную тонкую нить разговора о событиях забытыми людьми.

Уже наступило утро. Жители горного поселка, где и происходили эти события, стали собираться по домам: надо выгонять скот и встречать новый день. Через некоторое время они будут пересказывать своим детям и внукам, передавая из поколения в поколение устное сказание о людях прошедшего времени.

ОБ ОТЦЕ

Водоворот жизни неукротимо течет по извилистым руслам: люди не перестанут удивляться тому, как время меняет абсолютно все – великих людей, известные имена и пространство. Эта гигантская машина неумолимо рушит, казалось бы, невероятные идеи, взгляды и авторитеты.

Мой отец Даутбек родился в 1914 г. и семьдесят лет шагал по тернистым и горячим тропам неистового времени. На его глазах мучительно больно и трудно рождает новое революционное обновление. Свет жизни пробивается через гарь и дым пожарниц, насилие и смерть. Он стал очевидцем невероятных изломов огненной эпохи — это и предсмертная агония российского самодержавия, взорвавшая тухлую тину тысячелетних устоев жизни обездоленных степняков, разруху, нищету и голод; это и ГУЛаг, Великая Отечественная война, и

и начало мягкой демократии, отделившей республику от Советского Союза. Перестройку родитель не

застает, но смеется над идеями Горбачева и просит меня запомнить его слова: «Его болтовня приведет к потрясениям в стране, через десять — двенадцать лет, ты успеешь узнать довольно скоро». Через годы это случилось, и невероятно точно.

Нелегко идти отцу по шатким основам 30—50-х гг. — бушующие волны нашего века нередко уносят людей в известную даль. Невероятнейшие зигзаги времени дают ему неповторимый колорит миропонимания — жизнь беспристрастно накладывает свой отпечаток на духовный облик умного мужчины. Сердце родителя подобно мощному роднику, беспрестанно подающему живительную влагу, необходимую для подпитки любого человека, кто обращается к нему с просьбой. Каждая грань его души переливается спектральным оттенком света, а искрометные мысли идут сложными, трудными и запутанными тропами.

Свое детство отец проводит в ауле Саркырама (Подгорное), расположенной на правом берегу реки Аксу. Его родители, мои бабушка и дедущка, говорили, что он рос строптивым и неугомонным мальчишкой с внимательными и настороженными глазами. Во времена детства отца отдают учиться к мулле, осваивать азы мусульманской религии. Учеба оговаривается специальной платой: три барана, одна корова, мешок муки и многое другое. Родитель прекрасно знает арабский язык, что впоследствии очень помогает в переводе книг на казахский язык. Он становится единственным в округе, кто имеет высшее образование до войны. Мне пришлось видеть уже состарившегося муллу — умного, сдержанного, чистоплотного татарина, приехавшего из Казани в гости к дедушке. Этот незаурядный человек прорубает в душе отца г. глубокие каньоны религиозности, которые, несмотря на коммунистические основы нового времени, остаются с ним навсегда.

В 1932 году Даутбек поступает на учительские курсы, работает учителем, затем 1 ноября 1935 года поступает в рабфак, в том же году зачислен студентом Среднеазиатского горного института в Ташкенте.

2 февраля 1941 года получает на руки диплом инженера горных разработок. Это самые трудные годы его жизни: нелегко преодолеть вечно мучающий голод и материальные лишения. Поэтому будущий инженер учится основательно, скрупулезно создавая в себе фундаментальные основы шахтерской науки. В институте, под руководством мудрых дореволюционных преподавателей, у него созревают плоды аккуратности и добросовестности. Как и многие студенты, отец всегда полон мечтаний и энтузиазма. Именно тогда у него выработался четкий калиграфический почерк, показывающий волю человека.

После окончания института новоиспеченный инженер стал работать на угольных шахтах Ленгера и Кельтемашата, пройдя все ступени инженерной иерархии, под патронажем старого немца-шахтера, уловившего в нем струнку настоящего шахтера. Его творческую жилку, витающую над угольной пылью и пронзавшую ее волнистые пласты, быстро замечают руководители шахты. Начальство стало поручать ему ответственные дела. Забой есть забой: там, рядом с жизнью, бродит старуха-смерть. Отец, зная в совершенстве шахтерское дело, любит работать с азартом, доводя себя до изнеможения. В скором времени у него вырабатываются хорошее знание местности и особая инженерная интуиция.

В марте 1941 г. в шахту из столицы прибывает авторитетная комиссия для организации добычи угля по перспективным направлениям. Председатель и члены комиссии требуют рубить уголь в указанном ими направлении, а молодой инженер Даутбек стал доказывать, что там шахтеров ждет порожняк. Мнение молодого специалиста начальники не принимают во внимание. Шахта ждет результатов, работа в забое продолжается непрерывно, но без угля. Результаты указаний членов высокой комиссии опровергнуты, а сами они сконфужены и обескуражены. Прогнозы молодого инженера подтверждаются обилием угля перед самой войной.

В 1941 г. началась Великая Отечественная война, разрушившая мечты и надежды миллионов людей. Несмотря на неоднократные просьбы, отцу не дают возможность попасть на фронт: у него государственная бронь и шахтерское увчье руки. В военкомате ему неоднократно твердят, что кроме солдат, стране еще нужен уголь. Будет уголь — будет свинец, будут снаряды, а на фронте справятся без него. Поэтому налажена бесперебойная поставка угля из Кельтемашатской и Ленгерской шахт в Чимкентский свинцовый завод, который дает свинец, из которого выливаются девять пуль из десяти, что необходимо для фронта. В Кельтемашат из Северного Кавказа прибывает большая группа чеченцев-переселенцев, насильно вывезенных семьями с родных мест. На пустом месте у подножия гор, у небольшого родника они образуют поселок Чечен-городок.

После смерти И. В. Сталина поселенцы разъезжаются по всему Казахстану: это было до 1956 г., они стали не выездными и не имели права покинуть пределы республики. А поселок исчез, только возле родника и по сей день, стоит памятник тем, кто не дождался возвращения на свою историческую родину. Положение прибывших людей становится крайне тяжелым, их постоянно мучит голод и скудный военный шахтерский паек. Они раздеты, на каменистой почве обувь быстро выходит из строя. Некоторая часть начальства шахты, согласно сталинскому указу о депортации,

смотрит недоброжелательно, а то и враждебно, что делает и без того плохое положение людей невыносимым. Инженер Даутбек, рискуя оказаться за решеткой, иначе относится к обездоленным чеченцам, помогая, чем мог. Он не жалеет своего хлебного пайка, доброго слова, а стариков и женщин ставит на более легкие работы. Однажды его вызывает неофициальный глава поселка Чечен-городок и сказал, что он может в любое время приходить в дома чеченцев, и никто его не тронет. Это явилось высоким доверием непреклонных и гордых горцев. Через годы, с конца 1959 г. и вплоть до 1965 г, к нему приезжают старые и молодые чеченцы, чтобы документально подтвердить место работы и проживания в Кельтемашате, ибо архив лагеря после смерти И. Сталина быстро уничтожен.

В послевоенные годы отец попадает на хирургический стол. Теперь он уже не мог спускаться в забой. Он возвращается в родное село, работает заведующим фермой, кассиром, бухгалтером, библиотекарем. За честность и порядочность колхозники избирают его председателем ревизионной комиссии. Отец никогда не воровал, презирал тунеядцев и призывал своих детей жить скромно и просто.

Мой отец женился дважды, третья жена являлась неофициальной. Первая жена богобоязненная, послушная женщина, татарка, но оказалась бесплодной. Через некоторое время они расходятся. Вторая жена — моя мать — родила ему четырнадцать детей, а третья — четырех.

Большие семьи — это своеобразный феномен казахской семьи, имеющий здоровое начало. Мы жили, словно пчелиный улей, с нескончаемым кругом забот и работ, конвейер жизни безостановочно работал на будущее. Воспитание в нашей семье спартанское: будь самостоятелен, делай все сам, не хнычь, не плачь, не кричи — вот те принципы, которыми мы руководствовались.

Все братья сызмальства умели делать многое в домашней работе. У матери тяжелая рука, которая легко карала нас за непослушание. Мои братья часто болели, и мне вочую приходилось видеть могучий материнский инстинкт. Мать всегда готова в любое время дня и ночи оказывать свое милосердие.

Мы, дети двух матерей и одного отца, живем дружно, но между женщинами радостные часы примирения очень редки. Слишком властолобивые, энергичные супруги отца, они даже после его смерти предъявляют друг другу счета многочисленных обид. Сельские сплетни, как назойливые мухи, витиевато кружатся в нервном ритме вокруг их неистовых душ. А отец посмеивается в усы, зарабатывая новые победы в непрестанной закулисной игре женщин. Надо признать, наш отец очень аккуратен, точно знал правила игры в семье, деревне и на работе.

Как-то раз отец ремонтировал арбу для хозяйственных нужд. Сидя у него за спиной, я внимательно наблюдал за его действиями. Заметив, что он неправильно ставит дышло, подсказал ему. Родитель сильно разгневался на меня: «Ты еще будешь учить меня! Прочь, отсюда!». В гневе его лицо сильно преобразилось, из глаз сыпались снопы электрических искр. Мне пришлось отойти в сторону. Отец долго колосоился и мучился, но у него ничего не получалось. Раздражение достигло своего апогея. Пришлось мне предусмотрительно отойти ещё подальше. Но отец вдруг резко рассмеялся, успокоился, махнул рукой и начал делать так, как я подсказывал.

Потом родитель подошел ко мне, примирительно хлопнул по плечу и радостно сказал: «Молодец, сынок! Ты не обижайся на отца! На своих ошибках учимся!». С ним я прожил недолго, всего семь лет, потом карусель жизни закрутила в суете и брениности. Я помогал ему, как мог: вместе мы женили пятерых братьев, по привычке я помогаю родным и сейчас по мере возможности.

К старости отец стал все больше приобщаться к религии: начал изучать мусульманские трактаты, не отказываясь от современной информации. Он очень любил теоретизировать: всю свою жизнь пытался глубже проникнуть в мир и происходящие в нем события, понять их глубинные процессы, но его выводы не всегда были правильными. Некоторые явления жизни он оценивал предвзято, или его мысли обволакивались в религиозную начинку.

Отец оставил нам семь рукописных книг, но завещал прочитать их через много лет после его смерти. Мне, в общем-то, известно, что в них он отразил вопросы истории и религии, морали и этики, науки и экономики, этноса и генеалогии. Почерки у нас разные: у отца - крупный, обстоятельный; у меня — суетливый, неровный.

В 70-е гг. здоровье отца сильно пошатнулось, он вынужден бросить работу. Родитель не желал лечиться в больнице, что не лучшим образом сказалось на его здоровье. Стал недоверчив, боязлив, капризен, но по-прежнему аккуратен, чистоплотен и подтянут.

Так получилось, что я прожил с отцом очень мало, всего семь лет,— с первого по седьмой класс. Остальные годы просто приезжал, чтобы засвидетельствовать, что жив и здоров, показать внуков, помочь провести свадьбы для братьев, ибо рутинная часть жизни затягивает нас в свои водовороты.

В последние годы у старика постоянно незаметно нарастает глухой душевный гул, который глубокими рубцами ложится в умных и неумных, пронизательных и холодных глазах родителя. Перед смертью отец два месяца сильно болел. За несколько дней до смерти, глядя в зеркало, он дает задание любимому сыну Асылхану готовиться через четыре дня к похоронам. Его роковой расчет оказался верным. Отец, как и дедушка, свой последний вздох сделал в полном здравии ума.

ИЗ ДНЕВНИКОВ ОТЦА ДАУТБЕКА (выдержки)

По мнению моего отца Бимырзы, арабы, построившие государственность смогли сохранить свою родословную с тех пор, как смогли осесть на постоянное местожительство. Многие из тех, что кочевали по Земле, не смогли сохранить ни имя племени и рода, хотя повидали многое: скитались по степям, лазили в горах, испытали неисчислимые бедствия. Они подверглись уничтожению, или их осталось настолько мало, что были поглощены другим народом во время Великих переселений, потом позже во время Великих войн, кончавшиеся завоеванием чужой земли, насаждения культа одного народа над другими. Одни народы отказывались от своих обычаев и традиций, перенимая чужое. Другие, не принявшие идеологию власти, были порабощены, проданы или уничтожены. Кто-то принимал чужой опыт, совмещая со своими, вырабатывал новое направление. Третьи старались сохранить несмотря ни на что традиционное и самобытное, но, не отвергая чужое. Далеко не нужно ходить, якуты или тюркская народность соха, приняли православие, но сохранили свои традиции, обряды и обычаи. Они прекрасно уживаются с пришлым населением, которые перенимали многое у местного населения.

Родословная человечества начинается с Адама и Евы, но каждый народ, согласно своим интересам, поместил первых людей туда, куда им более выгодно. По прошествии времени, развития письменности, появилось множество литературы, а за ним большее количество разночтений и догадок, что многие народы до сих пор выясняют от кого они произошли.

Первым возник Адам в 7594 году. Между Адамом и Нухом находятся двенадцать поколений названных по имени старшего: Шипп – Ануш – Кайнан – Кайнуш – Самха – Махлайли – Ухнух (Идрис) – Мутушлих – Ламак – Нух (Шакир).

Нух родился в 6253 г. У него три сына – Сам, Хам, Яфас. Один из сыновей не послушал отца, погиб. Остальные стали основателями родов.

Муса родился в 5271 г.

Даут родился в 4811 г.

Иса родился в 1979 г.

Мухаммед родился в 1409 г.

Среди историков и составителей родословия существует мнение, что среди арабов жил мудрейший человек, по имени Анас. С восьмилетнего возраста он работает во дворе Мухаммеда-пророка. Когда Анас подросток, то построил свой дом, став с течением времени очень состоятельным

человеком, и прожил на Земле 413 лет. От него родились 120 сыновей и 45 девочек. От его детей возникли тейпы (аулеты), рода, племена, союзы, расселившиеся по всей Земле. Одного из них звали Жабал, от него возникли дети, от которых родились народы. По отцовской линии это выглядит примерно так:

Малик – Ансары – Анас – Жабал – Магаз – Сахил – Акшолпан – Аккурай – Аламан – Алаш – Сеилхан – Жайылхан.

От Сеилхана произошли восемь туркмен. От Жайылхана – Майкы – Озбек – Сапиян. От Озбека произошли современные узбеки. Узбеки брали в жены таджичек. Поэтому многие обычаи, традиции, уклады жизни, песнопение и музыку, торговлю и способы обогащения таджиков, они переняли себе. Сапиян, обладая множеством скота, кочевал по степям и долинам, горам и предгорьям, поэтому отсюда и назвали казахов кочевым народом.

От Сапияна родились два сына – Айырқалпак, Ойыққалпак. От Ойыққалпака произошли современные киргизы и ногаи.

От Айырқалпака родились два сына – Казах и Созах. Дети Созаха – это современные Каракалпаки.

От Казаха родился Кейки-би (Жуман) – Тобей-би – Акарыс – Жанарыс – Бекарыс, уш улы – уш Жуз (три сына – три Жуза), такое повествование сохранилось в народе.

Причины и время возникновения трех Жузов

Историк А. Левин в своих работах подчеркивает, что после смерти хана, народ был разделен на три части и отдан трем сыновьям.

Исследователь Средней Азии Ч.Ч. Валиханов в своих работах пишет, что разделение казахов произошло по подобию деления Монголии на аймаки в XV - XVI веках. Деление не повлияло на людей, все разделенные народы считали себя казахами.

Ученый Н.И. Гродеков в своих работах считает, на основании утверждения правителя Чимкентского уезда Ханаева, что когда-то жили на земле два брата Могул и Татар. От Могула произошли казахи. Когда начали воевать между собой казахи и татары, то от Могула осталось всего триста людей. Эти триста людей позже были разделены на три Жуза. Ученый Гродеков считает также, что существует и другое мнение среди казахов, связанное с именем хана Алаша: У него было три сына – Байшұра, Жаншұра, Харашұра, которые возглавили три Жуза.

Русский историк В.В. Бартольд в своих работах более полно и грамотно освещает причины деления народа на три Жуза. На земле Казахстана жил кочевой народ – казахи, отличаясь друг от друга только способом хозяйствования на земле. Ученый разделит территорию Казахстана на три части. Первый – Семиречье и среднее течение Сыр-Дарьи, второй – Сарысу и нижнее течение Сыр-Дарьи, третье – современный западный Казахстан. Ханы трех Жузов переселились в эти районы после разделения народа.

Советский ученый профессор М. Взяткин, поддерживая в своих работах мнение В.В. Бартольда, считает, что разделение Жуза явилось не только географическим районированием территорий, но экономической необходимостью того времени.

Историк Х.М. Адильгереев, опираясь на работы Масуди и В.В. Радлова, пишет, что разделение народа произошло уже в XII веке.

Некоторые казахстанские ученые считают, что в XVI веке уже существовали три Жуза. Необходимость объединения родов и племен в союз тогда считалось особым требованием времени.

Историк С.А. Аманжолов пишет в своих работах, что объединение в союз племен и родов казахов возникло из-за боевых действий некоторых приграничных народов. Союз племен, созданный в 7 веке, перерос в три Жуза в середине XI века.

Историк С.Г. Потанин, описывая слова и обычаи казахов Младшего Жуза, напоминает интересный случай. У самого первого стада казахов Котана, один из сыновей ушел в кочевку и не вернулся обратно домой. Скупая по своему любимцу, хан послал триста человек на его поиски. Эти триста человек потом и организовали три Жуза. Хан посылает к первому Жузу своего старшего сына Акарыса со ста всадниками. Молодому человеку и его соплеменникам настолько понравились эти места, и они остались с ними навсегда. Через год хан посылает среднего сына Болата, который тоже остается там вместе с сопровождавшими его ста всадниками. На третий год хан посылает младшего сына Алчина, который не вернулся домой. Алчин станет основателем Младшего Жуза, как и его старшие братья – Большого и Среднего Жузов.

С.Г. Потанин, работая над словами и обычаями казахов Акмолы (Акмолинска, Целинограда, Астаны) пишет, что существует мнение среди них о том, что возглавлявшего сто джигитов человека

звали Болат, который являлся подчиненным хана Алаша. Отсюда и название Орта Жуз (Средний Жуз), среди них существует поколение считающие себя родом Болат-ходжа.

Основоположники Жузов

Есть пословица у казахов: калык айытса, калып айыптайды (если говорит народ, то некоторые люди и меньшинство должны молчать). Народ – это множество людей. Он знает, умеет, решает и берет на себя ответственность. Не бывает человека без недостатков, если не знает один, то это знает другой. От знающего учится неграмотный или прислушивается к его мнению и словам. Обман – это нехорошее дело: для того, чтобы поверил тебе народ, надо говорить честно, прямо и открыто. Нельзя думать одно, говорить другое, делать третье. Тебе может поверить только треть народа, вторая треть находится в сомнении, третьей части уже надоели болтуны-обшалаины, так как среди них есть люди, трезво оценивающие обстановку на данный момент и много дней вперед. У всех казахов на устах всего несколько имен: Казах, Кейки-би (Жуман), Тобей-би (Абилкайыр), Акарыс (длиннородый Ибрахим), Жанарыс (Болат-хожа), Бекарыс (Алшын).

Время возникновения трех Жузов можно судить по времени жизни известного поэта Абая, из рода Аргын Среднего Жуза. Абай Кунанбаев соединяется через двадцать одно поколение со Средним Жузом. Каждый человек, учитывая особенности времени и пространства, живет на земле около 45 лет. Прошло всего $(45 \times 21) = 945$ лет. Поэт умер в 1904 году. Сейчас - 2006 год. Разница между годами $(2006 - 1904) = 92$ года. $945 + 92 = 1037$ лет. Со времени создания Среднего Жуза прошло $(2006 - 1037) = 969$ года. Если сто лет – один век, то в середине XI века были окончательно созданы три Жуза, так сегодня только начало XXI века.

Стоустая история свидетельствует, что казахи первоначально проживали Туркмении и вдоль берегов южного Каспия. Их в это время возглавляли три брата, которые были значимы в делах народа и боях с врагами. Народ им верил, считался с их мнением и был готов пойти на значимые дела. Когда Акарыс, Бекарыс и Жанарыс достигли определенного возраста, то, согласовав свои действия, разделили казахский народ на три части или Жуза. Чтобы окончательно разделиться, не быть зависимыми друг от друга, стали подыскивать места для их проживания.

Акарыс, глава Старшего Жуза, имея ставку на месте нынешнего Ашхабада, начал кочевку в сторону Мерва, где остановился и некоторое время кочевал там. Пройдя территорию современного Мерва, через Чарджоу, двинулся в сторону Самарканда, и основал тут место основной стоянки. Прошло несколько десятков лет, оставив сына Куйылдыра, от которого произошли сорок сотен людей, которые расселились среди узбеков, Акарыс повел свой народ дальше. Местный народ, который уже проживал здесь, считал казахов кочевым народом: побывли здесь немного, там немного и снова двинулись в кочевку в поисках лучших пастбищ. Через века сорок племен, находясь среди узбеков и смешавшись с ними, стали заниматься скотоводством и оседать на этой территории. Остальные двинулись в сторону реки Сыр-Дарья, перебрались через него, обосновав на многие года территорию южной части современного Ташкента. Из них часть осталась жить здесь, остальные двинулись в сторону нынешнего Чимкента и Тараза (Джамбула). Через века наследники Акарыса осели на отрогах Каратау и его окрестностях. Имея постоянное место жительства, потомки Акарыса стали жениться на девушках местного народа, а также и других, которые были привезены с разных концов земли. Стали рождаться, ассимилируясь, увеличиваться в численности, заниматься любимым скотоводством. Не уминаясь на пастбищах, стали продвигаться в сторону востока, вплоть до Алтайских гор.

Жанарыс, пройдя Каракумы ровно посередине, кочуя вдоль Аму-Дарьи, достиг территорий современного Ургенча, Ташауыза, Нукуса. Завладев полностью Аральским морем, его дети, внуки и правнуки правили этой страной. Но наследственность в перемене мест всегда имело решающее значение, казах не мог долго сидеть на одном месте. Поэтому, кочуя в поисках мечты вдоль правого берега реки Сыр-дарья, потомки Жанарыса достигли территории Ак-Мечети (современной Кзыл-Орды). Перебравшись через пески, они достигли обширнейших пастбищ вдоль реки Сарысу. Кочуя дальше, пройдя территорию Караганды, добрались до Ертиса (Иртыша), расселяясь на территориях современных Кокшетау, Акмола (Астана), Кызыл жар, вдоль берегов реки Торгай (Тургай), достигли территории современного Кустаная (Костана). Правители Среднего Жуза оказались предприимчивее – его люди достигнув территории Западной Сибири, расселялись у Тобола и Ишима. Их люди появились и у Балхаша, Восточного Казахстана, Алтая, вплоть до Байкала, занимая огромные степные просторы.

Бекарыс, следуя вдоль берегов Каспия, вышли на реки Орал (Урал) и Жайык. Основавшись на территории современного Урала, Актобе, Гурьева, создали здесь основную ставку. Но, как обычно, некоторые рода, не удовлетвовавшись территориями пастбищ, покинули эти местности и

добрались вдоль реки Торгай до Костаная, встретив там соплеменников из Среднего Жуза. Часть родов, следуя вдоль берегов Едиля (Волги) добрались до Астрахани, основав там казахские поселения Младшего Жуза.

Каждый народ имел свой боевой клич. У казахов - Алаш, у узбеков – Аламан, хотя отцом Алаша является Аламан. К этому кличу присоединяются туркмены, узбеки, казахи, каракалпаки, кыргызы, и ногаи.

РОДОСЛОВНАЯ

СТАРШЕГО ЖУЗА – УЛЫ ЖУЗ.

АКАРЫС (длиннобородый – Ибрахим).

МАЙКИ - КОГАМ – КУЙЫЛДАР – МЕКРЕ

Родившиеся от сына Акарыса, Мекре, рода Кызай-найман в древние времена двинули с насиженных мест. Перебравшись через горы и пески, они переселились в Индию, Кашгарию, а также в Син-Цзянскую область Китая. Существует непроверенное мнение, что рода Кызай-найман в те времена, девочек достигших половой зрелости вывозили на базар и продавали их там.

Куйылдар, основатель сорока племен или тысячи родов, остался на территории узбеков, опираясь на кочевое скотоводство. Со временем, кочуя по территории Коканда, Самарканда, они стали смешиваться с местным населением, отдавая замуж дочерей узбекам и беря в жены узбечек. В последствии все они стали называться узбеками, т.е. стали забывать свои корни.

К примеру, это поселения Южного Казахстана – Кара-Булак, Манкент, Карамурт, Султан-Рабат, Жалгандык, Сайрам и многие другие села, где среди узбеков жили казахи, превратились в узбеков. То же самое стало происходить и в городе Чимкенте. Некоторые ханы узбекского Коканда помнят, что они произошли от Куйылдара и его потомков. Некоторые кочевые рода, жившие между Ферганой и Кокандом, до сих пор не забыли, что произошли от сорока племен и тысячи родов, но узбекское постепенно берет верх над теми, кто помнит свое наследие.

Среди наших родственников есть казахи, ставшие узбеками. Они переняли обычаи и традиции узбеков, стараются забыть свое прошлое, кроме одного – старшего сына - ровесника моего сына, отец которого мой ровесник, его дед и мой дед, а также и наши родители дружили долго между собой. Дружили и мы, их сыновья, дружат и наши дети, но остальные их родственники не приемлют имя собственное казах, им ближе и дороже узбек. Если на голову надета тюбетейка, подпоясан цветным поясом и накинута чапан (халат), то этого вполне хватает для того, чтобы мужчина-казак стал узбеком.

КОГАМ

КАНЛЫ - КАТАГАН

Кызыл-канлы – Капсан-канлы – Бадрак-канлы; Шанышкылы

Когам приходится отцом двух сыновей, Канлы и Катагана.

От Канлы родились Кызыл-канлы, Капсан-канлы и Бадрак-канлы. От Катагана родился Кантурсын, который женился на девушке из рода Канлы. От их брака родился сын Шанышкылы, являющийся племянником рода Канлы по женской линии (жиен). Шанышкылы имел четырех сыновей – Балык, Курпик, Санрау, Дархан.

Старший сын Балык имел восемь сыновей – Каракалпак, Аккотей, Жунсиз, Балта, Кырык – садак, Сурым, Жанбыршы, Кият.

Курпик породил десять сыновей – Аганай, Жолык, Араншы, Тогыдак, Корик, Бесул, Ажике, Боки, Кошек, Мамыт.

Санрау тоже имел десять сыновей – Жапатоке, Такымбай, Жудырык, Жаугашбы, Сарке, Сасбуха, Кокмойын, Каратуқым, Камалаш, Кунсары.

Дархан имел пятерых сыновей – Енжелес, Ершайык, Шошым, Култума, Токыс.

От четырех сыновей Шанышкылы были созданы тридцать три рода. Существует мнение, что некоторая часть племени Шанышкылы (Катаган) сосуществуют с родами Ескир-Саяк киргизского народа, некоторая часть Шанышкылы (Кырыксадак) объединились с родом Кандаклы каракалпакского народа, частично Шанышкылы локализируются среди узбеков. Для племен Канлы и Шанышкылы кличем является Айрылмас яки (Байтерек).

Сын Курпика, Корик, породил четырех сыновей:

Момын – 50 семей проживает в колхозе Энгельс Каратасского района Джамбулской области.

Рысбек – 150 семей проживают в пригороде города Чиназ, Ташкентской области.

Акайдар - 270 семей проживают в районе Каратобе-Чирчик.

Кудайберген – более 300 семей проживают вдоль реки Ангрэн.

Тридцать три рода племени Шанышкылы женятся на девушках своего рода. Большинство родов проживают на территории Ташкента, некоторая часть разместилась в Чимкентской, Джамбулской, Алма-Атинской областях. Эту краткую историю о племени Шанышкылы дал Маулен, отец которого Калдыкоз, проживающий в колхозе Энгельс Меркенского района Джамбулской области из племени Шанышкылы, рода Курпик, 11 декабря 1980 года.

МАЙКИ

БАКТИЯР

ОЙСЫЛ - УЙСИН (уран-клич – Бактияр)

СИРГЕЛИ (племя Сиргели состоит из 11 родов, уран-клич – Туганай))

Тутамгалы

Кайшылы

Ак-кенирдек

Кара-кенирдек

Батыр (три сына - Есболай, Есназар, Ескене)

Жайдак

Елибай

Жанабай

Айтбозым

Карабатыр

Байжигит

УЙСИН

АКСАКАЛ - ЖАНАСАКАЛ

ЖАЛАЙЫР (уран-клич – Коблан и Бактияр).

СЫРМАНАК - ЧУМАНАК

Арыктыным   Карашапан

Байчигир   Андос

Кайчили   Калпе

Сырыши   Мырза

Балталы   Оракты

Кучук   Сыпатай

Акбуйым

АКСАКАЛ

КАРАША-ХАН

БАЙДИБЕК - ЖАНИБЕК - БАЙТУЛЫ - ШАКШАМ

Детей нет

САРЫ-УЙСИН - ЖОЛМАМБЕТ - ЫСТЫ - ОШАКТЫ - ЖАРЫКШАК

Калча - Жакып; Шапрашты; Ойык – Тлик; Байлы –Тасжурек - Копыр – Аталык;

Дулат - Албан (Абдан) - Суан (Суван).

Большая часть родов Шакшама проживает в Джамбулской области: в Меркенском районе, между Мерке и Луговой находятся колхозы Болшибек, Жданов и в самом Мерке, около двадцати семей. Всего в этих краях насчитывает около 100 семей, вышедших из племени Шакшам. Об этом сообщил главный экономист колхоза Орджоникидзе, имя которого выпало из моей памяти. Этот человек, ему 48 лет, оказался знатоком родословной Старшего Жуза, так как я слышал многих людей, которые тоже являлись знатоками в этой области и в определенной степени уважительны к своему прошлому. Разговор состоялся в автобусе на трассе Чимкент – Фрунзе, между Джамбулом и Мерке, 4 ноября 1970 года.

Рода Старшего Жуза:

Сары-Уйсин – рода Калча, Жакып;

Жолмамбет – род Шапрашты;

Ысты – рода Ойык, Тилик;

Ошакты – рода Байлы, Тасжурек, Копыр, Аталык;

Жарыкшак – рода Дулат, Албан, Суан.

Байтулы детей не имел;

род Шакшам делится на шесть родов, но их очень мало.

Жанасакал – род Жалайыр;

Жалайыр – род Сыманак, Чуманак (два родных брата, приходятся нам, как дети Байдибека);

Сырманак – рода Арыктыным, Байчигир, Кайчили, Снырша, Балгалы, Кучук;

Чуманак – рода Карачалан, Андос, Калпе, Мырза, Орақты, Сыпатай, Акбуйым;

О родах Сырманак и Чуманак надо вести поиски в дальнейшем, так как я не смог найти их или знающих о них людей;

Ойсыл – род Сиргели;

Сиргели делятся на одиннадцать родов – Тутамгалы, Кайшылы, Ак-кенирдек, кара-кенирдек, Батыр, Жайдак, Елибай, Жанабай, Айтбозым, Карабатыр, Байжигит;

Когам – рода Канлы, Шанышкылы (Катаган);

Канлы – рода Кызыл канлы, Капсан канлы, Бадрак канлы.

У Байдибека было четыре жены:

Первая – старшая жена Сары-байбише родила сына, которого называли Сары-уйсин.

Вторая – из рода шапрашты – родила Жолмамбета.

Третья – Силанды – родила Ысты, Ошакты.

Четвертая – Зейнеп (прозвище Домалак-ана) – родила Жарыкшака.

Внуки Байдибека:

От Сары-уйсина родились двое сыновей – Калча и Жакып.

От Жолмамбета родился сын Шапрашты, который имел шесть сыновей – Екей (Ескей), Ескожа (Емыл), Айкым, Асил, Чыбыл, Торе-тукум.

Ысты имел двух сыновей – Ойык, Тилик. От Ойыка родились – Кызыл-курт, Кокше-коз, Сатек, Ауыз-усиген (родословная Д.А. Кунаева). От Тилика родились четыре сына – Байлы, Тасжурек, Коныр, Аталык.

От Ошакты – родились четыре сына: Байлы, Тасжурек, Копыр, Аталык;

От Жарыкшака родились три сына – Дулат, Албан (Абдан), Суван (Суан).

ДУЛАТ

СИКИМ - ЖАНЫС - БОТПАЙ - ШЫҒЫР

АЛБАН

САРЫ - ЧИБЫЛ

СУЙЕР - ТАУБАСАР; КЫЗЫЛБОРИК - КОНЫРБОРИК

АЛЖАН - СЕГИЗСАРЫ; АЙТБОЗУМ - КУРМАН

СУВАН (СУАН).

Родившиеся от Жарыкшака три сына, Дулат, Албан, Суван (Суан), женившись, начали делить наследство. При дележке Суан обиделся на старшего брата Дулата за то, что он не получил звания Акпабдан и переселился на восток. Средний брат Албан, поддерживая младшего брата Суана, тоже собрался в перекочевку. Возле Тараза (раньше Аулие-ата, потом Джамбул) остановился в местечке Малый Бурыл. При этом он сказал Суану: - «Посмотри, брат, на старшего брата снизошло счастье, в дом пришло богатство, давай вернемся обратно, хватит скитаться по чужим краям». На что он ответил: - «Если снизошло счастье и вернулось богатство, я не вернусь, пусть даже закапает на него кровавый дождь». Албан лишь покачал головой и промолвил: - Сам себя обрек на скитания, я не могу оставить тебя, придется и мне скитаться по казахской земле».

Кочуя, братья достигли Восточного Казахстана. Поэтому от трех братьев потомки расселились от реки Или до Сыр-Дарьи. Дулат, содержа скот, разбогател. Он и его отец Жарыкшак, остались на владениях деда и отца Байдибека.

Старший сын Дулата, Сиким, имел пятерых сыновей: от старшей жены – Кулансеита, Токсеита, Алсеита, Бексеита; от младшей жены – Жолсеита. Сиким стал основателем подплемени Сихим (кто-то называет Сихым). Токсеит стал основателем рода Кусирак.

Потомки Кулансеита обосновались в селе Карасу, Сайрамского района, Чимкентской области. Они считают себя членами рода Кусирак, хотя Кусираки распространились от его брата Токсеита, поэтому их считают аламан-кусираки.

Потомки Алсеита – рода Аккойлы, Багланды. Они немногочисленны, располагаются вдоль реки Арысь, озера Биликуль. Аккойлы имеют около 30 семей, старший Отелбай, проживают в селе Ровный, Свердловского района Джамбульской области. Багланды – около 30 семей, старший Смаил.

Потомки Бексеита – рода Тогатай, Борас. Они называют себя род Сиким, это связано с тем, что вырос на руках деда Сиким. О Тогатае и его сыновьях известий нет, надо искать. У Барас имеется два сына Рыс, Турыс.

Потомки Жолсеита – род Шуылдак. Они расселились в междуречье рек Масат и Арысь.

Токсеит, имея девяти сыновей, согласно временным событиям, перекочевал в местечко Жидели, в район нынешней Бухары. Сын Токсеита, Байсын имел там четырех сыновей, после того, как они закончили свои мирские дела на земле, он вернулся обратно. От тех сыновей, потомки расселились в Алмалыке Узбекистана, местечке Жанарык; в Чимкентской области – Сайрамском, Ленгерском, Толькубасском районах, селе Чубар Джамбульской области, Каскеленском районе Алматинской области.

Самый младший сын Токсеита, Кулеке, выехав из дома в поисках старших братьев, направился в Жидели. Не найдя корневых основ, оказался в Талды-Кургане, где и сейчас живут его потомки.

Оставшиеся потомки четырех сыновей Байсына живут в Жидели. Этому есть и доказательство:

- известный в селе Майбулак, Ленгерского района, Чимкентской области, кусирак Аймамбет, погнав на Бухарский рынок сто голов коз. Там он встретил потомков Байсына. Расспросив их об отце и родственниках, он узнал, что это потомки Токсеита и горько посетовал им, что дешево продал коз. Они в ответ насыпали ему горсть золотых монет, озолотив его на всю оставшуюся жизнь.

Тлеумбет имел трех сыновей – Коз, Боктыбай, Жанибек, проживая вдоль реки Чу Джамбульской области.

Боктыбай имел шестерых сыновей – от старшей жены Жаубасар, Лепес, Дайра, Мамбет; их потомки проживают в селах Чуйского района, небольшая часть – около тридцати семей в местечке Жанарык Узбекистана, с десятков семей проживают среди кусираков Аксу.

После смерти Жанибека, Боктыбай женится на его жене, от которой у берегов реки Чу рождаются два сына – Калибек и Алибек. Поссорившись со старшими братьями от первой жены (байбише) из-за пастиби, они откочевали под Чимкент, в Сайрамский район, расселись вдоль реки Аксу.

От Калибека рождается Еспембет, от Алибека – Шагыр и Жаманкул.

От Шагыра рождаются шесть сыновей: от старшей жены – Дормен, Сазан, Тумен, Шеру, Рысбай; от младшей жены рождается Койбагар.

Младший сын Шагыра, Рысбай, после женитьбы, отказался от наследства и, сев на коня, взяв в руки только камчу, сказал: - «Судьба джигита в его руках» и уехал из дома. Многие ему говорили, мол, что ты делаешь Рысбай, у твоего отца Шагыра много скота и тебе перепадет, будешь, сыт до конца своей жизни. «Все в моих руках, подоткну полы чапана, и буду работать. Скот отца не мой скот, толку от этого не будет, буду стараться до пота на лбу, вытру пот и заработаю» - ответил молодой мужчина. Есть у казахов пословица: - «Будешь работать, придет счастье. Если мальчик смотрит далеко в будущее, то он будет мужчиной».

От Дормена родились семь сыновей: от старшей жены три сына – Аю, Сатемир, Кебенек; от средней жены один сын; младшей жены три сына. От средней жены потомки проживают в селе Акыртас Джамбулской области, называя себя сыновьями Кок-коза. От младшей жены потомки, убягая от врагов, переселились в местечко Кызыл-кия Киргизстана, рядом с шахтой. После некоторого времени они переехали Алмалыкский район, где были меднорудные шахты и медеплавильный завод. Они считают себя родом большого Сирака (дау сирак). К образованию колхозов они достигли 40 семей, но, живя среди узбеков, они стали узбеками.

От первого сына старшей жены Дормена, Аю, родились Аблай и Бакай. От Аблая – Берден, Орынбай (нет сына), Ордабай (нет сына). От Бердена – Онланбек, Нысанбек (нет сына). От Онланбека – Кудайкул, Суйер, Жолтай (нет сына). От Кудайкула – Абдираим (нет сына), Абдашим (нет сына), Суйинтай (нет сведений).

P.S. К сведению родственников – это поиски отца Даубека. Они могли закончиться на уровне детей моего возраста или младше, родословную которых родитель не мог предвидеть дальше. Поэтому эту часть нужно добавить и вести дальше самим. Если прочитаете (нет сведений), то поиски можно начать примерно с 1970 года прошлого века и дальше. Тем более, что родственники проживают недалеко от родного дома отца иди в близлежащих поселках, аулах и селах.

От Бакая – Мырзабек, Жаугаш, Бигаш (нет сына), Ауелбек. От Мырзабека – Байгулы (нет сына), Каныз (нет сына). От Жаугаша – Сарсенби (нет сына), Отей (нет сына). От Ауелбека – Байбол (нет сына), Бибол (имеет двух сыновей, их надо искать).

От второго сына Дормена, Сатемира, родились три сына: Байбосын, Жазы, Айткул. От Байбосына – Салимбай, Тауас, Жанбобек. От Салимбая – Даирбек, Молдияр (нет сына), Сырдак, Сексенбай (нет сына). От Даирбека – Токбай, Бекбай. От Токбая – Акмурза, Кулмурза (нет сына), Кудайберген. От Акмурза – Айтү (нет сына). От Кудайбергена – Аскар (нет сведений). От Бекбая – Баймырза, Бекмурза, Калдыкоз (нет сведений – надо искать), Танаш (нет сына). От Баймырзы – Бескемпир (надо искать детей). От Бекмурза – Тотан (нет сына). От Сырдака – Куандык, Булутбай, Коныс, Байгара (нет сына). От Куандыка – Таспол (нет сына), Сопы (нет сына), Койбек (нет сына), Олжабек, Кайшыбек (надо искать детей). От Олжабека старшей жены родился Омар, но сведений о нем и его детях нет, надо их искать. От Булутбая – Тасполат, Есполат (нет сына), Досмурат (нет сына). От Тасполата – Сыйхимбай, Дулат, Жаныс (надо искать). От Коныса – Балгабек. От Балгабека – Илес (надо искать).

От Тауаса – Умбет. От Умбета – Усупбек, Сарпек, Жакып (нет сына), Байдибек (нет сына), Жунис, Мамут (нет сына). От Усупбека – Бекбембет (нет сына).

От Сарпека – Байден, Сабден, Сауыт, Макул. От Байдена – Атабек (нет сына), Асет. От Сауыта, Макула, Асета (нет сведений). От Сабдена Саймасай, Орак (сведений нет). От Жуниса – Тураптай, Турар, Нурак, Оразалы (они проживают с нами в одном селе).

От младшего сына Байбосына, Жанбобека – Аманбай (нет сына), Дуйсенби, Баркын (нет сына). От Дуйсенби – Жайдакбай (нет сына).

От Жазы рождаются Акимбек и Бурта. Мать этих детей Толы вышла из рода Рамадан.

От Акимбека рождаются семеро сыновей: от первой жены – Токсабай, Асан, Усен; от второй жены – Аюкол, Кыстаубай, Сарт; от третьей жены – один сын – Туйе-Багар. От Токсаба родились Тлеумберди, Кырыкбай (нет сына), Мамир, Емберди (нет сына), Жаманкул, Отеул (нет сына), Отелбай (нет сына). От Тлеумберди – Самир (сведений нет). От Жаманкула – старшей жены – Ушкемпир (от него три сына – сведений нет), младшей жены – два сына (сведений нет).

От Асана – Саупбай, Сасыкбай. От Саурбая Даулбай (сведений нет), Шерим (нет сына). От Сасыкбая – Бек (сведений нет).

От Усена – Омирбек, Керимбек, Мамбек, Жолынбек (от старшей жены), Шымырбай (младшей жены), они проживают в селе Самсоновка, рядом с нами. От Омирбека – Куралбай. От Куралбая – Казахбай, Карабай, Анвар (проживают рядом в селе Аккала, они стали ближе к узбекам, поэтому сведений дальше нет). От Керимбека – Кожамжар (сведений нет). От Мамбека – Бейсембай (нет сына). От Жолынбека – Жайлаубай, Абжал (сведений нет), Абу (сведений нет). От Жайлаубая – Батыр (сведений нет). У Шымырбая две жены: старшая – узбечка, младшая – киргизка (сведений нет).

От Аюкола – Куанышбай (нет сына), Касым (нет сына), Кокан, Меирбек (нет сына). От Кокана Атай, Еркебай (сведений нет).

От Кыстаубая – Керим, Жунисбек, Амирбек (нет сына). От Керима – Агабек (нет сына). От Жунисбека – Калдар, Сақ, Жамал, Сыпабек (дальше нет сведений).

От Туйебагара – Канай (нет сына), Жантай (нет сына), Окатай (нет сына), Курмантай, Кеңжебек (нет сына). От Курмантая – Тайшан (нет сына), Абдыкалан, Анартай, Азат, Рысбек (сведений нет).

От Бурты рождаются шесть сыновей: от первой жены - Кольбай, Оскенбай; от младшей жены - Дайрабай (нет сына), Карашолак (нет сына), Шыганбай, Салыкбай (нет сына). От Оскенбая - Калмурза, Айдос (нет сына), Бекей (нет сына), Ыштай (нет сына). От Калмурза - Манакбай (нет сына). От Шыгамбая - Ниязбек, Жолдасбек (от них нет сыновей).

КОЛЬБАЙ

БАККАРА - БИМЫРЗА - АЙТМЫРЗА

Каржаубай - Мамыралы - Мамырбек - Даутбек - Бердалы; Сейдаш (Сейдикерим) - Абен - Абдырак.

От второго сына старшей жены Шагыра, Сазана, родились два сына - Алашбай, Келесбай.

От Алашбая - Амантай, Кутыбай, Тажибай (нет сына). От Аманбая - Бейсебай, Билдебай (нет сына), Есебай (нет сына). От Есебая - Олжабай (нет сына), Сагындык (нет сына), Балкыбек (сведений нет).

От Кутыбая - Есмырза (один сын), Оспан (один сын), Жолдас (нет сына).

От Келесбая - Дулатбай, Байшымыр (нет сына), Беке. От Дулатбая - Жамбыл, Жапалак (нет сына), Кожабай (нет сына). От Жамбыла - один сын (нет сведений).

От Беке - Жантай (нет сына), Жамбай (нет сына), Калдыкоз (нет сына).

От третьего сына старшей жены Шагыра, Тумена, родились - Жаназар, Есемберди, Санм.

От Жаназара - Сегизбай, Журымбай (нет сына). От Сегизбая - Токе (нет сына), Акан (нет сына).

От Есемберди - Нурлибет, Анаркул (нет сына). От Нурлибета - Ташкентбай (нет сына), Отеген (нет сына), Телеу (нет сына).

От Саима - Шойбек. От Шойбека - Мусабек (нет сына), Боранбай (нет сына), Кулдыбай, Кулмамбет (нет сына). От Кулдыбая - Ашен, Далбай (сведений нет).

От четвертого сына старшей жены Шагыра, Шеру, родились - Костай, Комек, Баян.

От Костая - Кошмамбет, Айтымбет. От Кошмамбета - Сатбай, Садыбек. От Сатбая - Кантарбай. От Кантарбая - Шымырбай (нет сына).

От Садыбека - Телбай, Еже (нет сына), Тажи. От Тельбая - Табылды, Бабакан. От Табылды - Мырсултан (нет сведений). От Бабакана - первый сын (нет сведений), Кураш (нет сведений). От Тажи - Отеген (нет сына).

От Айтымбета - Шоткара, Борбек, Тлеубек (нет сына), Бесберген. От Шоткара - Жуматай. От Жуматая - Жолдас (нет сведений). Борбек - Кулатай, Калматай. От Кулатая - Кояш (нет сведений), Жумаш (нет сына). От Бесбергена - Жумалы, Игилик (нет сына). От Жумалы - Балшабек (нет сына).

От Кокека - Буйен. От Буйена - Жиенбек. От Жиенбека - Бекбота, Молдаш (нет сына). От Бекбота - Келтегара, Отепбай, Усен (нет сына), Спатай (нет сына). От Келтегара - Кырыкбай, Мырзабай (нет сына), Мырзалы (нет сына), Ташен. От Кырыкбая - Мирзахмет (нет сына), Кожак. От Кожака - Ораз, Козбак, Аким (сведений нет). От Ташена - Рат. От Рата - Онгар, Касым, Кайыржан (сведений нет). От Отепбая - Есенгельды, Жунус (нет сына), Тасбай (нет сына). От Есенгельды - Илесбек, Журутшыбай. От Илесбека - Абиш. От Абиша - Узак, Омирзак, Манкентбай, Сапарбай (у них нет сыновей).

От Баяна Еселман. От Еселмана - Самен. От Самена - Сербота, Жетибай, Досумбет. От Сербота - Байтас, Кожас (нет сына), Андос, Есим, Мауке, Туяк. От Байтаса - Сатылган (нет сына). От Андоса - Айдаркул (нет сына), Серикбай. От Серибая - Туганбай, Аманбай (сведений нет). От Есима - Айдарбек. От Айдарбека - Назарбек (нет сына). От Мауке - Калмырза (нет сына), Балатай (нет сына). От Туяка - Бимурза (нет сына), Койшыман, Калтай (нет сына). От Койшымана - Батыр, Шатыр (сведений нет). От Жетибая - Койтас, Жантас. От Койтаса - Балкыбек (нет сына). От Жантаса - Толебай, Тинибек, Егизбай. От Толебая - Оралбек, Олжабек (нет сына), Жаксыбек. От Оралбека - Шират, Куат, Мият, Зият (нет сведений). От Жаксыбека - Калдыбек (нет сведений). От Тинбека - Пернебай, Сарсенбек (нет сына), Шит (нет сына). От Пернебая - Шалабек, Жандарбек (сведений нет). От Егизбая - Муратбек. От Муратбека - Аширбек, Ордаш, Оразбек, Орынбек (сведений нет). От Досумбета - Баубек, Шынгысбай, Раймбек (нет сына), Турусбек (нет сына). От Баубека - Жаркынбай. От Жаркынбека - Нуранбай. От Нуранбая - Тастанбай (нет сына). От ШыШынгысбая - Кушикбай (нет сына).

От пятого сына старшей жены Шагыра, Рыспая, сведений нет (нужно вести поиски).

От сына младшей жены Шагыра, Койбагара, родился один сын, Масала. От Масала Баймеш, Темирбек. От Баймеша - Жолдан. От Жолдана - Асан, Байгон, Кайназар, Назаркул. От Асана родились два сына, но сыновей от них нет. От Байгона - Конысбай (нет сына), Кудербай (нет сына), Жанысбай (нет сына), Баисбай (жил рядом с отцом). От Баисбая - Кыдырбай, Калдыбек, Шынгысбек

(сведений нет). От Кайназара – Осербай (нет сына). От Назаркула – Омишбай. От Омишбая – Калык, Аккала (сведений нет). От Темирбека – Бекзак. От Бекзака – Сапарбай (от старшей жены), Тайлыбай (нет сына), Сайлыбай (нет сына), Карсак (от младшей жены). От Сапарбая – Сартай. От Сартая – Жанбырбай. От Жанбырбая – Куланхадыр, Мухид, Бакберген, Бахтияр, Оразби, Бакыт (соседи по дому - сведений нет). От Карсака (сосед напротив) – Алипбай (от старшей жены), Берикбай (от младшей жены). От Алипбая – Тургын, Абай, Сапаргали, Нургалы (сведений нет). От Берикбая сведений нет.

Моя родословная выглядит так: Казах, Кейки-би, Тобей-би, Акарыс, Майки, Бактияр, Уйсин, Аксакал, Караша, Байдибек, Жарыкшак, Дулат, Сиким, Токсеит, Тлеумбет, Боктыбай, Алибек, Шагыр, Дормен, Сатемир, Жазы, Бурта, Кольбай, Бимырза, Даутбек, Амирсеит, Шалхар.

Из Старшего Жуза, народа Уйсин, племени Дулат, подплемени Сикым, рода Кусирак, аулета Дормен, инженер-шахтер-бухгалтер-председатель и просто сын своего отца, Даутбек, коротко рассмотрел свою ата-тек (родословную) и на этом заканчивает часть своего повествования.

СЛОВО О МАТЕРИ

Какие слова можно сказать о матери? Как выразить свою любовь к человеку, посвятившему свою жизнь детям? Чем отплатить за ее бессонные ночи у нашей постели, когда мы были маленькими, да и взрослыми тоже? Мама — она во всем мама! Она у каждого человека разная — нежная и строгая, говорливая и молчаливая, требовательная и не в меру заботливая, но у каждого своя. Готовая отдать жизнь за счастье любого из нас. Только мать может отдать последнее ради благополучия детей. Только мать может прощать нам шалости, дерзости и глупости и не держать за пазухой камень. Я не думаю, что нужно ей платить за что-то или быть благодарным. Надо просто помнить о ней, иногда звонить или писать, чтобы долгими вечерами в ее старом доме горел свет надежды о благополучии родных и детей.

Из далекой родины раздается телефонный звонок, сообщивший о том, что в наши края выезжает строгий ревизор — наша мама. Не забыли предупредить о времени, дне и месте встречи, что билет взят по ошибке на другую станцию, а она об этом не знает. Спешные работы по уборке и без того чистой квартиры, суматоха по заполнению холодильника и размышления о том, как сделать время пребывания мамы более приятным, чем в прошлый раз.

На только что приобретенной новой «Волге» мы выезжаем встречать маму в Когалым. Длинный и пустой, но ухоженный перрон лениво греется на июньском ещё не растаявшем в

песчаных оврагах и вековой тайге. Показывается пассажирский состав. Чей-то полусонный голосок, отдающий ржавым металлом, сообщает номер поезда и правила техники безопасности для встречающих, которых не более пяти человек на весь вокзал.

Вагоны, покачиваясь и переступивая на стыках рельсов, медленно катятся мимо нас. Ее мы увидели издали, с самого начала перрона. Накинутый на голову белый платок, как у любой женщины-мусульманки, перехваченный у подбородка, выдает ее сразу. Тревожный взгляд блуждает в поиске детей на перроне. Мы машем ей руками, но она не видит нас. Лицо показало нам степень ее разочарования и долгого ожидания этой встречи. И вдруг она нас увидела. Слезы радости брызнули на щеки пожилой женщины, она стала что-то говорить внутрь вагона, показывая на нас рукой.

Потом мама стояла и молча смотрела на нас, издали наблюдая и, видимо, запоминая нас в этот момент такими: при новой машине, с цветами, подтянутыми, радостными, — может быть, такими, как она мечтала, с нетерпением ожидавшими ее одну, неповторимую и родную. Ведь она осталась из всех родителей одна. И нам, уже седым, тоже хочется побывать в роли ее детей, хотя свои дети уже нянчат внуков и признают нас за стариков.

Соседи выносят ее вещи, а она стоит и смотрит на нас, не отрывая взгляда. Затем, будто опомнившись, в сопровождении женщин из купе, выходит из вагона. Радости встреч, объятия и поцелуи — все это было. Но глаза женщины задают немой вопрос: «Как вы тут, без меня?». Через некоторое время она успокаивается, увидев нас привычными, хотя и возбужденными. Когда напряженные нервы отпускают ее в беззаботность, у матери появляется блаженство в глазах, отражавшее мирным покоем и радостью за судьбу своих детей.

Женщины сидят сзади, наслаждаясь тихой беседой о былом. В стекло заднего обзора видно, как они общаются между собой. Им есть о чем поговорить: о сыне, внучке и внуках, о житье-бытье. Это время наслаждения встречи друг с другом после долгой разлуки, ненасытной беседы о простом и тайном. Время, когда никто не мешает переговорить о нужном только вдвоем и наедине. Им нужно поделиться самым сокровенным и сказать то, что не скажешь при всех, ибо дом есть дом, даже у стен имеются уши и глаза.

В конце июня мать устает от сибирского края с очаровательным летом и комариным писком. Она вдруг заговорит о доме, что нужно ей платить за квартиру, что кран бежит, что забыла сказать соседке что-то и о многом другом, казавшимся ей в ту пору главным. Все вопросы можно решить по телефону, но пожилого человека трудно переубедить, если им принято какое-то решение. Поняв, что мама уже собралась в дорогу, мы решаем сделать ей приятное. Пусть побывает в краях своего детства, а это возможно только на машине. Младшая дочка успешно сдала экзамены в медицинскую академию, пусть похвастается перед родными, и у нас есть повод побывать у своих детей — у Шалхара и Асели. На семейном совете принимаем решение: съездить на машине в южные края, на родину матери.

Мама увидела край своего детства, милый сердцу город молодости. Проезжали села, поселки и города, где она работала и рожала детей. Женщина сильно устает, но те ощущения, которые она получает, возбуждают в памяти картины минувших лет. От обилия впечатлений она засыпает с улыбкой на лице прямо в машине, а просыпаясь, просит остановиться, чтобы походить по земле.

Как она говорила: - Хорошо у вас, дети мои, но в своих краях лучше. Не обессудьте, здесь я знаю все ступеньки и кочки. Хочу дома протянуть усталые ноги на кошке, пообщаться с товарками-соседками и узнать всю подноготную мирскую жизнь дома. Прогуляться и поговорить с близкими и знакомыми, перемалывая одно и то же по несколько раз в день и наслаждаться этим. Постоять у прилавка и поторговаться за товар, который не приобрету, но получу удовольствие, что сбила цену и не купила его, потому что дальше продают такой же продукт, но чуть дешевле.

Это уже устоявшийся мир ее общения и отношений, созданный порядок и уклад жизни, который мы нарушаем своим приездом из Сибири. Чувствуем, как пожилой человек быстро устает от нас. В один из прохладных вечеров прощаемся со всеми, собирая вещи в обратную дорогу.

Раннее утро. Нам пора выезжать. Утренний чай, сосредоточенность отъезжающих и озбоченный взгляд матери. На ее заплаканном лице нежная грусть расставания и долгая зима одиночества. Она что-то хочет сказать, не знает, как высказаться, боится обидеть нас перед дорогой. Зачем-то снова протирает пиалки, перебирает вилки и ложки, режет хлеб. Что-то ее волнует, что-то тревожит, скрывая потаенное за поцелуями внучки. Она отводит в сторону дочь, но разговор не получается. И эта невысказанная мысль или что-то наболевшее у матери в груди всю дорогу мучает супругу. Чуть позже она со слезами на глазах высказывает это мне уже здесь, в Нижневартовске. Мать долго молчит, стянув на глаза платок, сосредоточенно думая о своем. Завожу машину, прогревая мотор. И усталую женщину словно прорывает океан слов. Мать торопится, старается сказать обо всем сразу, но мысли ее путаются. Теряясь между слов, не зная, куда деть руки, засуетившись, мама вдруг становится какой-то маленькой и беспомощной.

Женщина вдруг вся спорбилась и стала похожа на всех старушек, что пришли нас провожать. Мы обнимаемся, целуемся и садимся в машину, чтобы потом, позже переживать эту сцену прощания в мыслях и в беседе друг с другом. Вслед нам раздается: - Одевайтесь теплее! Не хворайте! Берегите себя!

Видно, как она выходит на дорогу и машет нам вслед рукой. Помашет-помашет и опустит, видимо, стараясь найти в глубине памяти что-то забытое, но очень необходимое для детей. Опомнится и снова машет. Старушка не может повернуть все назад и не пытается. И тихонько бредет за нами следом до самого перекрестка. Вспоминая свое, пожилая женщина никак не может вспомнить то, что хотела сказать детям на прощание о самом важном и главном.

Слезы набегают ей на глаза, но их никто и не видит. Она останавливается, промокает концом платка слезы, всхлипывает, смотрит из-под руки вдале. Машина давно скрылась в белесой дымке, струистой волне воздуха от уже нагретого асфальта и дорожной крошке азиатских тополей. Но мама, глубоко вздыхая, с перерывами, продолжает махать рукой далекому горизонту, в мыслях желая детям удачи в дальней дороге.

Мамочка! Родная, что тебе пожелать? Пожалуйста, не болей, не хворай! Мы помним и не забудем никогда поцелуи и нежные руки твои. Это ты, беспристрастная и требовательная, любящая и желанная после чужих обид и боли, которые мы испытали! Не забудем твои слезы у нашей постели по ночам, душевные разочарования и телесные невзгоды. Находясь вдалеке от тебя, все время помним о тебе. Мы могли бы оградить тебя от лишних хлопот, но ты не хочешь жить с нами рядом. Прости нас, беспутных, но желанных тобой! Прости нас, пожалуйста, если можешь!

ГЛАВА АУЛЕТА

Нас в семье девять братьев. Каждый имеет свой характер, привычки, особенности. Братья создали семьи, посадили деревья и построили дома. Мы помогаем друг другу, решаем общие вопросы, обсуждаем проблемы своих детей, а после смерти отца Даутбека выбрали главу рода — единственного достойного среди нас — Асылхана. Дружеская привязанность братьев помогает ему во многом: он стал продолжателем идей отца Даутбека и дедушки Бимырзы — быть справедливым и авторитетным, помогать всем братьям, решать все споры в роду.

Асылхан родился так давно, что все в округе знают день его рождения. Родился он, как и я, в саманной избе деда, под мазаной крышей, коих было немало в тех краях. При свете керосиновой лампы, без участия врачей, но с причитаниями бабки и с благословением деда. Остальные появились в роддоме.

Малец, которого записывают в актовую книгу под именем Асылхан и выдают метрику его отцу Даутбеку, чувствует себя хорошо и по-хозяйски терзает материнскую грудь. Зимой дед, когда внуку исполняется год, посадил его на ишлака и торжественно, по крайней мере, так показалось тогда Асеке и мне, прокатил по двору, определяя помощником родителей. И пошла аульская жизнь брата от зимы до зимы, каждый год прибавляет он в плечах и силе, доброте и хитрости. К семи годам, когда определяют в школу, он уже имеет хорошую жизненную выучку и получает приличное домашнее образование.

Ему удается все: дела в доме, учеба в школе, сноровка в делах и везение среди друзей. Асылхана знают все в ауле, на него показывают и говорят: это сын Даутбека, внук Бимырзы, пронырливый и хитрый, драчливый и удачливый. И столяр, и плотник, и пастух, и мукомол, и каменщик, да любые профессии аула ему по плечу. Шло время — педучилище, флот, служба, работа, семья и дом. Жизнь идет своим чередом, и он становится незаменимым для рода, покладистым, верным. А потому и горести обходят брата стороной. Прошли шутки и увлечения, начали в нем собираться вера и надежда. Подрастали дети, стали затягиваться душевные раны, появился горб солидности — животик.

Асеке обычен даже для родного юга, ибо он является продуктом этого края. Это делает брата простым, обычным и сердечным, хотя мало кто знает, что в нем сидит зверь с сердцем дьявола. Посторонний в нем видит аульского обыкновенного, больше домашнего человека и даже разочаровывался. Глаза, волосы и тем более улыбка, а она широкая и добрая, показывают, что он простой, даже не столько родной, сколько рядовой степняк возле гор, казах. В нем девяносто килограмм веса, широкое скуластое лицо, невероятная сила, а борода до того изумительная, что многие хотели бы иметь такую же. О нем говорят: мы его только что видели, он только что был здесь или только что ушел.

Брат, как легенда, которую любят и уважают, хотят быть причастным ко всему, что связано с ним. Иногда он может саркастически смеяться над собой и другими своим открытым смехом. Становясь старше и мудрее, волком выть не собирается, в нем сидит безумное желание поговорить, послушать,

пообщаться с человеком, с природой. Не каждому понять то, что видит и знает Асеке. Если бы он жил на Севере, то его приняли бы за ханта, на востоке — за японца, на западе — за испанца, на юге — за брата. Такой он — везде свой, необходимый, нужный и только сегодня, сейчас и срочно, завтра уже будет поздно.

В Асылхане сохранилась аристократичность рода, знание нужды простого человека, смелость и отвага старших: негибкая воля и твердость духа дедушки, целеустремленность и расчетливость отца. Перечисление достоинств можно было бы продолжать и дальше, но вряд ли стоит их разделять. Они все в нем неразрывно слиты, только различные качества выступают вперед в зависимости от обстоятельств.

В одних случаях брат проявляет большой государственный ум, в других — расчетливость и гибкость, в третьих — осмотристельность. Но и в нем присутствуют черты слабости, нерешительности и неумения потребовать. И мы, братья, поддерживаем его во всем, прощая слабости души. Умение интуитивно, быстро, безошибочно выбрать нужное время, а также место для единственно верного решения и действия отличают брата от других. В том и состоит заслуга Асылхана, что наш род не затерялся на дороге жизни. Мы идем по этой дороге вместе, одной единой семейной колонной.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Если в моей жизни вы не найдете романтических приключений и смелых подвигов, то, к счастью, не найдете в ней и тяжких преступлений. Многое сумел в этой жизни сделать, но еще больше прошло мимо меня. Не обессудьте, какой уж есть.

Родился я в доме деда Бимырзы, под причитания бабушки Улжан, стоны и крики матери, учительницы немецкого языка, Хадиши, и вспотевшего отца, главного инженера Ленгерской шахты, Даутбека, 16 августа 1946 г. (по гороскопу — в месяц Льва и год Собаки). Малиновый восход едва раскрасил горы, люди еще спали, а я истошным криком поднял всех на ноги, и поэтому мне дали прозвище «Шопан» — пастушок. С этим прозвищем я прожил ту часть жизни, где были живы старики — дед и бабушка. Они никогда не называли меня по имени: по обычаям казахского народа имя маленького человека нельзя было произносить вслух.

Я воспитан в строгих традициях кочевой степи. Это, прежде всего глубокое почитание пожилых и беспрекословное подчинение старшим, уважение к гостю и соседям, помощь ближнему и защита тех, кто просит приюта. Любого приезжающего должен встретить, принять узду коня, мне нужно оказать им знаки уважения и внимания. Если дома нет старших или родных, то в мои обязанности входило принять с почтением гостя, поставить самовар, постелить скатерть и наполнить дастархан. Напоить чаем гостя и ждать родителей. При отсутствии деда бабушка сажала меня за скатерть. Я вел, конечно, как мог все разговоры, отвечать на вопросы гостя и занимать его время. Вот тогда многие гости расспрашивали меня, стараясь узнать: кто я, чей сын и внук, что знаю о своей родословной.

В свое время дед мне говорил, что самое трудное в жизни — это учиться уму-разуму у других, перенимая полезное и нужное. Не говори много, лучше делай или покажи. Не хнычь, не плачь, не воруи, живи по совести. Не ухмыляйся и не радуйся чужим слезам, это может и к тебе прийти. Радуйся хорошему, и солнце улыбнется тебе благополучием твоей семьи. Прошло много лет, теперь я сам дед и хочу сказать, что самое трудное для меня — это учить уму-разуму других.

Я не великий человек, не баловень судьбы, хотя и первый сын у родителей. Согласно традициям казахского народа, первый внук живет у стариков, которого они обучают соблюдать обычаи предков, воспитывая уважение к старшим. До семи лет я рос у деда, надевал его малахай, кутался в его овчинный тулуп и впитал кочевой образ жизни. Именно поэтому, став совершеннолетним, взял себе в качестве отчества имя деда. Утром мы уходили вдвоем пасти чужой и домашний скот, возвращаясь поздно вечером домой. В мои обязанности входило направлять скот на пастбища, подгонять отставших, не пускать их на колхозные поля.

Бабушка Улжан ждала нас, готовила ужин и рано утром будила. Она надевала пестрое хлопчатобумажное платье и иногда праздничный цилиндрический головной убор. На руках у нее было много блезік (браслетов) разной формы, на пальцах жузік (кольца), на поясе лыгек, каптырма (застежки), торсылдак тьюме (большие пуговицы).

Еще тогда меня интересовали на ее косах шолпы — украшения, выполненные из монет разного достоинства, с надписями на арабском языке, привески из трех тяжелых монет (червонное золото), цветных камней, цилиндрические, хорошо инкрустированные наконечники. После ее смерти шолпы исчезли, больше я их не видел. Она обычно обувала масі (ичиги) и кебіс (галоши) кожаные, позже резиновые. По праздникам носила парадную обувь — кестелі-етік. На столе стояли в пиалах айран, катык, клали лепешки, часто баурсаки. Готовилось кеспе (лапша) или тары-коже, для гостей готовили бесбармак. Для деда всегда на дастархане в пиале находился талкан (толокно) из проса. Жидкую еду

приносили в тостагане, кумыс наливали при помощи ожау (ковшик). Мясо приносили в большом легене, нарезанном на крупное кеспе, чуть позже — с картошкой и луком с добавлением специй. Мясо разное — свежее, вяленое и копченое. Бабушка умела хранить его в любое время года.

Она ткала ковры — арай-клем, ак-клем, такыр-клем. Помню, как собирались соседки и катали кошму. Если по краю сырой или полуготовой кошмы накладывали различный узор из цветной шерсти, то получался текемет — войлочный ковер.

Женщин можно легко различить по платкам, а их носили все. Если платки цветные, то это молодежь, чисто белые — замужние женщины. Когда не было мужчин, то они ходили по двору без платков или косынок. Для деда и его молитвы женщины готовили специальный ковер-текемет — чисто белая основа, по краям полосы из синего и красного цветов. Никто не имел права трогать его, брать или использовать в своих целях. Его клали на высокое место в дальней комнате. Дома всегда на полу лежали и висели на стенах алаша (паласы), в гостевой комнате висел текемет, стояли сандыктар (сундуки), на них рядами и стопками лежали корпе (одеяла), корпеше (короткие одеяла), жастык (подушки). На широком крыльце лежали шымши (циновки из чия или камыша), каждая камышинка которых была стянута цветной шерстяной ниткой.

Дом у деда был саманный, пятикомнатный, с широким крыльцом, где умещалась за обедом вся семья, и стоял широкий деревянный топчан. Двор высокий, уступами понижался к скотному двору, закрытый со всех сторон глинобитной стеной. Кора — скотный двор — имел отдельный выход с узкой дверью. Крупный скот выходил через общие ворота. Дом с постройками имел форму цитадели, своеобразного замка в миниатюре, для охраны и защиты хозяйства. Во дворе стояла войлочная юрта — легкое складное жилище. Она состояла из кереге (деревянных решеток), выделанных из взаимопересекающихся планок (саганак). Кереге можно складывать или раскладывать, выставляя сферическую стенку. Шанырак являлся вершиной купола юрты. Кереге внутри и снаружи обкладывалось шымшием, снаружи закрывалось войлоком, и все это скреплялось лентами или веревками. Посередине юрты стоял таган для приготовления еды. Самауыр (самовар) ставили на улице. В юрте варили только в холодное время года.

Помню случай, когда вне двора для знаменитого гостя поставили девятикрылую юрту. Там была гостевая, комната отдыха и женская половина. В юрте умещалось сидя более ста человек. А на одном из праздников устроены байге (скачки на конях), курес палванов (борьба), сайыс (соревнование двух всадников, старающихся свалить друг друга с коня), кокпар (козлодранье). Эти соревнования

проводились на свадьбах, при рождении ребенка (сына или внука), на поминках, по истечении года, если родственники могли выставить ценные призы.

Я не припомню случая неудовольствия или выражения протеста со стороны деда в мой адрес, он просто не брал меня с собой в пастухи. А дома надо мной дружно потешалась вся родня: пойдя, принеси или отнеси, сходи в тот дом и поработай там, подмети, помой руки, нарви травы или что-то в этом роде. Нет, это все я делал, положение сына и внука просто обязывало, но с дедом было интереснее. Он никуда не посылал, я бежал сам и добровольно исполнял несложные обязанности пастушка. Собрать кизяк, вскипятить воду, сварить пойманную рыбу, расстелить скатерть, напоить чаем старика или повернуть паспийск скот от колхозных полей было не трудно.

С высоты оседланного ишака я усердно впитывал окружающий мир, спал в сумке-коржуне, сидел с дедом у костра и становился отчаянным пастушком. С пяти лет скотину уже выгонял сам, когда деду нездоровилось или занят с дальними гостями. Вечером, с высокого бутра возле дома, далеко видна коренастая фигура старика, встречавшего своего пастушка. Сдав скот хозяевам, я возвращался домой. Солидно, как дед, отдавал сумку бабке, ставил ишака в стойло и важно шел умыться. Бабка поливала мне на руки с кумгана-кувшина и подавала, как деду, полотенце. Тетушка, всегда подшучивая, смеялась надо мной, а родители молча наблюдали за мной и моими выходками.

Дед был душевным и аккуратным, не делал окриков, терпелив: укажет и поправит. Не каждый отец так сына учит. Самое нехорошее слово, которое произносил «батпшагар» — негодник. По-моему, других ругательств дед просто не знал. Отец, уважая его, не делал мне замечаний при нем, а мать я практически не признавал. Авторитетом для меня являлись дед и Саткуль-апа.

Как сейчас помню, дом деда всегда полон людьми, которые приходили или приезжали к нему из разных мест: из Ташкента, Шымкента, Тараза, Алматы и их окрестностей. Он носил только белое белье, цветные рубашки, поверх них бешмет или камзол, синий шапан (халат) и широкие шалбары (шаровары) из темного плиса (ткани). Для приема гостей весной и летом надевал головной убор из белого тонкого войлока (ак калпак) и загнутыми полями (айыр калпак).

Гостей он встречал в темно-синем кафтано и накинута сверху шекпен (плаще), стилизованном казахским орнаментом. На ноги одевал маси и кебис, а если выезжал на коне, то шонкайма-етик (высокие сапоги, прикрывавшие колени от ветра). Головной убор состоял из тубетейки и борик (круглой шапки, стилизованной под юрту) для осени, а зимой надевал остроконечный тумак (шапку) из меха красной лисицы или малахай. Шуба (тон) у старика была очень богатой, сшитой бабушкой из шкуры дикой лошади (кулана).

Дед являлся самым пожилым в округе, уважаемым и авторитетным старцем. Отличительной особенностью его была огромная память и умение преподнести любую информацию и событие в нужное время и в необходимой обстановке. Я поражался тому, что в нем до такой степени развиты эти способности: знать глубину прошлого времени, помнить кто, когда и кому сказал или передал эти слова, внести новизну и строгую последовательность в свой рассказ.

Одаренный прекрасной и чистой памятью, дедушка обладал и широкой душой. Информацией из собственных кладовых он делился со всеми, кто в этом нуждался. Его рассказы длились порой до рассвета, но я, укутавшись в его тулуп, видел уже третьи сны. Любовался, как работа спорилась и кипела в крепких руках. Он никогда не суетился, все действия обдуманно, последовательно, он ни в чем не знал проблем. Видно, в жизни дед прошел такую школу, которая приучила его быть энергичным, деятельным и не тратить времени понапрасну.

Вспоминая, как особенно долго и аккуратно дед обрабатывал палку-трость, которую подобрал в горах и принес домой сын Даутбек. Дед никогда не торопился, работая с тростью. Это потом пришло ко мне понимание того, что он фантазировал вместе с природой, создавая шедевр ручной работы. Память, как могла, сохранила его образ — коренастый, крепкого телосложения, седой, одноглазый (один глаз ему выбил козел), сильный, с чистым и светлым лицом, знавший множество разных историй, часть из которых вошла в историю аулета. Чем больше и чаще вспоминаю прошлые годы, тем интереснее открывать для себя его новые качества.

Через семь лет родители забрали меня домой для обучения и воспитания в русской школе. Через многое пришлось пройти мне, но свободу так никто и не смог отнять. Выросший свободным пастушком, я уже не мог принять новые правила игры. Родители легко вздохнули только тогда, когда после окончания семилетки определили меня в интернат в селе Первомайск.

В интернате на весенние и осенние каникулы я уходил в горы, благо в то советское время школа выдавала сухой паек всем, кто оставался в интернате. На зимние каникулы приезжал домой и жил одной мечтой: как можно скорее уехать в далекую страну «Интернат». В летние каникулы, за одежду и питание, работал у геологов поваром, разнорабочим и даже снабженцем. Чтобы не крутить хвосты быкам или пахать на тракторе, как мои сверстники, поступил в педагогический институт. Там влюбился и в 1967 г. женился на девушке по имени Зухра, которая родила мне сына Шалхара,

дочерей Асель и Олесю. Дети выросли, уже появились внуки и внучки. Жизнь наша продолжается в них.

КРАСНАЯ ЛИСИЦА

(посвящение сыну Шалхару)

Вместо души своей
Я оставляю идеи и мысли.
Вместо тела своего
Оставляю слово и надежду.

Её терзал голод. Жара упрятала всё живое в землю, погнала к воде и в спасительную прохладу недалёких гор. Она искала выход из создавшейся ситуации. Надо выжить, чтобы оставить потомство. Надо обладать нюхом, слухом и терпением, чтобы беспрестанно шастать по оврагам и склонам гор в поисках пищи.

Выслеживая, разгребая различные норки и упорно выжидая жертву, мышкующая красная лисичка медленно и неуклонно двигалась к караванной дороге. Грохот телег, скрип колёс, огонь и дым не пугали её, а наоборот влекли к дивному и таинственному, давая возможность хоть как-то подкормиться. Она убегала к горам крайне редко, только в самых трудных случаях жизни.

К ночи у дороги всё стихло, караван удобно расположился вдоль речки у дальних склонов Кельтемахата. Люди совершили вечерний намаз, шумно поужинали и легли отдыхать. Кто прямо на земле, подложив седло под голову, а кто в телегу, чтобы сторожить своё добро.

Лисичка, побродив в поисках пищи возле каравана, наткнулась на чашку воды и кусочек лепёшки, оставленной у колеса телеги. Поев, вернулась в овраг и залегла, свернувшись краснопалевым клубком среди высокой травы.

В тишине оврага она чутко и отчётливо улавливает ночные звуки, падавшие сверху, ощущает настораживающее движение воздушных потоков с гор. Зверёк в неподвижности лежит, замирая от этих чувств, и ему вдруг захотелось затягивать от смутного предчувствия завтрашнего дня. Зализывая намаянные в долгой беготне подушечки лап и вспоминая прошедший день, накрепко запоминает запах телеги, где находит пищу.

Ещё в темнотозорье лисичка красным комком выскакивает из оврага, выжидает, выслушивает, в полном одиночестве потрусилась вдоль косоогоров к далёким песчаным курганам, заросших колючим кустарником. Надежда не покидает её, впереди трудный и жаркий день.

***

Жарким летним днем в сторону Ташкента, из Китая двигается в длинном обозе молодой казах в пёстром узбекском халате, подпоясанный таким же платком, по имени Акимбек. сын Жазы, внук Сатемира, правнук Дормена. Он на телеге-арбе ехал по Великому Шёлковому Пути, через города - Тараз, Бишкек, Манкент, Сайрам и многих других, которых уже давно нет на земле, и их названия стёрлись в памяти людей.

Его арбу тащит пара ленивых волов, не спеша идущих с самого утра монотонным шагом. Шли мелко и как-то боком, перебирая ногами, сонно и мерно пошатываясь. В телеге с кривыми бортами на упакованных свёртках, на плотном ворохе свеженакошенного сена, лежит сам хозяин телеги, Акимбек. С раннего утра он успел основательно исколесить бесконечные поля своих раздумий.

К обеду его мысли уже не летают высоко. Они приземлились и влачились по земле под мерное поскрипывание арбы. Надвинув на лоб от солнца чёрную мерлушковую шапку с сильно линялым верхом, подпершись рукой, он разглядывает своих волов. Под раскачивание телеги хозяин считает витки на рогах животных. Пятнадцать витков - пятнадцать лет правому пегому волу, тринадцать - левому рыжему.

Все отвернулись от семьи деда Сатемира: дом, земля, имущество вплоть до камчи - всё отобрано узбеками-родственниками. Бабушка с двумя маленькими сыновьями-казахами выброшена на улицу. У кого только не просили защиты, помощи, приюта и куска хлеба, где только не скитались на родной земле, в Ташкентской области - никто не принимал, только в Шымкентской области дальние родственники по материнской линии приютили женщину с детьми.

Через год-два братья, Байбосын и Жазы, брались за любую работу: пасли овец, подметали дворы знаменитых людей, варили обед и стирали бельё, сторожили стада. Стали постепенно вырываться из нищеты, начали строить дом у речки Карасу, появились деньги. Жазы занялся торговлей, а Байбосын - земледелием. От Байбосына продолжился аулет наших родственников Жунусбековых.

Сыновья Жазы, Акимбек и Бурта, при еще живом отце, тоже решили заняться своими делами: Бурта - земледелием, Акимбек - торговлей. После переезда в местечко Комеш-Чубар они посадили немного кунжута, который дал хороший урожай. На вырученные деньги, Акимбек покупает серпы и ткань и выезжает на хромой серой лошадке в окрестности реки Чу. Продав все это, возвращается обратно в Ташкент, закупает ткани для торговли. И покупка-продажа, первый успех и прибыль, которая пошла на поездку в Китай и обратно.

Чего только не было в пути: и бандиты, и воров, и пыль, и песок и лишения, но радость первых удач заслоняют все беды прошлых лет. «Помогу Бурте и снова в дальнюю дорогу, - подумалось ему, - слава Аллаху, что хоть дом по пути. Вот переночую сегодня у речки Машат и завтра буду дома, поздравлю брата с рождением сына Кольбая и преподнесу подарок ему и матери».

Узункулак - беспроволочный телеграф (в казахской степи он действительно работает безотказно) принёс это известие на днях, вместе со многими другими новостями, которые происходят на земле. Ленивый взмах хлыста и не злобливый окрик "цоб-цобе" чуть подбадривает волов, которые через пять-шесть шагов сонно жмурясь, снова переходят на привычную мерную поступь.

***

Обеденный зной. Степь как будто спит, она подстать этому ленивому движению, широкая и бескрайняя, сколько ни ехать - не будет конца. Давно пройдены отроги Каратау, вот уже Кельтемашат, а до Машата можно будет добраться только к вечеру. Это его утёс уже маячит впереди, окутанный знойным маревом, сливаясь с селением Манкент.

Однообразная бесконечная степь, монотонный ленивый шаг волов, мерное покачивание арбы клонят хозяина к дремоте. Он, полулёжа на пружинящем сене, окончательно разомлел. Попытался открыть глаза, но веки тут же упали. Рука, поддерживающая голову, подкосилась, и тело расслабилось. Через некоторое время хозяин арбы мирно спит, сладко похрапывая. Волы в обозе выполняют свою работу, движение ни на минуту не прекращается.

Молодой джигит проснулся, когда голову припекло солнце. Шапка свалилась с головы и лежала рядом на сене. Со сна не сразу разобрался, где находится. Сколько проехал? Оглядевшись и придя в себя, он привычно прикрикнул на волов и взмахнул хлыстом. Но волы и сами шли ходко. Они почувяли близость воды и отдыха. Ведь и их сморил бесконечный путь, долгий знойный день. Им не терпелось опустить морду в прохладу горной воды. В высоком голубом небе кружится орёл, стрекочут на земле кузнечики. В воздухе стоит мерный скрип колёс арбы да топот коней, на которых несут дозор охранники обоза.

***

А в это время, красная лисица падучей звездой несется по степи. Её пышный хвост только мелькает и мелькает между кустами жингиля. Спинка от напряжения вогнулась, и чудилось ей, будто чья-то тяжёлая и ледяная рука гладит её по хребту. Маленькие, точно пуговки, ноздри со свистом втягивают воздух, но его всё равно не хватает, и лиса задыхается. Крохотное сердчишко, трепыхаясь, не находит себе места в шулломе тельце и куда-то проваливается, откатываясь назад, к хвосту. Казалось, ещё немного, и оно лопнет, замрёт и лиса тут же замёртво рухнет под колочим кустиком, сжавшись клубком в судорожном страхе.

Что случилось? Разве мало погоней ты знавала за свою жизнь? Разве не прибегала ты к извечной хитрости? Разве не увёртывалась ты от любого хищника?

Красная лисица, лисичка ...

Что случилось? Откуда он, этот страх? Какой же ужас вселился вдруг в тебя? Неужели страх лишил тебя всех лисьих увёрток и уловок? Много ли от страха проку?

У лисы, шмыгающей по кустам-зарослям, самый опасный враг-человек да орёл. Лишь они способны высмотреть её и устроить охоту. И вот мчится она в безумном страхе по открытой степи, наперегонки со своей судьбой. Кто ещё может нестись так стремительно, прижимаясь брюшком к земле и не чуя под собою ног. Мчась из последних сил, лисичка оглянулась назад и на мгновение вверх. Нет, не человек, а птица, орёл, точнее, обыкновенный степной беркут, одинокий, самый старый, бурый с пестринками, что кружит над пустынными холмами Аксу-Жабайлы.

Что он видел, беркут, здесь, в этой холмистой степи, с тех пор, как кружится над ней? Что же хочет от тебя? Может, хочет твоей гибели или ратует за твою жизнь, а может, требует боя или даёт шанс выжить? На что уповать, кроме хитрости и выживания?

Красная лисица, лисичка ...

Ведь, пойти в бой, схлестнуться с каждым преследователем просто не хватит сил. От упрямства, когда ни с кем не считаешься, а настаиваешь на своём, не жди добра. Так может быть, спасение, в том, чтобы найти общий язык, столкнуться и жить в согласии?

И вдруг что-то хлынуло в грудь зверька, точно полую, пустую и онемевшую от страха. Сердце забилось сильно и ровно, ватные ноги обрели упругость, спина круто выгнулась, исчезла вялость. Блаяла бодрость вспружинила тельце. Уши, обмякшие и повисшие, вновь встопоршились. Всё существо лисы наполнилось отвагой и решимостью. Со всего маху красная лисица вдруг круто остановилась. Перевернувшись, яростным пылающим комком метнулась ввысь против беркута, обнажив мелкие, но острые, как лезвие ножа, зубки.

Беркут, чьи глаза уже налились кровью, от неожиданности опешил, вздрогнул, хлопнул крыльями и запущенным камнем метнулся вверх. Долго он кружит над лисой, грозным клёкотом и яростью, напоминая ей о себе. Из-за горы появляется караван, который, словно гигантская змея, устремляется к водою. Стало шумно. Обоз образует круг. Люди напоили и кормили животных, варят обед и громко перекидывались шутками о происшедшем сегодня в дороге. Беркуту мешают охранники, которые скачут по степи, выдвигаясь вперёд и по бокам каравана, и он был вынужден ретироваться несолоно хлебавши.

Долго сидит так лиса во вздыбленной степи. Озирает по сторонам, постепенно приходя в себя, высматривая кочку или кустик, где бы могла бы затаяться, переждать беду. Побродив по холмистой местности, она увидела в сырой низине реки стреноженных коней, людей и костры. Преодолев страх, подается туда. Между колёсами арбы, на которой ездят ушлые люди в пёстрых халатах и тибетейках, лисица по запаху нашла уютный уголок и тенёк.

***

Хозяин арбы не крикнул, не прогнал, лишь протягивает кусок лепёшки, наливает в свою чашку воды и ставит её возле колеса. Более надёжного и укромного местечка больше не найти. Лиса полакала воды, съела хлеб и прилегла возле колеса. Посмотрела вверх, там по-прежнему на большой высоте парил-кружил беркут.

К Акимбеку приходят люди, переговариваются и дают советы, что делать в том или ином случае, приводят собак, но хозяин арбы запрещает всем трогать и пугать лисицу. Вечером снова накормил. Он решил, что божье создание должно принадлежать самому себе, а на память приходят давно пережитые трудности.

Красная лисица просыпается ночью. Высоко на аспидно-чёрном небе отрешённо мерцают, перемигиваясь между собой, звёзды. Казалось, что чья-то могущественная рука целыми пригоршнями расшвыряла, рассыпала их по чёрной глади ночного неба. Как бобы-кумалаки на ковре у опытного гадалыщика роятся звёзды в таинственно-причудливом сочетании, точно магические письмены судьбы.

***

Подул с севера холодный пронизывающий ветер. Лисица не стала будить человека. Лишь лизнула его щеку, перебралась под бок хозяина арбы и снова уснула. И весь беспредельный небосвод начал затягиваться сизой стынью и мглой, тяжкий мрак оттягивает рассвет, ветер нагоняет с верховой Аксу-Жабайлы кудлатые тучки. Они наползают, низко стелятся над землёй и от них скользят по степи странные тени. Всё кажется таинственным в зыбком лунном свете. Сама луна точно плавится в

мареве и напоминает проснувшегося хозяину арбы напаскудившую собаку, воровато высматривающую что-то на месте стоянки каравана. Что-то беспокоит и тревожит, не дает ему снова уснуть. Безмолвная степь наводит тоску и уныние, изводит сомнениями и тревогами за будущее.

- Будь неладна эта красная лисица, спутница жизни! Шныряет в песках, как дома, точно пронирыливая борзая. Вон притрусилась откуда-то, уткнулась в ладонь холодной мордочкой и тотчас взбудоражила, разбредила душу. Примчалась неожиданно, без зова, а теперь и не прогонишь до утра. Начнёт хвостом вилять, шнырять по закоулкам арбы, хватать за полы халата. Через некоторое время успокоится, лизнёт в щёку, скатается калачом и уснёт до рассвета. Ведь недаром существует давнее народное поверье: караван, вышедший до рассвета в путь, подстерегает беда, злые духи непременно собьют его с дороги.

Далеко за горизонтом неотвратимо надвигается новый день - ещё неясный, призрачный, но уже суливший извечную надежду на лучшее. Тенью мелькнула рыжеватая-красная, умчалась, унеслась куда-то по залитой пепельным светом пустынной степи. Вскоре и вовсе растворилась в дрожащей, предраусветной туманной дали. Только пышный хвост мельтешит время от времени на барханах в фиолетовой дали.

Хозяин арбы поворачивается на бок и, не обнаружив лисицу, приподнимается посмотреть, где она и вдруг ему почудился шелест проникновенной речи: - «У каждого человека, если он этого достоин, должен быть дух-защитник, направляющий его по праведному пути. И не один, по крайней мере, два, а то и пять и семь: один - среди окружающих разумных Аллаховых созданий, другой - среди неразумной твари. И твоим заступником, ангелом-хранителем будет красная лисица, а не волчья злоба или тигриный рыск. Помни это, Акимбек, и фортуна не отвернется от тебя. Лисица будет с тобой три дня и три ночи, на горе соскочит из арбы и исчезнет на глазах. Не переживай, это твой ангел-хранитель».

Сказано ведь: у каждой поры - своя повадка. С тех пор у хозяина арбы, казаха Акимбека, появляется удача и богатство, рождаются дети, многочисленные внуки и правнуки. Его колену рода Кусирак, до сей поры, сопутствует благосклонность судьбы. И вновь появится священная лисица у сына моего деда по имени Мамыралы, который умрет от голода в 1933 году.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Недели две, после короткого «бабьего лета», над Западной Сибирью носятся лохматые тучи с дождем. Уже чувствуется дыхание зимы. Она медленно и верно шагает по Югорской земле той застылой поступью, которую называют крыльями переходного периода. Листья на деревьях уже

опали. Только отдельные листочки, словно летние бабочки, порхают на тылом ветру, до сих пор, назло всем, держатся на деревьях. На землю Нижневартовска белой странницей ложится первая метель. Застывает в снежном бурене Новый Уренгой. Не принимает самолеты Тюмень, а Ханты-Мансийск радуется последним, еще теплым, осенним дням. Когда нет ночью туч, на небо высыпает созревший звездный дождь. Влажный, временами холодный и колочий, воздух все реже и реже приносит к нам запахи тайги. Замерзшая земля не дает ничего, кроме стылости и холода. Резко проглядывается дыхание Севера.

Давно это было, многие события моего детства, отрочества и юности я уже забыл, но кое-что сохранилось в обрывках памяти. И я стараюсь теперь отдать дань тем людям, которые в чем-то помогли мне на жизненном пути. Я низко кланяюсь всем тем, кто стоял со мной рядом все эти годы, но, прежде всего — жене Зухре. Она оберегает меня от ошибок жизни, а если я и делал их, то стоит со мной рядом и до конца. Это она лелеет, холит и поддерживает меня во всех моих начинаниях, дает

такие советы, которые никто не мог дать. Это она создает уютную квартиру и нормальные условия, способствовавшие нашему успеху и процветанию.

Супруга успевает везде и всегда: дети накормлены и опрятны, в доме чисто и уютно. Все поглажено, развешано и расставлено по местам. Она не говорит мне прямо в лицо, что нет денег, хлеба или мяса, найди и принеси, а вместе со мной, чаще всего без меня, ибо мне постоянно некогда, ищет выход из любой ситуации. Секрет ее домашнего счастья заключается в умении жить в гармонии со всеми, при этом создавая ауру теплоты и семейного благополучия. Это она всегда стоит рядом и чуть сзади, как бы находясь в тени и занимая положение серого, но хитрого кардинала, тонко оценивающего ситуацию любого момента. Не вмешивается в мои дела, не указывает пальчиком на мои промахи и просчеты, не устраивает разборок, а скромно поправляет мои ошибки.

В это утро я просыпался медленно и трудно. За окошком на восьмом этаже еще темно. Освобождается от оков сна тело, требуя хоть какой-то физической нагрузки. Тяга к жизни возвращает меня из долгого сна, из мира подсознания в реальный мир людей.

Сейчас, в полудреме, я чувствую, как тихо подкрадывается ко мне жена, сама не ощущая свои движения во сне. Ей нужно найти меня или рукой, или телом, нужно прикоснуться к мужу, к мужчине, удостовериться в том, что он здесь, рядом. Я отчетливо осознаю это, прижимаясь к ней, чувствую ее тепло, мягкое и нежное тело, сладкое прикосновение рук.

Это время бессознательных, но зато верных чувств, доброты и ласки, нежности и теплоты. Такого не бывает днем или ночью, в это время все четко прописано и очерчено в круге бытия. Мы можем обниматься и целоваться, говорить комплименты, объясняться в любви и многое другое, но мысли отягощают наше сознание.

Что бы мы ни делали или ни говорили, жизнь держит нас в определенных рамках закона, жестко расписывая обязанности мужа и жены. Это приходит в самый тихий предраусветный час, когда только-только начинаешь ощущать возвращение к жизни.

Когда тело и душа находятся на грани соединения, поиска точек опоры и продолжения жизни.

Моя жена, Зухра, всегда восхищает меня как жена и просто как женщина. Она действительно хороша и в делах, и в любви, и в жизни. Супруга знает, что нужно делать сейчас и сегодня, завтра и послезавтра, на месяц и даже на год вперед.

Мой мозг вычислил из толпы людей только одного человека, с кем можно пойти по дороге жизни. Моя жена стала именно тем, с кем нужно быть всегда. Женщина, ради которой стоило быть мужчиной. Помню, как в давние времена еще неопытной молодости, когда мы только что познакомились, она уже определила ход истории для нас обоих. Это было время, когда доводы разума переставали казаться единственными.

Мы принимали опрометчивые решения, жили в радужной оболочке и радовались каждому дню. Нас отличала простота и умение ладить друг с другом, не фальшивить и не кривляться, а жить так, как нужно жить. Ведь тогда мы и не знали, как жить, немного бедные, малость нищие, но студенты, а на двоих богатства - всего один фибровый чемодан.

Мы встретились нежданно-негаданно в 1965 г., в июле, когда на землю приходит тихая благодать и райское наслаждение. Я пытался обратить внимание на себя с первого раза, но она, абитуриентка, девочка с социалистической моралью, не хотела принимать меня таким, каков я есть. Мне вот-вот должно исполниться девятнадцать лет. Она только что приехала поступать на первый курс факультета иностранных языков. А я на днях окончил первый курс физмата, отделение физики.

Энергия хлестала через край, переполняя чашу желаний. Работая лаборантом наблюдений искусственных спутников Земли на кафедре физики пединститута, я имел возможность изучать

небесный свод, созвездия и пространственно-временные ощущения. Видимо, именно здесь впервые ощутил понятия Галактики и Вселенной, масштабы и просторы неба, дыхание огромного мира звезд, и это пришло ко мне осознанно, овладев душой и умом. Надо понять, что влюбленность в ночной мир пришла с ней, той девочкой, ходившей на ночные наблюдения со мной вместе и завладевшей моим сознанием.

Это время необузданных фантазий, иллюзий вседозволенности и огромных возможностей. Это время, когда мы не оглядывались назад, уверенно шли вперед и никого не боялись. Нам все нипочем, но грязные лужи мы обходили стороной, старались не испачкаться. Это правда, что я немного праздный, а она - талантлива. Мне легко все удавалось, а она брала все кропотливым терпением и лаской. Мы бежали по жизни, держась за руки, без денег и крова, раздетые и босые, но по-своему удачливые и счастливые.

Много чего было, всего уже и не вспомнить. Скромная регистрация на семь рублей: кофе и бутылочка вина со свидетелями. И трудная, порой до отчаяния сложная семейная жизнь. Нет, не она вела меня под венец. В июле 1967 г. она, скромно потупив свой взгляд, сказала: «Да». Пятнадцатого августа мы стали официально мужем и женой.

И она стала моей женой, судьбой и определила оставшуюся жизнь в семье. Многие в этой жизни прошло не так хорошо, как хотелось. И ругались, и страдали, и любили — все было, чего греха таить! Я благодарен Всевышнему и судьбе, что супруга прошла со мной рядом, уважая меня просто как отца своих детей, как мужчину, давая чувство свободы.

Жена в моей жизни значит все. Для этого надо увидеть ее, пообщаться и поговорить, тогда откроется кладовая ее души. Супруга олицетворяет глубокую радость и влюбленность в жизнь, светится счастьем и души, и тела. Надо признать, что она живет со мной, как на вулкане, как птичка, у которой бьется сердце в бешеном темпе. Но Зухра всегда в сиянии — в глазах, которые смотрят на меня и детей, в лице, в голосе, во всем, что делает и говорит.

Ее магнитное поле притягивает всех, кто в этом нуждается. К ней тянутся простые и обездоленные, обиженные и надломленные, и те, кому нужно ее чистое сердце, высший разум и глубокая душа. Не перестаю удивляться тому, что она стала моей женой, ведь могла выбрать любого другого по желанию, но остановила выбор на мне — непутевом, без денег и будущего. И теперь, по моему мнению, маятся со мной вместе на ниве просвещения.

Это она верна мне во всем — как жена, как мать, как женщина и в мыслях, и в делах. Ни на йоту не сомневаюсь в ее добродетели, чистоте помыслов. Не досыпая, не доедая, довольствуясь малым, она поднимает на ноги наших детей, дала всем образование, отправила в дальнюю дорогу жизни каждого и зорко следит сейчас за делами и проблемами их семейной жизни. Держа руку на пульсе событий каждого ребенка, верно, оценивает данную ситуацию и вовремя старается помочь им словом и делом.

Это мы с ней вместе, почти каждый год, мчимся на автомобиле за четыре тысячи верст в дальние края к детям и решаем насущные вопросы бытия, разбрасывая деньги налево и направо, лишь бы им было хорошо. О себе, о своих годах, о подорванном здоровье Зухра не думает. Это все потом, на первом плане наши дети — Шалхар, Асель и Олеся, а теперь — и внуки.

... Утро приходит своим чередом, не спрашивая совета, насильно вторгаясь в нашу жизнь. Начинается обычный день, суета сборов, завтрак и долгая дорога на работу. Дорога мыслей, дорога бесконечных утренних надежд и обратная дорога вечерних разочарований. Тропинка, которую уже не выбираешь. Только старательно обходишь стороной лужи или грязные кучи снега, чтобы не испачкаться ненароком и не опозориться при народе.

Точно так же стараешься обойти стороной ненужных людей, а они, назло тебе, встают длинной чередой на твоём дневном пути или маячат бельмом на глазу. От злых и больных умом людей некуда спрятаться, никуда не убежать, с ними приходится жить и работать. Кого-то надо попросить, кого-то надо и поругать, с кого-то надо строго спросить, а еще хуже — надо мило улыбаться в лицо коллеге, которого не уважаешь.

Уходя, я посмотрелся в зеркало. Жена, молча и сосредоточенно наблюдает со стороны за моими действиями, замечая во мне какие-то странные изменения. Прошло более тридцати пяти лет

совместной жизни. Время изменило меня во многом и заставило жить по-своему. От былой молодости почти ничего не осталось.

Из зеркала на меня глядит мужичок с животиком-тыквочкой, усталыми глазами и сединами, называемой пылью веков, и ничего больше. Если набрать воздуха в грудь на несколько секунд и втиснуть живот, то еще и ничего. Возвращается сознание лихого парня, бесшабашного и простого, но только на это время. Выпускаю воздух из легких, принимаю естественный вид и быстро отворачиваюсь от зеркала, чтобы не испортить настроение утра. Супруга провожает меня влюбленными глазами до дверей и желает удачи.

На улице пушистый снег и мягкий морозец, все белым-бело. На дворе стоят чуть замерзшие машины, где-то лает озябшая собака, а в старом Вартовске оглашено орет чей-то запоздавший петух. Сосредоточенно ходят люди, соблюдая правила дорожного движения на улицах города. Несмотря на холод и ледяную крупу, везде кипит жизнь.

Сны еще бродят по тихим улицам, темным углам, закоулкам домов, прячутся в складках одеял, наступающий день поднимает людей и жестоко гонит на работу. Утренняя лень тихо скользит по лицам людей и поглядывает на небо, выкидая, что еще будет. Люди уходят, чтобы вернуться вечером обратно, но никто не может предугадать, что принесет им день грядущий. Туман клубится между домами и серой пеленой стелется над Обью.

А жизнь идет дальше сама по себе. Не зная ни остановок, ни передышек. Надо решать многие вопросы дня сегодняшнего, оставшиеся проблемы вчерашнего и думать о будущем. По-моему, жизнь состоит из маленьких кирпичиков мироздания. Проходит день, положил кирпич или кирпичик в здание жизни, а может быть, и камешек, а может, и ничего не положил. Так к концу своей жизни ты построил дом, посадил дерево, вырастил сына.

И если построено неправильно, то дом трещит по швам, дерево усыхает, а сын уходит из дома. Без памяти о детстве, о материнской груди и наставлениях отца. Кто бы раньше мне это подсказал или надоумил, чтобы не совершить мне тех же ошибок, что и предки? Почему эти мысли пришли сейчас, а не вчера или раньше? Но озобоченное утро почему-то молчало. Идя по дороге на работу, молчал и я, анализируя день вчерашний и думая о будущем моей семьи.

Говорят, жизнь прожить — не поле перейти. Может, оно и так, но вместе с женой все равно легче. Мы вместе везде и во всем. Я учительствую, зарабатываю, стараюсь расти по должности на ниве образования, скатываясь, поднимаясь, чтобы снова идти по дороге просветительства. А жена, тоже работая учительницей, хранит семейный очаг, создает тепло и уют в нашем доме, к которому тянутся, прежде всего, наши дети.

Стараемся для детей и внуков: поддерживаем их, как можем, тратим силы и здоровье, но очень стараемся. Бредем со всеми тревогами и надеждами, проблемами и заботами о своей семье в этом бренном мире. Не ловчим, не выкручиваемся, не ищем выгоды и не прячемся за спины других, честно живем, стараемся шагать в ногу, вместе и рядышком. Вот уже более пятнадцати лет, как бабушка и дедушка...

АСЕЛЬ

На огромном плоскогорье Каратау моя семья.

Весна, раздольный край. Мы собираем белые грибы. Легкий ветерок поигрывает платьем дочки да норовит сорвать с ее головы крепко повязанный платок. Вдвоем, я и двухлетняя Асель, бродим по огромному полю в поисках грибов, а жена с сыном охраняют мотоцикл, усердно налегая на еду.

Дочка упрямо ходит со мной, не отставая ни на шаг, настойчиво отворачиваясь от матери и насыпав брови. Отец для нее — высшая опора и точка надежды. Она бродит сама по себе, держа в поле зрения меня, брата и мать. Я показываю ей гриб и даю нож, помогая подрезать его. Вполне может быть, эти уроки самостоятельности и помогли нам сблизиться и понять друг друга.

Маленькая дочка рада любому походу из дома, суетится, собирает свои вещи и торопится. Но мать не пускает ее со мной в лодку на рыбалку и девочка, нахмутив брови, ожидает меня на берегу. Если жена уговаривает ее остаться дома, то Аселька молча отворачивается от нее и крепче держится за ручки коляски. Приходится ее обкладывать подушками в люльке мотоцикла, а позже она сидит самостоятельно, надев на голову маленькую синюю каску.

Назвали мы ее Асель. Только что вышел фильм по роману Чингиза Айтматова «Джамбия», и одну из героинь звали Асель, что в переводе с киргизского языка означает «мед». Уже тогда маленькая дочка проявляла самостоятельность, хотела все делать сама, старалась быть единственной и неповторимой.

Мы, как могли, поддерживали ее стремления, по возможности хорошо одевали. Она тогда, как и сейчас, являлась яркой и неповторимой. Каждый, кто видел ее, хотел потрогать, поговорить или взять

на руки и пообщаться с ней. Это сейчас покупают детям разукрашенные и разодетые американские куклы в магазине, а Асель тогда сама служила живым воплощением той детской красоты.

Нам приходилось часто брать ее с собой на работу в школу. Взрослые и дети любили дочку, ей шел третий год. В учительской я брал журнал и отдавал ей. В подмышке документ не умещался, но Аселька делала вид, что правильно держит его, и шла впереди меня с классным журналом, показывая всем видом, даже походкой, значимость в деле отца. Желание быть первой везде и всегда, быть лидером во всех делах у нее осталось навсегда. Хмуро и строго, как отец, она поглядывала на учеников, сидя за учительским столом, показывая старшеклассникам, кто есть кто.

Асель могла выйти из школы и гулять по микрорайону. Поначалу она путалась среди домов и терялась. Я, жена и сын Шалхар мотались по микрорайону, спрашивая у всех про дочку. А дочка, спокойно попив чаю в чьей-то квартире, выходила из подъезда и с удивлением смотрела на огромную массу людей, снующих в ее поисках. Вечные бабки подъездов любого дома, знавшие самые свежие новости про все, что творится в мире, городе и микрорайоне, хохотали над нашим озабоченным видом.

Дочка пользовалась нашей любовью и использовала ее в своих целях. Во двор детского сада она заходила одна, требуя, чтобы мы ее дальше не сопровождали. Нам оставалось из-за кустов наблюдать за ней и открывать для себя новый мир ее общения. Малышка пользовалась непререкаемым авторитетом среди детворы. Чтобы быть первой, она лазала везде, раздирая в кровь колени, набивая шишки, рассекая брови или, что еще хуже, дралась. Дралась она с отчаянием кошки и отвагой льва, но достигала своей поставленной цели. Ничего не боялась — ведь сзади всегда известный в микрорайоне отец.

Однажды к нам подошла огорченная воспитательница детского садика: - «Извините, пожалуйста, вы, наверно, не кормите Асель дома? Она сегодня вылизала тарелки всех детей за своим столиком. Делала она это по-серьезному, но я не стала вмешиваться в действия вашей дочери». Мы рассмеялись в ответ на недоумение женщины и рассказали ей нетипичный случай. Каждое воскресенье мы обедали у деда по материнской линии. Асель быстро съела борщ и собралась побегать на улице, как дед ее остановил: - «Ты, почему не доела борщ? Сейчас на базаре все так дорого. А ну-ка, садись, чтобы в тарелке ничего не осталась». Наша дочь внимательно выслушала деда Петю, села вновь за стол, выгребла из маленькой тарелочки ложкой все, что там было, и молча посмотрела на него. Тот отвернулся, делая недовольный вид, а девочка взяла тарелку, вылизала всю поверхность, поставила чистой на стол. На следующий день она повторила это в садике.

На обед сажали ее на голый пол, ставили перед ней на подносе ломтики арбуза, очищенные от семечек, и предоставляли возможность самой наслаждаться едой. Для нее это минуты триумфа, любовь к арбузам неповторима. Мы не вмешивались в ее права и свободы, лишь со стороны помогая девочке. Потом мама несла ее купаться, а папа мыл полы.

Став чуть старше, в Нижневартовске, она однажды пообещала матери испечь картошку в костре, но пришла вся измазанная золой. В школе мне, директору, пришлось навтыжку стоять перед родительницей, чей сын избит, притом жестоко, моей дочерью за то, что не пришел на встречу. Она сама ходила устраиваться в музыкальную школу, но, к большому сожалению, а может, и к счастью, ее туда не приняли. Пока была маленькой и росла у нас на глазах, мы знали про нее многое, если не все. Но со временем ее мир стал изменяться, как и она сама.

Так и выросла наша дочка, поступила в институт, выучилась на экономиста и вышла замуж. Ушла в свой мир общения и жизни, возвращаясь, соскучившись по родителям, домой, чтобы отдохнуть у очага взаимопонимания и сочувствия, набраться сил перед новым этапом жизни. Удачи и здоровья тебе, тополек наш, в белой косынке с цветами.

ОЛЕСЯ

Мы остановились у переправы у красивой излучины реки Вах. Понтонный мост разведен, буксиры проводят баржи с техникой на месторождения. Паромщик помахал нам рукой и показал жестом, что переправа начнется через час. Стоит привычная июльская жара, и через некоторое время черная «Волга» нагревается, как сковородка. Семья выходит из автомобиля, вдыхая влажный воздух реки, отдаваясь прохладному ветерку Приобья.

Не сговариваясь с дочкой Олесей, мы идем на высокий песчаный пригорок, который находится чуть в сторонке от излучины. Около тропинки, у самого подъема, журчит родничок. Величина его небольшая, с мою любимую кепочку, но шумит он звонко, словно стараясь создать доброе впечатление о себе перед моей дочкой. Вокруг него растет высокая трава.

Каждая травинка, лишь только проклубится на свет, сразу тянется к солнышку. Ее гнет ветер, бьют дожди, случается, что кто-то наступит на нее, а она все равно тянется к нему, к божественному

источнику света и тепла. На пригорке веером раскинулись яркие красивые нарядные цветы. Каждый цветок — это маленькое солнышко, летняя радуга в миниатюре, радующая взгляд девочки. Она долго стоит на пригорке, наблюдая за долиной реки, наслаждаясь открывшейся панорамой вместе со мной.

На спуске к речке весело горит одуванчик. Он не потерял веру к жизни, все также тянулся к солнцу, радуясь яркому дню, капелькам воды на своих лепесточках и даже хитрой крикливой сороке, сидящей недалеко на березке. Казалось бы, цветет без всякого умысла, лишь бы покрасоваться белому свету, да нет, ему надо успеть созреть и рассеять по земле семена-парашютики, чтобы дальше продолжалась жизнь одуванчика.

В середине венчика цветка дочка замечает желтую бабочку, которая вымазана в цветочной пыльце. У насекомого проходит то ли ранний обед, то ли поздний завтрак. Она переступает лапками, шевелит усиками и не обращает внимания на нас. Олеся приседает у цветка, наблюдая за миром бабочки.

А та, словно прихорашиваясь, складывает и раскрывает крылья, подчиняясь какому-то ритму дня, стараясь понравиться девочке. Решив позабавить Олесю, бабочка взлетает с одуванчика и садится на ромашку. Немного посидев, она перелетает на другой такой же цветок и снова взлетает.

Видимо, что-то не понравилось ей в них, и она начала кружить вокруг всех цветков, присаживаясь и снова взлетая. Описала круг, другой, третий и принялась порхать вокруг девочки, садясь на ее волосы, руки и блузку. Затем переместилась к родничку, зависает над водой. Бабочка частит крыльями, иногда опускаясь или приподнимаясь, словно любуясь собой в зеркале.

Налюбовавшись собой, бабочка вдруг вспоминает о своем окружении, и стала искать любимый цветок. Охваченная каким-то легким азартом, нетерпеливо кружится над хороводом цветов и, подхваченная теплым июльским ветерком, опускается на соседнюю лужайку.

МОИ ДОРОГИ

Летом, перед отпуском, словно черт подсаживает нас и дергает за разные ниточки судьбы. Жена уже знает это и с весны готовит вещи, упаковывает их в дорогу. Подхватываем их, складываем в багажник автомобиля, подготовленного к дальней дороге. И вот уже слышен шелест колес на асфальте, легкая музыка и повышенный адреналин в крови. Мелькают столбы и деревья, леса и болота, речки и озера, бегут, сменяя друг друга вдоль горизонта на холмы и бескрайние степи.

Дорога есть дорога, выбирать не приходится. Как бесконечные меридианы, пролагают невидимую вуаль жизни из Сибири в Казахстан. Разные они - то узкие, кручинистые, зигзагами выходящие по склонам увалов и гор; то широкие степные, обдуваемые вольными ветрами; то зовущие в дальние дали, неведомо уходящих за синий горизонт. Мне и жене, да и детям тоже, пришлось проехать на нашей машине десятки тысяч километров разных дорог. Но что значит расстояние в наше время! Вчера мы ехали по Западной Сибири, сегодня граница и таможня, автотрасса Северного Казахстана, завтра — Прибалхашье, дальше, через перевал Хантау, в Тараз, домой, к детям и родным.

Разные мы люди — одному нравится сидеть за баранкой автомобиля, другого влечет пешком идти в туманную и знойную даль, третьему нужен тихий домашний уголок. Дорога — она для тех, кто готов пройти через собственный ад, ибо дорога есть удел зрячего и сильного.

Мелкий и колочий, злой и холодный дождь провожает нас из Сибири. За Петропавловском, около Кокшетау, нас встречает солнце и жара. По небу тянутся облака, разные по красоте, создавая игривые тени на земле. И вдруг дождик. То на капоте, то на стекле появляются капельки воды и изредка барабанил по крыше «Волги». Дочка просит остановиться, выскакивает босиком на асфальт и ждет дождичка, но напрасно. Южный дождик не успевает долететь до земли, испаряясь в воздухе.

*Судьба дорог – это невероятная штука. Она
, как человеческая судьба своеобразна и интересна. На
этой дороге встречаются разные события и человеческие
драмы. Тут обман и унижение, угрозы и обиды, иногда и смерть.
По этим дорогам везли шелк из Китая, пряности из Индии,
фрукты и овощи из Средней Азии в Россию. Ехали люди на конях и
верблюдах, автомобилях, но еще раньше пешком весной летом,
осенью и зимой.*

Было время, когда мы проезжали по бескрайней степи, встречая одну-две машины. А теперь дорога многолюдна и шумна. На высоких холмах стоят дорожные кафе, дымят самовары, дети в поисках заработка готовы оказать любую услугу. Люди постоянно меняются, каждый год мы видим новые лица и новые дорожные столовые.

Вдоль трассы, по обочинам дорог, давно заросшим травой, поет свою песню и шумит на ветру седой ковыль, расточая запахи далеко в окрестность. Нет, не забыть нам эти запахи, они вторгаются в память и остаются там навсегда. Особенно запах и вкус кумыса, настоящего на весенних травах гор.

В нескольких десятках километров от Караганды вдоль трассы виднеется разваливающаяся тюрьма — Карагандинские лагеря, или Карлаг. Мы останавливаемся у дороги и долго всматриваемся в сторожевые вышки, выполненные из металла, сохранившие кое-где зеленую краску. По всему периметру колючая проволока в три ряда и пустые глазницы старых домов. Что-то тяжелое вкрадывается в наши души, а в голову приходят разные мысли. Кино, видеофильмы и газеты несли много информации о событиях того времени, реальной и нереальной, иногда фантастической. Карлаг, Степлаг, Джеблаг и многие другие оставили в душе многих людей недобрую память о Казахстане. А вокруг на сотни километров степи и пески, жара и нет воды.

Здесь, где мы стоим, а может быть, и в другом месте, шли пешком под знойным солнцем простые и знаменитые люди Советского Союза, заслужившие лучшей участи. Но волей одного человека они испытали все ужасы XX века, которые пришлось на их долю. ГУЛАГ всегда будет вечной тайной нашего народа: одни исчезли навсегда в жерновах политики, другие не хотят об этом вспоминать или говорить об этой трагедии, третьи боятся снова, хотя бы в памяти, опуститься на дно ужасов жизни. Я помню рассказы деда и отца о том, как приезжал черный воронок, забирали многих знакомых по ночам, и очень редко кто возвращался обратно, а если и возвращался, то вскоре умирал.

*Судьба дорог – что было до нас и что ждет впереди?
Раньше казахскую степь по этим дорогам приходило горе,
а уходили богатства земли. Здесь шли пленные люди в разные
стороны, в советское время испытали Гулаг известные и
неизвестные, навстречу судьбе. По дороге смерти и
одновременно дороги в будущее ...*

Двадцать пять лет назад по заданию облоно меня направили в Фурмановский район Джамбулской области для проведения олимпиады школьников. Она проходила в школе, где когда-то работал Андрей Сахаров. Я встречался с разными людьми, которые были его учениками. Они тепло вспоминали о нем и говорили хорошие слова в его адрес. Андрей Сахаров снимал угол у старушки-казашки, ходил в сталинском френче, носил фуражку и обувался в офицерские сапоги, учил детей математике и физике. Но также не могу забыть и телепередачи, где Михаил Горбачев, положивший начало развалу Советского Союза, прилюдно унижал академика Сахарова.

Многие обвиняют Казахстан, а вместе с ней и казахов, за систему ГУЛАГа, в которой бесконечной чередой прошли сотни тысяч людей и исчезли в небытие. А в чем виноват мой народ? Уезжают немцы, говорят, что виноваты казахи. Развалился Союз, уезжают русские, украинцы, белорусы — и опять виноваты казахи. Выезжая и объявляя себя беженцами, они строят в России дворцы, а говорят, что уехали, оставив в Казахстане все. Организуются оплаченные телепередачи и газетные статьи, провозглашаются лозунги о преследовании русских, об унижении славянского народа.

Я помню времена, когда нас, казахов, заставляли жить, думать и говорить на русском языке. Закрывали казахские школы. Не принимали в детский сад, школу, институт, если не говоришь по-русски. Нас последними из последних принимали в партию, на работу, а если давали работу, то устраивали бесконечные проверки. Я говорю об этом, потому что с женой прошел через все это.

А теперь, когда Казахстан встал на путь независимости, вводит родной язык и свою письменность, имеет на все свое мнение, то вокруг страны и внутри нее вдруг возникают антиказахские проблемы — ислам и мусульманство, язык и национальность. То кавказцы хотят автономию в Казахстане, то русские стали казаками, требуя свободы, отделения областей и присоединения их к России. А ведь я думаю, весь мир удивился бы, если вдруг, например, Б. Ельцин вместо русского насильно ввел в России казахский язык и заставил свой народ жить и думать по-казахски. Я верю в дороги Казахстана, в выбранный им путь. Моя родина еще встанет на ноги, с гордо поднятой головой будет строить свой мир в будущем.

*Судьба дорог – это встреча со старым, открытие
нового и давно забытого. Мы видим знакомые очертания гор и
озер, подросшее дерево, разные цветы степи и пустыни. Но за
окном автомобиля стоит летняя жара: липкая, навязчивая и
неумная. Природа и асфальт играют миражами, а жаворонки
выводят свою трель в разбавленном киселе жары, да
стрекохнут кузнечики ...*

Мы любовались зелеными полями Петропавловска, красотой холмов Кокшетау, березовыми и сосновыми колками, вкусной водой Бурабая, строящейся Астаной, которая меняется на глазах и оставляет незабываемое впечатление. Дымящиеся трубы Темиртау, покрытая смогом Караганда и страшная автодорога Караганда — Балхаш — Чу запомнятся надолго.

Дорога есть дорога. Разные мысли приходят в голову. Проходит день. Когда солнце ушло за горизонт, мы съезжаем с автодороги в степь, на которую опускаются сизые сумерки. Теплый ветерок обвевает нас, машину и землю своими струями. Черные, дивные глаза моей дочери Олеси блестят от вечерней прохлады. Стройная, тонкая, с лицом утренней розы, она заражает всех своей подвижностью, непрерывно балагурит, создавая ауру счастья для окружающих.

Степное безмолвие то и дело нарушает привычный гул грузовых автомашин. Кое-какие автомобили сворачивают к нам, и водители занимаются привычными делами дорог. Где-то в стороне заблеял баран, недовольно фыркнула лошадь пастуха, тявкнула собака и снова нависает душная вечерняя тишина. И люди, и птицы, и животные притихли и утомнились до утра.

Жизнь есть жизнь, она никогда не останавливается на одном месте и бежит, бежит по дорогам от юности до старости, не зная ни отдыха, ни перекура. И вдруг пришла в голову мысль — каждый человек, живущий в степи, имеет здесь свое место. Разные они, люди — простые и хитрые, жадные и плутоватые, ведут скромное хозяйство, проигрывая и выигрывая, ведут споры с жизнью. Но если степняк встречается с неизвестной силой, то он становится беспомощным и растерянным.

Судьба дорог – это бесконечные километры разбитого асфальта и бездорожья. В степи они тянутся от горизонта до следующего увала. Тут можно потеряться на десятках пересекаемых пыльных и песчаных трассах, если не встретишь пастуха, который укажет, что следующий поселок недалеко, вон за тем бугром. А ехать до него почти весь день ...

Луна поднимается высоко над землей Прибалхашья. Ее пепельный свет освещает уснувшую степь, а жизнь кипит от края до края. Что-то ищет тушканчик, рыскает лисичка, что-то где-то пищит, визжит, но это происходит вдалеке от машин. Степь еще хранит тепло солнца, но в мире идет напряженная борьба между землей и воздухом.

И вот она — прохлада. Упала роса. Зябко поеживаясь, залезаю в машину, где в тяжелом сне мучается семья. В предрассветной тишине над степью стелется легкий белесый туман, еле-еле закрывая овраги. Ленивый утренний ветерок чуть шевелит травой, покрытой росой, а на востоке проступает робкий румянец, окрасив розово-красной краской край горной гряды. Сейчас самая дремотная тишина, чуткое ухо улавливает едва слышные звуки земли и перекличку перепелок. Ни одного облачка. Начинается новый день, день забот и тревог.

Незабываем Балхаш! То спокойная гладь воды, то бегущая волна и пыльные бури, закрывающие полнеба над горизонтом. Дорога тянется вдоль озера на сотни километров, то закрытая холмами, то открытая ветрам, не подпуская нас близко к воде. Только на Бурыйбайтале можно подъехать к берегу и искупаться. Озеро мелкое, можно долго идти по колено в воде, не замочив даже портки. На берегу, в зарослях камыша идет тайная, невидимая глазу жизнь, только чайки хозяйничают над озером, тревожно выкрикивая песню о жаре.

Горы Хантау встречают прохладой и дорожной полицией, людьми в камуфляжной форме, с автоматами в руках. Каждый занимается своим делом, проверяя грузы и людей. Но это видимость работы, а на самом деле идет обыкновенное выколачивание денег с тех, кто является хозяином груза. Дорога кормит всех: и тех, кто на трассе, и тех, кто рядом с трассой. Стоит невероятная жара, день-два — овощи и фрукты начинают портиться от лишних часов проверки и волокиты. А сколько таких пунктов в Казахстане! Поэтому и стараются отделаться хозяева груза от работников таможни любыми способами: товаром и деньгами, любой мздой, лишь бы скорее уехать. Говорят, что полицию сократили, но она плодится, как назойливые мухи, вынскивая очередную жертву на трассе жизни.

Прибытие в Тараз знаменуется торжественной встречей экономической полиции. Сдирают деньги за въезд в город и взмахивают палочкой, мол, не стой, проезжай. Город совершенно изменился,

грязные тротуары и разбитые дороги, везде легковые автомобили — на обочинах и около автобусных остановок. На любом повороте машины-такси еще советского производства, водители не платят налоги и не пускают других в свои ряды, везде все занято.

Всюду взятки, без этого нельзя, невозможно честно выполнить никакое дело. Система взяток настолько хорошо разработана, что сам не замечаешь, как собственными руками достаешь из собственного кармана собственные деньги и с виноватым видом отдаешь их самодовольному идиоту. Не дашь — будет хуже самому себе и придется отдать в два-три и больше раз, но только другому. Лучше опусти глаза, сделай глупое лицо и улыбку и имей в кармане двести тенге, всегда и везде. А что творится на дорогах города! Но никому нет дела: делайте что хотите, только имейте деньги.

Прекрасны и радостны встречи с детьми, объятия, поцелуи и повышенный адреналин в крови снимают усталость и лишения дальней дороги. Горячий душ, крепкий чай и долгая беседа за дастарханом с детьми и матерью закрывают все нелепости жизни. Они возникнут позже, дома, в России, заслоня собой все, что было сейчас.

Повзрослел внук, воспитываемый отцом и матерью в духе любви к ребенку. Первенца зовут Дастан, родители зовут его ласково Даштатай, моя жена — Дастик, а я — Дан. Внук — вылитый отец, Бог создал ему подобие и радость той половине стариков. Они довольны и разрешают своему внуку все на свете. Внук доволен и пользуется своими правами — обожает дружить с девочками, дерется со сверстниками, любит конфеты, играет в машины и пистолеты. Горделив, аккуратен, но уж больно часто плачет. Скандалы поднимает по поводу и без повода, крепко чувствуя любовь окружающих. Внучка Ардак красуется нарядами, в ней проглядывает чисто женское, южное.

Через некоторое время я увидел родных братьев. Мы долго пьем зеленый чай, ни о чем серьезном не говоря. Родственники вежливо улыбаются, подливают горячий чай, переводя наше общение в обычное времяпрепровождение. Семьи братьев не прилагают никаких усилий к сближению, психологически показывая свое безразличие к своим и чужим проблемам, но с деланным участием высказывая заботы о жаркой погоде и других мелочах жизни.

Было ли это усталостью от жары или восточной уловкой, или вяло смиренностью от традиции узнать все сначала о госте, а потом раскрыть свои карты, — для меня так и осталось загадкой. Для чего все это, ведь мы очень близкие родственники! Меня просят полюбоваться красивыми цветами или приглашали в тень орехового дерева, везде и всюду сопровождая, не оставляя одного даже на минуту. Ведь недаром говорят: Восток — дело тонкое! Верны слова, сказанные когда-то мне дедом: «Благодеяния многих людей не назойливы, а милости их невяжны...».

Столы ломятся от всевозможных яств — остро пахнет азиатскими пряностями — сушеный урюк, инжир, виноград, кумыс, бесбармак и многое другое. Особенно уважительно преподнесена хорошо обработанная и сваренная голова барана. Это знак уважения к столь дорогому гостю и намеком на то, чтобы он не забывал своих обычаев. Важно и то, что каждый кусочек мяса предназначается только определенному человеку: уши — одному, глаза — другому, губы — третьему.

В культуре обрядов, традиций любая мелочь имеет свое значение, не дай бог ошибиться! Даже умение принять пиалу кумыса играет здесь большую роль. Если же уважаемый гость и делал ошибки, то вежливая улыбка или очень аккуратное замечание указывают на забывчивость казаха из России. Толстые ковры, взбитые подушки, спокойная обстановка вокруг стола, милое обхождение младших со старшими — все это располагает к разговору, но только в одну сторону. Любая медаль или монета имеет две стороны — одна сладкая, крепко удобренная осторожными и уважительными словами, а другая — обратная — жизнь семей моих братьев. Именно эта сторона меня больше всего интересует.

Я старался узнать, увидеть эту сторону своими глазами, здесь вырос, знаю все до мелочей, только работа и жизнь на дальней стороне притупляют некоторые острые грани деревенской жизни. Но когда поживешь двое-трое суток, вставая рано утром с местными пастухами, выгоняя со снохами скот в стадо на пастбище, и поздно ложаась, то видишь многие проблемы людей и пропускаешь через себя, как свет через призму.

Сквозь тонкую мишуру светского бытия и благополучия проглядывается суета сует обычных казахских семей. Они с великим трудом тянут одеяло жизни с голых и босых ног на покрытую

сединой голову, упрямо отводя глаза от родного и верного брата. Что-то невысказанное, выстраданное, иногда отрешенное в этом взгляде. Братья не пускаются со мной в обсуждение своих дел, не комментируют происходящее с ними, не прилагают усилий выйти из трудной ситуации или изменить положение дел. Они вежливо говорят: «Брат, ты находишься далеко от нас, многого не знаешь и мало понимаешь наши условия, ты же из России».

Может быть, это правда, но когда начинаешь анализировать те или иные события, поступки или шаги, то понимаешь, что многие вопросы можно решить простым поступком или с помощью совета людей. Но когда это возводится в ранг восточной мудрости или хитрости, то тут не хватает даже своих прожитых годов и седой головы. После всего, что я узнаю, наступает долгое тяжелое молчание, словно мы насытились общением друг с другом, и чувствуешь какой-то намек: «Пожил ты, брат, у нас, спасибо, давай уезжай, не тереби наши души».

Иногда, не сказав им и десятка слов, мне кажется, что я знаю о них все, и даже больше, а иногда молчание красноречивее многих слов. С такой надеждой и желанием приезжаю домой издалека, а уезжаю отсюда совершенно разбитый и опустошенный, чтобы через год вернуться обратно. А зачем?

*Там, в далеком сибирском краю, я постоянно твержу себе:
«Ты — казах, ты не должен забывать обетованную землю,
мысли деда, голод отца и песни матери. Помни своих братьев
и сестер, помоги им в трудную минуту, и Аллах воздаст тебе
сторницей». И я стараюсь помочь по мере своих возможностей,
устраиваю дела сестер и братьев, не отказываю племянникам.
А в ответ — стена молчания.*

Это, правда, что солнце всходит на востоке. «Ассалам алейкум»,— говорю я каждому дню. «Ваалейкум ассалам»,— слышу в ответ, и начинается светлый, чистый, по-своему значимый, мой день в России. А здесь, на родине, не знаю, что сказать, ибо каждый день — это день тревог и ожиданий. Меня пугает молчание родных, их недосказанность и недомолвки. Человек я уже пожилой, хотя далеко не старый, того возраста, когда увлечение молодости уже покинуло, но еще не наступило безразличие старости. Этот возраст иногда называют зрелостью.

Погостив в Казахстане, мы начинаем уставать от обилия впечатлений. И начинается дорога обратно домой. Проехав Караганду, приходим в себя и начинаем привычно думать, рассуждать, смеяться над собой и происшедшим. Мягкий воздух Сибири, горячая вода Нижневартовска, усталая и грязная машина перед домом навевают мысли о скорой встрече с Югорией. В Приобье и только в Югорию! Надоело все, не хочу больше никуда, по горло сыт всеми прелестями южного рая!

*Но это до поры до времени, ибо через год или два снова
прозвучит гонг — пора ехать к детям. И мы вновь в дороге!*

К ЗАМУЖЕСТВУ ДОЧЕРИ

Супруга, как всегда владеющая информацией, просеяла шелуху и доставила ко мне только зерна. Моя дочь Олеся, младшая любимица всей семьи, выходит замуж. Правда, это радости мне не принесло, но по лицу жены понял, что вступать в эти вопросы мне уже поздно, ибо она дала согласие. Меня лишь поставили в известие о состоявшемся факте, и принятие решения пустая формальность, к которому меня подвели вовремя. Надо иметь мужество смотреть правде в глаза, но мнение свое всегда оставляю за собой, даже, если это кому-то и не нравится.

Я еще не знаю жениха, его отца и мать, но уже издалека стараюсь найти верные пути взаимоотношений, познать традиции и обычаи той стороны, чтобы не ошибиться и не навредить молодым. Но то, что они решили свататься, соблюдая обычаи и традиции обеих сторон, вызывает уважение. Я думаю, что мы не отказали бы нашему сыну, если бы он приехал свататься и один, но верный шаг к родственности выбрали именно родители. Интеллигентность и тактичность, воспитанность и будущее родство обеих сторон не дадут нам упасть в суету и мелочность взаимоотношений. Поэтому желаю успеха вам и себе в поисках путей становления новой семьи.

Наши дети избрали свою судьбу, решили стать мужем и женой. Вместе с ними, находясь по обе стороны молодых, мы сначала познакомимся и через определенный период станем ближайшими родственниками, объединенными одной целью. Решая многие вопросы житейского бытия, находясь рядом с детьми, мы будем помогать им становиться на ноги для создания крепкой и основательной семьи.

Уважасмый зять! От тебя зависит честь и совесть твоей семьи. Определяя линию жизни новой семьи, именно ты определяешь стратегию и тактику будущего. Ориентиром будут служить твои родители — отец и мать, дедушка и бабушка.

Дорогая доченька! Согласно нашим обычаям, ты уходишь из дома. Теперь у тебя будет новая семья, отец и мать. Вместе с ними ты будешь жить, определяя тепло и атмосферу домашнего очага, куда будут стремиться близкие и родные. А мы всегда будем рядом и очень далеко.

На каждого из вас природа возложила определенные функции. И поэтому в союзе мужчина и женщина взаимно дополняют друг друга. Мужская решительность и склонность к риску уравновешивается женской осторожностью, мужская резкость — женской мягкостью, мужское пренебрежение к деталям — женской повышенной эстетикой. Мужчина чаще всего не замечает дрогнувших губ, заплаканных глаз, плохого аппетита или молчаливости второй половины. Женщина всегда обладает даром предвидения, объясняемым тонкой наблюдательностью, чуткостью практически ко всем деталям поведения мужчины, это выражение сохранилось в женских словах «чуёт мое сердце».

Мужчина всегда решителен, деловит, подчеркивает свою независимость в малом и большом, а женщина ждет от него защищенности себя и семьи. Так уж повелось в жизни, что мужчина ориентирован в основном на внешний мир: общение, работа, финансы семьи, а женщина обращена к семье: воспитание детей, мелкие невзгоды и сложность быта. Но времена меняются. В современную семью, на смену традиционного лидерства мужчины, уже приходит «двоевластие». Это, когда обе стороны тонко и умело управляют семейными вопросами. Каждый уступает другому ту сферу, в которой чувствует себя менее компетентным. Я думаю, что дело мужчины — поддерживать в женщине ее женственность: желание и умение нравиться, быть нежной и ласковой, способной к тонкому эмоциональному резонансу. Дело женщины — поддерживать в мужчине его мужественность: веру в себя, чувство долга перед семьей, предприимчивость и энергию, крепость духа и выдержку. Тогда это будет хорошая и крепкая семья.

Уважаемые молодые! В прошлом я неистово торопил время, чтобы быстрее получить от жизни все. Мне казалось, что время не торопится, очень медленно движется, неправильно считают его небесные часы. Подгоняя его, уничтожал себя одержимым нетерпением. Иногда перешагивал через пространства, думая, что впереди меня ждет беспредельное счастье, волшебное и красивое, надежда на лучшее. Боялся только смерти, хотя о ней и не думал, некогда было. Всю сознательную жизнь я так и жил. Торопился, опрометчиво делая ошибки, бежал, падал, вставал и снова бежал. Все делал быстро. Пил и ел взахлеб, лишь бы вовремя, и даже раньше, успеть к той далекой цели, что маячит у вершины горизонта жизни. Даже любил такую, а время с детьми проскочило так незаметно, что они уже стали взрослыми.

И только сейчас, прожив на земле свои лучшие года, находясь на стадии зрелости, я еще чувствую остроту ощущений, но почему-то уже не хочется. По-моему, судьба уже однажды сделала мне драгоценный подарок. Проходит жизнь, состоящая из отдельных неповторимых мгновений. Приходит время, когда нужно постоять и подумать — ради чего торопился, не осознавая многих вещей, бытия и жизни, куда спешил и зачем?

Уважаемые дети! Как найти ответ на вопрос — где кроется сердцевина счастья? Может, она прячется в удобной квартире, нарядной одежде, хорошей еде, работе или должности? И да, и нет. У каждого человека своя высота в работе, свой предел мечтаний о хлебе и обстановке квартиры.

Одни, достигнув маленькой вершины, радуются этому, это — предел их счастья. Они на этом остановились, им больше ничего не нужно, они достигли всего, чего мечтали. Другие мучаются, ищут и, достигая чего-то на определенном этапе жизни, успокаиваются. Третьи находятся в дороге всю жизнь, при этом теряя многое на пути.

У истины нет середины, ее нужно искать всегда и везде. Не подумайте, что у нас, ваших родителей, нет проблем или забот. Мы стараемся сохранить взаимопонимание, уважение и любовь в семье, на работе, среди знакомых и друзей. Забот у нас полон рот, нет края и границ. Но, прежде всего — семья, потом — другие вопросы, которые есть у многих, если не у всех.

Поэтому стоит ли говорить, к кому надо обратиться, чтобы получить дельный совет в дальнейшей семейной жизни, чтобы потом вам не было мучительно больно за прожитые годы? Что сделать для того, чтобы потом вас не одолевали мысли, что сделали что-то не так в своей молодости, пока были силы и возможности, когда до звезд можно было дотянуться рукой, а моря и океаны были по колено, да и жизнь казалась цветной лентой созидания?

Не судите меня строго, я не поэт и не писатель. Сколько прекрасных мыслей пропало в головах у людей, которые не сумели выложить их на бумагу. Сборник советов никому не нужен, справочник назиданий никто не читает. Какой бы мудрец ни явился на свет, делая добро, укрепляя веру людей в справедливость, в завтрашний день, но жизнь надо прожить самим. Набить свои шишки и синяки, найти свой путь, а потом писать мудрости.

Возможно, то, что я написал для вас, будет не просто приятным чтением, а где-то поможет и заставит задуматься. Если вы только прочитали, то большое спасибо уже и за это. А если отнял у вас лишнее время, пожалуйста, извините меня.

Думаю, что любой человек бессмертен в своих делах, если служит детям, внукам и правнукам. Ведь на разных поворотах судьбы каждый из нас, совершая свой жизненный путь, ошибается, отстывает и повторяет шаги, чтобы снова выйти на тропинку жизни, дарованную свыше. Благое дело совершает человек, если осознает, что он делает.

Пускай ты прожил жизнь без тяжких мук — что дальше?

Пускай твой жизненный замкнулся круг — что дальше?

Пускай, блаженствуя, ты проживешь сто лет,

И сотню лет еще — скажи, мой друг, что дальше? (Омар Хайям).

И последнее.

То, что я написал, не претендует на абсолютную истину в конечной инстанции. Оно — отражение моих взглядов. Может, где-то категоричных и не во всем бесспорных, но продиктованных искренним желанием помочь вам задуматься над проблемами своей семьи и возможных путях разрешения любой ситуации.

ПРАЗДНИЧНЫЕ БУДНИ

Скоро свадьба! Иван женится, Олеся выходит замуж! Как в песне: Праздник, праздник! Праздник золотой!

Это произойдет 31 июля 2003 г. в Тюмени. Обе стороны готовятся, стараются не ударить в грязь лицом, в меру своих сил и возможностей, чтобы мир увидел свадьбу молодых. Они делают все возможное, чтобы двое поняли, что их любят, как детей, как молодых, которые находятся еще в поисках своего пути. Поддерживая под руки и ненавязчиво помогая, родители ведут их к алтарю совместной жизни.

Дом, семья — главная опора человека в жизни, ибо это — нравственный источник благополучия всех людей. Веселье и несчастья, молодость и зрелость, успех и неудачи — со временем все проходит, сменяя друг друга в череде событий. Одно неизменно — семья. Именно здесь мы находим поддержку и любовь, сострадание и понимание, потому что нет людей ближе по крови, чем родители, братья и сестры.

Семья воспитывает нас, передает традиции и обычай, учит понимать и любить близких людей, строить отношения между собой. От ее благополучия, успехов и развития зависит будущее детей, внуков и правнуков. Семья — это та среда, где ребенок получает первые уроки жизни, защиту и любовь. Будет счастлива семья — будут и хорошие дети.

Пусть каждое утро нового дня приносит вам только хорошее настроение! Желаем вам, дорогие молодые, наполненного внимания близких вам людей, здоровья и счастья, согласия в семье, любви и уважения друг к другу!

За чередой праздников всегда наступают будни. Обыкновенные дни, заполненные беспрестанной едой и уборкой, стиркой грязных вещей и многого другого по имени Жизнь. А дальше по кругу — работа, ужин и сон, неприятности и проблемы, и все вокруг да около.

В круговороте событий, в суете каждого дня многое хорошее забывается и всплывает на свет давно позабытое слово или обида. Вот тут-то и нельзя дать себе опуститься до мелочей, искать вредное и мелкое, и самое главное — подняться над всем этим мирком. Нельзя унижать друг друга — это может войти в привычку, и дети увидят изнанку холодной семейной жизни.

К празднику ведем мы, родители, а дальше по жизни молодые пойдут сами. Хорошо, если поймут и сразу перестроятся, приносятся, что после праздников наступают обыкновенные будни, из разряда монотонного, тяжелого и нудного. Я знаю случаи, когда молодые не могут остановиться и продолжают праздники. Им даже это начинает нравиться, а устои семьи потихоньку рассыпаются.

Окружающие люди создают для их праздников сотни причин, тысячи поводов, и подчас от них нельзя отказаться, как говорят молодые,— неудобно. Потом, пряча глаза, обвиняя и унижая друг друга, ищут виноватых и последних. Слово «неудобно» — для людей, слабых душой и телом. Друзья, которых объединяет только водка или вино,— это просто собутыльники, в конце концов, они к добру не приведут.

Сумейте остановиться и подняться над мелочностью бытия и окружающими. Передохните и посмотрите на мир трезвыми глазами. Вокруг вас столько хорошего и светлого, прекрасного и чистого! Улыбнитесь друг другу и начните новую жизнь так, чтобы потом не было стыдно за себя и родных.

СИБИРСКИЙ КАЗАХ

Всю юго-восточную часть казахских степей прикрывают горы, становясь на пути добра и зла. Начиная от Алтая, заканчиваются каменными хребтами Тянь-шаня. Таласский хребет, являясь его продолжением, уходит на запад, отрогами Каратау доходя почти до Шиели, что находится рядом с Кызыл-Ордой, возле реки Сыр-Дарьи. Заповедник Аксу-Жабайлы и есть стык на юге, где сходятся Пскемский, Угамский и Таласский хребты. Пскемский подходит к Чирчику, почти у самого Ташкента. Чаткальский хребет из Узбекистана уходит дальше в Киргизию.

И только там, где Тарбагатай каменной подошвой уходит в землю, а в синей дымке, проступают туманные очертания горы Беркутаул в южной части Алтая, сама природа создала ворота. Оттуда дуют знойные ветра пустыни Гоби летом и ледяные зимой. Век за веком, тысячелетия за тысячелетием в природные ворота, позже названные Джунгарскими воротами, на бескрайние евразийские просторы вырывались на запад кровавые нашествия полчищ Аттилы, тумены Чингис-хана, джунгарские полки верховного контайчи, бесчисленная армия китайских богдыханов. Через эти ворота в Великую Октябрьскую социалистическую революцию уходили на восток казахи в поисках мира и счастья от большевиков.

Большие и малые схватки превращались в смерчи, оставлявшие за собой пепел и кровавые взгорья, кости и проржавленное оружие. Попытки продолжаются до сих пор, хотя на лицах китайских правителей еще осталась хитрая улыбка. Советская история, прославляя партию, старалась уничтожить малейшее упоминание об истории края и самого Казахстана. Уже никто не помнит, как переселяли обратно, вырвавшихся из лап большевиков и революции людей, эмигрировавших в Китай. Исходя из собственных расчетов и «пожеланий» Компартии, Мао-цзэ-дун выселяет из Поднебесной миллионы казахов и киргизов. Их расселяют понемногу, по пять-шесть семей в каждый аул Казахстана и айлы Киргизии. Многие переселенные, чужие по роду и племени, живут в спешно выкопанных землянках и невыносимых условиях. Помню, как маленькие дети стояли у дороги с протянутой рукой. Умиralи от туберкулеза и вшей, от недоедания и нищеты. Мало кто из них остался в живых, об этом многие современные люди не слышали и не знают.

Уже который раз пытаются китайцы войти в земли Казахстана. Возле озера Зайсан они вошли на территорию тогда еще Советского Союза, отхватив несколько десятков километров земли в глубь Казахстана, передвинули свои пограничные знаки и стали ее хозяевами на несколько суток. Ни дипломатия, ни переговоры старейших людей с хунвэйбинами, не дали результатов. Тогда заговорила реактивная артиллерия. Перепахав снарядами все инженерные сооружения на земле и под землей, уничтожив китайцев, наши пограничники возвратили исконную границу.

Историческая карта Казахстана имеет очень много белых пятен. Мало сохранилось на его земле памятных мест, знаков о прохождении исторических битв. Компартия СССР старательно выращивала поколение за поколением, не помнящих родство свое людей, не верящих ни в бога, ни в черта, слуг его величества Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева и других идолов социализма и коммунизма.

История Казахстана периода советских времен больше похожа на физико-географическую карту, выделяясь только космосдромом и целиной, где оцениваются достижения в области науки и культуры, производства и экономики личным вкладом великих вождей современности. До сих пор помню и не забуду до конца жизни книгу Леонида Ильича Брежнева «Освоение целины». Будучи первым секретарем ЦК КПСС Казахстана, он то и дело летал по Целиноградской области, чуть позже взяв себе в заслуги то, что сделано миллионами комсомольцев Советского Союза.

На каждой парте кабинета любой школы должна находиться трилогия вождя, рассказывающая о войне, шахтах и целине. Специально по этому вопросу по школам ходила комиссия, определяя преданность учителя партии и вождю современности. Нас заставляли выучить наизусть эти книги, рассказывать на уроках физики детям, увязывая с заслугами многоуважаемого Ильича, различные

темы физических явлений природы. Казахстанская партийная организация так старалась угодить Компартии СССР, что мне пришлось усхать подальше от родины и родителей.

Судьба, как говорят в народе, это сочетание характера и воспитания. Не всё, что происходит в нашей жизни, происходит от судьбы, да и не бывает там случайностей. Кое-что, малая толика, находится и нашей власти. Передо мной, прожившим более тридцати лет в Западной Сибири, приехавшим добровольно со своей семьёй, стоит очень странный вопрос: «Кто я такой?». Казах, русский казах, казах русский, свой среди чужих или чужой среди своих? Знаете, ведь я не я один так думаю. Среди круга многих моих земляков, эта мысль проходит главной линией жизни. Некоторые знакомые в Казахстане мне говорят: «Лучше быть вторым в своих краях, чем первым вдалеке. Вернись на родину, что ты там делаешь?».

У человека нельзя отобрать Родину и место рождения, отца и мать. Это священо для каждого человека, независимо от национальности, пола и происхождения. Он в процессе жизни может поменять место жительства, жениться или выйти замуж, иметь детей, внуков и многочисленную родню, никогда не ездить на обетованную родину, изменить мысли, образ жизни, характер, стиль отношений, но где-то, там вдалеке, в далёких уголках памяти, оставить укромное местечко для места рождения.

С кем бы ни говорил о своих краях детства и юности, любой человек вспоминает с ностальгией места, где он родился, и вырос. Вспоминаая, рассказывает о том, как он туда когда-то съездил, кого видел, и что запомнилось от края босоногого детства. И читая мои опусы старости о дальних краях, родственниках и далёком детстве, сожалеют о том, что и у них тоже возникают примерно такие же мысли, но не могут это изложить на бумаге.

Раньше, когда Казахстан находился в составе Российской империи и Союза Советских Социалистических Республик, к нам приезжали жить и работать сотни и тысячи людей и семей в поисках лучшей доли и заработка, представители различных национально-социальных и демографических групп. Что говорить - это новостройки, заводы и фабрики, целина и просто поиски новых земель. В наше село прибыли жить и работать с 1924 года и русские, и украинцы, и белорусы. Чуть позже, после войны, в тихом спокойном ауле появились корейцы, карачаевцы, чеченцы, немцы и многие другие, так называемые депортированные.

Все работали и жили дружно. Замков тогда не существовало, а двери и ворота завязывали на короткую верёвку. Только в хрущевские времена появилось воровство. Во двор моего деда, потом и отца, приезжали люди издалека и вспоминали житие-бытие в прошедшем времени и благодарили их за когда-то оказанную помощь или участие в их делах. Дед в то время является самым авторитетным аксакалом в округе, а мой отец-шахтёр единственный имеет высшее образование в районе. В 1964 году, перед моим поступлением в высшее учебное заведение, к нам в гости приезжает семья из Украины.

Хозяин семьи и мой отец работали вместе во время войны на Кельтемашатском и Ленгерском шахтах, поставляя уголь на Чимкентский свинцовый завод, который отливал девять из десяти пуль для защиты Родины от фашистов. В 1965 году встречаю в глухом селе, в песках Кзыл-ординской области, сорокалетнего латыша, сосланного в чужие края. Отслужив армию, вернулся, женился на казашке. Сносно разговаривал на её языке, имел двух детей, старший сын уже учился в школе. Промышлял охотой и пользовался у местного населения авторитетом.

На архипелаг ГУЛаг, что расположился на казахстанской земле, привозят раскулаченных, политических, насильно депортированных с Крыма, Волги, Кавказа, Дальнего Востока и Сибири. В середине пятидесятых годов из Китая в СССР депортировано более миллиона казахов, ещё во время прошедшей революции ушедших за границу. К нам, в колхоз, прислали пять семей китайских казахов. Они рассказывали деду, что на границе с той стороны их обобрали китайские пограничники, а с этой, что осталось, забрали свои. Многие из них просто умерли от нищеты, выжил только один парнишка, который перед моим отъездом в институт, приехал к отцу. После смерти его родителей, мои родители смогли каким-то образом устроить его в интернат. Долго он сидел с нами и рассказывал многое, что помнил из прошедшей жизни.

Условия жизни нашего поколения послевоенного периода, заставили нас быстро повзреть. По сути, детство и отрочество, отчасти и юность, проходили очень тяжело. Мы прошли через разруху и нехватку, голод и подушное распределение товаров, а это, по сути, нищету. Нас не учили, мы умели делать всё хорошо и честно работать, быстро приспосабливаться к условиям трудного времени. Как говорят, крутиться и вертеться, как юла, чтобы выжить, чтобы хлеба немного и масла сливочного чуть-чуть сверх.

Может быть, поэтому в нынешнее, демократическое время нет волнений и революций, потому что жили в очень трудное время, ибо знаем, что такое нищета. Наши дети и внуки живут намного лучше нас и более изнежены. Это они нетерпеливы, не думают о завтрашнем дне, дай и все. Хоть сейчас, но

вынь да дай, а потом пусть хоть топот. А мы думаем и осторожничаем, потому что знаем, чем это может обернуться. В каждом из нас сидит страх, послевоенный страх за родных, близких. Да, и за себя тоже. Тот, кто выстрадал прошлое, всегда думает о будущем.

Наше поколение не участвовало в войне, но познало жизнь со всех сторон. Одни сапоги, кирзовые или резиновые, на пятерых братьев, одна шапка и фуфайка. Брезентовые туфли во время дождя я снимал, ложил в сумку. Первый костюм купил только в двадцать лет и то под давлением будущей жены. А новые брюки, вместе с остатком стипендии, в ту же ночь украли из общежития. Белую рубашку, ту самую первую, да и то на вырост, сшили из остатков простыни, когда заканчивал седьмой класс.

Чтобы как-то помочь семье, все мальчишки шли работать в колхоз на бричках-бестарках возить сено, солому, зерно из-под комбайна. Зарабатывали трудовни, на них давали пшеницу, а её мы везли на мельницу, мололи муку, потом продавали на рынке и получали деньги. Чтобы не крутить быкам хвосты, пошёл поступать в ВУЗ. Отец дал тогда тридцать рублей и сказал, не поступишь, пойдёшь работать на трактор. Трактористы зарабатывали в те годы больше всех.

Постепенно стало всё меняться в лучшую сторону: умер И. Сталин, начал стучать ботинком по столу Н. Хрущёв, много чего появилось в магазинах. Переселенцы стали жить хорошо, приобретать дорогие вещи, их дети стали обучаться в высших учебных заведениях, переезжать из сёл и аулов в города. Они, являясь законодателями во всём, диктовали условия, улучшали свои жилищные проблемы ближе к центру города, покупали машины, мебель, хрусталь и ковры. Простые люди получали квартиры в пятиэтажных домах и, до потери пульса, довольствовались тем, что живут в микрорайонах. Поэтому мы старались выучиться другому языку так хорошо, что забыли свой, родной.

А местное население жило тогда совсем плохо. В некоторых аулах, даже и сейчас, пользуются керосиновыми лампами, так как цивилизация туда еще не дошла, несмотря на победивший социализм и демократию. Многие довольствуются начальным образованием, идут работать по найму, но рядом с родным домом. Семилетнее образование, если и получали, то очень немногие, они шли учиться дальше в ремесленные училища или техникумы. Обучение могли позволить те, кто видел чуть дальше вперед, как мои дед и отец.

К концу пятидесятых годов высшее образование имели только два моих двоюродных брата, а к концу шестидесятых годов имел высшее образование только я из всех родственников. Поэтому казахи практически не участвовали в управлении аулом, городом, районом, областью и республикой. Везде приезжие, поддерживавшие родственников, земляков и только своих. Если среди них и появлялся казах, то ставили на такую должность, что совсем ничего не решал, и не мог решить. Мы на него молились, как на наместника Бога, а, по сути, это пустозвон, не имевший ни на что права. Проходил такую партийную чистку, его так выхолащивали, что ничего не мог поделать для своих соплеменников.

Большие изменения появились только с первым руководителем Казахстана – Динмухаммедом Ахметовичем Кунаевым, тогда первым секретарем ЦК Компартии республики, которого Москва позже сняла с работы и прислала вместо него русского партийного босса Колбина. Он провел чистку в партийных рядах высшего эшелона, расправился со студенческими волнениями в Алмате, показав всем «кузькину мать». Это самая большая ошибка М. Горбачева по отношению к моей республике. Развал Советского Союза, спровоцированный им и Э. Шеварнадзе, уверенно набирал обороты. Почувствовав скорость развала, Россия, Белоруссия и Украина успевают первыми отсоединить свои вагоны от поезда страны. А дальше, кто как смог, но демократии нахваталась все.

Начался первый этап массовой миграция бывших переселенцев обратно: в Россию, на Украину, Белоруссию, Кавказ, Германию и т. д. Уезжали на свою историческую родину, все кто может, особенно к концу XX века. Кто прозорливее, дальновиднее других, уехали сразу и раньше, распродав всё, объявив себя беженцами из Казахстана, на волне националистической эйфории.

Это наиболее зажиточная, обеспеченная часть русского населения – чиновники всех ступеней, директора разного ранга и их родственники. Особенно тогда, когда вдруг стало возникать казачество, стали требовать отделения северных районов от республики, создания автономии для отдельных национальных меньшинств.

Как в пословице, кто успел, тот съел всё: приехавшим из Казахстана, выделили земли, дали субсидии на строительство, обработку земли, еду, одежду и другое. Тогда и деньги были другие, люди с жалостью смотрели на тех первых беженцев, да и дешёво стоило всё, до первого дефолта семнадцатого августа 1998 года. Они устроились хорошо, купили всё, что нужно душе, телу и дальнейшей жизни, нашли работу и пустили молву, что казахи выселяют и выгоняют всех из Казахстана.

Статьи в газетах, рассказывающих о якобы ужасном положении русскоязычного населения, специальные репортажи с места событий по телевидению кучки оголтелых националистов, подвело граждан России к отторжению от братства, мира и дружбы. А когда подошла вторая волна переселенцев из Казахстана, потом третья и все последующие, то дело приняло крутой оборот. Местное население в России, поняв ситуацию свершаемых событий в бывшем Советском Союзе, отказывается от них. Своих же, русских, стали называть казахами, а ещё хуже и другими словами, что на родном языке пишут на заборач.

Одни стали возвращаться обратно в Казахстан, а другие пошли скитаться по своей исторической родине в поисках счастья. Конечно, обидно, ведь из Казахстана начали уезжать те, кого называют научно-технический потенциал, кто стоял на вахте заводов и фабрик, создавал национальное богатство моей Родины. Многие и остались бы в Казахстане. Ведь инженеры-казахи и прослойка в виде интеллигенции только нарождалась и крепла.

Но реальная действительность, социально-экономический и духовный кризис Казахстана, продажа иностранцам заводов и фабрик, земель и их разработок, вымирание целых аулов и небольших городов, увеличивающееся различие между чиновниками и подавляющим большинством населения страны, отсутствие работы и зарплаты, привело к тому, что выезжают все, и свои казахи, и теперь, чужие русские. Где правит бал нищета, пьянство, болезни, сокращение продолжительности жизни, разделение людей на Жузы и рода, неправильный подбор и расстановка кадров по управлению государством, там жди бури или революции. По-моему, Казахстан двинулся не к демократии и справедливости, а к возврату в прошлое, где одни будут ездить на ишаках, а другие - на «Мерседесах», третьи будут пасти баранов или стоять у дороги жизни с протянутой рукой.

Мой народ - спокойный, умеющий принимать гостей и уважающий своё достоинство. Из поколения в поколение передаются традиции и обычаи гостеприимства. Саки, гунны, татаро-монголы, каракитаи или жунгары, кого только не видел мой народ, но всё таки выжил. В годы сталинщины здесь оказалось много переселенцев по судьбе и жизни, они с теплотой и искренней благодарностью вспоминают о казахам. Нас в мире совсем немного, всего тринадцать миллионов, разбросанных по всему свету. Среди них и я, покинувший свою Родину более двадцати пяти лет назад, в поисках лучшей доли и думаю, что нашёл ее здесь, в Нижневартовске.

А могут ли ответить на мой вопрос, почему и зачем уезжают казахи из Казахстана, те умники и умницы, которые знают ответы на все вопросы бытия и жизни? Почему уезжают учёные и инженеры, учителя и медики, видные люди и поэты? Что они ищут в чужом краю? Кто виноват в том, что казахи уже давно выезжают из страны в Россию, Турцию, Европу и другие государства, становятся невозвращенцами, а возвратившиеся не могут жить нормально? Почему казахи в чужих краях великолепные специалисты, рабочие от Бога, с ними считаются, спрашивают их мнение, а у себя на родине зависят от ничтожного чиновника, к которому надо ещё и уметь правильно подойти?

О РОДИНЕ С ЛЮБОВЬЮ

Уже много лет живу и работаю на Югорской стороне учителем физики и ОБЖ, привык, прирос корнями, здесь и рядом двое детей. Уезжать не хочу, хотя очень скучаю по родине и горам, дочке и родственникам, там родился и вырос, окончил школу, институт и женился, работал несколько лет и уехал в Западную Сибирь. Закончилось столетие, в котором жил и я с 1946 года. До меня прошла Октябрьская революция и Великая Отечественная война, все остальное имеет ко мне непосредственное отношение. Ходил в русский садик, окончил среднюю школу и институт на русском языке и более тридцати семи лет работаю в школе, обучая и воспитывая детей. Начался новый век, пора делать личные выводы о прошлом моего народа в XX веке.

Казахский народ в своем историческом развитии прошел через огненное горнило тяжелых испытаний и страшных изломов, и выстоял, не рассеялся и не растворился в зловещей пелене годов, сохранил свое духовное богатство и неповторимую самобытность. Вздыбившееся новое время внесло в закончившийся век несусветный хаос и опрометчивость решений. Оно раскрутило невообразимую скорость развития экономики, науки и культуры, вследствие чего быстро выросла жуткая пропасть между духовным потенциалом и уровнем жизни народа.

Современный казахский народ стоит на перепутье мучительного выбора ценностей, в своеобразном начале нового качественного и стремительного витка обновления. История не раз подтверждала, что в бурных волнах тех или иных эпох перемальвались или вовсе исчезали целые народы, этногруппы, их история и культура.

Не грозит ли это казахскому народу в новом веке? Сохранится ли достояние нации, и не растворится ли казахская история и культура под натиском половодья современной жизни? Не

затеряемся ли мы в лабиринтах современной цивилизации и не застынем ли в собственной кичливости и неподвижности?

XX век прокатился по ухабам истории к своему концу, но за ним еще тянется, и долго будет тянуться, шлейф больших преобразований в человеческом обществе. В течение прошедших веков по этой земле прокатывались различные нашествия, а народ не участвовал во всех изменениях политики, экономики и социальной жизни страны. За них и от их имени вершили дела те, кто знал, что нужно делать другим сегодня, завтра или в будущем.

Располагаясь в середине Азии, находясь на перепутье дорог в Европу и обратно, Казахстан разбудил казахов от многовековой размеренности и традиционного уклада. Потомки традиционных кочевников, подобно утреннему рассвету, вышли из тени неизвестности в лоно цивилизованного мира. Гарь века от великих экспериментов социализма еще не рассеялась над землей, но уже видны очертания времени и можно подводить первые итоги двадцатого столетия.

Так, что же принес прошедший век казахскому народу? Какие изменения претерпела жизнь людей степного края? Ответы на эти вопросы нужны сейчас, когда Казахстан выбрал новое направление своего развития. Все знают, что историческая ясность в прошлом — это ориентиры в потемках будущего.

Начало прошедшего века ничего хорошего не сулило казахскому народу, его стартовые возможности были крайне ущербными, холодные цепи кочевнического образа жизни сковывали действия, а пелена неопределенности окутывала будущее. Казахи вползали в XX век в хвосте обоза Российской империи. Только сейчас стало известно мне, что насчет присоединения Казахстана существовал специальный вердикт Петра I о необходимости обеспечения любыми способами присоединения Казахстана. На подготовку этой акции ушло более десяти лет. Одни готовили документы, другие приезжали по дипломатическим каналам, третьи, крещеные татары, башкиры, представители мусульманских общин, работавших на Россию, находились в окружении казахского хана Абулхайра. Здесь просматривалась одна цель империи - завоевания степи меньшими жертвами, попытка скрыть истинные цели колониализма. Окружению хана удалось убедить его о необходимости вхождения в состав России. Надо понять и хана Абулхайра — казахский народ находился у крайней черты существования: продолжительная война с джунгарами, пришедшую в упадок экономику, постоянные распри за власть между чингизидами. Поставлены на весы: окружающие Орду русские крепости, казачьи станицы, обостренные отношения с джунгарами, волжскими калмыками, среднеазиатскими ханствами, Цинской империей и международная обстановка.

Не стоит слишком много говорить о добровольном присоединении тех или иных народов России, ибо за ней скрывались чудовищные факты насильственных переселений, перекройки границ и искоренения культур, языков, веры, традиций и обычаев. У нас, казахов, есть плохая привычка, когда любую новую идею стараемся приписать Западу, европейской цивилизации. Но надо понять и нас, ибо оно естественное, казахов крепко учили — у вас нет своей истории, поэтому посмотрите на Грецию, Рим, Францию, Англию, Россию. Никому невдомек, что казахский бунтарь Сырым Датов (1783-1797) восстал против царизма, открыто заявив, что власть нужно отдать в руки народа. Эта идея выросла в казахской степи за четыре года до Французской революции, за 126 лет до Великой Октябрьской социалистической революции. Восстание было жестоко подавлено, об этом накрепко забыли все, от ак суйека (белая кость) до кара суйека (черная кость), от правителей до шаруа (крестьянина), ибо нет истории Казахстана, есть история Советского Союза. Всем, кто против этого, есть пуля, тюрьма, Гулаг или высылка из Родины.

Капитализм в Средней Азии начинал делать робкие шаги в экономике, степнякам приходилось постепенно вступать в новые отношения, но это развитие шло самотеком, сумбурно и хаотично. Однако первая мировая война взбудоражила аулы, как расстрелованный улей. Царизм втягивал казахский народ в свои политические игры, насильно переселяя русских, украинцев, белоруссов в степи на лучшие земли. Казахи опять начали бороться за существование, они оказались на краю бросовых земель, так как поливные земли были розданы переселенцам. Одновременно был издан Указ Императрицы о запрете на кочевую жизнь местного населения, приписанных к определенным землям.

Массовые выступления казахов 1916 года против мобилизации на тыловые работы стали предвестниками последовавших потрясений — падение царизма, свершения февральской, а затем и Великой Октябрьской социалистической революции. Жизнь приняла головокружительные обороты. Нескончаемый поток обновлений — ярко выраженная канва столетия.

Гражданская война в России, процесс ликвидации баев и кулачества в Казахстане посеяли хаос и произвол на втором десятке лет прошлого века. Кнут пролетарского террора, обещающая свободу, равенство и землю, обжигал спины наивных степняков. Варварски растаптывается опыт

хозяйствования и культуры, накопленные веками, насаждается плановость, поиски внутренних резервов и указание сверху, что и как сажать и что нельзя делать. Отобраны у казахского народа 40 миллионов десятин земли, действовавшие рудники, нефтяные скважины, шахты, различные прииски.

Начинается грандиозно-вычурное строительство социализма. Самая страшная страница истории века — начало тридцатых годов XX века. Цепь глубоких потрясений приводит к тому, что значительная часть казахского населения рассыпается по всему свету в поисках хлеба и мира. Такой трагедии уже давно не помнит история казахов. Но народ, как единый этнос, снова выживает, показав всему миру удивительную стойкость.

Оставшиеся кочевники стали оседать и приноравливаться к земледелию, хлебопашеству и огородничеству. Эти навыки были у них и раньше, но теперь принимают устойчивый и прогрессирующий характер. Степняки уходят от кочевого образа жизни, стали создавать аулы, строить колхозы и совхозы и потянулись в города. Нужно учиться, учиться всему, строить, управлять и жить по-новому.

Казахстан, богатый сырьевыми запасами, быстро выдвигается в СССР на первый план в области экономики. Промышленное развитие повлекло за собой изменения во всех сферах жизни. Впервые во весь голос, заявив о себе, на политическую арену вышли рабочие, колхозники и интеллигенция, которые определяют дальнейший ход общественных процессов.

Но кровавый век, рьяно усердствуя, неустанно и изощренно продолжает делать неслыханные злодеяния. Гулаг и вторая мировая война капитально потрясла наряду с другими и казахский народ, оставив незаживающие раны. Один из странных парадоксов истории состоит в том, что в прошедшем столетии на территории Казахстана не прошло ни одной войны, но человеческих потерь оказалось больше, чем во все другие века.

В послевоенный период происходят грандиозные сдвиги в экономике, социальной и культурной сфере: освоена целина, появились новые города, поселки и аулы, вырос космодром. Казахстан занимает одно из ведущих мест в СССР по промышленному и сельскохозяйственному производству. Непрерывно происходят перемены и жизни населения.

Степняки неустанно ищут свое место в человеческом общежитии, совершая отчаянный прыжок в просторы цивилизованного мира. С 1900 года Казахстан проходит четыре ступени государственного развития — губерния Российской империи, с 1920 года — автономная республика, с 1936 года — союзная республика, с 1991 года — независимое государство. Нестабильность казахской государственности выражается еще и в частой смене столиц.

XX век — это время рождения и вызревания, развития и падения социалистического строя, это масштабный эксперимент — главный определяющий процесс столетия, так сказать лицо прошлого века. Он для казахского народа неоднозначный — нельзя закрывать глаза на прогресс, достигнутый в годы его развития. Сделано много добрых и величественных дел, одержано много побед.

Но на определенном этапе социализм выдохся, исчерпал свои внутренние возможности и стал давать серьезные сбои. Приход к такому финалу закономерен, ибо он, как неестественная форма развития человеческого общества, оказался слабым и пустым изнутри из-за неумелого управления Советским Союзом. Социализм потерпел фиаско в главном соревновании — экономическом.

Надо признать, что за прошедший век, Казахстан прошел неслыханный путь акселеративного развития экономики — от нехитрого скарба пастуха до гигантских заводов, от телеги кочевника до космических кораблей. Но не следует неумно восклицать по этому поводу. Ныне промышленность Казахстана — это неуклюжий, горбатый сырьевой гигант, являющийся слугой чужих господ. Он еще чем-то напоминает манну небесную, упорно не желающую падать с небес к грешным людям.

Чудовищными по своим последствиям стали экологические катастрофы, и полную чашу горя еще испробуют будущие потомки. Многовековая безмятежность Великой степи канула в лету — землю превратили в лабораторию-полигон. В 30-ые годы Казахстан активно включился в индустриализацию. Примерно такие же масштабы — это освоение целинных и залежных земель. Космодром Байконур — символ мощи разума Советского Союза и неумемной страсти человека к познанию тайн природы.

Семипалатинский атомный полигон, построенный без согласия народа, тоже становится символом века, но только отрицательным. Гибель Арала — крупнейшая экологическая катастрофа на планете, свидетельство беспечности человека. Столетие убедительно доказывает, что люди умеют не только обустривать землю, но и опустошать ее.

В прошлом столетии Алма-Ата никогда не имела собственной политики и была закована в цепи диктата Коммунистической партии СССР. В этот безраздельный удел Москвы никто не имел права совать нос, а того, кто пытался это делать, четвертовали политически, психологически, морально и физически. Неисчислимы политические зигзаги большого центра несли не только добро, но и

бедствия и зло. Массы людей прошли через политические катаклизмы со времен революции до независимости Казахстана.

Только один маленький пример: с санкции Москвы, в 1986 году, организовано массовое избивание студентов и молодежи в Алма-Ате. И вполне естественно, что такой режим, в конце концов, лопнул. И вот из всех перипетий века Казахстан выходит повзрослевшим. Завоевана независимость. Консолидация народа, приверженность к опыту и ценностям мирового сообщества становятся его путеводной звездой в будущее.

Итак, главное достижение нынешнего столетия для казахского народа состоит в том, что время на своих волнах принесло ему независимость и свободу. Пройден путь от колониальной окраины до собственной государственности, от патриархальщины до уровня современного общества. Но демонтаж социалистических основ протекает мучительно и болезненно. Идет смертельная схватка нового и старого. Ростки рыночной экономики быстро набирают и силы, и компроматы на свою деятельность.

В начале века национальной интеллигенции брошен пламенный призыв: «Проснись, казах!». Эти страстные магические слова услышаны и подхвачены массами. И мир будто перевернулся, изменив буквально все стороны жизни. Казахи, бешеной рысью на половецких конях, врываются в европейскую цивилизацию и за исторически короткий срок осваивают ее культуру и быт. За одно столетие происходит смена двух культурных слоев, кочевнического и социалистического, и ныне идет выработка нового пласта — возрожденческого.

Кочевнический, культурный слой падает на первые три с половиной десятилетия века. Он сохранил в первозданном виде значительный объем многовековой материальной и духовной культуры казахов. Но в ее звучании все сильнее и громче слышатся новые нотки. В миропонимании казахов уже многое изменилось, уверенно идет переориентация на оседлый образ жизни.

С тридцатого по девяностый год в Казахстане балом правил социализм. Интеллигенция казахов всегда тяготела к русской и европейской культуре, она упорно и настойчиво звала народ к этим вершинам, и люди не оставались безучастными к этим призывам. А тут начали овладевать массами идеи социализма, прошла коллективизация крестьянских хозяйств, и народ перешел в новое качественное состояние духа и мысли, культуры и быта.

Идеалы и атрибуты кочевника быстро улетучились под напором новых ценностей. Перемены шли безостановочно. А, как известно, казахи очень восприимчивы, чувствительны и податливы новизне. Развитие шло в тесном единстве и при участии русского народа и без допингового русского присутствия нельзя представить ни одно более или менее крупное достижение во всех сферах жизни. Так что помощь русских казахам — исторический факт и нельзя его путать с великодержавным шовинизмом.

Новое явление века — превращение Великой степи в планету ста языков. Неоспоримо то, что все достижения в экономике, культуре и быте Казахстана имеют многонациональный оттенок. Яркой чертой времени является то, что степняки постоянно находились в спирали мощных интеллектуальных подъемов. Примером этого является переселение с территории России на территорию Казахстана людей различной национальности в начале века. Особо надо отметить освоение целинных и залежных земель, когда сюда приехали молодые и энергичные посланники комсомола со всего Советского Союза.

Интеллектуальное казахское пространство пополнилось и обогатилось ослепительными и глубинными мыслями при помощи русских, украинцев и белорусов. Создана солидная научно-техническая база, открыто много институтов, техникумов, а обязательное всеобщее образование становится нормой. В жизнь народа прочно входят музеи и театры, опера и балет, эстрада и живопись, архитектура и скульптура, кино и радио, телевидение и многое другое.

Эффектно ли мы распорядились накопленным интеллектуальным фондом? Лишь бы не прозевать время, сидя на сундуке с золотым добром.

Я помню, как в середине 50-х годов на окраине нашего села, на открытой ветрам сценической площадке ставили оперу «Кыз-Жибек» именитые артисты из столицы. Два дня готовили рабочие и колхозники место для проведения праздника. В горе выкопали пещеры, где готовились артисты и выходили к зрителям. Поставили сотни юрт для гостей. Съехались десятки тысяч людей с гор, степей и пустыни на лошадях и ишаках, грузовиках и редких автобусах, только бы увидеть и услышать известных и великих артистов. Это был вечер единения народа, когда сказанное слово пронизывало всех и звало за собой. За прожитые годы мне приходилось участвовать в различных митингах, на собраниях, но именно такого чувства, наверно, больше не испытую.

Казахи — мобильная нация, интенсивно соприкасающаяся со многими народами. В беспрецедентной гонке века за знаниями степняки не только многое приобрели, но и велики потери и разрушения. Это — парадокс, но мы стали варварами по отношению к своему историческому и

культурному прошлому. К 90-м годам мой народ подошел к краю катастрофы — потере языка, национальной самобытности и своеобразия, традиций и обычаев. В короткий срок три раза менялся казахский алфавит (арабский, латинский, кириллица). 40% казахов Республики не умеют говорить на родном языке. Теперь первоочередная национальная задача — восстановление разрушенного языкового хозяйства.

Время внесло в жизнь и много других изменений, ибо в прошлом столетии любое общество попадало в плавильный котел мировой цивилизации. Лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц пишет: «Различные культуры большей частью утратили самобытность. В одежде, манерах и прочих обычных народах всех частей света становятся весьма похожими друг на друга».

Естественно, казахи не могли быть исключением. Эмансипация казахшек является реальностью, они стали раскованнее, проблемы их жизни сместились в другую плоскость. Молодое поколение — мудрее, прагматичнее и расчетливее. Их досуг смещается в клубы и дворцы, стадионы и спортплощадки, кинотеатры и парки, дискотеки и бары, кафе и рестораны.

В последние годы ушедшего века происходит резкий взрыв преступности среди молодежи. Пороки людей, сдерживавшиеся веками, прорывают препоны и выплескиваются наружу. В питании людей тоже произошли резкие изменения. Так, растительная пища серьезно потеснила мясомолочную основу жизни. Казахи стали сильно употреблять спиртные напитки и наркотики, неведомые в прошлых веках. Эти изменения не зачеркнуть, а прошлое уже не вернуть. Попытки возродить седую старину, скорее всего, носит декоративные функции и условный характер.

Складывающийся новый культурный слой уверенно набирает обороты. Он давно вызревал в тесной скорлупе социализма, а теперь ему расчищен путь. Три процесса — перестройка, переход к рыночной экономике, объявление республикой своей независимости и государственности — являются источником новых перемен в массовом сознании населения.

Утверждается новый психологический фон, национальное самосознание получает новое дыхание. Идет процесс переоценки и переосмысления духовных ценностей и традиций народа. Возвращаются из забвения многие исторические имена, географические названия, отыскиваются следы полузабытых событий, а ранее искусственно созданные догмы и схемы социализма разрушаются, как картонный домик.

С высот 2005 года лучше видятся прошедшие исторические дистанции — научный простор позволяет глубже взглянуть на жгучие проблемы истории, по-новому осмыслить многие события и факты прошлого и взглянуть в будущее. Сердце терзает горькое разочарование — история казахского народа в XX веке усыпана белыми пятнами. Иметь хорошо осмысленную и одухотворенную историю — значит дать народу крылья. Четкие исторические ориентиры — это путеводитель в прошлое.

Суверенный Казахстан начал уверенно входить в новое качественное внешнеполитическое состояние и искать свое место в мировом сообществе. Западу, как и России, сразу стали мерещиться в делах и поступки государства тень пантюркизма и панисламизма. Многим никак не может прийти простая и ясная мысль, что это не цель государства, так как Казахстан многонационален. Поэтому это и записано в его Конституции, которая обеспечивает равные права всем гражданам, дает возможность исповедовать любую религию, свободно выражать свое мнение по поводу любых политических процессов.

У Казахстана свой путь — это миролюбие, открытое гражданское общество, национальная и религиозная терпимость, приверженность к рыночным отношениям. Все эти принципы — исходные линии в поведении дипломатии. Казахи издавна жили и живут в обстановке дружбы, не отдавая приоритет ни одной из религий. За годы советской власти русская культура оставила в стране глубокий и неизгладимый след. Но не использовать в дипломатии взаимоотношений тюркский и исламский фактор — политически не дальновидно, быть против сотрудничества тюркоязычных народов — абсурдно.

Казахстан «заперт» другими странами в центре Евро-Азиатского континента. Географическая реальность такова, что необходимо учитывать определенную зависимость от соседних стран, причем государство занимает стратегически важную территорию — здесь сплетаются узел политико-экономических интересов Европы и Азии.

Содружество независимых государств в историческом плане сыграло двойную роль: во-первых, оно отдалило государства друг от друга и проложило между ними глубокий водораздел; во-вторых, оно поставило все государства перед фактом, что независимость — понятие относительное, и от всеобщей интеграции никуда не денешься. СНГ еще не вышло из лихорадочного состояния — не найдены политические и экономические лекарства против этой болезни. Можно предугадать, что СНГ претерпит еще много изменений — притирка и становление государств друг к другу будет очень и очень нелегкой.

Границы Казахстана плотно подпирает Россия — могучее дыхание соседа остро ощущается внутри казахского государства. Казахстан и Россия всегда тяготели друг к другу, и корни уз лежат глубоко. Они связаны не только экономически, но и духовно, исторически, психологически. Рвать эти связи обоюдно опасно. Россия будет иметь сильные позиции в азиатском регионе, только взаимодействуя с Казахстаном. Для нашего государства потеря России равнозначна потери точек опоры в Европе.

А разве можно пренебрегать таким явлением, как культурная и историческая тяга к Казахстану живущих в России тюркоязычных народов: татар и башкир, ногайцев и карачаевцев, балкар и кумыков, а также сибирских народов — алтайцев и бурят, хакасов, тувинцев и якут и наоборот? Надо помнить и том, что сотни тысяч людей остались в Казахстане из России, Украины и Белоруссии. В дипломатии не бывает мелочей, и смотреть на них сквозь пальцы нельзя. Укрепление дружеских связей с Россией — аксиома.

После распада СССР, когда Украина, Белоруссия и Россия, втроем решили его судьбу, на политической арене Средней Азии возник интересный феномен, как союз Казахстана и четырех соседних государств — Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан и Туркменистан. Поняв суть и идеологию этого соединения, к нему потянулись Азербайджан и Турция. Время, хочешь или не хочешь, требует выжить государствам в нестабильном времени и идти всем в одном политическом фарватере. Однако следует подчеркнуть, что будет абсурдным, если Казахстан, высунув язык, носился бы с идеями создания великого тюркского государства. Это занятие — политически проигрышное.

Китай — великий и могучий сосед — испокон веков считает себя серединой мира, называя себя Поднебесной. Отсюда и исходит его политика, и под его воздействием формируется психология китайских правителей и политиков. Государство быстро набирает экономическую и военную мощь: его население, вышедшее за миллиардную отметку, невероятно активно и работоспособно. Не исключено, что Поднебесная станет через некоторое время эпицентром огромных политических процессов на Земле — эти силы разбужены и пришли в движение. Не устремятся ли тучи имперских амбиций в сторону Казахстана, как и раньше?

Этот политический фактор — серьезная головоломка для дипломатии Казахстана. Взвешенное сотрудничество с Китаем — залог независимости. Путь Казахстана в тихоокеанский регион лежит через Китай и Россию — оба пути крайне важны для нашего государства. Соседняя Монголия, а там живут сотни тысяч казахов, после распада СССР затерялась в одиночестве в глубине Азии и сейчас остро нуждается в союзниках. Сотрудничество с ней — дипломатическая мудрость.

Мне кажется, что Казахстан не в состоянии в равной степени развивать политическое и экономическое сотрудничество со всеми странами мира — представляется разумным во внешнеполитическом сотрудничестве выделить некоторые государства и определить их как опорные, или считать стартовыми площадками для внедрения в различные регионы. Наиболее соответствуют для этого статуса Турция, Германия, Южная Корея, США — в выборе этих стран есть веские причины.

Турция в экономической и политической стратегии Казахстана может сыграть важную роль. Через это государство можно проложить выход в Средиземноморье, Европу и Африку. Железная дорога Алма-Ата — Стамбул приближает эту идею к практическому воплощению. Разработка экономической и политической концепции сотрудничества в этом регионе сулят заманчивые перспективы.

Германия, будет заинтересована в укреплении позиций Казахстана в Европе, так как много немцев, с 1945 года, проживает на ее территории. Южная Корея — в тихоокеанском регионе, на территории Казахстана осели сотни тысяч корейцев. Эти страны в той или иной степени устремлены к США, и оставаться на обочине этого процесса неразумно, нельзя забывать такую политическую реальность, что сегодня США — это ключ к государствам Западного полушария.

К тому же, у Казахстана и США чрезвычайно богаты возможности сотрудничества. Сделка Шеврон-Тенгиз дает этому процессу прекрасный стимул. В конечном итоге, результаты сотрудничества со всеми странами мира призваны служить расцвету Казахстана, но в первую очередь, везде и во всем, должна стоять Россия. Не помню чье это выражение, но оно, по сути, очень верно: «кто стреляет по прошлому из пистолета, в того будущее выстрелит из пушки».

Конечно, можно было бы много и долго объяснять тот факт, что россиянам не легко живется в Казахстане, что есть фактор национализма, что оттуда уезжают многие, что появились фашиствующие молодчики с зеленым знаменем ислама и многое другое. С этим не трудно не согласиться, детские болезни «национализма» были всегда при становлении государства, и будут присутствовать всегда.

Мне кажется, для того, чтобы иметь причину надо придумать повод, а повод можно найти любой, только не лениться обливать грязью друг друга. Загляните в историю любого государства, и вы увидите без прикрас все стороны его жизни. Я думаю, что это все пройдет, и мы снова будем, как Европа, объединяться, только для этого нужно время. Мы должны побарахтаться в грязи независимости, очиститься от скверны и чистыми, в мыслях и душе, встать на путь нового осмысления. А это займет очень много времени и многим поколениям людей с разной стороны границ придется решать эти вопросы в будущем.

ИТОГИ ЖИЗНИ

У любого человека есть свои страницы жизни. На каждом этапе жизни его ждут мечты и схватки, восторг и печаль, радость и ненависть. Поезд жизни, согласно расписанию времени, проходит по пространству с разными скоростями. Он сигналист на перепутье, напоминая о себе всем опоздывающим. Где успел, где поленился, но память, фиксируя остановки и станции, запомнил их. Я прошел почти все – теперь нужно достойно завершить последнюю часть – старость.

Память - это великое творение природы. Человеческий мозг своими помыслами желает заглянуть в глубины самого потаенного и сокровенного - подсознания. У каждого человека существует банк памяти, заложенный с рождения. Там происходит чудесное явление – память записывает все прошедшее, бережно расставляет это по уголкам таинственной системы, чтобы позже человек мог поделиться с опытом, которого так не хватает кому-то. Одним это дано на сто процентов, и они чувствуют себя прекрасно на Земле. Другим дано на половину, а третьи чувствуют себя нищими, в полном смысле этого слова.

379. От земной глубины до далеких планет
Мирозданья загадкам нашел я ответ.
Все узлы развязал, все оковы разрушил,
Узел смерти одной не распутал я, нет.

Память – не назидание. Память оживляет душу человека. Назидание разъединяет человеческие сердца. Нельзя допустить, чтобы память обросла мхом назидания. Эгоизм, формализм и бездушные порождения назидания, губя в человеке человеческое – интуицию, интеллект и сердце. Идея порождается и возвращается памятью. Разум и любовь – сестры, как красота и труд. Любовь к красоте дарует наследство, труд – бессмертие.

Человеческий мозг устроен так, что одна его часть управляет телом, а другая запоминает и складывает на полочки, процеживая, просеивая все ценное, что произошло с ним. Память напоминает о будущем, настоящем и прошлом, подсказывая человеку через подсознание об ошибках, совершенных на жизненном пути.

414. В книге судеб ни слова нельзя изменить.
Тех, кто вечно страдает, нельзя извинить,
Можешь пить свою желчь до скончания жизни;
Жизнь нельзя сократить и нельзя удлинить.

Моя совесть - точный инструмент самооценки моих поступков, дел и мыслей. Она не прибывает и не убывает. Иногда бывает, что мою совесть насильно закручивают в бараний рог и втаптывают в грязь, вымазывают и выставляют напоказ, уничтожая образно, заставляют молчать. Если совесть угасает в душе, то жизнь становится крошечной тьмой.

Моя судьба – это веки, которые определяют путь, то, чем оборачиваются ежедневные поступки, сумма результатов действий. Многое предначертано судьбой, нужно лишь достойно прожить ее, чтобы не было стыдно перед женой, детьми и близкими. Вместе с женой ищу ответ на разные вопросы жизни, но каждый из нас думает по-своему, оставаясь в одиночестве со своими мыслями.

453. Я раскаянья полон на старости лет.
Нет прощенья мне, оправдания нет.
Я, безумец, не слушался божьих велений
Делал все, чтобы только нарушать завет
(стихи Омар Хайяма).

Одиночество – это умение оставаться один на один со своей душой и в ней черпать силы для осмысления своих поступков. Осмысление позволяет нам, после согласования мнений, выйти на истинный и правильный путь. Суеверие – это состояние души, а не разума. Творчество – это потребность души. Оно позволяет отвлечься от нарастающих трудностей времени, встречающихся в жизни и работе.

Правильно говорил мой дед – «коп соз – бок соз» (много слов – много ... запихов). Если можешь, трудись молча, а награда сама тебя найдёт. Не хнычь, не плачь, не воруй, а живи по совести. Не ухмыляйся и не радуйся чужим слезам, это может и к тебе прийти. Если не можешь ехать на ишаке, то лучше иди по жизни пешком. Не говори много, лучше делай или покажи. Радуйся хорошему и солнце улыбнётся тебе благополучием твоей семьи.

Уходит молодость. Чаше приходится оглядываться назад, вспоминая оставленную позади дорогу. Жаль, что не прямая она: извилистая, с поворотами и перекрестками, спусками и подъемами. Немало лет прошло с тех пор, как на этой дороге. Сколько волнений и тревог, обид и оскорблений подстерегало меня в пути. Но я упрямо иду по ней. Можно пожаловаться на веру, на душевную тоску, на годы, на развал и разруху, но что это даст, ведь дорога – это Время и Пространство.

Моя жизнь, как гористая местность, населена людьми. Не знаю всех в лицо, о некоторых даже представления не имею. Многие, увидев меня, улыбаются и приветствуют, отвечаю им тем же. Незримые нити взаимоотношений связывают меня с ними. Нельзя становиться в позу и нельзя требовать от всех того, что сделал ты. Это может обернуться горем для других. Если можешь, помоги и тебе воздастся. Помоги и забудь, не жалуйся и не плачь, что тебе не вернули долг. Он вернётся, если не сегодня, то завтра, может чуть позже, через годы и расстояния, но обязательно вернётся. Умей ждать и победа не за горами.

Многочисленные схватки, потери и приобретения, поражения и победы на дороге состарили меня. О врагах и недругах, недоброжелателях и равнодушных, сторонних и завистливых, не уважающих себя и сомневающих во мне, не думаю. Даже не вспоминаю их – ни добрым, ни худым словом – они проходили по жизни мимо, как тени, исчезая навсегда в прошлом. Были и ладно.

Стараюсь идти честно по дороге жизни, не сворачивая назад, не отступая, не останавливаясь. Чем дальше по времени, тем яснее вижу, что горизонт становится шире, а дорога уходит вдаль, в синеватую дымку, которая уже манит и зовет меня к себе.

С годами человеческих тревог поубавилось. На виски осел иней – пыль веков, в лицо уже не дует ветер перемен и весны, а дышит прохладная красивая осень. Душа уже не рвется за миражами, как в детстве, не торопится в горы за тюльпанами, как в юности. Остаются за спиной перевалы, где-то на одном из них распрощался с детством, на другом – с юностью, на третьем – с беспечным смехом, а где-то перестал и плакать.

Я иду по дороге жизни. Вспоминаю прошлое: дом, где родился, дедушку, бабушку, тетушку Саткуль. Другой дом, где жили отец и мать, братья и сестры, откуда пошел в школу, интернат и большую жизнь. Он осел от времени, стены потемнели от ветра и дождя, солнца и снега, приник к земле. Через годы стал совсем маленьким, невзрачным, но не потерял своего бывшего значения. Когда-то самый светлый и чистый во всем ауле, служивший маяком на дороге моей жизни и остался таковым навсегда.

Передо мной лежит дорога, не знаю, сколько еще идти. Она не прямая, на ней много поворотов и перекрестков, как на каждой дороге. Иду по ней, взбираясь на подъёмы и спуски, попадая в слякоть и грязь, промоины и овраги, разные нелепости.

В нашей семье нет психологического дискомфорта, я – беспрекословный глава семьи. Со мной всегда рядом жена, она добровольно отошла на второй план, помощница и громоотвод. Казалось бы, делим все житейские проблемы пополам, но на проверку выходит, что у неё всегда больше.

Мы беспокоимся, но уже не так, как в юности. Это даже не мечтания мальчика и девочки, тревоги отца и матери, а размышления дедушки и бабушки. Правда, как и прежде, каждый день возникают тысячи вопросов, и, естественно, на сотни из них находится ответ сразу. На другие ответы приходится через день, неделю, месяц или год, но на некоторые – ищем ответа всю совместную жизнь.

К старости деревья желтеют, а люди – белеют. Побелела жена, побелел и я, у меня побелело все – лицо, волосы и одежда. Мы начинаем тянуться к маленьким детям, скучаем без внуков, а мечты становятся шире; когда-то хотелось иметь детей, потом вывести их в люди, дожидаться внуков, а теперь дожить бы до правнуков. У моей супруги тоже есть свои перевалы. Она, как и прежде, любит солнце и ветер, степь и детей, но больше всего – внучат.

В молодости часто ходил в атаку, рвался в бой, побеждал и получал шишки, к старости пришли другие ощущения. В мирных испытаниях побеждает ум. Умом – рассудком наделены все, старшие и младшие, малые и многочисленные. Но бывает и так, что старшинство и большинство оказывается лишенными ума и здравого рассудка, а снисходительная природа награждает их меньшинство.

Так уж устроена жизнь, что стычки – драчки никогда не стихают между равными и подобными. Нельзя младшему хватать за бороду старшего, старший должен остерегаться причинить боль младшему. Сойдясь в борьбе, старший испытывает младшего, есть ли у него понятие об уважении и почете к старшему. А младший испытывает старшего, проявит ли тот благородство и снисхождение к младшему. Жизнь не бойцовский ковер, где сходятся люди в борьбе, судьба распорядилась немного по иному. Всем невозможно угодить, а поэтому и стремиться к этому не стоит.

Недаром люди в один ряд с грубостью и злом поставили пошлость. Пошлость не есть проявление зла и, к счастью, не всегда ведет к нему. Но, порожденная неразвитым вкусом, стойкая, живучая, она, в конце концов, оборачивается злом, если даже не злом, то нравственным уроном, который ничем и никогда не возвращается. Самый злой человек среди людей, это тот, кто любит себя больше всех на свете. Нельзя верить его ласковой улыбке – прикидывается, он злой по сути своей, поэтому особенно опасен. Такие люди не наносят своих ударов открыто. Они тайно отравляют человека, если не настоящим ядом, то ядом клеветы. Потом душевные муки отравленного приводят к озлоблению. Злоба рождает ненависть, ненависть – жестокость.

Чтобы остановить жестокость и коварство женщине нужно родить ребенка – источник ее любви и нежности, а мужчине нужна пылкая и преданная женщина – источник доброты, мужества и благородства.

Ведь верно сказано - жизнь не сказка, ее не придумать. Она не волшебная лампа Алладина - потеряй ее, и появилась изумительная скатерть-самобранка или великолепный дворец. Все как во сне, открой или закрой глаза – все готово, другие сделали за тебя все то, что хочешь пожелать. Так не бывает!

Жизнь - это поход. Цель - это даль. Жизнь требует от нас открытых глаз и ясности ума. Главное - найти нужный шаг, осознать свое место в жизни и честно шагать, пока хватает сил. Не вини других, ведь каждый из нас прикован к мелочам, мирской суете и хочет возвыситься над другими.

Для этого нужно совершить подвиг - подвиг над собой, над мелочностью и мирской суетой. Нужно отбросить ложь и страх, научиться самому и научить других, быть терпимым к тупости и лености, к зависти и хвастливости, к слепоте и глупости. Победа не может быть скорой и громкой, ибо это приведет к тщеславию. Она придет к тебе. И не сегодня, и не завтра, а исподволь, постепенно и осторожно поднимая твою славу среди равных.

Говорят, что по погоде одежда, это верно. Но нельзя, прихворнув, ссылаться на погоду. Надо оставаться всегда чистым и здоровым, чтобы не прилипла к тебе зараза. Умный человек не боится ошибиться, он может сделать шаг назад, или исправить ошибку, но непременно извиниться за содеянное. Ведь только недалекий человек живет обрывками своих мыслей, связанных с текущим днем: наесться, напиться и забыться, чтобы завтра это повторилось сначала. Надо научиться отвечать за самого себя, за родных и близких, жить своим умом, помня заветы стариков.

Моя задача состоит в том, чтобы научить своих детей не делать тех ошибок, что делали мы. Но, как убеждаюсь, они хотят жить по своим законам, по своим обычаям и традициям, падая в те же овраги, ямки и углубления жизни, карабкаясь вверх, скатываясь снова вниз, получая те же синяки и травмы, хотя по этому поводу написаны сотни хороших книг. Поэтому, надо с самого начала им помочь определить свое место в жизни, чтобы не уподобиться маятнику.

Человек способный оскорбит свою мать, унижить родных, близких и знакомых, не остановится перед тем, чтобы оскорбить чужую мать, разрушить чужую семью, осквернить памятники, пройти мимо чужого горя и даже не оглянуться.

Горе и проклятье приходит в дом, в круг родных и близких, если он скудоумен и живет только ради развлечений. Тогда, как ядовитый паук, озлобленный на весь свет и ничтожный в своем существовании человек, может отравить жизнь любому. В своей непредсказуемости может быть нежным и ласковым, надевая личину скромности, притираясь, а потом, нанося исподволь и тихонько людям телесные и душевные раны.

Рабство - не жизнь, служи и молчи, кланяйся низко и терпи. Тебя пинают, плюют в глаза, оскорбляют и уничтожают человеческое достоинство, а ты все сноси, даже если он, хозяин, глупый, тупой, хвастливый и завистливый, упрямый и обидчивый. Нет, это не жизнь, когда манят тебя грязным пальцем, грозно кликают и тебе приходится ползком или на коленях выполнять эту работу. Это даже не смерть... Хуже...

Некоторые люди, всплывая с грязного дна жизни и добившись чего-то значительного, начинают повелевать другими людьми. Поверив в свою значительность, ему не хочется расставаться с властью над другими. Тогда человек идет на лесть и подкупы. У него страх и подлость идут рядом. Ведь утопающий не выбирает соломинку или бревно, он хватается за все, лишь бы выплыть и спасти себя.

Он выплывает, да! да! Выплывает, в самом буквальном смысле слова вновь, сколько бы не била его судьба. И начинает всё с самого начала. А я думаю так: сколько не воруи, не подличай, возмездие рано или поздно достигнет и покарает бесчестного человека. Он хотел только брать, брать любой

ценой – ложью, насилием, разбоем. Ох! как жестока ирония судьбы в своей непредсказуемости. Хам становится изгоем общества, отверженным в семье, обокравшим самого себя и обманувшим своих детей.

В природе все задумано и осуществлено разумно и целесообразно – животворящие соки природы передаются в кости через кровь, в кровеносные сосуды – через пищу, а в душу человека они проникают таинственными путями через светлые возвышенные порывы и сердечные влечения другого человека. Если бы довелось мне прожить жизнь сначала, то изменил бы ее только на три четверти то, что думал и оставил все, что делал.

Простучали колеса по рельсам жизни, я спрыгнул с поезда на ходу. Сделал остановку, чтобы передохнуть, поразмыслить о прошедшем, подумать о будущем и записать итоги жизни. Но время не ждет, надо успеть запрыгнуть и двигаться дальше.

Говорят, что ясновидение или прямое знание, инсайт, – это психическая способность человека получать информацию о событиях или вещах, которые на данном этапе никому не известны. Считается, что ясновидение – это нечувственное восприятие. Оно может проявиться у любого нормального человека в виде вещих снов, внезапных предчувствий и «откровений» в моменты сильнейшего, эмоционального и душевного всплеска. Очень часто ясновидение проявляется в форме снов, особенно в момент, непосредственно предшествующий пробуждению человека.

Прямое человеческое знание, инсайт, обычно проявляется спонтанно. К примеру, наркотики усиливают способность к ясновидению, ослабляя область сознания и усиливая область подсознания. Дар прямого инсайта проявляется у маленьких детей, но в процессе их развития сознание начинает превалировать над подсознанием. Через некоторое время оно может исчезнуть совсем, у кого-то сохраниться. Накопление энергии приводит к еще одному неизведанному состоянию – к беседе самого себя со своим духом. По-моему, – это высшее достижение человека.

Почти каждый человек летает во сне, особенно в детстве. Обычно в зрелом возрасте полеты происходят очень редко, это говорит о том, что душа свободна от тела. Полученную энергию во время сна нужно уметь употребить с пользой для проникновения в непознанное состояние. Из полетов над землей можно перейти к полетам в космос.

До сих пор помню свои полеты во сне в детстве. В те годы жил в старом доме бабушки, его уже давно нет на земле. Я спал на открытой веранде и видел во сне серебристый самолет-истребитель, летящий в воздухе над долиной Тастак. Он летел низко, почти над деревьями. Летая рядом с ним и заглядывая в иллюминаторы, я заметил, что внутри него множество серебристых кубиков, аккуратно уложенных в ряды. Во мне сидело желание взять хоть один кубик, но самолёт со всех сторон закрыт. Больше всего этот сон запомнился тем, что он повторялся в разных вариантах на определенных этапах жизни. Если самолёт падал в степи, то заглядывал внутрь самолета, брал оттуда один кубик и всегда кто-то из моих родственников уходил в иной мир. Первый раз видел этот сон перед смертью деда, в следующий раз – умер отец.

Моя жена каким-то образом узнает о бедах, случившихся с нашими детьми, находящимися за тысячи километров. Ей иногда снятся вещие сны, но чаще всего данная информация приходит к нашей младшей дочери Олесе. Женщины умеют предугадывать и предсказывать судьбу задолго до происшествя, которое может случиться со мной и нашими родственниками. Сестра супруги слышит голоса Вселенной и видит ауру любого человека. Самая чистая информация дается людям, прошедшим испытание. Девочка Ванга ослепла, исхлестанная ураганым песчано-водяным смерчем, сохранив при этом просветленность души.

Человек – это частица природы. Ему нужно найти своё место в окружающей среде, не переходить грань доступного и не переступать черту дозволенного. Человек – это уникальное творение природы. В нем соединена жизнь телесная и жизнь духовная. Он может почувствовать силу своего духа, когда в нем ощущается потребность добра во всех делах, в отношении к людям. Доброта должна быть естественной, нужной самому человеку, это проявление духовности и духовного возмужания.

Человеческая жизнь – это непрерывная цепь состояний, постоянно сменяющих друг друга, в принципе повторяющихся, но никогда не совпадающих полностью одно с другим. Человек, от рождения до конца пребывания на земле проходит несколько стадий развития, поднимаясь, каждый раз на новую ступень жизни. И каждая ступень прекрасна для человека, даже, если он остается на ней всю сознательную жизнь. Поэтому, когда говорят, что этот человек умный или мудрый, то говорят о ценностях жизни, которые он познал. К сожалению, не всегда большой ум сопровождается такой же силой духа.

Первую ступень развития человека называют ищущей, когда он сливается с Землей и окружающей средой. Земля дает зародыш, который выходит из чрева матери сыном или дочерью. С первым вздохом ребенка происходит его подключение к земному магнетизму, энергетическому потенциалу, становится самостоятельной земной структурой, подтверждая это криком. От него к

каналу космической связи, через хаотичный слой биоэнергетического фона, пробивается тонкая нить связи между человеком и хранителем информации. И обязанность родителей состоит в том, чтобы эта ниточка не прервалась, а, наоборот, получила развитие. Ищущий – это человек, который активно развивает в себе потребность познания, основой которого должно быть добро.

Символ этой ступени – зеленый цвет, знак – Земля. Эта ступень длится годами, а может быть всю жизнь. Все зависит от среды обитания, силы воли, сознания и желания познать окружающее. Эту ступень проходят миллиарды людей, но не все переходят на вторую ступень развития. Это может произойти и в пять, и в десять, и в тридцать лет, а может и не произойти никогда.

Вторую ступень развития человека называют развивающей, когда он подключается к иным системам и воспринимает импульсы, посылаемые мирозданием из космоса, природы, людей, растительного и животного мира. У развивающегося возникает страстное желание познать окружающее, помочь другим. Человек, совершая омовение или вдыхая воздух, становится сильнее и мудрее. В Казахстане человек, совершающий омовение рук, никогда не стряхнёт с рук воду, так как стряхивает энергию жизни, а лишь потирает одну о другую и промокает мягкой тканью.

Символ этой ступени – жёлтый цвет, знак – Вода и Воздух. Эту ступень проходят сотни миллионов людей, но не все переходят на третью ступень развития, потому что многие люди начинают злоупотреблять приобретенными знаниями, используя их корыстно, во вред себе и другим.

Третью ступень развития человека называют всечувствующей, когда он проходит испытание огнем, где легко воспламеняется и сгорает все дурное, ненужное. Остается и закаляется, проходя испытание на прочность все то, что в дальнейшем поведет личность человека и его дух к вершинам познания. У него появляется желание увидеть, познать космические дали, состояние души, многообразие ее проявлений. Ему открыты земные и космические видения. Он подключается к космическим каналам, знает о параллельных мирах, даже соприсасается с ними.

Символ этой ступени – красный цвет, знак – огонь. Эту ступень проходят сотни тысяч людей, но не все переходят в четвертую ступень развития. Они не выдерживают испытаний встречающихся на жизненном пути за период пребывания на этой ступени.

Четвертую ступень развития человека называют просветленной, всепонимающей, когда он проходит испытание холодом. У него происходит просветление, может вписаться в систему закономерностей космоса и осознать запредельное. Испытание холодом – это не обязательно стресс – это может быть испытание близостью смерти, а она может являться человеку в различных обликах и при разных обстоятельствах. Встречаясь со смертью, он приоткрывает дверь в запредельный мир и заглядывает в него. В этот момент может выясниться духовная строгость человека. Его мощный энергетический каркас вырабатывает сильный канал связи с Космической энергией, тогда ему ничто не грозит.

Символ этой ступени – черный цвет, знак – холод. Эту ступень проходят тысячи людей, но не все переходят в пятую ступень развития человека. Человек должен делать всё на людях, продвигаясь к ступеням нравственности и физического совершенства.

Пятую ступень развития человека называют ясной и всевидящей, когда он свободно входит в космос, посещает параллельные миры, отрывается от земли. Для него воздух и земля становятся равными сферами для тела и духа. Когда физическое и духовное становится единым, познает и осмысливает свое Я, в простом распознает сложное, а в сложном – простое. Человек благодаря своей настойчивости и испытанию на каждой ступени развития, на основании пережитого и преодоленного, становится ясным и всевидящим.

Символ этой ступени – белый цвет, знак – небо. На эту ступень приходят сотни людей, благодаря испытаниям, которые пришлось им пережить, перенести. Трудный путь прохождения пятой ступени требуют новых сил, новых страданий, новых переживаний, но будут и новые открытия. Это называется – совершенство.

Душа – это таинство, закрытое для всех. Она недоступна, и познать её вряд ли кому удастся. Никто не знает, как она приходит к человеку и как она уходит от него. Законы, которым подчиняется тело, человек, изучил давно и досконально, гораздо лучше, чем законы, по которым действует душа. Именно на стыке души и тела должен происходить поиск, который выявит и позволит человеку перейти на иную ступень развития и самосознания.

***

Было время, когда в 1970 год, мы только начали жить при школе. Втроём - я, жена и трёхлетний сын Шалхар. Не было телевизора, лаборантка школы Зинаида Федоровна (фамилии не помню) продала нам свой, старый, из партии самых первых, за десять рублей. Вели половой образ жизни при одном одеяле и одной подушке. Взяли в кредит холодильник, тогда это было возможно, потом

двухколёсный мотоцикл «Восход». Стали потихоньку обживать. Это время невозможно описать или повторить. В это надо поверить. Две комнатки бывшей библиотеки во дворе школы, свобода и независимость, любовь детей и трудные первые годы работы и совместной жизни семьей. Но многое впервые: первый самостоятельный урок, классный час, свой кабинет, первые кляузы и собственные ошибки. Но нам везло во всём и всегда. Прошло землетрясение, нас переселили в школьные туалеты. Очень умный был директор Халмурат Сартпаевич Сартпаев. Комиссия, обследовавшая школу, наткнулась на нас, проживающих в туалете, и приняла решение переселить семью молодого учителя в новую квартиру. На четвёртом этаже пятиэтажки, во втором подъезде, жена обустроила уютный уголок в однокомнатной. Ровно через год оттуда выселили в двухкомнатную квартиру в первом подъезде, только на пятом этаже. В 1975 году родилась дочка Асель, там мы испытывали основы семейного счастья. Во мне окрепло чувство отцовства, появились ответственность за семью. Много ли нам нужно было тогда: квартира, работа, средства передвижения, все это имели.

Было время, когда можно брать в кредит любой товар в магазине. Про то время пишут, как про пустые прилавки. Неправда это, просто у людей короткая память и дырявая голова. Это позже опустели прилавки магазинов, особенно при болтуне и балаболе по имени Горбачев. Тогда давали в кредит, все что хочешь, только работай и плати. И не нужен банк, принеси справку с работы о заработной плате, заплати 30% от стоимости товара и до свидания. Так появился первый мотоцикл, первый холодильник, телевизор, потом двухцилиндровый ИЖ-Ю-3, по-моему, это самая лучшая пора нашей молодости. Мы ничего не боялись и жили влостью. Это теперь мы оглядываемся и боимся своих собственных мыслей, а, увидев свою собственную тень, шарахаемся в сторону.

Было время, когда первую свадьбу мы сыграли для Абдыкадыра, в 1975 году. Я, Асылхан и Абдраман, женились сами по себе. Не имели тогда родители денег, да и откуда они у сельчан. Собирали деньги на свадьбу брату отец и я. Вторую свадьбу сыграли Сеиту в 1977 г, во время которой простыла жена. Мы ехали через горный перевал Куюк, где до этого выпал снег. Даже бутылка вина не согрела меня за рулём мотоцикла с коляской. Третью свадьбу играли Отебаю, после которой уехал с семьей на Север. Это было тридцатого октября 1979 года.

Было время. В первый день приезда, в Западную Сибирь, именно в Нижневартовск, нас устроили в гостиницу «Северная», по рекомендации и звонку зам. председателя райисполкома Анатолия Прокофиевича Кауртаева. Пятого ноября 1979 года поселили в поселке железнодорожников СМП – 227 в комнатку. Чуть позже – в двухкомнатную квартиру. В феврале 1980 года – перевели директором первой, еще деревянной, Радужинской школы. Два дня жил в гостинице, откуда меня попросили уйти. Жил в сначала в спортзале, спал на тренировочных матах, потом переселился в лаборантскую кабинета физики. Семью перевёз к себе на мартовских каникулах по зимнику, современной дороги ещё тогда не было. Бетонные плиты на дорогу до вахтового поселка Радужный ложили ещё до 1985 года. Зимой на попутках, остальное время – на вертолётах. Интересное время, вертолёт – это такси по всему району.

Было время, некоторые вещи нельзя забыть и надо об этом помнить. Я знаю, что мой социальный статус – это образ моих взаимоотношений с внешним миром: либо кланяешься ты, либо кланяются тебе. Кланяются богатым, знатным – ибо они являются денежными мешками, а без гроша и ни туда, и ни сюда. Кланяются умным и доблестным, ибо ум и доблесть – лучшие гарантии грядущих богатств и знатности. Но нигде не видел, чтобы кланялись тупым и вульгарным. Наоборот, их удел гнуть спину. Как ни странно, ко мне это пришло давно, но, пока рассуждал и думал, что и к чему, этим уже было поздно пользоваться. Жизнь постоянно заставляла меня кланяться всем и умным и доблестным, делал с уважением, кланялся богатым и знатным, но ничего не перепало. Перед вами – классический неудачник на работе, особенно на директорской должности. Меня очень многое интересовало, везде брало верх любопытство и желание это постичь. Проявлял себя на учительской работе, но, как только получал должность, так сразу на это место находил претендент.

Было время и прошло, наступила старость. Пока молод и здоров, ничего не пугало, златое море мне по шиколотку. Пришло время, когда начал оглядываться и всего бояться: настороженного взгляда и неправильных слов, брошенной фразы и чужого мнения. Мой дед ничего не боялся, только, как помню, переживал в последние дни за свою немощность. Отец являлся терпеливым человеком, но и его скосила та же недуга. Я думаю, что скоро и это произойдет со мной, только вот жаль, нет внука. Хотелось бы поддержать его в руках и погулять с ним во дворе. Не спешите, не торопите жизнь, всё происшедшее со мной придет и к вам, в своей форме и по сути, но обязательно придет.

Мысли вслух. Хорошо поешь – плохо, наступает лень, апатия и тянет ко сну. Плохо поешь – в глазах появляется холодный алчный блеск, сопровождающийся раздражением и злостью к тем, кто постоянно сыт. Хорошая одежда вызывает у других людей зависть и желание любым способом иметь больше, чем есть у других и даже лучше. Интеллигентность, манера поведения и улыбка на лице вызывает недоумение у большей части людей: «Может у него не всё в порядке с головой?».

Говорят, что малое порождает большое. Народ не забыл, передавая из поколения в поколение все, что прошло с ним в прошедшие времена в виде устных сказаний. Многое прошло по полотну земли, но большинство людей живут проблемой одного дня. Зачем казаху в далекой степи свобода? Она у него была, есть и будет: выйдет утром в зеленое поле, вдохнет аромат полыни из степи, прохладный воздух гор и ничего ему больше не надо. В то же время земледельцу много нужно – пшеница, кукуруза, полив, соху, лошадей и коров, да и не может он оторваться от земли – выращенное надо поливать, охранять и собрать. До неба ли ему, какое дело до звезд, когда нет воды, прилетела саранча или напали гусеницы.

А колесо истории, на то оно колесо, что катится безостановочно по жизни, где на пути попадают ямы, выбоины, камни, горки и равнины. Нет ей дела до прошлого. Надо успеть прожить сегодня, успевая фиксировать хотя бы памятное. В энциклопедии запишут только известных людей, кто своими делами, словами и подвигами оставил память о себе. О простом человеке там не будет записей, он проходит под общей строчкой – народ. Поэтому я и хотел оставить память о себе словами для детей и внуков, близких и родных.

***

Мир знает, что история человека записана в разных Книгах жизни — китайской, арабской, пещерной или каменной, но записана с упорством и настойчивостью. Отмечая великие даты, моменты и события на Земле, человек старался оставить память о себе наскальными рисунками в Азии, рисунками в пустыне Наска в Южной Америке, письмами Шумера на территории Ирана и Ирака.

Сейчас другое время, новая эра и XXI век просят оставить на земле свой след. У меня есть мать и отец, у них тоже есть родители, как и у всех, кто был до меня и будет после. Для своих детей, племянников и внуков пишу, чтобы помнили они свои корни, свое прошлое. Зная, что все события на земле имеют место и время и связаны воедино в тугой узел жизни, прошу детей, внуков и правнуков продолжать начатое дело.

Моя ветвь

Амирсеит (Амір Сейид) — внук и сын, отец и дед, родился в селе Подгорное Георгиевского района Чимкентской области Казахстана 16 августа 1946 г., в 4.00 утра, в пятницу (по знаку — Лев, год Собаки). Родоначальник аулета Бимырзы.

Зухра — жена и мать, родилась в Караганде 21 декабря 1946 г., в 00.30 ночи, в субботу (Стрелец).

Шалхар — сын, родился в Кызыл-Орде 10 июня 1968 г., в 9.45 утра, в понедельник (Близнец). Второй из аулета Бимырзы, продолжатель рода. Проживает в Нижневартовске, Тюменская область, Россия.

Асель — старшая дочь, родилась в Джамбуле 25 июля 1974 г., в 17.06 вечера, в четверг (ранний Лев). Проживает в Таразе (Джамбул), Казахстан.

Олеся — младшая дочь, родилась в Западной Сибири, в г. Нижневартовске Тюменской области 12 сентября 1982 г., в 20.05 вечера, в воскресенье (Дева). Проживает в Тюмени, Россия.

Карина — первая внучка, дочь Шалхара, родилась в Тобольске 28 февраля 1990 г., в субботу, сейчас проживает в Надыме Ямало-Ненецкого автономного округа, Тюменской области.

Анель — вторая внучка, дочь Шалхара, родилась в Нижневартовске 24 декабря 1999 г., в 22.00 вечера, в четверг.

Дастан — первый внук, сын Асели и Тлеу, родился в Нижневартовске 25 февраля 1997 г., в 10.00 утра, во вторник.

Ардак и Айман — внуки, дочери-двойняшки Асели, родились в Таразе 22 февраля 1999 г., в 11.00 утра, в понедельник. Айман умерла.

Владислав — второй внук, сын Олеси и Ивана, родился в Тюмени 24 мая 2004 г., в 12.00 дня, в понедельник.

Родословная моей семьи:

1. Дормен
2. Сатемир
3. Жазы — пращур
4. Бурта — прапрадед
5. Кольбай — прадед
6. Бимырза — дед

7. Даутбек — отец
8. Амирсеит – глава семьи
9. Зухра - мать

сын Шалхар	дочь Асель	дочь Олеся
жена Калима	муж Тлеу	муж Иван
внучка Карина	внук Дастан	внук Владислав
внучка Анель	внучка Ардак	

(данные на 16.08.2006 г.)

ГЛАВА IV

КОЧЕВНИКИ

(размышления, поиск и мнение)

Справка:

гипотеза (от греческого hypothesis – основание, предположение), предположительное суждение о закономерной (причинной) связи явлений.

Во время поездки к родственникам в Казахстан, не мог уснуть. На ночевку старался останавливаться в одном и том же месте – возле автозаправки за Карагандой в сторону Балхаша. Хорошо продуваемое степным ветерком место освещено прожекторами на высоких столбах, стоявших по всему периметру. Супруга уже дремлет, не выпуская из поля зрения мои действия. То и дело подезжают заправиться бензином легковые автомобили, освещающая салон моего автомобиля светом ксеноновых фар. Дальняя дорога, бесконечный шелест автомобильных шин, мелькание дорожных знаков и бесконечная полоса асфальта, разбредили меня. Взяв с собой старую книгу автомобильных дорог, вышел из машины и присел под фонарь. Решил просто полистать, посмотреть траекторию движения, которую проложил годами. Сначала Казахстан, потом Россию, лист за листом, не вдумываясь в содержание, так как дорогу на родину детства выучил наизусть.

Устав листать без смысла книгу, закрыв глаза и откинув голову, закрыл ее. Что-то всплеснуло крылом чайки, тенью мелькнуло в голове, но мысль пожилого человека не смогла зафиксировать осязаемое, и это событие улеглось в дальних уголках памяти. На следующий день, сколько не старался поймать ту мысль, а дорога требовала пристального внимания, так и не вспомнил. Через десяток дней мы собрались в Туркестан, давно уж там не был. Первый раз побывал в 1964 году, с удивлением глядясь в памятники старины. Хоть и помню многие названия сел и аулов, но некоторые места уже забыл, память стала подводить. Поэтому вечером взял книгу «Атлас автомобильных дорог СССР» и стал выяснять, где и как пролегает трасса.

Пролистав и запомнив приметные названия, закрыл атлас и забылся. При всем кошмаре снов, где я бежал босоножим мальчишкой в детстве, упрямым юношей в интернате, тут и появилась давняя мысль, промелькнувшая неуловимой птицей в степи. Как много одинаковых названий городов, сел, рек, озер! К примеру: село Катын-коп (Южно-Казахстанская область), река Катунь (приток Оби), село Хатынь (Минская область). Это слова, имеющие примерно одинаковый корень (Катын – женщина, но с разным произношением) наталкивают на одну мысль.

Все мы люди и живем на Земле, не обращая внимания на простые вещи и понятия, как, например, на названия местности или водоема. Я знаю много случаев, когда названия сел, деревень, рек и озер при составлении карты, меняли свои настоящие имена. Если вставить лишнюю букву в имя, фамилию или изменить эту же букву на другую, то изменяется вся фамилия и прошлое. Пример: мое имя написано по-русски – Амирсеит. Но оно имеет совсем другое значение, если назвать его на родном языке – Амир Сейид (великолепный служитель веры), но на него я не похож, даже при близком рассмотрении под микроскопом.

Эта мысль не давала мне покоя постоянно. Вернувшись в Нижнеартовск, открыл «Атлас мира». Углубившись в чтение книги, увидел много одинаковых названий, имеющих одни и те же корни, понял, что здесь зарыта глубокая кладь и предостит непочатый край работы. Город Исфакан (Иран), город Бехбехан (Индия), река Сейхан (Турция), река Джейхан, город Джейхан, город Ильхан (Турция), города Пхохан, Кочхан (Южная Корея) города Лабухан (Индонезия), Мунг-Хан (Монголия), город Илон-Хан (Бурятия), город Хан-Сума (Китай), город Шахрихан Узбекистан), город Шерхан (Афганистан), даже есть немецкий ученый Отто Хан.

Джейхан – это по русской транскрипции. На казахском языке звучит немного по-другому: Жейхан или Жайхан, но во всех названиях один корень – «хан». Если рассматривать слова с корнем на «бе», то можно найти эти названия и в Казахстане, Германии, Дании, Англии, Канаде, Ингушетии, Пензенской и Ростовской областях, Туркменистане, Узбекистане, Ливане.

***

Как тюркские слова взопли и приобрели местожительство на невообразимых просторах Земли? Почему людям в разных частях континентов, говорящих на многих языках понадобилось

использовать слова кочевников? Как и чем объяснить столь широкую географию внедрения тюркских слов? Какая тайна здесь сокрыта? Почему до сих пор нет ответов на эти вопросы?

Я понимаю, что многим тем, кто уже является свидетелем свершившихся фактов, болезненно воспринимать некоторые исторические факты напрямую трудно, но это надо признать. Все мы из прошлого, из Дарвина. Никто этого не может отрицать, но дальше дело шло не по его трактовке. Одни успели превзойти его, другие поднялись на ступеньку развития и остановились, третьи учились искусству политики, притом старательно придерживаясь общеизвестных фактов становления общества, как таковое, а не иначе.

Как ни парадоксально, но ни историческая, ни филологическая наука не отследили закономерности «миграции» слов кочевников. Эта актуальная проблема особо не затрагивала умы ученых, не получило должного освещения вопрос о влиянии кочевой мобильности тюрков на исторический процесс. Ведь это и понятно: никто и никогда не вел учета миграции кочевников и не раскрывал их роль в формировании народов планеты. Тем более происхождение самих тюрков окутано завесой тайн и традиционно для ученых тюркская тема считалась и считается неперспективной.

Отдельные научные поиски не приносили ощутимых результатов, поэтому данной теме отводилось место на задворках научного процесса. Да и кто может пойти против маститых и забивших себе место в истории Земли ученых, чей авторитет непререкаем ни в чем? Они давно решили, что Европа – это пуп Земли, откуда начинается культура, история, политика. Остальное – это инородцы, малокультурные, отсталые, дикие или низшие расы. (Обратите внимание на книгу В. М. Михайловского «Шаманство». Сравнительно-географические очерки. Тюмень. Мандр и К. 2004).

Можно привести слова И.Г. Гердера в книге «Идеи к философии истории», М., 1977, с. 473): «Кому нужны эти азиаты, остающимися дикими, несмотря на то, что прошло столько веков? Кому нужны эти чужеземцы Европы?». Он, наверно, не знал, что один из древнейших текстов Библии – «Псалтырь», который хранится в библиотеке Ватикана, написан на тюркском языке. Его привезли в Рим с Дона, из города Тан в V - VI веках. Об этой и других священных христианских книгах, написанных на «туннском языке», упоминает в своих работах Моисей Коганкотвацци. (М. Аджи. Полюнь половецкого поля. М, 1994, с.150).

Исследования тюркской истории в СССР была под строжайшим запретом. КПСС и ее идеологическая линия расценивала малейшие поиски в этой области, как проявление пантюркизма. Этот путь характерен для многих республик Советского Союза, отсекающего от них целые эпохи исторического развития. К этому их принудили, но от этого никому не стало легче. Кара за самостоятельность не заставляла себя ждать – психиатрическая больница, тюрьма или Гулаг. В результате мы имеем то, что имеем – современная тюркология и тюркская история имеет массу научных проблем и нескончаемую вереницу вопросов.

Надо признать, что многие поколения исследователей сосредоточили свое внимание на истории и культуре земледельческих народов, делая односторонние выводы на базе своих исследований. Некоторые маститые ученые даже отвергали и до сих пор отвергают понятие «тюркизм». Тенденциозное и пренебрежительное отношение к духовной культуре кочевников дало плачевные результаты – пострадала не столько история тюрков, сколько всемирная история. Народы мира получили искаженную, не объективную и убогую историю: одни получили известность, звания и награды, другие – то, что устраивает первых. Едва не каждая страна пишет свою историю, не стоит в этом кого-то винить. Они думают о себе, но не больше других.

Я считаю, что разрушение памяти нации, отсечение прошлого от настоящего – страшная вещь. Потому что историческое беспамятство – самая благоприятная почва для социального безумия. Французский историк Марк Ферро написал книгу «Как рассказывают историю детям в разных странах мира». Выясняется очень интересное: о себе сочиняют все! Это – общепринятая норма «официальной» истории. В Индии история лишена сущности, она мифична в своей основе. История арабов – это «история, нарисованная в картинках». Персидский вариант развития мира ставит Иран центром цивилизации на планете. Армения, много раз терпевшая поражения, охотно «возвеличивает свою историю, придавая себе светлый образ мученичества».

Кому нужна неправдивая и прилаженная история? Я знаю, что у каждого человека, как ни крути, есть непреложная истина – жить по правде, по чести. Но она получается не у всех. Тогда Хомо Сапиенс изворачивается ужом, пролезая в любую щель, чтобы найти то, что искал. Ложь в науке рано или поздно всплывет наружу, и, тогда, трагедия может оказаться непредсказуемой. Надо отметить, что в настоящее время наметился поворот от европоцентризма в исторической науке к реальному осмыслению происшедших и происходящих событий на Земле, хотя многие ученые уже давно обратили внимание на тему «Великая степь»: Я с глубоким уважением отношусь к Л.Н. Гумилеву.

Это он поставил знак равенства между Русью и Степью, предложил идеи пассионарности в своей книге «Древняя Русь и Великая степь».

***

Историк Жозеф де Гинь (1721-1800), в своей работе «Общая древняя история гуннов, тюрков, монголов и других западных татаров», выдвинул тезис о родственных корнях гуннов с тюркоязычными народами. Вместе с тем он поставил уйсуней в один ряд с древними и крупными народами Средней Азии.

Профессор Французской академии А. Жарри де Монси пишет о казахах: «Издrevле этот народ был просвещенным. До принятия ислама у них была своя азбука, очень похожие на письмена, найденные в Южной Сибири, в бассейнах рек Обь и Енисей (так называемые Орхон-Енисейские письмена), но потом лишились их. Казахский язык самый чистый среди тюркских языков».

Справка: Орхон-Енисейские надписи, тюркоязычные надписи 7-11 веко на скалах, камнях, бытовых предметах в Монголии, Южной Сибири, Средней Азии. Названы по находкам в долинах рек Орхон и Енисей (Орхон – правый приток реки Селенга). Орхонские тюрки – объединение тюркоязычных племен Центральной Азии в 5-8 веках во главе с племенем ашина. Участвовали в создании Тюркского каганата. Разгромлены уйгурами.

Оставил свой след и английский художник Джон Кэстль, внесший огромный вклад в изучение истории и этнографии казахов Младшего жуза в составе Оренбургской экспедиции 1735-1737 годов. Его дневниковые записи с богатыми иллюстрациями увидели свет в 1784 году в Риге на немецком языке в качестве приложения к сборнику «Материалы русской истории».

Художник Томас Уитлам Аткинсон в своих исторических, этнографических и географических исследованиях обратил внимание на популярность степняков-сказителей: «Скотоводы так внимали к сказанию поэта о древних батырах, что мне показалось, что даже Гомер, видимо, в свое время не был удостоен такого внимания своих слушателей. Авторитет поэта степей не уступает славе Гомера среди греков. Сперва, когда стихи славили красоту гор и степей, резвость скакунов, люди слушали молча и степенно. Но когда бард перешел к подвигам былых богатырей, они преобразились так, словно их подменили – некоторые, повскакав с места, хватились за свое оружие... Вот такова сила влияния вдохновенного пения жырау на своих братьев. Я долго слушал его пламенные стихи».

Можно вспомнить и Юджина Скайлера, О. Прицака, У Бульджера, А Краусса, Э. Росса и многих других, оставивших наследие о Великой степи. Но Герберт Уэллс, в своем известном докладе (1939 год), «Яд, именуемый историей» страстно предостерегал от преподавания истории с позиции национализма, с позиции неприязни по отношению к «чужим» народам и культурам, вследствие чего она служит не сближению, а разъединению, разобщению народов.

«... Я считаю, - писал он, - что в школах, как правило, неверно поставлено преподавание истории. Не верно, по сути, и по форме. Оно молчаливо исходит из предпосылки, будто французы и англичане, немцы и евреи от века в силу необходимости настолько отличаются друг от друга, что их интересы несовместимы. Это неверно. Идеи о несовместимых национальных различиях не возникали естественным путем. К ним приучали народы. Национализм взращен искусственно, в частности, преподаванием истории». Я бы только добавил – и отдельными личностями, превозносивших себя и свой народ до небес.

Трудно быть гражданином своей страны. А это значит, что надо воспринимать всю тяжесть истории страны такой, какая она есть - с болью и радостью, трагедией и победами, достижениями и заблуждениями. Только такая история учит, но она не пишется в один день. Есть сопоставления, поиски, открытия, сенсации, а за ними стоит кропотливый тщательный сбор по крупицам сведений на основе анализа данных из многих книг прошлого и настоящего. Возможны и предположения, предпосылки, идеи, которые могут дать направление для нового открытия или остаться гипотезой, а на это уходят дни, месяцы, годы и века. Поэтому предлагаю в данной работе свое видение прошлых событий: миграцию, заселение, оседание народов на основе названий сел, городов, рек и имен в сравнении. Просто хочу осмыслить историю казахов, так как имел неосторожность написать генеалогию своего рода. Она и послужила толчком к целому ряду вопросов и поисков ответов на них.

КОЧЕВЫЕ ПЛЕМЕНА

Там, где угрюмый хребет, прорезанный узкими каньонами и широкими ущельями, резко разворачивается на юг, близ родничка под нависшими жилами разноцветного гранита, стоят небольшие временные шалаши, давно выгоревшие на солнце. Ветер, не переставая, треплет их, а люди, подправив боковины и добавив сена, устраиваются на отдых.

Огонек костра с треском вспыхивает, когда в него подбрасывают несколько сухих пучков вечного перекасти-поле. Порывы холодного ветра уносят клубы густого дыма. Ветер раскачивает боярышник, гонит по тропинке сухие листья фисташковых деревьев, которые растут по склонам гор, вцепившись корнями в трещины скал. Иногда освободившись от сцепления, высохшие шары перекасти-поле, подскакивая на камнях, ударяются о шалаши, несутся по ущелью, налетают на стволы деревьев и рассыпаются на мелкие кусочки.

По обеим сторонам тропы, на высохших деревьях, висят давно выцветшие и разноцветные тряпочки, оставленные суеверными путниками. Тропинка вьется вдоль каменных осыпей, доходит до перевала и спускается вниз до родника, где путники, вновь развесив тряпочки на деревья, воздают должное духам, спрятавшимся в глубине гор. Ведь, если не оставить подарка, то они могут вызвать обвал, камнепад, напустят болезнь или заставят хромать лошадь, тогда путник не увидит родного дома. А поток людей и коней не иссякает, передохнув, они уходят дальше, туда, куда ведет душа в поисках счастья и богатства. Так было и так будет. Время повторяет многие события на Земле, независимо от того хочет этого или не хочет человек.

Ранней весной, едва проклюнулись на степных просторах стебельки нежно-зеленой травы, беспроволочный телеграф степняков («зун-кулак - длинное ухо») доносит до кочевых племен слух о том, что такой-то вождь собирается в дальнюю дорогу. Поход начинается ранней весной, когда закончился оют скота, появляются надежды на благополучие и богатство. Конными лавами, огромными скоплениями повозок, люди уходят мимо поселений вдоль рек на юг, восток, север или запад, исчезая во времени и в пространстве.

Кочевые племена – скифы, саки и гунны – вошедшие в мировую историю, как три корня одного дерева, одного истока, как жители Великой Степи (Дешт-и-Кипчак), до сих пор остаются в памяти многих поколений и народов. Саки – тюркоязычные племена, населявшие огромные просторы от Днепра до Енисея, ушли в поход на юг. Наиболее западная их ветвь, располагавшаяся от Итиля (Волги) к Танаису (Дону) и Борисфену (Днепру), называли себя скифами из Дикого Поля. Они тоже ушли в поход чуть позже, дабы успеть взять многое из того, что принадлежит другим народам. Стоустая история передает события того времени, напоминает, где можно записывая в свои анналы. Там есть и:

Нашествие скифов в южную Азию;
Царь царей Кир, потерявший голову в степи саков;
Александр Македонский, вовремя ушедший из степей саков;
Конец Римской империи после нашествия гуннов.

***

У Великой Степи, вдоль рек и озер проживали многочисленные местные племена, занимавшиеся скотоводством и примитивным земледелием. Рядом селились племена, пришедшие с запада и юга, севера и востока. Происходил обмен товаром, оружием и технологиями производства. Находили общий язык, вступали в кровную связь, воевали между собой, объединялись против врагов и мирно сосуществовали на обширной территории.

Любой человек, если не имел дурных целей, переселяясь, становился уважаемым гостем у местного населения. Ему отводили почетное место и угощали самым лучшим, что есть в юрте у хозяина. Происходило смешение крови, в степи появлялись люди со светлой и темной кожей; светлыми, рыжими и черными волосами; карими, голубыми, зелеными, серыми и черными глазами.

Особенность степных племен заключается в том, что они легко снимались с места и уходили в поисках обетованной земли, пастбищ и лучшей доли, чаще всего, куда глядят глаза - в поисках лучших пастбищ, хороших земель. В краях, куда они прибывали, территории уже были заняты местным населением и ранее пришлыми людьми. Во второй половине III – начале II тысячелетия до н.э. с развитием скотоводства и занятием из стран древневосточной цивилизации колёсной повозки, через Кавказ и Подунавье началась восточная миграция индоевропейцев. Она проходила волнами, племена кочевали далеко, вплоть до Алтая, Монголии, Амура, Америки, разных островов и наоборот. Причина – в сравнении со скотоводством, земледелие не давала выгоды, хотя и было необходимым подспорьем. Скот быстро вытаптывал пастбища, возникала необходимость искать новые земли – редко заселенные, обильные водой, ковыльные и полынно-типчаковые степи.

Небольшая перекочевка или миграция происходила всегда. Семья старалась обособиться, если не получалось, то искала более сильную группу людей, объединявших вокруг себя обездоленных. Создавалось объединение людей по интересам, экономике, избирался вождь, возникал род и племя. Рода объединялись в племена при внешней угрозе, племена договаривались между собой, создавая тем самым союз племен для разных целей и выполнения поставленных задач. К примеру, наиболее

известный факт: племена германцев когда-то проживали на земле Кармании или Германии в Персии. Когда царь Дарий жестоко подавил восстание мидян, маргианцев, будущие остготы смогли чудом уцелеть. После продолжительной борьбы, не пожелав склонить головы перед персами, покидают свою отчизну и перекочевывают к Причерноморью. Позже, под влиянием внешних обстоятельств, прошли дальше, чтобы создать новую родину, возродить вольный дух «ариев» в новой Германии.

Главный вопрос заключается в том, что же могло толкнуть множество народов покинуть обетованную землю, землю своих отцов? Кто или что заставило уйти по Великой Степи через Тихий океан в Америку, перебраться через ущелья и горы в Индию и дальше на острова, привыкнуть к холоду Севера? Уходили ведь семьями, родами, племенами, называя себя ариями, турами, дахами и т.д. Переселений происходило множество, в чем-то схожих между собой и явно отличавшихся, но подчиненных одной цели – найти «обетованную» землю. Что явилось причиной лавинообразного скачка?

Кочевники на рубеже V-II тысячелетий до новой эры стали известны соседним земледельческим районам, как люди, жившие особым, отличным от земледельческого образа жизни, ведущие своё специфическое животноводческое хозяйство. В условиях изоляции они не смогли бы выжить, если не было контактов и на них не влияло воздействие более мощного и постоянного цивилизирующего воздействия.

Особенностью тюркских кочевников является решительность менять места своего обитания, а затем и привычный образ жизни, вторгаясь в зону существования земледельцев или других кочевников, вступали в тесный контакт с новым населением. Становясь правителями завоеванных территорий, они слезают с коней и перестают быть кочевниками, во всяком случае, в лице потомков. Я бы сказал, что именно кочевники обладали пассионарностью, как это было продемонстрировано самим Великим Переселением.

Пассионарность – это определенный заряд жизненной энергии, способность к изменению, к восприятию нового – обновления образа жизни, особенно в кризисной, критической для него ситуации жизни. Тюрки, внося свой заряд в переселения, вдохнули новые жизненные силы в древние местные цивилизации, сыграв немалую роль в обновлении мира

***

Истории известны и другие «великие переселения народов» до и после рождения Христа. Археологи порой находят в Подунавье, Причерноморье, южном Урале свидетельства того, что на одной местности в одно и то же время проживали не родственные народы и в разное время на одной территории процветали разные культуры. Очень часто схожие исторические памятники находят в Сибири, Алтае, на Дальнем Востоке, за тысячи километров от предыдущей находки, что говорит в пользу великих переселений. О малых и неудачных миграциях просто забывали, зачастую нечем было это все передать.

Говорят, что у кочевых народов, не существовало письменности. Точно это нельзя утверждать, потому что на территории Казахстана существовали тюркские письменные памятники. Китайский купец Цен-Цзы пишет правителю Поднебесной следующее: «... Продолжаю мое письмо о той стране, куда направили мои добрые духи. Страна называется Кангюй (II век до н.э.). Эта страна лежит на большом пути из страны Небесного спокойствия к Западному морю. Длинные караваны с различными товарами проходят ее во все стороны. Она защищена горами и пустынями от вторжения других народов и многие годы живет в счастье и спокойствии, не испытывая бедствий войны. Находясь на богатых караванных путях, часть населения занимается скотоводством, небольшая часть – земледелием, остальная – торговлей. В стране семьдесят городов, окруженных тройными стенами. В каждом городе живет ставленник царя и правит народом и землями от его имени. Высокопоставленные сановники умеют читать и писать. Пишут с помощью двадцати пяти знаков, которые переставляют в разном порядке и этим обозначают различные вещи. Книги написаны на выделанных коровьих шкурах справа налево, что представляет для меня большое неудобство ...».

***

В IV-III веке до новой эры проходит миграция саков. Они выходят на Хорезм, Согдиану (столица Самарканд, ранее – Мараканд), Бактрию, Парфию, проскакивают на Персию и далее на южные более развитые государства. Неожиданно появляясь на конях в тихих оазисах счастья, огромной массой наваливались на местный народ, завоевывали огромные территории и становились хозяевами на время. Мало кто вернулся, многие осели там, чтобы испытать те же ужасы, теперь уже от другой

волны завоевателей. Чтобы оградить себя от летучих отрядов кочевников китайцы в V веке до новой эры стали строить стену, отделявшую внутренние районы страны от набегов из Дешт-и-Кипчака.

Вторая волна, в истории это записано, как нашествие скифов на страны «Серебряного Полумесяца». Скифские племена, проживавшие на территории Северного Причерноморья в VII веке до н. э. – III веке н. э., увлекли за собой огромную массу других народов в поисках легкой жизни. Многие из них исчезли в горниле войны за чьи-то идеи, мечты и планы. Даже следов не осталось. Кто остался жив, ассимилировался в чужих краях, потерял свои корни, став арабами и другими.

Великая степь оправилась и от этой миграции, чтобы отправить теперь в Европу третью волну в начале IV века нашей эры – гуннов. Кочевой народ II-IV века, в составе – приуральские тюркоязычные хунну, угры, сарматы и другие племена, подчинив ряд германских и других племен, возглавили мощный союз племен, предпринимая опустошительные набеги во многие страны Европы. Наибольшего могущества гунны достигают при Аттиле. Их продвижение на запад остановлено на Каталаунских полях (451) полным разгромом. После смерти Аттилы союз племен распадается (453 г.). Гунны не вернулись, сладкая жизнь за чужой счёт развратила людей, которые теряли сначала волю и осторожность, потом силу и даже жизнь. Перед нами стоит всего один вопрос: почему люди шли на запад? Почему они возвращались обратно на свои земли или селились рядом? Разве мало места человеку на восточных землях?

На земле свершалось множество и других миграций (переселение тюркоязычных племен в Великую Степь вплоть до островной Индонезии, Америки, Японии, Кореи). Одна эпоха подчас достаточно резко сменяла другую, но смена эпох казалась внезапной только для современного историка, в перспективе наблюдаемых им веков и тысячелетий. Мне кажется, что для людей того времени, всегда стремившихся жить по заветам предков, понятие исторического времени и его разделение сливалось с представлениями о прошедших «славных временах», о «годах бедствий» и вражеских нашествий, природных катастрофах.

Все миграции начинались завоеванием территорий, порабощением населения. Одни народы исчезли навсегда в горниле времени и пространства, другие приспособлялись, ассимилируясь в другой народ, не оставив имени своего, третьи, наоборот, в борьбе многое теряли, но выживали и возрождались.

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ – РОДИНА АРИЙЦЕВ

Если взглянуть на карту Азии, представить себе ее положение на лике Земли, то взгляд упирается в места, названные Передней Азией или «золотым перекрестком». Именно здесь не стихали и не стихают до сих пор страсти между арабами и евреями, да и не дадут ей угаснуть. Слишком много выложено денег на разрушение покоя земель Палестины, которая явилась величайшим очагом древней культуры, кузницей многих языковых семей, родной первых письменных знаков человечества, кладовой тайн истории. И не зря самый прославленный город этой земли – Вавилон – называли «пупом земли». В глубокой древности все дороги вели в Вавилон, а не в Рим. Мне кажется, что именно римляне переиначили данную мысль для того, чтобы поднять авторитет италийского «сапога».

Как ни странно, но истоки зарождения прототюрков тянутся на эту обетованную землю. Олжас Сулейменов пишет: «Шумерские и древнесемитские слова в языках индоевропейских, угро-финских, тюркских и даже ханьском (китайском) яснее археологических данных рассказывают о том, что Древняя Передняя Азия была некогда местом обитания этих этносов, разошедших по миру в результате аппозионарного взрыва южноаравийских племен» (О. Сулейменов. Язык письма. Алматы-Рим, 1998, с. 231).

Правильность этих выводов не подлежит сомнению, так как миграционные потоки из Передней Азии в Центральную Азию прослеживаются и по археологическим памятникам. Научно доказано, что антропологический состав древнеказахстанских племен эпохи бронзы складывались главным образом из двух европеоидных расовых типов – андроновского и восточносредиземноморского. (История Казахской ССР. В пяти томах. Т. 1, Алма-Ата, 1977, с. 133).

Справка:

Андроновская культура – эпоха бронзы. II-е тысячелетие до н. э. – в Западной Сибири, Казахстане, Южном Приуралье. Названо по деревне Андронове около Ачинска. Могильники и остатки поселений. Хозяйство: скотоводство и земледелие.

Средиземноморская раса входит в большую европеоидную расу. Характерны смуглая кожа, темные глаза и волосы (волнистые), узкий прямой нос, долхоцефалия или длинноголовость (соотношение длины и ширины головы составляет менее 0,75 длины). Брахикефалия – короткоголовость (более 0,81 длины). Мезоцефалия – среднеголовость (от 0,75 до 0,80 длины).

Кельтеминарская культура – эпоха неолита, конец 4-3 тысячелетия до н. э. в Южном Приаралье. Названо по каналу Кельтеминар в Каракалпакии. Стоянки рыболовов и охотников, каменные и костяные орудия, глиняная посуда.

Афанасьевская культура – эпоха неолита 3-начало 2 тысячелетия до н. э. в Южной Сибири. Названа по могильнику у города Афанасьевская в Хакасии. Остатки поселений и могильники. Хозяйство: скотоводство, охота, земледелие).

Факты антропологии упорно твердят о том, что тюрки мигрировали в Великие Степи Евразии с востока Средиземноморья. Любопытно то, что академики В.В. Бартольд и Н.Я. Марр обратили внимание на схожесть обычаев, традиций шумеров и монголов, направляя пылкий взгляд исследователей опять на Переднюю Азию.

В последние годы исследователи прошлого все чаще и чаще говорят и пишут о том, что корни происхождения тюрков следует искать в древнеарийской среде, интуитивно и правильно угадывая направления поиска. Но, к сожалению, свои догадки не подкрепляют убедительными доводами. Поэтому я и решил для себя восполнить некоторые пробелы исторической науки: с одними утверждениями некоторых историков не согласен, другие – хотел бы оспорить.

***

Язык народа – вот ключ к разгадке и решению многих исторических проблем. Если внимательно анализировать и сравнивать языки народов, имена людей, географические названия, то можно открыть много тайн прошлого. Первоначально в пластах слов следует отыскать самоназвание арийского народа. Арийцы называли мужчин арий, ар, ара, а женщин – ару. Такой же расклад слов можно заметить в названии одногорбого верблюда – нар, одногорбой верблюдицы – аруан.

У! У! У! – восклицают мужчины, увидев красивую девушку. Вполне возможно, что сочетание этнонима «ар» и будоражащего звука «у» повлияли на образование слова «ару» – красавица. Исследователи О.Панзабеков и Б. Алтаев считают, что самоназвание «арий» появилось в результате активного использования арийцами морфем «ар», «ф». (Панзабеков, Б. Алтаев. ТЮ+ГЮ = Туркул. Алматы, 1999, с. 4).

Пример:

Ари: Дрия, кария, жария, Карим, Кари, Арифджан, Фариза, Фарид, Карина, Зарина, р. Сунгари, Тарим, племена аримаспи, дандарий.

Арья: Сыр-Дарья, Амударья, Кувандарья.

Ару: ару, аруак.

Ар: аргын, агриппей, татар, балкар, булгар, катиар, паралат, хазар, авар, максар, Арыс, Арыстанды, Аракс, Аргунь, Арал, Арасанкапал, Арнасай, Сары-Арка, Кашгар, Аркалык, арпа, ара, арша, арак.

Следует обратить пристальное внимание на слова, близкие душе кочевника. Это – армак (чистокровная породистая лошадь), арба (телега), арыс (остов телеги), аркан, артезиан, архар, кошара и другие. Спектр участия этнонима «ар» в словообразовательном процессе очень велико. Они могут выражать целую гамму чувств, характеров, человеческих качеств и взаимоотношений. Это такие слова, как араз (обида), араздасу (взаимная обида), араласу (принять участие) и многие другие.

Из глубины тысячелетий берет свое начало вера тюрков в дух предков – аруах, т.е. арий. В результате его почитания появились такие слова как ару, ардак, аруг и другие. Слово «ар» - это не только этническое, но и этическое понятие, как честь, совесть, стыд, выражающие нравственный мир арийца.

Армысын! – так приветствуют друг друга казахи. (Армысын, ар-мысын. Ар – это ариец). В конечном счете, вопрос – Ты ариец? – таков изначальный смысл этого приветствия.

Сенін арын бар ма? Есть ли у тебя норы? – говорят казахи. - У тебя есть арийское происхождение? – таков первоначальный смысл этого выражения.

Сенін кайжерін артық? Что в тебе превосходного (арийского)? – спрашивают встречного казахи. В Якутии есть населенный пункт Артык, а у казахов встречаются имена Артык, Артыккул.

Тюрко-арийские языковые праформы сохранились и в современном казахском языке. Это – нар, кер, гср, кар, фар, фаз, нама, дама, деме, хана, кана – жауапкер, айыпкер, жауынгер, соткар, кыкар, онерпаз, аспаз, жарнама, малымдеме и другие. Приведенные выше примеры – это веские аргументы, подтверждающие этническую и культурную преемственность арийцев и казахов. Факты говорят о том, что корни происхождения тюрков тянутся в среду древних арийцев. В древних пластах этого народа таятся не только секреты истории тюрков, но и многих народов мира.

***

Некоторые исследователи считают арийцев предками европейских народов. По своей сути эта теория верна, но ошибочно локализация древней родины арийцев в Европе – от Рейна до Волги. К примеру, уважаемый мной историк Кляшторный пишет, что «... В индоевропейскую входят ныне славянские, германские, романские и иранские языки, а также языки Северной Индии и некоторые другие. В целом эта языковая семья сформировалась примерно к V тысячелетию между Дунаем, Рейном и Волгой, и только в III тысячелетии, в процессе распада и расселения, началось её распространение южнее и восточнее первоначальной прародины. Такой взгляд на раннюю историю предложил выдающийся петербургский историк и языковед И.М. Дьяконов (О прародине носителей индоевропейских диалектов. ВДИ, 1982, № 3-4). Существует и другая точка зрения на местоположение прародины индоевропейских языков, отстаивающая приоритет Передней Азии. (Гамкрелидзе Т.В, Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т.1-2, Тбилиси, 1984). В настоящее время археологические открытия всё более подтверждают выводы И.М. Дьяконова». (Кляшторный С.Г, Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий, Рауан, Алма-Ата, 1992, с.12).

Общезвестно, что индо-арийские языки образовались в V-II тысячелетии до новой эры, т.е. в эпоху неолита, энеолита и бронзы. Следовательно, романские, германские, славянские, иранские и индо-европейские племена должны жить близко друг к другу и интенсивно общаться, т.е. вести взаимобмен слов на «языковом пятячке». Данные археологии не подтверждают наличия такой общеземли или языкового моноцентра на указанной выше территории. Дремучие леса Европы не могли служить идеальным условием для развития индо-европейской языковой семьи. Кроме того, на каждой территории жили местные народы, которые, что вполне возможно, изменили некоторые направления языка в свою сторону.

Для подтверждения этого, обратимся к археологическим данным Европы. Так, археологическая Солютрейская культура того времени, охватывающая территории Франции и Северной Испании, показывает, что основным занятием людей была охота. Мадленская культура тоже свидетельствует о наличии охоты и рыболовства в данной зоне.

Справка:

Мадленская культура позднего палеолита около XV- VIII тысячелетия до н.э. в Европе. Названо по пещере Ла-Мадлен во Франции, где люди использовали каменные резцы, костяные и роговые изделия, занимались резьбой по кости и настенной росписью в пещерах. Хозяйство: охота и рыболовство.

Солютрейская культура позднего палеолита на территории Франции и Северной Испании 18-15 тыс. до н.э. Названо по стоянке Солютре. Характерны кремневые наконечники в виде листа или лабра. Хозяйство: охота.

В это время не наблюдалось крупных экономических, а следовательно, и культурных изменений и в последующие тысячелетия. Если обратиться к материалам Тарденаузской культуры, культуры ямочно-гребенчатой керамики Турдашской культуры, Уиндмилл-Хильской культуры, то основным занятием этих людей была охота и рыболовство. Данные археологии, истории и языковой практики народов однозначно указывают, что родина индо-европейской, хамито-семитской языковых семейств и тюркского языка – Передняя Азия. Убедительным доводом в пользу этой версии служит наличие в этих языках огромных пластов слов арийцев, шумеров, аккадцев.

Справка:

Тарденаузская культура позднего мезолита (около VII-IV тыс. до н.э.) в Западной Европе. Названо по городу Фер-ан-Тарденауз во Франции. Стоянки охотников и рыболовов. Характерны микролиты – мелкие игольчатые или пластинчатые кристаллики горных пород.

Турдашская культура эпоха неолита на территории Румынии. Названо по селу Турдаш в западной части страны. Поселения с остатками шалашей, землянок и наземных жилищ. Микролиты, каменные топоры, редкие медные предметы, керамика, Погребения на территории поселения. Занятия населения – примитивное сельское хозяйство.

Уиндмилл-Хильская культура эпохи неолита- III тыс. до н.э. на юге Англии. Названа по памятникам у населенного пункта Уиндмилл-Хилл. Остатки загонов для скота, поселений жилищ, шахты для добычи кремня, коллективные погребения. Занятия: сельское хозяйство, охота, рыболовство.

Культура ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита в лесной полосе Восточной Европы - IV-середина II тыс. до н.э. Используются сосуды с орнаментацией ямками и гребенчатым штампом. Поселения с полуземлянками, труположения. Хозяйство: скотоводство, охота, рыболовство.

Если в Западной и Восточной Европе хозяйство древних людей находилось в примитивном виде, то иная картина наблюдается в бассейне Средиземноморья. Однако следует подчеркнуть, что развитие хозяйства и культуры человеческого общества в этом регионе шло неравномерно.

Возможно, где-то произошел скачок, в другом месте люди не смогли быстро перенять новшества. Быстро и резко скачка в экономико-культурном развитии добились жители Месопотамии в VII тыс. до н. э., а затем и жители среднего Нила в VI-V тыс. до н. э. Развитие экономики наблюдается и у жителей Греции (VI-V тыс. до н. э.). Первые успехи у жителей бассейна Средиземноморья проглядываются в так называемой Натуфийской культуре (Палестина, Сирия), Капсийской культуре (Северная Африка, Сирия, Южная Италия, Испания), где наряду с охотой и рыболовством, развиваются собирательство и осваиваются первые навыки земледелия.

Справка:

Натуфийская культура эпохи мезолита X-VIII тыс. до н. э. Названо по долине Вади-эн-Натуф. Пещерные и открытые поселения и погребения. Хозяйство: охота, рыболовство, развитое собирательство злаков. Люди – по физическому типу близкие к индо-средиземноморской расе с некоторыми негроидными чертами. Известны по находкам скелетов в памятниках натуфийской культуры Передней Азии.

Капсийская культура эпохи палеолита и мезолита IX-V тыс. до н. э. Названо по стоянке около города Гафса (Капса) в Тунисе. Каменные микролитические орудия, наскальные рисунки, раковинные кучи. Хозяйство: охота, собирательство.

Стремительный рывок в развитии человеческого общества наблюдается в Хассунской культуре. Жители этого региона уже занимались земледелием и скотоводством. Они имели свою металлургию (медные изделия Тель-Сотто). Наблюдается неуклонный рост экономического развития. Этот процесс очевиден по материалам Эль-Обедейской и Халафской культур. Люди занимаются не только земледелием и скотоводством, они строят города, ирригационные системы, имеют развитую металлургию в соответствии со временем.

Справка:

Хассунская культура эпохи неолита в Северной Месопотамии VII-VI тыс. до н. э. Названо по поселению Тель-Хассуна около г. Мосул, Ирак. Поселения и погребения. Хозяйство: скотоводство и земледелие.

Эль-Обедейская культура эпохи энеолита VI-сер. IV тыс. до н. э. в Месопотамии. Названо по поселению Тель-эль-Обейд (Убейд) в Ираке. Характеризуется возникновением городов и ирригационного земледелия.

Халафская культура эпохи неолита V тыс. до н. э. в Сирии. Названо по поселению Тель-Халаф на северо-востоке Сирии. Поселения, расписная керамика, медные изделия. Хозяйство: скотоводство, земледелие.

В Месопотамии развивалась не только экономика, но и культура, речь людей и первые письменные знаки человечества. Если в V-IV тыс. до н. э. в Западной Европе древние люди имели скудную и примитивную речь, то в Передней Азии человеческий язык достиг определенного развития. Этот опережающий фактор остается вне поля зрения лингвистов и историков.

Процесс развития человеческого общества в Египте шел несколько медленнее, чем в Передней Азии. Это видно по материалам Тассийской культуры, раскопок Фаюмского поселения. Темпы ускоренного развития просматриваются по материалам Негадской культуры.

Справка:

Тассийская культура эпохи неолита в Среднем Египте VI-нач. V тыс. до н. э. Названо по поселению Таса. Поселения и могильники. Хозяйство: земледелие, охота и рыболовство. **Негадская культура** эпохи энеолита в Верхнем Египте. Названо по комплексу археологических памятников. Поселения и могильники. Хозяйство: земледелие, скотоводство, охота и рыболовство.

Фаюмские поселения – стоянки эпохи неолита в районе оазиса Эль-Фаюм в Египте V тыс. до н. э. Остатки углубленного в землю жилищ, зерновые ямы, каменные и костяные орудия. Занятие населения – сельское хозяйство.

Культура Сескло эпохи неолита в Греции конца VI – I половина V тыс. до н. э. Названо по поселению Сескло около г. Волос. Остатки наземных жилищ, керамика, статуэтки. Хозяйство: скотоводство, земледелие.

Ощутимы успехи человеческого общества и на территории Греции. К примеру: представители культуры Сескло уже освоили земледелие и скотоводство. Прорыв в экономическом и культурном развитии на определенной части бассейна Средиземноморья имеет огромное значение. Хассунская,

Эль-Обсидская, Халафские культуры Передней Азии детонировали дальнейшее развитие всей человеческой цивилизации, именно на них базируется культуры Шумера и Аккада.

***

Кто этот народ, опередивший все древнее человечество в своем развитии? Откуда и кто они? Почему историки, археологи не дали ясного и четкого ответа на этот вопрос? Я знаю, что историческая наука не знает ответа на эти вопросы и не может дать ответы на них.

Мы знаем, что шумеры и семиты, мигрировавшие в Переднюю Азию лишь в IV-II тыс. до н. э., были очень прилежными учениками этого удивительного народа. Мне кажется, что здесь ответ уже напрашивается сам собой. Самыми древними жителями Передней Азии являлись арии, арийцы, это не требует доказательств. Первые арийские рода появились в позднем палеолите на территории Палестины и Сирии.

«В IX тыс. до н. э. наблюдается переход палеолита к мезолиту, памятники которого найдены главным образом в Вади-эн-Натуф. Сбор и обработка дикорастущих злаков, игравших важную роль в хозяйстве натуфийцев, стали первым шагом к изобретению земледелия». (Редер Д.Г., Черкасова Е.А. История древнего мира. Ч.1. М., с. 194). Некоторые арийские рода успешно занимались вначале собирательством, а затем и земледелием, постепенно переходя к скотоводству.

«Неолитические стоянки обнаружены на всем пространстве Сирии, Палестины и Финикии от VIII до V тыс. до н. э. Это было время значительного развития земледелия, скотоводства и ремесла» (Редер Д.Г. Черкасова Е.А. там же, с. 184-185).

Вместе с развитием земледелия постепенно складывался арийский язык, который явился одним из самых древних языков человечества. Он лег в основу древнегреческого, латинского, армянского языков и, в целом, индо-европейской языковой семьи и тюркского языка. Наиболее «чистым» древний арийский язык вынесли из Передней Азии тюрки-арийцы в Великую Степь Евразии, меньше подвергшись влиянию семитов и других народов. Олжас Сулейменов пишет по данному поводу: «... тюрки и индоевропейцы в эпоху начала имели общую систему личных местоимений первого и второго лица. И вместе вышли на идею спряжения глаголов. Затем дороги расходятся». (О. Сулейменов, там же с. 177).

Развитие экономики и малая территория привело к тому, что арийцы стали быстро осваивать новые земли. Они двинулись в бассейн Нила, Тигра, Евфрата, горные районы Месопотамии, просторы Малой Азии и Балканского полуострова. Смешиваясь с местным населением, пришлые создавали смесь новых родственных языков. Праматерью или основой ностратических языков (индо-европейской, кварталских, семито-хамитских, уральских, тюркских, монгольских, тунгусско-манчжурских, корейского, дравидского языков) является арийский язык.

***

На структуру и динамику древнего арийского языка повлиял и выбор тотема. Самым грозным хищником Передней Азии был лев (арыстан), который являлся одним из распространенных тотемов арийцев. Не случайно в Вавилоне, Уруке, Ассирии ему были посвящены изображения на городских стенах, статуэтки-тири. В древнегреческом городе Микены есть Львиные ворота с изображением на каменных глыбах барельефа льва, а главный бог Урарту Халди изображен бородатым воином, стоящим на льве.

Процесс первоначальной выработки речи древних арийцев, живших в каменную эпоху, был не осознанным, а рефлекторным. Их речь совершенствовалась в результате подражания звуковым свойствам тотемов. Отсюда, речь арийцев, почитающих льва (арыстан), волка (касқыр), собаки (ит), не замедлила обрасти обилием «рычащих» слов.

Если обратите внимание на звуки, издаваемые этими хищниками, то можно сказать, что «рычащий» звук (морфема) «ар» не случайно лег в основу этнонима «арий». По мере развития языка расширялась и полифония «рычащих звуков (морфем), таких как «ыр», «ур», «ер», «ар», «ыр», «ор». Эти морфемы и легли в основу разговорной речи арийцев, в результате чего и получился «рычащийся» и «ворчащийся» язык. Эти свойства отмечены в Библии. Греки и римляне называли гуннов, а еще раньше скифов, варварами. Это название они получили из-за своей «рычащей» речи.

Современные казахи являются потомками скифов и гуннов. Так в казахском тексте Гимна Республики Казахстан насчитывается 18 «рычащих» морфем, а в русском тексте – 13.

Перенимая некоторые звуки, люди запоминали, добавляли некоторые другие звуки, которые потом принимались в обиход. Когда лев, волк или собака видят сильного зверя, то рычат («р-р-р»), т.е. «Стой». Арийцы расшифровали это, как: «Не лезь (не ходи) на мою территорию!». Поэтому, когда люди останавливают коня, ишака, волов и других животных, то подают команду («р-р-р»), т.е. «Стой».

Арийцы восприняли от зверей не только звуковые сигналы, но и обратили внимание на его повадки. Так, у льва, царя зверей, они переняли превосходство, достоинство, повелительность, благородство, мощь и непоколебимость. Слово «аристократ» появилось не у греков, а у арийцев.

У этого народа в большом почете был и тотем волка. Впоследствии римляне воздвигнут памятник волку, а тюрки начертят его барельеф на каменной стене Культегина. Они восприняли от него воинственность, отвагу, силу и ловкость. Не остались в стороне и его отрицательные повадки, как агрессивность, кровожадность.

Мне кажется, что арийцы первыми стали выделять из своей общественной среды людей, имеющих определенное отличие и заслугу – аристократическое сословие. С этим словом связано появление слово «архи» (ар – хи, ар – ариец, хи – высокий (высший), т.е. высший ариец). Возможно, что отголоском этого слова «хи» является название горы Хинган.

Слово «хи» в дальнейшем трансформировалось в слова «вира», верх, биик (возвышенность), а от них образовались слова «сир», «сэр», «гер», «сеньор», бий (би), бей. Следовательно, тюркское слово «бий (би) – высший, так называли вождей тюрков-арийцев, имеет очень давнее происхождение.

Арийские корни происхождения имеет тюркское слово «ожгары» (жог – высокий, ары – ариец, т.е. высокий ариец).

Слово «иерархия» (иер – мужчина, ар – ариец, хи – высокий, т.е. высший арийский мужчина) и «карьер» (кар – ер, т.е. старый мужчина) показывают, что арийцы были привержены градации общества на высшие и низшие слои. В арийской среде стали вызревать зачатки трех типов общественной градации, которые в дальнейшем утвердились в различных странах:

- 1 тип – индийский (деление общества на касты);
- 2 тип – греческий (классический, т.е. деление общества на аристократию, демос и рабов);
- 3 тип – кочевой (деление общества на знать и рядовых кочевников (чернь - кара бодун).

Все остальные, в том числе вавилонская, ассирийская, урартская, египетская, китайская, римская и другие – это лишь вариации основных трех типов. Есть и марксистско-ленинское деление древнего мира на класс рабовладельцев и рабов, которое явно не вписывается в реалии времени.

Звуковые качества тотемов льва (арыстан) и волка (касқыр) повлияли на речевую структуру и психологический код всего человечества. «Рычащие» морфемы «ар», «ер», «ор», «ир», «ур», и звук «р» вошли в состав слов, определяющих знатность происхождения, титулы, звания, должность, общественно значимые профессии. Они участвуют в образовании военной терминологии и словах определяющих человеческие качества.

Индо-европейская языковая семья:

Ар: архангел, монарх, государь, царь, номарх, архонт, патриарх, архиепископ, архидьякон, архимандрит, архиерей, кардинал, викарий, маршал, маркиз, аристократ., боярин, барон, рыцарь, барин, жандарм, гусар, комиссар, старик, старуха, старшина, арбитр, гвардеец, форвард, артист, анархист, арендатор.

Ер: кайзер, генеральный, генералиссимус, премьер-министр, канцлер, фюрер, генерал, герцог, миллионер, герой, офицер, продюссер, режиссер, гроссмейстер, брокер, дилер, маклер, легионер, шериф, призер, каскадер, коммерсант, лидер, камергер, виртуоз, модельер, юнкер, grenader, дизайнер, сержант, акушер, ветеран, мушкетер, инженер, волонтер, актер, мастер.

Ор: император, король, лорд, претор, губернатор, триумфатор, реформатор, администратор, сенатор, дворянин, сеньор, организатор, прокурор, корсар, майор, композитор, куратор, директор, инспектор, спортсмен, поручик, прапорщик, автор, рекордсмен, хорунжий.

Ир: тиран, адмирал, банкир, командир, кирасир, кумир, надзиратель.

Бр: богатырь.

Эр: гэр, мэр, эрудит.

Р: президент, правитель, принц, министр, граф, жрец, стратег, префект, трибун, ростовщик, покровитель, пристав, ротмистр, драгун.

Партийно-государственные термины: парламент, конгресс, кортес, ареопаг, партия, держава, форум, республика.

Военные термины: армия, артиллерия, арсенал, арбалет, катафактарий, таран, парад, партизан, парашют, авангард, арьергард, армада, милитаризм, снаряд, картечь, батарея.

Географические названия Древней Передней Азии принадлежат преимущественно арийцам. Это связано с тем, что пришельцы (шумеры и семиты) в большинстве случаев сохранили в прежнем виде географические названия. Будет уместным напомнить, что Великобритания тоже сохранила в завоеванных странах прежние названия местностей и населенных пунктов. Если обратиться к карте Месопотамии III и II тыс. до н.э. (Редер Д.Г., Черкасова Е.А. там же с.127) и призовем в свидетели «рычащие» морфемы, то получится интересная картина.

Города:

Ар: Синар, Ларса.

Ур: Ур, Урук, Нипур, Ашур.

Эр: Эриду.

Реки:

Р: Тигр, Ефрат.

Наиболее яркую картину дает карта Передней Азии XVI-VIII в.в. до н.э. (Редер Д.Г., Черкасова Е.А. там же, с. 210-211):

Города:

Ари: Мари, Угарит.

Ар: Арвард, Сарды, Маркасу, Харран, Тарса, Кархемыш, Куссар, Синар, Ларса, Каркар.

Ур: Ур, Урук, Ашур.

Ир: Тир, Мусасир.

Ер: Иерусалим, Иерихон.

Реки:

Ар: Аракс

Ор: Иордан, Оронт.

Ур: Кура.

Р: Тигр, Ефрат.

Горы:

Ар: Арарат, Кармел.

Обращает на себя внимание, что нет «рычащих» морфем в названии следующих городов – Вавилон, Киша, Аккада, Ниневия. Чтобы подтвердить вышесказанное, перечислим названия городов бассейна реки Нил: Саис, Буто, Танис, Пелусий, Некратис, Гелиополь, Мемфис, Гераклеполь, Гермополь, Ахетатон, Абидос, Фивы, Нехебт, Нехен, Сиена. Названия городов Невкратис, Гераклеполь, Гермополь уже являются греческими. Эти сравнения показывают, что хамиты не увлекались «рычащими» морфемами.

Этноним «арий» запечатлен в названии древнейших областей Передней Азии – Самарии и Кесарии, в названии племен карийцев, имени библейского пророка Захария. Тюрки сохраняют эти названия (г. Самара на Волге, г. Самарское в Ростовской области, «кесарево сечение» - операция на животе беременных женщин).

В IX-V тыс. до н.э. на территории Передней Азии жили преимущественно арийские племена. Отсутствие особо опасных врагов и быстрое развитие производства, которое прослеживается по археологическим памятникам, позволило им значительно увеличить состав населения. Численность арийцев увеличилось настолько, что им пришлось осваивать новые земли, вести обособленный образ жизни, считаясь с традициями и обычаями местного населения.

Становится фактом деление арийцев на три ветви – южное, северное и западное.

К южным арийцам относились тюрки-арийцы.

К северным – хурриты-арийцы, индо-арийцы, иранцы.

К западным – хатты (хетты), греки, армяне и, возможно, частично германские, романские, славянские племена.

Такое деление вытекает из анализа письменных источников, археологических данных, географической терминологии и показателей миграционных процессов. Приходит время, заканчивается благополучие арийцев, в Переднюю Азию вторгаются неизвестные доселе люди (хамиты и семиты). Арийский мир претерпевает серьезные перемены.

ХАНААН И СУБАР – ДРЕВНИЕ ЗЕМЛИ АРИЙЦЕВ

Территория Палестины, Сирии, Ливана в древности носили общее название Ханаан или Амурру. Первое название состоит из двух тюркских слов: «хана» и «ан». Слово «хана» или «хана» означает жилище. «Ан» - более укороченное слово «стан», «страна», например, Туран, Хотан, Харран, Тегеран, Магадан, Ереван. Итак, Ханаан – страна жилищ. Видимо, такое название связано с тем, что в населенных пунктах арийцев имелось множество юртообразных жилищ. О. Сулейменов пишет: «В

самых нижних, культурных слоях Вавилона (IV тыс. до н. э.) найдены глиняные таблицы с рисунками, которые я считаю доиероглифами. Вот они самые древние изображения юрты» (О Сулеменов. Язык письма, с. 232-233).

Вариации названия «Ханаан» имеются и в современных географических картах: р. Ханя, Хани, Хамна, Ханчалы, Халыя, Хандыгы, г. Хани, Хандыга (Якутия), г. Хановой (Республика Коми), с. Канай, Баканас (Казахстан), возвышенность Ханья (Хааня) (Эстония, Латвия), Занан Пача – духовное воззрение инков, Хани – народность в Китае, г. Ханьян (Китай).

Название «Амурру», видимо, означает род Амура (ру – по-тюркски, род) или место рождения рода. Название «Амурру» некоторые ученые связывают с названием семитских племен аморитов (аморов, амурру), расселившихся в 24-16 в.в. до н. э. по Сирийской пустыне. Благодаря тюркам название «Амурру» вновь воскресла в названиях: р. Амур, г. Амурск, р. Амударья, р. Амгунь и Амазар (притоки Амура). Сохранившиеся названия рек – яркое тому свидетельство миграционных процессов тюрков-арийцев с востока Средиземноморья до Тихого океана и далее в Америку.

Римляне зовут Амуром бога любви. Крылатый мальчик с луком и стрелами в руках, поражающий сердца влюбленных, известен всему миру. Мне кажется, что сказ об Амуре изначально появился в стране тюрков-арийцев – Амурру.

Земля Ханаана и Месопотамии (Субара) обильно насыщены тюркскими названиями. Они не стерлись с памяти древних тюрков и их потомков. На обширных районах Евразии вновь засверкали древние тюркские названия из Передней Азии. Эти факты свидетельствуют о наличии древних миграционных потоков тюрков из Передней Азии в Великие Степи.

Любопытный факт заключается в названии столицы древнего Израильского государства города Сихем, в финикийском имени Сихей, в филистимлянском имени Сихем, в казахском имени Сихым и названии племени сихым (автор тоже из племени сихым, рода Кусирак). Жена финикийца Сихея, Дидона (Элисса) является мифической основательницей Карфагена. Она бежала из Тира после смерти мужа, убитого его братом Пигмалионом. Эти примеры явно указывают на общность происхождения финикийцев и древних тюрков-арийцев.

***

Много общих духовных ценностей накопили древние тюрки и более поздние жители Ханаана – евреи. Так, в древнееврейских книгах души умерших людей называют «руахом» (по-тюркски, аруак – дух предков). Следует отметить, что евреи наряду со словом «руах» используют слово «рефаим», возникшее позже. Откуда близость произношения и смысла тюркского и еврейских слов? Библия гласит, что Авраам (Ибрахим пайгамбар), предок всех евреев и арабов, жил в Уруке. Он и его отец Фарра по божьей воле переселяются в Ханаан. Следовательно, Авраам и его потомки воспитаны на ария-шумеро-семитских традициях.

«Библейский пророк Иезекиль считает евреев потомками амореев, смешавшихся с хеттами» (Редер Д.Г., Черкасова Е.А. там же, с. 202). Хетты относятся к западным арийцам, что дает основание полагать, что в крови евреев и арабов тоже течет арийская кровь.

В древние времена у евреев, как и у тюрков, было распространено многоженство. Общими традициями являются обряды обрезания (сундет) мальчиков, а также левират, соответствующий казахскому амангерству.

Справка:

Левират – от латинского levir - деверь, брат мужа. Обычай, по которому вдова обязана или имеет право замуж за брата своего мужа. Он был распространен у многих народов в эпоху родового строя и классового общества на Кавказе, Средней Азии, у евреев и других.

Евреи переняли у тюрков-арийцев морфему «ман», которая у тюрков имеет два значения: «ман» - окружность и ходить приосанившись. К примеру: Абдрахман, Кутыман, Ерман, Караман, Казыман, Сарман, Парман, Орман, Нариман, Манас, Мансур Манат и другие. Города – Мангыстау, Манкент, Керман и другие. Эта морфема стала составной частью еврейских фамилий: Кидман, Шварцман, Крайтерман, Вайзерман, Гусман, Перельман, Зортман, Гройсман, Ройтерман, Форман, Хагтерман, Брегман и другие.

Интересно и то, что согласно индийскому преданию Ману считается легендарным родоначальником и законодворцем арийцев.

Слово «ман» профессор А. Буркитбаев трактует следующим образом: «Вере саков в единого бога в общей сложности шесть тысяч лет. Основателем мусульманской веры был сын Мос-сака – Ман. Отсюда и пошло – Мос-улы-ман. Если обратите внимание на слова мусульманин и Мосульман, то почувствуете их созвучие (Казахстанская правда от 22 июня 2002).

Согласно казахскому шежире Ман – один из основателей Старшего Жуза. А мифы американских племен инков утверждают, что основателями династии инкских правителей является Айяр Манко (Манко Капак).

Евреи заимствовали у тюрков-арийцев наиболее понравившиеся имена, как: Дина, Мариамь (Мариам), Аарон (Арон), Ахан, Елкана, Ахаз, Манассия (Манас), Сарра (Сара), Олдан (Алдан), Елеазар (Хазар, Азар, Азау), Иессей (Есей), Ахия (Рахия) и другие.

В окончании имен евреев и финикийцев встречается морфема «ал», например, Навал, Ваал, Ганибал, Гасдурбал, Баал. Эта морфема характерна и для окончания тюркских имен, таких как Жамал, Камал, Абзал, Аксакал, Кемаль, и географических названиях, как Орал, Арал, Каражал, Саржал, Каратал и другие.

Древние евреи пророков называли «наби». Возможно, данное слово заимствовано от тюркского имени Наби., характерное и для древних греков – Набис, имя правителя Спарты (III век до н. э.). Слово «холм» по-тюркски означает «тепе», а у евреев «тель», отсюда и Тель-Авив.

Месопотамия или Субар тоже являются очагами жизни тюрков-арийцев, освоивших эти земли раньше шумеров и семитов. Наличие двух величайших рек Тигра и Ефрата побудило назвать их страну Субар (Суб – ар: суб – вода, ар – мужчина, т.е. водные арийцы). Интересно то, что исток Ефрата носит название Карасу (черная вода). Такое же название носит и приток Аракса. Слово «вода» в тюркском языке имеет различные произношения (суб, сув, су, шу, чу).

«Двинувшись на восток, они нашли в земле Сеннар равнину и поселились там» (1 книга Моисея, 11, 2). «Исследователи Библии полагают, что древние евреи так называли страну великой цивилизации. В аккадских источниках – Субар, в поздневавилонском – Шубер, Шумер» (О. Сулейменов. Язык письма, с. 228). Поэтому, вначале древняя страна, расположенная в Месопотамии, называлась Субар, позже Шумер. Примечательно то, что предков ассирийцев называли субареями, т.е. речными арийцами. На мой взгляд, родословная тузов берет начало с племен субареев. Это подтверждает и самоназвание ассирийцев (айсоров) – атураи. К этнониму «тур» имеет отношение название древнего урартского города Турушпия.

Тюрки-арийцы всегда помнили название страны предков, чтобы позже в местах новых поселений назвать памятные места старыми именами с прежней родины, подтверждающиеся следующими географическими названиями: села Шубар, Шубарсу, Шубаркудык; озера Шубарколь, Шубаршы и другие.

В этом нет ничего нового, к примеру, все переселенцы из России в казахские степи, привозили с собой имена своих прежних поселений, рек, озер и даже местности: Петропавловск, Павлодар, Подгорное, Баршино, Докучаевка, Георгиевка, Головачевка и другие.

ТЮРКИ - АРИЙЦЫ И ШУМЕРЫ

В первой половине V тыс. до н. э. этническая ситуация в Передней Азии стала резко меняться. В страну Субар (Месопотамию) мигрировали шумеры. Вполне возможно, что шумеры, встретив на севере Месопотамии субареев, двинулись вместе на юг этой земли. «По черепам из погребений определили, что шумеры не были одно-расовым этносом. Здесь встречались брахицефалы (круглоголовые) и долихоцефалы (длинноголовые). (О. Сулейменов, там же, с. 229). Вполне возможно, что одним из них являлись тюрки-арийцы.

Казахстанский ученый А. Буркитбаев считает, что слово «шумеры» следует правильно читать, как «шуель», а название Месопотамии – Мос-сак-ата. Согласно его версии шуельцы мигрировали в Месопотамию с бассейна реки Чу и уже в то время, т.е. шесть тысяч лет тому назад, у них была своя письменность, которое позже легло в основу латинского письма (Казахстанская правда от 22 июня 2002). Несмотря на то, что исследования А. Буркитбаева проводятся в другом ракурсе, они близки нам тем, что в них тоже прослеживаются культурные контакты Средней Азии с Передней Азией.

Согласно версии ученого из Уфы Э. Мулдашева, черпавшего сведения из записей тибетских лам, шумеры мигрировали из Тибета в Месопотамию. Верхняя Месопотамия, т.е. там, где жили арийцы в V-IV тыс. до н. э. достигла значительного экономического развития чуть раньше и была заселена гуще, чем Нижняя Месопотамия, покрытая болотами. На этой территории жили арийцы и шумеры. Чтобы выжить в борьбе с природной стихией и врагами, им пришлось строить укрепления, каналы,

мосты, изготавливать качественное оружие. Самосохранение – стимул для развития. Так был дан первоначальный толчок развитию ремесел и строительству, позже перешедший в строительство городов. Стремление к совершенству стало стилем жизни у арийцев, шумеров и семитов.

Шумеры и первые волны семитов еще не могли диктовать своих условий могущественным, сильным и многочисленным племенам тюрков-арийцев. Пришельцы в значительной степени восприняли их язык, традиции, быт и обычаи, подтверждающиеся сходностью и фактами жизни. Так, если шумеры называли правителя округа «патеси» (энси), а царя – «тугаль», то тюрки первого называли «патша», второго – «улыг», «улы». О. Сулейменов отыскал целую шумерскую фразу, совпадающую с тюркской: Шумер не ме? Шумер, что это? – по-тюркски. (О. Сулейменов, там же, с. 233). Книга Олжаса Сулейменова «Язык письма» насыщена шумерскими и тюркскими параллелями слов. Он пишет «... можно отличить продукты шумерского словопроизводства от тюркского, творившегося в то же время и, вероятно, в том же ареале. Общетюркский язык в ту пору уже разветвлялся» (О. Сулейменов, там же, с. 245).

Видимо, в III тыс. до н. э. арийское название Субар (су - вода, бар - есть) уступает место Шумеру (шу - вода, ер – герой, мужчина), т.е. герой, живущий у воды. Водную стихию шумеры называют Намму, а аккадцы – Тиапат. Следовательно, названия Субар и Шумер имеют арийское происхождение. Возможно, что потомками шумер являются чувашаи, язык которых занимает обособленное место в тюркской языковой среде. Как ни странно, но в Чувашии есть город Шумерля. Название «Шумер» сохранилось и в других географических названиях и именах: реки Шугер, Усть-Шугер (Республика Коми), г. Шумен (Болгария), г. Шумперк (Чехия).

Итак, слово «вода» - это составная часть Субар и Шумер. Впоследствии, потомки тюрков-арийцев широко воплотили в географических названиях различные формы слов (шу, су, чу): реку Шу, Шуя, Аксу, Карасу, Каскасу, Чузик, Чулмыш, Чуя, Чулым, Чупа, Супай, Шуй, Чулым, Чухлома, Суасон, Ямансу, Суматра, Венесуэлла, Шуйский, Сусанин, Чуйковский, Чуковский, Чумак, Чубайс. Приведенные примеры являются неопровержимым доказательством миграционных процессов из Месопотамии в степные просторы Евразии.

ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Московский ученый М. Аджи пишет: «... религия тюрков в христианской литературе больше известна под именем арианства. Арианство копирует тенгрианство. Проще говоря, это вера в Богатца, Создателя мира сего.

Из политических соображений религию тюрков Византийская (позже Римская) церковь объявила ересью. Но восточные христиане не согласились с этим. Арианство долго жило именно в Восточной Европе (её церкви до сих пор остались на Кавказе, Ближнем Востоке).

... Разве не показательно, что первого же христианина, справедливо вступившего за чистоту и нерукотворность образа Бога Небесного, епископа Ария, задушили!» (М. Аджи. Тайна святого Георгия. Алматы, 1987, с. 158-159).

Вот и встает вопрос: «Почему тенгрианская вера тюрков называется арианством? О чем говорит то, что очаги тенгрианства сохранились на Кавказе и Ближнем Востоке? Пожалуй, арианство и тенгрианство были тождественны. Их основы заложили арийцы и тюрки. Мурат Аджи пишет: «Остается поражаться глубине и образности религиозных представлений тюрков, для которых храмом бога Тенгри был весь окружающий мир, защищаемый куполом Вечного Синего Неба ...».

... Сам термин возводят к хуннскому «ченли», и к китайскому «тянь» и даже к шумерскому «дингир». Все эти слова означают одно и то же, а именно – «небо», «Вечное синее небо». В отличие от других богов Тенгри не материален, он дух - хозяин всего сущего» (М. Аджи. Там же, с. 131). Звуковое и смысловое совпадение тюркского и шумерского слов, говорит о многом: корни зарождения верований тюрков-арийцев надо искать в Древней Азии.

«Уж древние шумеры выработали сложную систему космогонии. Первоначальной стихией, согласно этой мифологической концепции, был водный хаос, первичный океан, имевший образ гигантской женщины. В ее недрах зародилась твердь в виде огромной горы, вершиной которой был бог неба Ан, а плоское дискообразное основание мыслилась, как богиня земли Ки. Оба божества

были неразрывно связаны друг с другом. От этой божественной пары родился бог воздуха Энлиль. Когда он подрос, то ему стало тесно, и он разрезал ножом первичную гору и навеки отделил небесного отца от матери земли. С тех пор он стал править на земле и породил поколение богов. Его старшим сыном был лунный бог, а детьми последнего Солнца и богини планеты Венера, Инанна ...» (Редер Д.Е. Черкасова Е.А. там же, с. 134). Тюрки называют землю «жер-ана» - мать земля. Слово «иер» (жер) дает начало слову «ер» (иер) – мужчина. У шумеров и аккадцев есть миф о всемирном потопе, который тюрки назвали «топан су». Казахская легенда гласит о том, что во время всемирного потопа Ной (Нух пайгамбар) на своем ковчеге причалил на вершину горы Казыгурт (Казахстан, Южно-Казахстанская область).

Согласно шумерскому мифу, во время потопа благочестивый человек Утнапиштим, по совету бога Энки, сооружает ковчег и спасается на ней со своей семьей и слугами. Утнапиштим: в Библии – Ной, Коране – Нух, а в тентрианской вере тюрков – Аруак, дух предков. Согласно тому же мифу, Утнапиштим со своей женой, по воле богов, обрел бессмертие. По тентрианской вере духи предков тоже бессмертны. Они стоят на страже интересов своих потомков. Каждый человек после смерти становится аруаком, что отражает собой генеалогическое дерево людей, а в ее начале находятся Арии или Аруак (ару-ак; ару – ариец, ак – белый, светлый, т.е. светлый ариец) Тентрианская вера тоже указывает на корни происхождения тюрков.

Имена четырех шумеро-аккадских богов могут иметь арийские корни происхождения. Это Наннар, Лахар, Мардук, Иштар. Обращает на себя внимание имена бога животных Лахара (отсюда название животных лак (козленок) и архар, и его сестры Ашнан (отсюда, слова «аш», «ас», «астык», «нан-хлеб»). Почти совпадают все имена богов неба – Ан, Ану, Аспан. Женское начало имеет богиня Земли. Имя от шумерского бога воды Намму в казахском языке сохранилась как «нам» - влажный. Все эти совпадения не случайны.

Меня поразили удивительные совпадения тюркских слов с некоторыми терминами Библии и Корана. Так, тюрки человека называли «адамом», а запретный плод яблоком - алма (алма - не трогай, второй смысл). Алма – это еще и женское имя. Слова «адам» и «алма» тюрки использовали до появления Библии и Корана.

Что означают вышеприведенные совпадения? Может быть, божественное провидение вначале явилось к тюркам-арийцам. Интересно то, что согласно версии профессора А. Буркитбаева, сак Кудус (Сабыр), живший в г. Таразе, был автором первого Корана! (Казахстанская правда от 22июня 2002). Ученый в пользу своей версии приводит много фактического материала.

ЮЖНЫЕ АРИЙЦЫ или ТЮРКИ-АРИЙЦЫ

К южным арийцам или тюркам-арийцам относились следующие народы Древней Передней Азии: туры, тирь, карийцы, филистимляне, субареи, мари, кутии, лулубеи, касситы, албаны. В Ханаане жили туры, тирь, карийцы, самаритяне, филистимляне. В Субаре (Месопотамии) – туры, субареи, мари, лулубеи, албаны. В Эламе – кутии, лулубеи. В Мидии – кутии, албаны. В Великой Кавказской Албании – албаны. Дополнительные сведения о турах будут даны чуть позже.

Хазарский каган Иосиф считается основателем тюркских народов Тогарму (Тогара). Согласно его сведениям, у Тогарму было десять сыновей: Агийро, Тир-с (Турис), Авар (Аваз), Угин (Угуз), Биз-д, Т-р-на, Хазар, Знур (Янур), Б-л-г-д (Б-л-г-р), Савир (Ш. Кудайбердыулы. Родословная. Алма-Ата, 1960, с.34). Имя второго сына Тогармы Тира (Туриса) имеет для нас знаковое значение. Тирь и туры – это древние жители Ханаана. Родственные народы сначала мигрировали, а затем колонизировали многие части света. Часть тиров мигрировала в Великие Степи Евразии, став известными здесь под названием тираспи. Племена тираспи входили в конфедерацию скифских племен (Т. Журтбаев. Дулыга, т.1. Алматы, 1984, с. 55). В эту конфедерацию так же входили племена катиар, авхат, паралат. Этноним «катиар» говорит об арийских корнях происхождения племени. Название «авхат» близко к этнониму «хатты» (хетты).

Общеизвестно, что скифы мигрировали из юго-запада Казахстана в Северное Причерноморье. Тирь или тираспи получили прописку в Казахстане на плато Устюрт (Устїрт), по-древнеарийски – Устир. В казахском языке есть слова: тірлік, тркеу, тіресу, тірек, тірі и другие. Возможно, от тиров (тираспи) отпочковались племена каспиев, давшие название Каспийскому морю и г. Каспий (Грузия), г. Каспийск (Дагестан), г. Каспийск (Калмыкия).

Племена тиров (тираспи) мигрировали в Северное Причерноморье и обосновались на берегу реки Тирас (приток Днестра). Греки из Милета в VI веке до н.э. на берегу этой реки основали г. Тир, а на керченском полуострове – г. Тир и Тиритаки (Д.Б. Шелов. Северное Причерноморье. 2000 лет назад. 1975, с. 38-39). Ныне на востоке Сибири и Хакасии сохранился бельтирский язык, являющийся ветвью тюркского языка. Вполне возможно, что этим языком пользовались древние тирь.

Древние греки тиров и других жителей называли финикийцами, основавшие на севере Африки город Карфаген. Тирь захватили и колонизировали территории не только севера Африки, но и Малой Азии, Греции, Испании, Албании, Италии, о. Сардиния, Англии. Современные австрийцы – это далекие потомки тиров. На это указывает названия таких крупных и известных областей, как Штирия, Тироль. Возможно, что Австрия в глубокой древности называлась Австрией. Впоследствии тирь испытали значительное культурное языковое влияние германских племен. На юге Австрии есть горы Высокий Таурн. Низкий Таурн. Слово «тау» по-тюркски – гора, принадлежащая древним тирам. Этноним «тирь» участвует в словообразовании таких слов, как тир, трактир, квартира, сортир, ориентир, тиран, сатира, стирка и многих других.

Вполне возможно, что тирь были хорошими мореплавателями. Об этом говорит то, что их этническое название носит Тирренское море. Карийцы, как и тирь, были прекрасными мореплавателями. Пожалуй, их потомки дали название Карибскому морю, проливу Каримата. Среди тюрков широкое распространение получили имена – Карибжан, Кари, Каримжан, Карибек, Карибай, слово «кария» (старец). Этноним «карим» участвует в названии главной книги мусульман «Коране Кариме». Можно сказать, что на сложение религии иудеев, христиан, мусульман имело огромное влияние верование ариев.

К сожалению, сведения о филистимлянах, жителях Ханаана, крайне скудны. Известно, что они входили в состав «народов моря», где главенствующая роль отводилась племени «турша». Именно филистимляне дали название Палестине (от древнееврейского Пелишим). Субареи – это исконные жители Ассирии. Они, в значительной степени, подверглись семитизации и хурритизации. Название «Ассирия» состоит из двух слов «ас» – пища, поминки, сирия – страна). Вероятно, это слово возникло в Сирии, на что указывает название Дамаска (дам-ас – вкус пищи). Видимо, субареи мигрировали из Сирии в Северную Месопотамию и называли ее Ассирией, т.е. «Воспоминание о Сирии».

Многие ассирийские имена и по своему строению и звучанию близки к тюркскому: Шамаш Шумукин (по-тюркски – Шамаш, Мукин, Керим). Асархалон или Ашурдиддин (по-тюркски – Асар (субботник) Мухиддин) и другие. В Месопотамии, в том числе и Ассирии, строились культовые сооружения зикурраты. Это слово берет начало от тюркских слов «зир салу» – очищение от злых духов и болезней. В Ассирии имелся древний город Калах (кала – город).

На начальных этапах становления ассирийского государства власть принадлежала совету старейшин, что напоминает совет биев у тюрков. Общие черты имеются и в традициях народов. Так, ассирийка после смерти мужа была обязана выйти замуж за одного из родственников, что соответствует казахскому амангерству. Мари – один из древнейших городов Месопотамии (Субара). Видимо, его основал одноименный народ. Одна часть мари вместе с турсами мигрировали на восток Европы, далее в Азию, другая – на запад Европы. Если обратиться к той же карте, то можно прочитать: Мари Эл, г. Мари-Турек, Маринец, Килемары (Мари Эл), г. Урмары (Чувашия), Марсель (Франция), Сакмар (Оренбург. обл.), Марат Сафин, Мартирос, Сараян, Мартиросян, Мюрат, Марат, Марий, Марк, Маркос, Мартин, Марсель, Мария, Марья, Мариана, Маруся.

По законам царя Вавилона Хаммурапи, свободные люди делились на две группы: «сыны мужа» (мар-авелим) и «подчиненные (мушкену). Возможно, слово «мар-авелим» дало начало словам маршал, маркиз. Бога Вавилона звали Мардук. Некоторые имена царей Вавилона соответствует тюркским именам, например, Набу-бел-Шумат (наби-бек –кожа, Жумат), царь Бурнабируаш (Бурнаш, Бораш). Интересно послание царя Вавилона Кадашмана-Харбе (Кадашман, арба) фараону Египта Аменофису: «Что касается золота, шли мне золото, много золота, шли его до прибытия посольства. Пришли его теперь же, как можно, в эту жатву, в месяц Таммуз». (В.В. Потемкин. История дипломатии. Т.1. М., 1941, с. 20). Из этого послания обращает внимание, что месяц таммуз (тамыз) тюрки и вавилоняне одинаково называли август месяц. Кутии и лулубеи жили на севере Месопотамии, составившие основное население Элама и Мидии.

Общеизвестно, что надписи на знаменитой Бехистунской каменной стеле написаны на трех языках. Вторая надпись является предметом ожесточенных споров. Одни считают их тюркскими, другие – эламскими, а треть – мидийскими. Но Мидия и Элам – это названия государств, а не народов. Надо полагать, что в действительности вторая надпись составлена на древнеарийском языке тюркского диалекта, т.е. на том языке, который был понятен кутиям, лулубеям, албанам, касситам. О том, что язык населения Элама является тюркским можно узреть из следующих эламских имен и названий: цари Индабигас, Теуман, Уммалхалдаш, Таммарит, Хайдалу, гг. Талах, Шухарисунгур, местности Таххашаруа и Шаллукеа, крепость Бет-Имби, река Улаи.

Справка:

Бехистунская надпись, трехязычный (древне-персидский, эламский и вавилонский) клинописный текст на скале Бехистун (Бистун), близ г. Хамадан в Иране, высеченный по приказу царя Дария I. Содержит изложение событий в государстве Ахеменидов в 522-519 годах до н.э. Прочтен в 1930-40

годах английским ученым Г.К. Роулинсоном, положившего начало дешифровке клинописного письма многих народов мира Древнего Востока.

Значительная часть кутиев мигрировала в просторы Евразии. Кутии вошли в состав многих тюркских, славянских и других европейских народов. Об этом свидетельствуют географические названия и имена людей: Эль-Кут (Ирак), г. Якутск (Россия), оз. Куттян, Куттяро (Хоккайдо), г. Сургут, Воркута, Красный Кут, Кута, Иркутск, Усть-Кут, Кутаиси, Куткашен и многие другие. Они вошли позже в состав якутского народа. Кутии и саки – основа этого народа, отсюда и название республики Саха Якутия. Мне кажется, что эти два народа являются еще и предками и айнов, живущих на острове Хоккайдо (Япония). Этноним «кутий» активно участвует в словобразовательном процессе тюрков – таникурт, Куттуды, Кутке, Кутманай, Байгутты, Байгут, Кутсиык, Куттыкадам, Кутылык, кут болсын, куттыктай, кутылмайды и другие.

Этноним «лулубей» состоит из двух слов – «лулу» и «бей». Лулу – имя очень известного человека или легендарного первопредка лулубеев. В советское время это имя носил Московский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Возможно, имя Лулу египтяне заимствовали у древних гиксосов. В Африке есть р. Лулуа (Заир), г. Лусака (Замбия), Луанда (Ангола), р. Лулеэльв (Швеция), Лурестан (область Ирана), Гонолулу (Гавайские острова).

Бей – это правитель провинций (бей, сандж бей у турков). Это слово имело широкое распространение в Кавказской Албании и Азербайджане. Здесь знатных людей называли беями. В Древнем Риме этноним «лулубей» трансформировался в слово «плебей» – так называлось римское население, которое длительное время боролось за свои права. Возможно, патриции – это потомки шумерских патеси (правителей округа).

Воинственные племена касситов, жившие на севере Месопотамии, следует относить к тюркам-арийцам. Этноним «кассит» состоит из двух слов касс-ит, кас-брови или противник, ит-собака, т.е. противник собак. Часть касситов мигрировала в Степи Евразии: р. Кас (приток Енисея), г. Кайсы (Омская обл.), Черкассы (Украина), Касми (Челябинская обл.).

Албаны – это древний арийский народ. На Кавказе они создали мощное государство древности – Великую Албанию. Конец его существования положили гунны, кипчаки, огузы. Албаны вошли в состав азербайджанских и других народов. От кавказских албанов берут начало европейские албанцы. Сведения древнегреческого географа Страбона, которые приводит Б. Кожобекулы Албани, в своей книге «Тарихи таным» на с. 64, дает основание сделать такой вывод. Знаменитый географ сообщает о том, что Эней со своим отцом Анхизом и сыном Асканией поселился на берегу реки Тибр. Он прибыл вместе с соотечественниками – албанцами из Трои. Надо полагать, что и в этом древнем городе жили выходцы из Кавказской Албании. На новом месте Эней строит город Лаврент и вступает в союз с царем местных аборигенов Латинум. Последний создает союз из местных племен и албанов, а затем вступает в бой с рутулами, и в одной из битв погибает. В честь погибшего царя Эней называет военный союз племен латинским. Албаны, вместе с Асканией, живут в соседнем с латинами регионе, в населенных пунктах Коллации, Лабене и Фидене. Мать легендарных Рема и Ромула, основателей Рима, была албанкой. Страбон сообщает, что албанцы и римляне жили дружно и были близки в языковом отношении.

Вывод: если латины и албаны понимали друг друга, то, следовательно, они говорили на древнеарийском языке и поклонялись тотему волка. Европейские албанцы еще называются шкиптарам (шкипт, скип, скиф+ар) Это название говорит об их арийских корнях. Европейские албанцы вошли в состав многих народов мира – итальянцев, испанцев, англичан и других народов мира. Слово «албан» имеет место и в казахском языке. Это – имя Албан, племя албан, род аламан.

СЕВЕРНЫЕ АРИЙЦЫ

Курды относятся к ираноязычной группе народов, являясь составной частью населения Ирака, Сирии, Турции и Ирана. Это народ живет там, где в древние времена были расселены хурриты. Поэтому, есть повод утвердительно ответить на вопрос: «Кто такие курды, не они ли потомки

хурритов?). Да так оно и есть, так как этноним «курд» произошел от сокращенного названия «хурриты» (хуррит – хурт – курд).

Хурриты являются не только потомками курдов, но и индоарийских, ираноязычных народов. Следовательно, локализация первой прародины индо-арийцев, иранцев на юго-востоке Европы ошибочна. К хурритским народам относятся древние урартцы. Имя урартского царя Сардура имеет глубокий смысл. Так, сардарами называют племенных вождей индо-арийской и иранских народов. Вот еще один факт в пользу происхождения ираноязычных народов не в Великих Степях Евразии, а в Передней Азии. Интересно то, что казахи сардаром называли командующего войсками.

К хурритам относились и жители древнего государства Передней Азии – Митании. Это государство возникло в XV веке до н. э. в верховьях реки Хабур. Митанийцы завоевали Ассирию. Этот факт говорит о том, что коренные жители Ассирии – субарей не относились к хурритам, а были этнически связаны с тюркско-арийскими народами.

«Особенно неожиданой оказалось присутствие в Митании индийского или, вернее, индоиранского этнического элемента. В одном хеттско-митаннинском договоре были обнаружены типичные индийские имена богов (в том числе и Индиры), что свидетельствует о далеких передвижениях и связях, точное направление и хронологическая фиксация которых до сих пор еще не выяснены. Можно лишь догадываться о том, насколько сложным здесь, на перепутье древних путей, был процесс этногенеза.

Справка:

этногенез – происхождение народов, включающий в себя, как начальный этап возникновения народа, так и дальнейшее формирование его этнографических, лингвистических и антропологических особенностей.

Езиды (часть курдов), исповедующих синкретическую религию, в значительной степени сохранили свою древнюю религию. Они живут в Ираке и Турции. Германские племена, жившие длительное время в бассейне Тигра и Ефрата, унесли в Европу распространенное имя Курт, происходящего от этнонима «курд». Возможно, курды являются первыми изобретателями способа приготовления курта, тем самым, дав название уникальной пище кочевников.

Видимо, хурриты поклонялись тотему собаки, на это указывает собственный этноним (рычащая морфема «хурр»+«ит») – собака). Мне представляется, что от хурритов отпочковались племена бритов (бир ит – одна собака), древние жители Великобритании. Такой вывод напрашивается от явной близости этнонимов «хуррит» и «брит». Среди англичан распространено «собачье имя Смит (сiт-ит).

«Британского» льва, видимо, занесли туры или норманы. Название американского штата Кентуки и иранского «кент» (город), отражение древних британо-хурритских связей. Нет необходимости доказывать то, что курды и другие индо-арийские и иранские народы относятся к арийцам. Это убедительно доказывает «Авеста».

Справка:

«Авеста» – древне-иранский религиозный памятник; в зороастризме сборник священных книг. «Авеста» возникла в первой половине I тыс. до н.э. Текст кодифицирован при Сасанидах (3-7вв.). Содержит свод религиозных и юридических предписаний, молитв, песнопения, гимны зороастрийским богам, включающие в себя множество мифических элементов. Авестийский язык – литературный язык, на котором написана «Авеста». Относится к индо-европейской семье языков (иранская группа). Мертвый язык – используется в богослужении у приверженцев зороастризма.

В начале II тыс. до н. э. резко усиливается наступление семитских племен в Переднюю Азию, что привело в движение многие народы. Основная масса индо-арийских и иранских племен двинулось на восток от Месопотамии. В Иране поселились персы, Афганистане и Пакистане – пуштуны, Таджикистане – таджики, северной Индии – индо-арийцы.

«Этнический состав Ирана и Средней Азии в древнейшие времена очень трудно. Можно лишь с уверенностью сказать, что до II тыс. до н. э. здесь звучали языки, не имевшие ничего общего ни с семитскими, ни с индоевропейскими. Из них хорошо известен нам только эламский язык, преобладающий в юго-западном Иране, но, вероятно, в глубокой древности распространявшийся гораздо дальше на восток и северо-восток.

Лишь во II и I тыс. до н. э. в Иране широко распространяются индо-иранские племена, пришедшие, как предполагают с севера. Они выделились из более широкого семейства индоевропейских племен и, в свою очередь, распались на индийскую и иранскую (точнее ираноязычные) группы» (Редер Д.Г. Чсркасова Е.А., там же, с. 237) Во-первых, эламский язык, как отмечалось ранее – это язык кутиев, лулубеев, албанов. Во-вторых, индо-иранские народы мигрировали не из Европы, а из Передней Азии. На юго-восток Европы прорвались лишь ираноязычные аланы. Великие Степи от Дуная до Ордоса, к тому времени, занимали

могущественные племена тюрков-арийцев. Северные арийцы предпочли занять территории южнее Турана (плато Устюрт, пески Кызылкумы, Каракумы).

ЗАПАДНЫЕ АРИЙЦЫ

К западным арийцам относятся греки, хетты, армяне и другие древние жители Малой Азии. Считается, что слово «арифметика» возникло в Древней Греции. Эта информация не соответствует истине. Арифметика (ариф – метика) – это древнесарийское слово. Тюрки-арийцы унесли в Центральную Азию первую часть «арип» (ариф) – буква. Арийское происхождение имеет мера измерения «аршин» (ар-шин; ар-ариец, шин – шаг, т.е. арийский шаг). Влияние тюрко-арийской культуры на древнегреческую культуру заметно. Так, Паном в греческой мифологии звали бога стад, покровителя пастухов, а затем и всей природы. Слово «пан» имеет более древние тюркские корни. Об этом свидетельствует название «Шопан» или «Шопан-ата» – покровитель овец. Эол – бог ветров у древних греков, а по-тюрки ветер – жел. Нимфу, соблазнявшую Одиссея, звали Калипсо, что близко к тюркскому женскому имени Калипа.

Великого Гомера, творца «Илиады» и «Одиссеи», считали слепцом, что соответствует истине. Имя Гомер расшифровывается так: по-тюрки гор – кор – слепец, ер – мужчина (слепой мужчина). В Древней Греции певцов, сказителей, поэтов-импровизаторов звали аэдами, что соответствует тюркскому слову айт – говори, айтыс – состязание певцов и акынов. Возможно, что первые греческие аэды были из тюрко-арийской среды. Такой вывод исходит из анализа «Илиады» и «Одиссеи». В книге И.М. Тронского «История античной литературы». Л., 1947, с.45 отрывок из «Илиады» дан следующим образом:

«Menin aede, thex, Peleiaede Achileos в переводе Гндича: Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына».

На мой взгляд, перевод не точен, так как не учитывает наличие тюркизма в тексте. По-тюрки, слова «menin» - моя, «aede»- женщина, т.е. моя женщина (богиня) переведено точно. Словосочетание «Peleiaede» следует разделить на две части: «Пелий» и «адео», что означает «Пелий» и «отец» (отец – ата). Предлагаю свой вариант перевода: «Моя женщина (богиня), воспой Пелия, отца Ахиллеса» или «Моя богиня воспой Ахиллеса, отец ему Пелий». Получается так, что казашки до сих пор не знали, что мужчины их называют «богинями».

Древние греки часто использовали тюркские слова «ана» и «ага» (брат) для своих имен: Анастасия, Анастас, Анксимен, Анаксагор, Анаксимандр, Агамемнон, Агафолк, Агелад, Агис и другие. Имена героев «Илиады» братьев Аяксов (Аянт) тоже имеют тюркские корни (аяк – ноги, Аян – мужское имя). Тюркские и греческие слова имеют общие корни происхождения.

В исторической литературе протохеттов называют хаттами. Видимо, хатты и хетты – ветви одного народа. Хетты называют солнечную богиню Аринной. Этот факт лишь подчеркивает их арийские корни. В конце IV тыс. до н. э. часть хатов и хеттов, вместе с тюрко-арийскими племенами, мигрировали на юго-восток Европы. Они вошли в состав скифских племен, и их племя называлось авхатом. Это лишь предположение. Возможно, авхаты вошли в состав грузинского народа, на что указывает название города Михеты в исторической области Джавахетия. Кстати, центр Джавахетии город Ахалкалаки носит типично тюркское название.

Хатты и хетты проникли во многие уголки Сибири и Дальнего Востока. Ныне на изолированном языке говорят кеты, живущие в среднем течении Енисея. При раскопках хеттской столицы Хатусси было обнаружено много глиняных табличек с клинописными текстами на нескольких языках. Наверно, с названия города Хатусси берет свое начало казахское слово «хат» (письмо).

«Кроме клинописных документов, явно преобладающих, было найдено несколько хеттских иероглифических текстов. Эта система письма употреблялась очень редко и главным образом на восточной окраине хеттского мира» (Редер Д.Г., Черкасова Е.А. там же, с.184). Много общего и в хеттских и тюркских традициях. Так, хеттский царь должен был совещаться с тулией (советом

старейшин), а иногда с панкусом (собранием воинов). Как известно, подобные институты были и у тюрков. В хеттском государстве люди, нарушившие законы, могли откупиться, а у казахов этот обычай называется куном.

«С запада надвигалось на Хеттское царство «народы моря», среди которых были греческие племена (ахейцы) и этруски (турша). Около 1190 года до н. э. они разгромили город Хатуссу, который уже не смог оправиться от этого удара. Небольшие хеттские княжества-осколки былой державы просуществовали еще несколько столетий, но затем и они были поглощены могущественной Ассирией и хеттский народ растворился среди других народов (фригийцев, арамеев и т.д.) и исчез, не оставив почти никаких воспоминаний» (Редер Д.Г., Черкасова Е.А, там же, с.189-190).

Известно, что римские войска восвали с германскими племенами хаттов и сикамбров (Хрестоматия по античной литературе, т. II, М., 1963, с.588). Не являются ли германские хатты потомками древних хаттов?

Название «Армения» (ар-ариец, мен – я) говорят о корнях происхождения армянского народа. Арийские корни подчеркивает употребление армянами обращения друг к другу слова «ара». Самая древняя родина армян – это Малая Азия. Здесь они жили в бассейне реки Чороха в стране Хайса, где преобладало индо-европейское население. Видимо, от них последние армяне восприняли их язык. Тюрко-армянские связи подчеркивает слово «мен» - я, но и знаменитое окончание фамилий армян «ян». Один из урартских городов назывался Курбан, что по-тюркски – жертва. Тюркские корни происхождения имеет название урартского города Турушпия.

МИГРАЦИЯ ТУРОВ

Туры являлись самой крупной частью тюркско-арийского населения Древней Передней Азии. Приблизительно в конце IV тыс. до н. э. они всколыхнулись и тронулись с насиженных мест – началась величайшая миграция в истории человечества. Отзвук этих событий сохранился в скудной информации древних времен. Так, шумерский мифический герой Гильгамеш убивает великана Хумбабу, жившего в кедровом лесу. Кто такой Хумбаба? Бесспорно то, что у него тюркское имя. Баба, по-тюркски - дедушка. Вероятно, Хумбаба был пожилым человеком. А где растет кедровый лес? Несомненно – это ливанский кедр. Следовательно, Ливан – это один из регионов проживания тюрков-арийцев. Известен не только мифический Гильгамеш, но и реальный. Это – царь Урука, живший в XXVII в. до н. э.

Библия упоминает о людях-великанах, живших в Ханаане, а затем исчезнувших в неизвестном направлении. Это еще одно свидетельство миграции тюрков-арийцев. Вполне возможно их переселение связано с экономическими вопросами. В Библии и Коране подчеркивается противоречие между земледельцами и скотоводами. Так, земледelec Каин убивает своего брата скотовода Авеля. «Довольно широкое распространение получило мнение о том, что чистые кочевники появились на Ближнем Востоке в бронзовом веке, в III-II или даже IV тыс. до н. э. и уже тогда вступили в конфликт с земледельцами Месопотамии и Египта» (А.М. Хазанов. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000, с.190).

Одна часть туров мигрирует на запад, а другая – на восток. Они вошли в состав не только тюркских, но и многих европейских, азиатских, американских и африканских народов. Этноним «тур» является составной частью названия многих рек и озер, городов и сел нашей планеты. Пример: Тураба река и город (Саудовская Аравия), г.Вольтурно, Турин (Италия), г. Тур, Туркуэн (Франция), р. Турия, г. Астурика – Августа (испания), Тюрингия (Германия), р. Тур, г. Турдаш, Турда, Турек, Туробин (Румыния), г. Турку, Турку-Пори (Финляндия), г. Стурше, Турсюбу, Стуруман (Швеция) г. Латур, Тунгур, Гунтур, Меттур (Индия) и многие другие.

Можно привести утомительные примеры с различных направлений вплоть до Южной Америки, Австралии. Это мировое уникальное явление! Поражают ее масштабы, глубина и древность. Широкая география распространения слова «тур» налицо. Это не случайное явление, а закономерный исторический процесс. Древние туры активно участвовали в формировании многих народов мира. Слово «тур» подразумевается не только как этноним, но и включает в себя другие самостоятельные понятия. На мой взгляд, все другие понятия изначально вышли из древнего «чрева» этнонима «тур». Итак, этноним «тур» впервые появился в Передней Азии. Туры – это потомки субареев (арийцев). В свою очередь туры являются предками ассирийцев. Несмотря на то, что более поздние ассирийцы (айсоры - несчастная луна) смешались с семитскими племенами арамеев, тем не менее, они сохранили прежнее этническое название – атураи.

ТЮРКИ-АРИЙЦЫ – ДРЕВНИЕ НАСЕЛЬНИКИ ЕВРОПЫ

В конце IV тыс. до н. э. значительная часть тюрков-арийцев покинула Переднюю Азию и устремилась на запад по побережью Северного Средиземноморья. Миграционные процессы подтверждаются археологическими сведениями. Так, в IV тыс. до н. э. на Балканский полуостров был завезен упряжно-колесный транспорт. Пришлыи обжили Балканский, Апенинский и Пиренейский полуострова и юг Средиземноморья. Близость моря способствовала быстрому освоению морского дела. Это позволило мигрировавшим племенам быстро заселить острова. Они, вместе с протогреческими племенами, являются творцами Крито-Микенской культуры. На чем основано это предположение?

Справка: Крито-микенская (эгейская культура) – условные термины для обозначения культуры Древней Греции эпохи бронзы (2800 –1100 г. до н.э.). Выделяются варианты Эгейской культуры: на Крите – минойская, в материковой Греции – элладская, на островах Эгейского моря – кикладская культура.

Этнический состав Древней Эллады в III тыс. до н.э. был довольно пестрым. Здесь кроме протогреческих племен ахейцев и ионийцев, жили тюрко-арийские племена туров, тиров, фригийцев, этрусков, карийцев, лелегов, пеласгиев. Наличие пестроты населения показывают погребения, как в каменных ящиках, так и купольных гробницах на островах Киклады. В Эгейском море. Греческие мифы тоже указывают на то, что древнее население Эллады было пришлым. Так, согласно мифу, основателем царства на Пелопоннесе считается сын малоазийского царя Тантала Пелопс, чье имя носит полуостров. Древние географические названия Средиземноморья обильно насыщены тюркизмами. Например, «собачьи» названия носят государство Италия (ит-собака, ал – возьми), острова Крит (кр ит - грязная собака), Итака (ит-собака, ак – белый).

В Читинской области есть г. Итака (белая собака). В Кемеровской области - г. Итатский (лошадиная собака). В Томской области – г. Итатка (собака, бросающаяся на лошадь). «Собачьи» названия присущи некоторым родам казахов, в том числе, родам племени кереев – ители и итемген. На полуострове Камчатка (Камшат) живет тунгусско-маньчжурский народ ительмены (из собачьего народа). На Курилах есть «собачьи» острова - Итуруп (собачий лай), Уруп (лай), а на северо-востоке Китая – г. Итури (собачий лай), р. Уруп (лай) на Кубани. В географических картах, если внимательно разглядывать названия местностей, сел, городов, рек, то можно найти множество примеров «собачьих» названий. Все эти примеры являются, пожалуй, являются цепью древних связей народов.

В географических картах встречаются и другие «собачьи» названия, являясь цепью примеров древних связей народов. Вернемся к Средиземноморью. Тюркские корни происхождения имеет г. Микены (мекен - местожительство, местонахождение, местопребывание). Царь этого древнего города, герой Троянской войны, предводитель греческих войск Агамемнон тоже имел тюркское имя. Согласно древнегреческому мифу, дочь Агамемнона Ифигения была перенесена в Тавриду богиней охоты Артемидой и стала жрицей богини у тавров, которые относились к тюрко-арийским племенам киммерийцев. Почему Ифигения была перенесена к далеким таврам Крыма, а не соседям грека? Не скрыто ли за этими сообщениями связи двух тюрко-арийских народов тавров и микенцев?

Возможно, название древнегреческой области Аттика (ат-лошадь, тек – происхождение) происходит от тюркско-арийских слова «аттек». Судя по названию древнейшего города Греции, Тиринфа, можно предположить, что ее основали племена тиров. Древние корни происхождения имеют названия греческих островов Эвбея и Саламина, областей Лаконика, Мессения, река Эвротас.

Греческие племена дорийцев, вторгшиеся из Малой Азии в Пелопоннес в 1300 г. до н. э. основали город Спарту. В середине VII века до н. э. спартанцы вели ожесточенную войну с мессенцами. Известно, что в рядах мессенских мужчин героически сражались и их женщины. Факты участия женщин в войне имеет место и в истории саков. Непобежденные мессенцы были вынуждены покинуть Грецию, не они ли являются основателями германской провинции Гессен?

В Кносском дворце Крита были найдены сотни глиняных табличек с неизвестными письменами, которые отражают две системы письменности и два языка. Один из них известен, как древний диалект греческого языка. Надо полагать, что вторая письменность принадлежит тюркам-арийцам.

Известно, что остров Самос в Эгейском море входил в ареал распространения Крито-Микенской культуры (II тыс. до н. э.). «Древнейшие обитатели этого острова лелеги и карийцы в начале I тыс. до н. э. были вытеснены греческими племенами ионийцев» (Историческая энциклопедия, т.12, М., 1969, с. 518). Лелеги и карийцы являлись частью тюрко-арийских племен. Этот факт говорит в пользу того, что Крито-Микенская культура принадлежит тюркам-арийцам. Возможно, от туров берет начало в Древней Греции такая традиция как литургия - государственная повинность, которую несли состоятельные граждане, т.е. принудительное спонсорство.

Туры и тирь, в союзе с греческими племенами ахейцев, сколачивают из малых народов своеобразный союз, который известен в истории, как «морские народы». Он является самым древним

предшественником Европейского союза. Среди «морских» народов преобладали туры, что дало основание назвать этот союз «туршой». Этот факт запечатлен в исторических источниках. Около 1190 года до н. э. «морские народы» разгромили столицу хеттов Хаттусу.

Самым крупным племенем туров или турши были этруски, что является причиной того, что этноним «турша» и «этруски» используются равнозначно, ибо этруски сыграли значительную роль в становлении Древнего Рима.

«Рим был одной из общин древнего Лациума, небольшой области у западного побережья Италии, к югу от Этрурии. Обитатели Лациума, латиняне, составляли одно из звеньев ряда племен Италии, связанных между собой единством культуры и языковой близостью. Латинский язык принадлежит к группе так называемых «италийских» языков, другое ответвление их представлено многочисленными умбро-сабельскими говорами, среди которых нам лучше всего известен язык умбров (в восточной части средней Италии) и язык осков (в средней и южной Италии). Население Италии отличалось, однако, большой пестротой, как в этнографическом, так и языковом отношении. Из народностей, говоривших на неиталийских языках, наибольшее значение имели этруски, утвердившиеся в северо-западной части полуострова и греки, покрывшие Сицилию и южную Италию сетью своих колоний (Великая Греция). Этруски и греки вели между собой борьбу за морскую гегемонию на западном побережье Италии. Лациум, расположенный между Этрурией и греческими колониями Кампании, оказался вовлеченным в эту борьбу». (И.М. Тронский. История античной литературы. Л., 1947, с. 277).

Отсюда вывод, латинский язык – это конгломерат, вобравший в себя многие языки, в том числе и тюркский. О. Сулейменов отмечает его толерантность. Примечательно то, что этруски, имевшие богатую письменность и многочисленные книги религиозного и жреческого характера, оказывали мощное культурное влияние на Рим и другие италийские города, находившиеся на более низком культурно-экономическом развитии, чем Этрурия.

«Решающую роль в образовании римского полиса сыграло время, когда в Риме правили цари этрусской династии. Рим, служивший проводником этрусского влияния в Лациуме, занимал тогда преобладающее место среди латинских городов. На первом этапе истории Рима условия складывались благоприятно для культурного развития молодого полиса. Росли материальная культура и техника, появилась письменность». (И.М. Тронский, там же, с. 278).

Теперь предстоит доказать, что этруски относятся к тюрко-арийским племенам туров. Племена туров, мигрировали из Передней Азии на территорию Италии приблизительно IV тыс. до н.э. Согласно поверьям этрусов мифическим владыкой Италии является бог Сатурн (обожествленный первопредок туров). В его честь стали проводить праздники «сатурналии».

Пожалуй, одним из центров туров был и город Турин. Обращает на себя внимание то, что названия близлежащих с ним городов насыщены тюркизмами. Это – Биелла, Асти, Салуццо, Кьери, река Мейра, и другие. Турин входил в состав Савойского герцогства. Во второй половине IV века до н. э. Савойя впервые упоминается, как Сабаудия (сабау, по-тюркски, взбивать, бить). (Историческая энциклопедия, т. 12, М., 1969, с. 452).

Этноним «тур» широко запечатлен на географической карте Италии. Он оставил глубокий след и в латинском языке, о чем свидетельствуют нижеследующие примеры: абитуриент, акупунктура, апертюра, аркатура, арматура, аппликатура, гарнитур, диктатура, креатура, конъюктура, кристурбация, курватура, контрактура, легислатура, лигатура, микстура, номенклатура, натура, префектура, сатуратор, структура, текстура, температура, фактура, футурология.

Естественно возникает вопрос - откуда такое обилие слов, включающих в себя этноним «тур»? Вот и ответ.

В Древнем Риме этноним «тур» был синонимом учености, культуры и знатного происхождения. Туры или турша (этруски) владели самой древней письменности в Италии. Латиняне и другие италийские племена учились и перенимали у них ценнейший опыт. Культурное превосходство туров (этрусков) стало причиной появления таких слов человечества, как архитектура, литература, культура и другие. Так, слово «архитектура» (по-немецки – *architektur*, по-английски – *architecture*) означает ар-ариец, хи-высший, тек - происхождение, тур - народ (тур с высшим арийским происхождением). Слово «культура» - куль, культ (почитание), тур – народ (почитание тура). Слово «литература» - лит-камень, ера-буква, тур – народ (каменная буква тура).

Римское воинское звание «центурион» (сотник) говорит о воинских заслугах туров. Знатность тура иллюстрирует имя Артур, принадлежавшее европейским королям, герцогам, и графам.

Тюркские корни улавливаются в шуточно-бранных песенниках Древнего Рима фесценниях (от названия этрусского города Фесценция), которые характеризуются обрядовой вольностью, сатирической направленностью. Такое допущалось в творчестве тюркских акынов, смело обличавшие пороки высшего общества. Фесценнины имели место и в Древней Элладе. Интересен тот

факт, что слово «фес» имел широкое распространение. Так, центром Эгейской культуры был город Фест. Феской называется мужская шапочка из красного фетра или шерсти в форме усеченного конуса, обычно с кисточкой, широко распространенной в Северной Африке и Передней Азии. Она является принадлежностью национального костюма в некоторых районах Албании и Греции. Подобные шапочки являются элементом национального костюма некоторых тюркских народов.

Справка:

Эгейская культура – крито-микенская культура Древней Греции эпохи бронзы (около 2800-1100 до н.э.). Выделяются: на Крите – минойская; в материковой Греции – элладская; на островах Эгейского моря – кикладская культуры.

«Знаете, как этрусские жрецы определяли, стоит ли идти войной на неприятеля или лучше отсидеться»? Не поверите – по внутренностям животных. Такой вид гадания называлась «гаруспиция». Жрец брал жертвенную птицу, распарывал ей живот. Он доставал печень, рассекал ее и внимательно рассматривал какого цвета срез. Ярко-красный - предвещал неудачу в походах, черный – наоборот, сулил успех. Правители прислушивались к мнению гаруспиков – те ошибались очень редко.

Согласно поверью этрусов, печень (животного или человека) является сосредоточием жизни, зеркалом, отражающим состояние мира в момент гадания. Современные физиологи скажут немного иначе: биохимические процессы в печени чутко реагируют на геофизические возмущения и магнитные бури. Впрочем, это касается всех внутренних органов (газета «Аргументы и факты» № 27, 2002). Тюрки, по-прежнему, гадают по внутренностям и костям животных. Об этом я знаю лично, ибо бабушка моя всегда собирала лопатки баранов и рассматривала их на солнце.

У этрусов, а затем и в Древнем Риме, стала традицией обрядовая песня («Нэния»), напоминающая тюркские песни-плачи по умершим людям. Там же были распространены песни-соревнования, когда два хора вступали в перебранку, осыпая друг друга насмешками. Этот вид народного искусства имеет место быть по нынешнее время у казахов. У древних римлян, как и у тюрков, существовал культ почитания духа предков. Особо знаменитые римляне бережно хранили историю своего рода. Если судить по «Энеиде» Вергилия, то слово «тур» очень древнее. Древнеримский поэт называет Турном царя рутулов, который враждует с Энеем, основателем многих знатных римских родов.

Видимо, к тюркам-арийцам относились древнеримские племена сабинов, сыгравшие большую роль в образовании римской народности. Римляне называют их потомками Солнца. У сабинов были сильны пережитки родового строя, они занимались преимущественно земледелием и скотоводством.

В названии древнего племени кельтов и кельтского племени белгов можно тоже заметить тюркизмы (кельты - келте – короткий, белги-белгі- отметка).

Древнейшие туры освоили многие территории Европы. К примеру: в Германии они расположились в Тюрингии. Племена астулов (богатых пищей) создали воинственное королевство Астурия, ныне провинция Астурия. Турдетаны (узней тура) и турдулы (внук тура) освоили провинцию Иберию. Еще надо разобраться с родственностью некоторых грузин на Кавказе, как они оказались там, чьи племенные родственники. Скандинавия, принявшая норманнов (уединенный) и викингов (высокий), стала родиной туров. Английская фамилия Уайт берет начало со слова айт (говори), а Уарт – арт (грузи). Все офицеры военно-морского флота после окончания училища получали служебный кортик (кортык-коротышка). Титул «эрл» сравнился с «тэнами» (равный). Верхушку английской аристократии представляла партия тори (тур – торе - господин). Английского короля звали Артур (ары - тур – подальше стой), молдавского правителя Стурздой, экс-премьер - министра Австрии Штюрк, посла Германской империи Турн и другие.

Туры соседствовали и с древнейшими славянами. Пример река Тур, приток Тиссы, через территории Румынии, Украины, Венгрии. Одним из центров туров в этих местах был город Туров. В Киевской Руси туры были известны под именем древлян, торок, берендеев. Мне представляется, что вся территория древней славянской земли была заполонена турами. Об этом свидетельствуют географические названия и тюркизмы в славянском языке. Встречаются слова, части которых состоят и из индо-европейских и тюркских слов: племена герул (сын господина- немецкое) и гуцул (сын

господина- молдавское). Все центры американских городов называют Даунтаун (Аргументы и факты № 13. 2002). Американцам и англичанам невдомек, что это название произошло от тюркских слов «Дау тау» - большие горы.

Географические названия городов, сел, рек, гор, и озер европейских стран буквально насыщены тюркизмами. Если тщательно собрать все тюркские названия и слова, применяемые в Европе, то можно составить целые тома. Все это говорит о значении тюркского языка в формировании европейских языков. Названия могут быть старинными, средневековыми и даже современными, но слова, применяемые для наименований, являются очень древними, вернее, древнетюркскими или древнеарийскими.

Многочисленные факты свидетельствуют, что туры являются древнейшими насельниками Европы. Они, постепенно внедряясь в среду еще более древних аборигенов Европы, т. е. ареал проживания потомков так называемого кроманьонского человека, ускорили процесс приобщения последних к достижениям человеческой цивилизации. Вначале туры и другие тюрко-арийские племена длительное время осваивали благодатные земли бассейна Средиземноморья, и лишь затем, подготовив плацдарм для наступления, они двинулись в различные регионы Европы, и этот процесс ускорился в период экспансии Римской империи. Вместе с миграционными процессами усилилась европеизация, германизация, славянизация тюрко-арийских племен.

Европу уже захлестывали и другие волны нашествий тюрков, которые начинались не с Передней Азии, а с земель киммерийцев, скифов, саков, сарматов, гуннов, авров, хазаров, половцев, волжских болгар, печенегов.

Вторжения существенно влияли на этническую ситуацию в Европе. Евроцентристы не желают замечать значение этих исторических событий. Скрывать истину – признавать свое бессилие, только правда работает на будущее.

Грек-философ Страбон в свое время доказывал: «Я даже убеждаюсь, что Европа слишком мала для шпионов и разведчиков, и что настоящие дела можно совершить только на Востоке. Моря и заливы разведаны, трудно найти хозяев, но они нужны. Там разные царьки, сатрапы, их нужно подогреть только блестящим и звенящим. Это внутренние влечения тех, кто был в то время у власти, соответствуя тому, чтобы найти во имя блага земли и надежды богатства. Я, Страбон, позже вспомните мои слова».

МИГРАЦИЯ ТЮРКОВ-АРИЙЦЕВ В ВЕЛИКИЕ СТЕПИ

В конце IV тысячелетия до н.э. основная масса тюрков-арийских племен мигрировала из Передней Азии в Великие Степи Евразии. Их путь выглядел приблизительно следующим образом: Месопотамия – Северный Иран – Кавказская Албания – Дербент (Железные Ворота) – Великие Степи. Не исключено, что часть племен покинула Переднюю Азию еще в середине или начале четвертого тысячелетия. Мне кажется, что отдельные племена прошли вдоль Черного моря и вышли на просторы Дона и Волги (Итиль - ит ел – собачий народ). Возможно, это река, где проживает народ, содержащий собак.

Появление в Степи колесно-упряжного транспорта, детища тюрков-арийцев, является убедительным свидетельством миграционных процессов.

«Освоение степи облегчалось для скотоводов бронзового века тем, что они уже знали колесно-упряжный транспорт, проникший с Ближнего Востока в Восточную Европу не позднее III тысячелетия до н. э.

Таким образом, можно думать, что в III и во II тысячелетии до н. э. в степи существовали скотоводы, ведшие подвижный образ жизни. Они следовали за своими стадами, состоявших в большей или меньшей степени из крупного рогатого скота, отар овец и табунов лошадей. Вслед за ними шли телеги, запряженные волами или лошадьми, в которых обитали семьи хозяев и пастухов. Скотоводство в различных районах Степи стало принимать различные формы: наиболее подвижными были пастушеская, а местами даже и полукочевая ...

... Сравнительная подвижность скотоводов бронзового века евразийских степей облегчала их миграцию, засвидетельствованная уже в IV-II тысячелетии до н. э. ...

... Передвижения, хотя и не нашедшие отражения в письменных источниках, но хорошо прослеживаются археологически. Причины подобных миграций могли быть довольно разнообразными: рост населения, истощение пастбищ, которые в условиях отсутствия еще регулярного круглогодичного цикла перекочевок могло происходить довольно быстро, наконец, не в последнюю очередь, стремление приблизиться к центрам развитых земледельческих культур и цивилизации» (А.М. Хазанов, там же, с. 184-185).

В конце IV тысячелетия до н. э. тюрко-арийские племена, жившие в Западном и юго-Западном Казахстане стали двигаться по двум маршрутам на восток. Первый маршрут пролегал из Западного Казахстана в Северный и Центральный Казахстан, а оттуда в Сибирь. Второй поток тюрков-арийцев двинулся из Юго-Западного Казахстана через Южный Казахстан в Восточный Казахстан, а оттуда в Западную Сибирь, Алтай и Прибайкалье.

«Рядом с местными неолитическими племенами селились пришедшие с запада, из-за Волги, племена скотоводов ...»

Несколько волн миграции индоевропейских племен (тюрко-арийских племен – А.Д.), в особенности носителей ямной культуры, постепенно проникли столь далеко на восток, что связанные с ними археологические памятники или родственные археологические культуры обнаруживаются не только в Казахстане (район современной Караганды), но и даже на Енисее и Западной Монголии (афанасьевская культура). (С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992, с. 12-13).

В конце IV тыс. – III тыс. до н. э. телега тюрков-арийцев докатилась с берегов Волги до сибирских просторов. Если обратиться к материалам антропологии и археологии для того, чтобы точнее и четче определить ареал проживания тюрков-арийцев и других племен, то можно прийти к следующим выводам.

Ученые-антропологи установили, что древними насельниками территории от Волги до Байкала были люди двух типов европеоидной расы – андроновской и средиземноморской. На мой взгляд, андроновскому типу европеоидной расы относились люди, жившие здесь испокон веков, т.е. угро-финские племена. Они населяли территорию Южного Урала, Центрального, Северного, Восточного Казахстана, Южной Сибири и Алтая. Средиземноморскому типу европеоидной расы относились тюрки-арийцы и ираноязычные племена аланов. Они вначале жили в юго-восточной Европе, западе и юго-западе Казахстана, затем тюрки-арийцы устремились на восток.

Этнические различия двух групп древнего населения проглядывается в практике погребальных обрядов – трупосожжении и трупоположении, т.е. захоронении в могильной яме с курганной насыпью. Трупосожжение характерно для Центрального Казахстана, частично Приаралья, Восточного, Северного и Западного Казахстана, т.е. в местах обитания угро-финских племен.

Захоронения в могильной яме с курганной насыпью характерно для тюрков-арийцев. Покойника клали на спину с вытянутыми ногами. «Для этих памятников (Бегазы-Дандыбаевской культуры) характерно, с одной стороны, сохранение андроновских традиций, с другой – появление новых элементов культуры: особого типа надгробных сооружений приземистой шаровидной формы. Нестипичен для андроновской культуры и погребальный обряд. Наряду с обычными, скорченными встречаются вытянутые трупоположения на спине. Такой обряд захоронения широко распространен у скотоводческих племен, живших на территории Казахстана позднее, в эпоху раннего железа» (История Казахской ССР, в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1973, с. 142).

Два типа погребальных обряда, трупосожжение и трупоположение, имели свои многочисленные вариации, в зависимости от принадлежности кладбищ той или другой этнической группе племен. Из века в век погребальный обряд совершенствовался и усложнялся, являясь отражением экономических процессов и устремленности людей к многогранной духовной жизни.

«Тесные культурно-хозяйственные связи, существовавшие в пределах мира охотников и рыболовов, ярко отразились в археологических материалах. Наиболее четкие контакты могут быть прослежены с племенами кельтеминарской культурной общности, обитавшими в северных областях Средней Азии. Рельефнее всего они проступают у племен Южного и особенно Западного Казахстана. Цепочки древних контактов уходят далеко на север и северо-запад в Приуралье и Западную Сибирь, проявляясь в особенностях формы кремневых орудий и в типах орнаментированной глиняной посуды. Культура племен Северного и Восточного Казахстана, обнаруживая сходство с культурой населения Средней Азии, в

то же время была более близка к алтайским и прибайкальским племенам новокаменного века» (История Казахской ССР, там же, т.1, с.99).

Отсюда можно сделать основной вывод: тюрки-арийцы заняли прочный плацдарм в великой степи. За ними проглядывалось будущее – они накапливали силы и готовились к широкомасштабным наступлением в просторы Евразии.

«В исторической науке существует ряд гипотез. По одной из них предполагается, что андроновская культура возникла в результате проникновения пришлого из Средней Азии населения в среду казахстанских энеолитических охотников и собирателей. Оно принесло с собой навыки и формы производящего хозяйства. Такой контакт и привел через несколько столетий к возникновению в степной и лесостепной зоне качественно новой культуры андроновских племен» (История Казахской ССР, там же, т.1, с. 104). Эта точка зрения отражает истину, но есть моя существенная поправка: тюрко-арийские племена двигались не с юга, а с запада.

Среди кочевников Евразии тюрки-арийцы первыми освоили производящее хозяйство, основанное, в первую очередь, на скотоводстве.

«Следы скотоводства прослеживаются только в верхних слоях кельтемирской культуры, датируемые III тысячелетием до н. э. Северная степная зона Центральной Азии не знала производящего хозяйства до этого времени.

Далее на восток появление производящего хозяйства в Южной Сибири впервые прослеживается только в афанасьевской культуре второй половины III тысячелетия до н. э. Только во второй половине III-II тысячелетия до н. э., в эпоху бронзы, на всем пространстве евразийских степей окончательно устанавливается господство производящего хозяйства, представленного различными вариантами» (А.М. Хазанов, там же, с. 181).

МИГРАЦИЯ ТЮРОК-АРИЙЦЕВ НА ЮГ, ЮГО-ВОСТОК и ВОСТОК

Один из загадочных строк истории – это миграция тюрков-арийцев на юг, юго-восток Азии и острова Индийского и Тихого океанов. Как они проникли туда? По-моему, они мигрировали сюда следующим образом: побережье Каспийского моря – Средняя Азия – Индия - Тайланд – Индонезия – острова Индийского и Тихого океанов. Возможно, что миграция началась в конце IV тысячелетия до н. э. Не исключено и то, что потомками тюрков-арийцев являются памирцы, которые отличаются от таджиков (тажик) и языком, и традициями и внешностью (светлые волосы и голубые глаза).

Вполне возможно, что тюрки-арийцы являются основателями культуры Хараппы и Мохенджо-Даро в Индии, так как имели значительный экономический и духовный потенциал.

Справка: Хараппская цивилизация – культура бронзового века середины III – первой половины II тысячелетия до н. э. в Индии и Пакистане. Названа по находкам в Хараппе. Руины городов, крепостей, морских портов и другие. Хозяйство: земледелие, скотоводство, ремесла.

Мохенджо-Даро – остатки города III-II тысячелетия до н. э. в Пакистане одного из центров хараппской цивилизации. Кварталы, укрепления, водостоки из кирпича и другое.

Надо полагать, что в середине II тысячелетия до н. э. тюрки-арийцы были вытеснены отсюда индо-арийскими племенами. Их вынудили мигрировать дальше: на юг Индии, Шри-Ланку, Тайланд, Индонезию, острова Индийского и Тихого океанов. Здесь тюрки-арийцы, уже немногочисленные, смешались с местным населением.

Следует особо отметить, что Индия поглотила многие волны тюркских миграций – саков, канлы, гуннов, полчищ Бабура и Мухаммед Хайдара Дулати. Кандидат исторических наук А. К. Акишев в своем интервью газете «Аргументы и факты. Казахстан» № 40, 2002, говорит: «... Будда был из рода шакья, то есть из рода саков ... Его титул Шакьямуни переводится дословно как «лев из рода шакья», т.е. саков. Название индийского города Элуру (по-тюркски - пятьдесят родов) свидетельствует о вторжении тюрков. Наличие следов проживания древних тюрков-арийцев в Индии подтверждается обилием тюркизма в географических названиях.

Например: Индия – река Манас, города Элуру, Амбала, Хисар, Сагар, Асансол, Сурат, Мармаган, Кудалур и другие. Шри-Ланка – река Аруви, г. Гад, река Кумбуккам. Индонезия – города Кумай, Самбас, Брантас, Сурабая, Кудус, пролив Балабак, острова Анамбас, Биак, Асия, Аю, Ару, Бабар Калимантан. Можно привести такие же примеры по Тайланду, Бирме, Лаосу, Вьетнаму, Малайзии, островам Индийского и Тихого океанов.

МИГРАЦИЯ ТЮРОК-АРИЙЦЕВ в АМЕРИКУ

Мне кажется, что в конце IV - начале III тысячелетия до н. э. волны миграции тюрков захлестнули Америку. Они, через Берингов пролив достигли Аляски (по-тюркски – Алыска – далеко), а оттуда мигрировали на берега реки Атабаски (по-тюркски – чужой отец или голова отца), озера Атабаска и далее на юг. Индейцы штата Аризона, США используют в своей речи следующие тюркские слова: тау, тебе, макта, дари-дармек, сиыр, ата, аже, суктау (Б.К. Албани «Тарихи таным»). Алматы, 1994, с. 116). Также известно, что американские индейцы используют более 200 тюркских слов (Б.К. Албани, там же). Откуда они их взяли?

В XIX веке у мексиканцев существовала империя Итурбиде (советская историческая энциклопедия, т. 12, М, 1969, с. 495). Итурбиде (по-тюркски – ит–собака, урбиде – возможно от слова урмейди – собака не воеет) – название, возникшее в результате почитания тотема собаки. Подобное явление можно узреть в названии бразильского города Итурма (по-тюркски – ит урме – собака, не лай). По каждому латиноамериканскому государству, а также США и Канаде, можно привести уйму таких примеров. Тюрки-арийцы стояли на более высоком развитии по сравнению с америндами (индейцами). Пожалуй, майя, ацтеки, инки являются их потомками. Так, этноним «ацтек» (тек – происхождение) имеет явно выраженные тюркские корни.

Если обратиться к истории индейского народа инки, достигшего высокого духовного развития и материального развития, согласно инкским мифам властелином древнего города Куско и основателем династии инкских правителей является Айяр Манко (у тюрков – Айяр, Хайяр, Ман).

«Уже в этом мифе, зафиксированном в различных вариантах разными хронистами, инки предстают пере нами, как пришельцы» (Культура Перу, М., 1975, с. 30-31). Этот миф, является отражением миграционных процессов тюрков-арийцев.

«Имеется и другой миф о происхождении инков, переданный хронистами также в различных вариантах. Отец – Солнце и Мать – Луна сжалились над людьми, жившими в невежестве, дикости и бедности, и послали с неба своих детей – сына Манко Капака и дочь Мамму Оклью Уаку, дабы они представили Отца-Солнце, как бога. Дали людям законы, обучили их ремеслу и искусству, научили жить в домах, обрабатывать землю, выращивать овощи, фрукты и злаки, разводить скот и т.д.

... Здесь же сын Солнца, первый Инка, и его жена выполнили наказ отца и основали свое «государство». Любопытно, что Капак, выполняя волю какого-то могучего человека, появившегося в Тиауанако, выполнил его пожелания» (Культура Перу, там же, с. 3). Индейцы считали первого инку посланцем неба. Подобная встреча ожидала и Христофора Колумба, впервые вступившего на землю Америки.

Некоторые факты указывают на связь древних инков прежней родиной – Передней Азией. Согласно космогонической мифологии древних инков Вселенная воспринималась ими как единое целое, состоящее из отдельных частей миров, что соответствует тенгрианским постулатам.

Первый мир назывался Ханан Пача – «Верхний» звездный мир, куда после смерти уйдут достойные и безгрешные (Культура Перу, там же, с.31). Если помните, то Ханан – это древняя родина тюрков-арийцев в Передней Азии.

«В системе религиозных взглядов древних кечуа (кечуа), в том числе инков, присутствовало понятие «уака». Термин «уака» применялся к некоторым (не верховным) богам (Культура Перу, там же, с. 30). По-тюркски – уак – мелкий, не главный.

В Перу есть город Кахамарка в Аргентине – Катимарка, что соответствует названию древнего города Передней Азии – город Маркасу.

Инкское общество делилось на несколько категорий, в том числе: угнетенные слои – хатун руна (по-тюркски – род женщины), янакуна – рабы (по-тюркски кул-раб, кун – плата). Надо полагать, что сословие хатун-руна – это потомки женщин-пленниц.

Здесь же существовала еще одна особая категория населения, так называемые «избранницы Солнца» в подавляющей массе – рабыни, занятые, главным образом, ткачеством. Возможно, с подобной категорией женщин связано с появлением тюркского слова «кундес» – женщины – соперницы.

У народностей кечуа и инков очень хорошо развита поэзия. Поэта называли арауик (по-тюркски – дух предков) или харауик. В кечуанском и инкском обществе был распространен жанр «хайльи» - хоровое пение (Культура Перу, там же, с. 34).

Мужчины: Айю хайльи, айю хайльи!

Вот рука моя, вот сила,

Вот мотыга, вот и пашня.

Женщины: Славься, мужчина, славься!

Мужчины: Айю хайльи, айю хайльи!

Где же прекрасная носта?

Где семена для посева?

Женщины: Славься, сеятель, славься!

Мужчины: Айяу хайлы, айяу хайлы!

У казахов до сих пор существуют популярные народные песни, в которых, подобно перуанским «хайлы», есть следующие слова, повторяющиеся много раз многократно: Хайляли ляйли, хайлялим ай! Видимо, есть связь между тюркским словом «хайлы» и фашистским приветствием «хайль».

У инков есть поэтико-музыкальный жанр - аруи, посвященный воспеванию девичьей красоты. По-тюркски: ару - красавица. Этот народ использует и такой жанр, как арануай, напоминающий чтение басни, а тюрки называли посвящение – арнау. Инки еще до сих пор пользуются жанром уанка – элегия, вышедшая из недр песни-плача.

Спектакли для народа разыгрываются обычно на открытых площадках, которых называют «арануа» (арена). Следовательно, слово «арена» впервые возникла не у римлян, а у тюрков-арийцев. В древней кечуанской драме «Апу Ольянтай (по-тюркски: апа-сестра, мать) главную героиню зовут Ума Сумах, что означает «Какая красота!». Поэтому миграция тюрков-арийцев в древние времена в Америку неоспоримый факт.

МИГРАЦИЯ ТЮРОК-АРИЙЦЕВ в АФРИКУ

Географические названия в Африке обильно насыщены тюркизмами Марокко – г. Таза, Берген; Алжир – г. Табельбала, Ин-Бельбель; Ливия – г. Атшан; Судан – г. Кассала, Нахас, Мариди, р. Атбара; Эфиопия – г. Аксум, Иирга-Алем, Гьби, оз. Абая, Тана, р. Дауа; Мали – р. Бакай, г. Кутнала, Бугуни, р. Бакай; Заир – р. Итури, Арувили, г. Куту, Кисангани Лубумбаши и т.д.

Как тюркские термины попали в словари народов Африки? Известно, что Египет на некоторое время покорили гиксосы. В их составе были, несомненно, и тюрко-арийские племена.

«По некоторым намекам видно, что за народным восстанием последовало вторжение в Египет азиатов. По всей вероятности, имеется в виду происшедшее около 1700 г. до н. э. нашествие гиксосов, пришедших из Сирии и Палестины и без особого труда завоевавшие Египет. Завоеватель использовали развал военно-административного аппарата в результате происходившего в Египте восстания. Кроме того, они имели преимущество в военной технике. В их распоряжении появились боевые колесницы, запряженные лошадьми, неизвестные до тех пор в долине Нила.

Однако, гиксосы представляли собой разноплеменную орду (среди них были хамиты и семиты, вероятно, и касситы) ...

Сами гиксосы поселились сплошной массой в восточной части Дельты, где основали свою столицу Аварис» (Редер Д.Г., Черкасова Е.А., там же, т.1, с. 162-163).

Название города Аварис напоминает тюркский этноним «авар». Через сто лет гиксосы были изгнаны из Египта. Возможно, часть этого народа ушла в Центральную Африку и далее на юг. Часть туров, а затем часть гуннов, через Пиренейский полуостров, проникли в Северную Африку. Общеизвестно, что в Египте долгое время правили мамлюки, в составе которых было много тюрков – Кавказа, Персии, Средней Азии. Вполне возможно, что их потомки проникли в центр и на юг данного континента. Напомним, что он представлял очень большой интерес и для Османской империи.

ОСВОЕНИЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ И ДАЛЬНЕЙШАЯ МИГРАЦИЯ ТЮРОК-АРИЙЦЕВ.

КИММЕРИЙЦЫ

Надо полагать, что с конца IV тыс. до начала II тыс. до н. э. киммерийцы жили в бассейне реки Волга. В начале II тыс. до н. э. они под натиском ираноязычных аланов откочевали в Северное Причерноморье.

Некоторая их часть мигрировала в Южную Сибирь. Об этом свидетельствует наличие этнонима «кемер» в географических названиях – г. Кемерово, с. Шарын - Каракемер (Алмаатинская обл.), с Сарыкемер (Жамбылская обл.), сс. Аккемер, г. Кемер (Актюбинская обл.).

«Киммерийцы и скифы являются творцами ямной и срубной культур. Их материальная и духовная культура имеет тесную взаимосвязь с культурой других тюрко-арийских племен. Так, небесную Афродиту киммерийцы называли Алатуром» (Т. Журтбаев, Дулыга. Алматы, 1994, с. 70). По-тюркски: Алатур – мать туров.

В составе киммерийцев были племена тавров (по-тюркски: горцев), меотов, синди (видимо, по-тюркски: синди-санди- модный). В свою очередь, в состав меотских племен входили племена торет

(по-тюркски: торе - господин; возможна и другая трактовка тор ет – парадное мясо), дандарии (видимо, по-тюркски: данді- арий – арий с зернами), пес (видимо, піс ес – созревай сознание).

В II веке до н. э. Киммерийское государство было разгромлено скифскими племенами. Часть племен тавров продолжала жить в Крыму и Малой Азии. Племена дандариев мигрировали на южное побережье Балтийского моря. Об этом свидетельствуют названия: г. Дандиг (Германия), г. Гдыня и г. Гданьск (Польша). Мне кажется, что дандарии являются предками данов (датского народа). О данах (видимо, дандариях – дади ариях или дана ариях) упоминается и в «Авесте». Племена торет мигрировали на юг Италии и остров Сардинию.

Об этом свидетельствуют названия: г. Торре-Аннуцианата, Италия (по-тюркски: ата-отец) и сардинский г. Порто-Торрес. Возможно, что на этой территории они встретились с другими тюрко-арийскими племенами тиров. Лингвисты выделяют сардинский язык в качестве самостоятельного. Если обратить внимание только на географические названия Сардинии, то они опять пестрят тюркизмами: г.г. Боза, Ольбия (ол бий – он глава), Арбатакс (арба тасу – тяни арбу), Ористан (ор стан – страна возвышенностей), Кальяри (кала ары – дальний город).

Если в Сардинии имеются город Ольбия и река Тирсо, то на древней земле Северного Причерноморья имелись г. Ольвия и река Тирас (Днестр). Этноним «торер» кроется в испанском слове «тореро» (тор ер – главный мужчина) и названии польского города Торунь.

Племена пес сохранились в географических названиях: р. Псоу (Абхазия), г. Псков, Псковское озеро, р. Псел (Полтавская обл.).

Некоторые исследователи считают киммерийцев и шумеров родственными народами (О. Панзабеков, Б. Алтаев. ПЮ+ГЮ= Туркул. Алматы, 1999, с. 22). Несомненно, в этой версии есть свое рациональное зерно.

СКИФЫ

В конце IV тыс. до н. э. тюрко-арийские племена скифов осели в Западном и Юго-Западном Казахстане. По Геродоту скифы назывались «скунхе», «искит». Слово «скунхе» имеет близость с тюркским слово «кун» - солнце, а искит - с русским словом «скит». Скифы считают себя потомками Таргытая и его трех сыновей – Липоксая, Арпаксая, Колаксая. Таргытай – это типичное тюркское имя.

Тюркское происхождение скифов подчеркивают имена их божеств – Табити (Танир-Тенгри), Папай (Баба), Апи (Апа). Гойтосир (Кой, Сийр), Апатур (Апатур) Фтисамад (Фатима). Скифы, подобно тюркам, поклонялись тотему волка. Интересно то, что они тоже использовали термин «бий» Так, царя Боспорского царства звали Хедосбием.

Во II веке до н. э. скифы, под натиском массагетов, двинулись в Северное Причерноморье и торговали в земли киммерийцев. В состав скифского союза племен входили племена катиар (хазар), тираспи (тиры и каспи), авхат (по-тюркски: пища), паралат.

Значительная часть скифов вошли в состав кавказских, крымских и европейских народов, а также в состав Младшего Жуза казахского народа. Пожалуй, потомками скифского племени паралат (латов) являются латыши (латы) и литовцы (литы). О том, что латышский и литовский языки насыщены тюркизмами говорят географические названия: р. Даугава, г. Даугавпилс (дау кала – большой город) Губене (гул бейне – цветочная долина) Лимбажа (лим бажа – свояк Лима) Дагда (так, тагыда – еще, повтори), Тукуме (тукым – яйцо) и т. д. Латы и литы долгое время жили рядом со славянами, что стало причиной значительного восприятия их языка.

САРМАТЫ И АЛАНЫ

Ранее было отмечено, что в древние времена на территории Казахстана жило население, относящееся к двум типам европеоидной расы – средиземноморское и андроновское. «Средиземноморцы», т.е. тюрки-арийцы, стали активно мигрировать с запада на восток. В начале III тысячелетия до н. э. на территорию Центрального Казахстана внедрились тюрко-арийские племена савроматов (сарматов), а в начале II тыс. до н. э. – ираноязычные племена аланов.

«В основе физического облика сарматов лежал средиземноморский расовый тип, известный в регионе с эпохи бронзы» (История казахской ССР, там же, т.1, с. 199-200).

Сарматы и аланы селились рядом с андроновцами, т.е. угоро-финскими племенами. К последней относились предки мадьяр, ханты, манси и другие.

Возможно, в конце VIII века до н. э. на территорию Центрального Казахстана проникают сакские племена аримаспов (аримасбиев), аргипсеев (аргынбиев), исседонов, гипербореев.

Разнородность населения Центрального Казахстана вырисовывается из сообщения Геродота: «А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков на семи языках (Геродот, 4, 24).

Этот конгломерат сождал общие культуры, которые археологи именуют нуринской, атасуской и бегазы-дандыбаевской. Исседонам принадлежит тасмолинская культура.

«Материальная и духовная культура кочевников Центрального Казахстана развивались особым путем – здесь сильны традиции так называемой андроновской культуры и влияния разнородного населения. Так, сарматы отличались особым общественным пристрастием к традициям матриархата, что не характерно для тюрков. Возможно, что это результат влияния угоро-финских племен. Известно, что саамы, коряки, чукчи неуплинейны, т.е. у них отсутствует принцип общности на основе происхождения» (А.М. Хазанов, там же, с. 250).

Разнородность – причина острой политической атмосферы в Центральном Казахстане. Сарматы и аланы были вынуждены постоянно вырабатывать новую военную стратегию и тактику, совершенствовать оружие. Известно, что в сарматском войске впервые возникла тяжелая кавалерия – прообраз средневековых рыцарских войск. Можно уверенно сказать, что тяжелое вооружение европейского рыцаря глубокими корнями уходит в Бегазы-Дандыбаевскую культуру.

В III веке до н. э. сарматы и аланы под натиском дахо-массагетских войск были вынуждены мигрировать из Западного Казахстана и Северное Причерноморье. Сарматы – предки абхазов, а аланы – осетин. Во II веке нашей эры сарматы получают общее название аланов.

В IV веке нашей эры значительная часть сарматов и аланов под натиском гуннов мигрировали в Европу. Аланы (ланы) составили основу голландского (лан), нидерландского (лан), исландского (лан), ирландского (лан), шотландского (лан), фурианского (фриульского) народов и племен лангобардов, роксоланов. Название аланского (ланского) народа носит остров Гренландия, г. Лан (Франция), р. Лан (Германия, историческая область Лангедок, династия английских королей Ланкастеров.

Немецкое слово «ландтаг» расшифровывается следующим образом: ланд - land – земля, страна, таг - tag – собрание. У тюрков слово «так» означает «трон». Этноним «лан» у европейцев трансформировалось в слово «ланд» - страна.

Эйре (Eire) – таково национальное название Ирландии и ее официальное название 1937-39 годов. Надо полагать, что слово «eire» происходит от тюркского слова «жер» (иер) – земля.

А.К. Акишев говорит: «... исторически известно, что был римский консул Британник, который выселился в Великобританию и основал под Лондоном римскую колонию, и с ним было пять тысяч воинов-сарматов» (Аргументы и факты Казахстан, № 40, 2002).

ТУРАН

«Автор фундаментального научного труда «Естественная история» Жорж Луи Леклерк (Бюффон) еще в XVIII веке высказал теорию, что «первый народ, достойный носить имя (цивилизованного), был рожден в далекую эпоху к востоку от Каспийского моря». Он «достоин нашего полного уважения – как творец наук, искусств и всех полезных установлений ... Он был чрезвычайно счастлив, поскольку был слишком учен», но затем «невежественные и свирепые варвары» напали и разрушили эту райскую цивилизацию, погрузили «человечество» во мрак невежества.

Долгое время эти слова не находили подтверждения, пока на плато Устюрт не отправилась западноказахстанская археологическая экспедиция. Местные жители это место называют Токсанбай (токсан – девяносто).

Раскопки показали, что казахстанские археологи приблизились к разгадке тайн одной из самых древних цивилизаций степной полосы Евразии. Исследования памятника бронзового века – протогорода Токсанбай – открыли сессацию: это XIX – XVIII века до новой эры! А некоторые пробы указывают на конец третьего тысячелетия до новой эры! (Аргументы и факты Казахстан, № 12, 2002).

На мой взгляд, протогород Токсанбай – один из городов Турана. То, что туры, дахи (даи, адан), даны, являются жителями юго-запада Казахстана, подтверждается «Авестой».

«События, чей отзвук сохранили Яшты, происходили, возможно, задолго до времени Заратуштры, во второй половине II - начале I тысячелетия до новой эры» (С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов, там же, с. 25).

О том, что туры имели города, подтверждает и А. Фирдоуси в своей книге «Шахнаме». Он сообщает о городе Афрасиабе, расположенном рядом с Самаркандом. Согласно «Шахнаме» правитель Фаридун имел трех сыновей – Салима, Тура, и Ираджа. Правителем Ирана стал Ирадж, а Турана – Тур. Последний имел сына Сиавуша, внука Пашанга и правнука Афрасиаба. При правлении Афрасиаба Туран расцветает.

А. Македонский, после вступления на территорию Средней Азии, воюет с каганами Турана (Т. Журтбасв, там же, с. 93-94).

«Следует обратить внимание на то, что в III-VII вв. нашей эры, частью государства Сасанидов являлась территория, которая тоже называлась Тураном, расположенная на юге Афганистана и Ирана». (Советская историческая энциклопедия. Т.12, М., 1969, с. 570).

ТЮРКИ-АРИЙЦЫ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

В начале III тыс. до н. э. тюрки-арийцы появились на берегах Сыр-Дарьи и окрестностях Каратау. Видимо, одним из их поселений является археологический памятник Караунгур Тюлькубасского района Южно-Казахстанской области. Возможно, тюрки-арийцы нуждались в новых территориях, поэтому долго здесь не задержались, они мигрировали на восток, в бассейн реки Чу.

Известный казахский историк Ш. Кудайбердыулы, опираясь на китайские источники, сообщает, что власть среди тюрков, живших в Чу, захватили 17 братьев. Сначала правил Апан, который, возможно, является предком японцев (апан, жапан). Очень интересным фактом является то, что имя Апан не стерлось в бурях тысячелетий, а сохранилось в географических названиях: с. Косапан (Джамбулская область), с. Апан (Кустанайская область).

После Апана к власти пришел его брат Ежен Шейду. Он имел четырех сыновей, которым отведена особая роль в истории. Они возглавили четыре племени.

Шакарим Кудайбердыулы, пытаясь найти в китайских источниках историю становления народа, пишет: «... В далекие времена предки тюрков назывались народом со (У Наджипа Гасымбека – сет). Известно, что народом тем правил хан Ежен Шейду. У жены его дочер - духа неба - родилось четыре сына, один из которых превратился в лебедя, другой, по имени Кей Ху, основал государство между Апу и Хун (Абакан и Енисей). Третий стал правителем на реке Чу. Самый старший по имени Надулуше, обитал в горах Чусиши (верховья Чу), там же находилась и ханская ставка. Гора была такой высокой, что его эль сильно страдал от холода. Но Надулуше научил свой эль разводиться огнем и спас их. Тогда другие племена, что были в подчинении у его сородичей, пришли к нему и стали называться «Тю-ку». Тю-ку означает «шлем». В китайском языке нет буквы «Р». Если же поставить букву «р» в середину слова, то получим «тюркю, т.е. «тюркок» (Ш. Кудайбердыулы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Алма-Ата, 1990, с. 13).

Эта легенда записана китайцами со слов тюрков в начале I тыс. до н. э., а она, на мой взгляд, имела действие в начале III тыс. до н. э. Вы спросите, почему столь древнее время? Так, в легенде сказано, что Надулуше (Тюркок) научил разводить огонь и строить печи. Общеизвестно, что тюрки, саки, уйсун, канглы и гунны научились владеть секретами огня еще в каменную эпоху. Никто не станет отрицать, что они научились искусно расплавлять различные металлы и изготавливать из них непревзойденные изделия. Следовательно, в легенде упоминается об очень древних навыках, а в данном случае о практике людей в эпоху неолита. Надо полагать, что Надулуше (Тюркок) жил в период так называемой кельтеминарской культуры, которая датируется концом IV тыс. – нач. II тыс. до н. э.

Историческая практика показывает, что такой мощный пласт цивилизации, как тюркская, требовала очень длительного развития. Гуннам, перед тем, как сокрушить Китай и Европу следовало пройти длительный этап становления. Тюркские этнические, языковые, религиозные формы глубокими корнями уходят в неолит.

Китайские летописцы, записывая легенду, не учли мировоззрение и логику мышления древних людей, а отсюда и сказочность событий. Вслед за ними стали ошибаться исследователи истории.

Легенда имеет реальный подтекст, а ее тотемная сущность еще раз подтверждает, что речь идет о ранних ступенях развития человека – эпохе неолита.

По древней тюркской традиции рода, племена, народы, назывались именами знаменитых вождей, правителей, как, например, хан Башкурт, хан Узбек, хан Ногай. Так, род (народ) Кей Ху, согласно известной нам легенде, стал называться кигу (кыргыз). В начале III тыс. до н.э. Кей Ху вместе со своим народом переселился с реки Чу в бассейн реки Енисей. Не подлежит оспариванию то, что кыргызы (киргизы) раньше других тюркских племен внедрились в Сибирь – их явно монголоидные черты являются тому доказательством. Эти физиологические качества они не могли приобрести на территории реки Чу, где несколько тысячелетий господствовало население, относящееся к европеоидной расе.

По легенде один из сыновей Ежен Шейду превратился в лебедя. Следовательно, эта птица стала тотемом нового рода. Я знаю что лебедь – священная птица всех тюрков. Вслед за кыргызами, род Лебедя мигрирует в бассейн реки Ку, приток Би. Ныне здешние татары называют себя кукижи

(люди с Лебеда). В период великих переселений народов, они, в составе гуннов, уйдут в Европу. Здесь их назовут команам. Ученый Аристов полагал, что их именем названа Кубань, кубанцы (Ш. Кудайбердыулы, там же, с. 14).

Согласно сведениям хана Абулгази Бахадур, Надулуше (Тюрк) имел четырех сыновей – Тутика, Хакала, Барсажара, Алмаалака (Абилгази. Тюрк шежиреси. Алматы, 1991, с. 13). Он сообщает, что вождем после отца стал Тутик, отличавшийся внедрением новых традиций, обрядов и законов. Меня заинтересовала информация о том, что вождь, после охоты, обронил на землю кусочек зажаренного мяса, вкус которой ему очень понравился. С тех пор Тутик велел всем тюркам солить пищу. И вновь речь о древней традиции – соль освоена в эпоху неолита.

Абулгази Бахадур сообщает, что вождями тюрков-арийцев были поочередно Елше Тутикулы, Деббакой Елшеулы, Куик Деббакайулы. Сын Куика, Алынша, велел тюркам, после смерти человека, делать куклу-образ, а затем ему поклоняться.

Итак, в бассейне реки Чу был сделан первый шаг к объединению местных тюрков-арийцев. Вождь Тюрк (Надулуше) послужил объединяющим фактором. Его эль рос и крепчал. Слава вождя разлетелась далеко. Чуйских арийцев стали называть тюрками. Надо признать, что новое этническое объединение было еще довольно хрупким. Ее шаткость обнаружилась в разновременных оттоках племени из Чу в Восточный Казахстан, а оттуда – на Алтай и Южную Сибирь.

ТЮРКИ-АРИЙЦЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ И АЛТАЯ

С конца IV-II тыс. до н. э. в Северный и Восточный Казахстан, Алтай и Южную Сибирь, Прибайкалье, Северную Монголию стали активно проникать тюрко-арийские племена, вживаясь в среду андроновцев. Хотя нельзя исключать того, что к определенной массе андроновцев могли относиться первые волны миграции тюрков-арийцев. Появление в начале III тыс. до н. э. колеснотупряжного транспорта тюрков-арийцев в Южной Сибири – наиболее яркое доказательство этих миграционных процессов.

На Алтае и Южной Сибири стала складываться новая этническая ситуация. Тюркский лингвистический пояс не только крепчал и развивался, но и охватил новые сопредельные земли. Древний тюрко-арийский язык впитывал в себя словарное богатство русских, угро-финских, тунгусо-маньчжурских, китайских и тибетских племен. К примеру, якуты, считая себя тюркским народом, стали верить в православие. В конце II тыс. до н. э. тюрки-арийцы, живущие между Обью и Енисеем, пытаются объединиться в племенные союзы.

Письменных сведений указывающих на наличие объединительных процессов не имеются, но они хорошо прослеживаются в народном эпосе и казахском шежире (своде генеалогических сведений). К сожалению, исследователи истории до сих пор пренебрегают этим ценнейшим источником.

Почему среди тюрков-арийцев возобладали объединительные процессы? Во-первых, экономический рост, прослеживаемый в археологических памятниках, требовал организации центральной власти, обеспечивающей спокойную обстановку для хозяйствования. Во-вторых, нужда в новых выпасах остро поставил на повестку дня вопросы урегулирования взаимоотношения между племенами. В-третьих, стала нависать опасность со стороны соседних народов.

Объединителями выступили бии (би). Тюрко-арийцы вождя называли биём, а правителя государства кунбием. О наличии популярного института биев на территории между Обью и Енисеем свидетельствуют названия реки Бии, притока Оби и Бий-Хема, притока Енисея.

Согласно казахскому шежире, первыми известными биями были два брата – Кадыр и Калша. Они являются потомками Надулуше (Тюрка), так как последний неизменно указывается во главе генеалогической цепочки всех тюркских шежире.

Известный батыр и просвещенный человек XVIII века Казыбек бек Тауасарулы в своей книге «Туп тукинан озиме шейн» (От прошлого до меня), сообщает, что Кадыр родился в 1330 году до н. э. Видимо, этот известный бий родился приблизительно на 200 лет раньше – в XVI – XV веках до н. э.

Сын Кадыра, Алаш, канонизированный в легендах и шежире, как величайший объединитель, добивается большего успеха в создании раннего государства. Не зря говорят казахи: «Предок казахов – Алаш, а дом – деревянный свод» (Атамыз Алаш, керегеміз ағаш казактыз).

Алаша объявляют первым кунбием алтайских и южносибирских тюрков-арийцев. Его имя становится боевым кличем (ураном) для всех тюркских воинов.

Реальность существования столь славного правителя словно напоминает название реки Алаш, притока Енисея. Любопытно, что, что средиземноморский остров Кипр до нашей эры назывался Алашем (Т. Акселей. История кочевников. Алматы, 1995, с. 8). Надо полагать, что есть варианты: остров имел это название до миграции или потомки легендарного человека достигли вод этого моря и

поселились на этом острове. Об этом предке есть и другой ценный факт. Возле озера Каркара Кегенского района Алматинской области исследователи нашли каменную скульптуру, на которой была начертана руническая надпись: «Каган повел шесть волков «Алаша» (Каган алты борик Алаш(а) ерти). (Г. Мусабаев, А Махмутов, Г. Айдаров, Казахстан эпиграфикасы. Алматы, 1971, с. 27). Общеизвестно, что шесть Алаш – это потомки шести сыновей Арыса, праправнука Алаша.

Опыт объединения тюрков не забыт. В VI веке каганы Бумын и Естеми вновь объединят тюрков. Этот процесс происходил на Алтае. Каганы считали себя потомками Ашина. Возможно, что Ашина – это Алаш или его потомок. Алаш положил начало правящей династии. Вторым кунбием (правителем тюрков) стал сын Алаша, Жаныл. Наивысшего расцвета алтайские и южносибирские тюрки-арийцы достигли при правлении кунбиа Казаха Жанылулы. Первопредок казахов родился приблизительно в конце XV века до н. э.

Теперь соседние народы стали называть тюрков-арийцев народом Казаха (казахским народом). Эта версия исходит из традиции тюрков называть племена и народы именами известных вождей и правителей.

Потомки могущественного кунбиа Казаха, занимавшие привилегированное положение в тюркском обществе, стали выделяться как прослойка кочевой знати. Они решительно диктовали свои условия в кочевой среде и из века в век становились влиятельнее и многочисленнее. Эта каста степняков, строго следившая за знатностью своего происхождения, следовательно, и за генеалогией, положила начало зарождению казахского народа.

Первоначально термин «казах» означал принадлежность к потомкам царя Казаха, к прослойке знати, а в последствии - к народу.

Согласно традициям степняков потомки кунбиа Казаха, отличавшиеся знатностью, и богатством, имели много жен и наложниц, что влияло на быстрый рост населения. Китайянки, корейянки, маньчжурки, тунгуски имели большой успех у кочевников, их становилось из года в год все больше и больше в степи. Этот процесс имел последствия – монголоидные черты стали причудливо вписываться в европеоидный облик древних казахов.

Формирование казахской народности прошло через три длительных этапа:

1 этап - формирование основ народности (XV век до н. э. - VI век).

2 этап - выделение казахской народности из тюрко-монгольской среды (VI-XIII в.).

3 этап - окончательное формирование казахской народности (XIV- XVI в. в.).

Локализация родины кунбиа Казаха на территории Алтая и Южной Сибири подтверждается и другим фактом. В краеведческом музее Тувы есть руническая надпись на камне: «дочь казаха» (казактын кызы) (Т. Акселеу, там же, с.8).

Согласно шежире кунбийская власть, после Казаха, перешла его сыну Жуману. Надо понимать, что слава сын, естественно, померкла в лучах славы отца.

Великой славы добивается сын Жумана, Арыс – реформатор. Он поделил свое государство на три части, во главе которых поставил своих сыновей. Кунбий имел шестерых сыновей (алты Арыс) – Ака, Пана, Жана, Бола, Бека, Бала. Они считаются основателями трех Жузов.

Согласно традиции тюрков, власть правителя передается старшему сыну. Так, потомки старшего сына Арыса, Ака, составили кунбийскую династию. Их стали называть знатью – Ак суега или аксуеками (белая кость).

Представители Среднего и Младшего Жузов войдут в историю под названием гуннов. Потомки Жана, Бола, Бала, Бека составили костяк и правящий класс гуннского общества. Потомки первых трех братьев образовали жреческую касту. Гунны называли своего правителя таникурт (шанью – по-китайски, идикут – господин счастья – по-уйгурски) – избранником Тенгри. Потомки Бека стали Беками (правителями улусов).

Действительно ли гунны являются потомками могущественного кунбиа Казаха? Попробуем взглянуть на факты. Монголы называли телегу гуннов «касак терген». Этот факт красноречиво говорит о том, что гунны еще назывались казахами.

Монгольский ученый С. Доржи в своей книге «Северные гунны», изучая гуннский могильник на горе Ноян, приходит к выводу об идентичности культур гуннов и казахов. Из древних китайских хроник можно понять, что в империи гуннов, мигрировавших в Европу, Иран и Индию, вновь заметно фигурируют казахские племена. Махмуд Кашгари в своей книге «Диуана лугат ат тюрк» сообщает, что территория расселения белых гуннов известна, как страна Аргу (Аргын).

После Ака кунбиями были Кейки-би, Тобе-бий (автор является его потомком), Бахтияр, Котан. При правлении кунбиа Котана от алтайских тюрков-арийцев отпочковываются племена канлы, которые мигрировали на берега реки Сыр-Дарья. После Котана к власти пришел его старший сын Уйсунь, основатель племени уйсунь (автор - из народности уйсунь, племени Дулат, подплемена Сиким, рода Кусирак), а затем государством, согласно шежире, управляли Бай, Шора. Возможно

шорский народ – потомки кунбиа Шоры. Слово «шор» еще означает такое понятие, как «правитель округа».

После Шора кунбиями были Алым, Есен, Асау, Жуз, Сак. Видимо, при потомках кунбиа Сака алтайские и южносибирские тюрки-арийцы распадаются на два крыла – Сакское и Уйсуньское.

САКИ

Внедрение «средиземноморцев», т.е. тюрков-арийцев в среду андроновцев и изменение их антропологических данных в течение двух тысячелетий, можно успешно проследить по внешним физиологическим данным саков и усуней.

«Сопоставление антропологических данных о саках территории Казахстана и синхронных племен сопредельных областей показывает, что морфологически саки региона заняли промежуточное положение между племенами Алтая и Приаралья и были сходны с обитателями Тянь-Шаня, но существенно отличались саков Южного Памира, обладавших в основном чертами средиземноморской расы.

Генетически связаны с саками племена уйсуней. В основе расового типа усуней лежит, несомненно, местный, европеоидный пласт, но с монголоидной примесью. Монголоидных признаков у усуней несколько больше, чем у саков, что, очевидно, является следствием миграции гуннов» (История Казахской ССР, там же, т.1, с.199).

Вероятнее всего, потомки кунбиа Сака разделили алтайских и южносибирских тюрков-арийцев на две части – Сакское и Уйсуньское. Видимо, уйсуня, под давлением более многочисленных саков откочевали в двух направлениях: одни уйсуня мигрировали через Монголию к предгорьям Нян-Шаня, а другие – в Кашгарии. Уйсуня Нян-Шаня стали соседями своих сородичей гуннов, обосновавшихся в Ордосе.

Саки, занимавшие первоначально территории Алтая и Тянь-Шаня, в VIII-VII вв. до н. э. стали мигрировать в разных направлениях. Так, в западном направлении двигались сакские племена исседонов, агрипеев (аргынбиев), аримаспов (аримасбиев), гиперборцев.

В южном и юго-западном направлении мигрировали сакские племена тохаров, асиев (асианов), саракаулы. Эти племена, известные еще, как саки-тиграхауда, обосновались в Кашгарии и Семиречье. Они в 142-128 г.г. нашей эры сокрушили Греко-Бактрийское государство. На берегах Сыр-Дарьи (Яксарта) жили саки-парадарая или массагеты. Возможно, массагеты являются потомками аримаспов (аримасбиев). На это указывает морфема «мас» - пьяный. Впоследствии массагеты были ассимилированы даями (адаями). Видимо, племена масак, маскар (Младший Жуз) – потомки массагетов.

В Средней Азии жили сакские племена хаомоваргов, создавшие государство Согд (Согдиана). Миграция имела свои приоритеты, саки проникли во все уголки Европы. Саксонцы в Германии, саксы в Англии – это их потомки. Название «Саксония» (сак сон - сак соня) означает «конец» саков или по смыслу «конец миграции саков». Если посмотреть на карту: р. Сакмары (притоок Урала), г. Сакмар (Оренбургская область), г. Исаклы, р. Сак (Куйбышевская область), г. Саки, Сакастан (современный Сейхан в Иране), г. Сисак (Югославия), р. Сакарья (Турция), г. Пьове-ди-Сакко (Италия), г. Сакомандем (Англия).

На восток от Алтая мигрировали несколько волн саков. Саки, вместе с кутиями, составили основы якутского народа, отсюда и Саха-Якутия. Они дали название острову Сахалин. В Хабаровском крае есть город Согд.

«Но у якутов существует предание, согласующееся с мнениями исследователей, что у них раньше была высшая культура, письменность, которую они утратили. То же подтверждают Иохольсон, Диансо и другие» (М. Тынышбаев. Великие бедствия, Алма-Ата, 1992, с.18).

Мне кажется, что одна из волн миграции саков, снялась с Китая и ушла на Корейский полуостров, а оттуда в Японию. В северной Корее есть г. Сакчу, напоминающий о вторжении саков.

А.К. Акишев говорит: «Часть корейцев, примерно с 3-7 в.в. нашей эры, пришли на Корейский полуостров и были правящими родами. Они принесли туда комплекс вооруженного рыцаря, навыки верховой езды, типы оружия, мифологию и погребальный обряд под курганами, чего до них там не было. Это чисто номадный стиль. Этот период в истории Кореи называется эпохой трех царств ...

... У японцев курганный обряд появляется во время сегунатов – 5-7 в.в. нашей эры. Несомненно, японцы тоже пришли с континента» (Аргументы и факты Казахстан, №13 2002). Например: остров Токара (сакское племя тохар), г. Косаки (казахи), г. Сусаки (су-вода), Саката (сак ата - отец сака), г. Сагат (сак ат – лошадь сака), гг. Хиросаки, Такасаки, Амагасаки. В Японию мигрировали такие тюркские племена, как кутии, гунны, и возможно, ительмены, сарматы, даи, что отражено в картах. Кутии – о.Кутимоэрабу, о.Кутиносима, г. Кавагути, г. Могути. Гунны – о. Ягуни, о. Иокагуни.

Ительмены – г. Итикава, г. Итиномия. Сарматы – г. Сиракава (сираки – сарматское племя). Даи – г. Сендай и другие.

Имя кунбия Котана широко представлено на Курилах и Японии. Термин «котан» у тюрков означает место выпаса животных. Всем известны названия – оо. Шиашкотан, Онекотан Шикотан (Курилы), о. Котанара (Япония). Древние японцы, как и тюрки, поклонялись культу предков – Солнцу, Луне, небу, земле, воде. Главным синтоистским божеством считается богиня солнца Аматорасу.

О том, что саки имели письменность, подтверждает надпись на серебряной чаше из Иссыкского кургана. Недавно казахстанцы стали свидетелями сенсационного сообщения: всемирно известная книга «Авеста» написана саками, а не персами. Это открытие сделал профессор Алимкул Буркитбаев.

Название книги читается как «Ак бата» – «Благое напутствие». Ее автором стал некий Ахмет Жаныс. Профессор выяснил, что сакский язык близок к османскому, старотурецкому и укладывается в лексику современного казахского языка!

Выяснилось, что саки, подобно уйсуням, называли правителей кунбиями. Так, избранный саками кунбий Кажы Ахмет Аса-би ведет в Таразе подготовку «кочевого каравана» против вторжения врага. Летопись продолжают вести потомки писателя Ахмета Жаныса. Они повествуют о том, как в 146 году внук кунбия Кажы – хан Кали, получив благословение деда, собрал «кочевой караван» для обзудания римлян. Сакская армия под руководством хана Кали и полководца Рустема в 149 году нашей эры овладела Римом и освободила от рабства восемь стран.

«Ак бата» описывает религиозно-философские представления именно древних тюрков, а не каких-то иных народов. Мир, созданный богом Жаратушы (а не Заратустрой, как в «Авесте») имеет две разнонаправленные дороги – Акбастау (белое начало) и Карабастау (темные силы) (Аргументы и факты Казахстан. № 21, 2002). Обратите внимание на вышеприведенные имена – все они типично тюркские, но особенно близки казахам.

УЙСУНИ

После миграции гуннов из Южной Сибири и Алтая, значительно возросла роль усуней саков и кыргызов. Вероятно, что основная борьба развернулась между протоуйсуньскими и протосакскими группами племен. Победили саки, а уйсуня откочевали в Монголию, Кашгарию, и в Семиречье. Вероятно, это произошло в начале или первой половине I тыс. до н. э.

В середине I тыс. до н. э., вслед за гуннами, уйсуня мигрировали к границам древнего Китая. Гунны осели в Ордосе, а уйсуня – в предгорьях Нян-Шаня. И тут же встает вопрос: «Почему между более многочисленными гуннами и малочисленными уйсунями установились хорошие взаимоотношения?». Это, прежде всего результат уважения родственных связей, общих корней происхождения. То, что гунны называли своих правителей таникуртами, а не кунбиями – это одно из проявлений уважения к потомкам кунбиев. Известно, что таникурты гуннов усаживали послов уйсуней выше послов других народов. Поньне представители Среднего и младшего Жуза предоставляют на торжествах (тоях) первое слово представителям Старшего Жуза. Эта традиция имеет трехтысячную давность. Обычай и традиции в степи – это одна из консервативных сторон жизни кочевников.

Во время правления кунбия Елжау бия, с благословения гуннского таникурта Маодуна (Моде), уйсуня мигрировали из Нян-Шаня в Кашгарию, Семиречье и Каратау, решительно вытеснив с этих регионов племена великих иоши и саков.

В казахской литературе и периодических изданиях ознкло много споров вокруг названия уйсуньских племен дулу и дулат, времени жизни основателя многих племен Старшего Жуза Байдибека.

На первый вопрос можно получить исчерпывающий ответ в книге Казыбека бека Тауасарулы. От первого сына уйсуньского кунбия Елжау бия Нулы ведет свою генеалогию племя дулат, а от второго сына Дулу – племя дулу. На историческую арену вначале вышло племя дулу, а позднее – дулат. Племя дулу значительно исчерпала свои людские резервы, участвуя в европейском походе великого завоевателя Аттилы (К. Салгарин. Казахстан килы тарихы, с. 215). Китайские хроники считают Аттилу представителем племени дулу (Т. Журтбаев. Дулыга. Алматы, 1972, т. 11, с. 47-48). Знать дулу участвовало в борьбе за власть в Волжской Булгарии (Т. Журтбаев, там же, с. 96-97). Не являются Бумын и Истеми, каганы Тюркского каганата, потомками уйсуньских кунбиев? Ясно только то, что представители племени дулат держали власть в Тюркешском каганате. Из сообщений Мухаммеда Хайдара Дулати можно понять, что в Моголистане фактическая власть находилась в руках дулатских эмиров.

На историческую сцену рода племени дулат вышли во второй половине I тыс. до н. э. (Н. Мынжан. Краткая история Казахстана). Родственные племена дулу и дулат объединяются в единое племя дулат (дуыл ат – ветреный конь). Казыбек бек Тауасарулы ошибочно указывает лишь время жизни Байдибека. Согласно его труду, Байдибек был ровесником пророка Мухаммеда, жившего в VII веке.

Н. Мынжан, ссылаясь на китайские хроники, пишет о племенах жаныс, шымыр, ботбай, албан, туркеш, ысты, творивших свои деяния в VI-VII веках. Тогда получается, что потомки Байдибека жили раньше него. Если внести некоторые изменения в генеалогическую таблицу Казыбека бека Тауасарулы, то все встанет на свои места.

Бесконечные войны, набеги, раздоры приводили к массовым миграциям не только гуннов, но уйсуней и канлы.

Жалаиры, дулаты, вместе с Бабуром и Мухаммедом Хайдаром Дулати мигрировали в Индию. Первый правил индийским Моголистаном, второй – Кашмиром.

Сикимы, относящиеся к племени дулат, в XIV-XV веках создали на территории Ирана, Азербайджана и Армении государства Аккойлы и Каракойлы. В Азербайджане есть г. Казах и Казахский район, а, в целом, на Кавказе имеется три озера, которые носят название Казахия. Жалаиры дополнили ряды китайского народа. Видимо, китайцы называли уйсуней – суннами (гг. Усун, Фушунь, Шансунган, Аньшунь, Чусюн, Гаосюн, Ни-Сун).

КАНЛЫ

Согласно казахским легендам и шежире, бий Канлы, обидевшись на кунбиа Котана, вместе с подвластными ему тюрками-арийцами, откочевал из Алтая к реке Сыр-Дарье. Видимо, это произошло в середине XII века до н.э.

Котан начал искать примирения со своими родственниками и послал к ним своего брата Кора в сопровождении ста джигитов. Канлы до того радушно приняли гостей, что Кора остался жить среди мятежников.

На следующий год Котан посылает к Канлы второго брата Болата во главе ста джигитов. Они тоже остались жить среди соплеменников.

На третий год Котан послал за ними своего младшего сына Алшын со ста джигитами. И третья попытка кунбиа провалилась – люди Алшына тоже остались жить на берегах Сыр-Дарьи.

История со ста джигитами имела широкий политический резонанс среди косевников. С тех пор слово «сто» - жуз стало синонимом отделения, ухода, откочевки. Мятежники чувствовали себя вольготно на новом месте. Вскоре племя канлы стало сильнее и провозгласила первым царем Кызыла, правнука Канлы. В народе он получил новое имя Арыстан (Лев). Именно он заложил основы государства канлы. Впоследствии племя канлы стала именовать своих правителей ханами. Это было связано с тем, что среднее течение Сыр-Дарьи называлась каном.

В «Авесте» Канха (канлы) локализуется по среднему и нижнему течению Сыр-Дарьи. Кангха упоминается и в «Рамаяне». Они имели много городов, в том числе Шап (Ташкент), Фараб и другие. Канлы вошли в состав казахского, узбекского, каракалпакского народов. Печенеги, ветвь потомков Канлы, ушли в южнорусские степи, а затем в Западную Европу. О миграции канлы напоминают географические названия: г. Чао-Чу-Канг (Сингапур), г. Канге (Северная Корея), залив Канхваман (Южная Корея), г. Канхи (Индия) и другие.

ГУННЫ

Ведущую силу и ядро гуннского общества составили потомки средних и младших сыновей кунбиа Арыса – Жана, Бека, Бола, Бала, которые являются основателями четырех родов.

«Социальное устройство гуннского общества и его государственной организации не могут быть реконструированы с достаточной полнотой, но социально развитый характер гуннской империи несомненен. Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными отношениями, когда мужчина любого из этих родов брали себе жен только из трех других знатных родов. Глава государства шаньюй, мог быть только из рода Люанди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, что иерархия родов и племен играла в гуннском обществе немалую роль, причем на низшей ступени находились покоренные племена, адаптированные в гуннскую родоплеменную систему» (С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов, там же, с. 61-62).

Потомки Жана (Люанди), Бека, Бола, Бала и являются теми четырьмя господствующими родами гуннского общества, о которых сообщают китайские хроники. Главой империи гуннов являлись представители рода Люанди.

Согласно книге Казыбека бек Тауасарулы, Жан имел сыновей Ара и Куна, основателей племени аргын; Бол – Кыпа, Шака, основателей племени кыпчак и Кона, Рата, основателей племени коньрат; Бал – Уака, Керя, основателей одноименных племен, и Нау и Мана, основателей племени найман. От Бека берут начало часть племен Младшего Жуза. Что означает этноним «гунн»? Версий о ее происхождении много. Может быть, это имя внука Арыса Куна Жанулы. Вероятнее всего, гуны были солнцепоклонниками (солнце, по-тюркски - кун). Солнцепоклонничество занимает центральное место в тенгрианской вере кочевников.

«Древний религиозный обычай, отождествляющий небесных коней и солнце, засвидетельствован многими письменными источниками. В Ригведе, например, коню посвящаются погребальные гимны, где они уподобляются солнцу или везут колесницу солнца. В «Авесте» сюжет быстрогоконного солнца получает дальнейшее развитие.

Все эти сведения теснейшим образом смыкаются с данными Геродота о веровании массагетов, в племенной союз которых, как уже говорилось, вероятно входили и племена Центрального Казахстана. Он писал: « Единственный бог, которого они почитают – это солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить самое быстрое существо на свете». Приводя письмо царицы Томирис главе Ахеменидской державы Киру, Геродот еще раз упоминает о солнце, как о владыке массагетов». (История Казахской ССР, там же, с.239).

Рьяные солнцепоклонники – гуны или куны, которых возглавляли жрецы – танкурты (избранники Тенгри) двинулись с Алтая и Южной Сибири на восток – к восходу солнца. Вероятно, они шли по течению реки Амур. Этноним «гунн» лег в основу названия рек Аргунь, Амгунь, Сунгари. Наконец, гуны достигли Курил и Японских островов. Один из островов Курил солнцепоклонники назвали Кунаширом – восходом солнца. Они поселились на Японских островах, и свое государство назвали Страной Восходящего Солнца, а императора – потомком богини Аморатасу.

«К началу XVII века Иэясу Токугава подчинил своей власти удельных князей всей Японии и принял наследственный титул сегуна – главнокомандующего (полный титул – тайсегун – великий полководец). С того времени 250 лет Япония управлялась династией сегунов Токугава (А.А. Губер, Г.Ф. Ким, А.Н. Хейфец. Новая история стран Азии и Африки, М., 1975, с. 97). Слово «тайсегун» имеет тюркские корни. Так, тай – великий, гун – гуны. Название династии Токугавы тоже является тюркским. Току – ткать, гава – видимо, произошло от слова «кап – мешок».

Британские генетики сообщили потрясающем открытии: современные европейские яблоки – это потомки древних дикорастущих яблок Тянь-Шаньских гор. Оказывается, Казахстан подарил туманному Альбиону еще и лошадей и соколов (Аргументы и факты Казахстан, № 21, 2002). Несомненно, эти богатства завезли сюда древние саки и гуны.

***

Кочевники – это «вечные странники». Им, чтобы выжить и уверенно двигаться в Великой Степи, жизненно необходимо было знать карту небосвода, движения светил и всю совокупность Солнечной системы. Если польский астроном Николай Коперник сделал открытие о движении небесных тел в первой половине XVI века, то тюрки-арийцы знали об этом три тысячи лет вперед. Кстати, фамилия Коперник – тюркское (коп – много, ер – мужчина). Поляков и гуннов объединяют некоторые общие традиции. Например, у поляков, осужденного на казнь мужчину могла освободить невинная девушка, которая должна была набросить несчастному на шею платок, а после освобождения выйти за него замуж. В той или иной вариации этот обычай существовал и у гуннов.

Если тюркские воины с пиками назывались уланами, то подобное имела польская, легкая кавалерия XVI века. Тюрки называли верхнюю одежду - шапаном, а поляки и украинцы – жуланами. Польское и украинское слово «кобзарь» произошло от тюркского слова «кобыз» - струнный

инструмент. В Польше есть этнографическая группа поляков, говорящих на кашубском диалекте польского языка. Кашу, по-тюркски – убагать.

Слово «пан», по-тюркски, надменный, высокомерный. Мужское имя «Пан» встречается в шежире Старшего Жуза. Видимо, правящая каста поляков, т.е. панов, состояла из тюрков-арийцев. Имя польского короля Сегизмунда, по-тюркски, означает восемь просьб (сегиз мун).

Юго-восток Азии был ареной непрерывных вторжений гуннов с территории Ордоса. Они увозили в свою страну и степи не только материальные ценности, но и женщин Вьетнама, Лаоса, Тайланда, Бирмы и других стран. Увлечение жнщинами другой расы не осталось бесследным – через несколько поколений гунны стали низкорослыми, смуглолицыми, узкоглазыми и темноволосыми.

Нынешние казахи – это потомки лишь незначительной части тюрков-арийцев, гуннов и уйсуней, канлы и савок. Приблизительно 95-98 % древних тюрков-арийцев, в том числе и казахов, пополнили ряды других евроазиатских стран и народов. Если мысленно собрать всех древних тюрков в Центральную Азию, то их потомков было бы больше, чем вместе взятые населения Китая и Индии. История тюрков показывает, что судьба человека и народа «текут» по непредсказуемым руслам времени и пространства.

Выходцы из степи сделали очень много для России. Адмирал Ушаков, князь Черкасский, Суворов, Тургенев, Огарев, Тухачевский, Давыдовы, Мусины-Пушкины, Бердяев, Тимирязев, Чаадаев и другие. Можно обратиться к «Общему Гербовнику Родов Всероссийской империи, начатому в 1797 году или к «Истории русской родословной». Полистайте двухтомную работу А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения» и вы увидите, а главное, откроете интересные случаи с фамилиями. Надо ли удивляться тому, что более трехсот знаменитых фамилий являются выходцами из Великой Степи, хотя ныне зовутся «славянами».

Сванские князя и правители Дадикаликиани Грузии происходят от степняков. Немало литовских и польских князей имеют «степные» родословные. Потомки хана Тутурхана теперь зовутся Половцы-Рожинские, то же самое можно сказать и роде Дзядуловичей. И они, тюрки-кыпчаки, надевшие польские, литовские украинские и другие маски на грандиозном маскараде жизни пожелали превратиться в поляков, украинцев или литовцев. Целые народы Европы, оказывается, говорили на тюркском языке. Верное тому подтверждение – мадьяре-кыпчаки. Народ бекуданы, тюрки-кыпчаки, во Франции не считают себя французами, хотя говорят на этом языке. Немногим известно, что двухглавый орел, ставший гербом столицы Византии Константинополя, а затем символом России, был известен в Великой Степи еще с алтайских времен – их находили в могильных курганах.

СИБИРСКОЕ ХАНСТВО

В конце IV тысячелетия до н. э. тюрко-арийские племена, жившие в Западном и юго-Западном Казахстане стали двигаться по двум маршрутам на восток. Первый маршрут пролегал из Западного Казахстана в Северный и Центральный Казахстан, а оттуда в Сибирь. Второй поток тюрков-арийцев двинулся из Юго-Западного Казахстана через Южный Казахстан в Восточный Казахстан, а оттуда в Западную Сибирь, Алтай и Прибайкалье и дальше.

Ученые-антропологи установили, что древними насельниками территории от Волги до Байкала были люди двух типов европеоидной расы – андроновской и средиземноморской. На мой взгляд, андроновскому типу европеоидной расы относились люди, жившие здесь испокон веков, т.е. обско-угорские племена. Они населяли территорию Южного Урала, Центрального, Северного, Восточного Казахстана, Сибири и Алтая. Местное население под давлением развитых народов с колесно-упряжечным транспортом выселили или выжали, возможно, завоевали их земли и народы. Средиземноморскому типу европеоидной расы относились тюрки-арийцы и ираноязычные племена аланов. Они вначале жили в юго-восточной Европе, западе и юго-западе Казахстана, затем тюрки-арийцы устремились на восток.

Тесные культурно-хозяйственные связи, существовавшие в пределах мира охотников и рыболовов, ярко отразились в археологических материалах. Наиболее четкие контакты могут быть прослежены с племенами кельтеминарской культурной общности, обитавшими в северных областях Средней Азии. Рельефнее всего они проступают у племен Южного и особенно Западного Казахстана. Цепочки древних контактов уходят далеко на север и северо-запад в Приуралье и Западную Сибирь, проявляясь в особенностях формы кремневых орудий и в типах орнаментированной глиняной посуды. Культура племен Северного и Восточного Казахстана, обнаруживая сходство с культурой населения Средней Азии, в то же время была более близка к алтайским и байкальским племенам новокаменного века.

В исторической науке существует ряд гипотез. По одной из них предполагается, что андроновская культура возникла в результате проникновения пришлого народа из Средней Азии населения в среду

казахстанских энеолитических охотников и собирателей. Оно принесло с собой навыки и формы производящего хозяйства. Такой контакт и привел через несколько столетий к возникновению в степной и лесостепной зоне качественно новой культуры андроновских племен. Эта точка зрения отражает истину, но есть моя существенная поправка: тюрко-арийские племена двигались не только с юга, но и с запада.

С конца IV-II тыс. до н. э. в Северный и Восточный Казахстан, Алтай и Сибирь, Прибайкалье, Северную Монголию стали активно проникать тюрко-арийские племена, вживаясь в среду андроновцев (местных жителей). Хотя нельзя исключать того, что к определенной массе андроновцев могли относиться ещё и первые волны миграции тюрков-арийцев. Появление в начале III тыс. до н. э. колесно-упряженного транспорта тюрков-арийцев в Южной Сибири – наиболее яркое доказательство этих миграционных процессов. Именно в это время началось объединение андроновских племен в союзы племен (С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, Рауан, с. 80).

Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза (т.е. территории формирования этносов и языка) неразрывно связаны с восточной частью Евразийского континента – Центральной Азии и Южной Сибири, от Итиля (Волги) до Хингана на востоке, а на севере – где ступала нога коня. Этот огромный регион не был изолирован от соседних цивилизаций. Трассы миграционных процессов проходили через всю Великую Степь. Общей особенностью тюркоязычных племенных объединений древности и средневековья была их неустойчивость, мобильность, способность легко адаптироваться в составе вновь возникающих объединений. И только в пределах обширных хронологических периодов заметно, что миграции подчинялись общей закономерности – смещению тюркоязычных групп с востока на запад.

«По мнению А.В. Городнёва, татары сибирские происходят от народа «сибир», сложившегося в результате смешения местных угро-самодийского населения с пришлыми в Сибирь в IV веке н.э. хуннами. Проникновение тюркских племен в Сибирь подтверждают Р.Г. Кузаев и Н.Н. Моисеева.

Есть и другая точка зрения. Согласно З.П. Соколовой и Б. Сулейманову, лишь в V-IV вв. с Алтая и центральных районов Казахстана стали переселяться тюркские племена. Г.Ф. Миллер и М. Мамонтов считают, что проникновение тюркских племен датируется XIII веком» (Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Статья Р.Л. Малицкой «Татары сибирские»).

Единственная генеалогическая легенда о происхождении кимаков, а точнее, о начале формирования их племенного союза, сохранена Гардизи (XI в.), которые использовал источники VIII-IX вв., т.е. того же времени, что и список тюркских племен Ибн Хордадбега, начальника государственной осведомительной службы (разведки и контрразведки) и почтовой службы. В своей книге «Книга путей и провинций» он приводит некоторые сведения о проживавших за рекой Аму-Даарья, племенах. Легенда связывает возникновение кимакского союза с племенем татар, что послужило поводом для поиска предков кимаков среди монголоязычных племен Центральной Азии. Однако Махмуд Кашгарский, основательно знакомый с языками тюрков, относит к этим языкам не только кимакский (йемекский), но и наречие татар, оговаривая, впрочем, что у них свой диалект (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. там же, с.116)

Историк Кляшторный упоминает о татарах только здесь и нигде раньше, а для этого необходимы пояснения. Представления о древних татарах, как едином монголоязычном народе, жившем в VIII-IX веках на востоке Монголии далеко не точны. Орхонские надписи пишут об отуз татар (тридцати татарских племенах), а затем о токуз татар (девяти татарах), т.е. о громадных и неустойчивых племенных сообществах. Персидский историк конца XIII в. Рашид ад-Дин вообще отрицает какое-либо единство татар в прошлом и настоящем, рассказывает о вражде и постоянных войнах татарских племен между собой. Упоминает, что до монгольских завоеваний было шесть отдельных татарских государств, а вообще же татарами тогда именовались многие тюркские племена.

«На юго-востоке Туркестана в IX-X вв. существовала большая и политически организованная группа татарских племен, имевшая своего государя и поддерживавшая дипломатические связи с Китаем. Сочинение «Худуд ал-алем» (Граница мира), анонимная персидская география X века, связывает их с токуз-огузами (они из расы токузогузов). А страну, т.е. Восточный Туркестан, не без некоторого преувеличения называет «страной токузогузов и татар» (С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов, там же, с. 128-130).

На западе и юго-западе кимаки граничили с семиреченскими и приаральскими огузами, на юге – с карлуками, на востоке – с государством енисейских киргизов. Крушение Кимакского государства в конце X века или начале XI века связано с миграциями племен в Великой Степи.

В 1055 году до границ Руси докатывается вал передвижений новых степных племен. Все они были связаны с кипчаками, как об этом сообщают мусульманские авторы. Но в новых местах общий этнополитический термин «кипчаки» не привился. На Руси перевели на славянский: имя первых

появившихся племен шары (желтый, половый), и все пришельцы получили название половцев, а степь стали называть Полем половецким. Тех, кто ушел за Дунай, венгры называли их именем куны, но одновременно появилось и другое их название – команы, как полагают – по имени одного из их вождей (Бартольд, V, с. 402). Не исчезли и кай – русские летописи многократно упоминают каспичей, кайба, т.е. «племя кай».

Надо признать, что средневековая мусульманская историография – прежде всего историография повелителей (султаны, халифы, шахи, падишахи), уж потом упоминаются политические союзы и военная история. Появление подвижников, военачальников, государственных деятелей обусловлено на подмостках истории в третьих ролях, а остальные – только лишь орудие в руках первых. Их не интересовали народы, простые люди, ибо те, кто писал события, делал это по чьему-то заказу. Повелителей больше всего интересовало завоевание территорий и обогащение.

Северные земли от среднего течения Иртыша и вверх завоевателей больше привлекала пушнина, которую новгородцы сбывали в заморские страны, а сибиряки – в казахстанские степи. К примеру: великий Новгород не спал, ибо им было завидно, что в XI веке вогулы и остяки (предки народов ханты и манси) занимали обширные территории до реки Печоры на западе. Военные экспедиции росичей доходили до зауральских владений обских утров. С XIII века по XV Югра значится как власть Новгорода. Примерно в это же время на обладание этой территории претендовало Владимиро-Суздальское государство. Давление, оказываемое обоими государствами, вынудило коми-зырян потеснить угорские племена за Урал, где их территории примерно совпадают с нынешними. Бухара, а за ней Мавераннахр и другие государства желали обладать шелковистой пушминой, струящей разноцветным отражением. Москва появится на этой авансцене лишь в середине XIV века.

В итоге военных действий 1219-1241 гг. территории Дешт-и-Кипчака и Мавераннахра вошли в состав империи Чингис-хан. Он раздал своим детям завоеванные и даже не завоеванные земли. Как и все, старший его сын Джучи-хан (Жошы) получил в наследство еще и восточный улус (йурт) татаро-монгольской Улуг Улуса (Золотой Орды) в XIII веке, располагавшийся на юге Западной Сибири по Тоболу и Иртышу и Казахстану. После смерти Джучи-хана, власть над этими землями переходит к его сыну, внуку Чингис-хана, Батью, который разделит их на две части. Сибирская часть досталась брату Батья, Шейбани-хану (основателю династии шейбанидов, третий сын Джучи). В его улус входили в числе прочих и земли обско-угорских племен. После смерти Шейбани, на его бывшей территории, возникли два ханства: Ишимское и Тюменское. Отсюда и вопрос: как могут уместиться десятки потомков, где было тесно одному Чингис-хану. На западе монгольского царства вели борьбу за власть Берке и Хулагу, на востоке – Хубилай и Хайду, в центре сражались Арык-Буга и Алгуй. В конце концов, по желанию старухи Истории Улуг Улус прекратил свое существование, но началось это с Сибирского ханства.

В XIII веке Тайбуга, потомок основателя местного керейтского народа Тогрул-хана, получивший тамгу на правление землями на среднем Иртыше, Тоболе, Ишиме, Туры, заложил г. Чимга-Тура (Тюмень). Кроме кереев и кипчаков, в его владения вошли земли, населенные тюркоязычными племенами, составившими позже этнос сибирских татар, а также часть вогулов и остяков.

Все, что происходило в Улуг Улусе, непосредственно отражалось на положении Западной Сибири. До конца XV века она была автономной частью Ак Орды (Белой Орды), а в 1398 г. здесь укрепился Токтамыш (Токтамыс). После его смерти в Чимге-Туре (1405 г.), тайбугинцы пытались отделиться от Улуг Улуса и создать собственное государство. При их поддержке в начале 20-х годов был провозглашен шейбанид Мухаммед-Кожа, а в 1428 г. – 17-летний шейбанид Абулхаир в центре улуса Ибиль-Сибирь. В 30-40 годы XV века ему удалось объединить под своей властью левое крыло Улуг Улуса. Он завоевал Туркестан, Жетысу, Северное Приаралье, безуспешно воевал с ойратами. Земли от Волги до Иртыша получают название Узбекский Улус, которое связано с именем хана Узбека (Озбека), чей авторитет был настолько велик, что всех его подданных стали называть в XIV веке узбеками. В 1468 году Абулхаир умер недалеко от урочища Алматы, и его войско вернулось назад.

На остатках бывшего могущества Улуг Улуса, на его развалинах появляются новые государства – Казахское, Ногайское, Сибирское. Стал самостоятельным ханством Крым. Отделилась Казань и Хаджи-Тархан (Астрахань). Взвилось знамя Ногайского Улуса (Орды) на юго-западе Казахстана. В Кок Орде (Синей Орде) началась междоусобица. Потомки Шейбани-хана и потомки Орыс-хана (Урус-хана) стали выяснять отношения, истребляя самих себя и народы. Расколось надвое племя, другое, третье. Потерял брата брат, сестру – младшая сестра. А ведь начал войну Шейбани и там же нашел свою смерть.

В конце 60-х годов Тюменском ханстве укрепляется Ибрагим (Ибак-оглан), который после смерти Абулхаира был провозглашен ханом. Так образовалось независимое Сибирское ханство,

поглотившее Ишимское и Тюменское ханства, населенное керейями, найманами, уаками, кипчаками, а также вогулами и остяками (ханты и манси, ненцы и селькупы) и сибирскими тюрками (татарами). Господствующее положение занимал род Тайбути, из которого происходили сибирские мурзы, осуществлявшие верховную гражданскую, судебную и военную власть. Периодически на первый план выдвигались чингизиды, оттеснявшие тайбутинцев на второй план.

К концу 70-годов сложился союз между Сибирью, Ногайским Улусом, Москвой и Крымом. В 1480 г. хан Ахмет, правитель Золотой Орды, начал поход на Москву, но застрял на реке Угре. В этот момент на Сарай напали отряды Ибака и Мусы (потомок бия Едиге, последнего правителя Улуг Улуса, который погиб в 1419 г. во время битвы). Убив Ахмета в 1481 г, Ибак становится ханом древней столицы Улуг Улуса – Сарай. Чувствуя непрочность своего положения, хан стал налаживать свои отношения с Москвой, но тайбугинская знать, недовольная его политикой в 1495 г. подняла мятеж. Ибак-хан был убит в династийной распре потомком местной татарской родовой ветви Тайбути, Маметом – внуком Мара, который построил себе новую столицу Сибири. Новый правитель Сибири перенес столицу в г. Искер (Искер – дословный перевод с тюркского: ески ер – старая земля), опасаясь мести шейбанидов в старой столице.

Но что такое для истории пятьдесят лет- мгновение! – колесо её опять повернулось вспять. А в 1555 году новый правитель Сибирского ханства Едигер просит Ивана IV принять его земли в Московское подданство из-за неутраченной грызни между шейбанидами и тайбугинами. Он рассчитывал уничтожить соперника при помощи Москвы. Но его одолел шейбанид Кучум (Кошми), поначалу не очень возражавший Московскому государству против владения Сибирским ханством. Не просто одолел, разгромив, а захватил власть над народами и объявил себя ханом. Приказав истребить весь род, пошедший от Тайбути, вплоть до новорожденных, Кучум полагал, что теперь все народы Сибири будут навечно в его руках. Стреложенные в пору династии Тайбути, но со временем ослабившие путы и пасущиеся на длинном аркане, близлежащие вогулы и остяки вновь познали твердость ханской власти. Его столица находилась в г. Кашлык (Искер, Сибирь), однако ставка хана находилась в окрестностях современной столицы Казахстана, Астаны, у озера Коргалжин.

Пока Московское государство воевало с другими внешними врагами, Кучум приступил к энергичному укреплению своей власти. Для укрепления своей власти хан провел ряд реформ, усиливавших центральных органов власти, построенных по образцу среднеазиатских государств. Государство делилось на улусы во главе с мурзами. Основные племена ханты и манси были автономны и возглавлялись собственными князьками. Под управлением Сибирского ханства оказались территории бассейнов рек Иртыш, Тобол и Тура. Но этого хану было мало – рука правителя простерлась и на территории реки Конды и среднего течения Оби.

Кучум, осознавая шаткость своей власти, решил пойти по другому пути. Опираясь на родственников из бухарских правителей из рода Шейбани, стал проводить политику исламизации подвластного населения. Всего то нужно было произнести: «Ля иллях иль-аллах, Мухаммед – расул аллах!» (Нет бога, кроме аллаха, а Мухаммед – истинный пророк). Произнесшие трижды эти волшебные слова, должны были в мгновение ока стать мусульманами. Человеку под страхом смерти повторить их было легко, но стать в мгновенье мусульманином – трудно. Вогулы и остяки, накинув на лица своих богов платки, стали ожидать лучшее будущее, продолжая ненавидеть пришлый народ.

Кучум не унимался. Имея высокопоставленных родственников из Бухары, он договорился о направлении в Сибирское ханство (1572 г) две духовные мусульманские миссии, которые не имели в этих краях значительного успеха. Местный народ сохранил свою веру, упорно сопротивляясь духовному насилию. Только после третьей попытки, возглавляемой муллой Шербети-шейхом, на территории Сибирского ханства началась исламизация населения. В 1581 году, уверовавшись в своих силах, хан полностью отверг свои отношения с Москвой. Его подручные князьки стали нарушать договоры и нападать на приуральские владения Москвы. В октябре 1582 года (7091 год сотворения мира по византийскому летоисчислению) Ермак (батыр Жармак, так его знали казахи), во главе отряда казаков в 590 человек, разбил сводные войска хана Кучума и занял Искер, столицу Сибирского ханства. Этот день, должен считаться началом нового времени не только в истории Западной Сибири, но и народов более восточных земель – Тунгусского и Дальнего Востока, а если хотите – концом истории старого времени. В 1586 году победитель Сибири Ермак погибает, а его дружина возвращается в Приуралье.

Поняв, что война с неверными путем обращения своего народа в мусульманство не принесет ему большой славы, хан переключился на другие дела. Не успокоившись, Кучум решил прибавить себе южные казахские земли, прогнав соседей с их исконных земель. Составленное из ногайцев, его отборное конное войско было наголову разбито казахскими отрядами во главе с ханом Хак-Назаром, где погиб родной младший брат Кучума – Ахмет-Герей. Многочисленные племена южной территории Сибири взяли да целиком перешли к казахам. Не откочевали. Не переселились, а именно

присоединились. Сибирский хан испугался, но лишь на время: в это время был убит правитель казахов Хак-Назар, как обычно между его родственниками начались междоусобицы, да тут и родственник-бухарец Абдулла (шейбанид) прошелся со своим войском по казахским землям. С востока на казахов напали могулы, с запада – ногайцы.

Кучум, обосновавшийся в северо-казахстанских степях, пытался отбить Западную Сибирь, но потерпел сокрушительное поражение на реке Ишим, а был разбит окончательно в 1598 году в Барабинских степях. Тюрко-арийская волна, перешедшая в исламскую грозу, потихоньку спадает.

Пользуясь сложившейся ситуацией, казахи попытались закрепить за собой долину Тобола до впадения его в Иртыш. На престол был посажен сторонник казахов – тайбугинский бий Сейдахмат, вскоре повернувшийся лицом к Москве. Откочевавшие на юг многочисленные казахские роды, жившие в Сибири, приняли подданство казахского хана Есима. Часть из них в 1601 г. провозгласили Сибирским ханом Али – сына Кучума (Кошима), но это уже были отголоски прошлого. Кучум бежал к родственникам-шейбанидам в Бухару, чтобы несколько позже потерять свою жизнь в ходе междоусобиц за власть. Его родственники поступили на службу к русскому царю и стали московскими дворянами.

Государства ищут выход их распрей, все больше поворачиваясь к Великой Руси. К этому времени расправившая свои плечи от золотоордынского ига, Русь встала на ноги и широко размахнула руками. Сибирское ханство распалось само по себе. Пала после жестокого боя Казань. Следом покорился и Хаджи-Тархан (Астарханское ханство), переименованное в Астрахань. Пока неподвластными ей остались: погрязшее во внутренних распрях Крымское ханство и озабоченная собственными бедами Ногайская Орда. Именно тогда сложились основные принципы политико-административной и социально-экономической организации территории, именуемой Югра.

Гибель Ногайского и Сибирского государств в конце XVI–начале XVII вв. вызвала отток казахского населения из междуречья Едилы и Жайка (Урала и Жайка), из среднего течения Тобола, Иртыша и Ишима. Эти земли попадают под влияние калмыков и Москвы.

В 1585 г. в Сибирь прибыл русский отряд во главе с И. Мансуровым, год спустя рядом с Чимга-Туром была заложена крепость Тюмень. В 1587 г. была заложена еще одна крепость – Тобольск. Сибирь стала принимать тот облик, который мы называем - форпост России в Азии.

В Западной Сибири татары состоят из трех этнических групп: томские, барабинские и тоболо-иртышские. На территории области проживают татары, которые соответственно делятся на: тюменских, тобольских, ясколбинских или заболотных, курдаско-саргатских и тарских. Наиболее сильное угро-самодийское влияние испытали тобольские и заболотные татары. Различаются и диалекты: тобольско-иртышский, барабинский и томский, которые делятся ещё и на ряд говоров. Соответственно, некоторые исследователи считают сибирских татар самостоятельным народом, но другие придерживаются иного мнения – они, диаспора татар Поволжья (Югория. Энциклопедия, там же, с. 179).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Один из величайших умственных успехов нашего времени состоит в том, что люди, наконец, поняли, что мы не безродные, у нас были свои герои и злодеи, славные победы и горькие поражения. О том, что на этой древней земле некогда kloкотали шекспировские страсти, мы узнаем из книг о прошлом разных людей, не побоявшихся вынести свое мнение на суд читателей. У меня теперь тоже есть история родословной, хоть и со многими белыми пятнами, но ни чуть не хуже, чем у других.

Каждая эпоха рождает своих героев-деятели, которые, несомненно, оставляют свой след в жизни. Отрицание целого пласта истории, его героев и всего того положительного, что создано ими, приводит к разрыву связи между поколениями, прерывает связь времен. И общество, лишенное наследия, созданного трудами предыдущих поколений, пребывает в состоянии потребителя.

«... Моя любовь к отечеству не заставляет меня закрывать глаза на заслугу иностранцев. Напротив, чем более люблю отечество, тем более стремлюсь обогатить мою страну сокровищами, извлеченными из ее недр», - признавался в свое время Вольтер.

Мне кажется, что история Земли и его народов должна быть только одной – правдивой, честной, отражающей только факты и события без толкований и умозаключений. Но так получается не всегда. Многие, живущие на этой земле и в разных частях света, понимают происходящее по-разному и интересуются разными его сторонами, подгоняя ее под тот или другой интерес. Викинги, крестоносцы, арабы или монголы написали бы свою историю не так, как сделали бы это покоренные им народы. Просто те люди жили в ином пространстве и в другое время, значит, были другими, не такими, как мы.

Поэтому история Земли состоит из лоскутков истории каждого народа, потому что на разных частях планеты, интересуются, как правило, разными сторонами прошлого. В бывшем Советском Союзе нас заставляли изумляться завоеваниями греков, французской революцией, немецкой шепетильностью, Лениным или Сталиным, но ни слова сказано о моей родине, историю которой нам давали в ущербном виде.

Ситуация в течение прошедших веков сильно изменилась, являясь результатом стечения многих обстоятельств. Случись другое их стечение – произошло бы другое событие, с другим результатом. Например, общеизвестна роль А. Македонского, Цезаря, Наполеона в мировой истории. Не меньшую, возможно и огромную, роль сыграли на ход развития человечества Аттила, Чингисхан, Тимур, Бейбарс. Все они являются великими полководцами и завоевателями. Трудно сказать, кто из них пролил больше крови, но также сложно ответить, почему первые считаются легендарными личностями, а последние прокляты во все времена и эпохи как варвары?

По многим вопросам истории нет единого ответа. Они разнятся по степени понимания вопроса: по уму, сердцу и достоинству тех, кого они представляют – побежденных или победителей. По-разному писали и те, кто был непосредственным участником или свидетелем этих событий и те, кто обыгрывает ее сотни и тысячи лет спустя.

История – это отмененные события и процессы, что в прошлом заметили люди. Есть события, которые они не заметили или не пожелали заметить, втекающие в нас без спроса и желания, фиксируясь и откладываясь на полочках нашей памяти. Есть события, повлиявшие на судьбу многих народов, повлекшие за собой целый ряд других происшествий, во многом изменивших жизнь разных народов и отдельных людей. К примеру – походы саков, скифов, гуннов, заставивших пойти за собой сотни тысяч простых среднеазиатцев на чужие земли, изменившие положение сотен тысяч людей, живших до этого на завоеванной ими земле. Они либо исчезли, либо ассимилировались в тот или иной народ.

Прошли тысячи лет, на Земле жили и живут люди, в чем-то похожие на нас внешне. И пройдут сотни лет, на Земле будут жить наши потомки, которые в свою очередь, может быть, не будут похожи на нас или отдаленно будут намекать на родство. Вероятно, их будет интересовать в нашей жизни совсем не то, что нам самим кажется сегодня очень важным. И они напишут свою генеалогию совсем не так, как это сделал я.

Сама по себе история никого не судит, ибо она не имеет на это права. Она должна скрупулезно запоминать прошлое, записывать в свои анналы и предложить их на суд людей – современников событий или их потомков, которые должны делать правильные суждения и выводы. В действительности, суд над прошлым – дело довольно трудное, скользкое и неблагодарное. Конечно, история изучает жизнь человека в прошлом, но живого человека, изучающего минувшее, будет интересовать это только с точки зрения настоящего.

Этним «казах» имеет более чем двухтысячелетнюю историю, тем не менее, о его истории мне, как равно и многим другим, известно не многое. Советский Союз писал свою историю саблей, пулей, Гулагом. Повсеместно использовал страх, которым выметал из людей память о прошлом. Всех, кто имел по этому свое мнение или говорил о родной истории, ждала неприятная участь, поэтому интеллигенция Казахстана первой ушла в застенки коммунистической идеологии. У поколения людей Казахстана, особенно, послевоенного 1945 года рождения, стали постепенно вытравливать народное, традиционное и родное. Мы учили русскую культуру, историю и науку так, что старались быть русскими во всем. Учили русский язык, чтобы быть первыми и настолько хорошо, что забыли свой родной язык.

Но людская молва, своего рода беспроволочный телеграф (узун-кулак – в буквальном переводе – длинное ухо), передавала из поколения в поколение многие моменты событий на многострадальной земле казахов. Мне повезло во многом: дед Бимырза ненавязчиво передавал мне многие события, из которых запомнил только часть, ибо был занят тем, что должен был выжить в системе социализма. «Имеющий уши, да услышит» - говорит казахская пословица, да не всем это дано. В конце 80-х годов XX века казахи стали возвращаться к своим истокам веры и истории. Я вспоминаю писателя Олжаса Сулейменова и его работу «Аз и Я», - это первый революционный прорыв в истории Казахстана, где автор сказал ту правду, которую нельзя было умолчать, но нашлись писакни из своей – казахстанской братвы – посчитавшие, что писатель ничего не знает и не умеет.

Пройдут времена, правители, боевые события, социализм, перестройка и демократия. Будут умирать известные казахи за чужие идеалы, простые - по чьей-то воле воевать на чужой территории и исчезать в застенках сталинских Гулагов. Кто смирился с судьбой, остался на своей Родине и прошел все ужасы жизни, до сих пор испытывая страх за детей. Кто не смирился, собрав родственные аулы, ушли за границу, чтобы пережить то же самое, только в турецком, китайском и другом варианте.

Разошлись и растерялись казахи на лике Земли – в далекой Австралии, Америке, и многих других странах, но главное они помнят, что их историческая родина – Казахстан.

Казахстан – это прародина многих народов, переселившихся по разным причинам в Европу, Индию, Китай, Африку, в Северную и Южную Америку. Это Великая степь, через которую прошли многие народы, расселяясь по всему свету. Отсюда вышли саки, скифы, гунны, завоевавшие огромные территории Азии вплоть до Передней Азии и Европы. Чуть позже – Дешт-и-Кипчак – страна тюрок в срединные века, где существовала своя культура, наука и религия. События на территории Центральной Азии и Казахстана, где происходили битвы и сражения, не были отражены в истории Земли и Советского Союза, а коммунистам это было не нужно, ибо их интересовали только свои проблемы выживания. Недаром Бонапарт Наполеон написал: «... об истории, а именно современной истории, никто ... не будет думать, кроме меня, в будущем ... все будет думать так, как я».

Некоторые русские историки (как А.И. Левшин или Г. Е. Грум-Гржимайло) писали о казахах, как о трутнях человечества, варварах, хищниках, полудиком народе или дикарях. Ф Шлоссер и другие придерживались мнения, что народы Востока «будто бы» не имеют и никогда не имели истории в европейском смысле того слова.

История Америки, берущая начало от Вашингтона, не является историей коренного населения этой страны – индейцев. Даже в фильмах их показывают только кровожадными, старающимися съесть сырое мясо или изнасиловать белую женщину. История СССР, являясь историей государства, не была историей входивших в его состав народов, отражая только свое: русское и коммунистическое.

А ведь это не так, на земле моей Родины жили народы, которых называли:

VI век – II век до н.э. – саками, скифами;

II век до н.э. – I век н.э. – уйсунями, кангля;

I век до н.э. – V век н.э. – гуннами;

VI – VII века – тюрками, булгарами;

VIII – XIV века – кыпчаками;

с XV века – казахами, ногаями, узбеками.

Они имели свою историю, записанную в разных книгах: китайской, персидской, каменной, но не признанных отдельными, но маститыми, советскими историками.

Первый этап – 6 тысяч лет тому назад – освоение всей территории Казахстана племенами туров из Передней Азии и ариев-скотоводов. Этому подтверждение храмовых комплексов Синташты и Аркаим в Южном Приуралье. В верхнем палеолите человек заселил всю территорию Казахстана. Согласно письменным источникам, племена, населявшие Казахстан в эпоху бронзы, носили общее самоназвание – арья, арий. В то же время известны названия племен и племенных объединений туров, даха, даи, хюна, сайрима. Миграция арья-андроновцев идет из Передней Азии, через Среднюю Азию, и дальше Центральную Азию (в Монголию, Сибирь, Индию, Америку и на острова), где они стали известны, как арии или арийцы. В VIII-VII веках до н.э. произошли коренные изменения их жизни в связи с освоением железа и перехода на кочевой способ производства. В Семиречье складывается сакско-уйсунская, Приаралье – кангюйская, северо-восточной части Казахстана – гунская, в западном Казахстане – аланская этнокультурные сообщества.

Второй период – 4-5 тысяч лет назад – центр истории ариев. Происходит постепенная миграция, перемещение народов с севера на юг, с Южного Урала в Индию. Созданный ими эпос описывается там, в виде Вед, а на юго-западе Ирана в виде Авесты. Духовная жизнь оставшихся народов медленно спадает, связанная с оттоком наиболее значимых людей. Саки – проживали севернее бактрийцев, согдианцев и хорезмийцев, парфян. Согласно Авесте, на этой территории располагались кочевые туры с быстрыми конями. Туры в персидских источниках именуется саками, что означает («могучие мужи»). Предположительно они пришли сюда из Передней Азии. В сочинениях грека Страбона саки именуется азиатскими скифами. Делятся на саков-тиграхауда или скифы-ортокарибантии из греческих источников (носящие остроконечные шапки); саков-хаомоваргов или масагеты и дан (изготавливающие напиток – хаома); саков-парадарайя или исседоны и агрипей (заречные саки); саков-аримаспы и сарматы или савроматы (стерегущие золото грифов).

Третий период – 4-3 тысячи лет назад – зарождается мощная волна протогуннов, которая спустя 2,5-2 тысячи лет накатывается на территорию Казахстана. Наслаивается новая молодая волна – тенгрианство хунну-гуннов. Тенгри – небо, Жер-Су – земля-вода, Умай – вечная мать. Вера хуннских жрецов внедряются в повседневный быт потомков сако-сарматских племен. Пришлый дух хуннских народов напластовывается на дух потомков древних туров и ариев, смешиваясь в плавильных котлах первых двух хунну-гуннских империй. Племена уйсуней, наследовавшие земли саков-тиграхауда, пришли в Семиречье из глубин Центральной Азии. Во II веке до нашей эры уйсунь подчинили сакские племена и основали владение во главе с предводителем, носившего титул

«гуньмо»-куньбаг – князь над князьями. В китайских источниках оно называлось «Усунь-го» – Усунское государство. Основная территория располагалась в Илийской долине. Западная граница пролегла вдоль реки Шу и Талас, на востоке имели общую границу с хунну, на юге границы соприкасались с Ферганой (Даванью). Столица Уйсуней – Чигучен (город красной долины) находилась на берегу Иссык-Куля. Этническая принадлежность уйсуней еще точно неопределенна. Одни считают, что уйсуней принадлежат восточно-иранским племенам, другие – предками тюрков. Уйсуней неожиданно исчезли с исторической арены (возможно, собрались и ушли с территории раз и навсегда), это событие необъяснимо, хотя китайские источники монгольского периода считают уйсуней предками русских (профессор В. И. Анучик). Уйсунь – Русь – это русские, а скандинавы – это динлины. Китайцы называли русских «олосы», что соответствует фонетическому изменению названия уйсуней.

Четвертый период – 1,5 тысячи лет назад – потомки хуннов – тюрки – тюркуты рода Ашина – дети древней жреческой династии племен жунди с плато Ардос вносят новую струю в духовную жизнь местных народов. На волне нового духовного прилива вырастает Тюркский каганат – Вечный Эль. Третья империя мира объединяет под своим крылом все местные сакские племена с тюркскими племенами от Байкала до Каспия. Трехслойный единый пирог Вечного Эля имел в северной части народы племенного союза кыпчаков; в южной части располагались народы племенного союза тогузов или огузов; в центре эти два слоя крепилась цепким звеном тюркутов рода Ашин. Тюркизм-огунизм, как единое вероучение, опирался на мощную генеалогическую историю, на степную историологию, на родословные, возродивших племенных вождей в семье потомков Небесного отца.

Государство Кангюй – государственное образование, локализовавшееся на юге Казахстана, с центром на Средней Сыр-Дарье со II века до н.э. и контролировавшее участок Шелкового пути от Ферганы до Приаралья. До сих пор нет ответа об этническом характере населения Кангюя. Одни ученые полагают, что они были тюркоязычными, другие относят к северо-иранским скотоводческим племенам или ираноязычным сакам.

Гунны – название исчезнувшего народа ассоциируется с воинственностью, жестокостью и варварством. Азиатские, казахстанские гунны более известны, как хунну или сюнну. Хунну – народность с реки Орхон. В 55 году до н.э. произошло разделение могущественного гуннского государства на две части – южную и северную.

Вторая волна переселения хунну началась в 93 году н.э. Они двинулись через казахстанские степи на южную Русь, достигнув Дуная, поселились в Венгрии под именем гунны. Около пяти веков (с IV века до н.э. – 216 год н.э.) в степи господствовали гунны. Западные гунны, двигаясь из глубин Азии, смешались с уйсунями, канглами, аланами. Их потомки известны, как огузы, гузы, кыпчаки, карлуки. Из повествований известно, что вместе с войсками Аттилы (Едил), были и конники дулуду (дулаты, участвовавшие во всех боевых стычках).

Хунну, проживавшие на территории Китая, окитаизировались, войдя в состав дунган и маньчжуров, частично в монголов. Гунны под предводительством Аттилы, включая в себя аланов, дулатов, антов германских племен, способствовали падению Римской империи.

В 375 году гунны под предводительством Баламбера переправились через Дон и разбили племенной союз остготов. Жившие к западу вестготы, спасаясь от гуннов, форсировали Дунай и поселились во Фракии, в пределах Восточно-Римской империи. Так началось «Великое переселение народов», хотя это выражение не точно. Переселение народов происходило во все времена, даже в перестроечный период.

По мнению большинства исследователей хунну были прототюрками. Степную империю тюрков можно разделить на языковую систему:

Огузская ветвь – азербайджанские турки, турки, туркмены, гагаузы.

Кыпчакская ветвь – казахи, кыргызы, алтайцы, ногаи, карачайцы, балкары, крымские и казанские татары, башкиры, кумыки, крымчаки, караимы.

Карлук-уйгурская ветвь – узбеки, каракалпаки, новые и желтые уйгуры.

Уйгур-огузская ветвь – тувинцы, тофилары, барабинские и чульские татары.

Чуваш-якутская ветвь – чувашаи, якуты. Всего насчитывается 27 ветвей на двух континентах.

Впервые этноним «тюрк» встречается в китайских письменных источниках в 542 году. В переводе с монгольского «тюрк» означает шлем с остроконечным верхом. Первоначально термин «тюрк» означал представителя знати или военной аристократии, став впоследствии символом царского племени и подвластных ему племен, которых соседи стали называть тюрками.

Колыбелью тюркского мира является Тюркское государство, территория которого простиралась от Маньчжурии до Азовского моря. В его состав входил Первый тюркский каганат (551–630); Второй тюркский каганат (681–744гг.). Тюркский каганат или Великий эль положил основы для появления в дальнейшем тюркешского, уйгурского, кыпчакского, караханидского, кыргызского, хазарского

каганатов, карлукского, огузского, кимаковского, кыпчакского государств, государства Алтын Орда, Улуса Жошы, Казахских ханств.

В 639-645 гг. единый каганат распался на две части. Западный каганат или каганат Дулу закрепился у предгорий Тянь-Шаня в Алмаатинской области. Восточный каганат расположился в северной Монголии, там, где были места обитания уйгуров, кыргызов и чингизидов. Аварский каганат – прообраз будущих авар, образовался на территории Венгрии, где уже жили гунны, увлекшие в поход алан – предков осетин, сарматов и других. На развалинах Тюркского каганата появился племенной союз болгар, создавших в приазовских и придонских степях свое государство. Затем болгары-тюрки разделились: одни ушли на север – волжские болгары, другие – в современную Болгарию. Нельзя не упомянуть и Хазарский каганат – государство, объединившее все тюрко-аланское, греческое и раннерусское население юго-востока Европы. Тяжелые отношения с Русью не меняют современную оценку вклада, внесенного тюрками-хазарами в дело сосредоточения сил против исламизации идущей от Ирана, против христианизации идущей от Византии и иудаизации идущей от очагов еврейской диаспоры на Ближнем Востоке. Тюрки-хазары отстаивали собственное мировоззрение, тенгрианство.

Наследниками Тюркского каганата считаются – Астраханское и Ногайские ханства, Казахстан, Уйгурские и Кыргызские каганаты, туркменские роды, кочевники евразийских ареалов от Прикаспия до Тувы и Бурятии. Этот период принято называть древнетюркской эпохой. Здесь же существует и Кушанское царств, государство Карлуков.

Пятый этап – 1300-1100 лет назад – духовный центр тюркских народов запульсировал на Востоке, на Орхон-Енисее. Тенгрианство было, осталось и есть продолжение веры кочевых народов. Естественным импульсом тюркского национального духа стал эпос «Манас» - X век.

Шестой этап – 1100 – 900 лет назад – на территорию Казахстана начинает накатывать волна арабо-исламского духа. Национальная элита с трудом принимает ислам, одновременно меняя язык и письменность. Прошлые рунические письмена ранних тюрков стираются арабской вязью. Духовные звезды той величины – Аль-Фараби с Сыр-Дарьи (тюркский Платон), Юсуф Баласагуни с Семиречья (светское сочинение тюркских народов) и Махмуд Кашгари (словарь тюркских наречий, первая тюркская энциклопедия) были позабыты, ибо арабизация признавала только свои начала.

Седьмой этап – XI век – ознаменован наиболее сильным духовным светом из Туркестана. Первый суфий из тюрков, Ходжа Ахмет Яссави, родился в 1093 году. Он закладывает основы тайного исламского суфизма в его бытовой народной версии. С его именем связано не только начало исламизации, но и процесс взаимовлияния тенгрианской (шаманистской) и мусульманской культур. Мавзолей Арыстанбаба в Отраре, учителя Яссави, самого Ходжи Ахмета Яссави в Туркестане – это важнейшие центры новой национальной духовности казахов.

Восьмой этап – XII – XIV век – нашествие чингизидов. Именно в это время появился великий Майкы-бий, родоначальник института биев, основатель легендарной генеалогии казахов, объединитель всех казахов. Предания гласят, что именно он высек на камне «нур тамгасы» – «светоносную печать» – главную тему всех трех казахских жузов. Знамя всех – символ уйсунув; сформированы четыре основных идеала народа, выразившиеся в боевых кличах - уранах трех жузов: Бактияр – счастье – Старшего жуза; Ажжол – справедливость – Среднего жуза; Алшын – От-ана – огонь-мать – Младшего жуза. Все три жузовых урана объединялись в едином уране для всех казахов, как одного народа - Алаш, который был огнем и саблей выбит в духе народа.

Девятый этап – XV-XVII века – со времени образования в 1456 году Казахского ханства закладывается основа духовного развития народа. Началось 250-летнее нашествие джунгар, где силой исторических обстоятельств, два родственных народа при помощи Поднебесной империи и империи России были противопоставлены друг другу, началась братоубийственная война. В 1729 году в местечке Анракай состоялась историческая битва, где решался вопрос – быть казахскому народу или не быть.

Десятый этап – XVII – XIX века – распавшийся на маленькие государства Казахское ханство проходит тяжелейшие испытания на прочность. Казахский народ из-за раздоров, отсутствия единства, разделения территории на мелкие ханства, попадает в объятия пятой империи – Российской, а если точнее, то его подводят под петлю колонизации.

Одиннадцатый этап – XX век – Советский союз и все его последствия.

Двенадцатый этап – 1980 год – всплеск народного духа. Республика Казахстан начинает первые шаги государственности в будущее с первым президентом Нурсултаном Назарбаевым.

***

Разное и многое было в Великой Степи. Удивительно оно тем, что ни один казахский хан не претендовал на чужую территорию, всем хотелось эту землю отобрать у казахов. Пришел Чингисхан и умер, теперь не могут найти его захоронение. До него и после приходили многие, чтобы встать над частью казахов. Никто не удержался, а народ, словно после тяжелой болезни, встал на ноги, расправил плечи и раздвинул руки. Да и сильные мира сего были сами готовы во имя власти и золота пойти на поклон к другим более сильным. После них началась казахская государственность, власть в степи принадлежала одному. Поэтому этот период однозначно считается, что степь оправилась от насильников, сюда пришел закон и законность. Но все хорошее когда-нибудь кончается. Начинается история казахских ханств. Приходили моголы, шибаниды, чагатаи, аштарханиды, калмаки и другие. Прошедшее время показало, что территория Казахстана делилась ими на большие и маленькие государства, которыми правили различные люди, естественно, голубых кровей и белых костей. Одни объединяли казахов, другие растаскивали их по разным уголкам, нищими оставались только бедняки. Но главное, несмотря на все перипетии жизни, остается главным – разделение казахов на Жузы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

История

- М. Аджи. Тайна святого Георгия. Алматы, 1997.
Т. А. Акселеу. История кочевников. Алматы, 1995.
Б.К. Албани. Тарихи таным. Алматы 1994.
Ж.О Артыкбаев. История Казахстана. Караганда, 1997.
Захир ад-дин Мухаммед Бабыр. Бабырнама. Алматы, 1990.
В.В Бартольд, К.Иностранцев. Хунны и гунны. СПб, 1990.
А.Н. Бернштам. Очерки истории гуннов. Л, 1951.
Бес гасыр жырайды. 1,2 тома. Алматы 1989.
Н.Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1, М-Л, 1950.
В глубь веков. Алматы, 1974.
А.А. Губер, Г.Ф. Ким, А.Н. Хейфец. Новая история стран Азии и Африки. М, 1975 (с картами).
Н.Ф. Дератани, Н.А. Тимофеева. Хрестоматия по античной литературе. т.2, М, 1965.
И. Есенберлин. Кочевники. Трилогия. Алма-Ата, 1967.
История Казахской ССР. 1-2 тома. Алма-Ата, 1967.
История Казахской ССР. 1-5 тома. Алма-Ата, 1979.
История дипломатии. Т.1. под редакцией В.П. Потемкина. М, 1941.
Краткая всемирная история. Под редакцией А.З. Манфреда. М, 1996.
Казах. Главный редактор А. Касымжанов. Алматы, 1994.
А.Р. Корсунский. История Испании IX-XIII веков. М, 1976.
А.К. Кушумбаев. Военное дело казахов в XVII-XVIII веках. Алматы, 2001.
Культура Перу. М., 1975.
С.Г. Кляшторный, Т.К. Султанов. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.
Т. Журтбаев. Дулыга. 1-2 тома. Алматы, 1998.
А.Х. Маргулан. Сочинения. т.1. Алматы, 1998.
А. Тажутов. Куманы, половцы, кыпчаки, казахи. Алматы, 1998.
И.М. Тронский. История античной литературы. Л, 1947.
Д.Г. Редер, Е.А. Черкасова. История древнего мира. М, 1979 (с картами).
А.М. Хазанов. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.
Д.Б. Желов. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М, 1975 (с картами).
Ф.Н. Рянский. Социальная и этническая экология. Мандр и К. Тюмень. 2004.

Генеалогия

- В.В. Остров, М.С. Муканов. Родо-племенной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968.
Д. Дуйсенбаев. Дамалак-ана. Алматы, 1991.
Ш. Кудайбердыгулы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Алма-Ата, 1990.
К. Салгарин. Династия ханов. Алма-Ата, 1992.
Казбек бек Тауасарулы. От прошлого до меня. Алматы, 1993.
М. Тынышбаев. Великие бедствия. Алма-Ата, 1992.

Филология

- Ф. Айсаров. Орхон-Енисейские и другие уйгурские письменности. Алматы, 1995.
О. Панзабеов, Б. Алтаев. Тю+Гю=Туркул. Алматы, 1999.
Ф. Мусабаев, А. Махмутов, Ф. Айдаров. Эпиграфика Казахстана. Алматы, 1971.

О. Сулейменов. Язык письма. Алматы-Рим, 1998.

Газета «Аргументы и факты Казахстан». Тематическая подборка.

Газета «Казахстанская правда», подборка за прошлые годы в областной библиотеке г. Тараза.

География

В.В Самаркин. Историческая география Западной Европы в средние века. М, 1976.

Хрестоматия по физической географии. М, 1972 (с картами).

Атлас мира. М, ГУГК, 1982, 1984.

Политическая карта мира.

Справочники. Энциклопедии. Словари

Географический энциклопедический словарь. М, 1989.

Народонаселение мира. Справочник под редакцией м. Урланиса. М, 1978.

Советский энциклопедический словарь. М, 1982, 1984.

Югория. Энциклопедия ХМАО. Ханты-Мансийск, 2000.

Не кричите! Волки!

Часть 1 Волки

Гранитная вершина Алатау предстала перед ним во всем великолепии. Она искрилась ледяным блеском так, что свет резал глаза только что проснувшегося мальчишку. Солнечные осколки летели сквозь черневшие предгорья, вспыхивали отражением от просыпавшихся скал. Таинственно голубело в сполохах красного, желтого и розового восхода. Таких редкостных дней, затопленных небесной благодатью, земной теплыней и согретых увалов он не видел никогда.

Овечьи тропинки в горы имели странное своеобразие: они петляли по склонам оврагов, перескакивали на отроги, скользили вдоль каменных распадков, спускались вниз, пересекали речку и опять лезли на гору, подбираясь к самой каменной, вершине самой высокой горы, который слыл прибежищем горных духов. Даже его бесстрашный дед здесь оставлял тряпочки на засохшем дереве, оставлял кусочек хлеба или мяса.

Пастушок сидел на холме и следил за отарой овец. Они разбрелись в разные стороны: кто, куда в поисках сочной зелени. Одна группа бродила в низине, другая - на склоне холма под ним, третья норовила уйти за пригорок. Верховодящий козел затерялся среди баранов, а его соплеменники наслаждались травкой, погодой и прохладным утром. Главный пастух Амирхан, дед Бараса, а так звали пастушонка, разбудив внука, уехал в аул на своем белом ишаке, чтобы привезти припасы на несколько дней. Когда начало припекать на солнце, мальчик полил на голову холодной водички из тыквенной бутылки, набранной недавно в горной речке. Прохлада привела его в чувство, и он вдруг вспомнил прошлогодний зимний вечер с волками и рассказ отца. Среде бела дня пастушонку вдруг стало страшно, что начал оглядываться по сторонам.

Аул. Обычный вечер. Прошедшая зима была очень снежной и суровой. Приходили и уходили снегопады, бураны и морозы, очень редкие для казахских предгорий, оправдывая географическое название "местность с ярко выраженным континентальным климатом".

Бедствия наступили не только для казахов. Все животные жили на подножном корме, стали гибнуть сайгаки и дикие животные, потом домашние: бараны, коровы и лошади. Иногда встречались трупы животных полностью или наполовину объеденные волками. Они люто свирепствовали в голодной степи, потом в горах. Чуть позже добрались и до аулов. Были случаи нападения серых волков на селения людей и усталых путников, оставшихся на дороге.

В декабре темнело, как обычно, очень рано. Мать Бараса, вечером покормив семью, возилась на кухне, а отец и сын сидели у окна за столом, беседуя о дне прошедшем и о делах завтрашних. Напоить и накормить домашний скот, измельчить сено, убрать двор – дети всегда при деле. Помочь деду, бабушке по уходу за скотиной – это его суровая обязанность, как первого внука.

Братишки, да пока и единственная сестренка, уже спали. Дом его отца был крепким, один из лучших в ауле, крытый соломой, с открытой верандой и широким удобным двором. Во дворе посажены многие фруктовые деревья. Этот обычай завел дед, он специально привез их из-за гор яблоневые, сливовые и урючные саженцы. Каждый внук должен был с ним посадить и иметь своё личное дерево от него. Длинный дом имел три входные двери: в жилую часть, амбары и конюшню. Из скотного двора через переходы можно было попасть в другие помещения, не выходя во двор. В конюшне стояли два коня и две коровы, а в овчарне находились телёнок и с десяток баранов. Весь двор огорожен крепким забором и открыт со стороны оврага, который сильно изрезан весенними половодьями и извилисто выходил к речке.

Тихо, только высоко в небе светит луна: мерно трещала масляная лампадка, высвечивая темные углы комнаты. Тёплая лежанка уже манила помощника отца к себе. Его уже тянуло ко сну, только отец отчего-то долго объяснял устройство хомута, который стал тут же ремонтировать. Вдруг на дворе послышались шорохи, раздался топот у окна и кто-то начал скрести двери. Отец резко обернулся к двери, увидев, что она закрыта, быстро прошептал: "Тихо, волки!". Невозможно выразить то, что-то произошло с родителями. Мать на время оцепенела, стала двигаться мелкими шажками, высоко поднимая ноги. Отец вдруг заходил по глиняному полу на цыпочках. А Бараса стал разбирать интерес. Ему хотелось увидеть живого настоящего волка, который пугал все население предгорий.

Мать быстро ушла в тень печки к спящим детям, накрывая их одеялом и подтыкая его края. Отец семенял по земляному полу, одёргивая занавеску и выглядывая во двор. Мальчик залез на стол и через вышитые цветочками занавески с любопытством смотрел во двор, где шныряли волки в поисках наживы. На его глазах стая из пяти-семи волков под полной Луной бродила по двору по темным закоулкам двора. Раздался грохот - один из любопытных зверей опрокинул пустое ведро с тандыра-печки, установленной внутри летней кухни. Они отскочили с испугу на лунный свет, стали оглядываться на шум. Успокоившись, стали скрести стены и двери, мочиться на столб, оставляя следы на снегу, поглядывая на двери и заглядывая в окна.

Огромный хищник, мальчику показалось, что это самый крупный волк, поднимает голову, разглядывая его через стекло. Перед взором пастушонка до сих пор стоит тот декабрьский вечер. Удивительно, как много подробностей ему запомнилось, несмотря на краткость встречи. Волк, как помнит и сейчас, стоит во всей красе: массивная голова, зловещий оскал пасти, короткие торчащие уши, рыжевато-умные глаза и красноватая, с проседью, шерсть. В серебряном лунном свете в нем явственно ощущается что-то особенное, грозное. Во внешнем виде, стойке и взгляде сквозила хозяйственность и основательность.

Мальчишке образ волка запомнился в спокойной, уверенной стойке, вальяжной походке по двору. Ростом чуть больше кошка-козла, но знающего своё смертное дело крепко. Барасу показалось, что от него так и веет страшной опасностью. Потом, позднее, дед рассказывал отцу и Барасу, что волк научился избегать гибели, вырабатывая новые, подчас хитрые приёмы выживания, умел затаиваться, скрываться, и приспосабливаться - несообразительные не выживали. Дед предупреждал пастухов, пасших домашний скот о том, что волки по каньону и оврагам спускаются в предгорья и степь по волчьим тропам, совершая разбойные нападения. Показывал вершину холмистой местности, где они отдыхают перед восходом и после заката солнца, а потом расходятся стаями в разные стороны по своим делам.

Послышался шум в скотном дворе: хищники скребли двери и пытались попасть к домашним животным. Отец, взяв в одну руку масляную лампу с фитильком, прикрытую высушенной и надутой кишкой барана, в другую – шокпар-дубинку, переходами ушёл в дальние помещения, где находится скот. Свет переносной лампы успокоил животных. Раздается грохот, удар, ещё удар и всё стихло. Залаяла собака. Волки, сгрудившись у летней кухни, постояли и через некоторое время ушли со двора в овраг. Только утренние следы остались немymi свидетелями ночного происшествия. Куда-то ушёл сон, и мы, возбужденные, долго не могли уснуть, обмениваясь мнениями и впечатлениями.

Вот тогда-то и рассказал отец Барасу-пастушку и его матери о событиях давно минувшего времени. Тогда крестьяне так и не оправились от боевых событий того времени, а тут подошли неурожайные годы. Люди умирали от голода, ели собак и кошек, были случаи людоедства. Дедушка всегда определял временные события так: это было во время войны или джута - Великого голода, до него или после этого. Они, особенно трагичные, запоминаются народом надолго и передаются из поколения в поколение стоустой молвой.

Отец возвращался домой поздней весной пешком по старой дороге. Тогда ещё студент последнего года обучения в медресе, девятнадцатилетний молодой парнишка, направлен муллой для обучения азбуке и письменности детей населения своего аула. Через плечо у него висела двойная сумка-коржун: в одной находился картонный чемоданчик с нехитрыми подарками для родных, а во второй - личные вещи. Транспорта, как такового не было, и пешие переходы были для людей делом привычным, лишь бы был попутчик. Почти полмесяца - где пешком, где на подводе, добирался студент в родной дом. От родственников его будущий отец узнал, что три дня тому назад весь аул и семья, не дождавшись его, откочевали на горные пастбища-жайляу.

Что делать нищему студенту, имеющему один чапан-верховку, разбитые сапоги и одну рубашку, даже если богатые родители? Идти дальше. Со вчерашнего дня у парнишки не было во рту крошки хлеба, не накормили и сейчас - шибко грамотных в ауле не уважали. Расспросив дорогу на жайляу, на попутной подводе почти доехал до первого самого низкого перевала и пошёл пешком в горы.

Степь и предгорья остаются позади в серой дымке летней жары. Поднявшись на высокий холм, отец увидел во всей красе высокие тёмно-фиолетовые горы, зеленеющую долину речки, холмистые предгорья и белую ленту речки, которые часто снились ему по ночам. Пики вершин сверкали огромными языками ледников, белым снегом на склонах и тёмными ущельями. Здесь, на высоте более двух километров над уровнем моря, местный ландшафт довольно суров, но каменистую почву то тут, то там оживляли зелёные заплатки травы, кустарников, иногда по

низина темнели роши низкорослых деревьев. Шум сверкающей на солнце речки, которая грохотала и стремительно неслась по выбитому в камне руслу, слышен далеко.

За день родитель прошёл довольно солидное расстояние, теперь каждый шаг давался ему с трудом, а впереди перевал. Он брёл в горах, почти теряя сознание от голода и долгого хождения по предгорьям. То, что казалось близко, растягивалось на непреодолимые километры то вверх, то вниз. Чуть раньше у речки отец нашёл замысловатую палку-трость, оригинальную в комле, давно обработанной водой и камнями. Природа совершенно случайно придала дереву растерянность мыслящего существа перед загадками мира. Её в мечте доработать, он засунул в сумку.

Поворачивая её в руках, можно было представить то гуманоида, то что-то искажённое человеческое, то оскал дьявола. Палка притягивала взоры многих людей к себе. Поправленная несколькими ножевыми штрихами и обработанная мозолистыми руками дедушки, эта палка-трость дожила до времени Бараса. Мальчик видел эту трость, держал в детских руках. Дед, после него и отец, брал его в руки и с собой только в праздничные и знаменательные дни в течение тридцати лет. Так же загадочно он исчез из дома после смерти отца пастушка.

Овечья тропа то приближалась к речке, то отдалялась от неё и, огибая огромные камни, петляла к последнему перевалу. Он и сейчас виден пастушку, до него недалеко, только полдня дороги. На склоне горы рос боярышник, а выше запустение и гладкая лысина перевала. Внизу перевала у отца Бараса возникло мистическое ощущение полупрозрачности бытия, когда из-за реальной картины проглядывают нелепые контуры то ли другого времени, то ли другого пространства. На какой-то миг увидел потаённые пределы своей сущности, то, что знал, что видел, что помнил, на что надеялся, о чём мечтал. А когда начал подниматься на перевал, сразу всё исчезло. Его прошибло холодным потом, намокли волосы, лоб покрылся испариной. Он брёл в гору, чуть не теряя сознание. Остановливаясь на каждом шагу, мечтал добраться хотя бы до перевала, чтобы сесть и передохнуть.

Усталый и голодный отец почти дошёл до вершины горы. Подняв голову, очнулся из небытия и замер. Прямо перед ним, в десяти шагах, на самой вершине перевальной седловины в гордой позе сидел крупный рыжевато-красный волк. Он словно застыл - крупная голова, торчащие уши и умные тёмные глаза самца были неподвижны. Смотрел, не поворачивая головы и не мигая, прямо на человека. Отцу показалось, что в нём нет жизни. Но это оказалось только на первый взгляд.

Хищник был жив, каждой клеткой своего тела показывая напряжение нервов. Он долго ждал этой встречи, наблюдая за человеком, идущим по тропинке от шумевшей в низине речки. От неожиданности или растерянности отец сбросил сумки с плеч и присел на землю. Из сумок от удара о каменистую поверхность раздался громкий стук.

Волк чуть заметно вздрогнул. Затем приподнялся, лениво отряхнулся, отошёл назад, постоянно оглядываясь. Через метров двадцать повернулся и основательно уселся, встряхнув головой, словно отгоняя мух. А в это время мужчина, присев на землю, в поисках какого-нибудь существенного предмета, не спускал глаз с хищника. Дрожащие руки не могли найти камень, камешек или что-то стоящее и, в конце концов, наткнулись на кривую палку-трость, которую ещё раньше воткнул в сумку. Наконец, к нему вернулась уверенность, спокойствие, прекратилась дрожь в теле. Родитель встал на ноги и пошёл вслед за волком, таща за собой громыхающие сумки и держа в руке перед собой кривую палку.

Хищник встал, уступил дорогу человеку, освобождая перевальную седловину. Пропустив его, пошёл чуть-чуть сбоку и на расстоянии сзади, как бы сопровождая его. Так они, волк и отец, долгое время шли по склону горы вниз, изрезанной оврагами, пока не стало видно жайляу, юрты, и скачущих навстречу всадников. Отец Бараса обернулся и палкой погрозил волку, который, оскалившись, спокойно ушёл в овраг. До конца своей жизни отец недоумевал, почему крупный самец красных волков уступил ему дорогу, ведь броситься на него ему ничего не стоило.

Часть 2 Пастушок

Каждое утро на заре над скотьей толокой, над кошарами, над всей тихой округой вздымается овечье бляение да козьи вопли. Барас, выгнав отару, неторопливо вел её по склону холма. Справа начинались отрожья балок и оврагов, слева внизу в низине шумела речка. Местами она пропадала, но умный козел, по кличке Серке, выискивая вкусный корм, упрямо тянул баранов к зеленоватым долинам. Мальчик, оглянувшись по сторонам, свистнул.

Поглядев на пастушка, козел согласился с ним, кивая в ответ бородкой. Рогатый и бородастый предводитель выходит вперед отары, коротко мекает и тянет её за собой к предгорьям. Овцы послушной толпой потянулись за ним, на ходу пощипывая травку, обгладывая ближайшие кусты.

Пастушонок весь день пас отару один, придерживаясь открытых площадок. Он помнил рассказы деда, что в глухих оврагах ущелья водятся красные волки. Старик в очередной раз напомнил о том, что их нынче стало многовато. Мышковали среди камней уже полинявшие лисички, местные их называли – корсак, да зорко следил за степью и предгорьями беркут. К полудню пастушонок пригнал овец на водопой. Здесь, бродя по колено в воде навстречу течению, ловит руками крупную рыбу, которую отваривает в котелке и бережет для деда, часто отлучавшегося в аул.

Овечья отара широкой полосой поднимается на косогорье, пробираясь меж огромных валунов разбросанных природой то там, то здесь. Молодая трава, мелкие ветки с зеленой листвой – все нынче скотине по нраву и впору. Овцы, во главе с козлом, неторопливо обтекают гору, разбредаясь по краям оврагов, лощин. Ближе к вечеру отара постепенно направляется в сторону летовки. Перед заходом солнца появился дед, который быстро сготовил ужин.

Алый закат отыгрался на ленте речки, отражаясь красными сполохами и низко висящими облаками. Над горами нависла вечерняя тишина. Под ногами пастушка стал поскрипывать остывающий песок. Вечерние берега глядели в покойное течение и стремились друг к другу в ясном отражении горных вершин. Пролетела утка, села на взгорок, и стала звать кого-то жалобным криком «А-га-га! А-га-га!». Она не залетела в гнездо, а села недалеко от неё на скале, что-то говоря окружающим. Но каждый был занят своим делом, впереди ночь. Её крик не стихал до глубокой темноты, отзываясь эхом в ущелье. Она, прислушиваясь к наступившей тишине, снова и снова звала «И-га-га! Э-га-га!», словно, предупреждая его о чём-то. В особо минуты отчаяния, то ли всхлипывая, может, захлебываясь от горечи, кричала «О-га-га» переходя на «у-га-га» или «ю-га-га».

Вдруг до слуха мальчика донесся глухой удар, раздавшийся со стороны гор. Барас замер, прислушиваясь к внезапному звуку. То усиливаясь, то ослабевая, гул быстро приближался, долетая с порывами внезапно возникшего ветра. Он нес с собой звуки, напоминавшие рев и топот огромного стада, вырвавшегося из плена. Временами раздавался скрежет и жалобные стоны. Воздух заколебался, и огонь от костра стал метаться в разные стороны. Закачалась и задрожала земля, от которой пастушок упал на землю. Конь, широко расставив ноги, смотрел с недоумением на упавшего хозяина. Но внезапно все затихло, человек и животные успокоились. Странный шум больше не возобновлялся, и мальчишка принялся считать звезды. Его сильно клонило ко сну, веки смыкались, голова падала на грудь, но конь иногда тыкал его своей головой, заставляя следить за огнем. Спать ему нельзя, он охранял покой деда, сам вызвался.

Подступала весенняя ночь с долгою зарей, со светлым небом, с парным теплом от земли и пряным духом цветения. Внезапно тишину ночи нарушил близкий хриплый вой. Конь вскинул голову и, захрапев, придвинулся к вздрогнувшему мальчику. Размазанный сон сразу соскочил с него. Этот вой ему был хорошо знаком: он слышал его с дедом не раз, особенно в длинные, зимние ночи, когда волки близко подходили к кошарам; весной, летом и осенью на пастбищах в степи и предгорьях. Дрожащими руками мальчик сунул несколько хворостин в костер. Огонь ярко вспыхнул, осветил края пригорка, где они всегда останавливались на перепутье. Вой повторился в другом месте, но как будто еще ближе. Конь повернул голову на звук, и стал прижиматься в костру. Барас не выдержал и начал толкать изо всех сил спящего деда.

- Деда, проснись, вставай скорее, волки пришли! Деда!

Старик одной рукой оттолкнул внука, другой стал усиленно тереть лицо. Мальчик кинулся к костру, стал подкладывать траву, хворост, кусты перекасти-поле, кизяк. Огонь разгорался все ярче и ярче, выбрасывая снопы искр в темное небо.

- Зачем ты развел такой огонь? - был первым вопросом пришедшего в себя взрослого.

- Деда, волки ходят вокруг, волки!

- А, волки! Ну, и пусть себе ходят, сюда не придут. Зачем нужно было меня будить, - ошарашил маленького пастушка дед простым вопросом.

В эту минуту вой раздался снова, и совсем уже близко. Можно было подумать, что волк был над их головой. Мальчик вздрогнул и схватился за кинжал, висевший в ножнах на ремешке.

Когда окраина пригорка погрузилась в темноту, из-за него показалась голова волка с настороженными ушами. Потом выдвинулось тело, натянувшись струной и готовое к прыжку. Увидев небольшой кустик, зверь скользнул за него, выжидая, когда исчезнет красное пятно, свет которого постепенно ослабевал.

- Сиди, не двигайся. Сейчас я его угощу стрелой.

Старик медленно вытащил из-за спины лук, вставил стрелу с кованым наконечником и стал целиться в точку над головой пастушка.

- Только не шевелись, не смотри прямо на волка, он за нами наблюдает.

Раздался тонкий свист, за ним второй. В ночной тишине раздался твякающий жалобный вой раненного зверя. Тотчас из кустов выскочил волк и пустился наутек вдоль пригорка, мотая головой.

- Теперь твоя очередь спать, Барас. Ложись, отдыхай.

- Деда, а как же волк? У меня сон почему-то прошел.

- Отдыхай, утро вечера мудрее. Завтра твоего волка мы найдем неподалеку у оврага. Зверь, по-видимому, уже старый и так сильно хотел кушать, да не убоявшись, костра близко подошел людям. Значит, ему знаком огонь, наверно, побывал в разных переделках, а сейчас потерял глаз и в шее торчит стрела. Далеко не уйдет, хотя шкура у него и слабоватая, да и шерсть уже не та, но на подстилку нам пойдет. Спи!

Накрыв внука своим халатом, он вытащил из кобуры нож, провел пальцем по лезвию и усмехнулся про себя. Найдя кусок кремниевого камня, стал его точить, думая о чем-то другом. Подбросив немного хвороста и кизяка в костер, пастух поднялся и осторожно направился в сторону ушедшего волка. Обогнув кусты, он увидел на склоне темнеющую серую массу. Услышав шаги, волк хотел приподняться, но силы быстро убывали. Не дойдя до него пять-шесть шагов, старик присел. Через некоторое время, он взял его за ноги и стащил к реке, где начал его разделявать. Снял шкуру, отрезал задние ноги и опустил их в воду. Передние ноги, не отделяя от лопатки, тщательно вымыл в воде и понес к костру.

Не жалея перекаати-поле, прошлогодние кусты которого набились в соседнем овраге, пастух развел большой огонь. Нарезал от передней ноги маленькие кусочки мяса, нанизал их на прутики, срезанные у реки с деревьев. Воткнул заостренным концом прутики в землю, наклонно к огню, чтобы поджарилось мясо. Отгреб кучку углей в сторону, сделал углубление и, отделив лопатку волка от ног, пошел к реке. Набрал несколько горстей чистого речного песка и вернулся обратно. Половину песка высыпал в углубление, разровнял его, а сверху положил лопатку и засыпал оставшимся песком. Чуть передвинул костер, повесил кумган-чайник, в который бросил несколько веток чабреца. Когда мясо поджарилось, закипела вода, старик разбудил внука. Они съели поджаренное мясо с неприятным запахом, зато горячий чай с травами и сухой лепешкой оказался особенно вкусным.

- Ты, выгоняй отару, погони их на водопой, после на пастбища вдоль пригорков. Я уйду в селение и вечером вернусь. Отнесу шкуру соседу, пусть выделает. Этот сапожник - большой мастер по выделке кож, а волчья шкура выносливая, хоть и староватая, зато осенью у нас будет хорошая подстилка. С закатом загонишь отару в кошары и хорошо закрой ворота. За работу я ему отнесу жареную лопатку, это было его главным условием. Смотри по сторонам, волки есть волки, умные животные. Они здесь самые главные враги людей, больше никого нет. Приготовь ужин, там внизу у родника есть две ноги, и обязательно жди меня.

Часть 3 Находки

В этих краях скотину пасли от снега до снега. Такая доля у пастуха - вставать до света и ложиться поздно. Пока не развиднелось, а над головой еще светят звезды на небе, а самая яркая среди них – Пастушья звезда. Она только светит, указывая потерявшимся путникам, путь домой в весеннюю распутицу, когда ноги устают от скользкой грязи; и в летнее пекло, когда к вечеру от жары темнеет в глазах и корочка соли запекается на губах; особенно осенью, когда серая хмарь туманов висит в оврагах и сеет мелкий колючий дождь.

Но у пастушка есть свои друзья в степи – это молчаливый беркут, стерегущий покой степей с высоты. Дрофа, которая часто приставала к отаре и, гуляя меж баранами, выклевывала

паразитов на их спинах. Пестрый удод – пustuшка с длинным клювом, которого ненавидят горные рябчики, которых дед называл кекликами. Ненависть вызвана тем, что пustuшка всегда усаживается рядом с их гнездами и сообщает криком всем место тайника. Да и жаворонок, что, вспорхнув из-под кустиков, залиисто пел свои песни с небес. Уже не раз он спасался от желтоглазого кобчика около Бараса. Падая рядом и давался в руки. Сердечко его отчаянно колотилось от испуга, успокаиваясь в его ручонках.

Любопытство мальчика не знало границ, да и дед старался не ограничивать его, после того как подарил ему обоюдоострый кинжал с наборной ручкой, найденный в одном из пещер каменных ущелий. Туда они попали из-за грозы, загнав отару овец. При свете небольшого костра, старик увидел сверкнувшее лезвие ножа, который почему-то был, воткнут в расщелину камней. Барас, поняв, что может разжиться, начал лазить по карнизам, откосам и отвесам.

Вытащил из щелей между камнями деревянный щит, покрытый позеленевшими пластинами, лезвие копыя без дrevка нашел в трещине скалы, которое дед тут же пристроил к длинной палке. Старик внимательно следил за внуком, который лазил по острым камням в поисках неизвестного. В самом углу карниза, где сходятся обе скалы, мальчик нашел истлевшую тряпку, в которую были завернуты несколько темных монет и блестящие вещи с цветными камнями. Он отнес его деду, который молча принял драгоценности и вышел из пещеры, чтобы на свету рассмотреть находку.

- Не проболтайся в поселении друзьям, а лучше забудь, что нашел интересные вещи. Сразу видно, что работа не наших мастеров, обрати внимание вот на эти линии, это не наша растительность. Это серебро с чернью, оно не портится, вот эти монеты, от времени они получили темно-красный цвет, его называют червонное золото. А вот камни самоцветные, очень дорогие украшения. Вся подвеска собрана на золотых клепках, перетянута серебряной цепью. Это не из Поднебесного царства, там любят нефрит, есть такой зеленоватый камень. Это или из Согдианы, возможно из Бактрии, а может быть еще дальше.

Р.С. Подвеску эту автор видел лично сам на волосах бабушки на праздниках, но после смерти Сталина. Она передавалась из поколения в поколение по женской линии с давних времен только по нашей линии. После смерти бабушки украшение исчезло.

- Деда, а как он сюда попал?

- То, что ты видишь в руках, называется подвеска, они называются шолпы. Ты у бабки видел косы? Вот на эти косы надеваются украшения. Когда женщина идет в них, то подвеска звенит, предупреждая всех. Видишь монетки, а теперь послушай их перезвон, они, стучаясь друг в друга, создают мелодичный звон. Об истории рождения подвески, ее жизни и скитаниях по свету можно только гадать: бандиты или вору напали, хозяева скрылись здесь и погибли, видишь, кости валяются; возможно, за ними следили, и убили в удобном месте. Кто его знает, внучок? Может еще, что было, да время – всесильный хозяин: ничего не оставляет, даже железо без дела тает в воздухе.

- Деда, дай, подержу в руках, а то бабка все, что привозим, прячет и никогда ничего не показывает.

- Правильно она делает, есть вещи, которые нельзя никому показывать. Можно потерять не только голову, но и жизнь родных. Я знаю случаи, когда некоторые люди, разбогатев, теряли все, что есть из-за желаний других алчных людей это занять. Их и родственников убивали, многих ничего не подозревавших вырезали, как щенят. Смотри и молчи, а то сразу найдется желающий на женские головные подвески. Это отдадим бабке, пусть она спрячет от людских глаз подальше в доме. Понял?

- Понял, деда! Мы разбогатели! Я пойду, полазаю в закоулках и поищу, может, еще что-нибудь найду.

- Иди, иди, только будь осторожен. Здесь в этих краях в пещерах, если искать с умом, можно много чего найти, да и жизнь потерять. Так бывает. Люди прятались в ущельях и прятали дорогое, убегая от войны, богатых и жадных хозяев, в надежде отыскать свободу. В горах много места, но прокормиться очень трудно, зато там много врагов: снежный барс, медведи, волки. Что не смогли спрятать люди, уносят орлы, беркуты – эти птицы видят все на земле и ничего не остается без их внимания. Иногда рядом с гнездами, на самих гнездах охотники находят несметные сокровища. Эти пройдохи-сороки воруют всё, что плохо лежит. Надо бы за

ними последить, они прибирают всё, что сверкает и блестит. Посмотри, сколько дроф гуляет по холмам, но взять его не может никто. Это самые осторожные птицы, в их желудках удачливые охотники часто находят самородное золото. Скоро прилетят гуси, они погуляют по степям денёка три и улетят дальше.

- А куда улетают гуси, деда?

- Осенью они улетают в теплые края, отдохнуть и вернуться весной обратно. Они пролетают в холодные края, чтобы вырастить там новое поколение. Помнишь, у водопада нашли ржавый шлем, - возвращаясь к прежней мысли, продолжил старик. - Если внимательно поискать и в других пещерах, а здесь их неведомое число, то что-то можно найти.

- Почему мы не уходим на юг, если там тепло? - не отставал от него внук.

- У каждого человека есть родина - место, где он родился. Моя и твоя родина здесь. Весной мы, бабка, ты и я, уходим к пескам, там быстрее выходит трава, а летом подбираемся к горам, возвращаясь осенью обратно. Ведь ты уже кочуешь со мной целых пять лет, как только исполнилось тебе один год, ты сел на ишака и стал моим помощником.

- Деда, а почему отец не ходит в кочевку? Сычем сидит в поселении, и все люди ему подчиняются.

- Поэтому я стал пастухом, чтобы не видеть твоего отца и его дела, хотя многое он делает правильно, но кое-что мне не нравится в нем. Потом, посмотри вокруг, в степи везде свобода: хочешь, залезь на горку и кричи; хочешь рыбку поймать, лезь в речку и мерзни в холодной воде; хочешь, чтобы тебя съели волки, спокойно спи и никого не сторожи. А твой отец ...

- Деда, мой отец - прежде всего твой сын ...

- Вот я и говорю, что твоему отцу, а не моему сыну, приходится много думать. Он отвечает за людей, за скот, за детей. Ему нужно отправлять хану много молодых парней на службу. Нужно иметь и здесь небольшую охрану. Ведь воры и бандиты забирают скот, убивают пастухов, насилуют женщин, от них нужно защищаться. Кто это будет делать?

- Деда, я понял тебя, мой отец отвечает за жизнь людей. Скажи, а барса можно убить? Хорошо бы займечь белую шубу с черными пятнами от него.

- Нет, лучше с ним не связываться. Потом его у нас сразу отберут. Барсы и леопарды - это привилегия богатых. Видишь, вон там, в горах, лежит снег, вот это и есть родина барса. Он живет на границе между снегом и теплом, питаясь архарами, птицами и другой живностью. Очень хитер и опасен. Много храбрецов потеряли головы в горах, чтобы добыть баю его шкуру, а предлагал он немало: три коня, пять коров, и десять овец. Кто откажется от такого богатства? Вот и идут люди на смерть в надежде не умереть преждевременно.

- А медведя можно убить?

- Этот зверь будет похлеще пятерых волков взятых вместе. В нем страшная сила и хитростью он не обделен. Если его ранить, то лучше уходить и как можно быстрее. Изворотливый и хитрый зверь может со всего маху подмять под себя корову, лошадь и быка. Когти у него длинные, что снимает скальп со всех тварей, попадающиеся ему на пути.

- Деда, а ...

- Стоп, внучок, остальное завтра, - прервал его старик. - Будет новый день и твои тысячи «почему» посыпятся вновь на меня, я уже старый человек, дай отдохнуть. Между прочим, ты дежуришь первый, считай звезды или камешки, но так, чтобы не мешал мне спать. А пока подумай: мы убили самку волка, где ее волчата? Ведь они где-то голодные ждут свою мать, а она теперь не придет. Им примерно месяц, от силы полторы. Может вместо того, чтобы задать столько вопросов, лучше займешься поиском волчат, а? Надо подняться чуть выше, сесть на горе и внимательно их слушать. Щенята уже сегодня ищут свою мать. Визжат, кричат, лают, потому что голодные. Если ты не найдешь их первым, то беркут успеет присвоить себе малышей. У него тоже подрастают птенцы вон на той стороне ущелья. Понял? Давай, стереги меня и овец, когда вон та звезда поднимется до верхушки этого камня, разбудишь.

Часть 4 Жажда жизни

Отец любил рассказывать детям в долгие зимние вечера о происшествии, которые случались с ним или происходили с родственниками и сельчанами. Вот и очередной раз, когда лучина стала давать длинные тени, отец Бараса пригласил всех за стол:

- Давно это было, я был ещё меньше Бараса, на года два-три. Той осенью снег почему-то выпал раньше, нам пришлось собирать скот по степи и в песках, перегонять лошадей поближе к аулу. Крупный рогатый скот и баранов мы держали в скотных дворах, а также на ближних

выпасах. Охраняли, как могли: собаки, охранники, охотники; применяли петли, ловушки, даже копали ямы и травили мясо. Но ничто не помогало, волков становилось всё больше и больше. Они приходили из степей, песков и спускались с гор. Я помню, что моему деду и отцу в тот год сшили волчьи тулупы. А мне из чулок ног волков сшили крепкие сапоги, которые ты когда-то носил Барас, а теперь их носит самая младшая сестрёнка.

Так вот, одна стая волков, когда-то обретавшая в этих краях и предгорьях, ближе к овечьим отарам да к разной живности - а их в то время было не счесть - теснимые людьми на конях, охотниками и пастухами, перебралась жить к берегам большого горного озера. Высокие камыши и ветвистые вербы надёжно укрывали волков от посторонних глаз. Привыкнув к местным условиям, они промышляли рыбой на мелководье, птицей в камышах, не забывая при этом домашнюю живность.

В этих краях её довольно много, кто чем занимается - крупный рогатый скот, отары овец или табуны лошадей. Наиболее ценные породы держат во дворе, оберегая их от алчных людей до хорошей живности. Такие люди были всегда: их ловили, избивали, калечили, убивали, но все исчезли во времена перемен или войн. Слово народившись в далеких краях, вновь возникли из небытия в спокойные времена. Все животные, помеченные тамгой-печатью своего хозяина, свободно бродят в предгорьях, по степи и пустыне, нагуливая жир до глубокой осени. Только раз в месяц отец с соседями на конях выезжают проверить свое добро, развеяться на вольном ветру. К ноябрьским праздникам весь скот пригоняют обратно и загоняют в загон.

В конце месяца выпадает снег, прикрывая землю основательно. Приходят декабрьские трескучие морозы, на водохранилище появляется лёд. В особо тёплые зимние дни хозяева выгоняют домашний скот на берег водохранилища на свободный выпас к камышам, жёлтой стеной стоящих на обоих берегах озера, разделённого огромной плотиной, по-местному - каменной дамбой. Дальняя часть камышей недоступна - надо переходить плотину, а ближние камыши вдоль берега вытаптываются скотиной.

Дамба длинная, её очень сильно оберегали от врагов и животных, особенно кабанов. Вы знаете, что там стоит круглосуточная охрана, вооруженная пиками, саблями и луками. От плотины отходило ответвление, которое становилось каналом, снабжавшее водой дальние аулы. На расстоянии двух километров от перегороженного озера было запрещено рыбачить и охотиться, загорать и отдыхать, поить и кормить животных. Для всех существовала, так называемая, запретная или охранная зона водохранилища - как раз там и растут камыши.

Волкам становилось всё труднее и труднее. К февралю стая не питалась неделями, подбирая в округе всё подряд, даже кости исчезли. Тот берег, где они обитали, выше нашего и удобен для наблюдения. Стая уже готовилась к действию, но старая самка почему-то выжидала. Со шрамом на голове, видевшая многое в своей жизни, была очень осторожна. Боялась, прежде всего, людей, от них можно все ожидать. А может быть лёд слабый, то ли погода не та или была какая-то другая причина, но в стае глухо исподволь наступала злоба. Молодые волки кидались друг на друга, открыто выражалось недовольство, но никто не мог брызнуть на самку без ущерба.

Однажды ранним февральским утром в потёмках она подняла всю стаю. На этом берегу, волки сразу делятся на две группы, и переходят по льду, след в след, напрямую на другой берег. Первая группа хищников залегает в камышах, а вторая - проходит дальше, остановившись в распадке. Припорошенные с утра снежком, они лежат крепко, не шевелясь. Таков их мир - родившись терпеливыми охотниками, до смерти останутся ими.

Стадо домашних животных - коровы, бараны и лошади - бродят по берегу, степенно перемещаясь к камышам. Терпение зверей венчается успехом. Одна из коров, как раз нашего соседа, пожилого сапожника, отбивается от стада, близко подходит к стае волков-загонщиков. Как собаки, низко опустив головы, они осторожно загоняют корову на лед. Та, не понимая, идет туда, куда гонят, как ей казалось, собаки. Только ступив на лед, чувствует животный страх, но уже поздно. Поскользнувшись, падает, но не может подняться, точнее, не дают. Всю эту картину видел хозяин с крыши своего саманного дома и тихонько про себя что-то говорит. «Кричи, не кричи, толку не будет» - подумал про себя сосед и коlobком скатывается с крыши.

Сосед вывел из сарая чёрного жеребца, кликнул моего отца и другого соседа на помощь, работающих в тот зимний, тёплый день с детьми во дворе. И тот и другой влетают в дом, хватают луки и стрелы, висевшие на стене, выхватывают из сундуков оружие и выскакивают во двор. Сапожник седлает коня, сосед толкает сзади сани, отец открывает ворота, а мелюзга, как нас ругал старый сосед, хором бросается бежать на высокий утёс.

Бежим кто в чём: кто в сапогах, кто в галошах, кто в куртке, кто в чапане-фуфайке. Время-то послевоенное - конец пятидесятых годов. Мы только-только выбирались из страшной нужды.

И тогда желание увидеть охоту, притом на глазах у всего аула, становится более весомым, чем нехватка одежды или обуви. Нас одолевает страсть увидеть это всем миром, чтобы потом с детской наивностью говорить об охотничьей удаче родителей. Оттуда, с вершины утёса, как на ладони, хорошо просматривается панорама водохранилища, откуда и мы стараемся увидеть охоту на волков. Малышам повезло: они успели увидеть танцы на льду – волков и людей на конях.

Все село знает, что сапожник – хороший охотник. Когда приезжают гости от хана, то их всегда одаривают подарком от дяди Жораса. А его заранее просят, то волка подстрелить в зарослях камышей к такому-то дню, или птиц - в зависимости от чина этого начальства. За это охотнику завозят сено или солому к дому, выделяют по его просьбе телегу или бричку. Мастеровит, покладист и уважаем в ауле сапожник: мог лошадь подковать, починить самовар, да сделать и многое другое, что необходимо в сельской жизни. Чтобы поздороваться с ним, мы издалека снимали шапки и подходили с уважением.

Шикарные седые усы, сероватые глаза с поволокой, седые волосы клочками на голове да морщины на лице говорили о трудной жизни соседа. Сабля, шлем, да защитные доспехи его деда, отца и своя да боевая секира с драгоценными камнями с той самой войны украшают настенный красноватый ковер. Сесть на коня с шиком, заноса ногу через седло, точно определяя стремена, с каким-то кавалерийским задором, являются для него чем-то обыденным и простым. Многие, даже отец Бараса, хотели бы так сделать, но мало у кого получалось. Наверно, нужно родиться воином, чтобы в тебя впиталась эта привычка через поколения. Охотник не умел ругаться или притворяться, но любил прикладываться к бузе-пиву. Это не мешало ему быть нашим любимцем, человеком, кому смотрят в глаза и верят. Видимо, прошёл через многое в жизни, чтобы любить детей, стать их кумиром.

Волки уверенно берут в кольцо домашнее животное, которое уже не может подняться на ноги. Впиваются под горло, рвут важнишие артерии. Прыгая на спину, хищники отрывают кусками мясо. Там, на льду озера семейство творит на глазах у всего аула кровавый разбой. Корова лежит на льду. Другая группа разбойников уже мчится, кувыркаясь, катится по льду на пиршество. На ходу, вырывая тёплые куски мяса, они урчат, заглатывая их, захлёбываясь свежей кровью и собственной слюной. Разбойники не торопятся, спокойно доедают остатки трапезы, хрустят хрящами, сухожилиями и костями, хватая иногда куски красного снега.

Услышав стук копыт коней, вылетевших внезапно из распадка, волки бросаются врассыпную в разные стороны. Эта тактика всегда давала стае возможность выжить. Охотники стреляют из боевых луков. Падает один волк, другой, третий. Тащит перебитый позвоночник четвёртый. Закрутился, желая, схватить свой хвост под самый корень на льду пятый зверь. То ли от неудачного поворота, то ли от спешки, черный жеребец закрутился по гладкому льду озера. Слышно издалека, как ругаются соседи. Пока люди выясняют отношения, оставшиеся в живых волки бросаются к обрывистому берегу, Они несутся вскачь по снегу под плотину в нашу сторону.

Охранник плотины, услышав крики с озера, выскакивает из домика, стреляет с плотины. Издалека видно, как стрелы крошат фонтанчиком лёд, оставляя белесые следы. После четвёртого или пятого выстрела один из волков, как-то завихляв задом, падает. А другой, последний, скрывается под нависшим берегом, в страхе не замечая, что всадники с коней на льду замечают его и направляются к плотине.

Уйти дикому зверю некуда: на плотине – охранник, а с другой стороны подъезжают люди. Влекомая жизнью, зовом звериной свободы, волчица с маху прыгает на мёрзлую стенку, падает и скребет когтями землю. Коротко тьякнув, отчаянно всплакнув, прижимается к холодному камню. Дрожа от страха, от загнанности, сразу утратив своё звериное величие, ищет в себе что-то похожее на собачье, приспособливается к данной ситуации.

Как позже рассказывал сапожник по наследству, волчица, увидев его, завилыла хвостом и стала заискивающе улыбаться, оскалив зубки. Видимо, это помесь волка с собакой, так ему почудилось тогда. Когда поднимал лук, слегка натянул тетиву со стрелой, волчица снова махнула хвостом, выметая крошки земли и снега. Ей хотелось выжить любым способом. В ней сквозила надежда остаться собакой или зверем, хотя бы в клетке, но жить, в любом случае, жить. Зубы её снова оголились в просительном, извиняющемся оскале.

А в хозяйне коровы, только что бегавшей по земле, смешались два чувства: жалость и злость. Человек-то он незлобивый, спокойный и уважительный. Даже ругая малышкой за детские проделки, всегда улыбался. С годами становился слезливым от прожитых лет и потерь, но здесь увидел другое. Лукавое собачье притворство плохо давалось беспощадному зверю.

Перед ним юлила, притворялась, лицемерила волчица, не успевшая вытереть кровавую морду о белый снег. Стрела, вылетевшая из лука, пронзила дикое животное насквозь.

Часть 5 Охота

Весна пришла не поздно и не рано, как обычно, в свой срок. После прилета грачей накатило тепло, наступило время душевной радости или как говорил дед: «Пришла пора белии - цветения природы. Посмотри вокруг, ты что-нибудь видишь? Все хотят жить, рожать, оставить свой след на земле. Глянь на плутоватую лисичку-корсак, вот бестия. Она с утра до позднего вечера охотится, таская корм в норку деточкам. А твой друг беркут, ты думаешь, он без дела охраняет небеса, у него вон на той скале гнездо и два птенца. Ты не забыл про волчат?».

Первым распустился урюк, его розоватые бутоны открывались лишь к обеду. За ней поспела и слива, сиреневатые цветки которой раскрывались, чуть ли не с самим восходом. А потом стали цвести все деревья: и боярышник, и дичка яблоня, упрямая ежевика. Белый кипень вставал над землей, серебрясь под ночной луной. Светились ущелья и горы, а над ними, отвечая весеннему часу или зову предков, сияли небесные сады, распуская цветок за цветком и роняя лишнее.

Прошла целая неделя. Из поселения пришли работники: укрепили забор кошарни, привязывая к нему колючие кустарники, поставили новые ворота. Ровными квадратными пластинами вырезали кизяк, переворачивали и сушили на солнце – топливо на зиму для пастухов. Пока ремонтировали кошары, строили новый домик из камней и впервые хозяйственные постройки для содержания скота, старик решил сходить на охоту.

Вместе с внуком затемно прошли вдоль речки вверх, подбираясь прямо к ущелью. Когда стало светло, путники достигли его каменистой середины. Охотники осторожно подходили к солевым отложениям, где часто кормились архары, спускавшиеся с вершин довольно крутых гор. Ложбина, по которой шли, закончилась широкой седловиной, продолжавшаяся между плоскими вершинами, поднимавшимися еще выше. Более опытный старик, заметив движение в россыпи обломков, прижал к себе мальчика и тихо прошептал ему на ухо:

- Погляди направо, видишь большой камень, обогни его и выйди с другой стороны. Ветер дует оттуда на нас и архаров. Выскочишь на бугорок и крикни, возьми в руки камни и стучи, только часто и быстро, они испугаются тебя и побегут на меня. Понял? Иди.

Пастушок спустился вниз по мелкой россыпи и начал подъем между камнями, взбираясь, все выше и выше. Под невысокой грядой скал на небольшой площадке отдыхало маленькое стадо архаров, голов шесть-семь. Неугомонный архаренок скакал между самками, которые не жились под теплыми лучами утреннего, еще не жаркого солнца. Только крупный самец, дежурный архар, недовольный возней малыша, поворачивал голову то в одну, то в другую сторону.

Внезапно выскочивший на камень, Барас стал кричать, свистеть и ударять в камни. Звуки сыпались на голову вскочивших животных. Самки припустили с ягнятами вниз, в сторону старика, который уже натягивал свой старый лук. Архар поднял голову и стал усиленно вдыхать воздух, подпрыгнул на месте и помчался вслед своей семейке. Мальчик увидел, как упал небольшой архар, полетело копые вслед стаду.

Пастушок, спустившись вниз, увидел на каменистой тропинке самку, лежащую на боку, вытянув ноги и запрокинув голову назад. Струйки крови бежали из уголков полуоткрытого рта, стрела попала точно в сердце, пронзив ее легкие. Мальчик, вынув обоюдоострый нож, стал снимать кожу. Немного погодя, разделанный архар был снесен к речке, куда и пришел усталый дед.

- Молодец, что освежал его. Сейчас сварим немного мяса, поедим и пойдем за вторым, он ушел далеко. Копье попало ему в живот, вот и пришлось идти за ним в гору. После обеда сходи за ишаком и возьми мешки, туши нужно увезти. Ты вернешься к вечеру, здесь мы переночуем и утром уйдем обратно, надо людей накормить свежатиной. Конечно, - отвечая на недоуменный вопрос внука, - оно сгодилось бы и для нас, но там работают люди.

До обеда старик, отрезав задние ноги, располосовал мясо на длинные полоски, отнес к солевым отложениям и закопал их в грязь.

- Дед, а зачем ты закопал мясо в грязи?

- До завтра пластинки мяса впитают горную соль, потом мы их промоем и подсушим на камнях. Правда, их надо было бы подержать еще денька два-три, но хватит и этого. Вяленое

мясо впитает в себя соли земли и будет вкусным в зимние вечера. Так делали мои предки, так будешь делать и ты, когда попробуешь сушеное на камнях и тени мяса.

Часть 6 Страх

Вечерело, солнце уходило за гору. Смолкли птицы. Мальчишка пришел в себя, испуганно вскинувшись, ему показалось, что пасет скотину, и нечаянно заснул. Неловко перекатившись, он присел, успокаиваясь. Чуть слышно шелестела молодая листва боярышника.

Рядом с ним по земле тянулась муравьиная тропа. Светлая нить набитой дорожки, а по ней живая черная прядь насекомых. Муравьи спешили друг за дружкой, одни – вверх, другие с грузом – вниз. Их беззвучное движение завораживало мальчика. Перед ним текла нескончаемо живая нить, они шли и шли безостановочно. Может, из общей колеи выскочит какой-то муравейчик, но, прошупав усиками воздух, возвращался в строй. Таинственно странная жизнь – забота, забота и забота о хлебе насущном, неустанный бег даже на исходе дня. И теплилась она рядом с пастушонком, бок о бок, словно в этом мире это были только их проблемы, остальные не в счет. И не ведают о том, что над ними склонилась другая, более сильная жизнь.

Вдруг повеяло холодком. Мальчику почудилось, что кто-то иной наблюдает за ним, точно так же, как он за муравьями. Ему стало страшно. Он явственно ощущал неведомую силу своей спиной. Хотелось вскочить, но связанные руки и ноги не дали ему сделать это. Перекатившись на спину, он увидел потухающий костер. Увидев несколько недогоревших веток, пастушонок стал телом и ногами подвигать их к огню. Потянувшийся от костра, тоненький дымок узенькой лентой стал подниматься вверх.

Слабый свет костра освещал тропинку на небольшом расстоянии от лужайки, на которой оставили крепко связанного и избитого Бараса. Постепенно глаза его освоились с темнотой и стали различать извилистую тропинку, по которой воры поднялись на склон и угнали его коня. Над мальчиком, связанным по рукам и ногам, развернулось темное звездное небо, в которое слева и справа упирались черные массы скалистых откосов. Много раз он пытался освободиться от пуг или ослабить их, стягивавших его посиневшие и онемевшие руки. Старая, но крепкая веревка, которой его дед привязывал накрепко ворота кошары, не ослабевала, и все усилия были тщетны.

Вдруг в тишине гор высоко на склоне долины раздался вой волка. Второй откликнулся на другой стороне, третий чуть слышно – выше речки. Они, почуяв легкую добычу, перекликаясь, стали спускаться вниз. Порой они замолкали и прислушивались к чуткой тишине гор. Волки вышли на тропу разбоя.

Вот уже Барасу слышен шорох в кустах то с одной, то с другой стороны поляны. Голодные звери издали высматривают через ветки утес, под которым барахтается пастушонок. Из-под нависших ветвей кустарника высунулась острая морда. Два глаза, в которых красными пятнами отражаются угли костра, уставились на мальчонку. Верхняя губа приподнялась, словно улыбаясь его бессилию, и обнажила белые острые зубы. Раскрылась пасть, зверь облизнулся длинным языком, предвкушая теплую, красную кровь. Прирав к земле, стал осторожно ползком продвигаться вперед, не спуская глаз с человека.

Пастушок закричал неистовым голосом и, извиваясь, заметался в горячке. Испуганный зверь резко отпрянул назад в кусты. Мальчик не заметил, как попал на угли костра. Остро запахло шерстью, то горела веревка, но стало больно и от ожогов. Запах гари своего тела щекочет в носу, но пастушок выдерживает мучительную боль, хотя текут слезы из глаз. Кровь приходит в движение и колет тысячами иголок. Пальцы одной руки шевелятся, он кое-как схватил уголек и приложил к веревкам, спугнувающим ноги. Маленький человек дул на тлеющую веревку, а руками искал что-нибудь покрепче и покрепче. Его руки натываются на что-то знакомое, это был брошенный или оброненный кем-то свой кинжал. Ножом он срезает остатки веревок и бросает их в тлеющий костер.

А враги уже чуяли, что жертва вот-вот ускользнет от них. Один совсем вылез из-за куста, другой появился сзади него. Только страх перед огнем и дымом удерживает их. Угли костра, поддержав усилия мальчишки, раскраснелись и вспыхнули алым огоньком. Звери и боятся, и ждут. Их глаза, уставившиеся на человека, устрашающе светятся сами по себе из темноты. Теперь при уже заметном свете костра, который усиливается на глазах, показывает, что им будет трудно справиться с ним.

Ноги у Бараса еще плохо слушались, но руки сновали вокруг костра, подбирая и закидывая в огонь мелкие не догоревшие остатки прутьев, кизяка, травы и листьев. Нагнувшись совсем

близко к костеру, он осторожно раздувает угольки, одновременно подбрасывая найденное. Вспыхнул и затрещал огонек. Мальчик оглянулся вбок – волки отползли в недоумении к кустам. В это время он нашаривает рукой камень, и швыряет его в куст, где светились две пары глаз. Раздался жалобный крик, хриплый кашляющий вой, треск веток. Глаза исчезли, но звери, выжидавая, притаились среди камней.

Пастушонок на коленях подползает к утесу, собирает крупные ветки, перекидывает их к костру, режет ножом ветки и толстые сучья. Огонь жадно лижет их красноватым языком, набирает силу, а мальчик, схватив пылающий сук, бросает в кусты, где притаились волки. Пылает новый костер, скручиваются зеленые листья, вспыхивает сухая трава, снопы искр золотистым дождем взлетают в небо. Еще один пылающий сук летит в противоположную сторону от поляны, там загорается новый костер. Перепуганные звери отбегают далеко, часто оглядываясь назад.

Мальчишка отполз к речке, долго пил. Решив, что этого мало, лезет в речку, моется и освежает обожженную руку. Прихрамывая, возвращается обратно с охапкой хвороста, подбрасывает малую толику в костер и присаживается, прислоняясь спиной к теплому камню. Издалека послышался человеческий крик, другой, но больше он ничего не слышал. Барас уже спал, крепко уверившись в мыслях, что за ним уже идет его дед.

Его схватили два неизвестных человека поздним вечером, когда он, загнав отару в кошары и привязав коня, усталый возвращался в домик. Крепко опутав волосяными арканами-веревками, они увели жеребца-двухлетку, а пастушка, забрав с собой, бросили по дороге, не взяв на свою душу грех. Они и так знали, что ночью он не выживет. Волки оставляют от людей только кисти рук и ног, все остальное перемалывают и съедают. Воры просто отсрочили смерть, но она обошла Бараса стороной.

Мальчик знал, что конь рано или поздно вернется к нему обратно. Поэтому старик и его внук не уходили далеко от этих мест, пасли отару овец вдоль всей поймы реки, перебираясь к горам, спускаясь в лошины и овраги. Пожилой человек знал, что эта местность изобилует волками, спускающимися из ущелий в долину. Днем они отлеживались под боярышником в прохладе горной речки и следили за перемещениями одной и той же отары овец. Точно так же поступили и воры, отслеживая коня, отару овец, дождавшись отъезда старика и схватив пронырливого внука.

Часть 7 Атака

Все предгорья Алатау были залиты полуденным солнцем. Холмы, поросшие густой травой, которая перекачивалась под порывами ветра, напоминали зеленое море. По всему своему виду, длине и высоте волн, они походили одна на другую, что от бесконечного волнения ходила кругом голова. Сколько хватает глаз – волнистые горки, одна другой красивее.

Казалось, будто живые существа в этом зеленом море утонули или вообще не водятся. Лишь высоко в небе плавно кружит беркут. Нежели только он и является представителем живой природы? А вот и нет. Послышалось всхрапывание лошади, из-за горы появляется голова мальчика, а потом и конь, на котором он сидел в полоборота.

Не худой и не толстый, не слишком большой и не маленький, скорее всего крепкого телосложения для своих семи лет, которое вырабатывается особым способом: под жарким солнцем степи, холодным дождем гор, хождением босиком по камням и колючкам.

Лицо мальчика простоватое, но чувствуется хитринка, которая воспитывается стариком, который появляется точно также из-за горы, только на оседланном белом ишаке. Животное обыкновенное, но для горных дорог самое подходящее. Отпустил поводья и терпеливо жди, она вынесет или выведет тебя к ближайшему очагу или жилию.

- Садись на этот камень, внук. Попей чая. Настало время полдничать – даже великие люди не отказывают себе хорошо пообедать и запить шербетом, а может и розовой водичкой для улучшения пищеварения. А у нас утром чай, вечером – чай, в обед – тоже чай, немного лепешек да вяленого мяса. Хорошо, если ты поймаешь несколько рыбешек, для меня их мягкое и нежное мясо зубам приятно и желудок не болит.

- Деда, ты сегодня чего-то разговорился, вместо того, чтобы ехать домой за припасами, – перебил его внук.

- Сегодня придет к вечеру твой отец, проверит состояние кошары и привезет нам еду. Но я не об этом. Послушай меня, это было лет десять назад, когда тебя ещё не было.

Наша земля, на которой мы живём, является особенной. Обрати внимание на горные хребты, откуда текут речки с чистой водой. Скупаешься в ней, словно становишься молодым: кожа становится упругой, разглаживаются морщины и исчезают болезни кожи. Посмотри на скалы, утром и вечером они переливаются всеми цветами радуги, отражаясь на солнце. А предгорья обрываются страшными ущельями, глядя в которые человеку становится страшно. Стены каньона настолько круты, что далеко не каждый человек может, подойдя к его краю, заглянуть вниз, увидеть белую воду и не испытать головокружения. Сверху, а это ты знаешь сам, речка кажется тонкой ниточкой. В горах можно найти прямой путь, но люди робкого десятка избегают этих мест и стараются обойти их стороной.

Вон на той стороне ущелья стоит аул, в котором живут казахи нашего племени, но не рода. Селение состоит из нескольких десятков глинобитных домиков, которое притулилось на высоком пригорке, на берегу одноимённой речки. Жители этого маленького поселения, провожая каждое утро, встречают вечером стадо коров и отары овец у околицы. Здесь же родители провожают сыновей на войну, расстаются с детьми, уезжавшими работать на бая и служить в его доме. Дорога вьётся вдоль косогора, спускается мимо глинобитных домов к кошарам. Дальше она спускается в низину, плутает среди каменных глыб вдоль речки, проходит через старый мост и, петляя, поднимается на горку.

В тот вечер над водой уже клубился лёгкий вечерний туман. Склонились вербы к закату и замерли над водой. Возле речки стоит маленькая мельница, что крутит свои ненасытные жернова, перемалывая зерно на муку. Мило и тихо вокруг, лишь детские голоса раздаются среди мирного наступающего вечера.

Вечерний пейзаж прекрасен. Клен у арыка в преддверии ночи очарованно плачет, провожая день. Заходящее солнце кутается в облаках, набрасывая их, как шаль, то на одно плечо, то на другое, прикрывая ей своё круглое лицо. Прохладный воздух низины обдувает усталое от дневной жары тело сельчан и играет платочками на голове женщин, желтоватой травкой и листочками деревьев.

Люди, собравшиеся перед подъёмом, ждут стадо коров и отары овец. Сюда выходят посплетничать местные бабки, показать свои наряды красавицы, собирается молодёжь и, как обычно, резвится босоногая ребянтя, пока не имеющая ни проблем, ни забот. Вечер расслабляет и настраивает на лирический лад жителей аула. Женщины стоят группами, бойко пересказывая анекдоты местного значения про хромого Кожамету и его старушку, а малыши валяются на зеленоватом ещё горячем пригорке. Приходят с поля мужчины, и дети - свои и соседские - гроздьями висят на них.

Вдруг раздаётся громкий возглас: «Смотрите, смотрите!». Сосед, обнимая дочку, показывает в сторону моста. Все, кто обернулся и увидел эту картину, ужаснулись от увиденного. На стадо, усталое и спешившее домой к стойлу, спускавшееся к речке с той стороны, недалеко от моста, напали волки. Пробравшись по распадку где-то метрах в ста пятидесяти от речки, нагло и уверенно бросаются на отару овец, отставшего от основного стада коров. Почувявшие хищников, бараны кинулись вслед стаду на мост, но не смогли уместиться на нем и стали падать в бешено мчавшуюся воду.

Дикие звери делали дело молча. Бросались группой и по одиночке на беззащитных домашних животных. Стая резала скот налево и направо. Сразу погибает десять баранов и пастух Кожамет, которому выпала очередь пасти стадо в тот день. Волчица, напав на него сзади, уложила на землю и вспарывает клыками ему горло. Кроме палочки, которой подгонял баранов и отставших коров, старик ничего не имел. Основное стадо коров и отары овец, так и переходит мост, не зная, что творится сзади. Мост звери не стали переходить, свирепствуя над убитыми животными на глазах у всей деревни.

Пастуха, упавшего в агонии в ямку под камнем, почему-то звери не тронули. Люди долго стояли на пригорке под впечатлением происходящего. Женщин и детей под охраной мужчин уводят домой. Только после этого, схватив копыя и луки со стрелами, родители отправляются на реку. Уже стало смеркаться. Поздним вечером, увидев вооружённых людей, стая встала, глядяваясь в людей, потом направилась по оврагу вниз, скрывшись среди скал.

Староста аула послал гонцов к нам и другим аулам, сообщил о происшедшем баю и собрал сходку. Там было принято решение устроить облаву и покончить со стаей, бесправно вершившей свои дела. Подождали высокое начальство, с которым приехало множество людей и снасти для охоты. Местные охотники уже сходили на разведку, чтобы выснить, где находится стая, и не ушла ли она на другую территорию. На сей раз, были приняты самые серьёзные меры.

Всю долину реки обложили красными флажками и выставили дозоры. Загонщики делали своё дело. Кое-где в труднодоступных местах подожгли камыши. Уже в самом начале охоты опытная волчица с перерывом успела перескочить через флажки, ушли оврагами в другое горное ущелье. Правда и на ней осталась память о той охоте, шрам от стрелы на голове. Остальные не смогли выйти из капкана, попав под дубинки, копыта и стрелы. Убито пятнадцать волков, среди них оказались одичавшие, полюбившие разбойное дело, собаки. Я говорю это к тому, что среди волков иногда бывают и одичавшие собаки. Бывшие домашние помощники намного умнее зверей, не боятся людей, когда нужно выжить превращаются опять в собак. Об этом тебе надо помнить всегда».

Часть 8 Самоцветы.

День незаметно перетекал в вечер, и небо, расцвеченное золотыми и серебристыми полосками заката, посылало Барасу и его деду свой последний привет. Они ежедневно прогоняли скот по пологим склонам предгорий, загоня под вечер во временные кошары овец и всякую живность. Это были немалые километры, особенно, если на пути вставали глубокие овраги, крутые ущелья, где ничего не растёт, то приходилось перегонять домашних животных в обход. Так было и на этот раз: берега речки Машат были покрыты лесом: на склонах ущелья росли дикие яблони, вишней, боярышник, виноград, переплетенных внизу колючими зарослями ежевики и малины. Трава в этот год была по пояс, что продираться через неё напрямую не было возможности, приходилось идти в холодной горной воде по колено.

Едва успели разжечь костёр, как со стороны обрывистого ущелья раздался окрик. Дед Бараса вытянулся, осторожно приподнялся, осмотрелся, залез на камень и отрывисто резко крикнул. Спустя три минуты появилась голова ослика, за ним, держась за его хвост, тащился из последних сил старый мужчина в тубетейке и разноцветном халатике, рваных штанах. В темноте Барас не обратил внимания на его ноги, но, когда гость протянул их к огню, то пастушок остолбенел. Вместо кожи, там висели гноящиеся стружья, кое-как завернутые в остатки кожи.

Сумку, которую он нёс на себе, подложил под себя, а ночью – под голову. Дед Бараса привычным движением глаз ухватил его весомость, а при перекладывании - перестуки камней. Ночь прошла в относительном спокойствии. Волки не тревожили, возможно, пристраивались к временным кошарам, но они, скрепленные колючими зарослями, оставались пока недоступными.

Утром дед разбудил внука:

- ты, внучок, погони на пастбища овец и остальных животных, а я останусь со стариком. У него ночью появился жар, он начал бредить.

- дед, а он не заразный? Смотри у него на теле много гниющих язв.

- ты иди, занимайся своим делом. Скоро приедет твой отец, будет большой скандал. Ты же знаешь, что он иногда находится рядом с нами.

- ты прав, дед. Лучше я погону стадо и отары, чем терпеть его злое лицо.

К обеду на перевальном седле появился всадник, что-то крича мальчику. Подскакавший охранник отца, еле переводя дыхание, выпалил мальчику:

- тебя срочно зовут дед и отец. Вот лошадь, садись и мчись со всех сил, не жалея её, так сказал дед.

Ещё сидя на лошади, Барас вспомнил, что в горах иногда появляются люди, которые хорошо разбираются в камнях, ищут серебро, золото и другие металлы. Подскакав к костру, пастушок соскочил с лошади и бросился к деду, который держал на коленях шуплую фигуру вчерашнего старика.

- наклонись к нему, он что-то хочет сказать тебе и никому больше. Не бойся, пригнись, прижмись ухом к его губам, он уже умирает.

- запомни, - услышал мальчик, - есть дорога снежных баранов через два ущелья. Там есть камни ...

- он сказал, что есть какие-то камни на тропе козерогов ...

- это, наверно, вот эти камни, он просил их отдать тебе. Бери и береги их – это полудрагоценные камни.

Дед протянул ему два куса камня: кристалл синеватого цвета с белыми прожилками, другой – кристалл горного хрусталя. Лучи солнечного света, попадая на минералы, вспыхивали красными, фиолетовыми и синеватыми искрами.

Отец протянул руки и забрал кристаллы, поднял их высоко над собой. Огненный сегмент парящего солнца, казалось, плавил снега на вершинах Алатау, а в кристаллах бушевала волшебная феерия сказочных отсветов.

На тропу козерогов Барас попал десять дней спустя, когда бабушка и мать решили провести внука и сына, проверить положение дел в отаре. Они собрали полаула женщин и детей, перевезли к подножью ущелья. Дед, не выносивший шума, дёрнув за рукав внука, кивнул ему головой. Мальчик, быстро подскочив к телеге-арбе бабки, забрал готовый коржун и помчался за стариком, ослик которого уже пылил по тропинке в горы. Не прошло и полудня, как рядом с их шалашиком, появились новые, а ущелье загудело, запело голосами детей, визгом женщин, лаем собак.

Ранним утром, когда все спали Барас и дед уже были на козьей тропе. На фоне восходящего солнца по самому краю гребня скал прошли горные бараны. Впереди всех легко ступал увитый огромными рогами вожак. Он остановился, оглядел людей и скачками ушёл на каменные осыпи. Вечером, когда стало темнеть, мимо них промчались четыре великолепных снежных барана с густой короткой серебристо-серой шерстью. За ними, чуть отстав, потянулись молодые самки, отдылавшие в грязевых ваннах. Они поднялись с теплого кисло-серого источника, расположенного под высокой скалой.

Проснувшись поздно, Барас, осмотревшись, не нашёл деда. Поднявшись на камень, он услышал недалёкое бляние, призывавшего собратьев двигаться к нему. Самец-вожак стоял неподдалёку за огромным камнем. Услышав шум его шагов, баран тут же унёсся по склону вниз, уводя за собой всё стадо.

- Поторопился, пастушок, надо было подниматься осторожно. Оглядишься по сторонам, что видишь? Правильно, это следы старика. Возможно, человек хотел подлечиться на грязях, но заразился или отравился. Увидев вдалеке огонёк, он вышел к нам, чтобы мы его похоронили по-человечески. Посмотри, вон там поисковик копался в земле, перевернув несколько камней. А эти камни лежат неправильно, видишь. Их сюда перенесли и прикрыли очень интересное. Давай откинем аккуратно в сторону: вот это да!

Прямо под ногами у них лежала аметистово-кварцевая жила, отражавшаяся на солнце сполохами отраженного света. Она тянулась вниз, ускользя от людей и появляясь в глубоких расщелинах, где в корытцеобразных углублениях можно было найти чудесные минералы.

Часть 9 Нападение

Сильный весенний ветер, какой обычно бывает перед грозой, свирепствовал в степи над выжженной дневным зноем высокой травой в быстро спускающихся сумерках. Он где-то с треском разбивался о скалы, чьи темные силуэты с белыми верхушками изредка высвечивались появлявшейся из-за туч луной, создавая невообразимый шум. Давно ожидаемая гроза, наконец, разразилась над истомленной мучительной жарой местностью.

Возле одного из небольших шалашей, какие мастерят на скорую руку пастухи для защиты от палящих лучей солнца, стоял старик, закутанный в длинный разноцветный халат. Низко надвинув на глаза тюрбетейку, он пристально во что-то всматривался. Нижняя часть его лица пряталась в редкой белой бороде, но пляшущие лунные тени делали почти неразличимыми бледные, искаженные страхом черты. Крепкая рука в нетерпении мяла на груди халат, с дрожащих губ срывались слова:

- Чтобы черт его побрал! Его отец шкуру спустит с меня, притом живого! Этого маленького негодяя нигде не видно. Он должен быть ждать меня тут, у шалаша, как только начнется смеркаться.

Первые крупные капли дождя с шумом падали на землю. Вдали слышались гулкие раскаты грома. Одинок стоявший человек с проворностью кошки залез под низкую травяную крышу и злобно чертыхнулся. Наклонившись до земли, приложив ухо к земле, прислушался и почти ясно расслышал топот приближавшей лошади. Это, несомненно, он – никто другой не умел ездить на коне. Только его внук сумел приручить маленького жеребенка, найденного с поломанной ногой в одной из лощин, потерявшегося или отбившегося от табуна, и ездить на его голой спине.

- Барас, это ты? – настороженный старик, приготовив копьё в правой руке.

- Точно так, дедушка. Хорошо, что вы тут, а то мне как-то жутко.

- Ты, где это был? Стоило ли меня так пугать?

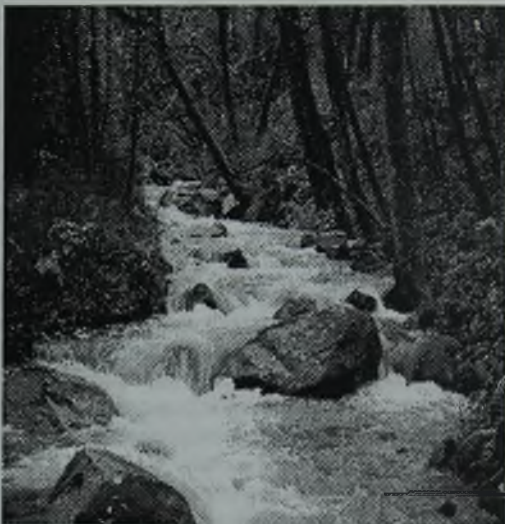
- Дед, я увидел коня еще утром. Он стоял на пригорке и смотрел на меня. Как только начал кричать и звать его к себе, увидел, что он хромает. Побежал к нему, а на ногах раны и уже завелись черви. Я соскребу их, и повел его в горы к солевым грязям. Намазал грязью всего коня, ближе к вечеру повел его купаться. Пришлось идти пешком, конь был совсем уставший. Сейчас отходит, стал поднимать голову, раны стали затягиваться. Деда, надо срочно уходить, я видел несколько волков, они шли за нами.

- Не торопись, посмотри вниз, идет сильная гроза.

Дождь шел все сильнее. Удары грома тысячью глухих отголосков отдавались в далеких скалах. Старик и его внук вползли в свое укрытие, стараясь хоть как-то переждать непогоду. Ветер по-прежнему выл в степи, и между скалами еще гремели раскаты, будто гроза вновь возвращалась; крупные капли дождя тяжело падали на мокрых людей. Вода, заполонив овраги, хлынула на волю, туда, где в темной дали, пестрела лента реки.

Более трех часов они пролежали в забытьи неподвижно, пока не всхрапнула лошадь. Проверив на поясе острый кинжал, Барас вылез из укрытия, огляделся. В ясном небе робко появлялись звездочки, а затем его усеяли созвездия. Мальчик, быстро разбросав землю, достал из ямки, ранее заготовленной кизяк, траву и несколько прутьев. Увидев старания пастушка, его дед, кряхтя, выполз на простор и, выдернув вату из подклада, заработал кресалом. Дым не стал подниматься вверх, он тихонько сползал в овраги, стекая в ямки, заполняя низины. Вдруг огонек ожил, стал ярче, подсвечивая нескладные фигуры людей.

Из-за гор уже поднималась луна, затопляя землю золотистым сиянием, и в этом сиянии овраги наполнились серовато-черными тенями, которые не двигались и издавали никаких звуков. Быстро собранный сыроватый кизяк начал опять дымить, хотя огонь его обнимал, согревал, накалял докрасна. Конь снова всхрапнул, предупреждая людей об опасности. Пастух потянулся за копьем, размышляя о бренности мира. Рука медленно скользнула в бок и схватила карагачевое древко. Пастушок подкинул в огонь мокрое дерево, которое стало дымить.

Со стороны степи начали светиться огоньки, исчезая и появляясь вновь. Старик стал разваливать шалаш, засыпая землю подсохшей травой, чтобы уверенно стоять на ногах на скользкой от дождя земле. Слегка повернув голову, он увидел, как его внук взял в руки нож и перерезал веревочные поводья коня. Вспушив огонь, мальчик дул на огонь, взметая искры в разные стороны.

Стая волков медленно окружала пастухов. Поблескивая отражением огня, их глаза следили за людьми и конем, который прижимался к ним. Ночь благоухала, ни шума, ни криков. Остановившись на расстоянии десяти метров, дикие звери опустили на задние ноги. Поблескивавший на огне широкое лезвие копья и тонкий серп кинжала, людей вставших спиной к спине, на непугливую лошадь, чем-то отпугивал их. Старик, резко покачнувшись, со всей силы ударил коня древком копья, который от боли, сделал скачок, другой и, прорвавшись от опешивших волков, исчез в темноте. Большая часть зверей кинулась за ним. Оставшиеся, распределившись, стали потихоньку сжимать круг.

Подброшенные Барасом остатки топлива ярко вспыхнули, и стало видно шагов на двадцать, и вовремя. Серая тень бросилась на старика, но он не растерявшись, подхватил копьем прыгающего зверя и перекинул через себя. Над их головами раздался вой, перешедший в кашляющий звук. Мальчик, держа в руках пылающий сук, прикрывал спину деда. Обожженный им другой волк, перескочивший в отчаянии голода через костер, резко отпрыгнул в сторону. Почувствовав запах паленого волка, остальные стали уходить в темноту. Еще долго блестели огоньками костра глаза зверей, но близко подходить они боялись.

Старик, проглотив слюну жалости, погладил внука по головке, потрепал по спине и поставил чайник к костру. Совершенно обессиленный Барас таращил глаза, засыпая на ходу. Мальчик прилег у костра: в языках пламени, в жарких углях кизяка ему виделось золотое

озеро в окружении неведомых красноватых деревьев. Над огнем, наклоняясь к нему, сидел полураздетый дед, палкой почесывая спину, рассказывал ему, как ездил на север через пески в поисках баранов и коней. А за его спиной поднимались сказочные рыбы и улетали в далекие края.

Это был сон, золотой сон, который приходит лишь раз в жизни, когда забудешься, вскинешь руки во сне, и тебя поднимает над землей. Сначала кружишь над землей осторожно и низко, потом, осмелев, поднимаешься высоко, набирая скорость. Вперед, вперед, а там внизу остаются золотое озеро и лента речки, золотой огонек костра, а рядом с ним что-то бормоча, сидит человек, склонившийся над чайником, усыпляя кого-то и затихая сам.

А с востока медленно разливался восход, щекоча своими алыми блестками натруженные нервы старика. По его лицу и бороде текли слезы от пережитой ночи, но он их не скрывал, ибо единственный свидетель уже спал. Пожилой человек погладил свое копьё, бросил щепотку плиточного чая в кипящую воду. Снял курган с костра, налил в пищалку чай, стал медленно пить, наслаждаясь ароматом ночных запахов и растягивая удовольствие. В затухающий костер он бросил оставшийся кизяк. Вспыхнувшее пламя раздробилось, потянуло дымком, но огонь стал набирать силу, раздвигая зыбкий рассвет погожей ночи. Поднявшись, начал свежевать волков, ему нужна была только их шкура.

Часть 10 Волчата

Конь уверенно шел по карнизу ущелья по извилистой тропинке, а Барса, рассматривая скалистые уступы, искал орлиное гнездо. Вскоре конь встал, тропинка исчезла, она прервалась от землетрясения. Сейчас разрыв составлял два метра, поэтому мальчик походил по краю нового обрыва, засомневался, что конь перепрыгнет это расстояние. Оставив его, перебрался на другую сторону оврага и стал подниматься выше. Вскоре заметил, как с высокого каменистого обрыва с клекотом сорвалась крупная птица и стала набирать высоту. Острое зрение помогло увидеть на небольшой скальной площадке двух белых птенцов, которые, вытягивая шею, играли друг с другом.

День выдался жарким, безоблачным. Для него пели жаворонки, взлетая из-под ног в поднебесье и падая вниз. Скрытная кукушка тихим ныряющим лётom подбиралась близко, усаживаясь на боярышник, долго считала его прожитые дни. Важный угод, перестав пугать кекликов, забирался на высокий камень, хвалясь перед мальчиком, распускал нарядный гребень. Над ним целый день светилась Пастушья звезда, никому кроме него и деда невидимая. Она стояла над душистыми логами и песчаными пустошами, зеленоватой степью и голубоватыми предгорьями, где в жаркий полдень томит и пьянит голову духмяный мак, ветерок гонит в ущелье крепкий чабрецовый настой, а над пологими холмами гуляет и студит тело горький полынный ветер.

Пастушок мечтал, как и дальний его родственник, гостивший три дня у деда, занять птенца беркута, воспитать его и выезжать поохотиться на лисиц. В те времена это занятие позволяли себе только богатые люди. Поэтому, отпросившись у старика ранним утром, он ловко вскачил на коня, а через минуту петлял по оврагам и холмам предгорий. Черная туча райских мухоловок шумно пронеслась над ним, сделал круг, опустились на отару овец. Они прилетели на легкий корм: из-под ног скотины взлетали кузнечики, крутились мухи, редкие оводы да выклевывали из шерсти разные гадости.

Оглянувшись на предгорную долину, пастушонок обомлел: перед его взором распростёрлось каменистое ущелье, а за ним долина реки, чуть ниже, лежала обморочно-тихая степь. Причудливо выветренные скалы, оторвавшиеся от них и застывшие камни, тут любой человек чувствует себя среди них маленьким и несчастным. Лишь небольшая птица кружит над лентой речки, да где-то тренькает жаворонок - и все. Глухо, пустынно, кучку овец, что забралась на холм, пастушья собака упрямо сгоняет вниз.

Внимательно рассмотрев скалы, Барас понял, что подняться здесь не сможет, подался дальше в ущелье в надежде отыскать путь на вершину. В конце обессиленный мальчишка добрался до водопада. Вода, толстой струей, вырывалась из большой каменной трубы, низвергаясь на каменное ложе, превращалась в белую жидкость. Чуть ниже крутили водовороты, которых мальчик не боялся. Он умел подныривать под них и выныривать из воды с другой стороны. Осторожно поднимаясь по каменной осыпи, заметил, как горный орел, почти зависая на одном месте, кружит на воздушных потоках. «Что-то нашел, поэтому стал кружиться», - мелькнуло в его голове. Поднявшись на двести метров, он уперся в прямо

стенные скалы и понял, что здесь для спуска нужны веревки. Без них можно сорваться в полет, но только другой.

Посидев на холодном пронизывающем ветерке, что перетекал из одного ущелья в другой, перекусив лепешкой, стал спускаться к водопаду. Добравшись до осыпи мелких камней, не увидев орла в воздухе, огляделся. Улегшись на теплый песчаник, стал ждать его появления. Пришлось ждать недолго. Коршун тяжело взлетал, бросившись с обрыва вниз. Под ним что-то висело. Присмотревшись, мальчик увидел, что в его крепких когтях висит мертвый лисенок или маленький волчонок. Разобравшись с воздушными потоками в ущелье, птица стала описывать большие круги, поднимаясь, все выше и выше. Приподнявшись к гнезду, широко раскрыл крылья и спланировал на площадку. Теперь мальчику было видно, как кормит небесный властелин своих птенцов. Отрывая мясо, он бросал каждому по очереди куски мяса. Малыши барахтались, отрывая друг от друга угощение, толкали друг друга в гнезде.

Вдруг до ушей Бараса донесся далекое тьякание щенка. Он был таким слабеньким, что только детский слух мог различить среди беснующегося ветерка среди камней. Мальчик вздрогнул, вспомнив слова деда о щенках волчицы. Обратив внимание на орла, он заметил, как тот, вытягивая шею, уставился в низину. Переведя взгляд в понизовье, снова услышал визг малыша-волчонка. Быстро усевшись на плоский камень, он, как на санях, скатился вниз, заметив при этом, что и орел сорвался в полет.

Пастушок бросился бежать со всех сил вниз по извилистой тропинке, прося кого-то помочь, чтобы успеть к цели. Мельком глянув наверх, увидел орла, готовившегося к броску. Откуда взялись силы крикнуть на ходу, позже мальчик так и не вспомнил, но успел испугать орла, который принялся опять кружить над камнями. Остановившись, переводя дыхание, услышал, как в глубокой яме под большим утесом визжит маленький волчонок, ему вторил другой, хотя пещера находилась на приличном расстоянии. Разобравшись со скалами, Барас стал прыгать с камня на камень, спускаясь среди колючек ежевики вниз. На царапины не обращал внимания, пока не увидел двух волчат, неведомым образом, оказавшихся на дне вымолны.

Малыши уже были зрячими. Один волчонок укусил за палец, другой забился от страха под камень. Мальчик, усмехнувшись, и крикнув, как дед, разжевал кусочек лепешки и стал засовывать каждому в рот кашу. Прятавшийся не стал сопротивляться, проглотил сразу, а второй, что злее и посильнее, долго сопротивлялся, но, в конце концов, сдался и он. От них сильно воняло, но пастушок, словно не замечал этого. Он был поглощен тем, как унести их домой, к шалашу. Как только выбрался из каменного мешка, обратил внимание на беркута. Тот, видимо, был зол на мальчишку, выражая это своим криком. Звуки падали на него сверху, многократно отражаясь от скал.

Конь, увидев мальчишку, обрадовано фыркнул, но, почуяв волчат, стал нервничать. Пастушок вытащил щенка и сунул ему под нос. Конь вскинул голову, стал топтаться на месте. Дед уже стоял на вершине холма в свете ниспадающего дня. Увидев внука, он помахал рукой и стал подогрывать ужин.

Стало темнеть. Земная зелень, небесная голубизна, водная синь выцветали, только на западе еще играли сполохи красно-розового заката, обращаясь в дымчатый сумрак. Вдали по небу что-то полоснуло, словно кто-то чиркнул кремнием по кресалу. Снова вспыхнуло и погасло, а за ней пришла и темень. Какая-то птичка чиркнула в кустах, отсчитывая время вечернее, может, и ночное до завтрашнего утра. Через три дня отец Бараса прислал замену деду и его внуку - он вызывал их домой навсегда.

Часть 11 Кокпар

Отец послал Бараса в соседний казахский аул, который находится в низовье ущелья, к дальнему родственнику. В ту пору было обязательным посылать внука в гости от имени и по их поручению: проведать его, передать свежее мясо и муку, на словах пожелания, задать некоторые вопросы, расспросить о житие-бытие и вернуться домой с ответами. Звание первого внука обязывало, а старикам хотелось показать всему миру, мол, вот и у нас есть внук. Посылали часто и к другим различным родственникам в соседние аулы: передать привет, пригласить в гости или наоборот, расспросить или сообщить. Близо - на ишаке, далеко - на коне, с поручениями от дедушки или бабушки.

Отец и дед в этот день собрались на кокпар-козлодрание - праздник, на который собираются все видные люди из нашего округа и даже издалека. Дед сидел на чёрном жеребце, который так и гарцевал под ним, выплясывая свой невообразимый танец, нечто чарующее, завораживающее

любого человека. Конь иссиня-чёрный, имел на лбу белое пятнышко, похожее на многоконечную звезду и белые чулки до колен. На него никто не мог сесть, только брат его Абилюхан мог напоить и накормить, да дед мог поухаживать за ним, поскрести скребком.

Сколько молодых мужчин старалось его оседлать, а их попытки сесть на него кончались неудачей. Отец боялся к нему подойти ближе, чем на пять метров. Когда-то его маленького он ударил палкой, жеребёнок запомнил это навсегда. Если подходил дед, то жеребец спокойно давал себя оседлать и надеть уздечку. Как только старик садился на него, так начинался заразительный танец коня.

В движении никому не уступал первенства. Всё время вырывался вперед, слушаясь поводов и шенкелей. Отец, хоть и большой человек по меркам аула, но боявшийся лошадей, сидел на смиренной лошади и всегда терялся в толпе всадников. Его нужно было искать где-то сзади. Чаше всего он исчезал, уезжая совсем от скачек. Дед прятал свою ухмылку в длинной седой бороде, говоря: «Что сделаешь, он хороший управитель, нежели казах».

В тот день в соседний аул отправлялся дальний знакомый деда, который клятвенно обещал доставить его внука обратно к порогу отцовского дома. Заверяя их, сидевших на осёдланных конях, случайный попутчик назначил время и место встречи с ним, пообещал ждать. За это отец сунул ему в карман, нечто похожее на фляжку с местной самогонкой.

Солнечное утро, искрящийся снег, редкий туман и далеко белеющие горы Алатау. Знакомый деда стал часто прикладываться к фляжке из тыквы, делая вид, что отстаёт из-за нерасторопливой лошади. Все были возбуждены, веселы от предстоящих скачек и постоянно шутили по поводу содержимого фляжки: «Эй, Даутбек, что ты налил в бутылку? Смотри, опять присосался! Так он не только твоего сына потеряет, но и сам домой не приедет. Зря ты это сделал, призови его к порядку». Как только вся эта масса людей на конях выехала на плоскогорье Тастак, присоединяются сотни всадников, приветствуя деда, как мирового судью на кокпар-козлодрании. Он вместе с группой аксакалов проезжает мимо них, приветствуя поднятой рукой с очень красивой и дорогой камчой-плёткой.

Тогда это было шиком, верхом совершенства - иметь красивую камчу, удобное седло, уздечку и затейливые стремена, отделанное серебром. По возможности лошадь накрывали легкой материей (желательно, красного цвета из бархата). Уздечка покрывалась накладными пластинами с серебристой насечкой, а на шее заплетали тугие косички, вставляя звоночки. Коню всегда завязывали в тугой узел хвост, чтобы не мог им во время движения ударить кого-то. А такие случаи бывали, когда в скачках от удара хвоста всадники теряли зрение и падают с лошади. Забивали в копыта подковы, чтобы кони не скользили на льду, увереннее держались во время резких поворотов. Отдельным коням на ноги одевали для красоты специальные чулки. Для некоторых героев конных скачек родственники или друзья вели за собой по два или три осёдланных коня.

Для степняка нет ничего важнее конских скачек и состязаний, которые проводят богатые люди весной или осенью, летом или зимой по знаменательным датам. Это может быть

рождение сына или внука, поминки или свадьбы, приезд знаменитых людей или любое видное событие. Вся степная политика жидется порой на них, малейшее отклонение от правил имело впоследствии свой глубокий след. Годами потом обсуждаются или пересказываются те или иные перипетии скачек, высказываются предположения на будущее. Знаменитых коней и батыров знала вся степь, при виде их пожилые люди вставали с места, уступали лучшие места, оказывая знаки внимания. Лучшим конем являлся тот, которому исполняется семь лет: у него отрастает хвост и грива, становится наиболее выносливым и резвым.

Родственник и батыр дядя Шымырбай, мог на спор за один присест мог съесть одного барана, запивая самогонкой или выпить три десятилитровых самовара чая – Барас сам кипятил ему воду. Когда на спор, переев мяса, чтобы переварить, он ложился в арык с водой, а сверху стекал с него жир. Масса его где-то килограммов сто пятьдесят, ни одна лошадь не выдерживала этого всадника больше одного круга - ему на ходу меняли лошадей. Ударом кулака мог убить лошадь или корову, а на скачках заслуженно получил звание палвана-богатыря.

На козлодрании батыру необходимо удержать тушу козла под стременами и довести до условленного места, не обращая внимания, что со всех сторон мчатся другие команды в количестве десяти или пятнадцати всадников каждая, применяя разные, порой очень жёсткие, приёмы.

Все собираются в большой круг, где батыр одной команды должен с коня на ходу поднять пятидесятикилограммовую тушу козла с земли, только что бегавшего живым. Над неудачником потом долго шутили, придумывая каверзные вопросы. Глава команды сразу ставил своих людей в особое положение, которое потом позже оглашали старейшины скачек. Поднявший козла с земли имел право пройти один круг без борьбы, а потом прорваться через плотный строй всадников. Вот тогда эта масса коней и людей, визжа, крича от адреналина и боли на разный лад, приходит в движение.

Храпят лошади, булькают их селезёнки, от боли выполняя любую прихоть человека, который уздечкой разрывает губы или стременами врезаются в тело. От столкновений никто не застрахован, от ударов падали и лошади, и люди. Конечно, прорываться легче там, где находится своя команда, но противники не дремлют, быстро догоняя на конях всадника с козлом и стараясь на ходу у него его отобрать. Одна часть команды плотным кольцом окружает своего всадника с козлом и не дает возможности отобрать тушу другим, а, если это и случается, то чужого всадника старается окружить вторая часть команды и не выпускает его из кольца, заставляя уменьшить скорость.

Вот тогда и начинается борьба: в ход шли и руки, и камча, и ноги. Всадникам нужно овладеть козлом. Десятки и более лошадей толкают друг друга, люди не могут поднять его с земли, вынести из этой толпы и донести до назначенного места. В этой круговерти надо иметь огромное мужество наклониться до земли, схватить руками тушу и смелость поднять его на уровень седла. Тот, кто упал с коня или встал на землю ногами, выбывал из игры, служа объектом для последующего зубоскаления остряков местного значения.

Тем и отличаются палваны-богатыри, что, подхватывая козла, успевают выскочить из этого адова круга. Самым смелым, даже и не победившим, в знак уважения, накидывают дорогой чапан-верховку. Стук подкованных копыт, страшные крики возбуждённых людей, одна цель, одна идея, на карту скачек поставлена даже жизнь. Бывало, когда на полном скаку падала лошадь, а вместе с ней и всадник, то конная лава не останавливается, по возможности, обтекая лавой место падения. Конечно, бывали и трагические случаи, ломали руки и ноги всадники, выбывали глаза, ломали позвоночники, гибли люди и лошади, и их привозили на мешковине. Но это не останавливало скачки, наоборот, приобретали славу: «Помните, вот у такого- то, по такому случаю были скачки. Какие там были призы, сколько людей приехало из округи, сколько юрт пришлось дополнительно ставить».

В этом огромном чудовищном котле людей и лошадей, слабые душой и телом, являются самым уязвимым местом на скачках. Поэтому на кокпар подбирают людей. Там нет места малодушию и слабости, а коней выращивали специально для групповых игр. Десять-пятнадцать человек от аула составляли команду. Если таковых не хватало, то приглашали со стороны. Объединялись два-три аула и создавали группу единомышленников на козлодрание. Каждая команда должна доставить тушу козла в условленное место. Если это удавалось сделать несколько раз, то им доставались призы и немалые: это лошадь, корова или баран, богатая одежда - чапан и тюбетейка и вечное звание батыра.

Это уже позже, да не ко времени будет сказано, советская власть отменила все скачки и кокпар, заметив в этом групповую сходку. По-моему правители вообще боялись сходок людей

свыше трех человек, усматривая в этом, угрозу для существующей власти. Вместо этого в казахские аулы стали поставлять водку, спаивая население. Было время, когда знаменитые батыры падали с коней не на скачках, а от спиртного. Сначала люди смеялись над этим, более умные замолчали навсегда, наиболее ретивые, что не умели держать язык за зубами, быстро уходили в «места, не столь отдаленные от Родины».

Местность для скачек и козлодрания была ровной, как стол, и не имела изъянов. Как будто природа специально создала это место для проведения кокпара. С ближайших возвышенностей видно долину Тастак (покрытая камнем), как на ладони. С одной стороны речка Аксу, с остальных – холмы, ограждающие равнину. Идеально ровная площадка, примерно, шесть на десять километров. По краям, как ограничители долины, растут высокие азиатские тополя, кустистые карагачи и вечно пахнущие тутовники. Любители и ротозей объезжают место скачек, как можно дальше. Ибо, когда проносится лава коней, даже земля трясется и гудит на расстоянии километра от визжаще-кричащей массы.

Раскинувшись веером, всадники охватывают половину плоскогорья. Помощники мирового судьи расставляют людей для контроля над скачками, собирают старших групп и разбирают правила проведения праздника. Мой дед где-то на полпути к посёлку попрощался со мной и вместе с группой аксакалов уезжает на возвышенность. Оттуда удобно наблюдать за состязанием команд, и давать правильную оценку происходящим событиям.

Легко и быстро попутчики добираются до соседнего посёлка и расстаются, чтобы выполнить своё дело. Случайный попутчик заходит в каждый дом, где его, в зависимости от важности сообщения, и угощают: кто чаем, кто готовым бесбармаком, а кто мог, то и пивом из ячменя или бражкой. В свою очередь, Барас навещает родственника, расспрашивает, как требует того казахский обычай, о делах и проблемах, попил чаю. Решив все вопросы быстро, передает припасы и, попрощавшись, бежит на место встречи. Ждал очень долго, да так что успел и продрогнуть. Только спустя некоторое время сердобольные люди, узнав его, сообщают, что тот человек уже давно уехал с дальнего конца аула прямо домой.

Барас растерялся, ему надо быть дома вечером, сообщить вести, так было всегда. Поручения деда выполнялись исправно и без рассуждений. От дома родственника спускается к речке и по дороге вдоль сараев и кошар, где бегом, где быстро, пройдя мост, поднимается на равнину. Где-то вдалеке ещё скачут всадники и с возвышенности съезжают аксакалы.

Зимний декабрьский денёк особенно короток. Над самым горизонтом тускло светится невзрачное солнце, едва видимое через вечернюю мглу. Далёкий густой туман спускается с гор Алатау, плотной пеленой окутывая предгорья и обещающая холод и мороз завтрашнему дню. Картина невесёлая. Низкие и далёкие холмы уже покрываются белесой пеленой, так что даже высокие тополя исчезают с горизонта. Ни деревьев, ни кустиков - ничего кроме беспредельной, бесконечной и снежной равнины. Пересилив свой страх, мальчик собирается духом и пускается бегом по старой дороге, о которой сейчас мало кто помнит. Расстояние всего в десять километров – всего ничего для всадника.

Шёл, не останавливаясь, не обращая внимания на ершистую дорогу, на усиливающиеся заморозки, с отчаянной решимостью добраться домой, к тёплому очагу. Дорога одна, недалеко впереди едут всадники, возвращавшиеся со скачек, и возможно, среди них находятся дед и отец. Постепенно Барас начал уставать, а всадники уезжали всё дальше и дальше. Кожаные сапоги стали намокать. Ему пришлось сесть на снег и перемотать портянки. Кусочек лепёшки, что сунула мать на дорогу за пазуху, быстро исчез во рту. Его вкус так и останется у него в памяти навсегда. Вокруг тихо, снег и везде снег, только хрустят льдинки под сапогами. Разные мысли, приходившие на память, будоражат пастушка. И он со всех сил пустился бежать дальше.

Вдруг всадники повернули назад, полукольцом развернувшись по плоскогорью, помчались в его сторону. Впереди всех на чёрном жеребце скакал дед, а остальные крича: «Каскыр-волки», промчались дальше. Дед, соскочив с коня, обнимает внука и заворачивает в свой тулуп, которого в это время бьет крупная дрожь от испуга и усталости. Отец что-то негромко говорит, успокаивает, растирая руки и ноги сыну. Вокруг пахнет потом разгорячённых лошадей, снуют люди и кучками стоят кони.

Позже он узнал, что один из всадников-родственников, нечаянно уронил дорогую камчуплётку. Повернув назад, чтобы поднять её, увидел вдалеке волков и бежавшего маленького человека. Окликнув людей, соскочил с коня, поднимая камчу и наблюдая реакцию людей. Перед глазами остановившихся всадников разворачивается панорама охоты волков на человека. Волки большими прыжками окружали, охватывая полукольцом ничего не подозревавшего, бежавшего путника.

Остервенело, стегая коней, всадники бросаются на помощь маленькому мальчику. А дикие звери, свернув охоту, по оврагам и распадкам, спускаются в каньон речки Аксу и исчезают в каменных ущельях. Отец позже рассказывал ему, что люди часто видят в этих краях крупного, красноватого волка. Он, присев на краю скалы, долго следит за скачущими у обрыва всадниками, пасшимися животными, внимательно рассматривал пастухов. Сливаясь с фоном камней, он словно превращается в камень, надо было долго наблюдать за диким зверем, чтобы понять, что это настоящее животное.

Часть 12 Волчья охота

- Тебе просто повело, внучок. Ночные хищники, вышедшие на охоту, не смогли окрасить белый снег твоей кровью. Законы их выживания жестоки и не всегда справедливы, - грустно улыбнулся дед Бараса, палкой подправляя костер.

- Не пугай внука, старый, - хотела остановить его бабушка. - Разве нет других проблем? Не заострай его внимание на этом.

- Почему же? - возразил дед, подталкивая тлеющие куски кизяка, выпавшие из костра. - Волки нападают на людей. Такое редко, но случается. Особенно зимой. Мой дед рассказывал случаи, когда на них напали волки вон за тем большим селом, посреди сильно изрезанных оврагов. Представь широкое поле, которое с одной стороны подпирают горы, а с другой - речка Аксу. Барас знает эту местность, оно называется Тастак (Каменистое поле). А овраги находятся как раз за большим холмом, на котором располагается узбекское село.

Это происшествие произошло зимой. Глубокий искрящийся снег в лучах заходящего солнца, узкая дорога, набитая копытами лошадей, да две полосы оставляемые полозьями, остающихся от двух жердей, привязанных с поклажей к лошади. Вот на этой лошади и сидел мой дед, тогда двенадцатилетний мальчишка, закутавшийся в теплый тулуп. Впереди него ехал его отец, мой прадед, а впереди, на расстоянии пятидесяти метров, скакали на лошадях несколько жителей этого аула.

Путники явно приподнились, они должны были засветло проехать эти места, пользующиеся у местного населения дурной славой. А задержал их хозяин - богатый бай. Пока принимал стадо баранов, пересчитывал и проверял лошадей, прошло много времени. По окончании приёмки, он махнул рукой пастухам и отправил домой, несмотря на позднее время. До аула оставалось всего немного, проехать две-три глубокие балки, добраться до высокого холма, а впереди Тастак, речка и аул.

Вскоре пастухи въехали в глубокие и узкие овраги. Вокруг стояла удивительная тишина и сказочная картина. Только что перестал падать мягкий снег, а деревья, засыпанные снегом, стояли вдоль маленькой речушки, словно часовые. Стены оврагов настолько высокие, что казалось, только они подпирают серое, мрачное и низкое небо. Передние всадники уже перевалили в следующую балку, как сзади двух путников раздался истошный вой, пугающий вой.

Отец моего деда испуганно огляделся по сторонам, подскочил к лошади сына-деда, не стесняясь в выражениях, стал остервенело его стегать. Испуганное животное, тянувшее поклажу на длинных палках, быстро перешло на рысь. Сын вытащил из сумки лук и колчан со стрелами, взволнованно оглядываясь по сторонам, передал их отцу. Едва успел вытащить своё оружие, как из балки стали выскакивать волки.

Впереди мчался матёрый вожак, стараясь перерезать путь лошадям. Остальные уверенно брали в клещи подуставшую лошадь, на которой сидел дед. Отец что-то сильно кричал, но мальчишке было не до него. Он целился в вожака, мчавшегося к его отцу, в десяти метрах от него. Первая стрела прошла мимо. Боковым зрением, пока выхватывал вторую стрелу, мальчишка увидел, как отец ударом дубинки опрокинул другого волка.

Пальцы тряслись так сильно, что тугая тетива лука еле-еле поддаётся взволнованному мальчику, но выстрел он успел сделать. В бок матёрого вожака, приготовившегося прыгать на спину лошади сзади его отца, с чмоканием и свистом впивается стрела. Издав злобное рычание, зверь, перевернувшись через голову, закрутился на месте.

Растерянная стая на мгновение замедлила бег. Этого оказалось достаточно, чтобы подняться на склон другого оврага, где их ждали вооружённые пастухи. После секундного замешательства стая в злобе кинулась за ними, но стрелы опытных людей выбивали одного хищника за другим. Нападавшие, видимо; их было более десятка, быстро исчезли в спускающейся темноте в крутоярах. Да их и никто не преследовал, зато каждый их пастухов

подъехал к моему деду и прикоснулся плеча, высказывая тем самым своё восхищение мальчику. Они собрали всех убитых, добили раненных волков, а их оказалось тринадцать штук, отдали мальчишке за храбрость.

- Да! - восхитилась бабушка, - видимо, твой дед, как и мой внук, родились в рубашке.

- А пастухи, добравшись до аула, набрались бузы (пива), рассказывая подвиг деда всем подряд, - махнул рукой дед Бараса. - Той зимой деду сшили роскошный малахай (треугольную шапку) из того крупного волка, а из двух других - тулуп. Этот тулуп и малахай ноили многие твои родственники и сейчас они на тебе, внучок. Носи и помни, это дорогого стоит.

Возле костра, что был разведён на берегу речки Аксу, воцарилась тишина. Все, кто сидел рядом, не обмолвившись ни словом, по-своему переживали случай, происшедший в давние времена.

Часть 13 Возвращение в аул

Оба щенка вызывали злобу местных собак. Когда пастухи проезжали мимо юрт, десятки домашних псов сопровождали их. Люди выскакивали из круглых шатров, с недоумением поглядывая на давно знакомых людей: «За что так лают на них собаки? Даже самый ленивый человек становица, по кличке «Жаман-плохой», встал, чтобы проводить их в дальний конец поселения. Его заинтересовал вопрос: «За что они так удостоились вниманию ленивых брехунов?». Он с неохотой вспомнил, как ранней весной поголовье собак становилось все меньше и меньше.

Их утаскивали волки, не брезговал ими в самые отчаянные годы и пятнистый барс высокогорий. Но больше всего следил за ними сосед Бараса, Жорас - пятидесятилетний мужик, толково выделывавший кожи любых животных и шившего знаменитые на всю округу шубы из шкур волка, енота или собаки. Особо нравились людям его лисьи малахаи. Семь его сыновей, как самодельные куколки на подворье, одинаковые на лицо, но разного роста, мастерили плетки, уздечки, седла, кожаные перчатки с одним пальцем и разного рода сувениры из кожи. Единственная дочь на сувенирах вышивала стеклярусом незатейливые орнаменты, которые заказчики рисовали ей палочкой на песке.

Из юрт, стоявшие вдоль речки, в тени высоких азиатских тополей, перед вечером высыпало много людей. Малыши, визжа от шума и лая собак, сопровождали пастухов, приехавших с предгорий. Кроме того, у всех вызывал интерес конь Бараса, на котором он ездил без седла. Черный, со звездочкой на лбу и белыми ногами по колени, конь возбуждал зависть у людей своей танцующей походкой. Он не мог просто стоять на месте, перебирая ногами, исполнял мудреный танец совершенства. Конь плясал в возбуждении от количества людей, выделявая различные па, наиболее близко подошедшая собака упала с разбитой мордой.

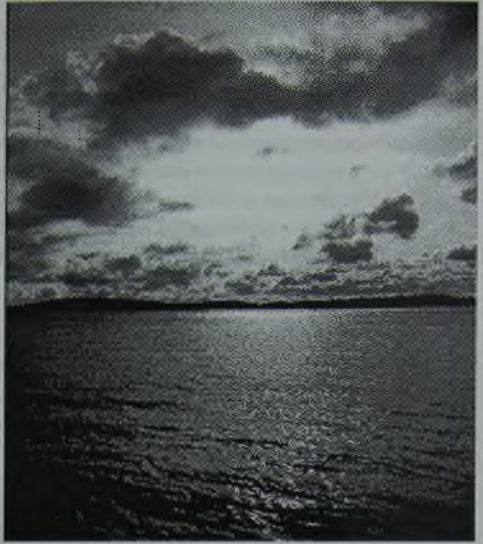
В этих краях для перевозки грузов использовался верблюд, для мелкой поклажи - ишак, даже быков нагружали, а вот быстрого животного с примитивной уздечкой они берегли, как зеницу ока. Мальчик сидел на коне, рассматривая знакомых, друзей, но, увидев девочку соседа, остановился. Сунул руку в двойную сумку. Достал оттуда наугад одного из волчьих щенков. Улыбаясь, молча, протянул ей боязливого щенка, сразу припавшего к ее подмышкам, испугавшись шума. Махнул рукой ее братьям, своим закадычным друзьям, и проехал дальше к отцу, вышедшего на шум, который поднялся из-за приезда отца и сына.

- Посмотри на своего сына, он едет по поселению на коне, как батыр, который победил всех своих врагов, - скороговоркой проговорил отец Бараса жене. - Да! конь у него отличный, хотя ему около двух лет. Я же видел его недавно, он был весь в ранах, покрытых червями. На теле не было ни одного живого места, весь избитый. Посмотри на него, как он танцует, а сын даже не шелохнется, не подпрыгивает, как на ишаке. Давно не видел дикого коня, прирученного в степи. Я видел великого хана на коне, его сопровождал десяток охранников, но его коня не сравнишь с конем сына.

- По-моему, ты ему завидуешь, - ответила мать Бараса, - иди, встретить отца и сына, как положено, а то от зависти можешь подавиться собственной слюной.

Последние слова она проговорила про себя, ибо знала крутой нрав мужа. Кивком головы она дала понять прислуге, что надо готовить ужин. Бабушка схватила за уздечку коня внука. Мальчишка, не долго думая, со всего маху кинулся ей в объятия. Отец степенно встретил своего отца, пожал руку и пригласил его в юрту. Мать еле дождалась своей очереди к сыну, но, заметив его возмужание и какие-то новые мужские черты, только поцеловала его в лобик.

Бабушка увела внука купаться, но он впервые отказался раздеваться при ней. Она оставила ему теплый кумган для омовений, вышла и прикрыла дверь, улыбаясь про себя. Влияния деда, подсказанные хитрой женщиной, возымели свои действия. Мальчик становился мужчиной, нет, не юношей, каких много в поселении. Становился именно мужчиной, даже подарок соседке, которая моложе его на пять лет, сделал с большим значением. Поняли ли соседи это или нет, но две-три старушки уже положили глаз на происшедшее событие, казалось бы, рядовое для всех. Вот они и станут доводить до всех, что их внук Барас сделал подарок с дальним расчетом. Бог с ними, и это переживем, не первый раз они словами поливают нас грязью. Зато моего сына знает сам верховный правитель. Трижды вызывал его к себе, трижды награждал, но всегда просил воинов для охраны своей персоны. Уменьшил уплату налогов, и род постепенно становился на ноги. Мальчиков много, надо подсказать сыну, пусть уже сейчас готовит из них искусных воинов, добудет лошадей.

Барас, как только бабка освободила от своих острых глаз, тихонько выскользнул во двор, вытащил щенка и потащил его купаться. Маленький зверек визжал изо всех сил, всполошив дворовых собак, которые, увидев лентяя Жамана, сразу замолкали. Эту особенность особо хитрого человека, всегда прикидывающегося больным при проведении общественных работ, люди заметили давно. Каким бы он не был больным, если слышал, что там-то и в том месте кормят людей бесплатно, оказывался самым первым. Но вот что удивительно: люди уступали ему дорогу и очередь, стараясь не связываться с ним. «От кого поведешься, от того и наберешься» - гласит мудрая пословица.

Закрыв его в самое дальнее помещение, мальчик накрепко закрутил веревкой дверь. Поднявшись в белую трехкрылую юрту, он присел рядом с дедом. Его отец приподнял, было брови, и хотел что-то возразить на смелость сына, но его дед махнул рукой. Внуку налили чай, пододвинули сладости, которые его отец привез из ставки хана. Здесь уже сидели именитые гости, соседи, близкие и дальние родственники. Они слушали рассказы пожилого человека об охоте волков на них и людей на волков:

- Если не верите, то посмотрите. Ну-ка, Барас, принеси щенка, пусть аксакалы посмотрят на него. Второго мы отдали нашему соседу, в знак уважения, - прикрывая действия внука, закончил дед.

- Сейчас, сию минуту, - пролепетал, почти было заснувший внук, уставший от дальней дороги, вкусного чая, восточных сладостей и длинных разговоров. - Вот, деда, я уже успел его скупать, - вытаскивая из-за пазухи хорошо вымытого волчонка.

Гости охали, ахали, а волчонок никого не признавая, старался укусьить за руку каждого, но взрослые люди, много чего повидавшие на свете, только улыбались, цокая языком и восхищаясь его злостью. Даже ленивец Жаман, который сидел у входа в юрту, был удостоен чести, ему подали со дастархана кусок сваренного мяса.

- Как его назовете? - раздался голос одного из аксакалов.

- Назовите его Адай, - подсказал высунувшийся из-за двери ленивец Жаман. - Не прогадаете, он будет в этом дворе самым главным ровно через месяц, через полгода ни одна собака поселения не посмеет на него гавкнуть, не то, что глянуть. Попомните мои слова.

- Пусть так и будет, посмотрим на прозорливость человека - ответил дед Бараса. - Ты что вызвал нас домой? - обратился он к сыну.

- Бараса пора отдавать на обучение, через три месяца за ним приедут и заберут в медресе. Завтра нужно делать обрезание, все его сверстники уже посажены, мулла терпеливо ждет только его. Это он будет его наставником в ученой жизни, а дальше пока не будем загадывать.

- Ну, что ж, это благое дело, объявите всем, что дед дает той-праздник завтра для своего внука. Пришла и моя пора раскошелиться на праздник. Ну что, внучок ... - обернулся он к мальчику, который, укутавшись в полушубок старика, видел первые сны. Его новый дружок лизнул во сне ему щеки, забрался под теплую шею, намереваясь хорошо отдохнуть.

Через две недели Барас уже твердо ходил по земле, не отставал от него и Адай. Ночью щенок прижимался к мальчику, днем шастал по двору. Дворовые собаки, получившие такую трепку от пастушка, какую не видывали никогда, отстали от волчонка. При его виде они отворачивались или делали вид, что не видят на расстоянии десяти сантиметров, но, если приставал, то вставали с места и уходили. Через месяц упитанный Адай с трудом дышал, настолько он наедался, что ложился, где попало. У него стали появляться друзья и враги, завистники и жалобщики, но дружбу с конем они завели крепкую. Постепенно бабка Бараса перестала пускать его ночью за порог юрты, поэтому он пристраивался к коню, который был рад ночному родственнику.

Очередной ночью, когда Адай улегся у коновязи, он старательно проглотил слюну, ему сегодня ничего не досталось. Хозяйка старательно обходила его стороной, покормила дворовых собак, показав ему кулак. Она дождалась, когда они доедят свое, так как знала, что волчонок отберет у них их похлебку. Так и было раньше, но на этот раз все обошлось мирно. Сытые собаки улеглись спать, зато зверенок не мог уснуть. Конь всхрапнул. Адай поднял голову: его уши стали торчком, жесткая шерсть на загривке вздыбилась. Он не залаял, как лаля сегодня днем, кидаясь на бабку. Уставившись глазами в беспросветную темень, волчонок с таким напряжением вглядывался в темноту, чувствуя движение воздуха. Впервые он стал различать дальние звуки и запах. Мрачная ночь наполнилась шорохами, потом животных, верещанием мышей.

Сердце отчаянно забилося о ребра, сжалось от неведомого страха, но конь, переступив ногами, успокоил его. Забыв пережитый страх, щенок, обретя спокойствие и хладнокровие, присущее его роду, стал оценивать обстановку. Ситуация развивалась своим чередом: воры, исполняя чужой заказ, должны были увести коня. В воздухе что-то просвистело, недалеко от добровольного охранника на землю шлепнулся кусок мяса, притом довольно увесистый. Волчонок двинулся было на животе, но конь всхрапнул, ударил копытом об землю, что у него отпала охота съесть мясо. Дворовые собаки спали, только ближняя, рядом с которой упал кусок мяса, быстро схватила его и подтащила к себе. Через некоторое время стала хрипеть и визжать, чтобы спустя десять минут позже замолкнуть навсегда.

Адай слушал: кто-то лакал воду, по двору прошелестела мышка, летучая мышь, сделав мертвую петлю, исчезла в темноте. В смысленной головке волчонка промелькнула мысль, он почувствовал себя ответственным за хозяйское добро. Пусть еще зверек, волчонок спустился к речке, прыгая с камня на камень, подобрался к поселению и, громко воя, рванулся по дороге среди юрт, напрямую домой. Взбесившиеся от такой наглости волчонка, все собаки, отчаянно лая, бросились за ним.

Прямо на дороге стоял ленивец Жаман, вращая хорошей дубинкой. Волчонок успел увернуться и проскользнуть мимо него. Опешившие собаки натыкались на Жамана, получая крепкие удары, завывая от боли, ран, стали удирать кто куда. Адай неспешно прогулялся по огороженному двору, выскочил в отверстие под забором и стал искать следы человека, как только во дворе стали появляться хозяева. Свет маленькой масляной лампадки освещал только небольшое пространство, но зверьку хватало и этого. Он нашел то место, откуда во двор закинули мясо. Принюхиваясь к остывавшему запаху следов, он вспомнил его. Только один человек в поселении имел такой специфический запах – запах давно немытого тела. Люди его звали Жаман, волчонок назвал его про себя убийцей.

Разогнав собак, Жаман направился под гору, где, спадая вниз, вода образовала широкий шумный водопад. Он был уверен, что за ним никто не следит. Такая уверенность присуща только людям: завистливым, ищущим свою выгоду, обладающим силой и не всегда богатством. Это они присваивают себе право хамить простым и хорошим людям от безнаказанности. Ленивец спустился по ступенькам вниз к водопаду и тихонько свистнул. Из-за камней, огромных валунов, когда-то оторвавшихся от каменистого берега под своей тяжестью, вышли четверо, держа руки на кинжалах. Тени зашли в пещеру, что-то долго говорили, выкрикивая разные слова, но, видимо, пришли к консенсусу. Отпустив Жамана, они выскользнули из пещеры, глянув на ущербную луну, скрылись в темноте.

Но никто не видел, что над ними, на высоком берегу речки стоял лучший друг Бараса, Адай, наблюдая, как Жаман говорил с чужими по запаху людьми. Вор стал подниматься по склону, а чужаки перебрались чуть ниже водопада, и ушли вниз по течению речки. Он про это никому не

сказал, но о себе напомнил ленивцу: увидев его на празднике. Волчонок не гавкая, молча рванулся к нему и успел вцепиться в штанину. Без того чуть живые штаны расплзлись на глазах у толпы, которые разразились громоподобным смехом. Ленивый, ленивый, а Жаман успел увернуться от острых маленьких зубов зверька, как называл его лениво-ловкий человек. В глазах волчонка, ленивец увидел то, чего не понял никто: зверь знал о его ночных похождениях. Узнал бы даже тех, с кем он говорил темной ночью, будь здесь они рядом и позже. Волчонок бросился бежать, успел увернуться от камня, брошенного точно ему вслед, залез в яму, прокопанную под забором и не высовывался до темноты.

Жаман запомнил его выпад навсегда и искал способы отомстить врагу. Проходя мимо двора соседа, он толкнул девочку, которая не уступила дорогу, несшей на коромысле воду в кожаных ведрах. Девочка заплакала, не от обиды, а потому что ей придется идти снова за водой. Адай залаял, выскакивая из норы, увернулся от посоха, но ленивец, успел поддать ему ногой. Маленький волчонок, взвизгнув, упал в ведро, которое только что поставила девочка, сложившись вдвое. Ловкий ленивец, шагнув к ведру, ухватился за задние ноги волчонка и размахнулся, чтобы разmozжить голову врагу. Его остановил крик сапожника, который, подойдя к нему, вlepил такую оплеуху, что напугал пуце прежнего дочку.

- Дочка, иди домой, наш Жаман сейчас принесет два ведра воды. Не бойся, я все видел. Теперь аккуратно отпусти щенка, возьми ведра и принеси воды. Не сделаешь, вспорю живот, прямо сейчас, на виду у всех людей, которые бегут сюда. Мне кажется, это ты способствовал вору, чтобы украсть коня моего соседа, - сказал он громко при подошедших соседях. - Может, случилось так, что волчонок узнал тебя, нашел по запаху, к сожалению, он не может говорить, но то, что содрал с тебя штаны, говорит об одном: запомнил тебя и напомнил об этом при многих людях.

- Не бей его больше, Жорас. Он не хороший человек: все время что-то вынюхивает, выискивает, ищет среди поселенцев помощников, наговаривает на людей. Пусть уходит от нас, живет отдельно. Хватит его терпеть, наши дети стали брать с него пример.

- Ты слышал, Жаман? Мы не хотим, чтобы ты жил с нами, но сейчас принесешь девочке два ведра воды, это твой долг. Потом мы подождем, как ты уйдешь из поселения и больше не вернешься. Я тебе обещал, что спущу кишки, повторяю это при всех. Не приходи больше и не нищи свою правду, она одна - ты мешаешь нам жить.

Часть 15 Приключения волчонка

Возвращаясь, домой после ночного выпаса коней, Барас обратил внимание на суету журавлей, тревожно кричащих и перелетающих с места на место на бывших пшеничных полях, расположенных вдоль горного хребта. А по древним и старым полям за ними что-то носилось. Дернув отца за рукав, он протянул руку, показывая на поля, и просил поехать с ним. Быстро съехав с дороги, по старой тропе они довольно близко подъехали к краевой меже, вспаханной хлеборобами, чтобы уберечь свои поля от пожара.

Скошенное пшеничное поле на плоскогорье. Вокруг простор: августовская страда, желто-рыжие холмы, чистый предгорный воздух, далеко внизу находится степь. В легкой дымке угадываются черты аула, да кое-где стоит пыль столбом. Вдалеке, в понизовье, видны юрты, копошатся люди на рисовых и луковичных полях, да желтеют свежескошенные поля, да лежат в снопах солома.

Кучка людей вдалеке просеивают солому на краю самых отдаленных оврагов, убирают их остатки, все равно кое-где остается полова от копешек, под которыми остаются зерна пшеницы. Всё что можно собрали люди, а вокруг оставшегося добра копошатся, разгребая полову, кормятся перелётные клинья журавлей. Птицы важно бродят по плоскогорью, отдыхая, подбирают зерна и, нагуливая, добивают жир. Неподалеку от них вышагивает всегда осторожных и уверенных стая черных ворон.

Посреди скошенного и убранного пшеничного поля, высунув язык, вальяжно лежит молодой волчонок. Это был Адай, убежавший от них ранним утром. Тяжело дыша и внимательно наблюдая за птицами, сбегавший от Бараса наглец, без стыда и совести лежал на стерне, раскидав ноги. Он не был похож на голодного зверя, в нем больше озорного и игривого, чем звериное. Блудливый взгляд волчонка направлен на дальних журавлей, длинноногих, впервые встретившихся на его пути. Вороны его интересуют постольку - поскольку.

На расстоянии двух-трех прыжков от него разгуливает семейство ворон. Хозяева поднебесья, наглые до отчаянья, хорошо знают шалуна, особенно время его появления в селе, где и с кем ест, кого охраняет, кого любит и другие подробности. Угадывая намерения молодого зверя и его действия, черные птицы не боятся шалунишки. Понимая, что вся затея с нападением не опасна ни для себя, ни для журавлей, воронье все равно уверенно держит дистанцию с ним.

Серый зверенок долго лежит на поле, отдыхая на виду у всех, кто участвует в этой забаве. Потом, подобрав ноги, поджав хвост под себя, напряжнив тело, оглядывает поле, задержав свой взгляд на ближайших птицах. Посчитав, что удача обеспечена, волчонок одним броском перемахнул через копёшку соломы, скоком кидается к воронью, которые, взлетев, приседают за журавлями. Малыш, не останавливаясь, выполняя намеченную атаку, метнулся к журавлям. Те, словно заранее сговорившись, хором взлетают и отлетают, присев на другом конце бывшего пшеничного поля.

Погонявшись ещё немного за крылатыми наглецами, не сбавляя хода, местный молодец помчался в овраг и исчезает на время из виду. По удалому скоку, наблюдавшие за ним Барас и его отец, угадали привычное игривое и радужное настроение волчонка: «Не поймал – и не надо, зато какое удовольствие получил. Пусть птицы живут себе на здоровье». Потеряв его из виду, журавли заволновались, оживленно перекликаются между собой, собираясь к середине поля. Мальчику видно, как выглядывает волчонок из оврага, следя за вороньём.

Передохрану у ручейка, что протекает по оврагу, хитрец стал немного действовать по-другому. Пользуясь неровными складками оврагов, подбирается ближе и снова бросается в атаку, но, как и прежде, среди птиц паники нет. Волчонок оказывается на пустом месте. Стая воронья опускается далековато, за распаханной полосой поля. Не сводя глаз с журавлей, вывалив язык набок, волчонок длинными прыжками помчался к ним, на полном скаку вдруг исчезнув с виду. Только хвост трубой да задние ноги торчат на вспаханной полосе.

От беззвучного смеха у Бараса в руках трясется тыквенный бутылек, а журавлиная стая, вытянув шею, молча смотрят на неудачливого артиста. Прошло некоторое время, когда шалунишка, опомнившись от удара о твёрдую землю, поднимается с кромки пашни, пошатываясь, оглядывается вокруг. По обоюдному мнению, отца и пастушка, весь мир показался Адаю перевернутым и в другом цвете. Постояв немного, встряхнув головой, падает набок. Кое-как встает и бредет пьяной походкой к оврагу. Стая ворон, предчувствуя неприятности, быстро исчезает, а журавли, сопровождая, громко переживают неудачную выходку. Они, возможно, делились впечатлениями друг с другом о том, что серый жив и здоров, хотя немного помят, но выглядит в общем неплохо.

По неряшливому виду волчонка можно понять его сожаление о происшедшем по его вине. Оно видно в фигуре, походке, опущенной голове. Трижды останавливался, поворачивался, словно извиняясь, кланялся птицам. А великодушные журавли не стали провожать дальше. Зычно перекликаясь, вернулись на поле, занявшись поиском зерен, будто забыв о только что происшедшем случае. Волчонок кое-как доплелся до края межи, остановился. Присев на задние ноги, он долго наблюдал за осторожными птицами, запоминая их образ навсегда. Привстав, долго стоял в предупредительно-уважительной позе, наблюдая за птицами, словно стараясь навсегда запомнить только что полученный урок. Барас, вскочив из арыка, позвал Адаю к себе. Тот, в свою очередь, наклонив голову набок, вопросительно посмотрел на него, будто спрашивая: - Откуда ты появился? Чего тебе здесь надо? Я сам по себе.

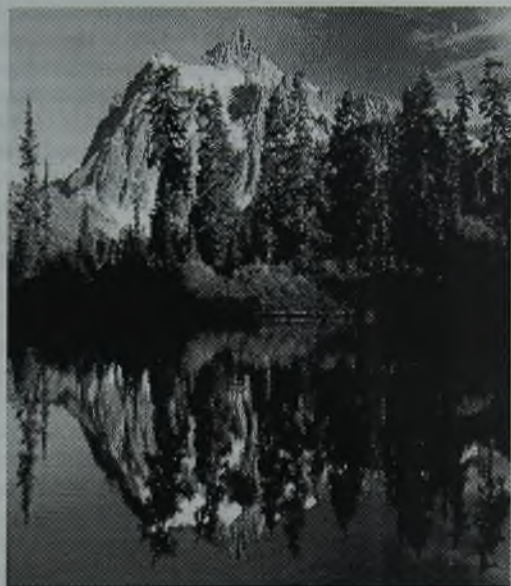
Часть 16

Плен

В начале октября за Барасом пришла крытая повозка, которую тянули два ленивых быка. Нагрузив едой, дав ему в руки сумку с запасными вещами, его отец расплатился с погонщиком и проводил сына до брода. Дед уехал раньше в горы, чтобы не присутствовать в тягостные минуты прощания. Волчонок тоже добегал до переправы, но дальше не разрешил сопровождать хозяина его отец. Крепко подросший щенок, уже хорошо стоявший на ногах,

долго лежал у воды, пока на другом берегу не показался его давний враг. Он погрозил ему посохом с пригорка и спустился вниз. Адай, в два прыжка преодолев брод, тихонько потрусил вслед за Жаманом. Он видел, как ленивец долго смотрел вслед повозке, громко выкрикивая слова ненависти. Потом высморкался, оглянулся по сторонам и пошел в камыши.

На краю огромного озера, куда втекала речка, в предвечерний час золотое солнце щедро разливало тепло конца лета. Прошмыгнувший в камыши волчонок слился с уже пожелтевшими стеблями. Шум стоял невообразимый, листья тростника, плотно росшего на берегу озера, при любом дуновении приходили в движение, соприкасались, терлись и шуршали. Словно втекая в камыши, зверь стал пробираться сквозь него, слыша шаги Жамана рядом. Шелест камыша стих, встал и волчонок, послышался хриплый голос ленивца, который что-то говорил другому. Едва зверек успел сделать два-три шага, как на него обрушился удар. Визжа и крутясь на месте, Адай упал замертво.

Помощники Жамана, связав Адая, бросили его в кусты, но главарь захотел поиздеваться над волчком. Он заставил их привязать его на короткой веревке к дереву. После обеда, отдохнув, ленивый человек взял в руки длинную кожаную плеть и подошел к зверенку. Глаза его полыхали огнем, руки дрожали, тело наполняло ненависть. Откинув плеть, он размахнулся и ударил волчка. Раздался свист, щелчок и на спине зверька появилась кровавая полоса. Он вскинулся и рванулся к врагу, но веревка не отпускала далеко. Второй удар, третий. Адай успевал отпрыгнуть, но веревка связывала движенья, а свист кожаной плети не умолкал. Наконец, устав от беготни и ударов он упал без сознания.

Пытка повторилась утром, лишь теперь Жаман держал в другой руке ещё и длинную палку, которой тыкал волчка. Он ухмылялся, радуясь предстоящей забаве. Его руке подчинялись все: лошади, быки, собаки, а некоторые из них падали с ног, когда лентяй протягивал палец, указывая на него. Изверг словно колдовал над ними, иногда и бывало, что собака под пристальным взглядом этого негодяя бросалось на других людей.

Приступив к издевательствам, лентяй повторял избиение маленького существа и днем и ночью в течение пяти дней и ночей. Волчонок каждый раз встречал Жамана с рычанием и первым броском. Сначала побои вызывали в нем лютую ненависть. Его броски становились осмысленнее, что лентяй стал брать в руку ещё и дубинку. Лишь один из помощников старался тихонько подкормить волчка, когда изверг спал.

Жаман, довольный своей работой, терпеливо наблюдал за избитым врагом. У волчка были разбиты губы, один глаз не видел ничего, кожа на спине располосована на полоски, но этого было ему мало. Плохой человек принимался снова и снова за разбойное дело – мучить волчка. Не выдержав боли, тот сдался на очередной удар, не кинулся в ответ, а тихонько заскулил и стал прятаться за бревно. Зверек еле двигался с отбитыми передними ногами, задние ноги волочились, не слушалось иногда и само тело. После пятой ночи он не мог её вообще поднять, не то, чтобы убежать, даже если б оказался на свободе. Лентяй улыбнулся, он понял, что наступил кризис.

На шестой день он уже не бил волчка, лишь только поднимал дубинку, как тот сразу ложился. Опасаясь новых издевательств, только поскуливал. Попытался ночью подняться, как тут же упал. Седьмые сутки Адай встречал покорным, но не сдавшимся. На любое движение пальца Жамана, полз на длину веревки и отползал. После обеда, когда на краю горизонта появились тучи и дохнуло прохладой, на повторное движение пальца подлеца, волчонок кинулся на него. Жаман успел схватить дубинку и уложил его на землю у самых своих ног, так как веревка, удерживавшая звереныша порвалась. Волчонок рухнул на песок без звука.

- И поделом ему, - сказал соскочивший с земли Жаман и со всей силы пнул его ногой. Волчонок, взлетев в воздух, упал за камышами.

– Теперь нам никто не будет мешать, надо приступать к работе. Слышите вы, олухи, нас ждет заказчик, если не выполним его заказ, нам будет тесно на земле. С завтрашнего утра приступайте к наблюдениям: ты следишь за старостой, его отца нет, он в горах. Тебе придется проверить всю округу, обрати внимание на караулы. Ночью они спят, днем бездельничают, охотясь на скальных голубей. Ты готовишь обед, а вот ему придется искать, что сварить на ужин, – показывая по очереди указательным пальцем на воров, – на озере много рыбы. Крупный сазан жирует на отмели, постарайся копьём или стрелой убить хоть одного. У нас осталось пять дней. Два дня уйдет на перегон, чтобы нас не поймали, уйдем в горы. Там отсидимся неделю, скрываясь и перебираясь из ущелья в ущелье. А там недалеко и будет кочевать заказчик. Кто, кто? Это не ваше дело, вам нужно только увести коня, получить расчет и исчезнуть. Если вас поймают, то они доберутся до меня. А теперь давайте обедать. Пора.

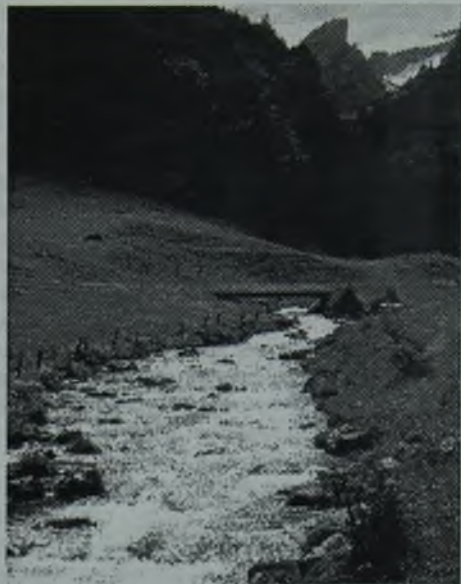
Плотно поужинав, Жаман вдруг усмехнулся, напугав соседей. Потрогав ручку кривого ножа, неведь откуда появившегося за поясом, пошел искать волчонка. Тот лежал посреди небольшого островка на траве в закатных лучах солнца, но добраться до него ленивец вдруг поленился. Надо было по колено брести в грязи, а с запада потянуло прохладой, стала разворачиваться туча. Отложив месь до утра, он вернулся в лагерь, взял в руки лук, вставил стрелу, прищурился, начал репетировать, наслаждаясь в мыслях мезью.

К своему логову, что устроил под старой полусохшей вербой, он пришел сытый, а сытость всегда предполагает для него долгий и продолжительный сон. Солнце уже встало под дерево, хорошо нагрел шалаш и жесткое подножье вербы, на которую накидано много сухой травы. Кинув телогрейку, Жаман уселся возле дерева и прислонился спиной к нему, чуя живую горячую плоть. Засыпал спокойно, теперь никто за ним не следил. Засыпал, словно погрузился в глубокий озерный омут. Опускался и слышал, как над ним поют все тише и тише чайки, дует ветерок, ласкает солнце, шелестит листва камыша. Облако, наливавшееся синевой, не зафиксировало его внимание.

Спустя три часа по степи промчался легкий ветерок. Прошелся по краю озера, припушил листья камыша и умчался в сторону гор. Облачность понизилась, из-под него сорвался в полет смерч. Ураган катился по степи, поднимая пыль и песок под самые небеса. Прошелся по озеру, засасывая в себя воду и складывая вдвое камыш. Искрутил полусохшее дерево, вырвал его у корня и сбросил его на шалаш разбойников. Оттуда полетели крики и стали выползать люди. Смерч стал смещаться, приподнял Жамана над землей, но в это время захлебнулся водой. Осыпаясь, он стал медленно рассеиваться, чтобы опорожниться водой обратно. Избитый бурей, намоченный ленивец, выгнал из шалаша людей, и сам залег в неё, словно медведь на зимнюю спячку.

Поднявшись рано утром, злой от ночных полетов, холода и голода, местный разбойник первым делом пошел проверить волчонка. Серый плотный туман, набравший силу в осенние ночи, еще висел над озером. Плюнув в воду со злости, пошел обратно. Соседи, услышав яростный крик над озером, поспешили исчезнуть с глаз долой. Голодный ленивец не мог успокоиться: ему хотелось есть, но еды шаром покати; ему хотелось снять шкуру с волчонка, но мешал туман; ему хотелось добраться до зверя, но там были грязь и холод. Через час туман приподнялся, а прикорнувший Жаман поленился встать, проснувшись, когда солнце стояло уже высоко. Схватив костяной лук, выскочил на берег.

Бешеный крик, повторно раздавшийся на озере, разнесся по всему озеру, пугая птиц и животных. Кричал ленивец не зря: на островке волчонка не оказалось. Сняв с себя штаны, ватный халат, полез в воду и грязь, чтобы выяснить, куда же делся враг. Он не смог найти следы, никто не подходил к острову, на поверхности грязи остались бы следы. Утащить мог только беркут, которого он видел ежедневно высоко в небе.

Так оно и было. Беркут, с раннего утра поднявшийся высоко в небо, от зрения которого ничего не исчезало, увидел, как на островке что-то пошевелилось. Набирая круги, птица внимательно проследила за миром озера и не нашла ничего подозрительного. Выбрав направление ветра, он спикировал на неподвижное тело волчонка, схватил его и стал поднимать тяжелую тушку вверх. Внезапный порыв ветра бросил его на камыши. Разжав когти, птица стала усиленно махать крыльями. Но зверь не отцеплялся, почти касаясь камышей. Дернув ещё раз ногу, на которой еще висел волчонок, разжал когти, освободился от груза и стал подниматься выше. Злобно клочка, пернатый пошел на новую атаку, но волчонок лежал неудобно среди тростника. Для щенка, получившего серьезные повреждения, орел просто стал спасителем.

Возвращавший на своем неизменном ишаке с пастбищ, дед Бараса увидел, как птица что-то уронила вниз. Заинтересовавшись происшедшим, завернул в камыши, где на мягкой подстилке из прошлогоднего камыша лежал волчонок. Узнал его сразу – на шее была видна, привязанная Барасом, полосатая ниточка.

Осторожно потрогав его, обратил внимание на его бьющееся сердце. Прощупывая позвоночник, убедился, что он в двух местах вывихнут. Потрогал кровавую шишку на голове, отчего щенок завизжал. Пробежав пальцами по телу, убедился в том, что поломаны половина ребер, задняя и передняя ноги. Вывихнутую правую ногу старик не стал трогать, ибо знал, что в ауле есть мастер, тот самый сосед-сапожник Жорас.

- Кто же тебя так избил, кто издевался над тобой? - говорил про себя старик. Он аккуратно переложил щенка на потник от седла. Отошел в сторону, срезав с десяток камышей, переплёл, подложил под раненного, взяв на руки ношу, вернулся домой.

Пригласил соседа, который, резво осмотрев волчонка, двумя движениями вправил позвонки на место. Посмотрев на вспотевшего соседа, сапожник улыбнулся, заставил принести лоскутки, разорвав его на узкие полоски, перевязали обе левые ноги. А вывих вправил очень быстро, только щенячий визг выскочил за пределы сарая. Смастерили вместе с ним лубок под живот и подвесили его в темном углу сарайчика. Щенку снились разные сны, но заканчивавшимся одним и тем же: болью по всему телу.

Сон его длился долго. Но в перерывах между сном и болью видел, как светила луна. Таинственная жизнь продолжалась и без него. Правда, иногда он видел черные тени, тихо скользившие по углам помещения. Только однажды сделав резкое движение телом, завизжал во весь голос. Услышав его визг, старик пригласил соседа, который ловко распутал лубок. Они, потрогав его, закутали обратно, поняв, что кости срастаются нормально.

- Молодой организм волка должен выдержать трепку, он встанет на ноги через месяц, другой. На то и волк, чтобы выжить в труднейших условиях. Наш-то волчонок совсем стал собакой. Так же лает, не дерется, живет сам по себе, с каким-то глубоким страхом, но любит дочь без памяти, - заявил сапожник. Резко сменив тему, продолжил, - Мне кажется, это дело рук Жамана. Он его выследил в день отъезда твоего внука.

- Возможно, сосед. Наверно, обитает в камышах. Его бы там поискать, да людей нет, все поселение на стрижке овец – ответил старик. - Надо найти его, ибо он опять что-нибудь выкинет.

- Тут я прикинул и сделал новые путы, ты же знаешь, я иногда изобретаю какую-нибудь ерунду. Сейчас принесу, надевай путы коню на ночь и привязывай накоротке рядом с ним собаку. Хоть какая-то защита. Смотри, как за прошедшие три месяца конь похорошел, хороший будет жеребец. Вон дочка тащит путы, давай покажу. А теперь повтори. Снять их ночью невозможно, не зная механизма, - повторил сапожник.

- Спасибо, сосед!

- Не говори, это я скажу, когда скрестим твоего жеребца с моей кобылкой.

- Вернем долги, лишь бы дожждаться весны.

С этого дня старик спал на улице, на днях отравили почти всех собак. Они, пожадничав, съели отравленное мясо. Последней собаке подкинули нафаршированное иголками мясо, которая долго болела, постоянно скулила, только прошлой ночью исчезла навсегда. Темными ночами стал приводить свою собаку сосед и привязывать к столбу, рядом с конем. Кто-то не давал покоя. Облава в камышах ничего не дала, только появился подпаленный кабан, прорвавшийся сквозь заслоны. Нашли шалаш, и свежую еду, подожгли уже желтый тростник, который горел два дня по всему побережью. Попытки украсть коня на некоторое время прекратились.

Часть 17

Горы

Встав с утра пораньше, старик оседлал ишака, повесил на седло двойную сумку. В одну половину положил съестные припасы, а в другую – волчонка. Его сосед помог ему, проводил до околицы аула и тихо исчез в темноте. Глубокая осень уже дышала в затылок: по утрам появлялись ледяные корочки на лужах. Пожелтела степь, горы перекрасились в темноватые тона, но белая шапка снега оставалась без изменения.

Дед Бараса, а его звали Амирхан, упрямо шел к горам. Еще его дед, Молдагул, показывал родник, наказывая, чтобы не забывал его: «В этом роднике самая чистая вода, от всех болезней лечит. От нарывов и желудочных расстройств лечит точно. Мне однажды было так худо с желудком, только эта вода помогла. Если налить её в тыквенную бутылку, то она не тухнет целый месяц. Так что запомни это место, видишь, набита козья тропинка. По ней тихонько, без крика и шума добирайся до него. Крикнешь или пошумишь на всю округу, так жидкость тут же исчезает или становится грязной. Придет время, покажи своему внуку».

Песчаной, вытянутой по краю горного ручья, тропинкой старик вышел на открытую поляну, что не редкость в этих краях. Воздух ущелья легкий, тяжелые ароматные ветки местной хвои

– арчи, слегка покачивались на скалистых стенах. Смолистая и целительная тишина наполняла все низины каменного мешка, организм старика, всю сущность каждой клетки тела волчонка. Без суеты и напряжения, без торопливости пожилой человек прошел до конца поляны, вынул волчонка и положил его под арчу, прикрыв его потником от седла, пошел дальше.

Между тем протоптанная тропинка вывела его перевал, и пошла вдоль хребта. Старику нужно было выйти на глубокий спуск другого ущелья. Еле заметная тропинка скользнула петлями вдоль склона, положила свой след среди густых зарослей ежевики, петля среди валунов, вывела к каменной осыпи. Здесь человек присел, отдыхая и приравливая дыхание к перепадам высот. Так делал его дед, перед тем, как подойти к роднику. Взяв непременно трость, он взвесил его на руках. Тыквенные бутылки, чтобы случайно не громыхнули, засунул в мешок. Он снова вспомнил слова своего деда:

- Вот отсюда надо идти молча. Ключ-то нежный, он сразу почувствует шаги по камням. Ступай за мной след в след. Если подойти аккуратно, то почувствуешь, как шумит родничок. А если будешь идти с шумом, то вода становится какой-то серой и грязной, становится горькой и непотребной. Однажды мне пришлось здесь ждать весь день, пока не посветлела вода.

Осторожно пробираясь среди острых камней, осыпавшихся сверху, старик искал глазами песчаные кучки, приглушающие шаги. Вдали бурчал горный ручей, тренькали какие-то птички, да кружил веселенький ветерок, принося запахи преющих листьев. Родник он увидел издалика, как и пятьдесят лет тому назад. Лежал он плотно, вдавленный годами и ногами животных в каменное ложе. Он встал перед источником на колени, аккуратно набрал воды во все бутылки и отставил их в сторону. Зачерпнул рукой целебную водичку и плеснул себе на лицо, на шею. Осторожно, набирая пригоршней жидкость, помочил голову. Сняв фуфайку, жилет, рубашку,

смочил тело до пояса, так же как делал это его дед в давние времена. Потом разделся весь и стал аккуратно обливаться себя водой из родничка.

Закончив с собой, он решил отблагодарить родник. Стал обкладывать его большими плитами камней, наполовину прикрыв его от посторонних глаз. Источник не стал возмущаться, он тихонько журчал сам по себе. Ему, видимо, понравились его действия. Закончив строительство, очистив дно и русло ручейка от скатившихся камней камешек, травы и ветвей, старик прилег на живот. Он попил прямо с родника, снова ополоснул лицо и вернулся к волчонку. Пока шел обратно, пожилой человек даже не вспотел, его дыхание, несмотря на восхождение на перевал и годы не изменилось. Лицо стянуло, шея стала крепче держаться, исчезли солевые боли на спине.

***

Адой лежал в том же положении, в каком старик оставил его шесть часов назад. Только участилось дыхание. Он покапал ему целебной водички в пасть, промыл глаза, помочил голову, оставшуюся вылил на тело волчонка. Пока собрал топливо на ночь, развел огонь, вскипятил чайник, наступил вечер. Ишак испуганно тарашил глаза и уши в темноту, прижимаясь к костру, ибо в воздухе носились какие-то шумы, непонятные человеку. Только собрался ложиться спать, как Амирхан услышал крик человека. Приготовив неизменное копье, поправив на поясе ножны с кинжалом, пожилой человек скользнул в темноту. Из темноты на огонь костра выскочил его сосед, что утром провожал его в горы. Его сопровождали два сына, вооруженные до зубов.

- Чего прячешься, выходи, если живой, сосед. Это я, Жорас и мои сыновья.

- Откуда вы? Кто вас сюда так гнал?

- Теперь, когда мы увидели тебя живым, не торопись, дай попить чаю.

- Нет, вот попей водички из этого бутылка. Пусть твой сын сходит за водичкой к речке, а ты не томи меня, давай рассказывать. Сначала ответь мне, кто тебя погнал сюда?

- Я сам себя пригнал сюда, да и сыновей прихватил с собой.

- Зачем?

- Ты помнишь, как я, утром провожал тебя на край аула. Так вот, отправив тебя, решил справиться свою нужду и в темноте спустился к речке. Сделав свои дела, только было собрался умываться, как мимо меня прошел Жаман в сопровождении неизвестного. Возможно, что он меня не заметил, я сидел среди валунов, но тот человек что-то громко говорил ему. Жаман стал кричать на него, отдельные слова я расслышал. Они хотят тебя убить. Я бочком, бочком выбрался из каменной паутины речки, благо туман улал на лодину и быстрее домой. Пока рассказал твоему сыну, пока собрался и дождался своих сыновей, подоспел обед. Сразу после него мы и поехали в горы. Благо ты развел огонь, поэтому мы кричали тебе.

- Давай сделаем так, Жорас. Твоих сыновей мы отправим к сужению ущелья, посланцы по мою душу никак не пройдут мимо них. А здесь мы соорудим куклы из камней и фуфаск.

- Правильно думаешь сосед, а самое главное, верно. Сыновей мы никуда не отправим, враги уже рядом. Их двое, видел только я. Они отставали от меня час пути. Ну-ка, мальчики, подбросьте дров в костер и возьмите свои луки и мои стрелы. Теперь у каждого из вас по две отравленные стрелы, они с красным наконечниками, не дай вам бог пораниться или наколоться на них, сразу отдадите душу Всевышнему. Отойдите вон в те кусты и присядьте. Пока я вас сам лично не позову, сидите там плотно, не высовывайтесь, даже, если мы сядем пить чай. Следите за поляной. А мы тут, на всякий случай, приготовим им гостинец. Давай сосед, пошевеливайся.

Воры тоже не дремали, подбирались к костру очень долго. Когда в фуфайки вонзились две стрелы, в воздухе просвистели отравленные стрелы. Один закричал сразу, другой бросился бежать, но далеко не ушел. Хрипя, бросился обратно к огню с ножом, но не добежал. Из рта пошла пена, обезображенное лицо скривилось от боли, и он упал в трех шагах от костра. Оттащив оба трупа под камни, старики стали кипятить воду. Попили чай и ждали рассвет, когда недалеко стал кричать еще один человек. Стрела старшего сына Жораса попала ему в шею. Он хрипел, вытягиваясь в струнку и подтягивая ноги до шеи.

- Кто ты? Откуда? Куда идешь? Может кому-то что-то передать.

- На той стороне гор гоняет, свои стада бай Оразбек. Его человек ..., - мужчина, словно вытянувшись в струну, выдохнул и отдал Богу душу.

- Какой человек? Кто он? – теребил его Амирхан. – Скажи своим парням, пусть заберут все трупы, спрячут их подальше. Лучше всего спрятать в одной из пещер, а вход завалить камнями.

- Ладно, утро вечера мудренее, надо немного поспать.

- Позови сыновей.

- Дети, можете выходить, пора и вам отдохнуть, попейте чай и ложитесь спать. Завтра, нет, уже сегодня у вас много дел – надо людей честь по чести похоронить. Жамана надо искать, а нам нужно уйти за перевал, там на другой стороне гуляет его друг, пасет отары. Все нормальные хозяева уже перегнали свои стада в долину, а он обитает все еще на высокогорье. Тебя-то сосед он знает, меня никогда не видел. Вот и приеду-ка к нему с приветом от Жамана. Правильно ли я говорю, сосед?

- Ты бы лучше вернулся с сыновьями домой, а не шастал по горам разведчиком. Видишь, сыновья против этого. Откуда у тебя такие сведения, что Жаман связан с баем Асаном?

- Ворона накаркала, - покосившись на сыновей, сердито ответил сосед деда Барака. - У меня свои источники, у твоего сына другие доносчики.

- Значит, это предположения моего сына?

- Да сосед, ты правильно думаешь. Да ты посмотри на него, никак ожил. Обернись, посмотри на волчонка, он открыл глаза.

- Ну, Адай, давай вставай. Сейчас я тебя напою еще священной водичкой и скупаю тебя в ней. Потом еще раз схожу за водичкой. Сосед, пошли со мной своего сына, вижу, у тебя есть мех для воды. Не переживай, сейчас за Жаманом охотится почти весь аул. Теперь ему не до нас.

- Пусть будет по-твоему. Мы надолго остаемся здесь?

- На три дня.

- Хорошо! Так сынок, - обращаясь к своему второму сыну, сказал сосед, - ты вернешься в аул и расскажешь выборному старосте все события, запомни, только ему. Научись держать язык за зубами. Для всех остальных мы на охоте, убили архара, поэтому остались на ночь, надо его доставать из расщелины. Возьми веревки и еды, мать знает, что дать. Завтра к обеду будь здесь, а то твой отец сильно похудеет в этих горах. И зайди к старухе соседа, скажи, что негоже уважаемому аксакалу нашего края голодать, пусть подкинет вкусных пряностей. Я правильно говорю сосед. А, сосед? Молчишь, и правильно делаешь, что молчишь, я сам все знаю.

На следующий день волчонок приподнял голову. Сосед деда Бараса жевал ему лепешку и совал в пасть, подливая капельками целительную воду. За два дня Жорас, поносившись по горам, подтянул свой ремень на три отверстия. У его сына зажила язва на руке, и исчезли все болячки. Младший сын, успевший только попить этой водички, вернулся из аула очень быстро, на его голове начали заживать ранки от псориаза. У самого соседа исчезли все следы от порезов, оставшихся на руках в течение многих лет. А волчонок Адай стал уверенно держать голову на плечах и вставать на ноги, ковыляя среди камней и приносясь к чему-то.

***

На четвертый день, Амирхан не нашел волчонка на обычном месте. Вспокоившиеся соседи обыскали всю поляну, искали среди камней, но он исчез, как брошенный в воду камень. В поисках прошел весь день, в наступивших сумерках, соседи кое-как попили чай и уснули. Расшалившийся ветер, продувавший насквозь все ущелье, принес с собой холод со снежных вершин. В перерывах между дуновениями, на землю капал дождик. Костер не помог, холод пробирал до костей. Не успели крылья тревожной ночи распахнуться в день, как они услышали жалобный вой на конце поляны. Сын соседа, вскочив на ноги, опрометью бросился на зов. Мокрый Адай жался к нему, словно к родному. Насухо вытерев его краем длиннополой куртки, парень передал его соседу.

- Интересно, где он бродил? Ну-ка, парни, пройдите до перевала, посмотрите на следы, мне кажется, он ходил по вашим следам до родника.

- Эй, Жорас, откуда он знает, где мы брали воду? Что за чушь ты несешь? Видимо, горы сильно повлияли на тебя.

- Столько, сколько и на тебя. Вот сыновья пройдут по следам волчонка определят, где он был.

- Как они среди камней смогут определить его следы?

- Не говори мне про то, что уже совсем забыл. Это лишний раз подтверждает, что ты становишься совсем старым. Ты же знаешь, как мы искали пропавший скот по степи, даже после песчаного бурана. Камень, перевернутый ногами животных, имеет другой цвет. Сверху – темный, снизу – светлый. Разница в цвете сохраняется до трех дней в солнечную погоду. Помнишь?

- В этом ты прав, как это я забыл. А вот и парни идут.

- Отец! Волчонок побывал у родника и купался там, - торопливо попивая чай, сказал старший сын. - На песке сохранились его отпечатки, да и на перевале оставил следы. Но не это нас заинтересовало. За нами кто-то следит, только не оглядывайтесь и не крутите головой. Обратите внимание вон на тот уступ, я помню, как сейчас, там есть небольшая площадка за ним. На нем кто-то сидит, наблюдая за нами, если не двое, то сутки точно. Он слишком торопился и не перевернул за собой камень на перевале.

- Мне кажется, что он ждет вестей от Жамана, - сказал второй сын. - Посыльный, что попал под наши стрелы, должен был ему что-то передать. А что именно? Как это узнать?

- Сосед, мы вот что сделаем, останемся еще на одну ночь. Кое-какая еда осталась, сыновья поохотятся на кекликов, их на той стороне речки очень много. Сейчас птички с отсыревшими крылышками будут ждать солнышка, а дети - пташек. А мы собираем дрова, на той стороне перевала их много, да поглядим на кое-что. Ночью мои сыновья что-нибудь придумают. Посмотри на волчонка, он тревожится, что-то принохивается. Давайте парни, идите на охоту, а ты Амирхан, оседлай своего ишака, он поможет нам пару засохших деревьев притащить. Встречаемся здесь после полудня, ближе к вечеру. Ты что это старый хрыч, словно в рот набрал воды? Чего молчишь?

- Никак не могу понять, зачем им нужен наш конь, Жорас? Шесть месяцев прошло, а мы не знаем покоя из-за него. Конь, как конь, ничего в нем нет примечательного, только черного цвета с белой звездочкой на лбу.

- Тут ты не прав, сосед. Дожить бы до весны, тогда и увидишь его красоту. Порода есть порода. Во-первых, степная, а это воля, простор и свобода. Во-вторых, этот жеребенок уже становится трехлетней, его стать покажется перед самой весенней следующего года, когда заиграет кровь, да не только моя, но и твоя. Красивая стать, тонкая шея, крепкая голова. Ноги тонкие, породистые, жаль, не знаем его отца. Чтобы поставить его под седло придется многим парням аула попробовать крепость своих костей. В-третьих, я уверен, что он на себя, кроме тебя и внука, никого не посадит.

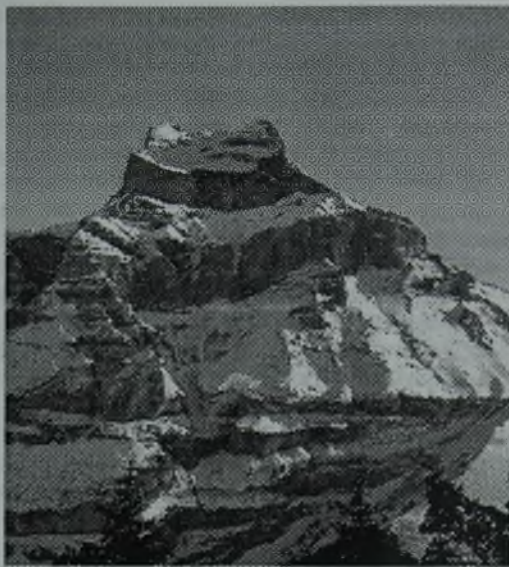
- Жорас, погляди на волчонка. Он что-то почуял, видишь, тянется за воздухом.

- Сосед, подальше от греха, давай привяжем его к ишаку, ведь может сбежать.

Адай, не спуская глаз, наблюдал за стариками. Его тревожил чужой запах, запах давно немытого тела, принесенного ветром с перевала. Как только люди заговорили о веревке, как он, вскинувшись, помчался к перевалу. Через мгновение его уже не было видно среди камней. Прихрамывая на переднюю ногу, Адай задержался у перевала, проскочил на большую тропу и вернулся обратно. Он почуял опасность, но не мог понять его направление. Покрутившись вокруг скалистой вершины, не смог преодолеть вертикальную стену. Чуть успокоившись, сел на задние лапы и поднял голову. Здесь, наверху, разгуливал небольшой ветерок. Он налетел на Адаю, поиграл с его слежавшейся шерстью, раскудрил его и исчез.

Вернувшись, набросил на его нос непонятный запах, от которого вся шерсть стала дыбом. Неподалеку от него пронеслась огромная птица, которая, разрезая воздух длинными крыльями, зло смотрела мимо него. Он повернул голову на птицу и сильно зарычал, но его крик унес вниз шальной ветерок. Постояв еще некоторое время, Адай спустился к перевалу, где встретил хозяина, который быстро накинул ему на шею веревку. Как ни упирался волчонок, его быстро засунули в кошелек, и ушли за дровами.

Плотно поужинав, парни улеглись спать, а старики до поздней ночи пили чай. Когда Пастушья звезда заняла свое привычное место, старик Жорас палкой разбудил сыновей, которые исчезли в ночи, оставив на своем месте камни, прикрытые куртками. Холодный туман пригасил было сияние звезд, но пока парни пробирались наверх, он постепенно рассеялся. Они не торопились. Камни под ногами путников становились все больше и больше. В этом бесплодном каменном лабиринте они не встретились ни с кем. Все здесь было неприветливым,

мертвящим и враждебным, словно застывшим в последней судороге. Поднимаясь, все выше и выше среди хаотических нагромождений, больше наугад, чем по звездам, они увидели небольшой костер.

Наблюдатель на вершине горы тоже решил сварить себе ужин. Разведя огонь на другой стороне горы, он не предполагал, что за ним охотятся другие люди. Едва успел снять котелок с костра, как на него кто-то упал сверху. Уткнувшись головой в собственный костер, он заорал от боли. Братья, выхватив его из огня, принялись допрашивать. Ослепленный ожогами, невидящий врагов, он кинулся, было на них, но, больно ударившись об камни, присел и заплакал.

- Мы тебя бить не будем, сейчас мы уведем тебя вниз, там ты расскажешь двум старикам о своих приключениях. Не забудь – все, от начала до конца. Ты нас понял? – увидев трясущуюся голову, старший брат взял наблюдателя под руку, а младший быстро его обыскал. – Ты расскажешь им, зачем за нами наблюдал. Кто тебя сюда послал и зачем? Если мы убедимся, что ты рассказал нам правду, вылечив, отпустим. Нет, пеняй на себя. Приведем и оставим здесь. Останутся только рожки да ножки после волков, а здесь их так много и все хотят кушать. Идем, нам нужно до утра закончить все дела.

На поляне под утро уже было многолюдно, сын Амирхана, отец Бараса, всполошившийся из-за отсутствия отца и соседей, прибыл с охраной на поляну.

Братья, вынырнув из темноты, отдали наблюдателя в руки охраны, которые быстро раздели его и подвесили на ближайшем дереве. Опытные парни потеряли пленника, довели до кипения, сняли и, накрыв его халатом, поставили перед соседями. Жорас налил ему в пиалку чай.

Из-за гор просочились первые блестящие розоватые лучи восходящего солнца. Волчонок всей грудью вдыхал воздух, напоенный ароматом ущелья, возбуждая в нем давно забытые чувства.

- Попей чай, странник. Не торопись, впереди целая жизнь. Отдохни, вот хлеб, курт, наут, возьми пиалку. А наут, наверно, ты не пробовал, вкусные они, сами тают во рту.

- Чего это ты, Жорас, стал вдруг жалостливый, - под усмешки людей, задал ему вопрос Амирхан. – Посмотри на моего сына, он настолько серьезен, что сейчас же снимет с него и с тебя шкуру, как с барана. Не смотри на меня так, сынок. Я знаю, ты этого делать не будешь, но твоя охрана с его шкуры завьет веревочки и на них же повесит беднягу. Это уж точно, они на этом набили руки. Кого хочешь, заставят говорить. Так что парень говори, только медленно и аккуратно. Слово - не воробей, вылетит - не поймаешь.

- Меня прислал бай Асан, сын Оразбека, чтобы я встретил здесь посланника Жамана. Это было не раз, как и сейчас, уже шесть месяцев ждет подарок и не уходит на осенние пастбища. Жаман должен украсть для бая какого-то коня. Как только получит его, все люди Оразбека спустятся через горы и уйдут за горы в Киргизию. Семья уже там, здесь осталось несколько десятков отар овец и пара табунов лошадей. Сегодня этот посланец должен был сказать, сколько дней еще осталось ждать. Бай ждет его еще семь дней, дальше нельзя, пойдет снег, закроются перевалы. Вы спрашиваете, где живет Жаман? На берегу озера, в которое впадает вот эта речка. В холода он забирается в пещеру, его не видно сверху. Вход прикрывает камнем. Его помощники живут тоже в пещерах, но возле аула, так им легче наблюдать за всеми приезжающими, отъезжающими и передвижением людей. Но самое главное - бай готов Жаману отдать косяк лошадей за какого-то коня. Больше ничего не знаю.

- А нам больше ничего и не надо, - подтвердил глава аула. - Отведите его обратно в горы. Обещание парней надо выполнять. Зрение вернется к нему через три дня. Оставьте ему лепешек и наберите воды. Нам надо защищать коня. Собирайтесь.

- Ты, сынок, езжай, у тебя дела. Мы тихонько спустимся вниз сами, придем через двое-трое суток, у нас тоже дела

- Отец, может тебе оставить людей?

- Не надо, езжайте все. Оставьте еду и оставшиеся припасы. Может, Жорес, и ты поедешь?

- Нет, мы с тобой, как пара сапог, куда ты, туда и я.

- Отец, зная, что ты не можешь оставить того слепого, я оставляю двух-трех ловких ребят. Пусть они понаблюдают за ним и заодно проводят к баю Асану, сыну Оразбека.

Горный ручей шумел на перекатах так сильно, что не было слышно ничего поблизости. Деревья, росшие по его берегам, теснились, стараясь, столкнуть друг друга в воду. Только одно дерево, что росло посреди речки, стоически перемогало все тяготы природы: холодную воду, снегопад, дожди и половодья. Ее корни, выросшие под камнями и заваленные сверху нанесенным песком, протянулись из-под воды к земле. Оно раньше всех распускало листочки, а листья, пожелтевшие раньше срока, уплывали вниз по течению, предупреждая многих о начале осени на земле.

Опавшие листья куржавились, скручивались в трубочку, заполняя каменные мешки, лога и овражки, чтобы прикрыть землю от свирепых холодов, спускавшихся с гор. Вода на перекатах к холодам белела, синева оставалась только у родников, пробивавшихся через толщу земли. Иней появлялся по утрам только вдоль речки, нависая ледяными сосульками на ветвях кустарников, склонившихся к воде в поисках света и тепла.

В ожидании зимы мир ущелья замер, только красные волки и лисички рыскали повсюду в поисках корма, да горный беркут следил за ними в надежде, что и ему перепадет от барского стола земных. Старики, с самого утра засматривались на вершины гор, а вечером с надеждой провожали солнце: неизвестно что будет завтра. Поэтому и старались предугадать день новых надежд и несбыточных желаний, бубня себе под нос, что в прошлом году было теплее, да только зима пришла неожиданно.

Часть 18 Новый мир

Волчонок Адай не стал жаловаться на людей, молча вжимаясь под камень, грыз веревку. Это была самая трудная задача, которую решил только поздним вечером. Подобрал остаток еды, спустился к речке, сунул было лапу, но от холодной воды отскочил словно ошпаренный. Побродив вокруг да около, обратил внимание на камни, что лежали посреди воды. В мгновение ока, проскочив речку, держал прямой путь к наблюдателю, которого отвели еще днем к камням на вершине горы.

На этот раз он не стал подходить прямо к перевалу по натоптанной тропинке. На ближайшем повороте свернул к каменной осыпи, и улегся в расщелине. Все запахи и шумы падали сверху, волчонок лишь приподнял голову. Раздался шум падающего тела, крик и все смолкло. Кто-то наверху сильно простонал от боли. Он уже узнал по крику голос. Но вот появились знакомые запахи, смешавшиеся с третьим. По козьей тропе, ведомый чутьем Адай добрался до стоянки наблюдателя. Там людей было трое: один связанный и два охранника, расположившись у костра, заваривали чай.

Адай, пронаблюдав жизнь у костра, прошел еще с километр от перевала, где заканчивался хребет горного кряжа. Светало. Местами виднелась тропинка, набитая в давние времена пастухами. По обе стороны хребта лежали долины, прикрытые сероватым туманом и полосатыми облаками. Кое-где выглядывали деревья, словно черные свечки, да прогуливался сильный ветер, разгонявший серую пелену под ногами. Нижний мир еще спал, хотя наверху уже сверкал снег.

Ленивый туман прятался в ущелье, забирался в пещеры, но неумолимое солнце находило его везде, заставляя вжиматься в скалы, расщелины. Скалы, трескаясь, нагревались, отгоняли от себя серого воришку. Вдруг сверху упал крик, над ним пронеслось черное и страшное. Адай спасла ловкость, он прошмыгнул меж камней, которые прикрыли его от давнего знакомого – того, кто подобрал его на островке среди озера. Выглянув из-за камней, он увидел гордый и злой профиль беркута и прилег. Лежал он долго, размышляя над тем: достаться кому-то на обед или убежать вниз к старику.

Волчонок нашел разумный ответ – остался на месте. Как только облака тронулись в путь, зверенок увидел недалеко от себя, метров на сто ниже, гладкий отлогий сланцевый склон. На нем, после утренней кормежки расположилось стадо горных баранов. Их было немного: три самки, четверо ягнят и вдаль на самом краю обрыва лежал самец. Самки беспечно лежали на самом солнцепеке, ягнята прыгали через них, бодались, шаловливо брыкаясь. Внимание волчонка привлекла черная точка, он вспомнил ее и зарычал. Самец вскочил на ноги, но тотчас был сбит ударом крыла орла, который намеревался схватить ближайшего молоденького архара. Хозяин стада покотился по камням, срываясь с одного карниза на другой.

Смятение охватило всех, кто находился на склоне. Тревожно бляя, перепуганные бараны, заматались взад и вперед. Высоко поднимая головы, они искали врага, но все тщетно. Успокоившись на некоторое время, они поглядели в бездну под ними и увидели вдалеке внизу, среди черных камней, тело своего хозяина. Услышав крик «ки-ки», бараны опрометью кинулись вниз по скалам. Адай услышал стук копыт, сопровождаемый грохотом мелких и крупных камней, которые, срываясь, покатались вниз. Этот грохот и услышали старики, которые уже были на перевале. Их встретил охранник наблюдателя, наклонившись к одному из них, он что-то шептал ему на ухо. Адай, увидев пожилых людей, взбрезнул с лендой и уселся на тропинке.

Старики, услышав лай волчонка, смекнули, что он хочет им что-то сообщить. Адай поднялся с нагретой земли и прошел по карнизу метров пятьдесят и снова уселся, ожидая хозяев. Амирхан, держа в руках копы, отталкивался от земли, помогая себе. Сапожник, как колобок, либо катился, либо стоял, ожидая, протянутую палку. Увидев отбежавшего волчонка, Жорас поднял несусветный крик, на который Амирхан только улыбнулся. Пройдя осторожно по карнизу, он обратил внимание на взгляд Адая, уткнувшегося вниз. Там, в тени скал, лежал их ужин, в виде снежного барана. Его надо было достать, вытащить из расщелины, а для этого чуть ниже находились молодые парни.

***

Для волчонка наступили знаменательные дни: свободно бегал по ущелью, лазал меж камней, обыскал все пещеры. Увернулся от дубинки, которой махал, угрожая ему охранник и убежал в ущелье. В одной из маленьких пещер что-то нашел, но не стал гавкать. Просто уселся у входа и с лендой взлаивал вовнутрь неё. Дед Бараса не стал подавать виду, что понял его, но пришел ему на помощь ночью. Засунув руку, обнаружил тыквенный кувшин, полный золотых самородков. Адай, сопроводив его до пещеры, отвернулся восвояси и стал искать место для ночлежки. По ночам ему приходилось сворачиваться в клубок, стало сильно холодать.

Последним вечером, когда все улеглись спать, волчонок, как обычно свернулся у ног стариков, прислушиваясь к ночной тишине. Ветер, гулявший по ущелью, глухо стонал в верхушках деревьев. Что-то ему не нравилось, поэтому, пролежав несколько часов подряд, тихо поднялся и проскользнул мимо людей. Приподнявшись на высокий камень, прилег и стал принюхиваться, обратив внимание на тропинку, что пролегла из предгорий. Под этим камнем проскользнула невидимая тень, прижалась к камню, выглядывая из-за нее в разные стороны.

Волчонок впервые приготовился атаковать врага, разворачиваясь на пятчке. В два прыжка он очутился над человеком, без рычания схватил его прямо за шею сзади. Раздался крик, шум падения тела и рычание волчонка. Все происходило уже на глазах проснувшихся стариков, и чуть было задремавших охранников. Охранники тянули его за шерсть, гриву, ноги, но он не отпускал незнакомца. Лишь после окрика Амирхана, Адай, наконец, разжал свои зубы и отпустил свою жертву.

Впервые волчонок познал победу, теперь он понял его смысл, будет узнавать издали о силе зла и добра. Адай, задрожав, впервые заскулил, осознав свою первую жертву. Это был известный на всю округу вражина, Жаман. Врага связали по рукам и ногам, положили на камень так, чтобы при любом повороте тела, он мог скатиться и упасть в ров, наполненный водой. Тихонько выскользнув из кольца людей, бессловесно наблюдавших за обыском потерявшего сознание человека, волчонок помчался к перевалу. Перед самым рассветом от горного кряжа умчался к родничку, чтобы полакать целебной водички. А его враг, поняв, что у него нет больше выхода из создавшейся ситуации, через некоторое время, скатившись в овраг, умер собственной смертью, утонув в воде.

***

Кругом было совершенно тихо. Родник лежал под каменной осыпью, чуть дальше, но волчонок никогда не подходил к нему напрямую. Вот и сейчас, обходя просторы родникового ущелья, он стал прислушиваться к шуму гор. Со стороны родника пришло известие о том, что на водопой прилетели горные улары или каменные тетерева. Перекликаясь, они созывали всех на утреннюю переключку. Адай, прижимаясь к камням, стал ползти к шумной стае уларов. Добыть еду ему ничего не стоило, высунув голову, он стал наблюдать, как сидят горные тетерева у водопоя. Три прыжка принесли ему победу, он схватил зубами не слишком ретиво поднявшуюся на крыло птицу и быстро закончил свой первый завтрак на свободе.

На горной гряде, разделяющий мир на две части, он оставался недолго. Холод, пробиравший вершины ущелья, остудил камни, выступы и погнал всю живность вниз. Проскользнув ужом мимо огромного камня, заслонявшего другую сторону хребта, волчонок стал взбираться дальше. Наконец, выбрался на карниз, огибающий отрог горы и прилег. Лежал тихо, поглядывая на открывшиеся просторы.

Он не знал, что в горах зима спускается, как по ступенькам. В первую очередь она ступила на безлесные вершины, освежила горные ели, став хозяином перевалов и ущелий, а предгорья покроеет чуть позже. Медведи, забравшись в пещеры, уже уснули, а козули и лани спустились вниз, лишь горные бараны и козлы задумчиво смотрели вниз, рассуждая, как пережить очередную зиму.

Там, под ногами волчонка, между несколькими хребтами лежала другая страна. Ему с трудом приходилось сдерживать себя, чтобы не завывать, хотя на призывный клич вожака стаи красных волков он не стал отвечать. Спустившись вниз, вывалился на крупном речном песке, и, не оглядываясь, ушел в новый мир. А к вечеру, когда спустился с вершины горы на плоскую площадку очередного ущелья, на перевале уже лежал тонкий слой первоснега. Он не знал, что его ждёт голод, холод и одиночество, хотя это чувство однажды испытал совсем маленьким.

Часть 19 Выживание

Посередине террасы оказалась глубокая впадина, которую Адай не видел. Но воздух, тянувшийся оттуда, упрямо звал его за собой. Очутившись на ее краю, волчонок прилег. Затем, медленно вытягивая шею, приподнял голову. Недалеко внизу, сгрудившись возле не замерзшего родника, паслось стадо диких баранов, преимущественно матки с детками при двух архахах-самцах.

Молодые, толкая рожками друг друга, играли на небольшом пятачке. Один забрался на камень, несколько других пытались его столкнуть и занять это место. Когда им это удалось сделать, то остальные, объединившись вместе с обиженным, начинали свою игру заново против другого. Отдохнув у воды, архахары, разделившись на два стада, потянулись в разные стороны. Адай увидев это, понял свою выгоду, соскочил с места и бросился вниз.

Какое-то мгновение стада заморожено смотрели на летящую к ним смерть, внезапно возникшую ниоткуда. Ближняя отара, разглядывая его, стояло настолько неподвижно, словно у них отнялись ноги. Но вот раздался отрезвляющий их крик самца, стадо бросилось на камни. Мгновение и их копыта застучали по камням. Лишь крайний архахаренок оказался малоподвижным, он и попался под летящее тело волчонка. Долго еще осыпались камни в быстро спускающейся темноте, гул камнепада разбудил тишину гор.

А когда этот гул утих, и горные бараны превратились в точки, Адай уже пировал. Подтащив остатки в пещеру, он улегся у выхода. Холодная ночь теперь ему не опасна. Где-то пищали

мыши, витали какие-то запахи, но он не обращал внимания на посторонние отвлекающие шумы. Ему было интересен другой мир, мир ущелья. Долго просидел волчонок, прислушиваясь к звукам гор.

Ранним утром на следующий день, волчонок, выскочив на выпавший снег, удивился самому себе. Подросла новая шерсть, в горле у него запершило, что трижды кашлянул каким-то новым, необычным звучанием. Закончив завтрак, добрав остаток, он выскочил на гребенку камней, среди которых он придавил птицу. Отнеся назад, в пещеру, волк не стал ждать. Спускаясь по козьей тропинке вниз, обратил внимание на множество следов, запоминая их запахи. В этих краях, особенно в низинах, водилось множество зайцев.

Кругом было совершенно тихо, лишь речка, скованная утренним морозцем, журчала на перекатах. Отмечаясь везде, он оставлял следы на камнях, переходах, старых пнях, заявляя права на свою территорию, ибо не встречал старых или новых отметок. Все было бы ничего, но через месяц-другой он стал тосковать. Одиночество стало ему напоминать, что рядом должен быть кто-то. Он был во всем волком. Несколько раз из его горла вырывались какие-то звуки, но он тут же замолкал. Это рождался в нем будущий волчий вой, придававший ему новую уверенность. В длинные, зимние вечера, с низин до него доносились волчьи переключки. Тогда из-за кипения крови он выскакивал на ближайший, высокий уступ и внимательно следил за предгорьями и ущельем.

К концу зимы, когда зайцы исчезли под толстой затвердевшей коркой снега, Адай решил перебраться вниз. Научившись мышковать, охотился на уларов, кекликов, зайцев в низовьях. Перед тем, как начать движение вниз он поднялся на уступ и послал в небо свой клич. Ему теперь доставляло удовольствие новый звук собственного голоса. Внезапно собравшись, волк напрягся, сердце бешено забилося, откуда-то издалека пролетел еле слышный вой. Такой же, как его! Волчий!

Он хотел было ответить, но сдержался. Инстинкт, который в нем проснулся одновременно с кипением крови, говорил ему о чем-то другом, об осторожности. Да и ответный вой был каким-то не таким. Он заявлял о главенстве и драке, возможно и приглашении на совместную охоту. Адай не стал спускаться вниз, решил выждать. Через некоторое время далекий вой отчетливо повторился, но уже громче, заполаяя все ущелье. Ему вторил другой, теперь совсем близко, у подножия самого карниза. Голоса стали множиться, дробясь на более мелкие, исчезая в каменных распадах.

Чужая стая собиралась на ночную охоту, по одному выныривая из темноты на белый снег поляны. Адай сидел тихо и дрожал. Ночные запахи поднимались вверх, ветерок с теплой низины доносил до него новые вести. Он не испытывал страха, но не был готов идти туда, к ним. Долго еще оставался он на вершине горы, разделявший мир на две части.

Всю ночь волк оставался поблизости от охотящейся стаи красных волков. Близо не подходил, выбирая высокие холмы и заучивая приемы охоты. На равнине волки убили двух диких косуль и пировали почти всю ночь. Тяжело поднявшись, они укрылись в ближайших оврагах. Адай, сделав круг, вывалился в кровавом снегу и провалился среди чужих запахов целый день. Под вечер, проскочив обратно в горы, скрылся на своей территории.

Словно проверяя себя и подраживая другим, он снова вскинул голову, посмотрев на освещенную луной горную вершину. Из горла вырвался настоящий призывной вой, заявляющий о себе. В ту ночь стая охотилась вновь, но безуспешно. Выходили они и следующие ночи, но горы сковал мороз и стылый ветер, загонявший все живое в тепло. Всю весну и лето он провел в горах, иногда спускаясь в ущелья. Так прошел ещё год.

***

Он уже не боялся ветра, снега или дождя, но все равно любил весну, когда погода давала ясную надежду на жизнь. За ним охотился горный барс-ирбис, пересекал пути шагун, но больше доставалось от соплеменников. Каждый старался показать себя хозяином положения, но Адай не давался просто так. Он боролся, доказывая своими зубами, клыками, ногами и прыжками среди камней право на существование в этом мире.

Пять волков, объединившись в стаю, прошлой осенью терроризировали всю округу, появляясь даже в аулах. Число их уменьшалось до минимума, то становилось больше, но на некоторое время. Во время атак на кошары или скотные дворы, в стае оставалось один-два волка – самка и какой-нибудь переярок. Она подбирала остатки других стай, которых загоняли в ущелье охотники, и водила за собой до следующего нападения на аулы.

На этот раз в стае осталось три волка – самец, самка, и переярок. Тошие с облезлыми боками и безумными глазами от голода, трусливо косясь друг на друга, поджимая хвосты, пересекли след Адай, который учуял их за версту. Поднявшись на камень, он оглядел ущелье и увидел, как по его следам несутся три серые тени, подсвечиваемые луной. После часа ожидания, бывший волчонок повел их за собой. Бежал нехотя, с ленцой, в гору среди валунов, больших камней, к себе в засаду.

В ущелье Адай нечаянно нашел террасу, на которую нужно было вспрыгивать с разбега, резко отталкиваясь у подножия горы. Для того, чтобы забраться на неё, чужому волку нужно было пройти через отверстие в скале, пробежать меж камней, запрыгнуть на террасу, поднять на гребень камня, чтобы сразиться с ним. Отверстие было таким узким, что пропускало только одного нападавшего, а на площадке гребня мог сразиться только один волк. Поэтому Адай спокойно ждал, задрал голову к самой Полярной звезде. Все его тело от ожидания напряглось, мышцы вздувались буграми, он стал готовиться к атаке нападавших. Горло его стало сжиматься, судорогами выплескивая вой.

Первый волк, а это был самец, кинулся смести наглеца с площадки, но покатился вниз, даже не поняв, что горло и яремная вена располосовано клыками Адай. Переярок тоже не стал ждать. Он был уверен, что победит врага. Вскочив на террасу, по началу растерялся. Заскочив на гребень камня, завизжав от боли, упал вниз с переломанной челюстью. Самка оказалась намного умнее, вместо атаки, она предпочла лечь на снег, выжидая, что будет делать тот, кто стоит наверху. Потом встала, поджав хвост, заскочила на террасу, подобралась к гребню, но не стала подниматься. Волк, соскочив с площадки, стал кружить вокруг неё, не обращая внимания на кашляющие звуки переярка.

Боевой задор волка уже угас, в нем заговорила та хитрость, которая не раз выручала его в опасные минуты. Вскочив на камень, бросился бежать среди скал, зная, что неподалеку находится тайная пещера, где он скрывался в минуты опасности. Посреди пещеры была вырыта кем-то яма, в которую проваливались спешившие за ним охотники, больше никогда не появляясь на его пути. Так было и с ирбисом, так было и с медведем, голодной стаей в тринадцать голов. Адай, перескочив через ров, становился напротив и ждал врагов, залетавших в пещеру один за другим. Так было всегда, на этот раз волчица не заскочила, а вошла, втекая в темень, будто зная о ловушке. Она улыбнулась ему и улеглась на краю глубокой ямы, где гнил не один десяток трупов.

Часть 20 Привычный мир

В этот год в горах выпало много снега. Многие животные спустились в предгорья, где ветер, разгоняя снег, заваливал ущелья и овраги. Уже неделю стая красных волков, спустившихся от голода с гор, бродит по заснеженным полям. Им не дают днем жития дозорные на конях, наблюдающие с высоких холмов за долиной. Потеряв многих сородичей, стая уходит в глубокие овраги, чудом оставаясь в живых. Высохшие, отощавшие, с облезлыми боками, из которых выпирают рёбра, с дикими глазами, мотаются по предгорьям, не приближаясь к аулам. Днём волки поодиночке залегают в каменных распадах, собираясь к ночи в стаю. Обнюхав друг друга, шастают по широкому раздольным степям и предгорьям в поисках еды. Где-то нашли старые кости от своего бывшего пиршества.

Ночное небо покрыто мерцающими холодными звёздами. За суетившимися вдоль горизонта облаками всходит луна. Её свет падает на снег, искринками отражаясь в ночном воздухе. Что-то тайное, смутное, тревожащее в этом странном желтоватом свете. Когда звери добираются до высокого холма, господствовавшего в этой местности, мороз и ветер уже набирают силу. Волки сбиваются в кучку и принимаются выть, жалуюсь ночной хозяйке на холод, раны и голод.

Бросив взгляд в темное пространство, вытянувшись, первым завывает самый старый. Он приседает на взгорке, поджимает хвост и поднимает узкую морду вверх, к Луне. Вой получается слабеньким, он не имеет той прежней былой силы, да и не мог кого-то напугать. Вокруг никого нет. В это время всё живое уже успело спрятаться поближе к теплу. Белый снег,

что лежит толстым слоем в оврагах, распадках, равнодушно слушает их стоны. Так же, как и ночная красавица, терявшаяся среди облаков, упрямо тянувшихся куда-то на юг, ближе к солнцу и теплу.

Далеко внизу, под склоном горы, у речки, уютно притулился, сложенный из камня, домик пастуха, скотный двор. Кое-где ещё светятся огоньки, и на взгорок поднимается тёплый запах коров и овец. Залаяла собака, услышав вой волков. Ей вторят соседки, выходят на лай пастухи, держа в руках дубинки. И стая поплелась по бугру вдоль кромки ущелья, навстречу ветру и судьбе, двигаясь гуськом. Впереди идет старик, повидавший в этом мире всё, что можно увидеть. Благодаря ему, стая выжила и как-то сохранилась. Остальные, след в след, ступают за ним, оглядываясь на огоньки поселения и скаля зубы.

Задует сильный ветер, вольно и беззастенчиво гулявший по предгорью. Внизу позёмка поет свою песню, струясь зигзагами по земле и заметая ложины. Голодным волкам кажется, что белая пустыня их ненавидит за то, что они ещё живы, ещё бредут шагом, что-то ищут в этой ночной стылости. Они чувствуют далёкую тревогу, что с ними должно что-то случиться. С кем именно не знают, но предчувствуют. Наиболее сильные группируются и держатся в сторонке. Молодой и глупый волчонок жмется от страха к старику. Вдруг стали драться два волка, наиболее здоровые и сильные. Стая остановилась, безразлично ждет окончания драки, пока те не проваливаются в глубокий снег. Чуть позже ещё три волка, шедшие последними, стали отставать. Они хотят вернуться обратно, но, заметив, что соплеменники вдруг исчезают за бугром, а позёмка заметает их следы, кинулись из последних сил догонять стаю.

До рассвета остается немного. Обессиленная стая собирается вокруг старика. Хуже всех становится трёхлетке, который прошлой ночью упал в каменистый овраг. Он прилег на снег, закрыв глаза от усталости. Куда не поворачивался вожак, везде встречает острые морды с блестящими от голода глазами и чувствует, что нужно принимать срочное решение. Судьба раненого волка уже решена. Он даже не успел подняться на ноги, как его рвали на куски. Все сбиваются в один катающийся, рычащий клубок. Мелькают острые зубы, окровавленные пасти. Через некоторое время все кончается.

Позёмка заметает жертвенное место, но осталось и следов. Стая разбредается, каждый ищет себе укромный уголок. Зарываясь в снег, ложатся по старой привычке носом к ветру, и воют. Воют по-разному, а буря, разыгравшаяся под утро, кромсая, разбрасывает их вой в разные стороны. Ничего не видно во тьме. Даже звёзды стыдливо прикрываются облаками, а луна исчезает на время, чтобы не видеть тот разбой на земле. Новый день начинается с трудом, не спешит раскрывать крылья света, зарождающие новые надежды.

***

Адай следил за ними долго. В эту ночь голодная стая вновь собралась вместе. Они начали охоту на косулю, которая тоже спустилась с гор на равнину, поближе к теплу и корму. Было светло, ибо луна решила помочь волку, который, увидев её, востроился. Красные волки, охватив подковой свою будущую жертву, загоняли в овраги. Косуля, чувствуя беду, рвалась из последних сил в горы, где среди камней она имела хоть какое-то преимущество.

Весенние нотки, задевая крыльями неизвестности, заставляли его тело ныть в сладостном предчувствии чего-то. Оно пришло тогда, когда почуял запаха самки. Беззвучно и неожиданно наш волк выскочил из темноты. Напрягая тело до невероятности, быстро нагнал косулю и кинулся на неё тогда, когда заметил, что к прыжку приготовился старый волк. Вцепившись в мягкое горло лани, волк повис на ней, тормозя своим весом её усталое тело. Стая красных волков плотной кучей навалилась на придушенное животное. Как только косуля востроилась в последний раз, Адай выскочил из-под неё и уселся в стороне, наблюдая, как прожорливая стая покончит с его жертвой.

Когда все стихло, а полуголодные глаза стаи волков уставились на пришельца, то их возбуждение стало вновь подниматься. Вперед вышел старый волк, повидавший многое в этом мире. Чужой приподнялся, приготовился, зная, что будет за этим.

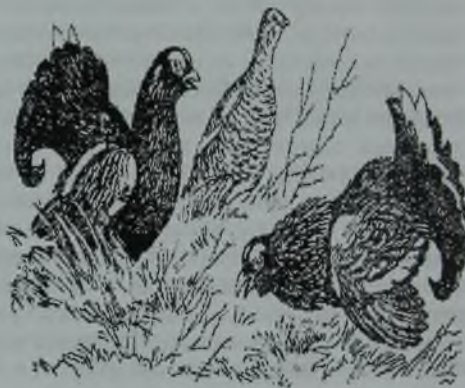
Старый не стал ждать, он пошел в атаку с ходу, нацелившись в горло пришельцу. Тот тоже не стал ждать, просто высоко подпрыгнул, пропуская под собой опытного, но усталого бойца. Опустившись сзади, Адай полоснул его клыками, раздирая заднюю ногу. Старый, зная, что смерть уже близка, рванулся ещё раз, шёлкнув в воздухе зубами. Но чужак увернулся, моментально вспоров ему бок. Самец не успел обернуться, как стая бросилась на него, чтобы отнять жизнь у ненавистного ими хозяина. Спешно закончив свои дела, приободрившаяся стая улеглась на пригорке. Пришелец стоял в сторонке и ждал своей участи. Выступившая вперед самка, прикоснулась к нему хвостом, приглашая его идти за собой.

Волчица, в плотном окружении пятерых волков мчалась в горы, она думала о своем, а самцы – об исполнении своего долга. Так было и так будет всегда: впереди драки, грызня, убийство соперников и многое другое из мира продолжения жизни.

Часть 21 Весна

Поздно проснувшись, самка вылезает из норы. Горное утро тяжело снимает свои покрывала, словно устало за долгую ночь. Сладко зевнув, по-собачьи вытянувшись на поляне, прогнувшись, сделав вытяжку до хруста позвонков, прислушивается к утренней тишине и тянет в себя воздух, приносясь к запахам ущелья. Встряхивается, разбрасывая по сторонам старую шерсть, долго трется о выступ камня, зорко следя за событиями утра. Через некоторое время волчица снова принохивается к воздуху. Она знает, что самец уже давно ушел искать пропитание семье.

Поляна звенит лёгкой утренней прохладой. Горный мир истосковался по весеннему теплу, поэтому пахнет как-то по-особому. Солнце, выбросив свои золотистые лучи, собирается разогнать серый туман, стараясь подсушить склон ущелья, отсыревший за ночь. Весна только начала набирать силу, немножко приподнявшись в этих краях. На каменном ложе ущелья звенит небольшая речка, которая постепенно меняет цвет, от синего утром до белого к вечеру.

Словно шарики, цепляя друг друга, через некоторое время после матери, кубарем выкатываются из логова маленькие волчата. Они повторяют всё то же, что делала их мать до этого: вытягиваются, скалят зубки, озорно поглядывают друг на друга. По мягкому песку весело погонялись за невидимкой, играя в прятки. Беззаботно погрызли старые рога архара, пощеничьи, лая на весь белый свет. Но тихий рык матери заставляет успокоиться детей и занять выжидательную позицию у норы. Звери замирают, вслушиваясь в утреннюю тишину.

Где-то начала петь неизменную песню кукушка, о чём-то прокричал ворон, шумно слетает с высокой старой вербы каменный глухарь, и высоко в небе трубят весну поздние клинья журавлей. Стоит простое обыкновенное апрельское утро с проблемами и заботами каждого дня. Весенний, лёгкий ветер, промчавшийся по ущелью, поляне и речке, снизу вверх и обратно, приносит какие-то свои, особенные запахи, которые учуяла только самка.

Волчица обернулась, оглядела своё семейство и коротко рыкнула на волчат, которые, словно по команде, развернулись и побежали в логово, устроенное под огромным камнем. Только самый крупный волчонок, не спеша, постоянно оглядываясь на мать, доходит до норы, но ложится у самого выхода.

Ещё в давние времена сильное землетрясение, прогулявшееся в этих краях, меняя облик гор и многих ущелий. Она раскатала крупные камни, которые, покотившись вниз по склон горы, создали камнепад. Потом сорвала карниз горной гряды и уронила его на северный край поляны. Его более ровная верхняя часть упала на старые камни, зацепившись за обрывистый склон, остался висеть на долгие годы, сделав уютный и удобный навес для многих поколений диких зверей. Волки подкопали под камнем яму, расширили, утрамбовали землю и устроили удобную

нору. Подраставшие волчата уходили в горы, спускались в предгорья, уходили даже в пустыню, но возвращались сюда поздней осенью по свежевывапшему снегу, редко, но в меньшем количестве.

Волчица начинает свой обычный маршрут от кустов ежевики, оставляя пахучие метки на деревьях и кустах, обозначая и напоминая всем границы своих владений. Заглянула на каменную осыпь, где погоняла мышку, а потом поскакала за бурундуком и, запыхавшись, уходит в голубоватый ельник. Походила по прошлогодней гари, постояла у нижней гряды камней, вслушиваясь в шелест сухого тростника. Легко примирившись с неудачей, серией длинных прыжков, выскакивает на перевальную седловину. Долго стоит над мышьиной горкой, принохиваясь к свежевыброшенной земле.

Потом, не оглядываясь и не останавливаясь, поскакала до речки, где растут кусты дикой розы, на которых то там, то здесь, висят засохшие рыжне с черными крапинками ягоды. От речки потянуло лёгким ветерком, а вместе с ней приходят чужие запахи. Сделав стойку, упершись четырьмя лапами в мох, волчица стала неподвижной, только широко открытые глаза следили за молчаливым пространством приречья. Уши вертелись, чутко настраиваясь на охоту. В ней всё замерло. От возбуждения и пустоты в желудке у неё потекли слюни.

Мартовский воздух пахнет талой землёй. С глубоких оврагов ещё тянет ледяным холодом, но пригорки стали оживать. Появились подснежники, травка, наполнились соком кустарники перед тем, как выбросить листочки. Ветерок, что гуляет у реки, шевелит ветками высоких берёз и разлапистых верб. Горы живут по своим законам, а здесь, у речки, словно другой мир: мерный шёпот весенних вод, жиденький туман на опушке поляны и какая-то возбуждённая тишина, готовая взорваться хлопаньем крыльев десятка каменных тетеревов.

На берегу речки, у березняка, кто-то неуверенно бормочет и булькает, как будто лили воду крупными каплями в широкую и полную ванну: буль-буль-буль. Волчица увидела на деревьях сероватые комочки птиц. Улары, поклёвывае берёзовые почки, прохаживаются по веткам туда - сюда, о чём-то переговариваясь между собой и бормоча этакое для молодежи. Чуть в сторонке, на самой высокой берёзе, на ее вершине сидел старый-престарый петух, разительно отличавшийся от других тетеревов густой чернотой маховых перьев.

Вздувая шею, крутя красной головкой и чему-то, кланяясь, словно хвастается перед окружающим миром истинно красивым лирообразным хвостом и волшебным гребнем. В особом состоянии пыхтел завораживающим голосом: «Чуф-чыф - бу-бу-бу». Ему чинно, с подобострастием вторили молодые петушки, заучивая первые уроки весенней любви и впадая в экстаз любовной лирики. А на земле низко клонят головы самочки, устраивая потасовки между собой за право быть рядом со старым токовицом.

Старичок входит в азарт, весь распалился, распушился и слетает на землю. Пробегаётся по кругу, чертя крыльями на песке, высоко подпрыгивает на коричневый камень, глухим голосом приглашая всех в круг. Слетает на землю вся стая, начали собираться, выходя из кустов запутавшейся в конец ежевики, оживлённо квокая, уларки. Начинается весенний ток горной птицы.

Волчица прилегла, возбуждённая от носящихся запахов, встала, снова прилегла, словно не решаясь на очередную охоту. Пошла, остановилась, сделала два-три робких шага, снова остановилась, постояла, подумала и тихо, очень осторожно вошла, как будто втекла, в тальник, отделявший её от птиц, и медленно прилегла на землю, слившись с травой и кустарником. До токовища птиц далековато. Зверь долго лежит неподвижно, надеясь, что тетерева подойдут поближе. Решив нападать, она ещё плотнее прижимается к земле, словно хочет в ней раствориться. Можно пройти рядом с ней и не заметить её.

Уши плотно прижаты к голове, до узких щелочек прищурены глаза, как будто и дышать перестала. Держа голову на одном уровне и следя за поведением птиц, начала тихонько ползти, останавливаясь от каждого их движения. Ползла долго, нудно и упорно, но азарт, голод и семейство подгоняет волчицу и заставляет вести упорную борьбу с собой.

А токовище в самом разгаре. Старый улар серым пятном подхвостья мелькает на поляне: то запрыгнет на колодину, то вскочит на кочку, то погоняет молоденьких петушков, успевая на ходу клонуть малодушного соперника, возбуждая всё токовище. Набравшись мужества, навстречу ему одновременно поднимаются три петушка, отважно бросаясь в бой с краснобровым ханом местных угодий.

Один из них сразу теряет лирыот удара острых когтей, другой потёк кровью алых бровей, а третий потерпел неудачу в воздухе. Всё мелькало и топорищилось: то синева и белизна, то пёстрое и рыжее. Птицы подпрыгивают вверх, кружатся по поляне, стараясь, перекричать друг друга.

Воспользовавшись отчаянной шумихой, поднятой птицами, волчица одним броском перемахнула через кусты тальника и длинным настильным прыжком кинулась к птицам. Стая стала в панике разлетаться, кто куда - спасая только себя. Самочка, что поднимается в воздух из-под ног зверя, попадает под него и, обломав крылья, падает на землю. Залитый кровью петушок, оставшийся во время драки без одного глаза, тоже становится добычей волчицы. Она ещё долго носится она по токовищу, где остается запах возбуждённых птиц, и прилегла отдохнуть, поглядывая на ещё трепыхавшуюся птицу.

Её она съедает сразу, тут же на полянке, только ветер уносит лёгкие перья в разные стороны. Приближаясь к логову, волчица положила на землю вторую птицу, подняла морду, и громко завyla, напоминая Адаю и семье о себе. Через некоторое время появляется и он, держа в зубах зайца.

Часть 22 Право на жизнь

Утро встает бойко, предъявляя свои права сероватым предгорьям. Белесый мартовский туман, словно большой, с трудом и неохотой уходит в глубокие овраги и ущелья. На высоком холме, откуда далеко видно окрест, стоит одинокий волк с жёсткой скатавшейся зимней шерстью, свисавшей клочьями на облезлых боках. Словно, что-то предчувствуя, осматривает огромное степное пространство.

Среди горных ущелий выживает только он один, его стая прошедшей зимой понесла крупные потери. Не дают покоя охотники и пастухи, проводя облавы и погони. На последней облаве ему просто повезло. Люди охотились на волков с беркутами, которые падали на них сверху. Семья погибла сразу, не могла самка бросить маленьких волчат. Если бы не та старая пещера с провалом, висеть бы и его шкуре на перекладине. Голодные драки между собой и суровая зима доделывают своё дело. Со скрежетом, с какими-то хрустом вдоль спины, будто только проснулся, Адай с серовато-красной мордой и прокушенными ушами, сладко потянувшись, оглядывается на горы.

Некоторые волчьи стаи ещё остаются на горных тропах и по глубокому снегу промышляют на архаров. К середине марта, когда тает снег на земле, они спустятся в степное раздолье. Скоро и здесь будет очень тепло, вот-вот выйдут сурки из глубоких нор, появится новое поколение сайгаков. Стада сайгаков и стаи волков, как неразлучная пара молодых, не расстаются в любое время года, кочуя в горы и обратно в степи – в зависимости от сезона года. Так было всегда, веками.

Там, куда уходят с предгорий сайгаки, начинает парить. Солнце уже хорошо прогревает землю на южных склонах холмов. Воздух и земля, тающий снег и журчащая вода, только-только наступившая весна возбуждают волка с красноватой шерстью и наполняют его неведомыми чувствами. Что-то игривое, шальное, будоражит нервы и тело дикого зверя. Оно сидит в нём пока ещё далеко: где-то в укромных уголках сознания, а на первом плане - голод. Чувства обостряются, что-то непонятное подкатывает к сердцу.

Долго рассматривает широкую степь Адай, словно чего-то ждет, вглядываясь в аул, находившийся далеко внизу. Четко осознает, что именно оттуда исходит опасность, горький опыт прошлых лет говорит, будто подсказывая ему, будь всегда осторожен. Оттуда слышится лай собак, крики запоздалых петухов и нехотя из труб домов поднимается дым. Ночной морозец, слегка сковавший тонкой льдинкой лужицы, свернувшись, исчез в лощинах. Кружась по голым пятнистым холмам, налетает на зверя шальной ветерок, принося запахи ночи и улетающая дальше в горы.

До чуткого слуха зверя доносится далёкий крик раненого зверя с той стороны, куда ушли сайгаки. Тело упруго настроилось, принимающая холод утра, ощущая боль постоянно ноющего голодного желудка. По оврагам и лощинам волк куцым скоком скачет в сторону новых звуков. Бежит долго, часто останавливается, выглядывая из оврагов и выбегая на пригорок.

Увидев охотника на лошади – насторожился, уступая ему дорогу. Спускается в овраг и залегает среди мелкого кустарника. Всадника слышно далеко. Волк навсегда запомнил стук копыт резвой лошадки, методичное трение колчана с луком и стрелами, ударявшегося о седло, и долгий тяжёлый кашель уже пожилого человека. Волк помнил его – охотник на волков был безжалостен: ставил капканы, начиная отравой жертвы, чаще всего кроликов, которых выращивал во дворе.

Через некоторое время Адай насторожился: ко всем запахам утра добавился запах пота лошади и табака. Среди них вдруг он явственно ощущает запах крови, такой свежей и знакомой. Сразу сводит желудок, снова возникают боли в животе, со свисающего языка капает слюна. Пропустив своего врага, выскакивает их кустарников, проверяет направление ветра. Зверь, выйдя на след лошади, опускает голову и нюхает каплю крови. Подняв голову, кинулся бежать назад по его следам, но внезапно остановился. Долго думает, вглядываясь в предгорья, что-то соображая.

Развернувшись, бежит обратно по следам крови против лёгкого ветерка. Местность даёт знать, что здесь прошли сайгаки, и тут же прошла охота на них. Очень силен запах свежей крови. Отощавший зверь, кое-как перенёсший тяготы зимы и чудом оставшийся в живых, упорно бежит по пятнам крови, испытывая глухую злость и закипающую ярость на мнимых врагов, которые могут успеть раньше его захватить добычу.

Запахи дурманят волка, кружат голову и покачивают тело. Острый взгляд и чувственный нос заставляют двигаться только в одном направлении. Бежит скачущей тенью по серой земле, холодному снегу, временами хватая пастью прохладную воду из луж и испытывая постоянную острую, режущую боль в пустом желудке.

Высочив на пригорок, он увидел, как в огромной низине бродят в поисках корма животные. По краю оврага заметил хромающего сайгака, часто ложившегося на землю. В широкой ложине, окружённой невысокими холмами, прошлогодняя трава имеет вид свежего сена. Укромное место для отдыха, откуда можно всегда уйти в горы или пустыню, так как хорошо просматривается со всех сторон. Любой враг, появившийся в пределах видимости диких животных, вынужден подняться на холмы, откуда он отчетливо выделяется на фоне голубого неба.

Раздается сигнал сторожевого самца. Всё стадо встает, повернув голову в направлении опасности. Увидев волка, ближайшая группа сайгаков приходит в движение, заставляя всех перейти в крутой аллюр. Дикий зверь, зная повадки животных, прилёг и затаился, наблюдает за их поведением, одновременно не выпускает из поля зрения раненого сайгака. Через некоторое время стадо останавливается на склоне пригорка, потеряв из виду волка и с тревогой наблюдая за изменностью. Они знают, что есть опасность и нужно помочь товарищу, но боятся хищника.

Потерявший много крови сайгак, переходит в галоп, но не может долго бежать. Его сильно шатает от потери крови и ослабевшего организма. Перевернувшись через голову, падает, кое-как встает и хромая, бредет дальше вслед ушедшему стаду. Волк осторожничает, внимательно изучая местность и вероятных противников. Убедившись, что он единственный охотник, спускается назад в ложину, по большому кругу выбегает наперерез сайгаку и залегает в прошлогодней траве, слившись с травой вольной степи. Животное, раненное стрелой охотника рано утром, успело уйти от него, но не может спастись от зверя.

Шатаясь от потери крови, спотыкаясь на каждом шагу, сайгак без сил падает на песчаную землю на расстоянии двух-трёх прыжков от волка. Охота продолжается. Дикий зверь прижимается к земле, выискивая точки опоры для прыжка, но почему-то останавливается. Сайгак лежит неподвижно, закатив остекленевшие глаза к высокому небу. Ему уже всё равно, этот мир перестает для него существовать.

Волк далеко не уходит. Насыщаясь мясом, валяется на тёплом песке, постепенно поправляется, принимая осмысленный вид. Старая зимняя шерсть скатывается, а новая начинает блестеть, отражаясь рыжевато-красными подпалинами на боках. Прожив здесь три дня, Адай приходит в себя, замечая, что вокруг многое изменилось. Весна, хозяйка части года, вступила в свои права на этой земле.

Часть 23 Охота на волков

Надо быть честным – еды бедному ученику медресе не хватало. Вечно голодный он должен уметь выжить в любых условиях, постоянно сдавая суры Корана, которые нужно знать на зубок на арабском языке. Мало этого – мулле необходимо рассказать смысл каждого слова, обозначенного в божьей книге. Вот и поехал на попутной подводе, отпросившись у муллы, к младшей сестре матери, что жила у подножия гор в небольшом селении от медресе, дабы подкормиться и прихватить кое-что на прожиточный минимум. На следующий день тетя попросила его съездить к своему мужу, работающим пастухом на отгонных пастбищах: нужно познакомиться с ним, узнать о его самочувствии, отвезти сменное белье и еду. Оседлав коня, Барас в полдень отправился к кошарам, что белели в горах.

Под вечер, когда сумерки спускаются на плоскогорье, а горы ещё полыхали в отсветах заходящего солнца, его встречают злые собаки пастухов. Узнав коня, перестали нападать и лаять, но сопровождали до жилья. Из дома выходят люди и дядя, узнав, что перед ним близкий родственник, стал расспрашивать о домашних делах. Казах, он тем и казах, что, пока не расспросит о доме, родственниках и других мелочах жизни, не успокоится.

- Если собаки признали тебя своим, то можешь не бояться: они узнают тебя и через десять лет, – сказал родственник и добавил, – но, если не признают, то лучше берегись, обходи стороной. Завтра к вечеру здесь будет много людей. Оставайся, тете сообщу. Посмотри, как будут охотиться на волков, тревожащих отары овец. Какая-то стая хищников не дает покоя, благополучно скрываясь в ущельях гор. Ранним утром переходят горную речку, исчезая под скалами. Только вчера пастухи смогли определить, откуда выходят и куда скрываются. Поэтому вызваны охотники из аулов, приедут военные, после охоты уедешь вместе с ними.

Поздней ночью, когда все легли спать, Барас вышел на улицу и обомлел от черного бездонного неба. Звезды, близкие и далекие, белые и голубые, большие и маленькие, мерцали над старыми горами. Холодный и кристально чистый воздух мурашками отзывался на коже. Поднявшись вместе с сопровождавшими собаками на вершину горы, остановился очарованный глубиной ночи. Вот тогда-то впервые появилось ощущение, что он живет на дне океана: океана звёздного мира, дном которого является мир, в котором находился.

Утром ему дали лошадь, отправив вместе со сверстниками к отарам. Взрослых оставили расставлять юрты, готовить еду и убирать территорию. Баю и его свите поставили белую юрту, охотникам и пастухам – простые. К полудню прибыли купцы и разложили свой товар на пригорке. Неизвестно откуда появляется парикмахер, ножницами стрижет под ноль всех подряд. Везде царит суэта послепешных сборов, распределения лошадей, сбруи. Кто-то варит в огромном котле барана, а женщины накрывают низкие столы для гостей. К вечеру во дворе кошарни загородили уголок, там бродячие артисты пели и плясали для народа. Даже собаки убираются подальше от этого сборища людей. В скромном уголке дастархана достается место и Барасу, вечно голодному ученику медресе.

Старший охоты поднимает всех очень рано. На улице стоит крошечная тьма. Многие пастухи и охотники так и не ложились спать. Посмотрев выступления артистов, они долго слушали главного распорядителя и, позавтракав раньше всех, седлают коней, без шума выезжая со двора. Егерь распределяет направления и разводит охотников по точкам. Пастухов, вооружив дубинками, отправляют к отарам. Начальники, кряхтя от вчерашнего избытка, уезжают вслед за подъехавшим егерем, оставившего Бараса и дядю наблюдателями на вершине горы.

Холодный горный ветерок пробирает парня до костей. В далёком прозрачном воздухе, где лениво перетягиваются и ворочаются хмурые небеса ещё нераскрывшегося дня, стоит таинственный мглисто-сизоватый налёт. Что-то тёмное, мрачно-сладострастное подкатывается к сердцу парнишки. Сжимает горло, заставляя томиться от смутного предчувствия тело. Слышно, как далеко внизу в ущелье стрекочут сороки, шныряя в воздухе длинными, чёрно-белыми стрелами. Порхая с дерева на дерево, темнея комочками на снегу, неутомомно трещат, поднимают на ноги всю округу.

Где-то у самых дальних отар послышался лай собак. Послышался далекий крик, второй, третий, но каждый раз приближаясь и раздаваясь громче: «Пошли, пошли». Исчезают птицы, и все вокруг замолкает. Вдруг внизу ущелья из-за скал выкатывается стая волков. Звери в запале уходят от собак и охотников на конях. В длинном настильном прыжке стремительно бегут от погони вверх по руслу речки. Видно сороки уже успели рассказать, что на пути их ожидают охотники.

Дядя Бараса, увидев погоню, вдруг так сильно закричал в азарте, да так что кони под ними шарахаются в стороны. От громopodobного голоса разверзается тишина. Увернувшись от встречной стрелы, старый седой волк, повидавший многое на свете, резким махом спрыгивает с камней и, увязая в прошлогоднем снегу, старается перебраться через речку, чтобы уйти в другое ущелье, прихватив за собой двух волков.

А самка, коротко всплакнув, потянула за собой оставшуюся стаю в другую сторону. Из понизовья послышался хлесткий крик. Выскочивший из-за камня охотник выстреливает из тяжелого лука. Старый самец, рванув задом, на мгновение приседает на камень. Стал падать, но справился, привстал, стал странно двигаться боком. Вторая стрела укладывает его на каменистую осыпь. Крики людей и звериного рыка смешались в этот момент. Оставшиеся волки не ушли: украсив снег красными полосками крови, лежат на тонкой полосе прошлогоднего снега.

Тем временем, не разбирая дороги, Адай мчался к реке, он знал, что за ней проходная пещера, глубокая яма, всегда защищавшая его от врагов. Там в своё время оказались снежный барс-ирбис, наглаватый медведь и несколько волков. Только бы успеть. Вокруг свистели стрелы, вышибая кусочки камешков из скал. Он настолько устал, что падал, но поднимался и бежал, только это могло спасти. От последней стрелы увернулся в самый последний момент, волк прыгнул в реку. Вода унесла его за поворот и выбросила на песчаный плес. Подбежавшие охотники его не видели, а у него не сил совсем.

Перед прыжком, оглянувшись на миг, увидел, как оставшаяся стая со старой волчицей несется к спасительному ущелью. Уставших волков рвало. На белом снегу лежат куски парящего красного мяса. Но их везде достают остроконечные стрелы. Хищники падают в прыжке, переворачиваются, катаются по холодным камням. Хватают себя за раненные места и стрелы, погибая в длинном и тонком вое. Одного из волков от удара стрелы, перевернув, бросило на камни. Самка, почувствовав, что не доберётся до ущелья, в шатающемся броске ушла в гору. Сверху видно, как стрелы с железными наконечниками, попадая в камни, выбивая фонтанчики песка под ногами, отмечают её путь.

Родственник Бараса стал срывать с плеча свой лук: самка и два перьярка бросаются бежать трусцой в их сторону. Далеко отстают преследующие собаки, хватая снег. Всадники безуспешно гонят коней, еле-еле перебиравшими ногами среди нагромождения камней со снегом. Находившиеся поблизости охотники выезжают из распадков, выстраиваясь в длинную цепь. Падают еще два волка, скребут ногами по камням, замая хвостом снег. Самка стала оставлять кровавые следы на снегу. Выстрелы из луков прекращаются.

Родственник, махнув Барасу луком, спрыгнул с коня и стал спускаться по крутояру вниз. Выбрав на осыпи приличный камень, усаживается на него и катится вниз, тормозя ногами. На приличном расстоянии самка, увидев их, встала. Безразлично поглядев по сторонам, стала двигаться дальше. Прижав уши к спине, напрягшись, готовится к решительному прыжку. Старается запрыгнуть на большой камень, но сил уже не хватает. Еле поднявшись, самка приседает, прижавшись спиной к камню. Барас с дядей останавливаются в десяти-пятнадцати шагах от нее. На них смотрит шилообразная оскаленная морда с ужасными глазами в предсмертном сиянии и непримиримой ненависти. Стрела, выпущенная из боевого лука, укладывает её на месте, но она пытается встать, судорожно вытягивая тело, скребя вялыми ногами по снегу и камням.

Часть 24 Охота на быка

Июнь – это начало учебного отпуска студента и дорога домой. Ощущение законченности определенного этапа жизни, отсутствия долга и какой-то свободы, именно той, что началась сегодня. Отдых и беззаботность только предполагаются. Они сидят где-то там внутри Бараса и напоминают, что столько-то дней впереди, когда не нужно думать о Коране, обязанностях, надоедливых муллах, вечно недовольном наставнике и суетливых друзьях. С такими мыслями он сидит на телеге, запряженной волами, мчавшейся со скоростью черепахи по обширным степям южного Туркестана.

Проезжая по мосту, Барас обращает внимание на каких-то собак, сгрудившихся на той стороне реки, на листву деревьев и разницу в поросте. Дорога, набитая копытами коней, быков и другими животными, белея сероватой пылью, тянется непрерывной серой полосой, прерываемая зеленым морем, узкой полоской синей воды и голубыми небесами. Дорога затягивает, наступает безразличие, дрема, дергание тела в такт колес, негромкий да незлобивый окрик погонщиков каравана.

На этот раз Барас едет один. Быстро сдав все экзамены, зачеты и долги, мальчик получил благословение старейшины и, собрав нехитрый скарб, выскочил на базарную площадь. Ему повезло – в дальнюю дорогу по пути домой собрался купец, распродавший свои товары. Пока продавец заканчивал с делами, Барас успел сбегать в медресе, предупредить наставника-муллу об отъезде, передохнуть, и стал вбирать в себя километры дорог. Маленькие аулы, скромные юрты, шумные собаки, туманные водоемы, воинственные люди, нищие вдоль дорог, дымные низины – всё это остаётся позади. Тихо спускается с небес вечер.

Послышался крик. Караван стал потихоньку подбираться к водоёму, возле которого и устроили привал. Пора перекусить, размять, затекшие за день, ноги. Телега останавливается на высокой горе. Впереди и внизу речка, переправа, дорога узкой ленточкой исчезает в огромном зеленом массиве. С обрывистого высокого берега, виден, как на ладони, уютно расположившийся на изгибе речки длинный песчаный пляж. К самому краю песка вплотную подступает заросли вербы, стоявшей сплошной стеной вдоль оврагов и низин.

Зеленые островки вырисовываются темными пятнами среди светлой зелени полевых трав. Где-то там стрекочет сорока, колдует кукушка, обещая всем золотой рай в невидимом мире. Перед парнем расстилается огромный мир, живущий по своим правилам.

Барас, отпрашивается погулять у купца, решившего заночевать у речки. Спустившись немного вниз, мальчик наблюдает за людьми и миром с высокого холма. Тихо, нет привычного гомона, скрипа и окриков, только ветерок стелется по рельефу зеленых просторов. Все благоухает, стремительно набирая обороты. Ничего не слышно и никого не видно, природа занята размножением самого себя. Дневное светило, завершая уходящий день, пунцовым шаром висело над самой кромкой спадающих холмов. Барас спускается к реке, набирает в тыквенный кувшинчик воды, поднимается на пригорок, вынимает лепёшку и садится на утёсе.

Едва успел откусить лепёшку, как среди тишины и легкого шелеста листвы, он вдруг слышит лай. Сначала далекий, которому не придает особого значения. Мало ли бегают собак по степи, логам, буеракам, да по окрестностям предгорий. Голос собак исподволь стремится к нему, продирается через озерко, кустарниковый лес, тополя и вербы, тальник, мост, стелется по поверхности воды, склону горы, без тропинок, напрямик. И что особенно, лай был не один: залихватый, переливающийся отдельным баритоном; частый пресекается бухтением.

Создавалось впечатление: словно по ту сторону холма лай гонит перед собой жертву. Оглянувшись по сторонам, он замечает, как охранники каравана выскакивают на холм, услышав эти же звуки. Они приближались, раздваивались, отражаясь многоликим хором, гасли в низинах оврагов. Через некоторое время звуки, разделившись на две части, покатались в разные стороны. Одни – перемещаются вдоль вербовой гривы, по самому краю застоявшегося озерца в сторону дороги и реки. Остальные ушли через гриву на дальний край речного песка. Барас только сейчас понял, что это смешанная стая волков и собак. Он слышал от стариков, что волки в тяжелые для них годы уводили из аулов самок собак для продолжения волчьего рода и не одну.

Барас быстро поднялся на ноги, боясь пропустить мельчайшие подробности охоты, увидел, как из леса на самом дальнем конце песка выскочили пять рослых и крепких волков. Сухие, поджарые, они мчались в бешеном темпе, молча, выстроившись в одну линию по краю песка и

воды. Впереди шёл крупный волк, удивительно похожий на Адая, задавая темп остальным. Лай катился за ними. Спустя секунд двадцать из-за леса клубком выкатываются, отчаянно визжа, три-четыре самки.

Обтекая живой лентой длинное озеро, вторая часть волков выгоняет на песок крупного дикого быка-трехлетку. Происходит короткая заминка. Животное теряется. Останавливается. Потом бросается к воде, отскакивает, словно испугавшись высоких обрывистых берегов, и мчится по песку к тополиному перелеску, теряя преимущество в отрыве.

Навстречу ей уже выкатывается первая часть волков. Вскинув передние ноги, ударом опрокидывает выскочившей первой волчицу. Дикое животное кидается обратно, но стоя уже веером обхватывает весь берег, закрывая пути к отступлению. Со рта дикого быка капает слюна, бока складываются напополам.

Приняв боевую стойку, поддев рогами наиболее напористую волчицу, бык взмахивает головой. Она, взлетев свечкой, падает на песок, пытаясь встать, но ноги уже не слушаются. Визжа от невыносимой боли, она вытягивается и больше не двигается.

Животное по ходу лягает правой ногой, сложив в два, следующего нерасторопного врага. Волк успевает только взвизгнуть от боли, падает комлем, не подавая признаки жизни. Стая рассыпается, разбегаясь в разные стороны.

Освободив себе путь, трехлетка рвется к воде. Не останавливаясь, со всего маха прыгает с невысокого бережка в воду. Подняв в спускающейся темноте феерические брызги, почти скрывается в воде. Только голова, рога да уши торчат на поверхности речки. Плывет из последних сил, изредка оглядываясь назад.

Два крупных волка скоком несутся вдоль берега, а самки, чтобы не путаться под их ногами, улеглись вдалеке. Семь волков разошлись в разные стороны, хватая воздух запавшими пастями, подошли к лежащим самкам. Самый крупный волк, очень похожий на давнего друга детства, исподволь и незаметно напоминавшего ему Адая, опасно подходит к краю воды, подняв голову, нюхает воздух и следит за уплывающим быком.

Опустив голову вниз, трется мордой о передние ноги, лакает воду. Передохнув, лезет в воду, но, почувствовав глубину и резвость течения с неохотой возвращается обратно. Отряхнувшись, спокойно поднимается на небольшой пригорок у берега реки, садится на задние ноги, повернув голову, внимательно наблюдает за Барасом, которого окружили охранники купца. Что-то знакомое мелькнуло в его глазах, но человека быстро оттеснили за холм. Он поднялся было с места, но, увидев конных всадников, уселся обратно на теплый песок.

Бык, с длинными рогами, поборовшись с течением, еле-еле выбирается на другой берег реки. Отряхнувшись, на короткий миг блеснул радужной оболочкой в свете заходящего солнца. Светило медленно уходит за горизонт.

Снова стало тихо, будто ничего не произошло в этом мире.

Часть 25

Волчь переливы

Как обычно, когда семья представляет единое целое, сборы в дальнюю дорогу недолгие. Оставив дом на родственников, старейшина рода собрался в дальнюю дорогу. Его вместе с семьёй пригласил к себе в гости их хозяин, бай. Повозка, запряженная четырьмя быками, идет ходко по дороге. Свернув на боковую песчаную дорогу, перевалив через высокую гору, дед, Барас и семья его отца оказались на вершине кольцевых гор, откуда виден ландшафт предстоящей остановки на ночлег: то ли кратера, то ли котловины у маленьких гор на границе степей и пустыни, встретившихся у небольшого селения, затерявшегося среди зарослей колючего жингиля.

В котловине находится невероятно большое и глубокое озеро, поросшее камышом и травяными зарослями. В южной части впадины расположилась роща тополей. В западной части растут карагачи, легко переносившие зной степи и жар пустыни. На восточной и северной стороне стоят заросли обглоданной осоки, камыша, зеленеют пучки сочной травы. А дальше пески, семь дней песков, жары, экономии воды и еды. Но отец Бараса заранее продумал маршрут, выслав караван с водой вперед.

На границе двух частей мира повисает зной. Три часа дня, пик жары. Небо идеально чистое, если не считать лёгкого тонкого облачка, висящего на востоке. Слабый пустынный ветерок еле шевелит траву, не приносит облегчения. Жара сушит кожу, обжигает глаза. Пот высыхает раньше, чем успевает вытереть его Барас. Свернув направо, телега покатила в северо-восточную часть озера, объезжая кустарники по старой заброшенной дороге, натоптанной

людьми, животными и зверями веками до них. Здесь в котловине бегают дикие куланы, приозерная долина полна живности, да на мелководье жирует рыба.

На перевальной седловине кварцевый песок. Дождь, снег и ветер за тысячелетия перемололи камни, превратив в мелкую пыль, стелящуюся за телегой. Чувствуется резкая перемена климата. Стало прохладней, бодрящий воздух возбуждает маленьких детей, с интересом разглядывающих оазис земной прелести.

Волы уже устали, но накатанная просёлочная дорога да свежий воздух снизу облегчают движение. Телега набирает скорость, только ветер свистит в ушах. Усталые лёгкие Бараса, как кузнечный мех, со свистом втягивают горячий воздух, охладив его, выталкивают обратно. Справа живой молнией метнулось под тень куста длинное тело змеи, дорогу перебегает тушканчик. На горячем песке, поочерёдно поднимая то одну, то другую ногу стоит ящерица, наблюдая странное движение каких-то существ.

По внутренним склонам кратера бродят отары овец, стада коров, табуны лошадей, которых угоняют на ночь в аул, да несколько людей купаются у самого берега озера. Осмотревшись по сторонам, Барас обращает внимание на собак, трусой бежавших навстречу. Один - по тропинке, вдоль дороги, навстречу телеге. Другой - по крутояру. Трое - вдоль вершины песчаной горки. Дед направляет телегу на ближайшего зверя, бегущего по тропинке, обратив на его фиолетовый цвет и оскал. «Волки!» - крикнул он бабушке, сидящей с внучкой сзади, рассматривая его на встречном движении.

Встречная волчица похожа на крупную овчарку: острый нос, уши торчком, фиолетовая с рыжими подпалинами шерсть, широкая грудь, массивная шея и низкий зад. Хвост опущен и поджат. Она вся в движении: эластичная, ни на секунду не останавливаясь, пробегает мимо и успевает обнюхать приезжих. Так, по крайней мере, показалось Барасу. Отбежав на пригорок, волчица останавливается. Присела, настороженно, с подозрением, долго всматривается на путников, потом на стадо овец, которое пасется недалеко без пастуха. Остановились на распадке и приезжие, где дорога раздваивается. Впервые так близко, на расстоянии шести-семи метров, в степи зверей никто, кроме Бараса и его деда, раньше не видел.

Остановились и другие волки, ожидая волчицу. Самка, постояв с раскрытой пастью, осознанно осматривает всю котловину, задержав свой взгляд на путников, легко поднявшись с крупа, поскакала к ожидавшей стае. Бывшему пастушонку показалось, что стая, передохнув на взгорке, провела разведку на предстоящую ночь. Оглядев озерную пойму, примерившись к ситуации, волки уходят в распадок. Исчезли так быстро, что никто ничего не понял и больше их днем не видел. Чуть позже подходит мокрый пастух с длинной палкой в руках, спросив деда и Бараса, не видел ли он волков? Не слушая ответа, продолжает, что волк умный и дерзкий зверь, бежит, как собака, если нужно, даже не догадаешься и подумаешь, что это бродячий пес.

В этот день рыбалка удастся. Поймав, с десятка три карасей, Барас вернулся на берег, где в зарослях карагача стоят телега, горит костёр, и бегают дети, с криком и визгом развлекавшиеся на мелководье, досаждая друг другу водяными брызгами. Женщины, быстро обработав часть рыбы, посолив, отложили его в сторону. Наигравшись вдоволь, малыши рассматривают оставшуюся рыбу в садке, вскоре попили чай, отказавшись от вареной рыбы, посидели у костра и, забравшись на телегу, улеглись спать.

Бабушка, нанизав кусочки рыбы на палочки, стала жарить на огне. Её помощница где-то нашла немного сельдерея, дикий лук, выкопала коренья дикой морковки, нарвала каких-то листьев и травы. Добавив в чай разные травы, женщины пригласили мужчин на ужин. Роскошная еда утомила деда, а Барас, быстро поев, нашел место под телегой и уже видел вторые сны. Отец, вскочив на пегую лошадку, уехал вместе с охраной в темноту. Мать перебралась к детям, завершив поздние дела по хозяйству.

Увидев на высоком холме одинокого волка, обеспокоенная бабушка разбудила мужчин в полночь. Дед, увидев яркий костер, даже не встал, махнув рукой на внука. Молодой парень, едва проснувшись, обратил внимание на тишину распадка. Выбравшись из-под телеги, покрутил головой по сторонам, заметил одинокую гостью под куполом ночного неба, освещающую степь-пустыню пепельным светом. Её отражение мерно качалось на воде, создавая покой и умиротворение августовской ночи. На вершине пригорка бывший пастушок, приглядевшись, увидел волчью стаю, подсвеченную луной.

Вдруг среди тишины раздаётся раскатистый тенор вожака. С невысоких гор в котловину падают неведомые звуки ночной тишины. Песня прерывается, всё низина, привыкшая к покою, удивляется ночным происшествиям. Распадки замирают от нежданной песни, всё живое на время онемело от наглости, другие, зная уроки прошлого, ждут его повторенья. Волк, подняв

голову к луне, снова поёт: «Ую – ую – уу – юууу! Ую – уюу – ууу! Его вой сопровождается залихватистым подвыванием волчицы и нежным, как звон колокольчиков, лаем волчат.

Песня, переливаясь, катится по волнистым холмам, ныряет в овраги, стелется над долиной, падает на воду сверху, заполняя всю котловину, буераки и лога, как нечто удивительное, вроде голосов из глубины веков. Через некоторое время вой волков внезапно обрывается. Путников не тронули. Может быть, и побывали рядом, может, и не подходили, но остаток ночи прошел для семьи Бараса спокойно.

Часть 26 Золотой клад

- Поедем со мной, тебе надо кое-что увидеть и узнать, может потом в жизни это пригодится, - сказал отец Барасу, приехавшему на последние каникулы из медресе. – Сегодня выбери коней, утром оседлай, а я пока распорядюсь насчет еды да съзжу по делам. Постарайся никому не говорить, ибо это может стоить жизни. Для всех мы завтра едем на охоту на кекликов.

Барас с наслаждением и шумом вздохнул прохладный, утренний воздух. Взглянул прищуренными глазами на солнце, сиявшее на безоблачном небе, посмотрел на высокие голые скалистые горы, загромождавшие вид на юг. Потом ещё раз взглянул на небо, потом на запад, перевел взоры на горы, почмокал губами, как дед, и пробормотал:

- Большой ветер будет ближе к ночи, возможно даже пыльная буря.

- С чего это ты взял, сынок?

- Погляди, отец, на запад, там тучи собираются. Обрати внимание на горы, они куржавятся, как говорил дед, быть буре, притом черной – с пылью, песком.

- Не переживай, к вечеру мы будем в ущельях Каратау, а там укроемся в старой пещере, надо только коням накопить сено у речки.

Заведя лошадей в пещеру с низким потолком, накинув им на голову кормушки с овсом, двое мужчин стали собирать в окрестностях дрова, кусты перекасти-поле на костер. В пещере было довольно темно, но отец копошился, что-то доставая из переметных сумок.

- Ты, сынок, пока займись ужином, там, в сумках, есть все, что необходимо, а я пока тут прогуляюсь. Вернусь скоро, - сказал отец сыну и удалился в глубь пещеры.

Отец вернулся скоро, взяв чашку, наложил в неё кашу, прихватив лепешку, отошёл в сторону и стал молча поглощать еду. Барас тем временем подогрел воду, заварил зеленоватого чаю, налил отцу в чашку, которую он стал пить мелкими глотками. После ужина мужчины, развернув седельные потники, положив в изголовье седла, улеглись спать.

Бывший пастушок, теперь уже девятнадцатилетний паренек, крепкого телосложения, не мог уснуть, и было отчего. Он здесь вырос, пас стада и отары, здесь, в этих краях прошло его босоное детство. Вспоминал подробности интересных событий, перекатываясь с бока на бок. Ранним утром его разбудил отец, который уже вскипятил чай.

- Ишь, как разоспался, вставай, попей чай и собирайся в дорогу, нам ещё долго ехать. Ты был прав в одном, буря будет только вечером, но сегодня. Видимо, в божьей кузнице не успели растопить печку бури и она запаздывает.

Через полчаса, когда уже стало светло, путники перевалили через первые нагромождения скал. Небо было сплошь затянуто мелкими кудрявыми облаками, а с востока, набирая силу, дул холодный ветер. Скучная растительность вершин стала сменяться деревьями, зелеными лужайками. В обе стороны, словно обрезанные ножом, уходили крутые откосы хребта, голые, скалистые и покрытые осыпями рыжеватого щебня и обломков скал.

Поднявшись по крутому склону пологой вершины, мужчины пошли дальше пешком по ущелью, ведя за собой коней. Чахлые кустики травы и кустарников ютились по рытвинам и между камнями, висели на небольших уступах. Между тем на востоке восходящее солнце прорвалось сквозь сетку облаков, и лучи его заиграли на левом склоне, осветив темно-красные скалы.

- Далеко ещё, отец? – спросил Барас.

- Нет, не далеко, скоро полезем наверх. Пройдем ещё один перевал и окажемся в сказочной долине. Оно знаменательно тем, что тут мало кто бывал. Только охотники за архарами. Давай помолчим и так трудно дышать. А вот и седловина, сейчас будет легче всем, пойдем вниз. Надо поторопиться, буря уже настигает нас, она сейчас там, где мы ночевали.

Отец, остановив коня, дождался сына и показал ему на огромный череп неизвестного существа:

- Интересно, что это за существо, обладавшее таким черепом? Примерно три локтя в ширину и на пять локтей в длину: ни лошадь, ни верблюд. Видишь, вон там внизу валяются его остатки, ребра похожие на лопату. Обрати внимание на берцовую кость, ровно в твой рост. Ладно, пошли дальше. Вон там внизу мы и остановимся. Собирай по пути топливо. Здесь мы проживем два-три дня.

Пещера имела такие же размеры, что и прежняя, но оказалось очень длинной и глубокой. Вглубь она уходила через зал в пять метров длиной, притом очень круто. Один из боков, наиболее удобный, имел яму-ловушку с отвесными стенками. С другой стороны имелись маленькие ступеньки, шириной в ладонь, выдолбленные рукой неизвестного человека. Располагались на одинаковом расстоянии друг от друга, примерно в полметра. Нужно было обладать ловкостью обезьяны или многолетней привычкой, чтобы подниматься или спускаться по этой лестнице без перил и не упасть в естественный провал.

- Садись, давай покушаем, поговорим о цели нашего приезда. В первый год твоей учебы, твой дедушка нашел в пещере золото. Это очень грубые, необработанные комки, приготовленные для перевозки в тыквенной бутылке, такой, какая висит у тебя на поясе. Ты знаешь, старик отличался неуёмной любознательностью. Ему всегда нужно было что-то искать, узнавать, допытываться и находить ответы на многие вопросы, которые он задавал себе. И он нашел ответ на вопрос, откуда это золото.

- Дед, наверно, знал и не это?

- Он знал слишком много, что некоторые хотели бы ему смерти. Но старик умер своей смертью. Он упал вместе с конем. Если бы не стремяна, за которые зацепился, то он успел бы спрыгнуть. Я сам видел, что мой отец не смог вытащить ноги из них. И коня и деда на скользкой тропе потащило вниз. Остальное, ты знаешь.

- Да, какая-то нелепая смерть. Ведь он так много знал и предвидел.

- Старуха-смерть никого не щадит. Чтобы не говорили люди, мне кажется, что коня деда кто-то напугал, то ли волк, а может и человек, но это останется тайной навсегда. Следов не осталось, здесь побывало столько людей, что потоптали всю округу. Старик слишком много знал, видел, ему по-хорошему и по-плохому завидовали. Он был богаче всех односельчан, при желании мог скупить ещё много земель, но ограничивался малым. Нет, не подумай плохое, твой дед не был жадным, он берег на всякий случай богатства. Ты же знаешь, по земле ползет слух о ближайшей войне. Вот это его и волновало больше всех.

- Да о дедушке знали даже в медресе. Его щедрость привела в изумление даже главного муллу, а меня иногда не трогали за не выученные уроки.

- Так ты оказывается, и уроки не учил?

- Да нет, уроки я учил, но часто за заучиванием святынь, мы засыпали прямо на уроке. Нас за это стегали по рукам.

- Если мне вспоминать медресе, то это будет стыдно, мы там такие номера откалывали, что твой дед отказывался верить священнослужителю. Ну, ладно, об этом чуть позже. Поэтому давай думать над тем, что он сказал мне за три дня до своей смерти.

Кто-то из охотников на архаров, когда-то нечаянно познакомился с людьми, занимающимися добычей золота. Добытки золота нашли этого охотника без памяти и голодным, ползшим за убитым животным. Они подобрали его и убитого архара, накормили и спасли. Взяли с него слово и оставили жить, поэтому он никогда и никому ни о чем не говорил.

Этот слух доходил и до меня, но никто не мог точно сказать об этом охотнике, но золото у него водилось. Об этом доносили люди с верхних аулов. Однажды кусок золота дед нашел в желудке у горных тетеревов-уларов, именно в этих краях. Пожив здесь прошлым летом несколько дней, я нашел эту пещеру и облазил её. До конца не смог дойти, стало страшно. Поэтому и позвал тебя с собой. Надо её осмотреть и понять, зачем в скале вырубали углубления. Дальше есть выработка оруденелого кварца, носителя золота. Кварц потом перемалывали, добывая из него кусочки желтоватого металла.

- Отец, может быть, сначала поискать в речке, а потом спуститься в пещеру. Ведь птица не может спускаться в пещеру, она обычно приходит на водопой. Давай переждем бурю, попробуем походить вдоль речки.

- Да, это хорошая мысль, завтра этим и займемся. Я полезу наверх, проверю округу и ущелье, а ты походи, посмотри и будь внимателен.

Ночью закрутила и завертела черная буря, принёсшая из степей пыль и песок. Даже летучие мыши, тучей вылетавшие из глубины пещеры, в эту ночь остались на месте. Только утром, визжа и шебеча на тысячи визгливых голосов, шараясь от небольшого костра, вылетели для поисков пищи.

День прошел в поисках. Барас, еле добравшись до входа пещеры, улегся на землю и не заметил, как заснул. Разбудил его треск поленьев костра и запах дыма. Отец готовил незатейливую еду из вяленого намоченного мяса, вываленного в муке. Котелок с водой уже закипал, как и хлопала крышка на кумгане. Разговор не клеился, горы вытянули с них все силы. Вдоволь напившись кок-чая, сын завел коней в пещеру, накоротко стянув поводья. Один конец поводьев взял его отец и привязал к руке, на всякий случай.

Только улеглись спать, как в низовье ущелья протяжно завыл волк. Приготовив лук и стрелы, Барас устроился у выхода из пещеры. Стал всматриваться в безжизненные кочки и бугорки камней, черневшие вокруг входа. Вот один из бугорков поднялся и осторожно двинулся вперед. Через несколько шагов остановился, присел, поднял голову и завыл. Какая-то птица с шумом сорвалась с карниза и, громко крича, исчезла в темноте. Волк, встрепенувшись, поднял голову, насторожил уши и повернулся в сторону улетевшей птицы, как раз боком к парню.

Натянув тетиву лука, Барас выпустил стрелу. Завизжав, зверь исчез в темноте. Когда, он подошёл с отцом к нему, волк уже был мертв. Сняв шкуру на свету костра, они выбросили тело в ущелье. Остаток ночи прошёл быстро.

Отец Бараса вскипятил воду, заварил чай. Немного погодя парень двинулся в сторону речки, а его отец, надев путы на ноги лошадей, отпустил их на вольный выпас. Речка шумела на перекатах, но Барас был внимателен. Вылетевшего навстречу из кустов ежевики рябчика, он сбил палкой. Подвесив птицу на пояс, двинулся вдоль ущелья, внимательно оглядывая речку. Переворачивая камни, заметил в воде небольшой камень, обросший кварцем и зеленью. Подняв его из воды, удивился его тяжести. Сравнив его с таким же камнем, понял, что это и есть то самое золото. Широкая улыбка озарило лицо парня.

В конце ущелья, где вода бурлила и ходила ходуном, на глубине тихой заводи Барас увидел блестящие в воде кусочки желтого металла. Осмотревшись, полез в холодную воду. Через полчаса, собрав приличное количество желтых камушков, обточенных песком и водой, он спрятал их под большим камнем. Отогревшись, золотоискатель вдруг поймал себя на том, что кто-то следит за ним.

Делая безразличный вид, парень стал искать причину тревоги, высматривая каменные распадки, ежевичные заросли. И когда, устав от напряжения, перевернулся на спину, то увидел над собой на выступе скалы волков. Ровно пять голов, которые внимательно наблюдали за ним. Поднявшись с песка, он собрал несколько хворостин, развел огонь, чиркнув кресалом по камню. Звери, ощерившись, скрылись за скалой. Вернувшись, Барас подробно рассказал о происшествии на речке. Отец покачал головой, но ничего не сказал.

Волки не давали покоя всю ночь. Невидимой тенью, появляясь возле входа, они выли, приводя в иступление лошадей. Мужчинам приходилось туго: нужно было удерживать коней и караулить вход. Бессонная ночь сделала своё дело, золотоискатели уснули перед самым рассветом. Два дня они искали самородки по всей реке, протискиваясь между камнями, лазили в совершенно холодной воде, замечая, как за ними следит стая волков. Взбаламутив воду, они ждали, когда песок уплывет или осядет. Желтых камней было много, словно кто-то высыпал их именно здесь. Находили только на небольшом отрезке речки, от водопада до водопада, но выше и ниже их не было.

А по вечерам четвероногие охранники золота устраивали золотоискателям концерты. Вой начинался у входа в ущелье, с перерывами и в двух-трех местах. В последнюю, ночь, словно предчувствуя их отъезд, волки обнаглели в конце. Когда пламя костра вспыхнуло, с жадностью охватывая новый кустик перекати-поле, положенный на огонек, Барас различал морды, настороженные уши и контуры тел. Его отец едва успел перехватить уздечку своего напуганного коня, старавшегося вырваться на волю.

Подкинув новую порцию перекати-поле в костер, парень стал целиться в волков из лука, стоявшего в десяти шагах от входа в пещеру и выстрелил. Подскочив, тот упал без звука. Некоторое время было тихо, потом с той стороны, послышалось чавканье, ворчание и хруст костей.

Затишье позволило успокоиться коням, но через полчаса в темноте засветились глаза. Теперь Барас, выбирая цель, тщательно прицелился и выпустил две стрелы, которые достигли цели. Один, очевидно раненый, отскочил с визгом, другой, подпрыгнув, покатился по склону холмика.

- Послушай, сынок! Расскажу тебе одну небольшую историю, все равно уже не заснуть от проклятых волков. Это было давно, когда я учился в том же медресе, что и ты. Волков было тогда очень много, они не давали покоя пастухам ханских отар, угоняли баранов и коров.

Поэтому старший деревни, собрав молодых парней с тремя старшими людьми, послали в соседнее ущелье, чтобы устроить облаву на волков.

На месте сбора нас встречал невысокого роста сероглазый крепыш, молодой посланник хана. Увидев нас, поначалу растерялся, но быстро оправился. Хозяйство, которое возглавил пять лет назад его родственник, только-только начало давать результаты, но могло разориться из-за нападения волков. Объяснив суть дела, хозяин сообщил, что все люди из аула уже находятся в загоне, по холмам выставлены дозорные, осталось встать по номерам.

Представитель хана, быстро оценив ситуацию, развёл охотников по точкам, объяснив, куда и как стрелять, указывая вероятные пути подхода зверей. Вокруг тихо и мило, только птички щебечут о проходящем дне. Приблизившись к своему номеру, я почему-то сильно разволновался, резко бросило в пот с таким сильным запахом, что самому стало неловко. Подошёл к соседу, другому и предупредил, что со мной происходит что-то непонятное.

Только шесть часов вечера, солнце ещё высоко, но его лучи пекут меньше, чем донимает мошка и комары. Встаю за деревом, перед которым сходятся все тропинки из гор. Здесь выход на большое озеро, переход в другое ущелье, шестьсот метров до начала дороги в аул. Через некоторое время где-то вдалеке раздаётся камнепад, сообщивший о начале загона и вся округа заполнилась боем барабанов, криками, свистом.

В противоположной стороне раздаются беспорядочные звуки пищалок, зурнаев и ещё чего-то. Люди стоят неподвижно по своим номерам, надев на голову, лицо и шею специальные платки от мошки и слепней, вслушиваясь в горную разбуженную тишину и наблюдая за тропинками. Вдруг в ста метрах от меня тонко просвистела стрела, и сразу - вторая. Волки выходят на моего соседа, и он, не растерявшись, двумя стрелами укладывает молодых волков. На номерах все в ожидании, как в игре с асыками: повезёт или не повезёт. Раздается крик: «Два дошли».

Наступил напряжённый момент, когда нужно быть готовым ко всему. Соседи, пригнувшись, вглядываются в глушь ущелий. Устав от долгого и пустого ожидания, я опускаю лук. В это же время прямо передо мной в семи метрах, словно из-под земли, вырастает оскаленная волчья морда, со шрамом на голове. Волчица крупная, раздобревшая на чужих харчах, с гладкой чистой шерстью, широкой грудью, низким крупом, сильно уставшая.

Она, молча и напряжённо вглядывается в меня, сначала как бы с мольбой о пощаде. Буквально через секунды, видимо, поняв свою участь, смотрит на него с равнодушием. Потом, оценив ситуацию, выправляет стойку и оглядывает с презрением. С оскалённой морды капает слюна и стекает пена: самка дышит с трудом и представляет собой отвратительное страшилище.

От широко расставленных, полных гадкой злобы глаз так и веет холодом смерти, от которого я впадаю в транс. Ни мыслей, ни идей или движения, стою и смотрю на неё, словно парализованный, слыша только перестук своего сердца. Шла напряжённая борьба: кто кого пересмотрит, кто сделает первое движение. В это время раздается крик и свист. Это мой сосед, встревоженный этой картиной, приводит меня в чувство.

Для меня это все происходило очень долго, может быть, мне это показалось. Волчица, ощерив морду, поворачивается на шум и подставляет свой бок. Вовремя она отвернула свой взгляд: загнипнотизированный человек не смог бы что-либо сделать. Я резко вскидываю боевой лук с каленой стрелой, от которого она в отчаянии метнулась в сторону. Пока прихожу в себя, подошли соседи, держа наготове копыя. Выстрел оказался точным, под лопатку. Волчица умерла сразу, но в глазах ещё стояло жуткое выражение.

Да, долго ещё будет преследовать меня этот дикий, остекленевший взгляд животного. А её душа, наверно, будет искать в кого бы вселиться, чтобы передать свою лютую ненависть к роду сильнейших для дальнейшей мести. Вот так и было, казалось бы, короткий промежуток времени, а запомнился на всю жизнь. Ни разу меня не тронули волки, не догоняли, не искали, но и я с тех пор никого из них не убил. Ну, ладно, давай подогреем и допьем чай, немного отдохнем, впереди дальняя дорога.

Стало светать. Из темноты мало-помалу выступали холмики, камни, осыпи щебня, а звезды меркли и исчезали в небесах. Кони успокоились, мужчины, насыпав им в кормушки по хорошей порции овса, подвесили на морды. После этого, разворошив костер, вскипятили воду и заварили чай.

Усталость и тревоги исчезли, появилось время для размышлений: часть золотых самородков охотники взяли с собой. Оставшуюся часть закопали в надежде на лучшие времена, но они не наступили. Страна через месяц опять погрузилась в пучину войны и хаоса. Гонимые ветром странствий, Барас и его родственники оказались далеко от родных мест.

Два родных брата, сыновья хана, дружили крепко, обменявшись клятвой верности в недалёких боях, прикрывая друг друга от врагов. Вскоре один стал править частью владений отца, другой убыл в дальний край, чтобы править тем народом, который получил в наследство. Но люди, окружавшие более старшего не дремали: подсказывая, нащёптывая слова об изменчивости младшего, старались вызвать ненависть одного к другому. Старший не выдержал, пригласил брата, поручив убить его своим слугам. На безгрешной земле пролилась родная кровь. Два брата от одного отца и матери так и не смогли поделить престол, который занял совсем другой, собственноручно зарев спавшего старшего брата, его жён и детей после убийства младшего. Не оставил никого, даже дальних родственников, всё это произошло за одну ночь.

В царстве стали происходить различные события: брат убивал брата, сестра не могла защитить сестрёнку, род нападал на другой, племя вырезало другое племя, цари, султаны, бии и знать шли войной друг на друга, опустошая земли. Так было и на этот раз. Один хотел объединить свой народ, подчинить себе другие племена и народы. Другой желал присоединить к себе другие рода, и не просто подчинить, а поставить на колени, заставляя их жить так, как хотел он. Кто не смог подчиниться погиб, кто сделал это – выжил, но всё равно погиб позже.

Дед Бараса был в своё время немного дальновиднее, чем другие. Чувствуя безвременье, он пригласил детей и родственников на совещание, благо подвернулся случай: весь скот перегнали в труднодоступные ущелья гор, часть в пески-зыбуны; богатства зарыть и, оставив знак, уйти на три стороны; народ разделить и увести с собой. Он не смог выполнить свои предостережения, вскоре погиб, видимо, он сильно кому-то мешал. Но завещание деда, три сына исполнили до конца.

Старший его сын вместе с соплеменниками ушли в горы, выжили, но их осталось совсем немного. Средний брат ушёл в степи, от него известий никто больше не получил, хотя дети Бараса по его совету организовали широкомасштабные поиски родственников. Младший сын, отец Бараса, ушёл в пески, и пока шла война, защищая свой род и скот, не потерял людей. Возвратились на прежнее место только праправнуки Бараса через сто лет, помня о золотом кладе. Остатки рода, не пожелавшие вернуться на свои земли, сгинули после похода Чингисхана на земле казахов совсем, хотя дед автора посвятил полжизни поискам родственников на всей территории Казахстана.

Часть 27

Продолжение жизни

Правильно говорят, всему есть время. В горное село тепло приходит вместе с ранней весной. Весь день было пасмурно, падал мелкий снег, а к вечеру сильно похолодало. Ночью небо вылезло, ударил мороз. Он покрыл коркой льда лужи, подсушил тропки, накрепко сковав раскисшую землю, посеребрил инеем сухую траву и оставшийся кое-где на деревьях редкий лист, настоял воздух свежестью и обострил запахи.

Ею овладело смутное беспокойство, чем ближе к рассвету, тем становилось сильнее. Она была полна сил, которые копились к этому дню. Перед рассветом вылезает из конуры, с хрустом потянулась, громко зевнула, прошлась по двору, разминая мышцы. Прошла через огород, спустилась к речке, подняла морду к ярко блестевшим звездам и ущербной Луне. Горло стало подергиваться, пасть раскрывается, и над речной долиной разносится низкий утробный звук.

Вой пролетает через речку, поплыл над сонными предгорьями, угасая вдалеке. Только эхо вернулось обратно: У-о-уу-о-уу-о! Откликнулась одна собака, через некоторое время вторая дворняжка. Вскоре все деревенские собаки, забросив все дела, задрав кверху морды, неистово воют, бросая в равнодушное небо тоскливый плач или отчаянный крик. Хлопнула дверь юрты, другая, где-то завизжала дворняга, послышались глухие удары, раздается деревенский мат, и все смолкло.

Собака присела, выжидая, что вдруг кто-то спустится вниз с крутого берега, разделить с ней ее радость и отчаяние. Сверху только тишина, да только стоны подружек по несчастью. Неохотно прошла по мосту на другую сторону речки. Спустилась ниже по замерзшему льду к речке. Проверив вчерашние следы, заметила какие-то новые. Стала принюхиваться к мерзлой

земле, редкому снегу, на котором остались чужие следы, осмотрела замерзшие листочки, отыскивая одной ей известные запахи.

Долго ковырялась в кустах, что-то вынюхивая, потом выбежала на ледовую дорогу. Вернувшись обратно к левому берегу реки, присела, вглядываясь в хмарь ущелья. Звезды уже погасли, недалекий вербовый лес из черного становится серым. Белыми пятнами проглядывает иней, когда она услышала, скорее, почувствовала напряженным телом, спадающий зов.

Она встала, вытянула морду в сторону леса, сделала несколько шагов. Присела и завывала: Уо-уу-у-у-у! Оу-у-у-у! Потянувшись, привстала, вслушиваясь через большое поле озимых в дремотный лес. Ответное эхо из села пропустила мимо, ждала другое, которое должно принести то, что она хотела.

И оно пришло. Что-то неизвестное волнующее прошелестело мимо ее уха. Вскочив с места, приготовилась к движению. Неизвестное, повиснув в воздухе, вновь повторилось. Собака не стала ждать дальше, перемахнув через тальник, прибавляет скорость и мчится изо всех сил через речку к ущелью. На краю межи останавливается.

Звук отчетливо повторяется. Вытянувшись в струнку, спрыгивает на песчаную отмель. Пофыркала, чтобы прочистить ноздри, проверить новые запахи и уставилась в редкий туман, что собирался по краю каменистого ущелья. Собака, насторожившись, поднимает голову. Увидев серую тень на фоне сереющего леса, напряглась. Засуетившись, засновала челноком вдоль края поля, неуверенно гавкнула. Серая тень сдвигается с места, сделав навстречу несколько шагов, поворачивается обратно, словно зовя с собой в светлевший лес. Дворняга рванулась с места, проскочила овраг, мелкий кустарник, выскочив на открытую поляну. Крупный серый волк, улыбаясь, ждал ее.

А ночью снова пошел снег. Он лепил крупными хлопьями в горных ущельях и предгорьях зимнюю фантастику, устила земля пушистым ковром. Снег падал отвесно и так густо, что казалось весь мир, состоит только из одного снега. Падал, не переставая, день, ночь и снова день. За полночь перестает. Очистилось небо, засверкали звезды, Луна – круглая, яркая – удивленно оглядывает изменившийся мир, наблюдает, как на моховых болотах резвятся волк с белой правой ногой и шустрая собака с темными подпалинами на боках.

Ближе к весне, когда появились проталины, она несколько раз сильно покусала друга, пристававшего с нежностями. Упорно искала надежное убежище, пока не находит на берегу речки Аксу старую нору. Обошла все потайные углы, ткнулась в самца, которого, больно укусив, выгнала на свежий воздух и затихла.

***

Родился волчонок весной в норе, вырытой предками в давние времена под крутым берегом речки. Об этой тайне первыми узнали любопытный каменный глухарь, всевидящий филин, остерегавшийся острых клыков волчицы да ворон, изошедший криком, когда слабая самка выползла из норы. Где-то дней через десять после рождения волчат исчезает самец, добывший зайца и каменную куропатку. Он встречает на краю обрыва такого же, как и он, голодного горного медведя. Кормить детей теперь приходится самой волчице.

Это произошло тогда, когда сошел снег, и речка бурлила грязноватыми потоками воды. Волчонок оказался самым слабым из всех родившихся, но мать уделяла ему больше внимания. Он всё время был голоден, поэтому постоянно стремился к вымени матери, чтобы успеть налакаться молока. Через некоторое время волчат осталось трое, вместо пятерых, но питания всё равно не хватало всем. Самка отошдала до того, что ее шатало из стороны в сторону. Когда спала вода на речке, волчонок остался единственным из тех, кто выжил в тот год. Мать его, одичавшая собака из небольшого поселка у гор, которую соблазнил его отец, упорно шныряла по ущелью и каменным завалам в поисках пропитания, оставляя малыша надолго.

Как только прорезались глаза, волчонок стал подходить к краю норы, с удивлением смотреть на представший перед ним мир, впитывая запахи и прислушиваясь к шуму крутояра.

Здесь впервые и увидел суслика. От его крика и резкого движения до смерти напуганный, он забивается в дальний конец норы, не высываясь до прихода матери. Тяжело раненная самка отпрыгнула ему куски зайчатины и улеглась у входа в нору. Щенок, почувствовав необычное в матери, отчаянно визжа, стал искать выход на белый свет, тыкаясь в её грудь и ноги. Замолчал только тогда, когда послышался лай собаки, а через некоторое время раздался и незнакомый голос.

***

Асылхан, прапраправнук Бараса, охотник из аула, промышлявший в этих краях, не раз видел следы этой волчицы.

- Это она снимает с моих петель зайцев, с ловушек – глухарей, - подумал он. - Однако, очень умная, наверно, одичавшая собака. Смотри, как она осторожно обходит петли. Надо же такое. Ловушку глухаря, которая на входе и выходе имеет дополнительные петли, не тронула, осторожно обошла и прошла дальше. Значит, соображает, а если соображает, тогда знает, что такое петля. Интересно, как она могла сюда попасть? Надо её поймать, а капканов на волков у меня нет. Пока съезжу к отцу - три дня туда и три дня обратно - это долго. Нет, надо убить воровку. Уже третий день нет мяса.

Его отец не раз говорил ему, что самые хорошие собаки получают при смешении крови волка и собаки, показывая на пса Шайтана.

- Помнишь нашу собаку Актан? Три года назад, когда ты служил у бая, её увел волк. Я его через год застрелил, а собака вернулась домой со щенком. Погляди, это твоя собака. С такой собакой можно смело ходить на ирбиса или медведя. Она будет крепко держать диких горных оленей, особо и яков.

Асылхан, уже самостоятельно выходявший на охоту, привязался к Шайтану, но волкопес все равно держался независимо и гордо. Ни одна собака в поселке не могла гавкнуть на него без собственного ущерба. Черный, с рыжими подпалинами на животе и бровях, пес никогда и никому не давал себя в обиду. Его отец специально обидел Шайтана, чтобы пес ушел к сыну. С тех пор они неразлучны.

В течение года отец и сын выстраивают каменный домик, баню, хозяйственные сараи на высоком берегу Аксу в его верховьях, да и помогли знакомые охотники, любители свежатины, не отказывавшиеся от ягод, фруктов-дички и дичи. Они завезли на лошадях муку, соль и другие припасы. Кроме этого Асылхан в низине ущелья вскопал огород, где высаживал картошку, овощи и корнеплоды. Урожай были отменны, но он никому проговорится, даже не скажет, что таскает ведрами жидкий ил с ближнего болота, чтобы удобрять огород. Погреб, выкопанный им в каменистой земле, выдержал две осады медведя: ранней весной и поздней осенью.

***

В междуречье, от речки Машат до реки Аксу, зеленеют степи и предгорья. В этом районе деревья растут полосами, речка наносит песок и каждую весну меняет своё русло. На песке от половодий остаются семена различных деревьев и трав, которые бурно прорастают на обильно удобренной земле. Полоса вербы чередуется с полосой карагача, между которыми стояли болотца, поросшие кустарником, изредка встречаются круглые голубые озера и мелкие речушки, стекавшие в речки. А дальше на север идут обширные степи, где очень тепло. На отмелях и песчаных наносах с реки произрастает ягода, в низинке – дикая малина и ежевика, яблонева и сливовая дички, спел урюк, на полянах уже краснеет скороспелый дикий виноград - раздолье для дичи. Птицы отдыхают на песках, собирая камушки, устраивают тока. Если прогуляться осенью вдоль реки, то можно увидеть, как рядами желтеют ягоды боярышника, служивший ориентиром и хорошим кормом в голодную зиму.

На северном берегу маленькой речки, вытекавшей из другого горного ущелья, притока Аксу, обильно цветет только ежевика в середине июня, расточая ароматный запах на всю округу. Единственное место в ущелье, где природа сама обходила уголок тишины и покоя, ибо сюда трудно добраться даже охотникам. Крутой, обрывистый правый берег речки, заросший высокими тополями, хорошо защищает ущелье от холодных северных ветров, создавая свой особый, неповторимый климат.

Ранним весенним утром можно увидеть, как на высоких камнях рассаживаются гордые красавцы – каменные глухари-улары на хорошо прогреваемых полянах. Вдоль речной долины зайцы вытаптывают снег для любовных утех. Глупые рябчики рады любому свистку, напропалую отвечая любителю нежного мяса. Перед самым первым снегом, когда только начинает господствовать над землей морозная утренняя заря, на песках расхаживают сероватые птицы с черными полосками и темно-коричневыми пятнами на спине. Еще в темнотозрье можно увидеть игры и танцы сусликов. Сторож-суслик, выбрав себе высокий камень, свечкой стоит на ветру, охраняя покой своих соседей.

***

Вечером, после постного ужина, размышляя над проделками волчицы, который день оставлявшей его без мяса, Асылхан на песке составил карту района расположения своих ловушек и петлей. Подробно вычертил речку, ущелье маршруты своего движения, задумался над действиями самки.

Маршрутов у него было три: два ближних, которые посещал через день, и третий, на который тратил почти пять дней, ночуя во временных становищах. В дальнем конце поставил высокий каменный лабаз на каменистом склоне, где хранил небольшое имущество и продукты питания - на всякий случай. И было для чего! Прошлую зиму чуть не утонул, но стоявший неподалеку лабаз обогрел и накормил охотника. Везде, где стоят его ловушки, петли и капканы, особенно вдоль Аксу, бывал зверь, притом по очереди. Дальше волчица не ходила.

Значит так, - решил он, - сегодня она сняла одного зайца в низинке, топталась у петель на изгибе речки. Завтра посетит ловушку на улара и проверит петли, поставленные на зайцев на следующем повороте. Так и быть, утром раненько пройдусь-ка по нижнему маршруту и залягу у второго поворота. Ранним утром она должна быть там.

Охотник, поглядывая на запад и заходящее солнце, проверил патронташ, осмотрел все стрелы, перебирая и протирая каждый, словно на каждом из них был изъян. Его пес Шайтан, услышав стук стрел о колчан, поскребся в дверь и улегся возле порога охранять хозяина, чтобы тот не ушел на охоту без него. Зная несносный и азартный характер пса, Асылхан приготовил для него ошейник и длинную капроновую веревку.

***

Утро выдается безоблачным. Выйдя во двор, он подзывает Шайтана к себе. Пес недоверчиво осмотрел охотника без ружья и котомки, обратив внимание его на свободные руки. Подойдя к псу, Асылхан хватает его за меховой воротник, выдергивает из-за спины капроновую веревку и ловко накидывает ему удавку.

Пес, давно забывший о существовании ошейника, резко прыгает в сторону, но охотник успевает перекинуть веревку через бревно и крепко привязать собаку. Волкопес бесновался недолго: задыхаясь, устав от борьбы, покоряется хозяину, разрешая надеть ошейник. Охотник вернулся домой, плотно завтракал гречневой кашей, накидывает охотничье снаряжение, пристраивает лук на правое плечо и, выйдя, отвязывает собаку. Ещё раз, проверив узел на другом конце веревки, привязывает к себе пса. Охотник предполагал, что волчица тоже вышла на охоту. Только задает нужное направление, как Шайтан уже помогает ему пойти по нижнему от дома маршруту.

На половине пути охотник залегает за поваленной прошлогодней грозой вербой. Шайтан возбужден, ему не терпелось побегать и проверить всю округу. Асылхан пришлось силой уложить собаку, погрозив ему кулаком. Волкопес, обидевшись, прилег на траву, но своей привычки следить за всем не оставил. Лежали они долго, пока пес не поднял голову и не стал принюхиваться к воздуху. Охотник, положив руку на пса, почувствовал нервное движение мышц, пробежавшее по его шкуре. Осматривая низину, замечает на темном фоне сероватую тень, которая быстро проскальзывает в прибрежный тальник.

«Ого! – проскочило в его голове, - однако, - однако, я тоже хитрый! Волчица вышла на охоту, на пути у неё была только одна петля, на которой находится заяц, минуты через три-четыре она будет

здесь». И по торопливому ерзанью пса понял его состояние. Повернувшись к псу, охотник снова показывает ему сжатый кулак и прижимает палец к губам, мол, знаю, молчи.

Волчица, бывшая собака, вдруг остановилась как вкопанная в землю. Тонкий, еле различимый чужой запах появился в округе, но шальной ветерок снял его с кончика носа и уносит в траву. Прислушиваясь к звукам нового утра, поднимает голову и смотрит на восток, на первые проблески лучей солнца, словно они могли дать ей ориентиры опасности. Голод не тетка - требует удовлетворения, и волчица, сделав несколько шагов, снова остановилась.

Вмиг съеденный холодный заяц мешает дикой собачке. Её интуиция подсказывает, что нельзя ходить дальше, там опасно. Сделав два-три шага, она услышала шорох за сосной, резко повернувшись, прыгает в сторону. Раздается свист стрелы, которая на излёте все же достает её, вызвав резкую боль в животе. Превозмогая недомогание, волчица бросается в тальник, петляя среди травы и кустарников. Кровь продолжала сочиться и капать, оставляя след. Она ушла в сторону речки Машат, потом наискосок, сделав петлю, вышла на озеро, где, потеряв много силы, улеглась на сырую землю.

Асылхан не стал рисковать: оттянув стрелу и тетиву к плечу, на предельном расстоянии выстрелил. В это время Шайтан, прыгнув с места, перелетает через вербу, во время полета переворачивается в воздухе и, задыхаясь, падает на землю. Охотник вдруг почувствовал, что, схватив его за ременной пояс, кто-то потащил его через дерево, больно ударив головой о неё. Очнувшись от удара, выглядывает из-за дерева, где с виноватым видом сидит Шайтан. Полежав ещё с минутку, молодой парень встает, отряхивается и, приведя себя в порядок, идет выяснять итоги выстрела. На месте ничего нет, но пес упорно тащит его дальше.

Обратив внимание на Шайтана, увидел, что собака что-то уверенно вынюхивает. Охотник пошел дальше. Когда край верхней части диска солнца приподнимается над горизонтом, он заметил первую каплю крови. Через два-три метра снова капля, и так повторяется часто на пути, по которому тащит пес. Следы волчицы ушли в другое ущелье, покружили, петляя вдоль озера и кустарникам, приводят на дальний край ущелья. День уже клонился к вечеру. Пришлось остановиться, разжечь костер, вскипятить чай и отдохнуть.

***

Охотник еще вечером понимает, что волчица решила запутать их и скинуть со следа.

- Это значит, что рана небольшая, но серьезная, раз кровь капает постоянно, - подумал Асылхан, жуя твердую корочку испеченного им вчера хлеба и, запивая его, горячим чаем. - Помоему, волчья нора находится совсем в другой стороне, вспоминая овраг, замеченный им в первый год поселения. Ну, надо же, она специально уводит меня в сторону. Однако, ладно, хватит плутать, переночуем здесь, а утром пойдем туда и посмотрим, кто кого умнее.

На следующий день ранним утром, выбрав довольно правильный путь, юноша выходит прямо к пологому оврагу, на дне которой протекает маленькая речка. «Речка так себе, но богатая и своеобразная, с золотишком на быстрых перекатах, это оттого, что впадает в Аксу, - проанализировал ситуацию он, - вот и Шайтан что-то унюхал».

Через сотню метров пес стал рваться вперед, охотник отпускает его. Шайтан с места берет в карьер, выскочив на крутояр, исчезает из виду. Через некоторое время охотник услышав, как яростно щерится Шайтан, поспешил на лай. Незаметная нора, прикрытая сверху упавшим камнем, выходит прямо на ручей. Прикрикнув на пса, подошел вплотную к норе. Там лежала волчица.

- Правильно я думал, - сказал про себя охотник, - это одичавшая собака. Самый ближайший аул находится в низовье ущелья. Дальше – наш аул, но он шибко далеко. Чуть ближе поселок, который находится через три ущелья, и я бы знал об этом. Надо спрашивать в поселке, все равно надо запастись мукой, крупой и солью, заодно заеду к знакомым: с Асаном-то мы знакомы давно. Он ночует у моих родителей по случаю, да и я заезжаю к нему часто за капканами. Хотя, вряд ли увижу его: Асан тогда сразу поступил учиться на учителя, слышал, что уже работает. Но черт его знает, вдруг встречу.

Охотник осмотрелся по сторонам, обращая внимание на успокоившегося Шайтана. Наклонившись, вытаскивая из норы холодную волчицу, услышал щенячий визг. Показав псу на нору, заставляет его залезть туда. Асылхан надеялся, что волчат будет много, воспитает их по-своему, которые будут ему помощниками. Спустя некоторое время раздается жалобный писк, который перешел в неизвестное «ё-ёй-ай-ай». Шайтан выскакивает из норы пробкой, в его зубах находится полузадушенный волчонок. Отобрав из пасти пса дикого зверька, мужчина осмотрел его.

- Ничего, крови нет – хорошо. Это самец, придется искать ему самочку. Вот бы Шайтану найти подругу, - размышляет охотник. – Волчонок уже зрячий, но ему месяц от силы месяца полтора. Ага, вот и отличительная метка – белая передняя правая нога, что ж это очень хорошо. Назову-ка я его Актан (Белое утро), просто Актан, а дальше будет видно. В избе есть остатки сушёного молока, напоим и накормим, и он будет наш ...

Засунув за пазуху щенка, окликнув Шайтана, уже промышлявшего за оврагом, засобирился домой.

Часть 28 Старые вещи

В субботу Асеке (уважительное от Асылхана) решил на генеральную чистку, вытащив из чулана все охотничьи вещи. Откуда их столько, не знал, но заняли много места в его домике. Хорошо, что дома никого не было. Дети разъехались - каждый в поисках лучшей доли от них на стороне. Вот и остались с женой на старости вдвоём в стареньком домике на краю ущелья речки Аксу. Куда она, туда и он, или с точностью до наоборот, как иголка с ниткой. Чего-то стали тянуться друг к другу, мечтать, делиться мыслями, хотя раньше этого за собой не замечали.

Старые вещи, словно страницы жизни, оставляют глубокую память о прошлом. Вот, например, старая леска, ботинки, сапоги, чашка-ложка-кружка, то есть весь рыбацко-охотничий набор. Через полчаса, разобрав, расставив всё по одному, рыбак и охотник стоит среди этого великолепия, не зная, что дальше делать.

Как обычно, перед каждой поездкой на охоту или рыбалку всегда чего-то да не хватает, вот и мечется бедный по знакомым: язык на плечо, стараясь выклянчить ту или иную, но нужную вещь. На следующий день нужно отдавать обратно хозяину. Одному - сапоги, другому - топор, а вот эту - никак он не вспомнит, у кого брал.

Вещи, особенно чужие, имеют способность входить в его жизнь раз и навсегда. Некоторые из них имеют привычку оставаться с ним, считая его своей собственностью, когда у нее есть другой хозяин. Недели две-три она не даёт покоя, напоминая о себе, потом всё это постепенно отходит в сознании на следующий этап, становясь в ряд привычных вещей.

Заложив руки за спину, покачиваясь всем телом с носков на пятки, в задумчивости Асеке стоял над своим богатством. Если это добро выкинуть, то, как будет без него обходиться на охоте или рыбалке. К примеру, котелок, вообще-то без него можно и обойтись, но самая вкусная уха была из него. Многие завидовали ему и, опять же, это подарок лучшего друга, рыбака и охотника другого Сергея, который старше его лет на тридцать. Нет, пусть пока полежит в сторонке. Непосвящённый никогда не поймет, что он медный и ему более шестидесяти лет.

Видимо, каждая вещь обладает некой чертой входить в нашу жизнь, находя там своё место, и без спроса вклиниваясь в обычный ряд мелочей. Да, они его друзья, таких на свете днём с огнём не отыщешь. Даже, если они усохли, стали чуть-чуть меньше. Обнашиваются, обминаются, и становятся доброй и, наконец, самой доброй, но старой и верной. Может, и не стоят они для других и ломаного гроша в базарный день, но всё равно ценю их за то, что были с ним в самых различных ситуациях.

Вот ружье – уж очень старое, заряжается с дула, если сделать к нему приклад, цены не будет. Сколько стрелял фазанов, гусей, горных рябчиков и глухарей, волков, не счесть. Медведь, не рывкнув, падал, с горного карниза после выстрела. А тулупу нет замены: и в холод и зной стелил его под себя, ни разу не болел. Нет ничего лучше этих сапог: в них лазил по горам, исходил степи и пустыню, тонул в речке Машат, так и не смог износить. Им

восемнадцать лет от роду, периода его деда, который шил специально на два размера больше. Из натуральной буйволиной кожи, со стельками из кошмы, повывавшие сотни дорог его жизни.

Первый раз сумку с пулями и дробью Асеке надел в пустыне Кызылкум, посреди оазиса из ромашек. Место, где поселили перед охотой на кабанов, заросло ромашками. Как будто специально привезли из аула цветы и посадили только для него. И надо же такому совпадению, через шестнадцать лет, снова великий охотник этого края застегнул ремни ружья на ромашковом поле, но уже в горах, в тридцать четыре года от роду.

В дверях тихо появилась жена – это его радость, подарок судьбы, прожившая с ним всё это время, обещавшая к двадцати пятилетию их совместной жизни, поставить во дворе дома памятник, лично ему, за мужнин ратный подвиг. Памятника до сих пор нет, хотя уже давно перевалило за тридцать лет совместной жизни. Не скажешь ведь ей об этом ничего, да и по привычке тщательно скрывает свои мысли.

Поэтому он старательно избегает встречного взгляда, стараясь сосредоточиться на работе по уборке старых вещей. Она, как обычно, молча и трезво, посмотрела на своего рыбака-охотника. В её глазах стоит невыразимая тоска и усталость от проделок супруга. Мол, как тебя ни воспитывай, совсем безнадёжный, вот опять ударился в детство. Как ей объяснить, что если отнять или выбросить эти вещи, это равносильно тому, что забрать самое дорогое в мужской охотничье-рыбацкой жизни, память.

Супруга долго смотрела на вещи мужа, что-то перебирая в памяти, махнула рукой и ушла на кухню. В этом взмахе руки, он прочёл о том, что его, верного мужа с сорокалетним стажем совместной жизни, уже невозможно исправить. Как в той старой песне, где есть такие слова: каким ты был, таким ты и остался, орёл степной, казах лихой. Нет, женщине никогда не понять мужских проблем. Если не понимает что-то в женских делах, то не лезет туда, куда не его просят.

А она с дочкой потом, в ауле долгими зимними вечерами, будут полоскать отца и мужнины старые вещи. Вон дочка имеет три коробочки каких-то мазей, какие-то пеналы ещё для чего-то. Варят целыми днями какие-то отвары от морщин, накладывают маски, что, увидев их даже среди бела дня, можно остаться без языка. Не ленятся по сто раз в день смотреть на себя в зеркало, строить глазки самой себе. И внучки туда же. Вместо ружья, тянутся к зеркалу, любят красивые вещи. Нет, не поймут они страданий рыбака и охотника. Женщины есть женщины, у них свои взгляды на жизнь и хотят, чтобы мужские проблемы стали их собственностью.

Асеке думает, что старые вещи обладают способностью передавать ощущения давно минувшего времени, делать их зримыми, весомыми и звонкими, создавать ауру любви к природе, напомнить о страсти к охоте и рыбалке. Долго ещё он перебирал старые вещи, и, вспоминая разное, думал о разном. Конечно, жена права, надо бы многое из них выкинуть, да не поднимается рука. За каждой вещью стоит история, история мужских походов и неудач на охоте и на рыбалке.

Часть 29

Асеке

Снежно-белые лебеди летят высоко вдоль невидимой линии между степью и пустыней на юг, вытягивая длинные гибкие шеи, равномерно взмахивая сильными крыльями. Время от времени ломают строй, тревожно перекликаясь, перестраиваются. Доносится протяжный затихающий гортанный звук, будто далеко поют трубы. Вся степь уныло озаряется неярким осенним солнцем.

С пустыни дует холодный пронизывающий ветер. Пробегая по низинам, шевелит пожухлую траву и ковыль, кустарник и полынь. Беспокойное перекасти-поле шевелится, перекатываясь с бока на бок, отрывается от корней и подхваченное ветром, уносится в странствие неприютным скитальцем. Осенние ветры не дают ему покоя: круглое, желтоватого цвета кустик носится между долинами рек и плоскогорью Тастак, цепляясь за все, что есть на пути.

А над степью, распластав крылья, безмолвно парит орёл, выискивая себе добычу. Зорко и пристально осматривает стервятник с высоты каждый кустик, ложбинку на однообразной бурой земле. В потемневшей долине рек Бадам, Аксу и Машат почти замерла жизнь - засыпают сурки, уходят в пустыню на трудное зимовье сайгаки. Земля недавно богатая сочными травами становится безжизненной. Степь преображается, уже дышат холодом предгорья.

Осень своей фантазией не перестаёт удивлять людей. Стало раньше прятаться солнце, ночи становятся всё холоднее и темнее. На тёмном куполе, ярче разгорается звёздными искрами мерцающий Млечный Путь, явственно выступая, светится в густеющей черноте небес.

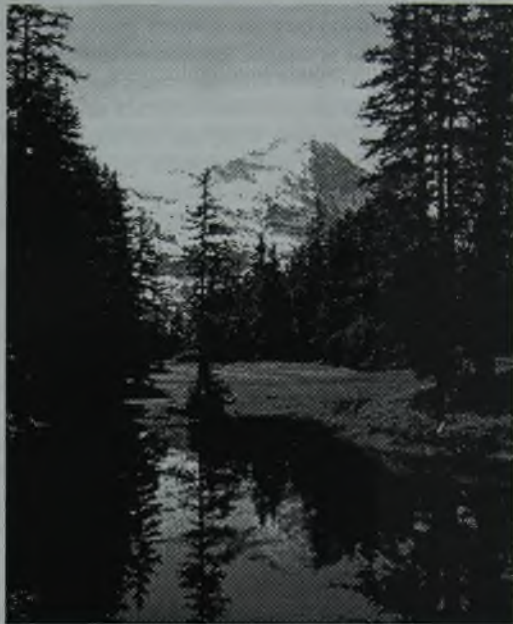
Малиновое солнце, только что успевшее скрыться за горизонтом, озолотило верхушки гор, как на горе появляется волк. Далеко внизу на фоне бледного неба резко выделяются вершины азиатских тополей и верб с пожелтевшими листьями. Среди птиц, насекомых, в сухой траве, даже в воздухе чувствуется приближение осени.

На крутом склоне оврага стоит боярышник: ни одного мёртвого или отсыхающего сучка, нет даже царапин или поломанных веток. Плотной корой, как непроницаемым панцирем, обернут тонкий ствол, пахнущий тонким ароматом осени. Боярышнику уже двести лет: будет стоять и дольше, отмечая медленный ход столетий, передавая память о хорошем человеке, огородившим его крепким забором от врагов, заставляя детей иногда поливать землю под ним. Изредка срывается увядший осенний лист, с тихим шелестом падает на землю, покрывая её тонким слоем опавшей листвы разных горных деревьев и кустарников.

Хозяин кордона с детьми уже несколько дней гоняет домашний скот к пойме реки Машат, к ещё зелёной проталине. Животные, чуя приближение ненастных дней, жадно припадают толстыми губами к земле: не оставляют ни одной сочной травинки, прислушиваясь к солнечному полудню, словно хотят унести с собой в тесные загоны память о холмах, наполненных сытными запахами.

Сумерки в предгорьях наступают сразу. Вверху ещё кое-где видны клочки бледного неба, а внизу в ущелье ложатся ночные тени. По мере того как разгорается огонь в печке, всё ярче освещаются выступавшие из темноты арба, дом, кусты и деревья. Какая-то птичка, разбуженная криком на ветке боярышника, поднимает пронзительный крик и улетает в ночь. Хозяйка дома, что готовит ужин, часто поглядывает в темноту на высокую гору, где сидит волк. Оборачиваясь, взглядывается в темноту, откуда должен появиться муж со старшим сыном. Они уехали утром в аул, чтобы привезти припасы на зиму.

Асылхан или как звали его дети «коке-папа», знающие обычаи степи казахи уважительно называли Асеке, работает егерем восточного кордона, на самой границе Казахстана с Киргизией. Раньше эта должность имела название объездчик, ибо он объезжал степи и предгорья, охраняя колхозные поля от набегов диких животных и воров. Надо признать, что работа непыльная, кататься себе на здоровье на лошади, смотри и стереги, но была и ответственность за порученное дело. Бывало и за ним следили некоторые приспешники председателя вновь образованного колхоза, дабы уличить уже пожилого человека в продаже сена или соломы на сторону. Зная, стежки-дорожки, тропинки желающих поживиться за счет колхоза, Асылхан пресекал все их попытки. Заказав мне мощный бинокль, он выбирал, как и наш отец, высокую точку и наблюдал за округой. Жизнь предгорий у него, как на ладони. Мощная цейсовская оптика выдавала любую мелочь: мальчишки погнали коней на водопой, запыхало село – это домашний скот выгоняли жители на пастбища, поднимается дым из печек аула – начинается новый день. Вон косуля выскочила из ущелья, покрутившись, спустилась к колхозному клеверу, пусть пасется, осень уже пришла. За ней должны появиться дрофы, ага, вот и они. Осторожные птицы не торопятся, арифметика жизни подсказала им, что самые опасные враги – двуногие с ружьями-палками. Что-то не видно друзей егера – волков.

***

Зима появляется в предгорьях внезапно. В горах выпадает много снега. Пронизываемые оголтелыми холодными ветрами, ущелья застывают надолго. Густые туманы остаются ночевать у края каньона. По утрам оголённый боярышник слезится, словно плачет о потерянной красоте. Всё неприветливо, сыро, уныло, только арча, не покоровившись холоду, продолжает гордиться своим царственным зелено-голубым нарядом. Речка стремительно несёт

голубые воды вниз, а трескучий мороз выращивает сосульки на камнях, свисающих ветках деревьев. Приходят холодные ночи, скучные, тяжёлые своей бесконечностью.

Однажды вечером на кордон приезжает встревоженный отец, часто поглядывавший на запад. Асылхан спросил у отца о причине его тревог. Родитель, молча, показывает на горы, а потом - на запад. Горный хребет точно дымится, а на западе к горам медленно движется какая-то мгла. «После долгого затишья и морозной погоды надо непременно ждать буран», - понимает знаки отца сын. К ночи поднимается сильный ветер, который сметает с земли снег, пыль, листья и траву.

Хозяин кордона решает проверить скотный двор. Выходит, но тут же опрокинут бураном на землю. Ползком возвращается в дом, еле-еле открыв дверь. Сердце человека перестает стучать, застывает кровь, от страха не попадает зуб на зуб. Он долго и растерянно смотрит на отца, жену и детей. Всё сливается и смешивается на улице: горы, воздух и небо превращаются в крошечный ад, который свистит, кричит, воеет и, стонет на всю округу.

Буран вертится как змея, уносит с собой всё, что попадает на пути, становится все больше и сильнее, будто набирается сил от этих разрушений. Он бушует всю длинную, зимнюю ночь: закутки и овраги заметает снегом; бричку, стоящую около дома, перекатывает через двор и прижимает к забору; плохо увязанный стог сена, унесло до последней соломинки. К утру, буря стихает, возвращаясь обратно бешеными порывами ветра, сменяясь недолгими затишьями. На рассвете Асылхан не узнает своего подворья: склоны гор чисты от снега, вывернуло крышу сарая, где находится уголь, куски шифера усеяли весь склон ущелья.

***

Вышедшая из дома сноха увидела необычную картину: невозмутимый и спокойный отец мужа, растерянно машет руками ему, молча показывает на высокую обледеневшую гору. На ней сидит стая красных волков, чуть выше на самой макушке крупный самец - буровато-красный волк. Асеке, что-то крикнул в сторону волков, махнув рукой, занялся привычными делами хозяина кордона: надо подправить забор, переложить шифер на крыше, завести сено. Для него это является обыденным: как обычно, утром и вечером, перед рассветом и закатом, на высокой обледенелой горе появляется волк. Стоит открыто и смотрит зоркими голодными глазами на распадок, где находятся кордон и крепкий сарай, в котором на ночь запирают домашних животных.

А дальше, до самого горизонта, тянется все та же белая пустыня. Необозримая степь - бесконечная, ослепительной белизны - от края до края. Ветрено и холодно, очень холодно. Клубы тёплого пара вырываются из скотного двора и несутся в гору, вызывая возбуждение у хищника, заставляя скатываться слюне по высунутому языку.

Хищники хорошо знают свое дело: умело соблюдают, подчиняясь определенным законам взаимоотношений между человеком и волком. Они не трогают домашний скот Асеке, не беспокоят его детей, пасших скот у реки. Живут рядом друг с другом, прекрасно зная намерения каждой стороны. Хозяин кордона имеет хорошие ружья, но не стреляет в волков. Каждый день волки рассаживаются на горе, а хозяин выгоняет-загоняет скот, поит-кормит, кричит на волков, махая кулаком, уходит домой на завтрак или ужин.

Обе стороны строго выполняют свои обязанности, расходясь через определённое время по своим делам: одни на ночную охоту, другие на покой - или наоборот. Этот ритуал происходит через каждый день короткой зимой, продолжаясь до начала весны, а весной волки уходят в горы к ледникам на горные пастбища.

Если Асеке утром запаздывает на свидание со стаей, то волки начинают волноваться. Вожак садится на землю, задирает к небу заострённую морду с холодным носом, протяжно и заунывно воеет. Самец умолкает, стая ложится. Волк приподнимается, ложится или садится, начинает

чесаться, но его взгляд устремлен на усадьбу, а наостренные уши ждут стука дверей, покашливания хозяина кордона, приветственного крика и взмаха руки. Если объездчик не появляется через минут пятнадцать, то ритуал повторяется снова - волнение, вой, ожидание, окрик и взмах руки.

***

Иногда Асеке уезжает в аул, чтобы закупить продукты, получить на почте газеты и журналы, узнать новости. Красные волки сопровождают его всей стаей вдалеке и сбоку, как бы конвоируют, охраняя, издали. Хозяин кордона на протяжении пяти лет стал их лучшим другом: не угрожает им, не стреляет, не трогает волчат, хотя лучше всех знает, где они рождаются, не гоняет их на конях, не травит собаками, выполняя негласный волчий закон - не трогай меня, и я тебе буду другом.

Если какой-то молодой волк пугает скот или детей, то получает от взрослых такую трёпку, которая остается на всю оставшуюся жизнь в его памяти. Был случай, когда красные волки спасли Асеке жизнь, встав на пути серых волков, случайно забредших в гористую местность, в поисках наживы, не дав осуществить свой мерзкий план. Человек уехал, а хищники остались выяснять между собой отношения.

Два самца - красный и серый - вышли навстречу друг другу, постояли, примериваясь, стали медленно кружить. Их белые клыки сверкают, шерсть стоит дыбом. Вокруг сражающихся стало сжиматься роковое кольцо зрителей, но они не боялись тех, кто окружает их - извечный закон стаи - нападать только на упавшего. Серый волк бросается на соперника, чтобы вцепиться в горло, но промахивается, распоров только кожу на его плече.

В ответ красный вожак рванул вперёд, кусая наугад. Раздается хруст сломанной кости, треск разрываемых сухожилий. Круг зрителей насторожился - они поняли, что один из дерущихся будет побежден. Вот сейчас кто-то упадёт, это послужит сигналом добить обречённого. Второй рывок красного серый волк пропускает и падает. Стая ринулась, чтобы отнять жизнь у главаря, потерявшего власть.

От стаи серых волков отделяется гибкая волчица. Она подходит к красному вожаку, ложится перед ним, выполняя ритуал подчинения. Потом проворно поднимается, обнюхивает, зализывая раны. Самец встает, не обращая внимания на сильную молодую самку, уводит свою стаю в горы. Войдя в боковой овраг, самец оглядывается, серая самка идет вместе со стаей красных волков в нескольких шагах от всех. Посмотрев на неё, читает в её глазах ожидание и вопрос.

Она очень молода, вероятно, только-только перестала быть щенком. При лунном свете шерсть на её груди и спине мягко лоснится и блестит. Волчица, глядя в его красные глаза, заскулив, прижимается к нему. Он придвигается к ней, кладет ей на спину голову. Ответная ласка вызывает у вожака чувство, которое возникало прежде у него с прежней хозяйкой стаи.

***

До Асылхана на кордоне жил другой хозяин, часто обижавший стаю. То подстрелит, то травит ядом, то душит в норе волчат. Ставил капканы, не давал покоя ни днём, ни ночью, но самое главное убил самку - подругу жизни вожака.

Одинокий вой красного волка прозвучал устрашающе. Он далеко разносится по ущелью, вырывается в предгорья, стелится над равниной и степью, вползает в каждый овраг, повисает над каньоном. В течение нескольких ночных минут стоит тишина. Самец вдруг встрепенулся, вскочил на ноги и насторожился. Из гор, ущелий и долины приходит какой-то смутный шёпот, жуткий и зловеющий. Старый волк садится и снова воеет. Он дождался ответа. Отдалённое, едва слышное, ответное завывание волков - жди, мы идём к тебе. Через некоторое время вдалеке появляются разные тени, несшиеся галопом к месту сбора на дне каньона. Безмолвные и быстрые волки бегут след в след, опустив морды вниз, прижав хвост к ногам, энергично поводя носом.

Стаи собираются в один большой круг, ложатся. Вожаки сходятся в центре, обнюхивают друг друга и долго стоят вместе. Тихо вокруг, подозрительного люди ничего не заметили, не прочувствовали. Волки, разведывая, молча окружают усадьбу. Их тёмные тени появляются на пригорке, исчезают в овраге. Звери пробегают между комбайнами и тракторами, выходят на скотный двор, забираются на крышу сарая. Только собака другого хозяина захлёбывается в

страшной истерике, спустя какое-то время визжит, захлебнувшись в своей крови. Хозяин не может выйти из дома, стреляет наугад во двор из окон и дверей.

Домашний скот, цепenea от страха, сбивает ворота, прорывается сквозь стаю и уходит в степь. Волки, пьянея от запаха крови, устроили кровавый пир, разрывая скот и оставляя только несъедобное. На другой день, на расстоянии тридцати километров, по пути в аул, люди собирали трупы животных. Разорившийся хозяин в тот же день уволился, переехав в аул, но стая красных волков не дает ему покоя и там. Хищники выбирают из всего аула только его двор, его скотину, наводя такой страх, что вынужден продать скот, дом и переехать в город.

В ту зиму на волков устроили большую облаву по всем правилам военного искусства: флажки, ружья, всадники, дежурившие на высоких холмах, преследуя выживших волков. На тракторных санях, шириной три и длиной пять метров, провозили трупы хищников через весь аул, выставляя напоказ удачную охоту. Волков освежевали, шкуры развесили, а трупы сбросили в скотомогильник. Тогда за каждого убитого волка государство давало премию в пятьдесят рублей.

Стая красных волков чудом выжила, хотя и понесла большие потери. Новый хозяин кордона, родившийся и выросший в этих краях, знает повадки зверей и догадывается, почему хищников называют не только умными и красивыми, но ещё мстительными и жестокими. Они, волки и Асылхан, живут в мире и согласии, не трогая друг друга. Каждое утро сиятельное солнце смеется с ясного неба для всех. Оно сообщает волкам одно. Они собираются и уходят в ущелье. А Асеке – другое. Он обходит большой двор, выполняя намеченную работу, заходит домой.

***

Серебристая пудра с тихим шелестом падает на белые предгорья. До полудня проясняется, воздух становится кристально чистым и прозрачным, заиграла и запела степь. Голубоватые, даже с редкой синевой, сугробы вспыхнули, заволновались под солнечными лучами. Странные таинственные шёпоты каньона Машат носятся в воздухе.

На голой, обледенелой горе, что высится у предгорий, сидит, поджав задние ноги, красный волк-вожак стаи, озирая окружающий его мир. Красная с проседью шерсть показывает его старость. У него широкая грудь, хороший круп, а голову держит всегда высоко. В дикой и простой душе, закалённой и способной вынести холод и голод, борьбу и смерть, вызревает страшная тоска по прошлому, а в мыслях - бездна. Он вырос в узкой лощине ущелья, глубокой и необычной, прорезанной сначала ледником, а потом водой. На дне и стенах каньона растут различные кустарники и деревья, располагаясь вдоль одноимённой речки, берущей начало высоко в горах, у самого ледника.

Здесь вожак нашёл подругу жизни и произвел потомство, звал и пулю, и людей хороших и плохих. Да и выл совсем не так, как другие. На низкой ноте, энергия которой постепенно росла, ширилась до тех пор, пока вдруг вокруг все не замолкало, потрясенное мощью этого вопля. И, слыша его, мир ущелья содрогается, ибо он возвещает жизнь и смерть в бурю и в ночь.

Когда вожак уходит на разведку, стая ещё отдыхает в каньоне, нежится в тепле широкой норы с узким лазом. Каждый волк со своим нором и характером беспрекословно подчиняется молодой самке, второй спутнице вожака. Она выводит стаю чуть позже, давая возможность прийти в себя, порезвиться молодым, повалиться на снег, осмотреться и настроиться на ночное дело.

Тихий рык самочки заставляет стаю собраться, построиться и идти след в след. Они поднимаются из каньона вверх по его склонам, появляясь у основания горы, на которой сидит их вожак. На смену дня приходили сумерки, сменявшиеся в свою очередь ночью, с мерцанием

звёзд, морозным дыханием. Так продолжается до весны, пришедшей быстро и напористо на смену зимы.

Свет, тепло, движение в горах, туман и радость. Деревья кутаются зелёной дымкой, а земля - изумрудной шубой. С гор побежали мутные и звонкие ручьи, стаи птиц носятся в воздухе. Закудрявилась полынь, наливаясь терпким духом степей. В предгорных зарослях и горных лесах заливаются соловьи, строит гнездо райская мухоловка. Смолистый запах арчи, и пахучий воздух гор будоражат волка, преображая тело и всё существо, заставляя искать свою игривую спутницу.

Если самке хочется спать, то и он вынужден ложиться. Если ей хочется идти к кромке льдов, а ему на юг, самец шёл за ней. Если волчица хочет перейти речку, он тоже переходит ее, вопреки своим желаниям. Где-то кукует кукушка в боярышнике. Поет мухоловка, свистят сурки, красная лисица шныряет по кустам, охотится барс (ирбис по-местному) на горных козлов у ледника. Высоко в небе играют весенние свирели перелётной лебединой стаи.

***

Действительно, странная земля между горными речками Аксу и Машат. Холмистая местность, глубокие ущелья и каньоны, дикие животные и райские мухоловки, скалы и огромные камни, стоящие на Земле сотни тысяч и более лет. Это всё надо увидеть собственными глазами, надо понять своей душой, прочувствовать нутром - и не спешить. Только тогда до конца откроется красота этого края.

Часть 31 Странная охота

Декабрь выдался злым, убористым на снег. Только под Новый год, за два дня до него, немного отпустило. Асеке маялся егерем последний год, дав себе зарок, переехать в поселок навсегда. Уже подошло время окончания школы дочкой, да и пора сына определять из военное училища на службу. Вот только доработает до пенсии, а оставалось всего пять месяцев, и пропади пропадом горы, ущелья и маета.

Вышел Асеке из дому ранним утром, да на вольном ветру так промерз, что забыл про родных и близких, ждавших его к празднику в селе. В ущелье, как раз на полпути домой, а жена с детьми должны были поехать в гости на санях-розвальнях, егерь сломал обе лыжи среди камней. Идти обратно слишком далеко, поэтому брёл по колено в снегу по вершинам холмов, в два раза удлиняя себе дорогу. Как оказался на краю водохранилища, у самого дальнего мыска, врезавшегося намытым песком, белой глиной и подмытым крутым берегом, в синюю твердь льда он не помнил. Но помнил твердо, что пройти напрямую в село напрямую в село можно только здесь. На мыске снег сильно спрессовало ветрами и песком, так что можно было идти спокойно, не проваливаясь.

Увидев плавник, торчащий из-под снега, Асеке стал ножом выковыривать его. Набрал приличную горку, осторожно чиркнул спичкой и поднес огонёк к сухим камышинкам. Потянувшийся тонкой полоской дым был настолько сладким и приятным, что егерь потерял чувство меры. Слезы текли из глаз не переставая, руки не осознанно тянулись к огню, что не заметил на руках волдырей. Только когда костерок набрал силу и исчез дым, от боли пронизывающего его насквозь, охотник понял своё усердие. Набив чайник снегом, вскипятил воду, бросив заварку, стал готовить себе немудрёный завтрак.

Позавтракав Асеке, пришёл в себя, стал привычно прислушиваться к ветру, что дул с водохранилища. День уже шёл на убыль, до заката оставалось немного, часа два. Вот его и хватало ему, чтобы добраться по льду до окраины села. Только было собрался подниматься от костра, как что-то кольнуло его в бок. Он услышал вой волка. Зарядив карабин обоймой с патронами, отложил в сторону. Рассыпав на тряпке остальные патроны, стал перебирать по одному, зачем-то протирая совершенно чистые латунные гильзы, осторожно заправляя их в запасные обоймы.

Поковырялся в стареньком рюкзаке, достал оттуда бинокль, подаренный старшим сыном. Покрутив резкость, выставил привычные цифры, ещё раз огляделся и стал осматривать всё водохранилище, обступившее его с трёх сторон. С противоположной стороны от села, где желтел прошлогодний камыш, бежала лошадь. Ног не видно, они пропали в тумане. Выбирая заснеженный лед, она упрямо держала курс на мысок. У Асеке проскочила мысль, что животное почуяло дым и теперь правит дорогу к нему. Но вой, раздавшийся сбоку от него, не оставило в нём сомнения: волки загоняли животное именно на мысок.

Не высовываясь из-за берега, намытого волнами, егерь взял карабин, аккуратно снял предохранитель и приготовился к стрельбе. Перед ним в пятидесяти метрах, бочком к нему, сидело пять серых волков. Припав к холодному прикладу, до блеска вытертая его плечом, Асеке стал искать опору пяткой, как тогда, во время службы на учениях, чтобы стрельба была точнее и получить отпущ домой.

Стрелять не стал, что-то его привлекло. Боковым зрением он понял, чем были заняты его волки. Они наблюдали за волками-загонщиками и ждали своей очереди. Специалисты тонкого дела, чем дальше уходила лошадь к мыску, тем деловитее трусили за ним. Без остановки и насилия, даже как-то мешковато, неуклюже, но, не давая остановиться домашнему животному. Загонщиков почти не было видно, они выскакивали из поднимавшегося тумана, показывались лошади и исчезали в белесой полоске мглы.

Слов нет, волки хитры, осторожны, наглы и безрассудны. Об этом Асеке знал с детства, но, чтобы они сидели у него почти под боком, было верхом наглости. Они его не учуяли только потому, что ветер дул им в морды на одной стороне мыска, а за их спиной находился охотник. Уверенные в себе, выжидая свой черёд погони, волки стали спускаться на лёд. Свистнув во всю силу, егерь предупредил их и стал стрелять, как тогда солдатом из окопа. Четыре зверя остались на краю мыска, пятая, а это была молодая рыжеватая волчица, стараясь во всю прыть, бежала, чтобы исчезнуть в тумане.

Остальные волки так и не вышли из тумана. Лошадка, словно Пегас из сказки, так же безостановочно скакала к нему в сероватой мгле спадающего дня. Раздался выстрел, второй. Асеке поднялся на самую вершину мыска и увидел, точнее, услышал, как его старший сын на мотоцикле с лыжами гонял кого-то по льду. Позже он узнал, что сын, найдя его поломанные лыжи, точно определил его местонахождение и выехал навстречу.

Часть 32

В Западной Сибири.

Наконец всё стихло. Становится как-то по-осеннему просторно и одиноко. Вокруг стоит такая тишина, что начинаю невольно оглядываться по сторонам. Только где-то, по речке, еще звенит на высоких нотах подвесной мотор лодки «Казанки», да раздается выстрел. Это промышляет утку Шалхар, забросивший Эдуарда на охоту в эти озерные края.

Зубной врач, до того любивший охоту, что согласился приехать в Западную Сибирь, достаёт любимое ружьё «Зауэр», заряжает патронами: левый ствол - пулевыми, другой - дробью тройка. На противоположной стороне костра лежит собака, которая лениво поднимает голову, будто намекая на то, что уже скоро вечер, мол, зачем тебе оно сейчас.

Тогда все происходило в первый раз - первая охота в дальней сторонке, первый раз остаётся вдалеке от дома, где живёт. А прискал в Западную Сибирь поохотиться и понять разницу между горами и тайгой. Вдали от посёлка, куда прилетает он на охоту, Шалхар бензопилой напил дрова, вскипятил воду, пока дядя ставил палатку,

приглашает пить крепкий чёрный чай. У племянника всё получается ладно, сноровисто и быстро. Надавал кучу советов, о которых он тут же и забывает. Отвлекая внимание, кидает белой собаке кусок хлеба, садится в лодку и уезжает вверх по течению реки, чтобы его родственник понял вкус тайги.

Наконец, Эдик один, один в таежной глухомани со сбывшейся мечтой. Напротив него лежит собака Белка - вся белая, только чёрный нос. Больше никого нет вокруг. Тихо шумит урий. На той стороне стоит хороший сосново-кедровый бор, весь закрытый ягелем.

Урий, кружа водоворотами, создаст какой-то невообразимый уют в этой округе. Небрежный ветерок, бросается на березку, перескакивает на тростник, покачивает камыш и исчезает на той стороне речки. Вдруг веером выпрыгнула мелкая рыбёшка возле камыша, что росла на том берегу речки. Видимо, щука не дает покоя подводным обитателям. Осмотревшись, привыкая к месту обитания, пошёл к речке, прихватив с собой спиннинг.

Ружьё мешает рыбалке, но остаться Эдик без него не мог – не успел насладиться вольностью и оружием. Измаявшись, от тяжести железа, прислоняет его к сосне. Свобода немедленно сказывается на рыбалке, сначала берет на блесну окунь, соблазнившись на красные нитки. Потом на глаз окуня хватает приличная щучка и снова окунь. Ужин обеспечен.

Собака лежит у берега и долго наблюдает за ним. По-моему, у неё в голове крутится одно: с этим приезжим с гор ничего путного не сваришь, да и толку от него только на мелкую чешую. Пока чистит рыбу, над урием пролетает табунок вспугнутых уток. Белая собака с черным пятном на носу смотрит им вслед, как и он, и отворачивается.

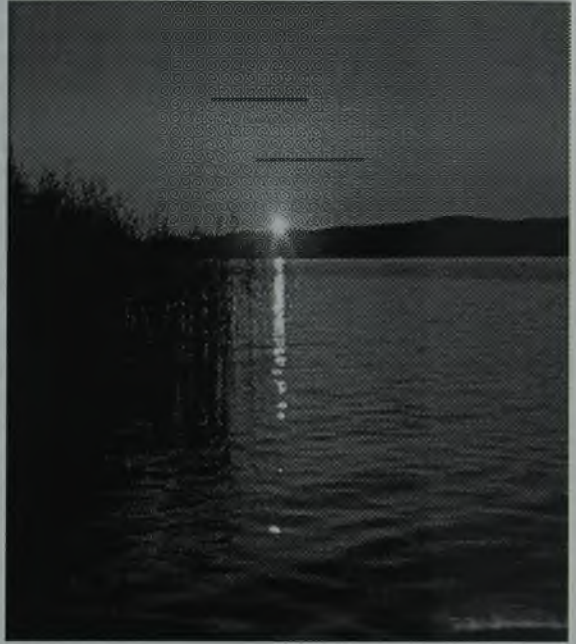
Пока Эдик возится с костром и ухой, на самой высокой сосне садится выводок тетеревов. Едва успевают прыгнуть за ружьём, как они шумно срываются с дерева и улетают в другой бор. Белка снова с укором посмотрев на него, отворачивается совсем. Приподнимается, повернувшись боком к костру, кладет голову на передние лапы и закрывает глаза.

Видимо, ей стало стыдно за степного жителя с гор, возомнившего себя великим охотником и прозевавшего её ужин. Эдик окуней отдаст собачке, а сам довольствуется щучкой. Чай пьёт один, долго рассуждая сам с собой. Как в пословице, тихо сам с собою. Животное, отвернувшись совсем, до его сна, не изменяет своё положение.

Утром, быстро позавтракав вчерашней ухой, окликнув собаку, Эдуард пошёл побродить по сосновому бору. Белка, с какой-то особой жалостью посмотрев на него, плетется сзади, даже не пытаясь, что-либо предпринять. Это потом, позже он узнаёт, что собака бегаёт по лесу, ищет зверя или птицу, облаивает их, сообщая хозяину свежие новости. Уже ближе к обеду редким удачным выстрелом сбил рябчика. Белка приносит его к нему, кладет у ног, тем самым, признавая, нет, не его, а своё право на часть добычи.

Забыв про обед, про собаку, Эдуард, впитывая запахи и прелести тайги, бродит по лесу. Ему просто повезло, пришли последние, тёплые осенние деньки, так называемое «бабье лето». Усталость, как рукой снимает, когда натывается на огромное болото с высокими берегами, чем-то похожее на огромный метеоритный кратер. Племянник рассказывал, что где-то там, подальше в междуречье есть огромная котловина, и что местное население туда не ходит. Она имеет дурную славу: люди, побывавшие там, словно сходили с ума.

Где-то кукует кукушка, долбит дерево дятел, высоко в небе отчаянно плачет чайка, вдалеке на одиноком кедре дремлет орёл. Впервые увидев человека в пяти-шести шагах, извертелся от любопытства бурундук. Беспokoйно цокает белочка, прыгая с ветки на ветку кедрача. Заверещала сорока, рассказывая всем про охотника в лесу.

Там, в центре кратера, стоит болото, заросшее багульником, травой и мелким лесом. Вдоль холмов растет приземистый строевой лес: сосна и кедр, один к одному, как на подбор. В низине ещё синеют ягоды голубики; на болотной траве созревает клюква, крупная, как черешня; вдоль возвышенности краснеет на солнце отборная брусника. Её так много, что даже ступить некуда. Горстями, срывая их, зубник наслаждался особым вкусом голубики, клюквы и бруснички.

На старой сосне, что росла на краю увала, сидит молодая копалуха, подпустившая на выстрел. Он прозвучал резко и громко в окружении кратерной тишины. Птица, осыпанная дробью, неловко снявшись с дерева, тянет в низину. Собака, сорвавшись с места, быстро исчезает за бугром.

Охотник боковым зрением видит, как далеко-далеко срывается с высокого дерева в полёт крупная птица. Прижимаясь к сосне, лихорадочно соображая, он стал перезаряжать ружьё. Через потревоженное и притихшее болото к нему летел большой глухарь, желавший узнать про нарушителя границы его владений. Второй выстрел и хозяин верхолесья чёрным клубком падает недалеко от него. Уверенный в том, что собака принесёт его добычу, бывший егерь стал разглядывать боровую птицу. Обработав её, засунул во вспоротый живот зелёную хвою. Положив в рюкзак, пошёл в сторону, где упала копалуха.

Изрядно побродив по лесу в поисках своего будущего завтрака, уставший Эдик натывается на собаку, лежащую за упавшим деревом. Останавливается и окликает собаку несколько раз по имени. Она, изредка выглядывая из-за дерева, почему-то не встала с места. Подойдя ближе, увидел, как Белка молча и тихо заканчивала завтрак-обедо-ужин его копалухой, от которой остались одни перья. Охотник растерялся, потому что помнил, как до этого собачка выполняла все приказы хозяина. Не зная, что дальше делать, начал смеяться над происшедшим событием, увиденным и собой, тем самым, озадачив собаку. Белка привстала, вытянулась, покрутила головой, как бы оценивая психическое состояние охотника, дважды твякнула на него и убежала в лес.

Увидел её Эдуард только тогда, когда возвратился в посёлок. Как и все собаки посёлка, она прибежала на старый причал, видимо, рассуждая, кого это нелёгкая ещё принесла среди белого дня. Увидев лодку и Шалхара, собака обрадовано завилала хвостом. Равнодушно посмотрела на охотника из степей и гор и отвернулась.

Часть 33 Волчья жизнь

Утро приходит бойкое, радостное. Охотники, встав на лыжи, ушли побродить по тайге. Шалхара оставляют кашеварить на стане. Начало января, морозец бодро шиплет кончики ушей. Светлое облачко на востоке бродит по небу в поисках темноты. В домике тихо, в печке тлеют дрова.

Охотник долго перебирает рис. Только собрался встать с колен, как раздаётся вой со стороны длинного засыпанного снегом болота, в котором местами чернели незамерзающие окна зыбунов. Такой протяжный, надрывный, тягучий. Давно уже он не слышал этого омерзительного звука. Засуетился, стал искать шапку, надетую на голову. Схватив двустволку и патронташ, выскочил из домика и стал слушать наступающее утро. Вой раздаётся снова, потом ещё, ещё, нервно расползаясь в морозной тишине.

В звуках было что-то тоскливое, напоминающее, что новый день начинается для лесного зверя неудачно. Из темноты, со стороны болота, снова раздаётся отвратительный, отчаянный до предела вой. Многократно повторяющееся лесным массивом эхо заканчивается высоко в небе.

Выйдя из избушки, Шалхар огляделся вокруг. Ущербная луна тонким диском подсвечивает темноватую тайгу, подчёркивая тени и прогалины. Розоватый восход начал издали принимать очертания дня. Ворон, проверяющий свои владения, увидев человека, поднял шум на всю округу, возмущаясь его присутствием на данной территории. Невообразимый гвалт, начатый птицей, заставляет Шалхара вернуться к утренним делам. Надо натаскать и подогреть воды, наколоть дров на ночь, приготовить узбекский плов, которым так опрометчиво пообещал угостить товарищей.

К вечеру, когда все собрались в домике, началось обсуждение удач и ошибок охоты. Так принято на общем сходе. Вечера нужно коротать, а совместные разборки здорово помогают охотникам в предстоящей охоте. Не допустить ошибок, которые допущены кем-то, такова цель их бесед. Старший охоты не признает ни звания, ни должности, правит охотничий бал твёрдой и железной рукой. Охотники радуются тому, что хоть на время забудут суету жизни в городе и

полностью отдаться марту, тайге и общению с природой. Никто не вспомнил об утреннем происшествии.

Молчит и Максимка, местный охотник-ханты заботится о том, чтобы мы не потерялись в тайге. Интереснейший человек. Прожив всю жизнь в тайге, теряется в городе. Боялся больших магазинов, толпы, совершенно не ориентируется в микрорайоне. На улице держится за рукав куртки сопровождающего и не отстаёт, но быстро утомляется. Небольшую сумму денег, необходимых для приобретения охотничьего снаряжения, заворачивал в тряпку неизвестного происхождения и прятал далеко-далеко за пазуху в какие-то потайные карманы.

Однажды вышел из дому прогуляться, и заблудился в лабиринте одинаковых домов. Его, окоченевшего и еле выговаривавшего слова, привели знакомые, узнав, что он гость знаменитого охотника. Дома, тяжело вздыхая, долго молчал, чертыхаясь, перебирая и сравнивая в памяти былое и настоящее. Писать не умел, передавая через знакомых приветы и просьбы. Тонко разбирается в таёжных следах, умеет читать прошедшее событие на снегу или песке, знает местонахождение ближайшей берлоги. Погостив два-три дня, просится домой и по-детски радуется, прощаясь с нами в местном аэропорту.

Тихонько и как бы ненароком, Шалхар спросил у присутствующих об утреннем событии. Все молча пожало плечами. Максимка ответил:

- Утром выли волки, где-то здесь, за болотом. Наверно, пришлые, полярные, по голосам чувствуя. Завтра будем смотреть, шибко голодные, раз воют рядом с человеком. Будьте осторожны, надо быть внимательным и ходить в паре, только вдвоем. Они очень осторожны, даже у падали, а голод не может заставить их торопиться. Разведывают местность, прислушиваются, вынюхивают, убедившись, что никто не угрожает, выходят на охоту.

Что тут произошло! Все начали, перебивая друг друга, рассказывать истории про волков, где смешивались быль и небылица. Старший охоты, посмотрев на старого охотника, уставшего от чужой и непрерывной болтовни, остановил шум и напомнил о будущем дне. Оставалось и так немного, через три дня должен прилететь борт. Лицензия на отстрел лося использована, для устатку и ради здоровья бродили по тайге, добывая куропаток.

Тут Максимка, ударился в воспоминания. Охотники, не слышавшие раньше от него и десятка слов, удивились. Таёжника словно как будто прорвало:

- Послушайте меня, что буду толмачить.

Правду говорят, что мать даёт жизнь, а годы – опыт. Родился перед самой войной, когда прилетели гуси (апрель месяц) и прошёл лёд на реке (5-10 мая). Так говорили отец и мать. Много чего в жизни видел, тонул в реке, медведь нападал, когда оторвал капкан и вместе с ним бродил по лесу, но это в другой раз.

- Я расскажу про волков. Немного я их стрелял. Своих оленей нет, но соседи всегда приглашают на охоту. Много олешек они теряют из-за диких зверей. Видишь, - обращаясь к соседу, - Шалхар меня толкает в бок. Не торопи меня, сынок, мы с тобой ещё посидим у костра, а эти люди скоро уедут. Пусть они узнают, что к чему.

- Твой отец много писал про меня, всё правильно, но что-то много написано про жёлтые листья. Нет, охотник не будет писать про листья, когда есть живность. Не обижайся, но твой отец не охотник, он просто сидит на берегу и думает, потом пишет, снова думает и пишет. Разве он охотник?

- Так вот, послушай меня, когда приходит зима, волку приходится туго. Нечем поживиться, поэтому вечно голодный. Зимой невозможно питаться в одиночку, вот и собираются в стаю по пять-семь-девять волков. Шатаются по всей округе, длинными переходами изучают всю территорию. Настолько осторожны, что могут жить рядом с человеком, не выдавая себя.

- С самого рождения волк не знает жалости, для него нет родных и близких, к этому приучила его мать и тайга. Только сильные и здоровые могут выжить в тайге, неделями не питаясь. Если в стае кто-то поранился, то жизнь серого коротка. Словом, волчья жизнь. Звери

рыщут вокруг жилья, а в голодные годы заходят и в деревни, наводят ужас и страх на всё живое. Даже медведь предпочитает с ними не связываться, и уходит от них, хотя он и не из робкого десятка. Всю зиму волк голодный, но в нём живёт и жадность, и осторожность. Если напал на стадо оленей, может положить всех, и не притронуться ни к одному труп. Очень внимательно следит за всем, выходя на охоту.

Устав от долгого разговора Максимка вытащил из нагрудного кармана трубку. Слегка поскрёб её узким ножом, постучал по головке, выбивая остатки пепла и нагара. Вытащил из шапки проволоку и почистил мундштук. Продул его, набил трубку табаком. Взял голыми руками уголёк из печки, раскурил его, пуская кольцами дым. Взмахом руки, пригласил всех составить ему компанию.

Мужчины зашевелились. Кто-то закручивает неумелыми движениями пальцев козью ножку, кто-то прикуривает сигарету, кто-то вытаскивает бразильскую сигару. Шалхару показалось, что потолок палатки даже приподнялся, когда мужчины дружно выдохнули из себя дым. Подбросили немного дров в печку, набрали снега в чайник и котелок, решили снова попить чаю перед сном. Вышли из домика, подышали свежим воздухом и собрались обратно.

- Завтра покажу вам следы стаи, - продолжал ханты. - Даже не узнаете, сколько их шло по одному следу. Вы, городские люди, шибко умные, но, имея глаза, ничего в лесу не видите. Вот этот человек, - показывая рукой на старшину охоты - ещё ничего, выживет в тайге. Работящий он и голова на месте. А остальные ничего не умеют, быстро пропадут. И ты, Шалхар, тоже пропадешь, - смеясь над ним, сказал старик, - но пока я рядом, живи долго. Не обижайся, я мало-мало поштутил.

- Волки идут бесшумно и против ветра, - возвращаясь к теме разговора, Максимка оглядывает всех. - Принюхиваются к запахам тайги, присматриваются к любому кусту, с подозрением относятся к новым предметам. Уши смотрят постоянно вперёд, поворачиваются только на шум, улавливают любой звук.

- Знаешь, - он обращается к соседу, - как называется тот аппарат, который постоянно крутится в аэропортке? «Локаторы», - подсказывает Шалхар. - Во-во, локаторы. Мышка по снегу пробежит, волчьи уши слышат. Следят звери за поведением птицы и разбираются в их криках. Шибко хитрые, особенно вожак. Постоянно готовый к прыжку или погоне за добычей. Лося они гонят вдвоем или втроем, находят на виду у него, не торопятся, постоянно сменяя друг друга. Ведут его, однако долго, изматывая угрозами нападения. От постоянной угрозы лось быстро устаёт и теряет силы. Вот, когда устаёт, стая и нападает. Волки стараются выгнать его на берег, на скользкий лед озера или реки. Не получилось, выгоняют на открытые места, где можно вернуться от рогов и копыт.

- Лось - это мощное животное, просто так не отдаст свою жизнь, но когда на нём висят по два-три зверя, тут ничего не поделаешь. Погибая, забирает с собой не одну волчью жизнь. Сам не видел эту борьбу, находил места схватки и по следам читал судьбу лесного великана. Весной, когда уходит снег, волки расходятся и живут сами по себе, чтобы перед новым снегом вновь собраться и жить разбойниками. Видимо, для них это последние деньки, раз перекликаются и собираются в стаю. Уж скоро потеплеет, снега уйдут. Значит, они что-то нашли и готовятся к новой охоте. Тут рядом живёт Алексей, у него есть олени, надо ему помочь. Завтра сходим, поглядим и там переночуем. Вот ты самый большой и толстый, - показал на Шалхара, - будешь топтать нам тропинку первым с самого утра. А теперь давайте отдыхать, никто из нас не знает, что даст день завтрашний, - закончил свой рассказ маленький человек из таёжной глухомани.

Часть 34 Двойная охота

Черт меня подери!- в сердцах промолвил Максим.

Что случилось, Максимка? - переспросил его Шалхар.

Эти волкопсы не дают покоя, - утвердительно заявил Максим. - Они настолько хитры, что моя жизнь, кажется, зависит только от них. В прошлую охоту, я чуть было не погиб от помеси собаки и волка. Это случилось перед приездом твоего отца. Я решил к вашему приезду запастись мясом. Как раз в пойме Агана, где река широко разливается на пять рукавов, я и приметил лосей, но не знал, что за ними охотятся и волки. А было это так.

Мы уже давно притерпелись друг к другу - я и волк. Упорно и неотступно бредем по глубокому снегу, не сближаясь, но и не уступая, друг другу лишнего метра аганской земли. Я преследовал раненного лося, а он меня. Стрелял в лося ранним утром, успев сквозь туман

близко подобраться к нему. Пуля попала в шею. Рана тяжелая, но не смертельная. Пришлось плестись по следу лося на старых, широких и удобных лыжах, подбитых камусом. А волк передвигался по моему лыжному следу, маяча сзади среди голых кустов, как будто знал, что у меня не выстрелит ружьё.

Этот декабрь выдался крепким на морозы. Как схватило в начале месяца, так и не отпускало ни на день. Неподвижно стоит лес. По низинам собирается клочками белый туман. Все соответствует пословице: «Солнце светит, но не греет», да и светит всего два-три часа в день. Всё живое прячется кто куда, только мы – лось, человек и волк – бредем по белой пустыне, имея определённую цель и надежду на будущее.

Волк неотступно следует за мной, поранившего лося. Выстрел, видимо, хищник услышал ранним утром, когда только-только унюхал запах живого лося, наткнувшись на следы, бросается за ним вслед. Через некоторое время зверь выходит на меня и чувствует себя обиженным. Срежь бела дня я у него из пасти вырываю еду.

Ты знаешь, пробовал стрелять волка, но ружьё отказывало каждый раз. Пружины настолько застыли, что даже боёк не мог пробить капсулю пистона. Повесив оружие за спину, взял в руки нож, накрепко привязав кожаным ремешком к своей кисти. «Теперь только нож мой единственный друг, - шёл и думал. - Именно здесь, в лесу сполна понимаешь, что значит для человека острая, холодно сверкающая полоска стали. Безжалостная, но верная».

А лось уже идет тяжело: появилась усталость, головокружение и сонливость. Длина шага уменьшилась наполовину, капельки крови появлялись то слева, то справа - в зависимости от того, куда он оглядывается. Даже я стал догонять его. Собранный со всеми силами, лесной великан выходит на лёд реки Аган. Я торопливо выбираюсь из тальника, двигаясь ему вслед и поглядывая на волка. Тот лобастый, с крепкой шеей и грудью, на покато́й спине которого имеется тёмно-рыжая полоска остевых полос, не отстаёт, упрямо держась на дистанции.

- «Наверно, волкопёс. Только этим можно объяснить его дерзость», - вспомнил я. - Что-то мне не нравится в звере. Кроме выносливости и силы, раньше это не замечал, видел в нём что-то подлое – настороженные уши, подобранный зад, постоянно опущенный поджатый хвост.

К обеду лось, задрожав, падает, печальными глазами наблюдая за мной и волком. Сделав несколько попыток встать на ноги на льду, перестал подниматься. Ему не хватало сил собрать, разъезжавшиеся на льду реки, ноги. Осторожно обхожу его справа по запорощенному льду, чтобы не скользили унты.

Волк выбирает другое направление, не замечая моего ножа, спрятанного в рукаве. Наклонившись к лосю, перерезаю биючую жилу, выпуская кровь на лёд, на минуту забыв из виду дикого зверя, и чуть не поплатился за это своей жизнью.

Понимаешь, Шалхар, я сильно замёрз, не чувствую пальцы на руках. Думаю, как выжить и нечаянно пропускаю дальний, яростный прыжок зверя, почувшего свежую кровь. В тот миг я, поскользнувшись, падаю на лед Агана, а волк, рассчитывавший на меня, натывается на острые рога лося. Приподнимаясь со льда, чувствую, как рванул дикий зверь в боли и реве мою шапку. Вот эту, что на моей голове, видишь следы зубов. Мне просто повезло, сантиметров пятнадцать в сторону, и на берегу реки остались бы два трупа. Резким движением руки, и откуда взялась сила, всаживаю в волкопса наточенный нож. Удар оказался отменным. Узкое лезвие проходит сквозь рёбра, попав прямо в сердце.

От резкого движения снова поскользнулся и упал на лёд. Привстав, снова падаю, теперь уже лицом вниз. Барахтаясь в снегу, проклиная всё на свете, упираюсь спиной об лося, приподнимаюсь и приседаю на его ноги. Теперь перед мной стояла только одна цель – выжить. Для этого нужно решить три задачи – развести костёр, съесть сырую печёнку и отварить лосиный язык. Тогда и мороз мне нипочём.

Стоял конец ноября. Тайга, под покрывалом первого снега, как бы вздремнула в тихом безветрии, задумавшись перед долгой зимой. До первоснега лишь дул сильный ветер, да отчаянно моросил мелкий дождь, но переход от осени к зиме был продолжительно мягким и незаметным. Все сквозило белизной и свежестью, в округе стало просторней, светлей и уютней.

День быстро клонился к вечеру. Животные и птицы, оживленно и в то же время как-то озабоченно, спешили покормиться. Не испытывал тревогу лишь хозяин тайги, бурый медведь. Он дремал в своей уютной берлоге под стволом старой, сваленной бурей сосне.

Два брата-ханты, отработав рабочую смену, доложили буровому мастеру об итогах порученного задания и решили пойти домой прямо, а не в объезд. Обычно они добирались на перекладных из деревеньки Пугол до Излучинска, садились на рейсовый автобус до города, дальше пересаживались на вахтовый автобус и ехали до месторождения «Ермаки». Это отнимало весь день, поэтому они решили спрямить путь, пройти вдоль речки Еган, где была спрятана лодка-облас, долблённый из цельного дерева, спуститься до Оби, там их должен был ждать на «Казанке» сын старшего брата. Это заняло бы всего два часа пути.

Они весело шли по выпавшему первому снегу, рассказывая друг другу анекдоты и веселые случаи на охоте. Младший, прихватив палку, валявшуюся на берегу речки, бил ей по пням, старым корягам, стучал по притихшим деревьям. Намокшие листья веером взлетали под ногами, осыпая себя радужными пятнышками отраженного света. Добравшись до поваленной бурей сосне, они присели, посмеялись, передохнув, прошли мимо берлоги в пяти метрах. Старший сзади, младший, что пошустрее – впереди, работая палкой как серпом, сшибал высокую траву.

Уже приближались сумерки, на северо-востоке затуманилась даль. Дремавший хозяин тайги слышал во сне какие-то стуки, то дальние, то ближние, а когда над головой раздался сильный удар о старую сосну, то проснулся совсем. Он ещё некоторое время лежал, стараясь прийти в себя, когда среди тишины тайги раздался смех, раздались шаги в непосредственной близости от самой берлоги. Зверь рывкнув, вылетел из берлоги наружу. Прижав уши, злобно оглянувшись по сторонам, бросился на тех, кто потревожил его сон. Мягкий и рыхлый снег при его движениях не издавал шума.

Старший брат только и успел закричать, когда оказался подмятым под тушей огромного медведя. Младший, шедший беззаботно повсвистывая впереди, махая палкой, обернулся на крик и увидел только хозяина тайги. Онемев от неожиданности, остался стоять и смотреть на оскальпированного мертвого брата. Властелин тайги был могуч в своем гневе и никому он не уступил бы свою добычу. Он приподнялся над своей жертвой, озираясь кругом и прислушиваясь.

В это время младший брат, очнувшись, побежал к речке, на берегу которой была спрятана облас. Он успел пробежать несколько метров, как его настиг медведь. От толчка мужчина улетел на несколько метров и упал в воду. От скальпирования его спасла шапка-ушанка, которую на части рвал хозяин тайги. С ходу, нырнув в воду, он проплыл под водой, сдерживая дыхание, как мог. Быстрое течение речки помогло ему, унеся за крутой поворот. Превратив шапку в кусочки тряпки, властелин, убедившись, что ему никто не мешает, медленно побрёл обратно к жертве. Он не стал его трогать, просто оттащил в первую яму и засыпал прелой листвой, песком и снегом. Побродив по лесу, вернулся обратно в берлогу и улегся отдыхать. Но ему не было суждено уснуть вторично.

Над самой головой прокаркали два вездесущих ворона. Один, опустившись на нижнюю ветку небольшой березки, вертя головой, стал с любопытством разглядывать место трагедии. Другой ворон, увидев нарушенный покров тайги, стал, оглашено орать на всю округу. Выбравшись из берлоги, зверь прилег под старой поваленной сосной, недовольно скосив на оравшего глаза, лениво рывкнул. Почуяв запах крови, некоторые жители тайги стали

подбираться к заваленному трупу, но хозяин уже был начеку. Но тишину стал нарушать падающий с деревьев снег, царапанье, крики птиц, свист бурундука, цокот белочки. Буркнув на надоедливых соседей, медведь перебрался ближе к жертве. Так, он провёл в полудрёме всю ночь и весь день, который стал для него последним.

Младший брат, кое-как выбравшись из воды, пополз на другой берег речки. Скинул с себя намоченный ватник, быстро отжал брюки, вылил из резиновых сапог воду и побежал к Оби. На песчаном плёсе горел костёр, за которым следил сын старшего брата. Услышав сдавленный крик, мальчишка, оглянулся назад. Его родственник, продравшись сквозь тальник, упал у самой кромки песка. Приподнявшись, снова упал, попытался встать, но силы были на исходе, и он пополз к нему.

Встрепенувшись с места, мальчишка подскочил к брату отца, который не мог произнести что-то пугное, только шевелил губами. Подтащив его к костру, сбегал к лодке, принёс бутылку водки, спрятанную отцом. Подстелив под него кусок брезента, аккуратно растёр грудь, раздвинув зубы, немного вылил в рот. Родственник, поперхнувшись, закашлялся и стал озираться вокруг. Где мычанием, где руками показывая на лодку, пополз к нему. Только забравшись на «Казанку», он пришел в себя.

***

По накатанной тракторами, машинами полевой дороге весело бежал невысокий резвый конь, запряженный в лёгкие сани. Конь довольно фыркал, размашисто выбрасывая пружинистые, сильные ноги. Он уже чувствовал запах дыма и за близким поворотом должен был показаться небольшой поселок ханты, рядом с которой застряли на зиму вагончики геологоразведчиков. Животное спешило домой, предвкушая скорый отдых и сытную еду в теплой конюшне.

В санях сидело двое. Местный охотник-ханты Ерошка и новый охранник имущества геологов Никитич с ружьём. По поручению председателя сельсовета, ханты ездил к бетонной трассе, чтобы забрать сменщика сторожа. На неровностях дороги, мешки с провизией предательски звенели стеклом, на которую мыльно озирался охотник. Любил он это дело и с удовольствием встречал всех гостей, которые спешили одарить его стеклянной посудой, полной специальной жидкостью. Пешком никто не хотел ходить, далековато, километров пятнадцать, да ещё нужно нести поклажу.

Никитич только приехал в город, устраиваться на работу к геологам по направлению. Его, оформив на производство, сразу отправили в лес. Полный сил и неуёмной страсти, он оглядывал с жадностью заснеженные овраги, холмы, перелески и саму синешую вдалеке тайгу. Сидя в санях спиной к возчику, думал, как сложится жизнь, отмечая про себя следы, оставленные лесными жителями на снегу, раздумывал о семье, оставленной в Кургане. Переживал за зарплату и жильё, которую ему вскорости обещал начальник в общежитии.

Конь, вдруг резко вскинувшись, остановился на месте. Сани понесло вперёд и в бок. Новый сторож даже и не понял, как оказался по пояс в снегу. Барахтаясь в белой пороше, он услышал:

- Ты чё сидишь прямо на дороге? Чё больше места не нашёл? Уже всех собак потаскал, окаянный. Уйди с дороги, а то нечаянно стрелю. Слышь, у меня ружьё есть.

Обернувшись, Никитич увидел странную картину. На дороге сидел небольшой, старый, облезлый медведь, внимательно слушая исповедь такого же старого охотника. Хозяин тайги помедлил ещё немного, нехотя встал с места, да так что скрипнули в морозной тишине все его суставы, и поплелся с дороги в лес.

- Говорил я тебе вчера, помирать тебе надо, а ты всё шастаешь у деревни и собак ворует. Попадешь ты моему Белому на зуб, всю шерсть потеряешь. Помнишь, как он трепал тебя позавчера, аль забыл?

Из деревни покатылся густой лай. Все собаки, собравшись в кучу, чтобы не было страшно, бежали к саням, услышав крики охотника.

- А ты чего забрался в снег, - обратился ханты к гостю, - давай вылазивай. Вишь, как ты мишку напугал, забравшись в сугроб. Пора уже водку кушать, а мы ещё в дороге. Ну ладно, давай руку. Не переживай, он тебя всю ночь будет пугать, да ещё и утром увидишь концерт. Я бы его давно застрелил, но нельзя. Шкура у него негодная, никто, даже ленивый Моська не возьмёт. Кто такой Моська? Э, друг, это секретарь сельсовета, самый ленивый человек в этом краю. Как-то прошлой осенью на крышу его избы глухарь сел, так он ранним утром звонил по местному телефону сторожу своей конторы, просил его стрелить, вишь ли, птица ему спать мешает.

Никитич, цепко державший в руках незаряженную двустволку, вдруг вспомнил, что говорил ему мастер:

- Слушай меня внимательно, раскрой уши и не забудь, как будешь в селе, остерегайся Ерощу. Это болтун из болтунов. Водку с ним не пей, отдай ему в руки бутылку и выпроводи с концом. Молоть языком он, будь здоров, изведёт тебя до того, что жизнь покажется тебе не милой. Жители посёлка работу не имеют, они подрабатывают у нас охотниками, проводниками, принести, отнести, да мало ли чем ещё. Поэтому будь осторожен, не соглашайся с ними пить и брататься. Они это дело любят, могут подсунуть тебе ради водки свою жену. Да ещё не стреляй лосей или медведей, местное население быстро донесёт куда надо. Потом придётся тебе описываться от милиции, охотинспекторов и других районных органов. Понял?

Не доезжая до посёлка метров пятьсот, Ерощка высадил Никитича и показал ему рукой в сторону вагончиков.

- Вон вишь черный вагончик, это твой, моя жинка сегодня протопила его. Давай устраивайся, я скоро к тебе приду. Оставляю у тебя собаку, чтобы ты не боялся ночью и спал хорошо. Недаром хозяин встречал меня, хотел узнать, кого это я везу на работу. Старый, старый, а догадливый, вишь узнал. Теперь тебе покоя не будет.

Никитич быстро сунул руку в мешок, достал сверху бутылку водки, протянул его проводнику:

- Ты, Ерощка, отдыхай. Не приходи ко мне, а то нечаянно выстрелю, я шибко боязливый. Чуть что хватаюсь за ружьё, ты же сегодня всё это видел. Хорошо, что оно было не заряжено.

Ерощка настороженно взял из его рук бутылку, словно взведённую гранату, зыркнул на него в свете заходящего солнца и причмокнул на коня, который резко взял в карьер. Продрогший сторож, отчаянно оглядываясь по сторонам, добрался по протоптанной людьми тропинке до вагончика. Забравшись, зажег керосиновую лампаду и начал устраивать свою житуху-бытовуху на месяц. Разложив имущество по полкам, ссыпав муку, сахар, соль, конфеты в стеклянные банки, только присел кушать, как услышал за стеной хруст снега.

Вспомнив слова охотника-ханты, Никитич схватился за ружьё. Только взял его в руки, как хруст прекратился. Выхватив из патронташа две патрона, он сунул их в патронник и захлопнул дуло на цевьё.

Он так и заснул в обнимку с ружьём. Проснулся от стука в двери, на ступеньках стоял давешний Ерощка. Вместо приветствия он громко сказал:

- Ну что я тебе говорил? Не дал он тебе спать, вишь, какой ты синий? А ты выгляни вон в то окно, хозяин тайги сидит за крайним вагончиком. Сейчас он начнет его рвать, ты приготовь ружьё, будешь стрелять. Негоже ему портить государственное имущество.

Увидев, как Никитич рванулся к окну, охотник спокойно оглядел комнатку, оценил его хозяйственность и аккуратность. Облезлый хозяин тайги, залитый солнечным светом, сидел на крыльце соседнего вагончика и смотрел ему в окно. Размахнулся лапой и ударил по двери раз, другой. Повернулся, посмотрел, наблюдают ли за ним, стал толкать дверь плечом. Ему не понравился запор, он уцепился в него тупыми зубами и стал дёргать. Видимо, прикусив язык, старый рывкнул и стал бить дверь ногами и кидаться на него.

Построенный в конце советской эпохи, дверь стала поддаваться, и вскоре медведь оказался внутри. Что он делал там неизвестно, но через каждые три минуты хозяин тайги выглядывал в дверной проём, нюхал воздух и продолжал творить свои дела. От грохота, оставленного кем-то ведра, собрались возле этого вагончика собаки поселения. Вылетев пулей из вагончика, медведь подмял под себя зазевавшую собаку. Оставшиеся в живых собаки, взвизгнув, разбежались в разные стороны.

Между вагончиками остались белая собака и медведь, под которым коченел труп. Собака по кличке «Белый» игриво сделала шаг в сторону хищника. Тот, собравшись силой, бросился на неё. Белый отскочил под вагончик, выскочив с другой стороны, стал злобно рычать. Медведь ринулся за ним, но застрял между колес. Едва выбрался, как опять бросился на обидчика. Тот, бросившись опять под вагончик, оказался на другом месте. Обоюдный танец продолжался не долго, до тех пор, пока Ерощка не выхватив ружьё от потерявшего дар речи Никитича, выстрелил в тощего медведя. Выстрел был точным, властелин тайги ничком упал в снег.

***

Старенький УАЗик трясло по раскисшему зимнику. В нем, намертво уцепившись за всё, что возможно, сидело пять человек: водитель, два егеря и два охотника. Разные по возрасту, но имевшие опыт охоты по медведю. Машина шла тяжело, переваливаясь на выбоинах, несмотря на то, что на колёса водитель надел цепи. Иногда пассажирам приходилось вручную

выталкивать автомобиль из очередной ямы на дороге. Так они дружно докатили до деревеньки, откуда по радию поступил звонок, сообщивший тревожным голосом, что на поселок напал медведь, и третий день нет покоя от него жителям. Десять домов, пятнадцать взрослых жителей, десять детей. Работает школа, магазин и почта.

Пока суть да дело, разговоры ни о чём, в кабинет по посёлку зашла пожилая женщина:

- Николаич, если ты хочешь гостей утомить болтовнёй, то это негоже. С приездом вас, дорогие гости! Идёмте-ка ко мне, дорога вымотала вас, да мой муж уж слишком долго говорит, надо поужинать и браться за дело.

- Однако её! Веди гостей в избу, ставь самовар. Я тут скоро управлюсь ... - сказал хозяин и выбегал на улицу.

- Ладно, ладно, - проговорила хозяйка, - зовите меня Семеновной, так будет удобнее.

Пока хозяйка с дочерью накрывала стол, гости с удивлением разглядывали обстановку дома. Изба состояла из двух половинок, большая была отведена под печку, кухню и столовую, другая половина состояла из спальни и детской. В доме чисто, пол застлан дорожками, на окнах занавески, на стенах везде висели резные картины про охоту и природу, лосиные и оленины рога, на ветках пристроены чучела глухаря, тетерева, куропатки и рябчика. Хозяйка, уловив удивленные взгляды гостей, отметила:

- Это работы моей дочери. Как-то попросила брата, что учиться в Тюмени, привезти ей резцы по дереву. Сначала резала по эскизу, накладывала и резала всё подряд, благо отец натаскал ей много доски из разных пород деревьев. Потом стала работать сама, многие картины брат увёз в областной город, отдал на выставку, продал. Купил ей станок по дереву и токарный по металлу настольный, теперь дочка вытачивает фигурки для шахмат и собирает вместе с отцом доски для них. Я и не знала, что здесь есть ольха, черёмуха, да и другие деревья.

Вскоре вошёл и хозяин, передал пакеты дочери и озабоченно сказал:

- Однако началось ...

- Что началось? - повернулась к нему хозяйка.

- Коловерть! Теперь он будет кружить всю ночь, а может и весь день. Вы будете ночевать все вместе в моём кабинете, там сейчас топят и готовят лежаки.

После обильного ужина хозяин и гости вышли во двор, покурить и посмотреть на погоду. Ветер дул порывисто, бросая с силой снежные заряды. Иногда он стихал, но тут же спохватившись, стегал с прежней силой.

- Айда домой. Это на всю ночь. Медведь ночью не придёт, хотя кто его знает. Утро вечера мудренее, - еле проговорил Николаич.

Утром старший охоты встал первым и стал топить печку. Когда дым стал раздражать ноздри спящих раздался голос:

- Лентяи из города, уже пять часов утра. Вы для чего приехали сюда, спать или охотиться? Через пять минут вскипит чайник, пора пить чай. Вставайте, марш на улицу, там много снега и вылездило.

Позавтракав, охотники вышли во двор, где старшой вручил каждому лопату и наметил участок работы. Охотники едва разгребли переметенные дорожки, как из-за избы выскочил Николаич:

- Беда, парни! Шатун объявился. Ежели его не взять сегодня, то до завтра наделает беды. Берите оружие, он сейчас околачивается около крайнего дома, рвет двери хлева, овечьего закутка и птичника. Только собаки не дают ему покоя.

Оружие было приготовлено загодя и стояло в сенцах. Не толкаясь, гости, быстро схватив ружья, выскакивали во двор. Старшой охоты поднял руку:

- Послушайте меня. Идём цепью трое спереди, трое сзади, стрелять буду я. Если не попаду, стреляет Сергей, дальше Николай. Те, кто стоит сзади ни в коем случае не стрелять, поднимите стволы вверх и не взводите курки и не снимайте предохранители. После моих выстрелов выждать, внимательно смотрите на медведя. Если вздыблена шерсть на загривке, а уши прижаты - медведь жив, нужно не теряя времени стрелять. В это время он очень опасен, добейте выстрелом в голову. И смотрите на собак, убитого они не боятся, угасает их злобность. Слышите, как они его атакуют? Также будет, если он будет только ранен. Хозяин, возьми на всякий случай топор, но сомневаюсь, что будет нужен. От моего карабина, как и у Сергея или Николая никто не уходил, но чем чёрт не шутит. Пошли.

Лай собак утих, когда они почувствовали людей. Медведь, опершись о сарайчик, налево и направо махал лапами, стараясь достать двух особо изворотливых собак. Иногда он злобно срывался с места, бросаясь на одну собаку, другая, в это время, хватала его за штанины. Хозяин тайги резко поворачивался и бросался поймать обидчика, который тут же отскакивал. Зверь

натужено рывкал от неожиданной боли и в который раз безуспешно пытался достать этих пиявок испортивших ему много крови.

Как только люди вышли из-за дома, собаки сразу отскочили от медведя. Он, насторожившись, приподнялся на задние ноги, выдохивая воздух. В это время раздался выстрел. Зверь осел, не понимая возникшую боль, попытался встать, но сил уже не было. Собаки, успокоившись, разбрелись по двору. Поселок уже просыпался, когда сняли шкуру с туши медведя.

***

Глубокой ночью раздался телефонный звонок:

- Ты спишь, а ли как? - раздался вкрадчивый голос Демьяныча.

- Только заснул, долго работал над статьёй.

- Я так и знал, что ты поздно лёг, но я не по этому поводу. В маленьком поселке медведь напал на ханта. Подробностей не знаю. Надо выезжать через час. Успеешь?

- Какие вопросы, Демьяныч? Через пятьдесят пять минут буду стоять внизу у подъезда.

- Вот и хорошо. Собирайся в темпе, есть место в машине, может, прославишь меня в своей писанине.

- Демьяныч, ты, как всегда, скромн до ужаса. Я же не знаю, как сложится статья.

Асфальто-бетонная дорога тянется вдоль кромки тайги, взбираясь на холмы, западая в овраги. Глушь и тишина, только мерно стучит двигатель, взывая на косогорах. Куда ни глянь зубцы ельников, шляпки сосен, кедрочей, на болотах стоит мелкий листенник, ещё кое-где сохранивший листья, ожидающие предстоящую зиму.

Надо признать, Демьяныч – парень колоритный. Приятный, плечистый, берётся за любую работу. Но не везло ему в одном: пожив некоторое время, женщины уходили от него навсегда, особо зимой, когда он забрасывался на охоту на три, а то и четыре месяца. А так – добряк, весельчак и трудяга.

Вот и на этот раз мы смеялись в УАЗике до слёз. Он вспоминал смешные и горькие моменты своей охотничьей жизни: то тонул там, где ему по колено, то медведь утащил его последнюю рубашку весной; то померещилось ему, что перед банькой лось стоит и многое другое.

Квартира у него – выставочный зал: на стенах висят капканы, звериные шкуры, на них ножи, патронташи, ружья, даже саблю нашёл на берегу речки. Там же или рядом нашлось место котелкам, фляжкам разного фасона, связки пушнины и многое другое. Экзотика, с первого взгляда. Но городскому жителю, особенно женщине, приходящей в восторг от обилия, начинает надоедать этот беспорядок. Спит в спальнике, под ним медвежья шкура, откуда торчат когти.

Познакомился я с ним давно, в начале 80-х годов прошедшего века, когда Демьяныч начинал работать охотинспектором. Тогда я увлекался фотоохотой, таскал везде «Зенит», чтобы запечатлеть пейзажи тайги. Выскочив внезапно из-за поворота, он сразу кинулся искать своё оружие. Не найдя стал допытываться о том, куда я дел своё ружьё.

- Николай Демьянович, ружья у меня нет, но охотой занимаюсь.

- Вот я и хочу посмотреть, где твоё ружьё?

- Вот он, висит на кедре.

- Что это ты мне суёшь свой фотоаппарат, у меня точно такой же дома. Откуда у тебя глухарь и две копылушки, которые висят вот на этом дереве?

- Их мне подарили ханты. Проезжают, останавливаются, пьют чай, потом перед отъездом протягивают мясо свежее.

- Ты мне уши не заливай, знаем мы эти подарки. Небось, за бутылку водки или вина купил?

- Сегодня меня забросил сюда Максимка.

- Да, я его встретил час назад.

- Вот он подстрелил, чтобы суп гороховый не был постным.

- Первый раз слышу, чтобы хант даром отдавал свою добычу. Да он мне и ничего не сказал, кроме того, что ты находишься здесь.

- А вторую тушку оставил мне другой хант. Он попил у меня чаю, попросил заварки, а взамен оставил копылушку.

- Ладно, придётся поверить, а третью?

- Пойдем, прогуляемся до опушки, здесь живёт семья Чуминых. Хозяйка вышла из леса, в руках у неё две копылушки, попила чай и оставила тушку. Я их обработал и повесил, чтобы стекла сукровица.

В этот момент хозяйка сама вышла к нам.

- Николай Демьянович, вот и Анастасия Андреевна, можете лично убедиться в этом.

- Ты чего к парню пристал, Демьяныч? Всё подозреваешь людей? Нет у него ружья. Тушку я дала ему, другую – Максимка, а третью – Андрей Чумин проезжал. Ты, однако, совсем испортился, чего человека допытываешь? Пришёл бы и спросил. Давай чай пить, - обратилась она ко мне. – Ему не давай, шибко вредный стал. Иди, Демьяныч, тащи свой чайник с лодки. Заодно воды набери, посидим тут, малость погутаим, однако так и вечер проведём.

Она пила чай и поглядывала, как я чищу картошку, работаю с тушкой, а Демьяныч насупившись, сидел в полоборота, уставившись в реку.

- Ты не дуйся, сам виноват. Возьми котелок и сходи за водой, - звонко рассмеялась Анастасия Андреевна. – Погляди, вон на той стороне сидит глухарь. Демьяныч, стрельни-ка его, глядишь, и ужин будет сытнее. Моя собачка сбегает за ним.

- Не умеешь ты стрелять, хоть и новоиспечённый инспектор. Давай парню, пусть стрелит его, передай ему винтовку. А ты не стесняйся, заврайоно, бери его винтовку и попробуй попасть в птицу.

Мелкокалиберная винтовка переключалась ко мне. Я не стал стрелять в птицу, а прицелился в ствол берёзки. Хорошо отцентрованный прицел позволил мне сделать всего один холостой выстрел. Следующим выстрелом попал в птицу. Охотничья лайка, покрутившись возле кедра, принесла хозяйке дичь.

- Ну, как, Демьяныч? Пропорил ты, не в духе сидишь. А мой сосед ничего, ловко стреляет.

Ужин прошёл скромно, старушка сидела с нами допоздна, рассуждая о простом и обыденном. Утром Демьяныч исчез, не было слышно даже мотора лодки, просто канул в безвестность. Почуввав дымок костра, приплелась собака, а за ней, тихо выскользнула из леса и сама хозяйка.

- Стыдно ему стало. Потому и удрал, как воришка. Ты не переживай, в твоей жизни охотинспекторов знаешь, сколько будет? Не все люди - браконьеры. Попил чаю? А теперь снимай меня на фотки, не забудь передать тому же Демьянычу. Я его здесь повоспитаю, не раз и не два будет останавливаться у меня, это его территория. Он к тебе забежит перед Новым годом. Лады?

За день до праздника, Демьяныч предварительно позвонил и появился в нашей квартире.

- Этот глухарь от Анастасии Андреевны. Щука – от меня. Меня просили привезти фотографии, я скоро уеду в посёлок по делам, так что по пути.

Мы засиделись допоздна, рассматривая фотографии про природу и охоту. С тех пор Демьяныч фотографировал, а я проявлял ему плёнки и печатал снимки. Дружба наша крепчала, особо перед Новым Годом, когда одаривал метровой щукой и мороженой клюквой. Он звонил, приглашал с собой на происшествия по району, если было место в машине.

Через три часа машина свернула в лес. По накатанной лесовозами дороге, мы проехали десять километров и свернули в заброшенный посёлок, в котором жили несколько семей ханты. Издалека были видны домики с пустыми глазницами окон, зияющей темнотой проёмов дверей. Проехав полдеревни, мы остановились у бывшего сельского Совета.

Встревоженные и испуганные люди встречали нас молча. Ребятишки жались к своим матерям, в глазах которых читался испуг.

- Кто расскажет, что здесь произошло?

Из толпы вышел молодой парень, который сносно говорил на русском языке:

- Позавчера вечером из лесу вышел медведь, совсем старый. Клыки тупые, когтей почти нет, худой. Он побродил около пустых домов в поисках пищи, рывкнул на кричавших людей и ушёл в лес. Утром пришёл опять, стал нападать на собак. А те не даются ему, ещё и малость покусали его за бока. Вот он и разозлился, со рта течёт пена, ревёт, а сделать ничего не может. А тут, как назло один из стариков, немножко глуховатый, да ещё и слеповатый, проснувшись, вышел во двор, прямо к медведю. Хозяин тайги, который не мог догнать ловких собак, напал на старика, стоявшего на крыльце. В ответ тот стал бить его палкой и кричать. Когда стал отступать, то нечаянно польскознувшись, упал с крыльца и поломал руку. Медведь только и успел покусать ему руки, на большее сил у него не хватило. Тут, собаки осмелев, стали кусать его за штанины. Они прогнали его вон к той опушке. У него даже сил нет, ложится отдыхать каждые сто метров. Однако, сейчас там и лежит. Мы вызвали санавиацию, а они сообщили вам.

- Оставайтесь здесь, а мы сходим, спросим нужно хозяину тайги от простых людей, - простодушно ответил Демьяныч. - А старику уже наложили гипс, сделали уколы, обещали через недельку его привезти вертолётom обратно.

Три егеря ушли в сторону леса, а через десять минут раздался хлесткий выстрел, взбудораживший тишину и тайгу.

***

В ту зиму Сергей охотился в верховьях Ваха, до границы с Красноярским областью всего сто километров. Поехало сразу, стрелил лося, мясо которого хватило ему на весь охотничий период. Работы было много, капканы ладит, чинить править, ставить. Соболей взял немного - десять штук, остальных не будем считать. Перед самым Новым годом, когда до прилёта ветролёта оставалось всего три дня, решил обойти свои владения, снять все капканы, ловцы и петли. На петли хорошо шла боровая дичь. Увидев, что на снегу краснеет клюква, боровая дичь так рада подарку, что сама мчится в душегубку, а читатель знает, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Когда он снял последний капкан, упаковал его в рюкзак, то почувствовал чей-то взгляд. Под тяжелейшим рюкзаком пока обернулся, там уже никого не было. Стрелок бывал в разных переделках, но, чтобы так испугаться, с ним ещё такого не бывало. Бывалочи, в охотника стреляли, топили лодку, воровали вещи, встречался один на один с хозяином тайги, но чтобы напугаться до мокроты в штанах, он не мог объяснить с ходу.

Карабин висит на шее противовесом рюкзаку, Сергей шёл и думал про себя, кто мог посмотреть ему в след. Осталось немного, два километра до избушки, а ощущение взгляда в спину, словно кто-то упёрся четырёхгранным штыком от винтовки. Настойчивая мысль не давала ему покоя до самого домика. Сняв бинокль со стены, стал наблюдать в окно вечерний мир тайги и соседнего болота, но темень быстро спустилась на тайгу.

Ночь прошла спокойно. Поднявшаяся было пурга, как-то враз, и сразу стихла. Вскоре появилось солнце, стал усиливаться мороз – верный признак улучшения погоды. А Сергей уже в дальних мыслях, мол, переночую эту ночь здесь, а завтра уже буду мыться в ванной. И незаметно уснул после скудного завтрака.

Проснулся от какого-то далёкого воя. Ещё ничего не осознавая, выскочил из избушки и навёл бинокль в лес. Охотник увидел волков, которые, прячась за кустами, переходили с места на место, но близко подойти не решились.

Пристоив карабин на сошки, Сергей сделал три выстрела. Перейдя за избушку, снова высмотрев зверей, сделал снова три выстрела. Пока встал на лыжи, осмотрелся, шёл и считал, что у него есть шесть волчьих шкур, прошло время. Посчитал и спокойно перетащил трёх первых к избушке. Чего не тащить, положил на запасные лыжи и волоком.

А следующих троих охотник не нашёл, только кровь да лапки остались на память. «Быстро же они порвали своих, только оставили следы на память», - подумал парень, возвращаясь к избушке. А над тайгой распустилось красочное гало, обещавшее установить ясную погоду для вертолётчиков.

РУЖЬЕ

В тихой и уютной квартире, где тепло и мило, работает телевизор, раздался телефонный звонок

- Ты дома? – пробурчал простуженный чей-то голос. – И то, правда, куда уйдешь на своих хромых. Так вот слушай: тихонько сходи в магазин, приготовь смазочный материал. Слышишь, как простыл, это все из-за тебя. Надеюсь, что у тебя есть ванна и горячая вода? За мыло не беспокойся, принесу с собой.

- Алло, алло! Кто это? Скажи хоть имя?

- Эх, тебя достало, старых друзей не узнаешь? Ты еще дома? Я на расстоянии шестидесяти километров от тебя, за Самотлором. Пока ты дойдешь до магазина и придешь обратно, уже буду купаться в твоей ванне. Иди, иди, да не упади. Тросточку возьми с собой. Не забудь купить сигареты.

- Алло! Кто это?

- Не прерывай меня, а то забуду, что мне еще нужно. Да, скажи жене, пусть пельмени вытаскивает из холодильника. Нет, нет, не «Дарину», а домашние. Все прерываюсь, чужой мобильник. Пора и совесть знать.

- Такое может сказать только Сергей, ладно, иди в магазин. Будь осторожен, не торопись. Просто так он звонить тебе не будет, значит, есть какая-то весть. Я кое-что приготовлю на стол, налью горячей воды в ванну, - сказала жена.

В догадках, одеваясь, стал соображать, кто может мне звонить издали нахально, настойчиво требуя ванну. Выходя за порог, оглянулся, супруга вынимала их холодильника продукты, накрывала стол свежей скатертью. С болью в пояснице и опухших ногах, кое-как доковылял до магазина, коих развелось на углах домов, купил то, что требовал далекий друг, прихватив лишнюю перцовочку на всякий случай. Знаю, иногда не хватает чуть-чуть для завершения разговора или мысли, может, просто душа попросила лишнюю рюмочку.

Издали заметил, как к нашему подъезду подъехала машина, из которой выскочил человек в капюшоне и заскочил в двери. «Это Сергей, его привычная горящая фигура, размашистый шаг, заметные длинные вставки для удилещ», - подумал я. Пока дошел до дома, машина, оставив во дворе слабый запах выхлопных газов, исчезла уже в спустившейся темноте.

Супруга, улыбаясь, приняла сумку, махнув рукой в сторону ванной. По резиновым сапогам я узнал старого друга по рыбалке, подтвердив тем самым свои догадки. Постучав в дверь ванной комнаты, предупредил гостя, что хозяин уже дома.

Сергей вышел через час, посмотрел на протянутую запотевшую стопку водки, радостно подмигнул, опрокинул ее в рот. Хмыкнув, не закусывая, протянул стакан, не отдавая, прося еще. И все молча, не дыша. Предательски дрогнула рука, звякнув бутылкой об стакан. Выполнив вторично процедуру, выпросил в третий раз сорокоградусную дозу. Молча, отдышавшись, стоя, закусыв квашеной капустой, пошел за стол.

- Сознавайся, тебе было жалко лишней стопки водки для друга? Дай поесть горячих пельменей, я тебя не так буду критиковать. Иди жена, подруга дней его суровых, принеси ему, то, что спрятала на всякий случай. А ты бурундук зажимистый, налей еще по стопочке, себе чуть-чуть, а мне побольше и слушай. А вот и жена.

Она протягивала мне мое ружье, аккуратно протертое, обильно смазанное автолом, но разобранное. Отдельно разбухший приклад, чистые стволы и рама. Сергей, наслаждаясь коротковременной минутой, повернулся к жене и проговорил:

- Давай хозяйка, пусть беды обойдут нас стороной. Пусть выходит на охоту твой старик, да сопутствует ему удача ...

- Ты знаешь, черт меня дернул. Вчера соседи собрались на рыбалку, зашли за мной. Я поставил им условие, поедем на Эмтор, недалеко от Ван-Егана. Там, где ты обморозил ноги и чуть не лишился спины. Сегодня утром показал им старые лунки, лед толщиной с полметра. А меня словно кто-то потащил в другую сторону. Разбурил, забросил удочку и пошло-поехало. Клев отменный, одни щуки, несколько окуней. В самую яму попал. Половину твоей жене отдал, там, на кухне, полный тазик рыбы.

- Давно мне так не фартило, понимаешь, давно – отпив глоток чаю, Сергей продолжил. - Сбежались мужики, давай лунки сверлить, но ничего, всем досталось. Часиков в двенадцать перестало клевать. Собрались, пообедали, да и разбрелись кто куда. Поверишь или нет, но меня словно кто-то здесь держал. Думаю, дай, настрогаю рыбки, надену красную нитку и заброшу любимый тройник. Через полчаса затрещал тормоз трещотки. Тяжелая потяжка, где-то на килограмм пятнадцать. Скинул полушубок, позвал соседа, у него есть прибор для определения рыбы. Мне сообщают: возле ямы, небольшой подъем, метра полтора, хорошее дно, щука, мотается как бешеная, но тащит за собой что-то тяжелое. Ты не можешь поднять, оборвется леска. Нужно с другой лунки забросить еще один тройник, подцепить тяжесть и помочь тебе. Старик, чего глаза вытаращил, как будто сам тянешь мой спиннинг. Успокойся и налей еще немного. И следи за рюмками, а не за мной.

Сергей, довольный произведенным впечатлением, долго ковырялся в тарелке, словно выискивая щуку, поднял голову, прищурился, повернув голову к жене, проговорил:

- Обрати внимание на своего мужа. Сам не пьет и мне не дает. Жадность его когда-нибудь сгубит. Ну, ладно, слушайте дальше. Сколько мы там не возились, но ту тяжесть мы подняли, тройник соседа скользнул по моей леске, зацепившись за предмет. Осторожно подтянули к лунке, глядь, ружье. Не успел протянуть руку, как оборвалась леска. Что только мы не делали, все впрок. Тогда решили разбить пешней лунку пошире. Нырнув, схватил ружье, пулей выскочил на лед. Кое-как оделся и бегом в машину, ее уже прогревали для меня. Бежать-то далековато, с километр, а теплой машине сунули в руки холодный стакан водки. Вот и простыл. Хорошо хоть ванна была готова. Отошел маленько, а тут ты, как сыч, не даешь лишнюю рюмочку выпить.

- Смотрю на ружье, знакомое до боли, разламываю стволы, а там знак: «Дробь. Крупн. 1927 год». Так это же «Зауэр». Пока собрались все с рыбалки, я весь извертелся. Так это же ружье нашего учителя, больше нет такого в округе, говорю всем, ребята не верят. Давай рассказывай, как ты там оказался и потерял свое ружье. Подожди, позвоню домой, сообщу жене. Чувствую, что разговор будет долгий. Пусть с нами посидит.

НА ПОЛПУТИ

База к концу рабочего дня требовала от ледокола данные о прохождении участка пути: толщину льда, ветер, температуру воздуха, видимость и многое другое. Авиаразведка доносила, что после прохождения ледоколом по Оби от Сургута до Нижневартовска встречаются скопления битого льда. Река почти свободна, но навигацию начинать рано, лёд пошёл только 10 мая.

Чего докладывать, если погода мгlistая, изредка прояснялось небо, меж рваных туч появлялось солнце, потом надвигался туман и шёл редкий дождик, а может и снежок. Ветер бился о чёрный борт ледокола, вздымая со льда жемчужную пыль, свивал её в светящиеся жгуты и бросал их на изломанные склоны могучей реки. На трапе послышался тяжелый шаг, наверх поднимался командир корабля.

К вечеру капитан ледокола Семенych с тревогой поглядывал вперёд на проплывающие глыбы льда в высоты своего мостика. Что-то тревожило его в спускавшемся закате. Когда солнце совсем зашло за горизонт сильно похолодало, пошёл густой снег. В густой кружащейся пелене никто не заметил появившихся первых мелких льдин. Они стучали по борту все сильней, а ветер гнал сверху по течению целые поля застывшей воды.

Семенych спустившись вниз, включил фонарик. Льдины теснились, налезая друг на друга и стуча в борта ледокола, вставшего на ночь у крутого берега Оби. Огромная льдина, упёршись в судно, стало подниматься на бок. Над водой часть льда покрывшись узором сероватых трещин, с грохотом опустилась в воду. Оставшаяся часть жалобно заскрипела, завизжала, подпёртая со всех сторон, пошла торчком дальше, исчезнув в темноте.

Хоть ледокол грохотал всю ночь, как пустая бочка, дежурство вахты прошло спокойно. Помощник капитана, поднимаясь по трапу утром на верхнюю палубу, резко остановился: прямо перед ним сидели два гуся. Гусак, важно выгнув шею, что-то прошипел, а гусыня даже не повернула голову. Они отдыхали три дня, катаясь на ледоколе. ПроЙдоха-кот, считавший себя первым хозяином корабля после капитана, получив наикрепчайший удар клювом, стал обходить их стороной.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГУСЕЙ

Глухари, собирающиеся на токование, не делают весну. Они ее предвещают. Можешь считать, что за их бульканьем, весна уже находится по дороге в карман охотника. А стая диких гусей, прорезающих своим клином мутную мглу апрельской оттепели, нет, не предвещают, не зовут – то уже пришла сама весна.

Дятлу невдомек, что весна на пороге, да и ему до того ли ему. Он облетает свои владения, обстучит замершие деревья, но все равно жметесь к нагретой стороне засохшей сосны. Бурундук, выскочив из норки, чтобы принять солнечную ванну, возвращается обратно, увидев падающих белых «мух». Медведь лежит до упора, внутреннее чувство крепко сторожит его спящее тело. А Дастан и Владислав мерзнут у костра в ожидании прилета апрельских гусей.

Апрельское утро скучно и серо для того, кто спешит на работу после сна. Человеку не до нее, либо еще не проснулся, возможно, бытовые проблемы до того заели его, что даже не взглянет в небо, не насторожит слуха, ожидая услышать гусиные клики. Он такой же на работе, лишь бы отработать срок и снова домой на диван. А в это время перелетному гусю, преодолевшему не одну сотню километров, в надежде найти полынью на озере, деваться некуда. Вот он и кружит над газowymi факелами, потом падает рядом с ними, чтобы переждать ночь.

Братья знают, что спешащие на юг, первые октябрьские стаи пролетают над ними без единого приветственного крика. Помнят, как садятся они перед самой темнотой на рисовые

чеки в полном молчании. Только дозорные, вытянув шею, осматривают прибрежный камыш и тростниковые заросли. Сидят до того тихо: не гогочут, не кричат, ждут, чтобы утром снова двинуться в полет. Летят по прямой, не сворачивая, словно за ними гонится черт с деревянной палкой.

А вот апрельские гуси другие. В них стреляют, выпускают соколов, гоняют на песках, оттаявших лужах. Оставшиеся в живых пролетают вдоль гор, над речками, островками и радостно гогочут при виде каждого озера или болота. Не садятся, как ноябрьской осенью с ходу, а низко кружат, высматривая каждую луговину. Ради проформы делают несколько кругов, а затем идут на посадку, планируя, выпускают ноги, как шасси самолет.

Едва коснувшись воды, поднимают такой шум, такой гвалт, что вся округа приходит в возбуждение. Плескание воды слышно так далеко, что бедный камыш, чудом, переживший суровую зиму, теряет последние воспоминания о прожитых страданиях. Только одинокие гуси не принимают участия в общем споре, они ищут подружек, которые выпали из строя.

Как и осенью, весенние гуси ежедневно навещают вспаханные поля, но не под покровом ночи и тихо, а среди белого дня. Шумно собираются, в стае происходят какие-то разборки. Столь же шумно бродят по стерне в поисках зерен или свежей травки. Освоившись, они на обратном пути прямо таки сыплются с небес, заходя с любой стороны на бедное озерцо под приветственные клики снизу. Затем раздается оглушительный гогот – происходит обмен мнением, за которым наступает тишина. Только гнусавое хлоптанье лысухи, поствиствывание кулика, дальнее уханье совы изредка доносится до ушей молодых охотников.

Казалось всё, перелетные гуси ушли на покой, но не тут то было. Вдруг раздается пронзительный гогот, поднимается невообразимый шум. Они бьют по воде крыльями, швыряя вперед тела, как обычно, кричат все сразу и кто во что горазд. Какой-нибудь самый голосистый гусь оставляет за собой последнее слово и шум затихает, переходя в бормотанье, которое в ночи не затихает. Однажды ранним утром, отдохнув на спокойных полях, они вновь поднимаются на крыло, чтобы лететь дальше.

А на очередном болотце опять наступает тишина. Сухие камышовые стебли, что упали в воду, постепенно прибываются к его середине, набираются влаги и тонут. Одиноко маятся, вычерчивая незамысловатые фигурки под холодным ветерком чудом уцелевший тростник. Берега успокаиваются, приобретают приличие и постепенно оживают. В мае распускается иван-чай, идет в рост будыльё, да сырая путаница трав оживляет округу. Листья на деревьях, караси на мелководье, круговорот жизни неумолимо набирает скорость движения. И уже ничто не напоминает молодым охотникам песню дикой природы, слетающую с мглистого неба на апрельскую оттепель.

ПЕРВОЕ ОЗЕРО

Последний туман ушёл с озера. Вдали виднеется сосновый бор, да покрытое снегом и скованное льдом болото. Осел и расплылся ночной иней под солнцем. Явившийся ночью мороз стал потихоньку отходить туда, куда светила ещё не добраться. Первое озеро молодых парней ещё в вещих снах, которое сковано под толстым слоем льда, хотя забереги уже осели. Останется ли оно таким же тихим, апрельским, как в прошлый раз. Подойдут ли к их берегу стайки мальков, окуня и отряды окуней, расскажет ли о себе щука хлестким ударом на открытой воде? Даже ветерок, что примчался неизвестно откуда, не обещает ничего.

Последнюю щуку они поймали здесь на спиннинг прошлой осенью, на вращающуюся желтую блёсенку. И это было уже к холодной воде, когда пальцы немеют от холодного северного ветра. Блесну вел Владислав от камышей, почти у самого дна, с глубины к берегу, от камышей к травостояю. И вдруг перед травостоем почувствовал тупой толчок, словно зацеп за пожухлую траву. Подсечка и рыба пошла в сторону, как воздушный змей под косым напором ветра.

Рыба шла в сторону, но он не чувствовал ни потяжек, упрямых толчков, леска просто звенела от натяжения. По большой дуге рыбина вытянула немного лески, но парень упорно, вышагивая от берега, тянул её за собой. Когда она повернула обратно, то сдала ему то, что

вытянула. Успев намотать на катушку достаточно лески, рыбак увидел у самого берега приличную щуку. Блесна сидела у него на толстой губе основательно. Значит, он охотился, ловил добычу, став сам добычей, оказался в подсачке. Поворочавшись немного, растолкав окуней, успокоился и терпеливо ждал, когда он вынет его из воды.

Спектакль, устроенный им на поверхности воды в подсачке, услышали даже далёкие соседи. Это всё на память: явившись из холодных глубин новой рыбой, она напомнит о себе такой же запоздалой пляской, как и та, что поймана мной прошлой осенью с желтыми листьями на кроне березки.

Если подует северный ветер, продолжает размышлять про себя Дастан, то рыба соберётся подо льдом. Здесь можно встретить самых разбойных окуней, которые хорошо берут на зимнюю блесну, реже с червем, лучше на окунёвый глаз. Будет хватать его по самому первому, так и последнему, льду на крутом скате или перепаде высот

Их озеро сегодня скромное, им кажется, что не тот ветер, да и людей скопилось на пяточке, где есть окунёвые дорожки. Зимняя блесна, зимняя удочка, кивок-сторожок из стальной полоски, жесткий удар-останов блесны тяжелой рыбиной. Да и поймал они утречком не густо – пять остропёрых, полосатых рыбин. И всё, словно, они только их и ждали, только их и больше никого.

Нет, не поедут они к другому озеру, не могут изменить ей, как другие, наскоро смотав свои пожитки, умчавшиеся на машине, оставив за собой синий выхлоп. Посидев немного, они пошли бродить по готовым лункам, надеясь на авось. Едва успел Владислав опустить удочку, как кивок сработал. Оглянувшись по сторонам, заметил несколько сгорбленных рыбаков, уснувших над лункой.

Парню помог северный ветер, что примчался сюда после отъезда рыбаков. Из каждой лунки ему удалось вытянуть по пять – шесть приличных окуней. Присев у дальней лунки, наткнулся на ершей, которые клевали без разбору. Проходная стайка мелочи, покрутившись, ушла, но свято место пусто не бывает, окунь пошёл покрупнее. Семь трехсотграммовых разбойников оказались на льду.

Вернувшиеся после обеда рыбаки с удивлением смотрели на добычу Дастана, хватаясь за снасти, мчались к пустым лункам. Пора и честь знать, собрав ведро окуней, разбавив их ершами для соседского кота, молодые парни оглянулись на своё озеро. Расставаясь с ним, они поклонились ему и тихо сказали для себя: - До свидания, озеро! До скорой встречи! Трудных тебе дней и долгих ожиданий до встречи с нами.

ПРАЗДНИК ДУШИ

Собралось на автовокзале нас немного: всего девять человек. Та компания, которая знает всё про рыбалку и ничего. Встречая друг друга, обнимались, хохотали до слёз, расспрашивая про обыкновенную бытовуху. Встав в большой круг, до посадки в автобус, мы оживленно болтали обо всём, кроме работы и семьи.

Попутные люди с удивлением смотрели на нас и дивились: мужики уже вроде пожилые, степенные, а выбрасывают такие колена, что в пору юным стрельцам. А одна из проходивших женщин, покачивая головой на шутку, сказанную ей, выговорила: - «У! Лешие, чокнулись ли что под старость лет?». А её попутчица, молодлица, что не ложи ей палец в рот, совсем откусит, промолвила: - «Не пугайся, Мария. Это застоявшиеся жеребцы. Погляди, одеты-то прилично, у одного даже галстук имеется (это в сторону Сергея, который не снимает его даже со сне). Слышишь, как гогочут, вырвались, чай, от баб и рады-радешеньки, что избавились от домашней обузы. Видишь ли, они свежим воздухом подышать решили, порыбачить. А мы так и гнём свои спины на работе, да ещё домой идем с тяжелым грузом».

Но мы не в счет: каждый из стоящих в кругу честно отработали своё сполна и упрёк молодежи нам не указ, хотя некоторые из этой компании ещё стараются достойно жить и выходят на работу. К нам, как к сухой стене, грязь не пристанет. Да и что взять с нас, если от счастья не помним себя. Просто всплеск адреналина, буйство чувств и радость встреч здесь, на перроне автовокзала.

Это потом, когда сойдем на неизвестном полустанке, будем говорить друг другу:

- «Куда это нас так занесло, какого чёрта мы тащились сюда?».

Немного поостыв, будем смотреть на Сергея, который и собрал нас всех в одну кучу. А он, как всегда, хитровато улыбаясь, машет рукой и зовет в страну, где есть рыба-кит:

- «Пошли, старики. Хватит молоть чепуху, тут недалеко, всего три километра и мы попадем на карасёвое озеро. За мной, господа пенсионеры! У нас всего два дня, завтра к вечеру на этом месте будет ждать автобус. Я уже договорился».

***

Я стою на берегу и удивляюсь чему-то, настороженно жду, озираясь по сторонам и не пойму, почему мне так хорошо. Скинул куртку, в карманах которой есть мазь от комаров и сетка-накомарник, снял резиновые сапоги, переобулся в кроссовки. Когда встал, то понял - нет ничего чудесней, когда вокруг нет комаров. Просто Сергей, постоянно рыбачивший здесь, понял прелесть этих мест и позвал нас с собой. Он пояснил, что весной, когда прибывает вода, вся округа затоплена и когда она уходит, то погибают личинки комаров.

***

Когда солнце опустилось за горизонт, то широкий песчано-золотой плес был испрещён кружками рыбьих всплесков. Озеро стало мерцать наподобие старого зеркала в тёмном коридоре. А когда опустился ночной югорский ультрамарин, на тёмной воде кое-где вспыхнули дрожащие звёздочки рыбацких костров, от которых тянулись огненные змейки. Как будто кто-то специально выдумал цветовые эффекты, стараясь поразить нас красотой цветного экрана.

***

В народе говорят, что телушка – полушка, да рубль – перевоз. Меня устраивает этот край, даже сорожка и окунь. Не хочу ехать на другие озёра, хотя опять же рыбацкое радио говорит, что там много больших и лобастых карасей. Мне кажется, что везде хорошо, где нас нет.

Андреич, упрямый карасятник, рубит с плеча: - «Карась - это самая главная рыба на рыбалке. Посмотрите, как крутится вокруг насадки, а как он клюёт, как сопротивляется. Мало того, что он хитрый и разбирается в насадках, он ещё постоит рядом с ней, подумает, если понравится, то вмиг заглотит его и в сторону. Карась – это рыба и никуда я отсюда не поеду».

МЕСТЬ

Они смеялись надо мной весь вечер. Прибегали, посмотреть на мои успехи, но кроме двух-трёх ершей, в тот вечер я так ничего и не поймал. На следующий день поднялся раньше всех, наладил удочки, и, забрав сонных червей, потихоньку чертыхаясь в темноте, ушёл на старое место.

Утром, проходя мимо меня, они опять издевались надо мной. Каждый старался внести свою лепту, стараясь в меру отпущенных им способностей. А у меня, как на грех, ни одной поклёвки. Сижу на берегу речки, впадающей в озеро, что всегда одаривала меня приличными экземплярами карасей, час, другой, третий. Уже солнышко поднялось прилично, а поплавки, как стояли намертво прибитые к воде, так и стоят. Мне казалось, что никогда в жизни ни одна рыбёшка не клонет на мои удочки.

После некоторого затишья, они вновь собрались у меня за спиной и принялись за старое:

- Удачи тебе! – издали кричал Леонид. – Ну, как ловится рыбка?

- Неужели опять поймал ерша? – шептал Николай. – Вы только посмотрите, у него даже нет садка, придётся идти к машине. Там у меня в багажнике завалился старенький.

- Тише вы, болтуны, распугаете ему всех карасей, - стонал Сергей. - Не мешайте ему, он думает над книгой о рыбалке и способах ловли карася.

Позавтракав и покусав меня со свех сторон, ребята ушли к удочкам. А у меня поплавки на удочках словно прилипли к воде, мерно покачиваясь, не собирались менять своё положение. Злость постепенно закипала во мне. Я уже и накурился, и напился чаю, слоняясь по берегу, стал искать, чем бы заняться ещё.

Вдруг из-за поворота показалась медленно скользящая резиновая лодка. В ней сидел давний знакомый Михаил, попыхивая неизменной трубкой:

- Ну что поиздевались они над тобой?

- Не говори, кума. Сам такой.

- Над озером слышно всё. Давай сделаем так. Ты на машине?

- Да.

- Поедешь домой, возьми меня с собой, ладно?

- Мишка, впервые что ли, тем более я сегодня один за рулём.

- Вот и лады. А теперь сделает так. Возьми мой кукан. Бери, бери, не стесняйся, не навсегда отдаю рыбу, только на время. Самого верхнего посади на крючок, карась ведь живучий, опусти в воду и дождись рыбаков.

- Миша, это же обман.

- Нет, это не обман, это между нами мальчиками говоря, месть. А нам пора и пообедать с чувством, толком и расстановкой. Ты оставайся на месте, а я поплыл обратно. Как только услышу их голоса, появлюсь.

- Вот и прекрасно – ответил я спокойно.

Рыба быстро переключалась ко мне. Оставалось маловато времени до обеда, который мой коллега соблюдал до минуты. Лихорадочно сняв верхнего карася, я опустил кукан в воду, чуть дальше под кустик. Потом насадил особо вертлявую рыбу на крючок и тоже опустил в воду. Через минут десять я услышал голоса, обсуждавшие, как будут потешаться надо мной. Когда раздался за спиной топот резиновых сапог, оглянувшись, увидел всю гоп-компанию вместе.

Вальяжно развалившись на краю воды, злорадно ждал рыбаков, не выпуская из вида поплавок, который прыгал, как бешеный.

- Ты чего не подсекаешь! – раздался голос Леонида. – Ключёт, ключёт! Нет, вы посмотрите на него, он даже не реагирует.

Я не спеша подсеёк, также не спеша с оттяжкой, стал вытягивать рыбину из воды. На берегу все кричали, прыгали, махая руками, давали мне всевозможные советы. Над водой, наконец, показалась извивающийся карась, которого перекинул через себя. Сергей аккуратно снял рыбину с крючка и передал её Юрию. Когда я вытащил кукан из-под кустика, у них пропал дар речи, а Николай стал икать.

- Всё, рыбалке конец, раз вы вновь появились здесь, – сказал я и стал сматывать удочки, освобождая место.

Рыбаки, забыв про обед, помчались за своими снастями и тут же оккупировали весь берег речки. Не спеша, пообедав с Михаилом, я веселым настроением увидел невеселую картину на берегу. Все сидели злые, как черти: Леонид чертыхался, Сергей сопел, а Николай был совсем красный, как рак.

- Ну что, господа рыбаки, как успехи? – выкрикнул вместо меня Михаил. – Не ключёт? А вот у него клевало так, что и я перестал рыбачить. Мне рыбы хватит, это мой кукан и мой карась.

- Как?

- Да вот так! Я же слышал, как вы издевались над ним, и мы решили подшутить, точнее, отомстить вам за ваши издевательства. Посмотрите, вода ещё высока, карась весь находится в озере. Как только станет её меньше в реке, она прогреется, то вся озерная рыба будет здесь, ибо весь корм идет в озеро отсюда.

Если бы вы видели их лица, то сразу поняли, что я отомщён раз и навсегда. Никогда в жизни я так больше не смеялся.

ПРОСТИ МЕНЯ

Что такое женская красота? Я видел и знал много обаятельных женщин, от которых можно сойти с ума сразу и навсегда, но знаю и то, что обаяние недолговечно. Быстро женщина меняет цвета, тогда на углу глаз появляется сетка морщин, от которых некуда уйти, даже, несмотря на ухищрения милой и очень ласковой до поры, до времени, женщины. Но, как говорят, не с лица воду пить...

Правильные черты, линия фигуры, взгляд, походка или что-нибудь еще? Безусловно, как не посмотреть на прелестный стан, волшебную походку, узорчатый разрез глаз, а за некоторыми так и хочется идти, не отрывая взгляда, до конца. Потом, позже, усладив свои похоти и остановившись, оглядываешься по сторонам и назад, узнаешь, что растерял все на пути: и родных, и детей, и друзей, даже работу. Приходит время отвечать за грехи, перед Богом мы все едины, но отвечать приходится по-разному.

Надо признать, что мне везет во всем: дружная семья, толковые дети, хитровато-умная жена. Приятная и любимая работа: всех знаю, везде узнают. Иногда вкушал адамовы яблоки на сторонке, но всегда возвращался домой, там тепло и светло, сытно и уютно. Моя супруга, как и всякая умная женщина, в высшей степени подозрительна и недоверчива, бранит по поводу и без повода, таким образом, выражая свое отношение ко мне и к некоторым особенностям мужа, поддерживая во всем, укрепляя дух, создавая во мне свой образ мужчины. А я шагаю по ступенькам жизни вверх сам и благодаря жене. Бывали случаи, когда временами больно падал

с высот жизни. Супруга поднимала меня, стирала, мыла, помогала встать на ноги. И вот снова шагаю по жизни, смело, глядя на всех. Наверное, во мне погасло все хорошее, опустился на дно жизни, если бы не жена.

Рядом с ней становился чище душой, светлее мыслями. Именно здесь супруга постоянно вручала мне в руки ключ к успехам в жизни, к воротам таинственного сада мирских проблем. Она, безусловно лучше, чем другие и телом, и душой, ибо я, заблудший в садах Эдсама, всегда возвращался к роднику чистоты и благополучия, очищал тело и обретал поэзию души. Супруга еще и действенна в мыслях, словах, вся в заботливом внимании к детям и внукам, родственникам и окружающим.

Моя жена никогда не искажает слово, в ней нет фальшивого и ложного, ее обаяние состоит в истине, сокровенно и умело преподнесенном мне на ложке правды. Ведь правда - это всегда живая материя. Рядом с ней ложь всегда мертва, а моя жена всегда умело отличает ложь от правды, просеивает зерна от плевел и дает во время умные советы. Она всегда улыбается на мои попытки обойти ее незамысловатыми, но мягкими словами, чтобы не уронить моего достоинства, дает знать, что я иногда еще и глупый ...

Тогда, в молодости, она мне понравилась сразу, открытая улыбка из окна, потом округлые колени, дальше фигура и, поднимаясь по лестнице познания, увидел много закоулков непознанной, тайной сущности женственности. Мне пришлось изучать ее долго и упорно, узнавая в ней новое, познавая интересное в девочке, девушке, жене и женщине.

Я почти все успел увидеть, узнать, понять, но боюсь, что мои познания еще не так полны, как хотелось бы, а она все также скромно делится щедростью своего тела и души, подаренного ей Всевышним, подсказывающего, как помогать и куда направлять меня в этой мирской суете. Моей жене противопоказана односторонность, она во всем многогранна, не признает моей ветрености, для нее жизнь это ярчайшая метафора действительности.

Это она всегда на земле, а я, чаще всего, летаю в облаках, и ей приходится дергать меня за балахоны, чтобы спустился на грешную землю. В ней всегда присутствует сознание момента правды, которую можно измерить и оценить по ее отношению к мужу и детям. И в своих действиях она неповторима, внимательна и обаятельна, не смотря на заботы и обремененность.

Только она может быть моей женой, несмотря на мою непутевость. Только она может быть матерью моих детей, зачавшая их в экстазе любви. Только она может быть моей любовницей, лучшей среди всех женщин, но единственной. И все равно пока в моей груди бьется сердце, меня будет тянуть к двум женщинам:

первая - это к моей жене, вторая - ко всем остальным. Ибо суть моя, такова! Если можешь родная, прости ...

У СТЕПНОГО КОСТРА

В степи тише обычного. Оранжево-желтым шаром солнце закатилось за гребень далекого холма, как всегда, оставив после себя широкую пылающую полоску закатного неба. Посреди красноватых лучей потока возникла фигура человека, рисовавшаяся на золоченом фоне мотоцикла с коляской. По северному краю озера до самой речки наизорчайший взгляд не углядел бы живой души. В южной части пылится степь - на той стороне озера пастухи гнали скот на водопой. Пыль клубится, рваными полосками оседая на дорогу и сохлый, жесткий, поникший бурьян. Восточная часть неба меркнет, отчего и степь мало помалу погружается в сумрак.

Все сильнее чувствуется осень. Летняя зелень нехотя уступает место бурым и пестрым краскам поры наступающего листопада, только безмятежная чистая синева еще сдерживает суету и тревогу дальнего мира. Тихая ночь спускается над волнообразной равниной, а с нею приходит время ночных духов. Тошние пожухлые травы мало говорят о пользе твердой земли.

На горизонте все еще пылает тоненькая багряница, а над ней черными силуэтами вырисовываются несколько небольших степных деревьев. Отчетливо слышно, как кашляет пастух, пригнавший скот на вечерний водопой. В сонном воздухе, над неподвижной прибрежной, росистой травой, узкой лентой речки и большого озера Биликуль, разносится бление, мычание и резкий храп. Отражаясь от берегов, лощин, топи, сухой степи, холмов и каменистых пригорков, эхо приходит к нам, как явление потустороннего мира.

Облака, мрачно нависшие над отлогим холмом, под которым проходит старая дорога, потихоньку ползут по небосводу, прикрывая весь северо-запад. Отец, мать, сын и маленькая дочь сидят вокруг костра, вполголоса ведя длинный нескончаемый разговор о рыбалке, погоде и завтрашнем дне, поглядывая на небо. Яркое пламя и красноватые угли кизяка освещают их загорелые лица, колючий карагач, камыши, где вьются ночные бабочки да изредка раздастся шлепок о воду. Луна, выглянувшая из-за облаков, подтемнила водную поверхность, уточнила размеры тростника, выбелила головки репейников, степные дали. Ветерок, пришедший с тучами, поднимает печальный шелест среди листьев камышей, треск сухих стеблей.

- Ишь, как разбаловался сазан. Нет ему покоя и душу мою бередит, - простонал отец.

- Это потому что ты сегодня ничего не поймал, - спорит с ним сынок.

- Успокойтесь, болтуны, вон туча движется на юг, прольется сильно - встывает жена.

Над дремлющей степью звонко проржал жеребец, отделяя белую кобылку от общего табуна. Иссиня-черный главарь со спутницей, не спеша, поднимаются на пригорок. Оттуда без страха вглядываются на костер и людей, помешавших им уединиться в роще карагачей. Конь, потыкав в бок подружки головой, недовольно проржал ей что-то нетерпеливое. Лошади, немного постояв, двигаются дальше, дробно простучав копытами по каменистой поверхности земли. С холма на табор рыбаков падают чистые звуки любви, делясь на множество отраженных. В наступившей тишине, тьма, спустившаяся над степью, стала еще гуще, будто со всех сторон пододвигается к костру.

Подбросив на угли еще несколько лепешек коровяка, мужчина отходит к палатке, вглядываясь к таинственному миру пригорка. Поднявшись на гребень холма чуть более высокого, чем остальные, постоял с минуту, кинул любопытный взгляд на озеро. Небольшой ветерок рябью пробегает по воде, качнув край зарослей. Лунная дорожка, возникавшая на воде, кажется мелкой асфальтовой крошкой, качаясь на очередных вздохах водной поверхности. Земля здесь напоминает океан, беспокойные валы которого вздымаются после ярости, не улегшей бури

В середине костра возник желтый огонек. Сухой кизяк глеет: то вспыхивает, то потухает, отдаляя и приближая темноту. Синие струйки дыма медленно нехотя вьются над костром: сначала одна полоска, за ней другая, третья. Вдоволь наигравшись над теплом, уходят в сторону. Кланыясь, тянутся в низинку к детям, задумчиво смотрившие на огонек, подложив руки под голову. Дочка таращит глаза, отягивая сон. Отец задумчиво посматривает в сторону озера. Сын стал палочкой подталкивать остатки кизяка в середину костра, поднимая столб оранжевых искр. Приподнявшись, выбирает пук сухих стеблей камыша, сует в костер. Огонь жадно лизнул сухой тростник, ухватился за старое и новое топливо. В одно мгновение по костру отчаянно заскользили раздвоенные язычки пламени. Раздается смех дочки, около огня зашевелились все, протягивая кружки к матери, разливающей остатки горячего чая.

Посеревшие тучи заморосили мелкими капельками воды буквально в десяти метрах от костра, упрямо обходя стоянку рыбаков стороной. Дождичек прошелестел над озером, освежил камыш, покапал над другой частью устья речки, прибил пыль у дороги на холме. Кое-где примочил сухую траву, но на этом остановился. Дохнуло прохладой.

Только сын подкидывает остатки кизяка в огонь, как неожиданно все притихли. Из степи внезапно прилетает какой-то неясный, но отчетливый вздох. Шалхар привстает, вытянув шею, долго всматривается во мрак, словно хотел узнать, что там произошло. Обернувшись, мы

посмотрели друг на друга, присели, удобно пристроившись у огня. Костер мелко потрескивает, выбрасывая из себя фонтанчики оранжево-красного огня и мелких искр.

Через некоторое время на севере в небо стала подниматься сверкающая звездочка. Пронзив местные облака ярким огнем, звездочка подсвечивает их сверху. Огонь от нее двоится, троится, ярко вспыхнув, образует крест и скрывается из виду. Запущен очередной спутник. Вот почему в степи раздается глубокий вздох. Дочка, пристроившись рядом с отцом, сложив голову на его колени, теревит вопросами о прошедшем.

Над ними в просветах между облаками ярко сияют бесчисленные звезды. Поднявшийся ветерок гонит тучи к горным вершинам Каратау, освобождая место тишине срединной ночи. Потянувшись, еще раз глава семьи окидывает взглядом округу. Какая-то идиллия: костерок, невнятно-тянучий

разговор, равновесие с самим собой и благодать. Ни комаров, ни мошки, даже шелеста листьев камышей и других привычных звуков. Мир отдыхает. Движения, скрипения, шелчки, стрекот, свист – все это начнется через четыре часа, как только забрежит рассвет. Волнения, тревоги, проблемы – завтра. А сейчас, сейчас на всем лежит печать величавости покоя.

ЮГОРСКИЙ СЕНТЯБРЬ

Оно приходит как-то незаметно. За долгими нудными дождями, переходящими в мокрый снег, когда устаешь от однообразия пасмурных дней, в мой мир врывается короткое «бабье лето». Это самое чудесное время года. В субботу оно немножко наметнуло женщинам освободиться от пут многослойной одежды и дало надежду сверкнуть напоследок. Нынешнее, солнечное воскресенье взбаламутило все население. Люди рванули за город с котомками, ведрами и припасами. На природу, дачу, огород, куда-нибудь – только подальше от бетонно-каменных громад. Увидеть тайгу, собрать немного клюквы и брусники, найти в низине леса последнюю чернику и голубику, готовить шашлык, заниматься огородом.

Сентябрьское утро всегда мокрое, росное и тяжелое. Обычно рано встают петухи, чтобы сообщить время тем, кому делать нечего. Прийти перед восходом солнца на край болота, речки или опушки леса – это значит надо дать волю ушам. Слух начинает бродить, где попало: по краю леса, без задержки пробегает вдоль берега речки, останавливается на шири болота. Услышав шорох, поворачивает мою голову в ту сторону. Там, где-то хрустнула сухая ветка, мерещится медведь. Глаза ничего не видят: вокруг живая синева и настороженный мир. Услышав за камышами на озере селезня, который обихаживает свою подружку, думаю, что там целая стая уток.

Становится светло, слух успокаивается. Это происходит в то время, когда над низинами забелеют туманы, отрываясь от поверхности воды. Поднимается позднее солнце, оживляя природу. Примолкшие березки у речки заблестели листьями-разноцветками.

Сказано у Саади: *хочешь испытать наслаждение, иди в пустыню, побудь в ней три дня, и первая мутная лужа будет тебе источником высшего наслаждения.* Мне хочется сказать следующее: хочешь получить от сентября наслаждение, сходи в лес, найди хорошую полянку, пройдишь по берегу речки именно в «бабье лето», всмотришь в краски осени и только тогда оценишь её красоту.

Греки утверждали, что человеку для эйфории нужна амброзия. Они просто не знали, что такое Югория в сентябре. Это свежесть и разнообразие красок тайги, речек, болота. Такое сентября уже больше не будет. В следующем году, в другом сентябре, мы будем искать прошлый сентябрь. Сравнить и пережить его великолепие.

Еще Мориак предостерегал людей: *не пропустите звездные минуты своей жизни*. Он горько сетовал: почему, когда наступает это мгновение, в котором выражается весь смысл жизни, никто не скажет тебе об этом. После золотого листопада, это все проходит. Бывает так, что ты не успел отметить и не прочувствовать «бабье лето», а когда вспомнишь, будет поздно, ибо осень неповторима. Будет новая осень, а в ней много разных торжественных минут, но такой уже не будет. Никогда.

Хемингуэй утверждал, что *дело жизни человека важнее самой жизни*. Не сиди сиднем, не вой на луну, бесполезно. Встань, заведи машину, поезжай в тайгу. Сходи в сосновый или кедровый бор, поброди среди берез, посиди на пеньке в солнечную погоду, и ты оценишь многие вещи по-иному. Можно съездить на Аганские увалы, хочешь – на Белозерские – и не толпой, а в одиночку. Только не торопи себя, не заводи и не программируй. Отбрось суету и посмотри вокруг. Ты увидишь этот мир другими глазами и поймешь его редкое очарование. Послушай лес, тишину и постарайся в ней увидеть себя со стороны. Поверь мне, ты станешь лучше и бодрее, поверишь в себя и поможешь семье.

РЕКВИЕМ ПО ОСЕНИ

Они шумели весь вечер и почти всю ночь. Оглушительная перекличка труб сопровождалась щелканьем и хрипами, воплями и хлопаньем крыльев. Выстроившись в линию, птицы разбегаются в разные стороны. Собравшись в кучки, вдруг начинали прыгать. Потом, словно ничего не было до этого, разбрелись в поисках корма, чтобы всё начать с начала.

Иван долго наблюдал за ними, боясь спугнуть стаю перелетных журавлей. Терпел и ждал, когда успокоятся. Среди ночи взметнулся огонь небольшого костра на краю соснового бора. Птицы, вытягивая шею, вертели головкой. Наиболее смелые из них, сделав несколько шагов к охотнику, успокоились и принялись за свои неутомимые дела. Между урывками сна он так и не заметил, как и когда успокоились длинноногие. Ему показалось, что это произошло только под утро, когда небесная чернота стала разбавляться просинью.

На моховом болоте проснулся рассветный ветер.

Скользнув холодком по моему лицу, круто развернувшись, он нехотя вернулся на водный простор, пересчитывая по пути кривые березки, пожелтевшую осоку и мохнатый ягель. Медленно, почти невидимо для глаз, стал разворачивать над разноцветными травами плотную полосу тумана. Словно белый дух ночи, скользя над уснувшими заболоченными лугами, отягощенными росой, движутся молочные клубы. А над ними распростерлась единая, нерушимая тишина, окутанная тяжелой завесой и ощущением остановившегося времени.

Где-то над охотником, среди густых сосновых зарослей, пропела птичка. Расколов тишину на несколько колен, замолкает. Вторя ей, бубнит глухарь, но молочная кисея приглушает бульканье. Нечаянно разбуженный товарками, журавль негромко щелкает клювом и тут же засыпает. Мерно гудит чайник над охотничьим костром, который изредка постреливает угольками в туман.

Наконец проблеск солнца озаряет округу, стал приподниматься туман над моховинами. Всего немного – на длину шомпола. Стало видно, как шагают гуси у среза воды без головы, да тонкие ноги журавлей сами по себе бродили по траве. Селезнь, увидев костер, отчаянно прокричал что-то призывное, срываясь с места в полет. Раздается хлопанье десятка крыльев и вновь воцаряется тишина.

Закончив процесс чаепития, стараясь не шуметь, медленно Иван собирает вещи в рюкзак. Едва приподнялся, как раздается приглушенный туманом медный клич и вся стая журавлей резко взлетает. Туман жмется в комки, рвется на полоски, разлетается в стороны, кусками двигаясь к сосновому бору. Описав довольно большой круг, птицы появляются на неподвижных крыльях среди рассеивающегося тумана. Перекликаясь, по спирали опускаются на кормовые угодья. На журавлином болоте начинается новый день.

Солнечные лучи уже разогнали туман над болотом, когда охотник вышел на край соснового бора. Обернувшись на шум, увидел, как журавли, взмётывая свое нескладное тело, бьют могучими крыльями воздух. Построившись в клин, они протрубили поход. Сосновый бор отвечает эхом на их трубный крик, полный непоколебимой уверенности. Он как будто уже знает ответ.

Когда Иван слышит журавлиный клич, то он слышит не просто птицу. Ему кажется, что они сообщают о благородстве того места, на которое вернутся другой осенью. Улетая, птицы включают, а может, и щелкают тумблерами временных событий – до свидания осень! Перемогите, как можете зиму. Мы обязательно вернемся сюда весной!

Печаль присущая моховому болоту, возможно, рождена тем, что она дала на время приют осенним странникам. Теперь оно будет обездолено наступающей зимой.

ПРОШЛОЕ

Как быстро приходит осень. Осень года и осень жизни. Все было как будто бы вчера. А очередным утром на землю приходят тяжелые росы и вороний грай. Вроде это было недавно. Вроде это было давно. А вообще-то все происходило вчера и совсем недавно. Осень жизни подступила неожиданно, словно осень года.

Казалось бы, сюда я приехал вчера, а прошло уже около тридцати лет. И вот уже снова сентябрь. Каждый раз сеет такой же дождь, потом теплеет воздух, холодает земля и приходит снег. Но он падает чуть позже, хотя намекает на свой приход еще в конце августа или начале сентября.

Пора ехать за брусничкой, клюквой, собирать шишки, особо шиповник. Добавишь его в компот и сразу сладость – пряная, пахучая, осенняя. Вот так или примерно так находят осеннюю пряность зимой в доме. Прибираешься на огороде, елозишь на коленках и думаешь о том, когда придет весна. А до нее надо еще дожить: сколько раз нужно дорожки расчистить, баньку протопить.

По северному сине-хмурому небу враздрай несутся облака. То горят золотом на восходе и долго не гаснут на закате небеса, то вызвездит в холодной ночи или наступят теплые дни, но уже по-осеннему злые. Куда-то исчезли воробьи. Что-то замолкла синичка, исчезла иволга. Журливая славочка убралась к теплу. Наглет воронье, подбираясь к жилью. Зато появились снегири, но по одиночке.

УТРЕННЯЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Куропачья стая пронеслась возле домика, обогнула кедровую гриву, миновала старую просеку и опустилась в тальниковых зарослях, где еще с осени остались висеть крупные гроздья красной рябины. Разбежавшиеся самочки после грозного окрика их хозяина собрались в стайку и отправились за главой семьи. Поклевали почки маленьких березок и собрались

вокруг рябинки, на которой сохранилось несколько гроздьев. Постояли, посмотрели, потом выстроились в цепочку и поспешили дальше.

Старая куропатка, что была последней, приостановилась. Покрутив головой, увидела в гроздьях рябины что-то особенное и присела для взлета. В маленьком свободном пространстве она долго не могла подпрыгнуть. Вдруг как-то успокоилась и суматошно бросилась догонять стайку, часто оглядываясь назад.

Молоденькая куропатка, семенящая впереди, увидев болтавшийся на ветру красный листик осины с желто-коричневыми разводами, остановилась. Остановилась и вся стайка, с интересом наблюдая за поведением молодой птицы. Куропатка повернула голову, покосила одним глазом на листок и оглянулась на соседку. Помедлив, развернула голову, сощурив другой глаз. Подумала, оглянулась на бегущую, запыхавшуюся старушку. Старый куропад, успевший далеко уйти, обернулся назад и сердито квокнул. Стайка длинной цепочкой выстроилась вдоль кромки гривы и потянулась к берегу речки.

***

Зимой рассвет приходит в наши края очень поздно. Уже седьмой час утра, а за окном сплошная темень. Вокруг дома — лесной избушки — толстый слой снега, все кругом белым-бело и очень морозно. Кедровый лес, что за стеной избушки, стоит в немом молчании. Холод, притаившийся у дверей, через разные щели постепенно заполняет домик и начинает забираться под одеяло. Дрова в железной печке давно прогорели. Еще какое-то время лежу в теплой постели, прислушиваясь к рождающимся за стенами избушки звукам. Ухо сначала ловит шум легкого ветра, стук веток в лесу, шелест падающего снега, и вдруг:

«Тук-тук, тук-тук! Си-си, си-си! Тук-тук» — это появилась моя давняя знакомая — синичка. Она облетает окна и двери, подлетает к кормушке. Вся взъерошилась, замахала крыльями. Вспорхнув, подлетела и клюнула в стекло. Улетев к забору, присела, нахохлилась и на некоторое время затаилась. Птица держится здесь давно, каждое утро ждет моего появления, ожидая хлебных крошек.

«Так-так-так!» — слышатся тяжелые удары, довольно редкие, словно кто-то старательно забивает длинный гвоздь в кедровом лесу. Это кедровка. Она проверяет ближайшее дерево и поленицу наколотых дров. Садится на угол избушки, стучит в стену и прячется. Выглядывает, высматривает, но терпения ей не хватает. Птица снова стучит в бревно.

Ждет моего выхода. Встану, открою дверь, так бывало не раз, кедровка отлетает недалеко и выглядывает из-за столба. Высыплю кедровых орешков на подоконник и отхожу в сторону. Сделав большой круг, она прилетает, садится на кормушку и надолго стихает. А как набьет желудок — белый свет не мил: начинает орать на весь лес, что главнее кедровки нет никого на свете.

«Блек-блек-блек!» — прилетело со стороны ближнего болота. Это кричит выбравшийся из снежной лунки краснобровый куропад. Выспался, оголодал и торопит на белый свет свою стаю. Он стоит на снежном пригорке, крутит головкой, высматривая свое большое семейство. Смешно дергается всем телом, прихорашиваясь к утреннему осмотру, и ждет, когда вся его семья соберется вокруг него.

***

Холод забирается под одеяло и начинает меня тревожить. Освобождаю руки, нащупываю в темноте дранку и дрова, заготовленные с вечера, закладываю в буржуйку. Зажигаю спичинку, поджигаю лучину и бросаю в печку. Огонек в печке разгорается. По комнате разносится

сладковатый запах смолистой сосны. В утро нового дня врываются новые звуки — гудение, шипение, трескание в печке и разноголосая мелодия чайника. Через полчаса в избушке становится тепло.

Долго валяюсь в постели, наблюдая за огнем. Поднимаюсь с неохотой. Спокойно завтракаю, глядя на огонь. Протягиваю руки к жаркому пламени, словно хочу погладить, прикоснуться и ощутить его живительную силу. Хорошо сидеть у печки. Если есть огонь — будет пища, тепло, уют, под его защитой я чувствую себя частью природы.

Видимо, и мой древний предок, едва прикрытый звериными шкурами в пещере или под скалой, у воды или леса, любил держаться у спасительного огня. Но вместе с тем он, наверное, как и я, любил с таким же восторгом бродить по опавшим листьям, глядеть на водяные струи у какого-нибудь ручья, на усыпанное звездами небо и не уставал любоваться побавровевшими к ночи облаками, озираясь на длинные тени деревьев и кустарников, отбрасываемые огнем костра.

ГЛУХАРЬ НА ДОРОГЕ

На давно заброшенной дороге неожиданно встретился со старым хозяином верхолесья. Он клевал мелкие камешки, а я, размахивая ружьем без патронов, вышел на развилку дорог. Глухарь оглянулся на меня, осмотрел и стал спокойно клевать крупный кварцевый песок. Увидев, что я иду к нему, он степенно пошел от меня, выдерживая дистанцию. Рассматривая птицу в утренних лучах, изучал грациозную походку и цвет переливающихся перьев.

Представьте себе: последний день сентября, раннее осеннее утро, тихо в лесу, только что выглянуло солнце. Человек и глухарь. И никого вокруг на десятки километров. Вдруг на меня что-то нашло — я начал прыгать на месте, размахивать руками, ружьем и кричать. Через некоторое время глухарь, прекратив нужное ему дело, спокойно повернулся, посмотрел на меня, беснующегося. Постоял, подумал и отвернулся, продолжая искать крупные камешки в песке. Оглянувшись назад, словно кто-то стоял за спиной, замер в холодном поту...

НА САМОТЛОРЕ

Мне нравится похвастать перед супругой видами на озеро Самотлор. Постоять с дочкой над мшистой и болотистой долиной Белозерья, чтобы увидеть заливные луга, покрытые зеленым ковром диковинного узора. Сколько брусники на солнечных полянках Аганских увалов, фиолетовой черники во влажных оврагах и нежной голубики на опушке леса у самой речки Еган! Редко кому удастся попробовать на вкус спелую морошку. А запах черемухи в конце июня — это мирская благодать!

Грива, заросшая высокой сосной и размашистым кедром, пролегла между небольшим озером и огромным болотом. Мелкая рябь, что пробегала по воде, создавала впечатление движущейся воды. Главная красота откроется завтра на рассвете, когда на утренней заре из болотного тумана выкатится огромный пылающий диск солнца и на миг осветит гриву. Тогда все стволы сосен вспыхнут медью, а

песок будет золотистым.

А сейчас, миновав опушку соснового бора и переправившись через маленький ручей с топкими берегами, моя семья осторожно вышла к поляне, заросшей кустами голубики, и тихонько пошла по старой, давно заброшенной дороге. В этот момент все зрение и слух, вся жизнь моей семьи, предупрежденной заранее, свелась к ожиданию взлета и лихорадочным догадкам — где они затаились. Все произошло неожиданно: дочка Олеся нечаянно наступила на сухую веточку. Раздался треск.

Тетерева, большие и маленькие, начали суматошно вылетать со всех сторон, заполняя поляну хлопанием крыльев. Супруга охнула и присела от испуга. А в это время молоденький косач, взлетев на ближайшую сосну, уселся на нижнюю ветку. Отряхнувшись и приведя себя в порядок, вытягивая шейку и смешно вертя головкой, он стал оглядываться по сторонам. Замерло все: и жизнь, и суета, а мы, как зачарованные странники, смотрели на эту красоту. Долго, очень долго стояли, не шевелясь, рассматривали и любовались птицей с черно-белым оперением, его прыжками по веткам до тех пор, пока дочка не сдвинулась с места. Черныш вспорхнул и исчез в дальней стороне гривы.

Словно нет ничего впечатляющего в окружающем мире, поражающего воображение, а глаза не оторвать. Здесь — болото с травой, чуть дальше — синяя гладь озера Самотлор, вдалеке, в синей дымке, плавают островки леса и далеко-далеко — у горизонта — дымчатое облако. Пустынна ширь озера, безлюден лес, все так тихо и неподвижно. Закат дня всегда и везде — зрелище красочное и величественное.

Но здесь, у гривы и края озера, он почему-то по-особому торжественно красив. Спокойны приглушенные краски неба с перламутровой грядой неподвижных облаков, застрявших на севере. Спокойная синь неба отражается в озере на юге. Ни один звук не нарушает покой востока, там оседает темнеющая мгла, а на западе — краснеющая от заходящего солнца ширь и покой.

РЯБЧИК

Не помню, как уснул, прислонившись спиной к сосне, сидя около огня, но проснулся от хлопанья крыльев. В десятке метров от меня слева на ольховом кусте, спиной ко мне, нахохлившись, сидел рябчик. Руки азартно вскинули ружье с колен к плечу, глаза искали прицел, совмещаая рябой комок и левый ствол.

А в это время рябчик вдруг гордо вытянул шею, поднял головку вверх и мелодично вывел свою мудреную трель. И так по-осеннему тоскливо, так одиноко пела птица, что жалость в груди не позволила выстрелить. Тихо опустил ружье, осторожно спустил курки и долго сидел не шевелясь. Всматриваясь в осеннюю красоту леса, слушал утренний концерт маленькой птицы, может быть, последний, перед холодным ненастьем.

***

Интересно, пытался ли кто-нибудь чуть-чуть, хотя бы приблизительно, определить, во что обходится любителю охоты или рыбалки одна поклевка карася, глухарина песня или чуждырвание косача? По-моему, этого никто не сможет сделать. Для этого ему нужно пожить у речки вместе с комарами и мошками. Подниматься рано утром и весь день ходить по лесу или искупаться в холодной воде. Это несоизмеримый труд, притом добровольный, без принуждения и понуканий.

Я все равно буду ездить туда, на охоту и рыбалку, нежно и трепетно ощущать душой окружающий мир. Любоваться летними звездопадами и осенней природой Югры, вдыхать дым ночного костра и утренние запахи озера. Ловить на красную нитку окуней на речке и ждать поклевки карасей у озера. Каким нужно быть счастливым, чтобы услышать токование тетеревов и песню глухарей на восходе солнца! Только здесь я понял впервые, что такое дымящийся и пьянящий чай.

ЗДРАВСТВУЙ!

Здравствуй, домик в два окна, на восток и запад, мое старое жильё, веселое и теплое, строгое и стынущее по ночам! Твои стены уж не раз слышали стоны деревьев в стылую зиму, песню синички, да перестук дятла. Не забыли и помнят крик ворона, шелест крыльев рябчика, тяжёлую посадку глухарей на крышу, да ещё бурундука, что становится твоим хозяином на зиму. Прости меня, целую неделю ты будешь привечать меня одного, оберегать от сибирской непогоды.

Здравствуй, таежная просинь - кедровая и лиственничная, с желто-бурыми увалами, где бродят олени и лоси, жирует медведь и готовится к зиме таёжная птица. Твоя тропинка пошла по светлomu урману, темному кедрачу, болоту, перескочила речку-невеличку и повела меня по угору, где обитают рябчики. Хорошо набитая, с осенними вмятинами, прикрытых хвоей и листьями, теряясь среди густой травы, появляясь вновь на ягеле, заведи меня туда, где резко захлопают крылья всполошившейся птицы.

Здравствуй, мой друг – костер, с задумчивым гудением, смолистым запахом и особенной расположенностью к общению. Век буду помнить тепло твоё и холод, свет и тени, игривость огня да шаловливые искорки, от которых остаются дырки на брюках.

Скажи, охотник, что ты потерял в каменных «скворечниках в одну, а может в две или три комнаты»? Соберись, оставь заботы семье, расслабься, поедем на природу. Мне кажется, ты уже забыл вкус таёжного чая с дымком? Вспомни, когда ты вдыхал запах черемухи?

Пойдём, посидим у костра вон на том косогоре. Не оглядывайся и не прячь глаза, не ищи причину отказа, давай посидим у огня. Пусть твоя душа отдохнет, выкупается в сосновом покое, побродит вместе с шорохами леса, увидит звезды и услышит таёжный ветерок.

ЗАПАХ

По косогору шла медведица, впереди неё бегут трое медвежат. Их интересовало всё подряд: детки залазили на пни и поваленные деревья, заскакивали на кочки, застревали в кустах, обнюхивали грибы и шарились в муравейнике. Один из них полез на поваленную сосну, а другой в прыжке, ухватив его за заднюю ногу, скинул с дерева. Сорвавшись на землю и больно ударившись о пень, медвежонок больно хватил третьего ни в чём не повинного брата за ухо, который взревел от боли. Ссора переходила уже в драку, пока второй виновный не нашёл под комлем дерева гнездо мышки. Они усердно разобрали её на три части, не обращая внимания на витающие запахи в округе.

Медведица замерла на месте. Чтобы разобраться в опасности, она поднялась на задние лапы. Малыши повторили её движение. Подставив ноздри ласковому ветерку, несшему терпкий запах вянущих листьев, мамаша уставилась своими маленькими глазенками в лодку, стучавшую мотором на всю округу. Увидев нас, а в ней меня и Максимку, медведица громко и отрывисто рявкнула, бросаясь в сторону.

Медвежата были далеки от тревог и забот матери. В бинокль было видно, как малыши вскочили на поваленный кедр и стали играть, стаскивая друг друга. Им не до проблем матери, опасности и забот, они занимались своими делами.

Встревоженная мать быстро вернулась к детям. Одного столкнула лапой с дерева, другого ткнула носом, а третьего, самого непослушного дёрнула так, что он покатился впереди всех. Скатившись в ложину, семья быстро перешла болото и исчезла в кедраче.

ГЛУХАРЬ

Я увидел его издалека. Сбавив скорость автомобиля, тихонько, исподволь побираюсь к нему. Он гулял по краю бетонной дороги из Радужного в Нижневартовск сам по себе, не обращая внимания на звуки мотора и шелест шин.

Наступает майский вечер, скоро стемнеет. Ему нужно набрать крупные камешки для того, чтобы переварить пищу на ночь. Свободно гуляя по песку, птица демонстрирует переливы оттенков перьев.

Земля только-только оттаяла, хотя по ночам весенний холодок ещё прихватывал песчаные окраины. Несмотря на ухабистую дорогу, не заглушая мотор, моя машина тихо прокатилась мимо боровой птицы, которая даже не подняла головы на шуршание шин. Петух, картинно выставляя ногу, медленно переступал по песку, словно боялся пропустить самый вкусный и большой камешек.

Неторопливо прошелся туда и обратно, обратил внимание на остановившуюся машину. На мгновение замер, собравшись в прыжок. Заметив, что из машины нет угрозы, пошёл дальше. Успокоившись, опять принялся за свои дела. Прошелся по бетону, недовольно прислушиваясь к работающему двигателю, пошел дальше по обочине по своим делам. Ему некогда, впереди холодная ночь.

ГЛУХАРКА

Фаниль пригласил меня приехать к нему на буровую:

- Посиди, посмотри на людей. Мне нужно знать о них твоё мнение. Отдохни, пообедай вместе с нами, поужинай, а поздним вечером поедем вместе домой. Лады?

Не успел завернуть за Самотлор, как из-за кустов черемухи, что пышно цвела у реки, вышли три нефтяника. Встали прямо на дороге, ни объехать, ни проехать, махнули рукой, пришлось остановиться.

- Тебе повезёт, раз не узнал нас, - засмеялся Фаниль, подходя к дверям машине. - Ладно, слезай, пойдём, погуляем пешочком. Машину твою отгонят на базу, не переживай, это мои парни. Хочу тебе показать одну вещь, только ты потерпи, это далековато. Накинь сетку, наши комары не чета городским. Хорошо?

Прошли горельник, по буеракам и логам, срезая путь напрямую, спускаясь к речке и убегая от неё, побрели по мху и багульнику. Под сапогами иногда и чавкало, а над головой в безветренном воздухе толклись комары, надоедливо носились крупные оводы, больно жала через рубашку. Низкорослые деревья стояли кучками, опустив листья, словно девицы на выданье.

Посредины болота, Фаниль повернулся ко мне и прижал указательный палец к губам. Мол, молчи, смотри, и отступил в сторону. Под плотным кустом багульника я увидел большой встревоженный глаз глухарки, а затем втянутую голову, почти сливавшуюся с гнездом.

Увидев меня, она привстала, потом медленно опустилась обратно. Я успел увидеть яйца – серо-зеленые, в частую тёмную крапинку, лежавшие в сухом уютном гнезде. Посчитать их не смог, настолько неожиданной была встреча. Я медленно присел, вглядываясь в безрассудную птицу, удивляясь её смелости и спокойствию. Обменялся взглядами с нефтяниками, перекинувшись несколькими ничего не значащими словами, пошли на базу.

Одуряюще сладко пахло примятым мхом и встревоженным багульником, да звенели пуще прежнего комары. Глупый овод встретился с моим лбом и упал мне под ноги. Глухое, дикое,

небольшое, клюквенное болото, спрятавшееся меж перелесков на Аганских увалах. Рядом черничник, прямо над гнездом стелется голубика, а на опушках красуются грибы – не просто грибы, а белые, крупные и сочные. Мы шли, спорили, ругались, доказывали друг другу несусветную чушь, а птице было не до нас. Ей надо вывести потомство, поднять на крыло стаю и встретить зиму.

ЛИСА

Ранний апрельский снежок, припушивший ветки и кустики, выбелил всю округу одним цветом. Только толстые сучья как-то сиротливо чернели среди белого безмолвия. Тишина, да и только.

Лиса, огненно-рыжая, выскочила из оврага прямо на него. Прошла мимо, не спеша, грациозно изогнув хвост. Не оглядываясь в нашу сторону, не обращая внимания на топот сапог. Она, насколько я понял, не видела нас, только почему-то постоянно озиралась назад и чуть в сторону. На виду всей нашей вооружённой братии спокойно прошествовала по опушке леса и спустилась в очередной овраг.

Фаниль, увидев данную сцену, потерял дар речи, лишь молча махал рукой. Прийдя в себя, разразился такой тирадой о любви к той рыжей, что даже не стал снимать ружьё с плеча. Разбуженный дятел сердито постучал по дереву прямо над его головой. Фаниль остановился, покрутился, снял шапочку и замолчал. Утро вступало в свои права, зачем шуметь.

ГАЛДЁЖ

Старый Вартовск млеет от нещадного майского солнца. Деревья, не успевшие распустить листочки, уныло стояли, не давая тени. Воздух, наполненный влагой, был неподвижен. От кучи навоза, что собраны на дальнем конце огорода, маревом поднимались испарения. Тихо, дремотно, уютно.

Расшалившиеся было куры, разбрелись по двору, выскивая мало-мальскую тень. Собака дремала в своей конуре, лишь выставив нос в отверстие. Полосатый кот осторожно вышагивал по бетонной плите, брезгливо обходя лужицы воды. Гусак, к которому имел неосторожность приблизиться котяра, так зашипел, что он взвился свечой на забор. От его дикого и истошного крика, выскочила собака и стала лаять на него. Вспокоившиеся куры, бросились со всех ног к навозной куче.

Только воробьи, сидевшие на противоположном заборе, с широко открытыми клювами, с вожделием поглядывали на тазик с чистой водой, который стоял на земле между собакой и котом. Собака полакала воды и тихо поплелась до конуры.

Серые бестии довольно шумно отреагировали на её неторопливость, но с забора боялись слезать, ибо про успокоившегося кота знали очень много. А он в свою очередь сделал вид, что уснул, закрывая по очереди то один, то другой глаз и наблюдая с ними и собакой. Стук кем-то брошенного камня, всполошил его с забора, и он исчез под тенетами сарайчика.

Воробьи тут же загалдели, овладели тазиком с водой и подняли такой галдёж, что собака, которая боролась крупным мослом, приподнялась с места. Лишь заскрипела дверь, как птички снялись с места и, вспорхнув, уселись на ближайшую березку.

Подарки от друзей

Л.Ю. Казаринов

ОЖИДАНИЕ

Осень нынче выдалась на удивление продолжительной и тёплой. Уже заготовлены на зиму грибы, клюква, брусника, а душа истосковалась по зимней рыбалке. Да и как тут не истосковаться, если за окном больше недели идёт нудный осенний дождик. Деревья стоят, как цыганки, в ярких нарядах. Есть в наших краях примета: если листья с деревьев не опадают, значит, придется ожидать скорых морозов чуть ли не к концу ноября. Хотя Север для нас

рыбаков не так уж и не предсказуем, но ведь бывают какие-то исключения из правил. Вот и сегодня ранним утром с надеждой подхожу к окну, надеясь увидеть первый пушистый снежок, но, увы, серые тучи усердно источают мелкий дождь.

Тому, кто не является заядлым зимним рыбаком, меня не понять. Конечно же, я люблю рыбалку в любое время года, но рыбалка зимой - это святое. Можно выбирать любое место на водоёме, а значит, не нужна лодка, нет комаров и мошки. А каким бывает вкусным чай из термоса на лёгком морозце, когда пьёшь его мелкими глотками, не забывая наблюдать за сторожками на удильниках. А окружающая природа! Глаз не оторвать от заснеженных деревьев, а воздух, настоящий на аромате хвои, такой, что дышишь, и надышаться не можешь. А клёв по первому льду! Это что-то!!!

Ну, вот опять разбередил душу. Первый лёд - это праздник, а к празднику надо основательно подготовиться. Прежде чем о рыбалке мечтать, надо снасти проверить, леску заменить, начистить мормышки и блёсенки до зеркального блеска. Отхожу от окна и решительным шагом иду в кладовку за ящиком и ледобуром.

СНАСТИ

Всякий раз, открывая ящик с зимними удочками, испытываю волнение и трепет. Это сравнимо только с тем ожиданием чуда в далёком детстве, когда я находил подарок под подушкой ко дню рождения. Старенький алюминиевый ящик. Ты уже потерял тот знаменитый заводской блеск, но я так привык к тебе, что, пожалуй, ни за что не поменяю даже на самый навороченный иностранный аналог. Сколько лет мы с тобой неразлучны? Возможно, лет ..., уже не помню, а если и вспомню, то только про себя.

Мой ящик! Ты стал частью меня, каждая вмятина на твоих боках мне до боли знакома и о каждой можно смело писать отдельный рассказ.

Открываю крышку и достаю удочки. Раскладываю их перед собой и ловлю себя на мысли, что каждая лежит строго по табели о рангах. Сердце щемит от мысли, что среди них нет моей любимицы. Моей первой удочки с открытой катушкой. Три года назад она сломалась, но уже без надежды на ремонт, в борьбе при вываживании щуки. Щуку я тогда всё же вытащил, хотя и с большим трудом, но за этот трофей пришлось заплатить слишком большую цену.

Ты, наверно помнишь, когда я кричал от радости первого крупного улова, как из ближайших кустов выскочил заспавшийся заяц и дал стрекача. От его быстроты я развернулся на 180 градусов, поскользнувшись на ровном месте, улегся на твоё жесткое ребро, а удочка оказалась подо мной. Нет, я тебя не виню, просто до сих пор при резких движениях появляется та самая боль.

Знаешь, радость победы всегда сменяется болью невозможной утраты. Чувство, которое я тогда испытал с потерей первой удочки, сравнимо только с потерей очень близкого человека. С детства приученный бережно относиться к вещам, я и сейчас неохотно впускаю в круг своего обихода новые вещи. Чтобы стать действительно родной и необходимой для меня, этой вещи надо дожидаться своей очереди. Поэтому всякий раз, начиная рыбалку, отдаю предпочтение удочкам-ветеранам, которые меня никогда не подведут, доставляя радость удачи и успеха. Только после того, как спадает первая волна рыбацкого азарта, наступает пора показать новым удочкам свою уловистость. Если им это не удаётся, я могу забыть о них на несколько недель, а то и месяцев. Конечно, я буду менять на них кивки, мормышки или блёсны, чтобы в следующий раз удочка могла реабилитироваться в моих глазах.

Решительно меняю леску на всех удочках, проверяю игру кивков под весом блёсен и бережно укладываю их в ящик, каждую на своё место. Ну, ладно, проверил твоё содержимое, успокоился, пора и честь знать – самое время привести в порядок ледобур. Отвинчиваю отверткой чуть прихваченные ржавчиной лезвия. Тщательно оттачиваю их на точильном камне до зеркального блеска и остроты бритвы. Проверяю запасные лезвия. Всё в порядке, к рыбалке готов.

Отношу снасти в кладовую и с чувством выполненного долга иду курить. А за окном всё тот же мелкий дождь, по стеклу текут капли, как слёзы, оставляя за собой извилистые следы. Осень что-то затянулась, ну да ничего зимы всё равно не миновать. Скорее бы...

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Суббота. Только что вернулся домой с работы. Сердце учащённо бьётся. Вот уже почти целую неделю стоит робкий морозец. Все мысли только о рыбалке, о первом выходе на первый лёд. Суеверно отгоняю мысли о рыбалке, боюсь сглазить. Север не предсказуем. Ветер за ночь может запросто поменять своё направление. С вечера дул с севера, а к утру стал дуть с юга, и всё. Оттепель, со всеми вытекающими последствиями, в один миг превратят снег в грязное месиво.

В комнату входит жена и протягивает трубку радиотелефона. На том конце провода слышу голос Михалыча. Не выдержал, позвонил первым. Каждый из нас услышал из современного аппарата то, что хотел услышать. Он предложил сделать вылазку на одно «болото», так Михалыч называет местные водоёмы, а я без колебания дал своё согласие. Договорились о времени и месте встречи. Быстро ужинаю и отправляюсь в кладовку. Достāju ящик и ледобур, попутно справляюсь у жены о местонахождении валенок, калош, ватных штанов и куртки. Складываю своё рыбацкое снаряжение в прихожей, нахожу термос и ставлю его на стол. Стараюсь ничего не забыть, чтобы рано утром уйти на рыбалку, не разбудив домочадцев.

Жена напоминает, чтобы я не привозил мелкую рыбу. Намёк понял – пленных не брать. Пленными в нашей семье называют окуньков размером меньше ладошки. Ложусь спать, но мне долго не удаётся заснуть. Ворочаюсь с боку на бок. Все мысли только о рыбалке. Наконец впадаю в тревожный сон, просыпаясь через каждые 30 – 40 минут. В очередной раз не выдерживаю, встаю, заливаю в термос свежий чай, одеваюсь и торопливо ухожу.

Выхожу на улицу и иду к месту встречи, сразу замечая машину Михалыча. Смотрю на часы. До условленного срока ещё пятнадцать минут. Михалыч курит сигарету, а багажник машины уже услужливо открыт. Крепко жмём, друг другу руки, загружаемся и садимся в машину.

- Я знал, что ты придёшь раньше! - сказал Михалыч, и мы тронулись с места. Кто-то из моих знакомых сказал, что все рыбаки больные люди. Мои друзья так не говорят, этим они и отличаются от общих знакомых.

В ПРЕДВКУШЕНИИ РЫБАЛКИ

Воскресенье.

Город ещё спит. Редкий пешеход мелькнёт на тротуаре. Машин тоже мало. Дорога свободна. Мы едем на первую в этом году зимнюю рыбалку. Перебивая друг друга, вспоминаем прошлый год. Настроение праздничное, адреналин щедрыми порциями поступает в кровь. Обмениваемся сомнениями насчёт безопасной толщины льда и тут же отгоняем, прочь эти крамольные мысли. Нет ничего более обидного, чем тонкий лёд, не выдерживающий вес человека.

Подъезжаем к «болоту». Беру ледобур и иду к водоёму. С волнением делаю пробную лунку. Лёд крепкий, семь сантиметров, не хрустит под моим весом. Смело можно открывать сезон. Все сомнения уходят прочь. Забираем снасти из багажника и бодро идём на лёд. Перво-наперво закуриваем сигареты. Чтобы удача не покинула нас. Рыболовы - люди суеверные, у каждого свои приметы. Ну, ловись рыбка: большая, не очень и очень большая.

ПЕРВЫЙ ЛЁД

По первому льду лунки сверлить одно удовольствие. Острые лезвия ледобура в два оборота делают своё дело, разбрасывая вокруг хрустальные кусочки льда. Лунки сделаны, и вот уже блёсны почти одновременно устремляются в чёрную воду. Процесс пошёл. С этого момента между мной и Михалычем начинается негласное соревнование. Пока рыба ещё не обозначила своего присутствия у меня, а вот у Михалыча на льду возле лунки уже трепещется первый окунёк. Ещё минута, и рядом с ним шлёпается шурёнок.

Это явилось последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Встаю и иду сверлить следующую лунку. Почему лунку? Потому, что в уловистости своей удочки я уверен на все сто. Если не клюнула рыба, значит, её там не было.

- Нет серийности, - говорит, ухмыляясь, Михалыч. - Если рыба не клюёт пять минут, надо менять лунку!

Эта реплика ещё сильнее подхлестнула моё уязвлённое самолюбие. Сверлю третью лунку. Блесна устремляется в чёрную воду и сразу же следует уверенная поклёвка. Снимаю с блесны окуня. Заброс и снова поклёвка. Окунь клюёт надёжно, уверенно и жадно. Настроение заметно улучшается.

Нет, я не завидую Михалычу, его удачливости. Он рыбак опытный, но и я не считаю себя начинающим рыболовом. Удача во многом зависит от выбранного места. Можно насверлить десяток лунок, а работать будет только одна. Перехожу от лунки к лунке. И в каждой новой лунке количество пойманных окуней увеличивается. Боковым зрением вижу, что теперь уже Михалыч начинает нервничать и перемещаться по водоёму.

Помня наказ жены, отпускаю мелких окуней обратно в лунку. На очередной лунке чувствую сильный удар по блесне. Леска натягивается, подсекаю, и вот уже жадный шурёнок бьётся на льду. Время на зимней рыбалке летит очень быстро. Михалыч зовёт попить чайку. Подтягиваюсь к нему. Мелкими глотками пьём ароматный чай, перебрасываемся короткими фразами.

- Ну, что! Лично я доволен нашей первой поездкой. Хотя, я думал шучка будет по первому льду клевать более активно, - говорит Михалыч.

- Да, но зато окунь сегодня превзошёл все ожидания, - говорю я, - Вон, сколько за день натаскали!

- Ты же знаешь, Леонид, я предпочитаю крупных окуней граммов, эдак на 400 и более граммов. Мне внучка наказала шучек. Она очень любит жареную щуку.

- Какие проблемы, Михалыч? Бери моих шурят. Мне вполне хватит окуней.

Порыбачив ещё немного, неспешно собираемся домой. Первый выезд на зимнюю рыбалку удался на славу. Договариваемся о следующей поездке на Савкино озеро. Мягко урчит мотор. Город уже проснулся, и машин на улицах прибавилось.

Возле своего дома выгружаюсь. Крепко жмём друг другу руки. Передаём обоюдные приветы супругам. Прощаемся. Поднимаюсь домой, где меня уже ждут с уловом жена и соседи. Гордо передаю жене увесистый пакет с окунями, заранее зная, что часть улова будет помещена в морозилку, а большая часть пойдёт на уху для соседей, которые с удовольствием почищают колючих «матросиков».

Коллективная уха под сто граммов - это тоже традиция, а традиции надо чтить, чтобы в следующий раз удача сопутствовала рыболову. Вот и пролетело воскресенье. Зимний сезон открыт. Рыбалка удалась. Отвёл душу, но не настолько, чтобы сказать: «Всё!».

САВКИНО ОЗЕРО

Мягко хрустит снежок под валенками. На озере нас только трое. Сегодня воскресенье. Озеро рядом с городом, ну, какие-нибудь десять километров. По нашим северным меркам в черте города. Сверлятся первые лунки. Активно работают блёсны, но поклёвок нет. У Михалыча и Коли окунь вяло стукнул по блесне и только. Стукнул - это не считается. Сверлю вторую лунку - тот же эффект. Третья лунка. Блесна устремляется в чёрную воду и сразу же уверенная поклёвка. Крупный окунь мягко шлёпнулся на снег возле лунки. Обрыбился.

Сразу же град вопросов со стороны менее удачливых попутчиков. Какая блесна, как клюнул со дна или в полводы?! Получив исчерпывающие ответы, наша дружная команда решила рассредоточиться. Эта тактика сразу же принесла свои плоды. Снег возле наших лунок стал покрываться кучками увесистых окуней.

А возле нашей машины уже появилась ещё одна, потом ещё и ещё. Народ проснулся и вспомнил, что кроме дома и домашних дел есть ещё масса других не менее приятных занятий. Савкино озеро имеет вытянутую форму. Есть куда пойти. Увлечённые ловлей окуней мы не

заметили, как ушлые рыбаки подтянулись к нам. И вот уже слева и справа от нас нарисовались их дружные содружества. Не даром среди рыбаков бытует мнение: меньше маши руками и не привлекаяй внимания менее удачливых рыболовов.

И тут один из вновь прибывших рыбаков радостно вскрикнул. Этот факт привлёк и наше внимание. Оказалось, что он стал счастливым обладателем щуки весом в два с половиной килограмма. А произошло следующее. Он опустил в лунку блесну и стал очищать её от снежной и ледяной крошки. В этот момент проплывающая мимо щука и позарилась на его блесну. Да, повезло мужику! А ведь она могла позариться и на наши снасти. Ну, да ладно.

Савкино озеро богато рыбой. Всем хватит, пришло время, пора и честь знать. Собираем пойманную рыбу и идём к машине. Последний раз окидываем взором озеро. Рыбаков явно прибавилось. По взмахам рук видно, что окунь активен. Подведя итоги рыбалки, констатируем тот факт, что молчаливый и менее эмоциональный Михалыч поймал больше всех. Ладно, в следующий раз посмотрим, кто удачливее. И снова рыбалка удалась. День прошёл не зря.

По окуням мы охотку сбили, пора хорошо отловиться по щучкам, да и моя жена больше радуется, когда я привожу домой щуку. Конечно, щуку проще чистить от чешуи, чем колючего окуня. Оказывается, эта идея со щукой пришла на ум не только мне. По пути домой точно такую же мысль озвучил и Михалыч. Он озвучил, а я просто согласился ехать с ним на Баграс. Не даром говорят, что рыбаки - родственные души и всё своё свободное время или ловят, или думают о рыбе.

БАГРАС

Баграс - небольшая речка, впадающая в Обь. Однако, для отсыпки нефтяных месторождений и дорог к нефтяным кустам в своё время потребовался песок. Подогнали мощные земснаряды, и небольшая речка покрылась каскадами карьеров. Во время весенних половодий карьеры зарыбились и стали излюбленным местом для рыбаков.

Вот на один из таких карьеров мы и отправились вчетвером в одно из воскресений. Михалыч подогнал машину прямо к самому карьере, поэтому нам осталось лишь спуститься по крутому склону на лёд. Меня пустили вперёд, чтобы проверить толщину льда. Сделав десяток шагов по снегу, я заметил, что на льду присутствует вода. Снега выпало очень много, и он, как огромное одеяло, покрыл пятнадцатисантиметровый лёд карьера. Если сделать лунку, вода под тяжестью снега начнёт вытекать на лёд. Хорошо, если на валенки надеты калоши, они защищают от воды, впитавшейся в нижние слои снежного покрова. Но сегодня только я и Михалыч были готовы к такому испытанию.

У Павла Альбертовича и Евгения Михайловича калош не было. Один был в унтах, а второй в валенках, но оба без калош. Для облегчения возникшей проблемы мы с Михалычем утрамбовали снежный покров так, чтобы наши друзья могли выйти на лёд, не замочив при этом свою обувь. Поэтому, мы с Михалычем имели, по сравнению с нашими попутчиками, явное преимущество в свободном перемещении по водоёму, тогда как они могли рыбачить только у самой кромки карьера. Пробурили лунки и начали рыбалку.

Я в этот раз решил испытать новинку сезона - горизонтальную блесну. Не успела блесна уйти под воду, как последовала мощная поклёвка. Всякий раз новая блесна приносила мне трофей в виде шурёнка. Новшеством сразу же заинтересовался Михалыч. Он внимательно изучил мою блесну, но продолжал ловить на вертикалку. Вообще, забегая вперёд, скажу, что Михалыч по натуре консерватор и скептически относится ко всем новинкам, предпочитая им проверенные временем снасти. После очередной мощной поклёвки я вытащил приличную щучку, но при этом моя горизонталка потеряла крылья из органического стекла, которые создавали планирование блесны в толщах воды. После потери планирующих крыльев уловистость блесны заметно упала, но, тем не менее, в этот день количество поклёвок на неё было больше, чем на традиционную вертикалку.

У наших друзей под берегом тоже были поклёвки, но их улов явно уступал нашему с Михалычем. Ведь мы были в постоянном движении и чередовали лов, как у берега, так и на глубине. Щука охотно цеплялась на наши блёсны. Мелкий шурёнок чередовался с более крупным экземпляром. К концу рыбалки я лишился своей уловистой блесны и вынужден был

перейти на традиционную блесну. Что было в итоге? Я оказался удачливее всех в улове. Горизонталку взяли на вооружение все участники рыбалки, даже великий скептик Михалыч. Что касается меня, то я взял горизонталку на вооружение, но без крыльев из органического стекла.

С появлением в арсенале Михалыча горизонтальной блесны, наши шансы в уловах уравнились. Такова жизнь. Я учусь у него, а он у меня. А в целом, это никак не сказалось на нашем рыбацком тандеме! Вот так!! Век лови, век учишь!!!

БЕЗЫМЯННОЕ ОЗЕРО

На территории нашего округа более сто тысяч озёр площадью более одного га. Соответственно, не возможно всем им дать своё персональное название. Поэтому проще в наших краях называть озеро по номеру нефтяного куста. Например, озеро № 1731. Но мой рассказ не об этом озере, хотя и про него можно написать несколько вполне интересных рассказов. Озеро, про которое я хочу рассказать, находится рядом с озером № 1731, но его официальное имя № 260 «А».

Вот на это озеро мы в своё время и съездили с моим другом Евгением. Вначале моему другу это озеро не понравилось. Почему? Да потому, что у меня клевал окунь, а у него нет. Причём окунь в этом озере такой чёрный, что даже полосок на его боках трудно разглядеть. Это связано с тем, что дно озера торфяное, тёмное. Пришлось объяснять другу эту прописную истину. Дело в том, что у меня в ящике несколько удочек. На каждой из них разные блёсны. Для озёр с песчаным дном блёсны тёмные (латунные или медные). Для озёр с торфяным дном блёсны соответственно светлые (стальные или серебряные). Приезжая на незнакомое озеро, я первым делом определяю, какого цвета блесну предпочитает местный окунь. Вот и сейчас, проведя нехитрый тест, я определил, что светлая блесна лучше заметна на тёмном дне. Мой друг поменял на своей удочке блесну, и дело пошло.

Мы рыбачили по последнему льду 11 мая. Лёд, хотя и был толстым, но уже напитан водой и представлял определённую опасность для рыболова. Тем более этой рыбалкой мы хотели закончить зимний сезон. Если утром на озере было прохладно, то ближе к обеду стало так тепло, что пришлось расстегнуть, а потом и снять тёплые куртки. Чем теплее становилось на озере, тем активнее становился клёв окуня. Окунь брал блесну жадно, не давая ей даже опуститься на дно. Создавалось такое чувство, что мы рыбачим в аквариуме.

При таком клёве, да при таком азарте нас скорее интересовало не количество пойманной рыбы, а сам процесс. В качестве трофеев мы забирали только экземпляры весом от 300 граммов и больше. Со стороны на нас было, наверное, смешно смотреть. Двое великовозрастных мальчишек махали удочками и кричали от восторга во всё горло. Картину дополняли чайки, которые нагло воровали у нас пойманную рыбу. Нам не было жалко рыбы вороватым птицам. Нам было радостно от такого фантастического клёва, от ласкового весеннего солнышка, оттого, что мы выбрались на природу, забыв на время про четыре стены, которые нам порядком надоели за долгую северную зиму. Собрали пойманную рыбу в пакеты и довольные вернулись к машине. Наши лица почернели от солнца. Ну, прямо северные негры.

Спасибо тебе, славное озерцо. Мы ещё вернёмся сюда и ещё раз попытаем удачу. Если не в этом году, то на следующий год точно. Всю дорогу домой мы с другом обменивались впечатлениями о проведённой на озере рыбалке. Жаль, конечно, что сезон зимней рыбалки закончился, но впереди летний отпуск, летняя рыбалка. Пора оснащать летние удочки и спиннинги. А это значит, что жизнь продолжается.

ПУТЕШЕСТВИЕ СИНБАДА

Путешествие Синбада – это авантурные рыбацкие похождения, которые состоялись в недавнем прошлом пешком через Обь на безымянные карьеры по инициативе Михалыча. В целях экономии бензина наша дружная рыбацкая ватага иногда делала выезды на общественном транспорте до Оби. Как всегда инициатором выступал Михалыч, а мы с Евгением Туевым соглашались с ним из-за солидарности. Обь, как таковая, нас не интересовала. Во-первых, сильное течение. Во-вторых, большая глубина. А в-третьих, чего греха таить, наши снасти были рассчитаны на озерную рыбалку, да и червей у нас на тот момент не было. В общем, авантюра - чистой воды!

Идём пешком через Обь, минуя рыбаков, сидящих на течении и надеющихся поймать язя или налима. Над рекой стоит туманная дымка от промоин на тех местах, где течение особенно сильное, при замечательной погоде. Светит солнышко, ветра, почти, нет. Замечаем на противоположном берегу три одинокие фигуры, а возле, них на небольшом расстоянии, важно прогуливающихся ворон. Давно замечено, что зимой вороны смещаются на Обь, подбирая и выклёвывая у старых замёрзших лунок колючих ершей и другую рыбу мелочь оставленную рыбаками. Всякий раз удивляюсь сообразительности этих птиц. Если рыбак не прячет в свой ящик или вешмешок пойманную рыбу, сообразительные вороны, без тени смущения и страха, подходят к нему со спины и забирают бесхозную рыбу. Порой увлечённый рыбалкой хозяин не придаёт этому никакого внимания, зато вороны не прощают разине допущенной оплошности. Вот и сегодня санитары водоёма, прогуливаясь с эдаким независимым видом, искали на льду простака в надежде поживиться на дармовщинку.

Подходим к протоке, вытекающей из карьера и замечая поставленные рыбаками жерлицы, а чуть дальше небольшое озерцо-блюдец диаметром десять на десять метров. Что-то подсознательно подсказывает мне, что это весьма перспективное место по предмет ловли, но наша цель карьер, а до него надо ещё пройти метров двести-триста. Идём по неглубокому снегу вдоль берега, замечая по пути звериные следы. Вот следы зайца, а вот лиса выписывала восьмёрки, пересекая заячий след. Интересно, удалось ли косому разминуться с рыжей? Судя по оставленным следам, зайцев здесь обитает много. Подлесок из молоденьких берёз и осин чередуется с открытыми пространствами, покрытыми высокой не скошенной травой. В неглубоком снегу хорошо видны норки и натоптанные мышинные тропки. А может быть, лисица вовсе и не интересовалась зайцем? Ведь мыши более доступная пища?!

Ну, вот и пришли. Сверлим первые лунки, но рыба не подаёт признаков своего присутствия. Перемещаясь с места на место, мы упорно ищем уловистое место. Примерно через час, нам это занятие порядком надоедает. Обращаю своё внимание на полоску открытой воды. Это участок протоки вытекающей из карьера. Место мелкое, течение промыло ледяной покров, давая возможность обитателям водоёма получить свою порцию свежего воздуха в условиях глухозимья. Так вот легкая рябь на поверхности открытой воды и привлекла моё внимание, а так как рыба всё равно не клевала, я решил прогуляться и выяснить, откуда она взялась при отсутствии ветра? Осторожно приближаюсь к кромке открытой воды. По ледяному припаю подхожу вплотную к вяло текущему водному потоку. И тут моему взору представляется следующая картина.

На сколько хватало взгляда, открытый участок был буквально забит косяками чебака и язя. При моём приближении рыба проворно ушла под тонкую ледяную кромку. Я замер, стою не шелохнусь, зачарованный открывшейся мне картиной. Буквально через минуту рыбный косяк медленно, со всеми предосторожностями, вновь появился на открытой воде, а спустя ещё пару минут весь открытый участок буквально почернел от рыбьих спин. Я понял, начался замор. Рыбе не хватало кислорода подо льдом, а тут уж не до еды.

Ну, чего там, Леонид? – кричит Михалыч мне?

Не будет сегодня рыбалки! – кричу я ему в ответ.

Рыбий косяк стремительно уходит под лёд. Удивительное дело. Карьер, вроде, проточный, а рыба в нём задыхается. Но самое обидное, не хочется возвращаться домой без рыбы. Присаживаюсь на корточки, закуриваю сигарету и смотрю на медленно текущую воду. Вдруг, буквально в метре от меня из подо льда на открытое место вяло выплыл судак. Он плыл очень медленно по мелководью, а его спинной плавник, словно парус рыбацкой лодки, возвышался над водой. На меня он совершенно не обращал никакого внимания. Вот судак остановился, буквально напротив и мне оставалось только взять его голыми руками. При этом рыба совершенно не предприняла никаких попыток уйти в глубину. Не успел я порадоваться подарку судьбы, как из-под льда появился второй судак. Он был немного меньше по размерам, чем первый, но всё повторилось в той же последовательности. Радости моей не было предела. Я подхватил судаков под жабры, крикнул друзьям и гордо продемонстрировал им свой улов. Это

произвело на них определённое впечатление. Быстро собравшись, они присоединились ко мне. То, что рыба в водоёме есть, было очевидно, но как заставить её клевать, не имея червей и летних удочек?

В метрах тридцати от открытой воды мы увидели рыбака, который успешно ловил чебака и язей. В надежде тоже стать счастливыми обладателями рыбы мы отправились к нему. Оказалось, что он ловит на «косынки». Это местная, усовершенствованная версия экрана. Сталистый прут в форме раскрытой булавки оборудуется коротким куском сети с размерами ячеей 30-40 мм, который крепится прочным шнуром с веткой-кивком. Сама ветка крепится в холмике снега рядом с лункой, имея красный флажок на вершинке для сигнализации поклёвки рыбы. Дела у рыбака шли успешно. Каждая косынка приносила ему за один раз как минимум по пять-шесть увесистых чебаков. Сверлим лунки и пытаемся крупными блёснами забавить рыбу, но у нас из этого ничего не выходит.

Многие могут упрекнуть нас в неспортивном поведении при ловле рыбы в глухозимье. Мол, это не рыбаки, а браконьеры какие-то. Во-первых, браконьеры ловят без разбора и на продажу. Во-вторых, в Западной Сибири заморы рыбы на замкнутых, непроточных водоёмах случаются довольно часто. Примерно, один раз в три-четыре года. Поэтому, рыбаки, делая лунки в ледяном покрове таких водоёмов, улучшают кислородный режим и тем самым помогают части рыбьей молодежи выжить в этих тяжёлых условиях. В-третьих, за зиму мы закармливали домашних окунем и щучками, а тут белорыбница, какое ни есть, а разнообразие. Ведь, если чебака правильно засолить и завялить, да ещё и друзей угостить – это нечто!

Михалыч решительно собирает снасти и уходит на то небольшое озерцо-блюдце, которое мы в самом начале рыбалки проигнорировали на предмет ловли. Нам с Евгением понравился размер чебака, и уходить не хотелось. Случайно, у кромки берега замечаю старую сеть. Выбираем наиболее сохранившийся пятиметровый кусок и мастерим из него подобие бредня, используя кем-то брошенные шести. Просим у рыбака пешню и неспешно начинаем вырубать вблизи промоины прорубь-канал на длину нашего импровизированного бредня и шириной полметра. Работаем осторожно. Лёд тонкий. Наконец, все приготовления закончились и мы, слегка натянув наш бредень, втыкаем шести в дно. Ну, ловись рыба большая и очень большая!

Вдали слышится рёв моторов, затем появляются два «Бурана» с новыми рыбаками. Останавливаются рядом с нами, интересуются уловом. Нам с Евгением похвалиться ещё не чем, а вот наш более удачливый сосед демонстрирует им свой рюкзак с рыбой. Подъехавшие рыбаки достали две пешни и устремились к занесённым снегом вешкам. Разгребли снег и быстро вскрыли два аккуратных оконца во льду. Мы с любопытством подошли поближе, чтобы увидеть какой улов ждёт вновь прибывших рыбаков на заранее поставленную стометровую сеть. Мужички, со знанием дела, стали сновистово выбирать сеть. Нам с Евгением ещё ни разу не представлялся случай наблюдать постановку и выборку сетей зимой. Сеть аккуратно ложится на заранее уложенную клеёнку, но рыбы в ней нет. Уже выбрано половина сети. Наконец появляется запутавшийся в ячейх двухкилограммовый язь, потом, крупный лещ и вновь пустая сеть. Рыбачки явно не довольны своим уловом. Хотелось бы больше, но ничего не поделаешь. Сеть устанавливается на прежнее место, майны засыпаются снегом, обновляются вешки и вот уже «Бураны» увозят своих хозяев назад в город, а может быть к другим сетям. Наш сосед собирает свои снасти, тяжело взваливает на плечи увесистый рюкзак и, пожелав нам удачи, уходит в сторону города.

За всеми этими событиями мы совершенно забыли о своей хитрой снасти. А напрасно. Шести, которые мы воткнули в дно, покосились и шатались из стороны в сторону. Безо всякой команды мы бросились к ним, почти, одновременно, дружно ухватились и вытянули на лёд. Улов превзошёл все ожидания, и радости нашей не было предела. Буквально весь кусок сети был забит рыбой. Крупного язя и чебака мы оставляли на льду, а более мелкую рыбу отправляли обратно в воду. Разобравшись со своим уловом, мы вновь установили бредень в прорубь. В чувство нас привел странный писк. Прямо на берегу, буквально в десяти шагах от нас, стоял пёсец. Он был белоснежно белым, бегал из стороны в сторону и жалобно скулил. Причём, он смотрел не на нас, а на рыбу.

- Смотри! Пёсец! Голодный, наверное? Есть хочет! – сказал я.

- Давай, дадим ему рыбу! – ответил Евгений и, не дожидаясь моего согласия, бросил пёсцу крупного чебака.

Пёсец проворно схватил рыбину и убежал с ней вверх по крутому берегу, а мы вновь вернулись к своей снасти. И снова улов превзошёл все ожидания, и вновь пёсец своим писком обозначил своё присутствие. Получив очередного чебака, он также стремительно убежал, как и

в первый раз. Ну, а мы решили в последний раз закинуть свою снасть. Как говориться – бог любит троицу!

Бредень свёрнут, рыба уложена по ящикам и пакетам. Пора идти домой, но тут мы снова слышим знакомый писк. Песец вышел на лёд и стоял уже в пяти шагах от нас. Кидаем ему рыбину и идём по тропинке на выход из карьера. Потом, не договариваясь, оба оборачиваемся и видим, как песец стоит на берегу с добычей в зубах и смотрит нам в след. Не скучай, будет новый день, – будет новая пища! А идти-то тяжело! Видать, пожадничали. Но ничего своя ноша не в тягость.

Вот и Обь, а на выходе из карьера, на озерке-блюдце сидит Михалыч. Дождался, не бросил, настоящий рыбак! Увидев нас, он быстро собирается и присоединяется к общей группе. Идём по Оби. Михалыч належке, а мы изрядно вспотевшие. Пересекаем Обь. Вот и остановка автобуса № 14. Стоим, курим, общаемся по поводу прошедшей рыбалки. Все довольны. Мы довольны, что наловили нетрадиционным способом чебака и язья.

Михалыч, который принципиально не рыбачит на всё то, что не является простой зимней удочкой, наловил окуней и даже пару-тройку стерлядок. Нам немного стыдно перед ним, что сегодня, используя нетрадиционные снасти, обловили его количественно, но никак не качественно. Ну, прости нас, Михалыч, за то, что мы поддались соблазну. Он, конечно, прощает нас. Ну, что с нас молодняка взять? Азартные.

Взяли рыбу на халяву, но в следующий раз... Мы поняли, что, Михалыч простил нас, простил нам нашу слабость. Спасибо тебе, Михалыч! Рыбалка должна быть честной до конца и не всегда количество оправдывает качество. Идём домой, с рыбой, но тот кураж, который нас преследовал там, на карьере, закончился. Нет, Михалыч прав! Рыбалка при всём своём раскладе должна быть честной и по-настоящему спортивной! Мы всё поняли без слов, Михалыч! Спасибо тебе за науку! Мы исправимся! Честное слово исправимся!

КАРЬЕР № 66

Созвонившись накануне, я со своим другом Евгением Туевым едем осваивать новый водоём. Он уже бывал на этом карьере, но летом и со спиннингом. Мне, откровенно говоря, не хотелось ехать так далеко, да ещё по перволедку, ведь активный клёв можно было организовать и поближе к городу. Но Евгений настоял, и я, в конце концов, согласился.

36 километр Самотлорского шоссе, поворот на карьер и вот мы на месте. Сразу замечаем большое скопление рыбаков на довольно таки тонком льду. Судя, по количеству пойманной рыбы вокруг них клёв был достаточно активным. Разбираем снасти и напрямую идём к скоплению рыбаков.

Погода просто замечательная: ярко светит солнышко, нет ветра. На прибрежных, покрытых белой, искрящейся на солнце, изморосью деревьях сидят вороны и лениво каркают, перелетая с места на место. Однако, лёд предательски похрустывает под ногами. Этого следовало ожидать, ведь карьер довольно глубокий, а над глубокими местами в водоёме всегда лёд не такой толстый, как у берега. Осторожно перебирая ногами, приближаемся к рыболовам.

- Ну, что, мужики, как глубина? – спросил Евгений. Мне самому стало смешно от этого нелепого вопроса. Карьеры, обычно, бывают глубокими, ведь для отсыпки лежнёвок на буровые требуется много песка. Ближайший к нам рыбацёк не страдал отсутствием чувства юмора.

- Не бойся земляк. Метров семь не больше. Только ближе не подходи, а то я сегодня плавки дома забыл.

Согласно неписаным рыбацким законам, мы уходим в сторону и сверлим лунки. Лёд тонковат, около трёх – четырёх сантиметров. Насаживаем червей и неспешно опускаем мормышки в воду, измеряя попутно глубину. Действительно, глубина около семи метров. Чуть приподнимаем наживку от дна и начинаем снаряжать вторую удочку, продельывая те же манипуляции. Усаживаюсь удобнее на ящик, так, чтобы обе удочки, в рядом просверленных лунках, были в полосе наблюдения и замираем в ожидании первых поклёвок. Сторожок на первой удочке оживился, всем своим видом давая понять, что пора подсекать.

Подсекаю, чувствуя на другом конце сильные толчки рыбы, боковым зрением замечая, что сторожок на второй удочке тоже нервно задёргался. Подсекаю вторую рыбу, но удочку оставляю в покое, надо ещё с первой разобраться. Кажется, целую вечность выбираю леску из лунки, прежде чем на льду появляется первый чебак. Снимаю его с крючка и отбрасываю в сторону так, чтобы он не запутал леску и сразу же начинаю выводить рыбу на второй удочке. Сердце радостно бьётся в груди. Язь оказался крупнее первого чебака. Поправляю червей на

крючках и по очереди опускаю снасти в лунки. Однако, вскоре со второй удочкой пришлось расстаться. Большая глубина и активный клёв делали рыбалку двумя удочками менее результативной. Постепенно клёв снизился, давая мне передышку.

Закуриваю сигарету и окидываю взглядом соседей. У них тоже временное затишье. Рыба клюёт, но паузы в поклёвках уже не такие короткие. На всякий случай проверяю целостность червя. В чём дело? Может, стая сместилась на другое место? Интересуюсь, как идут дела у Евгения. Нетерпеливые рыбаки начинают расходиться по сторонам. Сверлятся новые лунки, но результат прежний. Рыба клюёт, но нет серийности, как говорит Михалыч.

Достаю из ящика удочку с блесной и опускаю её во вторую лунку. Резкий удар и на лёд шлёпается крупный окунь. Красавец. Тело светлое с чёткими чёрными полосками, ярко красные плавники и хвост. Снова бросаю блесну и снова резкий удар. Кучка окуней возле моей лунки быстро увеличивается. Евгений тоже перешёл на блеснение, по-детски радуясь каждому пойманному матросику. Но, вскоре окупёвый жор закончился, и вновь оживился чебак. Всё ясно. Окупёвая стая, привлечённая скоплением белорыбицы, решила тоже принять участие в рыбалке. А может, не только окунь был привлечен скоплением чебака?

Зимний день короток. Вроде бы только приехали, а уже пора собираться домой. Собираем в ящики пойманную рыбу, сматываем удочки и отправляемся к машине. Соблюдая осторожность, продвигаемся по тонкому льду по веренице нами же оставленными утром следов. Возле машины замечаем стайку снегирей, которые основательно обосновались на молоденькой рябине щедро покрытой спелыми гроздьями ягод.

Юркие птахи не обращали на нас ни какого внимания. Снег под рябиной был покрыт ярко-красной шелухой, а сами снегيري напоминали мелкие красновато-серые яблоки. Ну, просто вороватые воробьи, испачкавшиеся обильной трапезой. Не спешно грузим в машину рыбацкие пожитки. На льду карьера остались только самые азартные рыбаки или, может быть, вахтовики с близлежащих нефтяных кустов.

Возле оставленных рыбаками, лунок деловито снуют вороны, подбирая мелких ершей, то и дело, наскაკивая друг на друга, не поделившие между собой дармовое угощение. Мотор прогреет, садимся в машину и едем домой, обмениваясь по дороге своими впечатлениями о рыбалке. День удался. Жаль, что на природу удаётся выбраться только по воскресениям, но и этой поездки вполне хватает, чтобы зарядиться положительными эмоциями на следующую трудовую неделю.

У. Ф. Яннуров

ЕГОРЫЧ

Запоздалая зима пришла неожиданно и негаданно. Просто среди ноября солнечное небо нахмурилось, подул сильный северный ветер, который к утру выбелил всю округу. Ранним утром хозяин двора, натаскав корма для скотины, напоив их подогретой водой, расчистил двор, пробил дорожки до колодца и к общей дороге. Соседей не было видно, они и раньше имели привычку спать до мычания застоявшихся коров. Пройдя по знакомым тропинкам, натоптанным им и зверьем за пятьдесят лет так называемой «совместной жизни», он замечал любой след. Вот куропатки завтракали в кустиках малорослых осинок, вон сидят на виду вдоль речки косачи, на краю березово-осинового колка сторожит свой выводок дежурный глухарь. Зима она есть зима, голодно в тайге, вот и прибавается зверье к речке, полной рыбы, не отказывается и от угощенья деревенского мужика. Ох, не с проста, он кучками сыплет ягодой – брусничкой, черничкой, где и зерен ячменя и пшеницы добавит. Ему не жалко, зато будет рада Якимовна, его старушка свежему птичьему мяску на Новый год.

Уже целую неделю мело мелким снегом, засыпая лощины и буераки, вызывая у охотника бурю протеста. В перелесках осины и берез выросли огромные кучи, что некоторые из них при оттепели можно использовать, как трамплин. Егорыч, покидав для виду выпавший за ночь снег за пределами ворот, медленно оглядел всю округу. Что-то в нем сидело упорно и зло, не давая расслабиться. Чувствуя внутреннюю злость, цыкнул на собаку, подозрительно посмотрел на Якимовну. Старушка была занята делом, основательно готовилась к утренней дойке. Покрутившись, хозяин засобирался в деревенский магазин, который ещё был закрыт. Покрутившись возле неё, Егорыч упорно дождался истопника клуба-школы Яшку, не зная о том, что у того очередной праздник по какому-то поводу.

Ранним утром уехал, заночевавший было брат, глава района. Засиделись допоздна. Моложе его на пять лет, родственник, часто приезжал к нему за советами по тем или иным вопросам. На этот раз прибыл со свитой в пять человек, чтобы отметить событие – привез в подарок

курковую горизонталку, двухствольную Ижевку, патронтаж, высыпал на стол пачки с патронами из цветных пластиковых гильз. И недаром. Услышав, что на Аганских увалах прошлой осенью появился лохматый и облезлый медведь, брат попросил Егорыча освободить деревню от хозяина тайги. Старенький живодег гонял весной коров по бутрам, пугал старушек летом, собиравших землянику да грибы на косогорах, то таскал зимой деревенских собак из крайних домов села, но этой осенью исчез совсем. Увидев бесценный презент, Якимовна взмахнула руками и быстро спустилась в подпол, доставать свои припасы. Егорыч, крикнув себе под нос, побежал в баньку, где он обычно прятал свои сбережения в виде самогона. Самодельная отравка, как выражался его брат Николай, была особая: настоящая на семи травах, вычищенная на кедровых орешках.

***

Прошлым летом, опять таки помог брат, он приобрел телегу в поселке Покур, где по случаю гостил у старого друга. Она была вся ржавая, колеса ссохлись, каркас сгнил. Вот этот хлам Егорыч привез домой и начал его восстанавливать. Брат Николай прислал ему сварщика, который быстро наварил остов, дышла, протянул растяжки и вечером, накачанный самогоном еле уселся в машину, которую прислали за ним. Старик поил его не зря, парень оказалсямышсленный. На телеге он установил пружины от «Жигулей», не забыл приварить и крепления для рессор, чтобы был мягкий ход. Диковинка для северной деревушки в десять домов, запряженной пароконкой, служила ему исправно. Он выезжал ранним утром из селения, собирая всех старух, приезжая к обеду на трассу к рейсовому автобусу. Они продавали картошку проезжим, особо радовались вахтовики, закупая грибы и ягоды. Не отказывались и от самогона Егорыча. Возвращались медленно, плукая по косогорам, собирая только им знакомые травы, а хозяин телеги сопровождал их до самой окраины села, держа в руках старенькое ружьишко, которое иногда отказывало. Телегу старик решил усовершенствовать, ибо старуха однажды заявила ему, что холодно ей ездить на телеге и продует «наскрозь». Вот это «наскрозь», когда повторяется женщиной утром и вечером в течение недели, довершило терпение Егорыча, доведя его до белого каления.

Он съездил в Тюмень, на городской свалке он нашел остов легковой машины. Выкупил у охранника, оформил бумаги и через знакомого брата привез домой. Это старье когда-то гордо называлось «Победа». Если бы не ржавчина и некоторые выпуклые места, корпус машины встал на неё, словно все время ждал только этот момент. Советчики-соседи, после впрыскивания первой бутылки первача Егорыча, разошлись по домам, собирать инструмент для работы. Болты, гвозди, наждак, что у кого есть, у одного даже нашлась давно потерянная ручная дрель. Обшарпанная «Победа» стала принимать нормальный вид, когда навесили дверки на проемы для колес. Туда можно было ставить бабкины корзины. Нашли ДВП и клеенку для дверей, лист плексигласа для окон, только из-за краски разгорелась война на три дома, подтвержденная новой литровкой самодельной отравы.

***

Вопрос о покраске был решен подъехавшим братом, который, соскочив со своей машины «Лендровер», побежал навстречу поссорившимся соседям. Кое-как успокоив «распалившихся» старичков новой бутылкой водки, он куда-то позвонил. Через час телегу вместе с кузовом от «Победы» быстро погрузив на грузовую машину, увезли на СТО в город.

Через месяц кто-то позвонил Егорычу и просил забрать его тарантас. Так и сказал: «Ваш тарантас уже два дня стоит на улице. Заберите его, за неё уже дают большие деньги с соседнего села разные товарищи». Накинув на лошадей упряжь, опять же это дело рук брата, Егорыч ранним утром кое-как забрался на пегую лошадку и тронулся в не ближний путь, всего пятьдесят километров. Припряганные две бутылки самогона пришлись работникам СТО в пору: они не выдавали его тарантас без откупных. Отворив ворота одного из гаражей, юркие парни выкатили ему телегу, запрягли коней и улеглись вповалку от смеха. Кузов выскоблили, вычистили от ржавчины и на два раза покрасили черной краской. Проемы колес заделали металлическими дверцами, поставили сиденья от старой «Волги». Двигательный отсек отрезали совсем, даже стеклоочиститель оставили на месте. Вместо прежних колес, они поставили на телегу колеса от мотоцикла «Ирбит».

У въезда в село, собрались все старики и старушки села. Старый Макарыч с женой, Игнатъич с заботливой напарницей, его старуха и трое сердобольных соседок с вечно холостым

Яшкой-истопником клуба-школы. За добротным накрытым столом ждали только его. «Это дело рук брата», - подумал Егорыч, увидев Николая. Все село обступило его тарантас, цокая языком, щупая железо, хитро подсмеиваясь над растерявшимся стариком. В ознаменование возвращения своего старика, Якимовна даже затопила баньку.

- Егорыч, ты уж теперь построй гараж, а к нему добавь стойло для лошадей. Заехал, отстегнул их, упряжь можно не снимать до следующего выезда. Только заправь их, то есть, подкинь сена и все, - не унимался хромоногий сосед Яшка по дому слева. - Хочешь, немного земли тебе отдам насовсем для крытого гаража, чтобы ездить на твоём тарантасе до трассы. Ты посмотри на него, даже бровью не поведет. Егорыч, готовься, сегодня тебе приготовлена праздничная банька. Сам видел, как старалась твоя старуха. Хотел ей помочь, так она зыркнула на меня, что отпало желание помочь. Якимовна будет тебе спинку тереть, да и разные места тоже. Ну, держись.

- Не переживай Егорыч, чего голову опустил, первый раз, что ли паришься с бабкой. Посмотри на Яшку, почти каждый день под хмельком, а старушки поселка к нему льнут, как мухи на заразу. Если он, не даст тебе задний створ земли, то справа у меня есть немного землицы, бери его, там гараж будет отменный, - съязвил сосед по дому справа. - Якимовна, чего раскраснелась и покрылась цветными пятнами. Вот и на твоей улице праздник, теперь у тебя есть легкий тарантас, будешь ездить одна на ней, как в кино знаменитая артистка. Хочешь, открой окна, если жарко. Не хочешь - закрой от сквозняков. Вот только одна беда, летом сено не на чем будет возить. Якимыч, как быть-то?

- Охолонь от него, соседи. Хватит язвить, сено он будет возить на крыше машины. Егорыч, у меня в гараже лежит багажник от «Волги», помнишь, сын оставил, как раз на полтонны сена, - рассмешил его сосед напротив.

Даже терпеливый Николай, хохотал до слез, видя добродушные лица земляков, и слушая немудреную речь простоватых на вид стариков, подсоленную крепкой приправой колкостей. Он и сам из таких, просто правила жизни в городе научили его быть хитрым и жестким.

***

Вытащив лыжи из предбанника, нагрев паяльную лампу, стал обрабатывать их. Мастеровитый Егорыч был нужен всем, кто отделывал или строил дом. Наличники на окна, резьба по дереву на балконах, модных нынче, столы, табуретки из отварных досок – это все дело рук умельца. Он мог работать с доской так, что она сама принимала форму бочки. Начал мастерить сани, но почему-то руки до него так и не дошли, заедала суета по хозяйству – то коней напои, то вычисти стойло, надо сено натаскать, воды нагреть. А там еще есть и свиньи с потомством, корова, два телка и бычок.

После обеда, встав на лыжи, решил прогуляться в ближайший березняк, чтобы поставить петли на зайцев. А охотником старик был отменным, стрелял только на последний случай. Следов было много: рябчики кормились под деревьями, куропатки, осторожно квохча, не спеша, удалились от старика. Увидев несколько заячьих следов, Егорыч последовал вдоль них, чтобы определить общий входной след на опушку леса. Расставив три петли из прочной шелковой веревочки, старик ушел в сторону. Возле самой толстой березы, утопав снег, насыпал горку брусники и установил на проходах еще несколько петель на птиц. Оглядевшись по сторонам, пожилой человек обратил внимание на дым, поднимающийся до небес из труб из деревеньки. «Холодно будет завтра, надо предупредить старуху и пораньше проверить петли, - подумал он, заглядываясь на закатное солнце. - Ветер дует с востока, значит, будет ясное небо и высокое давление».

***

На следующее утро его ждала удача – три зайца и четыре боровых птицы были сняты с петель. Но на этом везение закончилось. Несколько дней по тайге гуляла пурга, за которой пришли декабрьские предновогодние морозы. Все его петли были пустыми, вокруг валялись перья птиц, заячья шерсть и следы то ли молодого волка, то ли пса. Его след держался вдоль крепкого наста и уходил в вековую тайгу. Егорыч через два-три дня уже чувствовал его взгляд на своей спине. Стараясь не выдавать себя, он осторожно оглядывал всю округу. Но зверь был очень чутким и умным, старался зря себя не выдавать и не показываться на глаза охотника. Ползими охотник ставил петли, но ни разу не взял добычи, его у него отнимали каждый раз.

В конце февраля, когда морозы унялись, зверь неведомым образом исчез. На петлях появились «косые», тетерки, куропатки и другие охотничьи трофеи. Если старика раньше

донимал горький вопрос о воровстве, то теперь не уходила навязчивая мысль, куда, мол, делась воровка. Наутро, тепло одевшись, да натянув на себя непромокаемый рыбацкий костюм до пояса, встал на лыжи. Он решил найти зимнюю обидчицу, поэтому взял буханку хлеба, отваренного рябчика, ушел за селение. Никто его не видел, в такую рань все спали. Сняв с петель новых рябчиков, он зарядил их снова. Уложив в вещмешок всю добычу, стал искать причину исчезновения соперника. Пройдя всего несколько километров, Егорыч решил отдохнуть, вскипятить чайник и поесть, как увидел старый знакомый след. Пройдя по нему некоторое расстояние, он его снова потерял. Вернувшись обратно, снова встал на след. Устав от бесцельных поисков, утопав снег, развел костер, повесил чайник. Присев на пенек, стал раздумывать, как увидел какую-то нору.

***

Охотничий интерес был настолько велик, что старик потерял всякую осторожность. Встав на лыжи, стал раскапывать нору палками. Вскоре снял одну лыжину, стал усердно откидывать лежалый снег и почувствовал, что он скатывается куда-то вниз. Наверху остался только чайник. Удушливый смрад и темнота окутали его сразу. Егорыч вспомнил, что раньше в этих краях колхозники построили скотоогильник, в который он и попал. Испарения, запахи, сырость небольшой, но очень высокой ямы не позволяли ему выбраться. Когда глаза привыкли к темноте, охотник увидел против себя пару светящихся глаз. Сорвав с плеча ружьё, он нечаянно нажал на спуск. Зверь уже приготовился броситься на него, как раздался выстрел его ружья. Видимо, при падении, он нечаянно взвел один из курков. По рычанию зверя он понял, что это одичавшая собака. Вспомнив о рябчиках в вещмешке, Егорыч достал одну их птиц и кинул тушку ей.

Что только не делал человек в первый день: стрелял в воздух, собирал жижу из старого медведя под ноги, чтобы добраться до края трехметровой ямы, но все тщетно. На второй день поломанной лыжиной скреб отвесные стены, роя мерзлую землю. Нож поломался под его весом, когда, воткнув его в землю, старался подтянуться при помощи него наверх. Устав от тщетных попыток, присел на жижу. Охотник засыпал, уже не мог стоять. В нем бродили смутные мысли о неизменности пути, теплая постель и горячий чай. Тело привалилось к мерзлой стенке, седая голова в шапке откинулась к ней затылком, и застыло на некоторое время. Разбудило его ворчание голодной собаки, которая сидела неподвижно в другом углу скотоогильника.

На третий день начал быстро таять снег под напором южного ветра. Яма стала понемногу наполняться талой водой. Сменив свое направление, западник подбросил ещё немного снега и укрыл могильник совсем. Утренний ветер немного подморозил землю, накрыв плотной коркой и без того влажный снег. Охотник, прыгая на месте, кое-как пробил поломанной лыжиной дырку сквозь толщу снега.

Как-то подкармливая собаку, Егорыч обратил внимание на то, что животное тянется к нему. Темнота, жизнь и смерть породнили их. Определенного страха не было, они не видели друг в друге врага. На четвертый день, написав на отломленной лыже, записку своей кровью, привязав на шею своим ремнем, он каким-то чудом смог выбросить собаку из ямы. Сколько ни пугал собаку, даже целился в неё, она, отбежав, возвращалась обратно и сидела намертво у ямы. Запорошенная сверху толстым слоем снега, яма возле окраины тайги стойко хранила свои тайны. Его хранила выдержка и упорство.

***

На второй день к Егорычу зашел сосед, проживавший напротив. Узнав, что он не вернулся с охоты, забеспокоился и стал обходить все дома подряд. Все знали, что он один из лучших охотников округа и надеялись, что к вечеру второго дня вернется сам. Обеспокоенная Якимовна ночью дозвонилась до Николая, который, примчавшись в село, поднял всех на ноги. Активные движения начались только на третий день, когда съехались люди из города. Разделив всю территорию на участки, охотники, односельчане уходили на поиски. Вся округа наполнилась стрельбой, грохотом тракторов и ГТТ. Приехали даже солдаты во главе с полковником МЧС, который потребовал выделить ему участок для поисков. Прочесывали овраги, логи и заросли.

Среди всех поисковиков находился и молодой парнишка, который только окончил институт и начал работать в школе. Урал Яннуров, так звали его, сев за руль «Нивы», вместе с Николаем

мотался по всей таежной округе. Однажды обратил внимание брата Егорыча на собаку, которая сидела у небольшого снежного пригорка.

- Не обращай внимания, раньше здесь был скотомогильник, собака, видимо, местная, что-то учуяла, - сказал раздраженно Николай. Проезжая достаточно далеко, Урал не заметил чайника, поэтому проскочил быстро на другую поляну. Возвращаясь поздно вечером обратно, парень увидел собаку, неподвижно сидевшую на том же месте.

- Николай Егорович, собака, как сидела, так и сидит на том же месте. По-моему у него на шее висит половина лыжи. Может, пойдём, глянем, - попросил Урал.

- Тебе, что больше нечего делать, как собак проверять. Приедем, отдашь машину моему шоферу, а сам иди отдыхать, - раздраженно выкрикнул Николай.

Всю ночь ворочался Урал на жесткой кровати, ему снилась собака, то бежавшая за автомобилем «Нива», то убегающая от тарантаса, которые стояли этой ночью во дворе охотника под навесом. На пятый день ранним утром, сполоснув лицо, попил холодной воды и пошел к соседу охотника, Игнатьичу, чтобы попросить ружьё.

Предупредив его, он быстро двинулся по утреннему морозцу напрямую к собаке. Уже подходя к ней, заметил тарантас Егорыча, катившейся ему вслед. Пара давно застоявшихся коней легко тянули произведение искусства местного умельца, догоняя уставшего парня. Собака повилыла ему хвостом, нехотя встала, твякнула в снежную нору, откуда позже раздался выстрел. Соскочившие с тарантаса четыре мужика, быстро раскидали снег, бревна и увидели старика, прислонившегося к мерзлой стене.

Вытащив его, пропахшего гнилью из ямы, ребята стянули с него рыбацкий костюм. Они все что-то ему говорили, а он искал глазами кого-то. Посмотрев на Урала благодарными глазами, охотник жестами попросил его поймать собаку. Животное, понимая, что разговор идет о ней, поднялось на ноги, быстро исчезло в таежных нагромождениях. Полгода искал охотник случайного спасителя, но он так и не появился в этих краях.

РЯБЧИК

Кто такой рябчик известно всем или почти всем. Гурманы обожают его мясо, которое всегда считается деликатесом. Но его надо добыть, обработать, привезти и приготовить. Поэтому охота на него занимает особое место в моей жизни осенью.

В конце марта - начале апреля, когда приходит первое тепло, а на опушках появляются первые проталины, у рябчиков начинается ток. Петушки подают свои мелодичные голоса подобно глухарям и тетеревам, начинают бродить пол снегу, распустив веером хвост и опустив крылья. Это они чертят полоски, оставляя след для курочек. Разгар токования достигает мая, когда происходят столкновения петушков за владение участком. Курочка обычно гуляет где-то рядом, отзываясь на музыкальные призывы петушка, который короткими перелетами контролирует территорию и громкими хлопками сообщает о своем местонахождении.

Надо помнить, что рябчик моногамен, образуя устойчивую пару, поэтому для них токование означает для петушка ухаживание за курочкой, а также готовность защищать свой участок от непрошенных гостей. Я считаю, что охота весной на рябчика - это преступление, ибо петушок теряет осторожность, часто присаживаясь на открытом месте и принимая различные позы для своей красавицы.

Рябчик сугубо лесной житель, но предпочтение отдает лесам смешанного типа по долинам рек, холмов и оврагов. Любит березу, ольху, рябину, ель, захламленные валежником перелески, увлажненные лесные поляны и участки старых гарей. Питается клюквой, калиной, рябиной, малиной, брусникой, черникой, голубикой. Не любит кочевать, кружится в одном и том же районе в поисках корма. Весной и летом блуждает по кромкам смешанных лесов, к осени улетает на ягодники, а к зиме перебираются к елово-сосновым лесам, тяготея к долинам рек и ручьев.

Свист петушка протяжный, очень тонкий, длящийся несколько секунд, иногда напоминает писк синицы. Писк состоит из пяти-семи колен: двух-трех протяжных, трех-пяти коротких - тиии тии-тирири-тити или тии...ти...тити-тирири - рить. Вариации бывают разные - аганские, ваховские, самотлорские, сороминские или ещё какой нибудь местности. А курочка вежливо отвечает ему - тии-ууу-ти или тии-тиу-титит, а может быть, тиии-тииююи-тии.

При опасности курочка подаёт голос выводку «тититититикиуль-кюль-кюль-кюль-кюль-кюль». При внезапной опасности слышится отрывистое «тк-тк-тк», а курочка на земле и в воздухе пытается обратить внимание врага на себя и отводя его от семейства. Среди ветвей тревожась за выводок она может подать сигнал предупреждения «трюю...трюю...трюю».

Когда проходит опасность и чтобы собрать всех рядом самочка посвистывая «пи-пи-пии или ти-ти-тии».

В сентябре выводки обычно распадаются, некоторые держатся вместе ещё до конца октября. К началу токования рябчики разбиваются на пары, ищут свободные территории, готовясь к зиме. Кормятся ягодами, постепенно переходя к веточному корму. В холодное время уходят под снег.

Рябчик очень чуток к человеку и издали слышит его. При этом он уходит лешком либо затаивается на земле или на дереве, пережидая опасность, с шумом взлетая в последний момент. Полет его быстрый, ловко меняет направления, бесшумно планируя на расставленных крыльях между деревьями. Вспугнутая птица отлетает метров на пятьдесят, и садится на высоте от четырёх до семи метров, где затаивается и долгое время сидит неподвижно, лишь слегка поворачивая голову. Желательно в это время иметь бинокль и не делать резких движений.

097762010

Государственная библиотека Югры

